Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ФГБОУ ВПО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

№ 1 (33) 2012

Хабаровск, 2012

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Ministry of Transportation
of the Russian Federation

The Russian Rectors' Union

Council of Rectors of Higher Educational
Institutions in the Far Eastern
Federal District

State Educational Institution of Higher
Professional Education
«Far Eastern State Transportation
University»

THE HUMANITIES
AND SOCIAL STUDIES
IN THE FAR EAST

Research-theoretical journal
published since January 2004
issued quarterly

№ 1 (33) 2012

Khabarovsk, 2012

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К.И. Воробьева, М.А. Ковальчук, Л.П. Лазарева, Р.Л. Лившиц,
О.А. Рудецкий (ответственный секретарь), Н.Е. Мерецкий,
С.В. Пишун, З.Г. Прошина, В.В. Романова,
Е.Н. Спасский (заместитель главного редактора), А.М. Шкуркин

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ларри Смит (США), Нобуюки Хонна (Япония), Чжан Байчун (Китай),
Кальво-Мартинез Тома́с Мариано (Испания), Кэрол Джой Макрае (Австралия)

РЕДАКТОР ВЫПУСКА

М.А. Ковальчук

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

А.С. Волков (web-мастер), Е.В. Листопадова (технический секретарь),
Т.Н. Тагирова (переводчик)

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ

Печатается по решению Совета ректоров вузов Дальневосточного Федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ

ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный
университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ №77-16283 от 29 августа 2003 г.
Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,
тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Y.M. Serdyukov

EDITORIAL BOARD

C.I. Vorobyova, M.A. Koval'chuk, L.P. Lazareva, R.L. Livshits,
O.A. Rudetsky (executive secretary), N.E. Meretsky, S.V. Pishun, Z.G. Proshina,
V.V. Romanova, E.N. Spassky (deputy editor), A.M. Shkurkin

INTERNATIONAL EDITORS

Larry E. Smith (USA), Nobuyuki Honna (Japan), Zhang Baichun (China)
Calvo-Martinez Tomás Mariano (Spain), C. Joy McRae (Australia)

MANAGING EDITOR

M.A. Koval'chuk

EDITORIAL STAFF

A.S. Volkov (web-design), E.V. Listopadova (technical secretary),
T.N. Tagirova (translators)

Research-theoretical journal is published on the decision
of the Council of Rectors of Higher Educational Institutions
in the Far Eastern Federal District № CR/FEFD-54a of October 9, 2002

FOUNDER

State Educational Institution of Higher Professional Education
«Far Eastern State Transportation University»
47, office 262, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021
Media Registration Certificate PE №77-16283 of August 29, 2003
Editorial office address: 47, office 262, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021
Phone/fax: (4212) 40-71-93
E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Ковальчук М.А. Предисловие....10

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА (к 180-летию издания Свода законов Российской империи)

Гинс Г. Свод законов....11
Новицкая Т.Е. Статус императора в эпоху «дворцовых переворотов» (середина XVIII века) 14
Смыкалин А.С. Проблемы взаимоотношений российского государства и русской православной церкви: историко-юридический аспект (1917–1941 гг.) 23
Козлихин И.Ю. Еврейское право 33
Кодан С.В. Свод законов Российской империи в государственно-правовом развитии России (1820-е – 1850-е гг.)....42
Ковальчук М.А. Правовой статус железных дорог Российской империи (XIX – начала XX вв.) 54
Зипунникова Н.Н. Образовательно-научное пространство Российской империи: идеология, управление, правовое регулирование....62
Морозов С.А. Особенности правового положения иностранцев в России в XIX – начале XX вв. 68
Сазанкова О.В. Роль Правительствующего сената Российской империи как высшего судебного органа в развитии правового регулирования общественных отношений в конце XIX – начале XX вв. 72
Хридина Н.А. Организационно-правовые основы военного положения в СССР в период Великой Отечественной войны 78
Чесноков И.В. Деятельность наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке в период Русско-японской войны (1904–1905 гг.) 82

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Филонов С.В. Даосская концепция жизни. 86
Алёхин Е.В. Проблемы противодействия деятельности экстремистских сообществ в Дальневосточном регионе....97
Борисова У.С. Особенности этнокультурной идентификации студентов Саха. 101
Бучко Н.П. Политические воззрения офицеров антибольшевистских вооружённых формирований в Сибири и на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны в России. 109
Вакуленко О.Б. Общинное землепользование в амурской деревне начала XX века. 115
Гареева И.А. Динамика изменения отношения населения к системе здравоохранения (на примере Хабаровского края). 119
Забияко А.А. Роль архивных маргиналий в текстологической практике исследования литературы дальневосточного зарубежья. 124
Иванова К.А. Типы приветствий современного китайского языка....131
Крюков И.В. Деятельность Российского Общества Красного Креста по подготовке младших и средних медицинских кадров на Дальнем Востоке РСФСР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 137
Ляхов Д.А. Модель политического устройства Белого Приморья (май 1921 – июнь 1922 гг.). 142
Макуха Н.А. Влияние строительства КВЖД и образования Квантунской области на приграничные российско-китайские отношения в конце XIX – начале XX вв. 148
Менделев Н.Г. Некоторые проекты социального развития коренных малочисленных народов Севера Дальнего Востока и современная практика их реализации....155
Романова В.В., Мамаева Т.Г. Благотворительная деятельность российских предпринимателей в Харбине (I пол. XX в.)....161
Савченко С.Н. О финансовой и военной помощи союзников дальневосточным атаманам весной-летом 1918 г....167

Сокольская М.В. Динамика личностного здоровья в процессе становления профессионала (на примере профессионалов Дальневосточного региона) 173
Тесельская И.П. Кадры железнодорожников Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. 178
Толкачёва Н.В. Характеристика основных периодов российской историографии истории Камчатки (проблемы присоединения, освоения Камчатки и истории её народов). 184
Демченко С.Г. Формирование гендерной культуры у студентов как фактор гуманизации образовательной среды аграрного вуза (на материале Дальневосточного государственного аграрного университета) 192

ПОЛЕМИКА

Герасименко А.П. Злоключения юриспруденции в России. 197
Ковальчук А.М. Ответ пессимисту. 206

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Забровская Л.В. Рецензия на монографию Б.И. Ткаченко «Восточная граница между Россией и Китаем в документах и фактах» 211

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 215

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ 216

CONTENTS

MODERN PROBLEMS OF THE THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW (In commemoration of the 180th anniversary of the Code of Laws of the Russian Empire)

Guins G.C. The Code of Laws 217
Novitzkaya T.E. Status of the Emperor during the Epoch of the "Palace Reshuffle" (Middle 18th Century) 217
Smykalin A.S. Problems of relationships between the Russian State and the Russian Orthodox Church: Historical Legal Aspect (1917–1941) 218
Kozlikhin I.Y. Jewish Law 218
Kodan S.V. The Code of Laws of the Russian Empire in the State-Legal Development of Russia (1820–1850) 219
Koval'chuk M.A. Legal Status of the Railways of the Russian Empire (19th – beginning of the 20th centuries) 219
Zipunnikova N.N. Educational-Scientific Sphere of the Russian Empire: Ideology, Administration, Legal Regulation 220
Morozov S.A. Specific Features of the Legal Status of Foreigners in Russia in the 19th –beginning of the 20th centuries 220
Sazankova O.V. The Role of the Governing Senate of the Russian Empire as the Supreme Judicial Body in the Development of Legal Regulation of Public Relations in Late 19th – Early 20th century 221
Khridina N.A. The Organizational-Legal Foundations for Martial Law in the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945) 221
Chesnokov I.V. Activities of the Governor-General of His Imperial Majesty in the Far East during the Russo-Japanese War (1904–1905) 222

THE PROBLEMS OF THE FAR EAST

Filonov S.V. The Taoist Concept of Life 223
Alyokhin E.V. Problems of Counteraction against Criminal Extremism in the Russian Far East 223
Borisova U.S. Specific Features of the Ethnic-Cultural Identification of Sakha Students 224
Buchko N.P. The Political Opinions of Anti-Bolshevik Officers in the Armed Forces in Siberia and the Far East during the Civil War in Russia 225
Vakulenko O.B. Community Land Management in the Amur Village at the Beginning of the 20th Century 226
Gareeva I.A. Dynamics of Change of the Attitude of the Population towards the Health-Care System (Based on the Example of the Khabarovsk Kray) 226
Zabiyako A.A. The Role of the Archival Marginality in the Textual Practice of Literary Study of the Far East Abroad 227
Ivanova K.A. Types of Greetings in the Modern Chinese Language 228
Krjukov I.V. Activity of the Russian Society of the Red Cross in the Preparation of Junior and Intermediate Medical Staff in the Far East of the RSFSR in the Great Patriotic War (1941–1945) 228
Lyakhov D.A. The Model of Political Organization of the White Primorie (May 1921 – June 1922) 229
Makuha N.A. The Chinese East Railway and Kwantung Area as Objects of Russian Chinese Border Relations in the Far East in the End of the 19th – Beginning of the 20th Centuries 229
Mendelev N.G. Some Projects for the Social Development of the Indigenous Peoples of the Far East and Contemporary Practice in their Realization 230

Romanova V.V., Mamaeva T.G. Charitable Activity of Russian Businessmen in Harbin (the First Half of the 20th Century) 230
Savchenko S.N. The Financial and Military Aid of the Allies to the Far Eastern Atamans in the Spring-Summer of 1918. 231
Sokol'skaya M.V. Dynamics of Personal Health in the Process of a Professional's Formation (for professionals of the Far Eastern region) 231
Tesel'skaya I.P. The Railway Cadre in the Far East during the Great Patriotic War (1941–1945).....232
Tolkacheva N.V. Characteristics of the Main Periods of Russian Historiography of Kamchatka History (Problems of Incorporation into Russia, Colonization and History of its Peoples).....233
Demchenko S. G. Formation of Students' Gender Culture as a Factor of Humanization of Educational Environment in Agrarian University (on the Example of the Far Eastern State Agrarian University) 233

AUTHORS GUIDELINES 234

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель, вашему вниманию предлагается очередной номер журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Выход в свет этого журнала приурочен к знаменательному событию в истории российского права – стовосьмидесятилетию опубликования Свода законов Российской империи. Это событие предопределило развитие отечественной юриспруденции, оказало огромное влияние на русскую государственность.

В этой связи, в тематическом разделе журнала представлены статьи ученых, работающим в области истории права и государства. Необычным является и то, что статьи современных авторов предваряет публикация небольшой заметки Г.К. Гинса. Она практически неизвестна современному читателю, так как появилась в свет в русском зарубежье в 1930-е годы. Заметка посвящалась Своду законов, столетний «юбилей» которого наши далекие соотечественники за рубежом сочли таким образом отметить. Вновь публикуя статью Г.К. Гинса, которая, безусловно, имеет научную ценность как свидетельство далекого прошлого, редакция надеется, что она создаст у читателей эмоциональную связь между прошлым и настоящим.

Разумеется, что авторы настоящего номера журнала не могли не дать свою оценку Своду законов. Этому непосредственно посвящена статья С.В. Кодана. Однако «юбилей» Свода является прекрасным поводом рассмотреть широкий круг проблем истории государства и права. Отличительной особенностью истории государства и права является то, что, обращаясь к прошлому, она стремится найти пути решения современных проблем юриспруденции с позиций историко-юридической науки. Но такой подход свойствен, по мнению редакции, всем публикациям, помещенным в настоящем тематическом разделе журнала.

Следует отметить еще два важных момента. Прежде всего то, что страницы журнала предоставлены не только ученым, имеющим уже солидный опыт работы в науке, но и молодым исследователям, которым еще предстоит сделать свои открытия в историко-правовой науке. Это значит, что интерес к историко-правовой науке не иссякает, что в нее идут все новые и новые исследователи. С другой стороны, мы отмечаем широкую авторскую географию публикаций – от Санкт-Петербурга до Хабаровска, что является одним из свидетельств интеллектуальной востребованности нашего издания в отечественном интеллектуальном пространстве.

К тематическому разделу журнала примыкают статьи, помещенные в разделе дискуссия. Несмотря на различие в подходах авторов к проблемам юриспруденции, их объединяет одно – глубокая заинтересованность в их разрешении.

Надеемся, что материал, опубликованный в данном выпуске, найдет заинтересованного читателя, который сможет использовать его в своих новых научных изысканиях.

М.А. Ковальчук, доктор исторических наук,
профессор кафедры «Теория и история
государства и права»
Дальневосточного государственного
университета путей сообщения
(г. Хабаровск)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
(к 180-летию издания Свода законов Российской империи)

Статья Г.К. Гинса, посвященная 100-летию ввода в действие Свода законов Российской империи, опубликована в ежегодном журнале русской эмиграции в Китае «Дни русской культуры» 1935 г. В статье дан авторский текст, без каких-либо изменений, но в современной орфографии с учетом реформы русской орфографии 1918 г., проведенной в Советской России. Данная публикация характеризует отношение русской эмиграции к Своду законов Российской империи, в лице одного из ее наиболее выдающихся представителей.

Публикацию и комментарии подготовил
доктор исторических наук М.А.Ковальчук

СВОД ЗАКОНОВ

Г.К. Гинс[1]

На книжных полках, среди старых книг, встречается время от времени мало внушительные по виду, полузабытые по содержанию однотипные тома Свода законов Российской империи.

Почтенный юбиляр должен был бы отпраздновать в этом году столетие своего существования[2]. Должен был бы, если б злополучная судьба не смела его вместе с империей.

[1] ***Гинс Георгий Константинович*** (1887–1971), окончил в Кишинёве гимназию с золотой медалью (1904 г.) и юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1909 г.). Был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию на кафедре гражданского права. В 1911–1913 гг. обучался в университетах Берлина, Гейдельберга и Парижа. С 1916 г. приват-доцент Санкт-Петербургского университета преподавал в Психоневрологическом институте. С 1909 г. служил в министерстве юстиции, в Переселенческом управлении, где занимался вопросами водного права (распределения оросительных систем) в Туркестане. Летом 1909 г. совершил командировку в Семиречье. С 1913 работал в канцелярии Главноуправляющего землеустройством и земледелием в должности чиновника особых поручений VI класса. После 1914 г. сотрудник управления делами Особого совещания по продовольствию, в этой же должности оставался и при Временном правительстве. Примыкал к кадетам. В январе 1918 г. переехал в Омск, где сотрудничал с Союзом кооперативных союзов Западной Сибири «Центросибирь». С мая 1918 г. член правления «Центросибири». Одновременно участвовал в антибольшевистской подпольной деятельности. С середины 1918 г. – управления делами Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства, затем – управляющий делами Временного Сибирского правительства в Омске, входил в состав его Административного совета. С осени 1918 и. д. экстраординарного профессора по кафедре гражданского права Омского политехнического института (с 1919 – Омский институт сельского хозяйства и промышленности). С октября 1918 товарищ министра народного просвещения Всероссийского правительства уфимской Директории. Сохранил этот пост в правительстве А.В. Колчака (с ноября 1918). С декабря 1918 г. товарищ министра иностранных дел. С апреля 1919 г. член Совета Министров с освобождением от должности товарища министра иностранных дел. С апреля по июнь 1919 возглавлял Государственное экономическое совещания. С августа того же года по январь 1920 г. главный управляющий делами Верховного правителя и Совета министров. В 1920–1937 гг. экстраординарный профессор Юридического факультета в Харбине. В 1926–1928 гг. заместитель декана Юридического факультета. В 1925–1937 гг. преподавал одновременно в Педагогическом институте Харбина. В 1937–1939 гг. преподаватель Северо-Маньчжурского университета, с 1937 г. – Харбинского коммерческого института. Работал в правлении КВЖД: с 1921 начальник канцелярии правления, в январе 1923 г. – мае 1926 г. – главным контроллёром. Работал в Харбинском муниципалитете. Один из основателей предприятия «Русско-маньчжурская книготорговля». Член Биржевого комитета Харбина. Летом 1941 г. уехал к сыновьям в Сан-Франциско. Редактировал газету «Русская жизнь». В 1944–1945 гг. сотрудник информационного агентства объединенных наций (UNNRA) в Вашингтоне. В 1945–1954 гг. преподавал русскую историю и советское право в Калифорнийском ун-те в Беркли (1945–1954). В 1955–1964 гг. сотрудник русской редакции радиостанции «Голос Америки». Жена – Эмилия Львовна (1888 – после 1941). Дети: Всеволод и Сергей. [ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 4459].

[2] Свод законов российской империи был напечатан в 1832 г. и царским указом от 31 января 1833 г. вступал в законную силу как нормативный акт с 1 января 1835 г. По этой причине журнал «День русской культуры» за 1935 г. был посвящен 100-летнему юбилею Свода законов Российской империи.

Время от времени кто-нибудь протягивает руку к этим реликвиям старой России и, поглядев на один или другой том, с тем почтением и покровительством, с которым относятся молодые полные сил люди к одряхлевшим и числящимся в отставке сановникам, вновь водрузят его на старое место, подумав иногда, не пора ли уже освободить это место для современных и практически полезных книг.

А между тем Свод законов – это замечательный памятник русской государственности, хранящий в себе мудрость веков и отражающий в себе в деталях историческую уже Россию XIX веке, и те, кто жил и работал по Своду законов, сохранят к нему почтительность до конца жизни.

Свод законов нельзя выдумать. Он рождался постепенно как «твердь и видимое небо» из хаоса. Сначала создаются различные законы, они нагромождаются одни на другие беспорядочно и бессистемно. Чтобы разобраться в этом, надо обладать большой памятью. Только после того, как создается система, и все законы приводятся в порядок и вводятся в эту систему, тогда только некий любознательный гражданин может овладеть познанием сложного механизма большого государства. Потребность в Своде законов ощущалась задолго до создания его. Императрица Екатерина II в Манифесте от 14 Декабря 1766 г. объясняла: «великое число узаконений по разным временам данных, также несовершенное различие между непременными и временными законами, а паче всего, что через долгое время и частые перемены разум, в котором прежние гражданские узаконения составлены были, ныне многим совсем неизвестен сделался»[3].

Свод законов Российской империи появлялся с большим искусством и большим пониманием задачи. Он сохранял слова старого закона: «…ибо в законе не столько изящество слога, сколько сила и важность его, а для важности древность драгоценны». Под каждою статьей указывалось, из каких указов она заимствована. Делалось это не только для сообщения статьям большей достоверности, но также и для того, чтоб облегчить их понимание. «Сии указания нужны, как верный путь к разуму закона, как способ к открытию причин его, как руководство к пониманию истинного его смысла в случае сомнений; они нужны как лучшая система использования – система основания не на мнениях и выводах произвольных, но на простом сличении двух форм одного и того же закона: первообразной и производной. Они охраняют связь между теми двумя формами, связь столь необходимую, что без нее расторгалось бы самое его единство».

Система свода легко запоминалась. Свод в его первоначальном виде распадался на восемь главных отделов, размещенных в 15 томах.

I. Основные государственные законы (том I, часть I).

II. Учреждения: а) центральные (т. I, ч. 2); б) местные (том II); устав о службе государственной (т. III).

III. Законы правительственных сил: а) Устав о повинностях (т. IV); б) Устав о податях и пошлинах (т. V); в) Устав таможенный (т. VI); в) Уставы монетный, горный и о соли (т. VII); г) Уставы лесной, оброчных статей и счетный (т. VIII).

IV. Законы о состояниях (т. IX).

V. Законы гражданские и межевые (т. X).

VI. Уставы государственного благочиния: а) Уставы духовных дел иностранных вероисповеданий, кредитный, торговый, о промышленности (т. XI); б) Уставы путей сообщений, почтовый, телеграфный, строительный, положение о взаимном страховании от огня, устав о сельском хозяйстве, положение о найме на сельские работы и о трактирных заведениях, устав о благоустройстве в казачьих селениях и о колониях иностранцев в Империи (т. XII).

VII. Уставы благочиния (законы полиции): а) уставы о народном продовольствии, об общественном призрении и врачебный (т. XII); б) уставы о паспортах и беглых, цензурный, о предупреждении и пресечении преступлений, о содержании под стражей, о ссыльных (т. XIV).

VIII. Законы уголовные (т. XV).

Впоследствии в 1892 г. к Своду был присоединен еще один – XVI том, в который вошли Судебные уставы (Учреждения судебных Установлений, Устав гражданского судопроизводства, Устав уголовного судопроизводства, Положение о нотариальной части).

Исследователи Свода уже не раз убедительно доказывали, что граф Сперанский[4], составляя некоторые части Свода, не раз отступал от прошлого и контрабандою, скрывая свое самостоятельное творчество, не умея его подавить, вводил в Свод новшества, которые считал совершенно необходи-

[3] Автор ссылается на манифест Екатерины II о созыве Уложенной комиссии, целью которой было выработка нового уложения, подобному Соборному Уложению 1649 г. Полный текст Манифеста см.: Об учреждении в Москве комиссии для сочинения проекта Уложения, и о выборе в оную депутатов. 1766. Декабрь, 14. № 39402 // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XVII. 1765–1766. СПб., 1830.

[4] Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839), русский государственный деятель, граф, сыгравший главную роль в составлении Свода законов Российской империи.

мыми. Особенно посчастливилось в этом отношении Законам Гражданским, более часто именуемым «десятым томом». Чтобы скрыть новшества, Сперанский прибегал порою к искусственным ссылкам на старые законы, в которых исследователь тщетно пытался бы найти тождественное содержание.

Но в целом свод был обработкой и упрощением бесформенной груды старых законов, которые вошли в первое полное Собрание законов, изданное в 1830 г. в сорока пяти объемистых томах.

Для историка русского права Императорского периода эти два монументальных памятника государственного строительства останутся навсегда незаменимым источником и руководством. Но они нужны будут не только для историка. Будущий законодатель будет учиться по ним языку, строению и форме закона. Он найдет также в своде множество ценнейших, практичных и мудрых положений и множество деталей, которых нельзя самому придумать, потому что их подсказывала жизнь, на протяжении столетий выдвигавшая перед законодателем различные практические вопросы.

«Свод Законов» жил и рос вместе с государством. Время от времени выходили Приложения к Своду законов, заключавшие новые законы и указывавшие изменения, которые должны были вноситься в Свод. Время от времени выходили новые издания отдельных томов Свода. Некоторые вышли уже во время войны.

Для пополнения и переработки отдельных частей Свода существовало в Российской империи учреждение – Государственная канцелярия. Там сидели изумительные знатоки законодательства и редкие мастера законодательной техники.

Мне приходилось бывать в междуведомственных совещаниях, которые происходили в уютном кабинете Мариинского Дворца, под представительством статс-секретаря Безобразова[5]. За овальным массивным столом, на мягких бархатных креслах сидели видные юристы и опытные чиновники и с большой осторожностью обсуждали и разрешали вопрос, какие статьи могут быть исключены из нового издания отдельного тома Свода и какие лучше поместить новые законы, дополнявшие и изменявшие старые. Производилась работа омоложения Свода законов.

Техника законодательства и кодификация составляет особое искусство, не всем доступное. Иной раз вопрос внести ли статью в текст или перенести ее в примечания составлял предмет серьезных обсуждений, как равно и вопрос о каком-либо техническом выражении, однообразии в терминологии, порядке расположения материала.

Мастеров уже нет, но памятник их сложной работы остался, и Свод законов не утратил своего значения для будущего как справочник и образец. Не раз в Петербургских канцеляриях спешно, течение одного двух дней сочинялись большие проекты новых законов. Даже высокое начальство поражалось быстротою работы чиновников Министерства. Для знающих людей секрет был прост. Кто владел техникою, тот всегда шел по пути, проложенному старым законом. Надо было найти образец. Остальное становилось уже нетрудным: новый рисунок на готовой канве, иногда с некоторыми необходимыми повторениями.

XX век не будет повторять XIX. Они различны по духу, но когда порядок в России установится, и жизнь ее войдет в спокойное русло, появится новый Свод. Для издания его будет, несомненно, полезен и старый Свод законов, бессмертное творение гр. Сперанского.

Профессор Г. Гинс.
Журнал «День Русской культуры»[6].
Харбин, 1935.

[5] Автор имеет в виду, вероятно, статс-секретаря Александра Михайловича Безобразова (1855–1931), одного из виновников развязывания Русско-японской войны («безобразовщина»).

[6] День русской культуры проводился ежегодно эмиграцией «первой волны», т. е. покинувших Россию после известных событий 1917 г. и Гражданской войны, и приурочивался ко дню рождения А.С.Пушкина (26 мая по новому стилю). Центрами торжества в Западной Европе был Париж, на Дальнем Востоке – Харбин. В 1920–1930-е годы Харбинский комитет помощи русским беженцам ежегодно издавал по одному номеру журнала «День русской культуры».

СТАТУС ИМПЕРАТОРА В ЭПОХУ «ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ» (СЕРЕДИНА XVIII ВЕКА)

Т.Е. Новицкая

Новицкая Татьяна Евгеньевна – профессор кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники.

Контактный адрес: tnov2001@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы наследия престола, попытки ограничения власти монарха, права монарха в области законодательства, управления, суда; значение коронации. Вступление на престол по традиции, установленной еще в середине XVI века, сопровождалось венчанием на царство. Венчание на царство как обряд, долженствующий показать божественность царской власти, сменился в XVIII веке коронованием. Начало было положено при Петре I, когда ему по прошению Сената и Синода было присвоено звание Отца Отечества, Императора и Великого. Процедура коронования, хотя и происходила в Троицком соборе, имела сугубо светский характер и миропомазанием не сопровождалась. Однако этого и не требовалось, поскольку царь был уже венчан на царство при вступлении на престол. Однако в дальнейшем при коронации следующих монархов сохраняются церковные обряды и, в частности, миропомазание. Автор согласен с мнением о том, что введение титула императора внесло изменения и в государственную символику, и в последующую процедуру коронации супруги Петра I Екатерины. Наиболее важные изменения происходили на идеологическом уровне. В результате принятия Петром I титула императора и дальнейшей коронации Екатерины русская сторона в ущерб собственным национальным представлениям соглашалась с европейским взглядом на прежний царский-цесарский титул как равный более низкому по рангу титулу короля. Тем самым обесценивалась идея византийской преемственности, не имевшая веса на Западе. Кроме того, принятие предложения Сената и Синода об изменении титулатуры монарха во многом отвечало теории общественного договора, получившей распространение в Западной Европе. Это в известной мере умаляло идею о божественном происхождении российского самодержавия, имевшего корни в Восточной Римской империи.

Ключевые слова: Россия, XVIII век, император, законодательство, наследие престола, коронация.

После смерти Петра I абсолютная монархия в России подверглась серьезным испытаниям. Как известно, становление этой формы правления у нас приходится на конец XVII – начало XVIII в. Петр I не только реформировал государственный аппарат, но и впервые в истории нашего законодательства закрепил права и привилегии абсолютного монарха. Однако абсолютизм, как любая авторитарная форма правления, требует, чтобы монарх являлся политическим деятелем. А вот этого о непосредственных преемниках первого российского императора сказать нельзя. И связано это совсем не с тем, что XVIII век впервые в истории нашего государства привел на российский престол женщин. До этого неоднократно бывали случаи, когда женщина фактически управляла государством, правда, выступала она в качестве регента наследника престола. Княгиня Ольга правила за младенца Святослава, Елена Глинская – за Иоанна IV, даже в преддверии XVIII века царевна Софья, скрываясь за несовершеннолетними царями Петром и Иоанном, управляла государством.

У Петра I не оказалось достойных российского престола преемников. Екатерина I Алексеевна стала первой монархиней, венчанной на царство. Появление на российском престоле женщины, да еще с позиций морали не самой подходящей для этой роли (сначала любовница, потом жена при живой законной супруге, насильно постриженной в монахини, не русская – немка, не знатного происхождения), создавало крайне неустойчивое положение трона. Привести к власти нужное лицо – полдела. Важно на троне удержаться. Опора на русскую традицию в этом случае отпадала. Ссылка на европейский опыт (английский) могла привести к обратному результату. Петр I сломал многие традиции, делал это грубо, ссылался на авторитет Западной Европы и тем самым надолго усилил традиционное недоверие русских к иностранцам. Оставался один путь – поставить рядом с монархом некое государственное учреждение, которое бы выполняло функции главы государства, претворив в жизнь в буквальном смысле слова выражение «короля играет его свита». Этим органом стал Верховный тайный совет [3]. Истории России и ранее были известны случаи, когда рядом с главой государства, неспособным самостоятельно управлять страной, появлялся такой «помощник». Примечательно, что Иоанн IV, справедливо полагая, что его сын Федор Иоаннович не справится с царскими обязанностями, перед своей смертью составил завещание и отдал группе бояр попечение о своем наследнике и царстве [51: с. 290]. Знает история и то, что, как правило, завещания монархов редко исполняются.

Верховный тайный совет с начала своей деятельности попытался законодательно ограничить

власть монарха. В соответствии с «Мнением не в указ» или «Мнением Верховного тайного совета членов об учреждении в оном Совете дел и порядка оных в 13 пунктах состоящих, с изъяснением каждого из них», как этот документ был обозначен в черновом варианте, написанным самими членами Совета, императрица не могла без его участия ни законодательствовать, ни принимать решения в важнейших областях управления государством. Редакция отвергнутого Екатериной I пункта 3 была следующей: «Никаких указов прежде не выходит, пока оныя в Тайном Совете совершенно не состоялись, протоколы не закреплены и ея величеству для всемилостивейшей апробации прочтены не будут. И потом могут оныя по учиненному здесь определению действительного штацкого советника Степанова закреплены и разосланы быть». Пункт 9 устанавливал, что «дела, которыя в Тайном Совете обращатся иметь будут.

1. чужестранныя.

2. все те, которыя до ея императорского величества собственного высочайшаго решения касаютца» [38]. Екатерина полностью все пункты этого документа не подписала, но и не вмешивалась в работу Верховного тайного совета. Четыре года полулегального ограничения императорской власти Верховным тайным советом создали, видимо, у его членов уверенность, что и в дальнейшем этот статус сохранится. Попытка юридически ограничить власть монарха нашла отражение в ряде документов.

Как известно, ограничение самодержавия в России длилось недолго: 4 февраля 1730 г. верховники пишут Манифест, в котором одновременно извещается о смерти императора Петра II и о «всенародном» избрании на российский престол Анны Иоанновны, разрабатываются и подписываются Анной «кондиции», ограничивающие власть императрицы, а менее месяца спустя – 25–28 февраля, Анна принимает самодержавство и упраздняет (4 марта) Верховный тайный совет. Да и в названных хронологических рамках «кондиции» практически не действовали, поскольку сразу же начался процесс обсуждения в среде дворянства будущего государственного устройства. Тем не менее хотя условия вступления на российский престол Анны Иоанновны довольно хорошо известны, к пунктам «кондиций» придется периодически возвращаться. Можно отметить, что отношение свое к попытке ограничения власти императрица высказала почти сразу и весьма резко. Она расценивала это как «государства нашего уставам противных непорядков и замешаний, каковые недавно при вступлении нашем на престол происходили и которые вселюбезное наше отечество и государство во всеконечную погибель ввергнуть имели б» [5].

Итак, «кондиции», отменив право монарха назначать себе наследника престола, фактически вводили монархию выборную. «Кондиции» de jure не ограничивали законодательную власть российского монарха. Они не содержали нормы, передававшей Верховному тайному совету права принятия законов. Напротив, в «Манифесте о кончине блаженныя и вечнодостойныя памяти его императорскаго величества и о избрании на престол российской ее величества государыни цесаревны Анны Иоанновны» прямо указывается, что по поводу принятия присяги «от ея императорского величества указы выданы будут» [46: л. 9]. Если строго следовать тексту, «кондиции» лишили императрицу права самостоятельного ведения внешней политики, распоряжения финансами, существенно ограничивали исполнительную и судебную власть. А на случай недовольства и какой бы то ни было попытки воспротивиться условиям представленного соглашения главу государства могли без лишних слов убрать с престола. Однако реально, и это было ясно всем, включая саму Анну Иоанновну, верховная самодержавная власть уплывала из рук монарха. Страна переходила в полное подчинение восьми особ, назначенных когда-то либо Екатериной I, либо Петром II. Поскольку устанавливалось, что «…в знатные чины, как в стацкие, так и в военные.., ниже к знатным делам никого не определять» без согласия тайного совета, то последний получал прекрасную возможность, ни перед кем не отчитываясь и ни от кого не завися, сам себя пополнять новыми членами.

В рассуждении о формах правления известный русский ученый середины XVIII в. Ф.-Г. Дильтей называл хорошо известные XVIII в. три варианта: «…Верховная… власть трояким наипаче образом владетелям отдается; ибо оная или всему принадлежит народу и называется демократия; или оную некоторые первейшие содержат персоны, в коем случае называется аристократия; или от одной только зависит особы и именуется монархия. Последний сей и преславной правления род двояким образом до владетеля принадлежит: или по закону наследия, или избрания, оное владение есть наследное, а сие избирательное» [4]. Так, если руководствоваться формулировкой современника событий, от монархической формы правления Россия могла перейти к монархии, ограниченной аристократией.

28 февраля 1730 г. Анна Иоанновна подписывает Манифест о восприятии самодержавства, что было равнозначно восстановлению абсолютной монархии. Документ подчеркивает, что по приезде императрицы в Москву ее «верные подданные» по причине, о которой Манифест умалчивает, принесли присягу не только ей, но и государству. Однако очень быстро стало ясно, что после присяги «все»

верные подданные просили ее принять «самодержавство..., как издревле прародители… имели», поэтому и возникает решение о новой присяге, уже самодержавной монархине. Сопровождавшая Манифест форма клятвенного обещания (текст, распубликованный в 1731 г.) [47], практически полностью повторяла аналогичную присягу Петру II. Разве что в присяге Петра II содержалось положение, касавшееся будущих наследников престола. Однако Анна не замедлила принять по этому поводу специальный указ [15]. Представляется, что ключевой является фраза присяги, в которой за монархом признаются «принадлежащие права и преимущества узаконенные и впредь узаконяемые».

С позиций государственно-правовой науки XVIII в. права абсолютного монарха все же были не безграничны. Дильтей указывал: нельзя думать, что обладание высшей властью «делает власть от законов свободную». Ссылаясь на Плиния, ученый заключает: «Доброй государь… не выше законов, но законы выше доброго государя; и знак доброго государя есть тот, чтобы жить по законам. Но сие Плиниево мнение не просто, но с разсуждением принимать должно. Ибо не сей есть Плиниев разум, что государи своим законам, ради подданных уставленным, равно повиноваться должны – как и подданные. Но разумеет он, что законам Божественным, как естественным, так откровенным не меньше повиноваться одолжаются государи как их подданные. Что до законов политических, с законом божественным, естественным, и самим делом исполняемым, несогласных касается, и сии государей принадлежат. Ибо он за безчестие вменяет, быть и виновником того ж закона, и преступником. А что инако Плиния изъяснить не можно, и отсюду явно, что которыи законом неким обязаны, те и к исполнению закона принуждены быть могут. Но кто государям, никого вышшаго не имеющим, повелит? Кто им прикажет? Кто к хранению законов принудить дерзнет, когда они на земли вышей над собою никакой не имеют власти? Чего ради величество описано быть долженствует так: что оно есть с властию от инаго независящею связанное преимущество, основание имеющее на высочайшем законнаго владения достоинстве. Правá, от величества происходящия, или внутренния, или внешния называются: правá, называемыя внутренния, до верьховнаго владетеля в разсуждении граждан принадлежат и внутреннюю хранят безопасность, а употребляются в постановлении законов, в определении казней, в требовании доходов на государственныя нужды, в учреждении министров и магистратов, в размножении не меньше священных служб, как и коммерций» [4].

Законодательная власть монарха осуществлялась через принятие указов, отдаваемых как устно, так и письменно. Следует иметь в виду, что указами назывались и законодательные акты, и акты управления. Различие между ними иногда очень сложно обнаружить. Решение какого-то конкретного вопроса могло стать основанием для принятия решений по сходным проблемам в будущем. Поскольку монарх сосредоточивал в своих руках и законодательную, и высшую исполнительную власть, особого внимания на то, с законом или с актом управления имеет дело исполнитель, не обращалось. Например, трудно провести такую грань в Именном указе от 21 декабря 1725 г. «О Академии Наук» [52].

Известно, что после смерти Петра I монархи редко выступали в качестве самостоятельных законодателей. Они охотно переуступали законодательную работу соответствующим учреждениям. На этот путь встала уже Екатерина I. «В Верховном Тайном Совете, хотя при присудствии ея императорского величества, хотя и во отсудствии, крепить, что о чем определено будет, протоколы, резолюции, всем назначенным особам Верховного Тайного Совету», – устанавливал Именной указ от 8 февраля 1726 г. «О Верховном Тайном Совете» (текст, распубликованный в 1726 г.) [43]. В Именном указе от 7 марта 1726 г. «О должности Сената» [12] определялся порядок принятия именных указов при затруднении в решении судебных споров: «Разве такое дело случится, на которое нет ясных указов или какое новое и весьма важное, которое собственному нашему решению подлежит, о таком доносить нам в Верховном Тайном Совете, представляя свое мнение, и требовать резолюции». Аналогичный Указ был дан и Синоду: «А о которых духовных делах решения учинить будет им не можно, о том повелеваем доносить нам в Верховном Тайном Совете, представляя свои мнения» [13].

Однако полгода спустя после выхода Указа от 8 февраля 1726 г. был принят весьма показательный документ, свидетельствующий о попытке одного из верховников (надо полагать, А.Д. Меншикова) присвоить полномочие на принятие указов. Еще Именным указом от 10 мая 1723 г. Петр I установил порядок обнародования своих как письменных, так и устных указов [7]. Указы, состоявшиеся в каком бы то ни было государственном учреждении (Сенате, Синоде, коллегии), должны были быть записаны и посланы для сведения в остальные центральные учреждения. Однако то, что было удобно для Петра I, перестает работать при его преемнице. Именной указ от 10 августа 1726 г. говорит о том, что в Сенате и коллегиях появляются некие как устные, так и письменные указы, которые выдаются за именные и касаются отпуска денег и «прочих тому подобных» частным лицам [52].

Таким указам, не имеющим собственноручной подписи императрицы, предлагалось не верить, а впредь разрешалось вместо подписи императрицы подписывать указы всем членам Верховного тайного совета.

Упраздненный Верховный тайный совет сменился Кабинетом министров, «помогавшим» царице в законодательной деятельности. Сенату дозволялось принимать указы, только «сходственные» с именными. Может показаться, что речь идет о принятии Сенатом подзаконных актов, но Именной указ, объявленный генерал-фельдмаршалом графом Минихом, послуживший причиной для напоминания о правах Сената, был принят в связи с конкретным решением Правительствующего Сената, отправленным в Военную коллегию, о взятых на службу иноземцах [16].

Спустя пять лет после воцарения, Анна Иоанновна издала Именной указ от 9 июня 1735 г. «О принятии за именной указ только подписанный императорскою рукою или тремя кабинет-министрами» [17]. Этот Указ решал две проблемы: передоверие принятия законов кабинет-министрам и признание в качестве нормативных актов и актов управления только письменно оформленных указов. Однако столь кардинальное решение проблемы создало затруднения в управлении дворцовым хозяйством, которого кабинет-министры не касались. Так что через месяц пришлось сделать исключение для обер-гофмаршала и гофмаршалов. Бумажной волокиты императрица не любила, а хозяйство требовало принятия многочисленных распоряжений [18]. Перенесение центра тяжести в принятии законов в Кабинет министров заставило Сенат напомнить самому себе Указом, что он не может публиковать принятые указы без «апробации в Кабинете» [19]. Елизавета Петровна, как известно, упразднив Кабинет министров, не торопилась, подобно своему отцу, самостоятельно писать законы. В связи с этим в законодательном процессе должна была возрасти и возрастает роль Сената.

Начало царствования почти каждого из монархов «эпохи дворцовых переворотов» связано с раздачей милостей своим сторонникам. Устные и наспех записанные за Елизаветой Петровной указы Сенату вносили известную путаницу в деятельность государственных учреждений. 10 января 1743 г. [25] теперь уже Елизавета Петровна указывала: «От сего времени в Сенате никаких предложений, о чем бы они и от кого ни были, ни письменных, ни словесных, без письменных наших указов за нашею рукою в действо не производить». Однако к концу жизни Елизавета Петровна отозвала этот Указ [33].

Петр III в силу своего характера с первых дней царствования активно принялся законодательствовать. Настолько активно, что счел нужным законодательно закрепить правомерность отдачи устных распоряжений. В связи с этим 22 января 1762 г. был издан Именной указ Сенату «О непременном исполнении высочайших повелений, словесно объявляемых сенаторами, генерал-прокурором и президентами трех коллегий, и о представлении его величеству еженедельно точных копий с словесно объявляемых высочайших повелений с надлежащею отметкою об исполнении» [34]. Одновременно и Сенату напоминалось «о неиздании во всенародное известие без высочайшего утверждения указов, кои составляют или новый закон, или служат подтверждением преждеизданных» [36].

Традиционным для российского законодательства было уважение царствующего монарха к своим предшественникам. Однако и здесь были исключения. Свергнутых монархов старались забыть и законы их не вспоминать. В XVIII в. эта участь постигла императора-младенца Иоанна Антоновича. По вступлении на престол Елизавета Петровна очень жестоко обошлась с венценосной семьей герцога Брайуншвейг-Люненбургского. От объявленного сразу после дворцового переворота выдворения семейства за пределы России отказались, семья была переведена на жительство под арестом в Холмогоры, младенец отнят у матери, хотя и содержался в том же доме, и передан на воспитание, если так можно выразиться, офицеру. Ребенок не должен был знать ни своего настоящего имени, ни грамоты. Его вообще ничему нельзя было учить. Из оборота изымались монеты, выбитые в честь его вступления на престол [26]. Кратковременный период его царствования Елизавета Петровна именовала «правлением герцога Курляндского и принцессы Анны Брауншвейг-Люненбургской», имя императора Иоанна III (позднее уже историки нарекли его Иоанном VI) не упоминалось. Присяги на верность Иоанну, документы, вышедшие за его подписью, паспорта, абшиды и прочее подлежали изъятию и сожжению [28].

С желанием вычеркнуть из истории все, что относилось к кратковременному царствованию Иоанна Антоновича, связан Именной указ от 12 декабря 1741 г. (текст, распубликованный в 1741 г.) [44]. Сенату предлагалось составить и представить императрице реестр указов «…которыя с состоянием сего настоящаго времени не сходны и пользе государственной противны» с объяснением, почему они подлежат отмене. В феврале 1745 г. в развитие Указа от 12 декабря 1741 г. Сенат своим указом запретил исполнение указов «бывших двух правлений», которые не были переутверждены Елизаветой [27].

И в последующие годы царствования Елизаветы Петровны с неизменным постоянством издава-

лись указы об уничтожении всего, что было связано с именем несчастного императора. Сенатский указ от 30 июля 1745 г. [29], «…состоявшийся в подтверждение преждеутвержденных указов», дает представление о порядке уничтожения «вещественных доказательств» царствования Иоанна Антоновича. Собранные со всего государства документы по Указу Елизаветы, «кои в Москве, на Ивановской площади, а кои в Санктпетербурге, те перед коллегиями на Васильевском острову», «с барабанным боем публично» сжигались. Тот, кто имел документы, так или иначе связанные с именем свергнутого монарха, обязан был сдать их, подлежали возвращению и медали, раздававшиеся при погребении Анны Иоанновны, на которых было выбито изображение «принца Иоанна». Однако все, что касалось царствования Иоанна Антоновича, реально уничтожить было невозможно, и Сенат вносит некоторые разъяснения. Нерешенные дела и указы за титулом «принца Иоанна», как уточнял Сенатский указ от 12 августа 1745 г. [30], следовало «запечатать» и отправить в Тайную канцелярию, а при необходимости выписок из документов переписывать, но уже не включая титулов.

20 сентября 1749 г. вышел новый Именной указ на ту же тему [50]. «В подтверждение прежних указов о взносе для продолжения в Сенате и Сенатской канторе состоявшихся в бывшия правления манифестов, присяг и протчаго, также вершеных и невершеных дел за известным в них титулом и о протчем», – так был озаглавлен документ в реестре указов за 1749 год. Указ детализировал, какие документы подлежат изъятию, акцентировал внимание на церковных книгах, вспоминал о Манифесте от 17 декабря 1731 г. Анны Иоанновны о назначении наследника престола и присяги, учиненные по поводу этого документа, что лишь в принципе решало вопрос о наследнике престола, а также все документы и присяги, касавшиеся уже непосредственно Иоанна Антоновича. Указ возлагал ответственность за неисполнение не только на частных, но и на должностных лиц, в чьем ведомстве были бы обнаружены интересующие Елизавету документы. Спустя чуть более полугода, 27 апреля 1750 г., выходит еще один Сенатский указ на ту же тему [31]. В связи с обнаружением в Синодальном ведомстве книг, содержащих «известный титул», 20 августа 1754 г. Сенат снова издал «наикрепчайший» Указ об изъятии таких листов [32].

Вступивший на российский престол после смерти Елизаветы Петровны Петр III, хотя и был известен некоторым сумасбродством (в частности, есть указания на его поездку и свидание с «русской железной маской», которое длилось чуть ли не 6 часов), тем не менее, все же продолжил политику своей тетки. Сенатский указ вследствие Именного, объявленного генерал-прокурором Глебовым [35], требовал сжечь все подлинники дел и протоколов Сената, относившихся к царствованию Иоанна. Правда, Указ предписывал прежде составить копии документов.

В течение всего XVIII в. российских монархов не оставляла идея осуществить кодификацию законодательства и принять новое Уложение. Как известно, для этой цели периодически созывались комиссии, к работе которых привлекались представители различных сословий. Проводились и промежуточные мероприятия, связанные с инкорпорацией. О порядке разработки новых указов Петр I дал очень подробные рекомендации [6; 7; 10]. Однако работа эта дала мало результатов.

С одной стороны, делопроизводство было весьма запутанным. Вот как описывает ситуацию Сенатский указ 1724 года: «Понеже в Контору Сената из коллегий, из канцелярий, из губерний и из провинций на каждый посланный из Сената указ доношения и ответы не присылаются, а присылаются о разных делах; к тому ж в рапортах, которые надлежали присланы быть только о получении и что исполнением чиниться будет, примешивают другие дела и по оным свои требования, а на каждый порознь; и от того в Сенате в делах помешательство» [9]. С другой стороны, исполнители, вплоть до сенаторов, сами не знали и подчас даже игнорировали законы. Император пытался вразумить своих государственных служащих, даже подписал 22 января 1724 г. Указ «О важности государственных уставов и о неотговорке судьям неведением законов по производимым делам под опасением штрафов» [8]. Однако ко времени его кончины существенных улучшений в этой сфере не наблюдалось.

Традиционно болезненной и важной проблемой были государственные финансы. Сфера финансов обманывала как законодательство, прежде всего, в области регулирования налогообложения, монетного дела, бюджета, так и само управление этими процессами. «Кондиции» запрещали Анне Иоанновне самостоятельно расходовать государственные доходы. Этот последний пункт «кондиций» имел отнюдь не второстепенное значение. Данное полномочие активно использовалось. Например, попытка Сената проконтролировать расходование государственных средств дворцовыми ведомствами была пресечена Высочайшей резолюцией на доклад обер-шталмейстера князя Куракина [22].

Особую роль играли судебные полномочия монарха. Они очень тесно переплетались с законодательными. Отсутствие кодифицированного законодательства, действие устаревших нормативных правовых актов, неурегулированность новых общественных отношений требовали довольно частого

привлечения главы государства к рассмотрению судебных дел. Причем как в качестве суда высшей инстанции, так и при помиловании и амнистии.

«Кондиции», подписанные Анной Иоанновной, требовали от нее «у шляхетства живота и имения и чести без суда не отымать» (п. 5). Собственно говоря, расправы без суда и следствия в России не практиковались. Вряд ли верховники предполагали ввести в отношении дворянства правило, согласно которому их дела рассматривались бы только в состязательном процессе. За монархом традиционно сохранялось исключительное право помилования и амнистии. О первом имеется специальное упоминание в п. 16 Инструкции Канцелярии конфискации [49]. Инструкция обращала внимание судебных органов на то, что они обязаны осуществлять правосудие в соответствии с действующим законодательством. Эта древняя истина была вновь торжественно провозглашена в Манифесте от 23 октября 1740 г. «О поступании в управлении всяких государственных дел по регламентам, уставам и прочим определениям и учреждениям» [20]. Амнистия, как правило, сопровождала вступление монарха на престол [21].

Законодатель определял и некоторые требования, предъявляемые к российским самодержцам. Так, в Тестаменте Екатерины I Алексеевны [14] устанавливалось, что «…никогда Российским престолом владеть не может, который не Греческого закона или кто уже другую корону имеет».

Как известно, Петр I, законодательно определив порядок наследования престола, сам не воспользовался правом назначить себе преемника. Однако Манифест от 28 января 1725 г. [52] о кончине его императорского величества, опираясь на факт коронации Екатерины в 1724 г. самим усопшим императором, провозгласил вдову наследницей престола. Взошедшая на престол при поддержке гвардии, она первая из российских монархов по официальной версии оставила завещание, или тестамент, в котором была определена судьба российского престола. Тестамент, опубликованный в Полном собрании законов Российской империи, – документ явно недоработанный: в нем отсутствует важнейшее положение о моменте совершеннолетия монарха (п. 3), имеется описка при определении размера приданого (п. 9). Тестамент составлялся перед самой смертью императрицы. Было ясно, что наследником престола станет подросток, внук Петра I Петр Алексеевич.

Тестамент, предоставляя «полную власть правительствующего самодержавного монарха» регентам, исключал из их полномочий право определения наследника престола, в том числе и в случае кончины Петра II без наследников. В п. 8 Тестамента устанавливалось, что тогда престол переходит к цесаревне Анне и ее «десцендентам», а «по ней» – к цесаревне Елизавете и ее наследникам, затем должна наследовать престол великая княжна (под которой могла пониматься старшая сестра Петра II) и ее наследники. Этот пункт Тестамента противоречил статье 2 Трактата от 24 ноября 1724 г. [11], заключенного в Санкт-Петербурге между императором Петром I и Голштинским герцогом Карлом Фридрихом, о супружестве его с цесаревной Анной Петровной. Статья устанавливала, что «принцесса… Анна отрекается силою сего… за себя, своих наследников, десцендентов и потомства мужеска и женска пола от всех прав, требований, дел и притязаний, какое б они ни имели,… на корону и Империум Всероссийский и все оного статы, княжения, провинции и земли нынешние и впредь будущие по наследству или инако когда получить и учинить могли… безо всякого изъятия». В случае брака Елизаветы Петровны с герцогом Шлезвиг-Голштинским, скорее всего, был бы заключен аналогичный трактат.

Тестамент установил очереди наследования престола. Наследие престола мало чем отличается от общего порядка наследования недвижимого имущества: завещание Екатерины устанавливало, что «мужеска полу наследники пред женским предпочтены быть имеют» (п. 8). Поскольку прямых нисходящих наследников мужского пола у цесаревича Петра Алексеевича могло до его совершеннолетия и не появиться. Тестамент оговаривал очередность наследования по женской линии, придерживаясь порядка наследования по закону.

В Манифесте, или объявлении о кончине ея императорскаго величества, великой государыни Екатерины Алексеевны, от 7 мая 1727 г. [52] в качестве основания перехода престола Петру II называются Именной указ «О праве наследия престолом» (поименованный в Манифесте как Устав) и Тестамент Екатерины I. В тексте присяги, к которой приводились подданные, тоже имеется ссылка на Тестамент как на основание для вступления на престол всероссийский нового императора. Присягали в верности не только Петру II, но и его наследникам, «…которые по соизволению и самодержавной ему от Бога данной императорской власти определены и впредь определяемы и к восприятию престола удостоены будут…». Таким образом, присягали и в том, что в случае, если он умрет без наследников до совершеннолетия, то на престол последовательно претендуют его тетки, а затем уж «великая княжна». Однако Манифест вносил новую ноту, говоря не только об уже определенных наследниках, но и о тех, которые *впредь* будут определены. Слова «впредь определяемы и к восприятию престола удостоены будут…» дают возможность полагать, что по достижении совер-

шеннолетия монарх и сам мог назначить своих наследников.

Ранняя смерть императора Петра II должна была бы вызвать необходимость обратиться к соответствующим пунктам Тестамента для определения наследника престола. Однако, как явствует из Протокола заседаний Верховного тайного совета от 19 января 1730 г. [3: с. 118–120; 37], об этом законодательном акте даже не вспоминали. Когда император «в вечное блаженство… от[ъ]иде», Верховный тайный совет, генералы-фельдмаршалы, духовный Синод, а также представители Сената и генералитета, которые в это время «случились» во Дворце, «имели разсуждение о избрании кого на росиской престол». В связи с пресечением мужского колена рода Романовых было решено пригласить на престол дочь старшего брата Петра I Иоанна Алексеевича Анну. Одновременно общественность ставилась в известность о составлении неких «кондиций», которые были направлены претендентке на российский престол для подписания.

Первое же условие «кондиций» верховников еще до пунктов, перечисляющих ограничения власти монархини, перечеркивало Указ Петра I «О праве наследия престолом» [2: с. 61]: «Наследника ни при себе, ни по себе никого не определят[ь]». Восстановив самодержавие, Анна Иоанновна первым делом законодательно, Манифестом от 17 декабря 1731 г., и присягой населения подтвердила свое право назначать наследника престола. Эта акция особенно интересна, поскольку персонально наследник престола определен не был. Рождение наследника сразу же позволило издать 5 октября 1740 г. Именной указ «О наследии» [40]. Наследником назначался внук императрицы: сын ее племянницы Анны Леопольдовны и принца Брауншвейг-Люненбургского Антона Ульриха. На случай же ранней смерти наследника престола (что вполне могло случиться) «…перваго по нем принца, брата его от вышеозначенной нашей любезной племянницы ея высочества благоверной государыни принцессы Анны и от светлейшаго принца Антона Улриха герцога Брауншвейг Люненбургскаго раждаемаго, а в случае и его преставления других законных из того же супружества раждаемых принцов всегда перваго таким порядком, как выше сего установлено».

Дворцовый переворот, в результате которого на престол взошла Елизавета Петровна, вновь поставил проблему наследия престола. Первым же Манифестом [41], изданным в народ 25 ноября 1741 г., от лица Елизаветы Петровны очень дипломатично было заявлено, что «при кончине» Анны «наследником всероссийскаго престола учинен внук ея величества», грудной младенец. Не осуждая выбора своей предшественницы (Елизавета Петровна в своих указах ее именует сестрой), вступившая на престол по «единогласной» просьбе «как духовнаго, так свецкаго чинов» верных подданных, «а особливо лейбгвардии», новая царица указывала на «произшедших и впредь опасаемых беспокойств и непорядков», заставивших ее взять престол. Но в данном же Манифесте прозвучали и слова о том, что она является «по крови ближняя отеческий наш престол», «по близости крове к самодержавным нашим вседражайшим родителем государю Императору Петру Великому и государыне Императрице Екатерине Алексеевне». Примечательно, что в первом объявлении, сделанном «на скорую руку», полностью отсутствует даже намек на Тестамент Екатерины I, нет отрицания законности передачи власти Иоанну Антоновичу, а единственным поводом к принятию (а точнее к отнятию) власти названы «нестроения», наступившие после передачи престола младенцу, поскольку люди, правившие от его имени, плохо справлялись.

Однако через три дня, 28 ноября 1741 г., публикуется второй Манифест с «…обстоятельным изъяснением ближайшего и преимущественного права ее величества на императорскую корону» [42], где уже приводятся правовые основания переворота. Установленный Тестаментом Екатерины I порядок наследия престола был нарушен приглашением на российский престол – «мимо» законной наследницы Елизаветы Петровны – Анны Иоанновны. Виновником этого назван Андрей Остерман, менее всего замешанный в деле приглашения на престол дочери Иоанна Алексеевича. Но так как он был единственным из оставшихся при власти из числа подписавших 4 февраля 1730 г. Манифест об избрании на престол цесаревны Анны и, что особенно важно, осуществил переворот, приведший на престол в качестве регента Анну Леопольдовну, то нарушение Тестамента и объяснялось его происками.

В Манифесте есть некое лукавство, когда дочь Екатерины Иоанновны, сестры Анны Иоанновны, и соответственно внучка старшего брата Петра I Иоанна объявляется не имеющей никакого отношения к престолу. Правда, с оговоркой, что Анна и Антон Ульрих все же имеют отношение к российскому престолу, а именно «к Императору ПЕТРУ второму по матерям свойствà». Манифест изобилует немецкими фамилиями и титулами, что имеет скорее психологический характер противопоставления русской обиженной цесаревны немецким узурпаторам престола. Ну, а заканчивается Манифест изложением намерения царицы свергнутых с престола узурпаторов власти «с подлежащею им честию и с достойным удовольствием» «всех их в их отечество всемилостивейшее отправить», что, однако, на деле оказалось жестокой ссылкой в Холмогоры. Оттуда

Анна Леопольдовна живой не ввернулась, а Иоанна Антоновича перевели в Шлиссельбургскую крепость, где он и погиб.

Законность, восторжествовавшая, по мнению Елизаветы Петровны, после ее вступления на российский престол, была несколько поколеблена самой же императрицей буквально на следующий год, когда она в нарушение Трактата от 24 ноября 1724 г. [11] назначила наследником престола сына своей старшей сестры Анны Петровны герцога Шлезвиг-Голштинского Петра [24]. Последний на момент подписания Манифеста (7 ноября 1742 г.) продолжал оставаться наследником шведского престола и протестантом. Задним числом, 12 ноября, было сообщено, что вслед за объявлением Петра наследником он в тот же день принял православие. Хоть на полдня, но это произошло *после* объявления его наследником престола. Еще одно препятствие было устранено и того позже: только 28 декабря 1742 г. шведские посланники передали Декларацию, или Обнадеживание о признании великого князя Петра Федоровича наследником всероссийского престола и о присвоении ему титула императорского высочества [24]. В документе указывалось, что даже шведский король, престол которого должен был занять в соответствии с законом и Трактатом Петр Федорович, «не был… известен о всех обстоятельствах объявления его [Петра] наследником всероссийского престола». Торопливость, с какой Петра «проводили» в престолонаследники показывает, что с действовавшими законами особо не церемонились. Однако здесь следует иметь в виду, что монарх был вправе изменять предшествующие законы. Елизавета Петровна, безусловно, признавала за собой это право. Назначив Петра Федоровича своим наследником, она торопилась укрепить свое положение на троне, создав хотя бы видимость продолжения династии.

Вступление на престол сопровождалось присягой подданных на верность новому монарху. Представляет интерес, кого подразумевал законодатель под «верными подданными», которые присягают в верности монарху. В Манифесте, или объявлении о кончине ея императорскаго величества, великой государыни Екатерины Алексиевны, от 7 мая 1727 г. [52] говорилось о людях «…как духовного, так воинского и гражданского всякого чина и достоинства». А вот в форме Указа Сенату, Синоду и первым трем коллегиям о повсеместном приведении подданных к присяге «великой государыне Императрице Анне Иоанновне и государству» от 21 февраля 1730 г. [39] дана уже иная формулировка: к присяге приводить «всех верных наших подданных, как д[у]ховных, так светских всякого чина людей, кроме кр[е]стьян». Таким образом, законодательно изъятие крестьян из числа подданных было закреплено одновременно с ограничением самодержавия. Манифест от 28 февраля 1730 г. [48.] о восприятии самодержавства от 28 февраля 1730 г. давал формулировку более широкую: «Все верныя наши подданныя, как духовныя, так и светския, в Москве присудствующия и по всей нашей Всероссийской Империи обретающияся». Однако чуть позже, 19 марта 1730 г., в Именном указе «О присяге» уточнялось: присягают «обретающиеся здесь жители и приезжие люди, какого бы оные звания ни были, российские и иностранные, кроме крестьянства» [47].

Вступление на престол по традиции, установленной еще в середине XVI в., сопровождалось венчанием на царство. Венчание на царство как обряд, долженствующий показать божественность царской власти, сменился в XVIII в. коронованием. Начало было положено при Петре I, когда ему по прошению Сената и Синода было присвоено звание Отца Отечества, Императора и Великого. Процедура коронования, хотя и происходила в Троицком соборе, имела сугубо светский характер и миропомазанием не сопровождалась. Однако этого и не требовалось, поскольку царь был уже венчан на царство при вступлении на престол. Но в дальнейшем при коронации следующих монархов сохраняются церковные обряды и, в частности, миропомазание.

Как справедливо отмечает О.Г. Агеева [1], введение титула императора внесло изменения и в государственную символику, и в последующую процедуру коронации супруги Петра I Екатерины. Наиболее важные изменения происходили на идеологическом уровне. В результате принятия Петром I титула императора и дальнейшей коронации Екатерины «…русская сторона в ущерб собственным национальным представлениям соглашалась с европейским взглядом на прежний царский-цесарский титул как равный более низкому по рангу титулу короля. Тем самым обесценивалась идея византийской преемственности, не имевшая веса на Западе» [1]. Кроме того, принятие предложения Сената и Синода об изменении титулатуры монарха во многом отвечало теории общественного договора, получившей распространение в Западной Европе, а это в известной мере умаляло идею о божественном происхождении российского самодержавия, имевшего корни в Восточной Римской Империи.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. *Агеева, О.Г.* Имперский статус России: к истории политического менталитета русского общества начала XVIII века / О.Г. Агеева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mubiu.ru/ogd/ISTORIA/11/Liter/114.pdf

2. Законодательство Петра I. – М., 1997.

3. *Курукин, И.В.* 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы / И.В. Курукин, А.Б. Плотников. – М., 2010.

4. Панегирик о прерогативах и правах, от торжественнаго коронования происходящих, в высочайший день коронации ея императорскаго величества государыни императрицы Елисавет Петровны самодержицы всероссийския, говоренный в университетской аудитории Филиппом Генриком Дилтеем, обеих прав доктором, курфишеской могунтинской академии полезных наук членом, прав и истории профессором и обеих московских гимназий инспектором, на латинском языке. Апреля 26 дня 1757 года. Переведен магистром Сергеем Поповым. Печатано при Императорском Московском университете.

5. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1-е. СПб., 1830 (Далее – ПСЗРИ). – Т. VIII. – № 5909.

6. ПСЗРИ. – Т. VII. – № 4347

7. ПСЗРИ. – Т. VII. – № 4383

8. ПСЗРИ. – Т. VII. – № 4436.

9. ПСЗРИ. – Т. VII. – № 4514.

10. ПСЗРИ. – Т. VII. – № 4547.

11. ПСЗРИ. – Т. VII. – № 4605.

12. ПСЗРИ. – Т. VII. – № 4847.

13. ПСЗРИ. – Т. VII. – № 4919.

14. ПСЗРИ. – Т. VII. – № 5070.

15. ПСЗРИ. – Т. VIII. – № 5509.

16.ПСЗРИ. – Т. IX. – № 6176.

17. ПСЗРИ. – Т. IX. – № 6745.

18. ПСЗРИ. – Т. IX. – № 6773.

19. ПСЗРИ. – Т. X. – № 7146.

20. ПСЗРИ. – Т. XI. – № 8262.

21. ПСЗРИ. – Т. XI. – № 8263.

22. ПСЗРИ. – Т. XI. – № 8386.

23.ПСЗРИ. – Т. XI. – № 8658.

24. ПСЗРИ. – Т. XI. – № 8691.

25. ПСЗРИ. – Т. XI. – № 8695.

26. ПСЗРИ. – Т. XI. – № 8712.

27. ПСЗРИ. – Т. XII. – № 9109.

28. ПСЗРИ. – Т. XII. – № 9133.

29. ПСЗРИ. – Т. XII. – № 9192.

30. ПСЗРИ. – Т. XII. – № 9197.

31. ПСЗРИ. – Т. XIII. – № 9740.

32. ПСЗРИ. – Т. XIV. – № 10277.

33. ПСЗРИ. – Т. XV. – № 11369.

34. ПСЗРИ. – Т. XV. – № 11411.

35. ПСЗРИ. – Т. XV. – № 11472.

36. ПСЗРИ. – Т. XV. – № 11558.

37. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). РГАДА. – Ф. 3. – Д. 6. – Лл. 1–3. Подлинник.

38. РГАДА. – Ф. 176. – Оп. 1. – Д. 13. – Лл. 2-об. – 5.

39. РГАДА. – Ф.176. – Оп.2. – Д.50. – Лл. 54-55. Подлинник.

40. РГАДА. – Ф. 248. – Д. 507. – Ч. II. – Лл. 205 – 205-об.

41. РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 5.

42. РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1. – Д. 18. – Лл. 7-8.

43. РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1. – Кн. 6. – Лл. 54-55.

44. РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1. – Кн. 18. – Лл. 23-24.

45. РГАДА. – Ф. 276. – Оп. 1. – Ч. 2. – Д. 2950. Д. 49. – Л. 16.

46. РГАДА. – Ф. 276. – Оп. 1. – Ч.2. – Д. 2950.

47. РГАДА. – Ф. 276. – Оп. 1. – Ч. 2. – Д. 2950. Д. 49. – Л. 16.

48. РГАДА. – Ф. 276. – Оп. 1. – Ч. 2. – Д. 2950. – Л. 9.

49. РГАДА. – Ф.286. – Оп.1. – Д. 111. – Л. 62.

50. РГАДА. – Ф. 294. – Оп.1. – Д. 162. – Лл. 82–83.

51. *Скрынников, Р.Г.* Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. В 2 томах / Р.Г. Скрынников. – Т. 2. – Смоленск, 1996.

52. Указы блаженныя и вечно достойныя памяти великой государыни Императрицы Екатерины Алексиевны и государя Императора Петра Втораго, состоявшиеся с 1725 генваря с 28 числа по 1730 год. Напечатаны по указу всепресветлейшей, державнейшей, великой государыни Императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы Всероссийской. При Императорской Академии Наук в Санкт-Петербурге 1743 года.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (1917–1941 гг.)

А.С. Смыкалин

Смыкалин Александр Сергеевич – профессор, доктор юридических наук, заведующий кафедрой «История государства и права» Уральской государственной юридической академии (г. Екатеринбург).

Контактный адрес: sea003@usla.ru

Статья посвящена актуальным проблемам взаимоотношений Русской православной церкви (РПЦ) и Российского государства в хронологическом развитии, начиная с Декрета от 23 января 1918г. об отделении церкви от государства и национализации (конфискации) церковного имущества и вплоть до начала Великой Отечественной войны. Последовательно рассматриваются этапы идеологической конфронтации Церкви и коммунистического государства. В частности, отмечается, что церковь от лояльного отношения к новой светской власти заняла враждебную позицию, а в Гражданской войне – выступила на стороне белых. Отношение большевиков к церкви изначально было враждебным. После Гражданской войны, во время новой экономической политики, отношение государства к церкви принципиально не изменилось. Церкви так и не был предоставлен статус юридического лица. Именно спецорганами было инспирировано обновленческое движение, которое фактически вело РПЦ к расколу внутри страны. На рубеже 1920-х – 1930-х годов в СССР в массовом порядке закрывались церкви. Конституция СССР 1936 г. формально предоставила верующим равные права с неверующими, но фактически ограничила до минимума свободу религиозной пропаганды и деятельности. Комиссию по культовым вопросам при Президиуме ЦИК СССР упразднили, что означало ликвидацию самой возможности контактов между Церковью и правительством. В новом, формируемом тогда высшем органе власти – Верховном Совете СССР – ей не нашлось места. Указанные обстоятельства были главной причиной того, что церковная жизнь в СССР перед войной еле «теплилась». Только присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии, и Прибалтийских республик привели к появлению в стране монастырей, которые незадолго до этого были административным путем закрыты в СССР.

Ключевые слова: Церковь, государство, юридическое лицо, этапы развития, проблемы ранее и сейчас.

Октябрьская революция 1917 г. внесла радикальные изменения в церковно-государственные отношения. Декретом Совета народных комиссаров (СНК) от 20 января 1918 г. «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» Церковь была отделена от государства, но при этом не получила прав юридического лица. В новом советском законодательстве было четко записано, что «никакие церкви и религиозные общества не имеют права владеть собственностью». Все имущество существующих в России церквей и религиозных обществ было объявлено народным достоянием. Декрет запрещал религиозное воспитание и образование детей в школе.

Политику Церкви по отношению к советской власти выразил в выступлении на заседании Поместного собора в ноябре 1917 г. известный богослов профессор С.Н. Булгаков: «Церковь не предначертает путей для достижения политических задач… задача ее определяется не бойкотом неугодной власти, а великой ответственностью перед Богом за народ» [12]. Если отношение Русской православной церкви к новой власти в первые дни можно определить как лояльное, то советская власть, исходя из идеологической монополии, сразу приступила к реализации практических мер в борьбе с Церковью. Так, избрание Патриарха Тихона (Белавина) на Поместном соборе 5 ноября 1917 г. было расценено как возрождение идей монархизма.

Подавляющая часть населения страны была верующей, а значит, с точки зрения большевиков, Церковь представляла мощную политическую силу и большую опасность для новой власти.

Именно страх объединения различных политических сил под знаменами Русской православной церкви заставил большевиков развязать антирелигиозную борьбу. Прямой отсчет антигосударственных деяний духовенства атеистическая пропаганда вела с 11 ноября 1917 г., когда в послании Поместного собора социалистическая революция была названа «нашествием антихриста и беснующимся безбожием». Русская православная церковь на Соборе 1917–1918 гг. не признала законности Декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», как, впрочем, она не признавала до заявления Патриарха в 1923 г. законности советской власти вообще.

Таким образом, первый (после революции 1917 г.) этап государственно-церковных отношений характеризовался антагонистическим противостоянием. В вопросах идеологии советская власть, не признающая религию, была непримирима. К сожалению, первый этап государственно-церковных отношений не ограничился только

идеологическими разногласиями. Из Петрограда в Москву 11 ноября 1917 г. поступила депеша о конфискации (согласно декрету Совнаркома) у Русской православной церкви всех учебных заведений.

Вслед за этим последовали и другие декреты в области государственно-церковных взаимоотношений. Декрет ВЦИК и СНК о гражданском браке, детях и о ведении книг актов гражданского состояния, опубликованный 18 декабря 1917 г., признал отныне юридически недействительным церковный брак. В январе 1918 г. декретом СНК были ликвидированы духовники в армии, отменены все государственные дотации и субсидии церкви и духовенству.

Декрет СНК о свободе совести, церковных и религиозных обществах, принятый 20 января, а опубликованный 23 января 1918 г., осуществил отделение церкви от государства, национализацию церковного имущества. Церковь перестала быть юридическим лицом. Она лишалась права собственности.

Декрет явился своего рода ответом на постановление Синода «О юридическом статусе Русской православной церкви» от 2 декабря 1917 г., в котором содержалось требование к советской власти не принимать никаких законов в области государственно-церковных отношений без предварительных консультаций с Церковью и без ее санкции. Но советское правительство не собиралось вступать в какие-либо переговоры с иерархами Русской православной церкви. Патриарх Тихон, выступивший 19 января 1918 г. с посланием к архипастырям и всем верным чадам Русской церкви, предал анафеме всех тех христиан или хотя бы по рождению своему принадлежавших к церкви лиц, которые творили насилие над невинными людьми либо принимали участие в мероприятиях, направленных против Русской православной церкви. Он призывал прихожан активно становиться «…в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силы своего святого воодушевления» [10: с. 4–5].

Этап идеологической конфронтации государства и церкви закончился и на смену ему пришел этап открытого гонения на церковь, которое проявилось уже не только в сфере идеологии, но стало конкретной политикой большевиков по вытеснению церкви из всех сфер жизни общества. Обострение этой борьбы выразилось и в физической расправе над священнослужителями.

В апреле 1918 г. по России прокатилась волна протеста. Организовывались массовые крестные ходы и богослужения на площадях и в общественных местах в поддержку церкви. В адрес правительства направлялись коллективные петиции с требованием отказаться от отделения Церкви от государства и школы от Церкви, с угрозами народного сопротивления. В марте 1918 г. делегация Поместного собора посетила Совнарком и от лица «ста миллионов русского населения» потребовала в ультимативной форме отмены данного декрета и иных подобных распоряжений.

Ситуация усугублялась и тем, что Церковь заняла негативную позицию не только в отношении религиозной политики социалистического государства, но и в отношении всей его внутренней и внешней политики. Так, Патриарх осудил стремление правительства выйти из войны и заключить мирный договор с Германией.

Не случайно ЦК РКП(б) 19 мая 1918 г. на своем заседании отмечал: «…Выясняется, что в последнее время усилилась агитация духовенства против советской власти. Решено провести против духовенства усиленную письменную агитацию…» [7: с. 13].

Первым органом, регулирующим отношения между государством и церковью была так называемая Междуведомственная комиссия, образованная при Наркомате юстиции РСФСР (Наркомюсте) из представителей комиссариатов: внутренних дел, просвещения, призрения и др. К ее работе привлекали и представителей духовенства, в частности, православной, старообрядческой, Римско-католической, Греко-католической и других церквей.

Однако противоречивость подходов членов комиссии к решению вопросов государственно-церковных отношений была настолько очевидной, что работа ее была не продуктивной и не привела к позитивным результатам. Поэтому 8 мая 1918 г. по предложению Наркомюста Совнарком распускает Междуведомственную комиссию и поручает проведение в жизнь Декрета особому отделу Наркомюста. Этот отдел получил порядковый номер VIII (с 1922 г. – V) и за ним закрепилось название «ликвидационный» [7: с. 14]. Во главе него встал член коллегии Наркомюста П.А. Красиков. В мае 1918 г. при губернских Советах депутатов и местных комиссариатах юстиции были также созданы соответствующие отделы.

Необходимо отметить, что отдел активно включился в работу, о чем свидетельствуют сохранившиеся архивные источники и многочисленные публикации на страницах центрального органа Наркомюста – журнала «Еженедельник советской юстиции». Разъяснения и указания ликвидационного отдела являлись до сентября 1918 г. основополагающими правовыми документами, которые регулировали порядок разрешения конкретных споров в сфере государственно-церковных отношений.

В связи с подготовкой и принятием Конституции РСФСР 1918 г., юридически закрепившей новую власть, разгорелись дискуссии о роли церкви в социалистическом государстве, свободе совести, религиозной пропаганде. В результате была приня-

та ст. 13 в следующей редакции: «*В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами*» [5: с. 83].

В первой советской Конституции еще допускалась свобода религиозной пропаганды, в дальнейшем об этом больше никогда не упоминалось.

С принятием Конституции основные положения декрета об отделении Церкви от государства – норма конституционного права. VIII отдел Наркомюста должен был теперь, наряду с проведением их в жизнь, обеспечивать и контролировать соблюдение ст. 13 Конституции РСФСР о свободе совести.

Документом, который конкретизировал проведение Декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, стала инструкция «О порядке проведения в жизнь декрета "Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви"» опубликованная в газете «Известия» от 30 августа 1918 г. Она имела шесть разделов: 1) о церковных и религиозных обществах; 2) об имуществах предназначенных для совершения религиозных обрядов; 3) о прочих имуществах; 4) о метрических книгах; 5) о религиозных церемониях и обрядах; 6) о преподавании религиозных вероучений.

Названная инструкция была направлена на стабилизацию государственно-церковных отношений и охрану прав верующих. Но реализовать ее положения в жизнь не удалось. Этому помешали две причины: разразившаяся гражданская война и иностранная военная интервенция; курс государственных органов на дальнейшую конфронтацию с Церковью.

Сложилась парадоксальная правовая ситуация. Не желая сдавать своих политических позиций и чувствуя поддержку части населения, Церковь продолжала издавать свои церковные законодательные акты, особенно касающиеся принадлежавшей ей собственности. Это церковное законодательство шло в разрез с нормативными правовыми актами советской власти.

Так, начавшаяся национализация церковной собственности, конфискация имущества монастырей лишила монахов и монахинь средств существования, а церковь – одного из источников дохода. В ответ на это Поместный собор 13 сентября 1918 г. принял документ «Определение о монашестве», согласно которому все монастырские земли попрежнему оставались в собственности Русской православной церкви. Это уже было открытым неповиновением власти и вызвало новый виток репрессивных мер против Церкви.

К осени 1918 г. многие из членов Собора примкнули к Белому движению. На контролируемых им территориях Декрет об отделении Церкви от государства был отменен, возвращены старые порядки, созданные правительством покровительствовали Церкви, а церковные структуры выполняли роль политических организаций, воспитывая паству в нужном духе. Например, генерал А.И. Деникин обязывал созданное по его инициативе Высшее временное церковное управление на юго-востоке бороться с теми, кто «безучастен к строительству Русского государства», и одновременно «воодушевлять» и «объединять» духовенство для «живой пастырской работы». Откликаясь на призыв, духовенство проповедовало и осведомляло население об идеях и целях Русской армии, раскрывало перед верующими «греховность» большевизма и необходимость борьбы с ним.

По окончании военной интервенции и Гражданской войны стало ясно, что необходимо выходить из политического цейтнота, в котором оказалась Русская православная церковь. Поскольку большая часть верующих после некоторой стабилизации обстановки в стране все же встала на сторону советской власти, руководителям Русской православной церкви, чтобы сохранить свое влияние, следовало выстроить новый политический курс, наладить отношения с социалистическим государством.

Так, патриарх Тихон в обращениях к В.И. Ленину и М.И. Калинину (август 1920 г.) заявил, что признает декрет и Конституцию РСФСР, провозглашающие и обеспечивающие полную свободу совести, не вызывает у него возражений и сам принцип отделения Церкви от государства. Также не возражает он и против отдела Наркомюста, ведающего разрешением церковных проблем.

Отношения между государством и Церковью продолжали обостряться. Один из сотрудников ликвидационного отдела Наркомюста, находясь в командировках на местах, сообщал о противодействии священнослужителей. Касаясь религиозной ситуации, он отмечал: «Хотя монастыри благоденствуют по-прежнему…духовенство как каста и как известная политическая сила в настоящее время… раздавлено» [7: с. 17]. Любопытно было бы узнать о каком «благоденствии» монастырей сообщал этот сотрудник, если, согласно официальной статистики, до 1922 г. в Советской России было закрыто свыше 600 монастырей, многие из которых обладали большой исторической и культурной ценностью [2: с. 43].

Голод в России, который имел место в 1921 г., стал еще одним поводом для гонений против верующих. В исторической литературе долгое время была версия о том, что Церковь категорически противилась оказанию помощи голодающим. Фактически дело обстояло наоборот. В августе 1921 г. пат-

риарх Тихон основал Всероссийский церковный комитет помощи голодающим и обратился с воззванием «К народам мира и православному человеку», в котором просил о помощи стране. Собирались средства для оказания помощи; 6 февраля 1922 г. в церковно-приходские советы и общины поступило патриаршее разрешение на пожертвования ради нужд голодающих: можно было сдавать драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного значения.

Несмотря на то что православное движение – оказание помощи голодающим – набирало силу, советская власть не только его не поддержала, но и закрыла Всероссийский комитет, а его средства конфисковала. Причина подобных действий, по мнению некоторых исследователей, в сложном финансовом положении, в котором оказалось большевистское правительство. Согласно отчету Наркомфина реквизированный банковский капитал в ноябре 1917 г. составил 1 064,3 млн. золотых рублей. Из этой суммы выплата в 1918 г. Германии по Брестскому договору составила 812,2 млн. золотых рублей; 235,5 млн. золотых рублей было захвачено и израсходовано адмиралом Колчаком [3: с. 43]. Оказавшись на грани финансовой катастрофы, правительство лихорадочно искало выход из создавшегося положения. Помимо введения жестких налоговых мер и различных манипуляций с денежной массой, проводились реквизиции церковного имущества и поводом для этого послужил голод 1921 г.

Начался новый виток репрессий против священнослужителей. В течение 1922–1923 гг. были уничтожены 2691 священник, 1962 монаха, 3 447 монахинь [8: с. 214].

Патриарх Тихон неоднократно вызывался на заседания Московского трибунала в качестве главного свидетеля. Понимая, что физическая расправа с Патриархом может вызвать нежелательный политический резонанс среди верующих, В.И. Ленин приказал его не трогать, но подвергнуть тщательному наблюдению и содержать под домашним арестом в московском Донском монастыре. Летом 1923 г. Тихон был переведен в тюрьму.

Сложной ситуацией в государственно-церковных отношениях воспользовалась группа, так называемых обновленцев во главе с протоиереями А. Введенским и В. Красницким, священниками А. Боярским и Е. Белковым, которые, возможно, были связаны с Государственным политическим управлением (далее – ГПУ).

О том, что ГПУ (ранее ВЧК) активно занималось разложением церкви и разрушением религии свидетельствует записка заведующего отделом ВЧК Т.П. Самсонова Ф.Э. Дзержинскому (декабрь 1920 г.): «…Линия, принятая ВЧК, по разрушению религии с практической стороны в принципе верна, за исключением вопроса о возможности разложения религии из центра, через лиц, занимающих высшие посты церковной иерархии…».

Через обновленцев советская власть стремилась поставить под свой контроль Высшее церковное управление (ВЦУ), которое было создано после отстранения Патриарха Тихона 15 мая 1922 г. Цель создания этого органа – вытеснение неугодных архиереев тихоновского толка, обострение отношений между мирянами и епархиального руководством, а в итоге – разделение Русской православной церкви на враждующие между собой мелкие церковные группировки, с которыми государству легче было бы справиться.

Для этого был создан в составе ГПУ 6-й секретный отдел, деятельность которого специально заслушивалась на Политбюро ЦК РКП(б), что свидетельствует о том, какое большое значение придавалось борьбе с религией.

В ранее секретном отчете отмечались методы работы этого отдела. Главная задача – поссорить между собой высших иерархов Русской православной церкви. «Для осуществления этой задачи была образована группа, так называемая "Живая церковь", состоящая преимущественно из белых попов, что давало возможность поссорить попов с епископами… Наряду с множеством статей, воззваний, речей, в которых клеймилась тихоновская и монашеско-архиерейская политика, попы (живоцерковники), взяв в свои руки верховную церковную власть, приступили к удалению от управления епархиями тихоновских архиереев и замене их лояльными по отношению к Соввласти… Эта задача в течение пяти месяцев более, чем наполовину выполнена…» (30 октября 1922 г.) [2: с. 46].

Наступление на Церковь велось следующими органами: 1) государственной безопасности (секретное); 2) Наркомата юстиции РСФСР (легальное); 3) партийной печати (официальное).

Митрополит Агафангел (Преображенский), которого Патриарх 29 апреля 1922 г. на случай своей смерти или тюремного заключения назначил временным заместителем, не имел возможности приступить к исполнению обязанностей, так как был задержан властями в Ярославле. Его попытка предотвратить захват обновленцами высшей церковной власти опубликованием послания от 5 июня 1922 г. «О самоуправлении епархий впредь до восстановления Высшей церковной власти» не достигла цели, и в июне 1922 г. 37 из 73 епархиальных архиереев подчинились обновленческому ВЦУ в Москве [9: с. 305].

В конце 1922 г. малый Совнарком, ссылаясь на параллелизм в работе НКВД (ГПУ) и «ликвидационного» V отдела Наркомюста предлагал ликвидировать последний. И лишь личное обращение руко-

водителя отдела большевика П.А. Красикова к В.И. Ленину предотвратило решение об его упразднении. Руководители Наркомюста, в том числе и сам нарком Н.В. Крыленко, считали, что отдел свои задачи выполнил, и вместо него предлагали создать комиссию по церковным делам, сохранив технический аппарат V отдела. Однако реализовано это предложение не было. Согласно Положению о Наркомюсте V отдел сохранялся, он осуществлял общее руководство и наблюдение за проведением в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства [11: с. 10].

В соответствии с положением на V отдел возлагались: 1) разработка проектов, издание инструкций и циркуляров в области советской политики по отношению к церковным и культовым объединениям; 2) общее наблюдение за правильным применением Декрета об отделении церкви от государства (§ 13 и § 65 Конституции РСФСР 1918 г.), а также Закона от 21 декабря 1920 г. «Об освобождении от службы в войсках по религиозным убеждениям»; 3) разработка материалов и данных всех ведомств, имеющих отношение к культам и религиозным объединениям.

Таким образом, можно отметить, что в 20-е годы XX в. происходит сужение компетенции данного отдела Наркомюста и уменьшение его значимости. Это было обусловлено изменившейся политической ситуацией в области государственно-церковных отношений. Проведение провокационных мероприятий и репрессий против церкви позволило органам ГПУ произвести перераспределение ролей. Деятельность так называемых обновленцев, захвативших руководство в церковной организации, уже контролировалась ими и не представляла опасности для социалистического государства. Поэтому роль и значение ликвидационного отдела падает.

В 1923 г. на местах упраздняются губернские отделы юстиции и действовавшие при них подотделы и комиссии по проведению в жизнь Декрета об отделении церкви от государства, а их функции переходят местным органам НКВД, а в августе 1924 г. V отдел Наркомюста вообще ликвидируется, а его функции передаются Секретариату ВЦИК.

Теперь ставится другая задача: от организационного разложения Русской православной церкви перейти к идеологическому разоружению религии. В 1922–1923 гг. начинается массовая антирелигиозная пропаганда, которой непосредственно руководит ВКП(б). В стране возникают антицерковные семинары, кружки, лектории. Создается антирелигиозная периодическая печать. В начале 1922 г. вышла газета «Атеист» тиражом 15 тыс. экземпляров, с декабря того же года – «Безбожник» Московского губкома РКП(б).

Отношения между государством и церковью в 1922–1925 гг. продолжают обостряться еще и из-за раскола внутри самой Церкви. После окончания Гражданской войны на Западе оказалось более 2 млн. эмигрантов, ушедших с Белой армией. Среди них были и иерархи церкви. Организацию церковной жизни за рубежом взяла на себя группа архиереев, входивших ранее во Временные высшие церковные управления. В ходе Гражданской войны некоторые епархии переходили на самоуправление, организуя местные Временные высшие церковные управления. Например, названное управление во главе с архиепископом Сильвестром действовало в 1918 г. в Сибири и Приуралье, такой же орган, возглавляемый архиепископом Митрофаном, – на юге России в мае 1919 г.

В соответствии с церковными канонами эти епископы формально не имели права осуществлять свое служение без благословления Патриарха Тихона. Но, не имея возможности восстановить отношения с Московской епархией, они в ноябре 1920 г. обратились за благословлением в Константинопольскую патриархию для организации Высшего русского церковного управления (ВРЦУ) за границей. Без благословления Патриарха Тихона это действие тоже являлось каноническим нарушением. Спустя три месяца Сербская патриархия по инициативе митрополита Евлогия (Георгиевского) пригласила ВРЦУ переместиться в г. Сремские Карловцы, не ставя перед ним условия подчинения сербскому Патриарху. Этот перевод состоялся в марте 1921 г. [2: с. 47–48]. В ноябре 1921 г. был созван так называемый Карловацкий собор. Но решения Карловацкого собора не были признаны в Москве, более того последовало патриаршее осуждение, высшие органы управления Русской православной церкви (Священный синод и Всемирный совет церквей) 22 апреля 1922 г. упразднили ВРЦУ за границей, хотя «карловчане» не подчинились этому.

Можно высказать предположение, что и здесь имело место вмешательство органов ГПУ, так как, во-первых, контролировать деятельность зарубежного ответвления Русской православной церкви было достаточно трудно. И, во-вторых, являлось вполне очевидным, что с разрозненным движением, всегда легче справиться, чем с единым и организованным.

После смерти Патриарха Тихона, в управление Церковью в декабре 1925 г. вступает митрополит Сергий. Перед ним, по мнению исследователя О.Ю. Васильевой, стояло две задачи: «Первая состояла в достижении легализации церкви и получение возможности устроения ее жизни в условиях тоталитарного государства. Вторая заключалась в сохранении незыблемости структуры высшего цер-

ковного управления вплоть до созыва Поместного собора и сохранение церкви от дальнейшего распада» [2: с. 49].

Создание Союза Советских Социалистических Республик в декабре 1922 г. потребовало внесения изменений в церковную политику, выработки новых форм взаимоотношений между государством и церковью. Деятельность СССР как недавно созданного государства внимательно отслеживалась мировым сообществом. В этих условиях открытое гонение на церковь, репрессии против священнослужителей, антирелигиозная пропаганда подрывали авторитет СССР. Необходимо было искать новые пути урегулирования взаимоотношений с церковью, за которой находилась многомиллионная масса верующих.

И прежде всего, нужно было на этом пути: 1) сформировать орган, ведавший «церковной политикой» *в общесоюзном масштабе*; 2) выработать общесоюзное законодательство о религиозных организациях. Но конструктивно эти вопросы, в тот период так и не были решены. Сложная социально-экономическая обстановка (новая экономическая политика) отодвинула их реализацию на второй план.

В РСФСР после упразднения V отдела Наркомюста государственную политику в церковном вопросе определяли ВЦИК, прежде всего, его Президиум и Секретариат, и Совнарком в лице Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) и Наркомата внутренних дел (НКВД).

ВЦИК разрабатывал и принимал законодательные акты, инструкции и циркуляры и выносил окончательные решения. НКВД осуществлял надзор за деятельностью, регистрацией (в том числе и уставов) религиозных организаций, вел их учет, давал разрешение на проведение массовых мероприятий. ОГПУ своими специфическими методами контролировало политическую сторону деятельности органов церковного управления.

По мнению одного из исследователей истории Русской православной церкви М.И. Одинцова, «для 1924–1927 гг. характерно примерное равновесие между этими организациями и степенью их влияния на церковную политику» [7: с. 29]. Однако в последующем решение всех практических вопросов, связанных с религиозными объединениями, было сосредоточено в руках НКВД и ОГПУ.

Сложные процессы в этот период проходили и внутри самой церковной организации. На путь нового раскола вступила в декабре 1925 г. группа иерархов Церкви во главе с архиепископом Екатеринбургским Григорием (Яцковским), организовав против воли митрополита Сергия (являвшегося Местоблюстителем Патриаршего Престола) Временный высший церковный совет (ВВЦС), который, как ни странно, был сразу же официально признан властями.

ВВЦС всячески пыталось отстранить митрополита Сергия от управления Церковью и передать это управление коллегии епископов в составе архиепископов: Владимирского – Николая, Томского – Димитрия, Екатеринбургского – Григория. Государство категорически выступало против митрополита Сергия. Оно шло на любые меры, препятствующие укреплению церковного единства: власти запретили митрополиту Сергию выезжать из Нижнего Новгорода, где он находился; поддержали «григорианский» ВВЦС; провоцировали различного рода конфликты между другими митрополитами Русской православной церкви.

В этих условиях митрополит Сергий, стараясь избежать дальнейшего раскола Церкви и определить отношения с советской властью, летом 1926 г. представил епископату проект официальной Декларации советскому правительству, определявший деятельность церкви в новых условиях («Проект Декларации Митрополита Сергия» от 28 мая (10 июня) 1926 г.).

Этот проект поддержали русские епископы, находящиеся в Соловецком лагере. Около 20 из них приняли участие в составлении так называемой Памятной записки Соловецких епископов от 27 мая (9 июня) 1926 г. (далее – Памятная записка). В ней в достаточно осторожной форме давалась объективная картина существования Церкви в советском государстве, отмечалось, что Местоблюститель Патриаршего Престола и половина православных епископов находятся в тюрьмах и лагерях, а политическая линия государства по отношению ко всем религиям определяется повсеместным насаждением атеизма.

Важной частью этого документа являлось разъяснение позиции Русской православной церкви во взаимодействии с советской властью: «Церковь основывается на полном и последовательном проведении в жизнь принципа раздельности Церкви и государства. Она не стремится к ниспровержению существующего порядка и не принимает участия в деяниях, направленных к этой цели, она никогда не призывает к оружию и политической борьбе, она повинуется всем законам и распоряжениям гражданского характера, но она желает сохранить в полной мере свою духовную свободу и независимость, предоставленные ей Конституцией, *и не может стать слугой государства*» [6: с. 33]. В Памятной записке указывалось, что даже лишенные (по Конституции РСФСР 1918 г.) пассивного и активного избирательного права служители культа не должны ни подвергать критике, ни одобрять гражданское правительство, ибо это тоже является вмешательством в политику.

Стараясь спасти Православную церковь, митрополит Сергий официально вынужден был заявить, что «гонения на религии в СССР никогда не было и нет… Более того, последнее постановление ВЦИК и СНК о религиозных объединениях от 8 апреля 1929 г. совершенно исключает *даже малейшую видимость* какого-либо гонения на религию» [4].

Но и этот дипломатический ход не помог избежать преследования Церкви со стороны государства. Даже такая, достаточно либеральная, позиция Церкви не устраивала советское государство. Оно по-прежнему стремилось подчинить ее деятельность решению своих политических задач. Одна из них заключалась в разложении эмигрантских зарубежных центров, где находилось не только белое офицерство, но и представители зарубежной Русской православной церкви, так называемые карловчане. Советскому правительству очень хотелось бы оказывать на них влияние, используя руководство Русской православной церкви в СССР.

Но авторы Памятной записки подчеркнули, что, несмотря на каноническое подчинение заграничных приходов Российскому Патриарху, в действительности никаких легальных форм связи с «карловчанами» не существует. И это обстоятельство снимает с руководства Русской православной церкви ответственность за участие церковного зарубежья в политической деятельности.

Понимая невозможность идеологического компромисса с советской властью, иерархи Церкви пытались определить какие-либо иные организационные формы сосуществования с государством.

Осенью 1926 г. была сделана попытка организовать тайные выборы Патриарха Русской православной церкви. Власти усмотрели в ней политический заговор, начались массовые аресты епископов, в том числе арестован был и сам митрополит Сергий, который находился в заключении 8 месяцев.

В условиях жесткой реакции и открытого гонения на Церковь, Заместитель Патриаршего Местоблюстителя вынужден был пойти на новые уступки советскому государству. Он согласился представить более приемлемый для большевистского правительства проект Декларации. Освобожденный из тюрьмы в марте 1927 г. митрополит Сергий получил в мае официальное разрешение открыть в Москве Временный Патриарший Священный синод. Декларация митрополита Сергия должна была, по мнению членов Патриаршего синода, облегчить положение Русской православной церкви. Она была отпечатана в 5 тыс. экземплярах и разослана по епархиям и приходам. В газете «Известия» она была опубликована 19 августа 1927 г. [3: с. 51].

Если указанный документ в какой-то мере устроил советскую власть, то в рядах иерархов Русской православной церкви в СССР он вызвал неоднозначную реакцию. Некоторые из них приняли Декларацию и разделили позицию митрополита Сергия, другие были согласны лишь с некоторыми ее положениями, но значительная часть клира отвергла такую позицию и осудила действия митрополита Сергия. К ней относились митрополит Ленинградский Иосиф, архиепископ Глазовский Виктор (Островидов), митрополит Ярославский Агафангел, митрополит Казанский Кирилл и др. Всего к 1930 г. 37 архиереев отказались от административного подчинения Заместителю Патриаршего Местоблюстителя [3: с. 53]. Пытаясь исправить создавшееся положение, митрополит Сергий и Патриарший синод обратились с письмами к епископам.

Еще сложнее был вопрос об отношении с Русской православной церковью за границей. Заявления антисоветского характера, сделанные «карловчанами», ставили в сложное положение иерархов Церкви в СССР, которые заявляли о своем лояльном отношении к советской власти. Архиерейский собор Русской православной церкви за границей, состоявшийся 27 августа 1927 г., принял так называемое Окружное послание, в котором была изложена позиция «карловчан» и объявлено об окончательном разрыве с Московской патриархией.

Давая сейчас, по прошествии многих лет, оценку позиции Русской православной церкви, можно отметить поистине подвижническую деятельность митрополита Сергия, делавшего все, чтобы спасти духовенство в СССР, а следовательно, и духовную жизнь верующих.

Унизительные для церкви компромиссы, преследование священнослужителей, закрытие храмов и запрещение служб – вот особенности рассматриваемого периода (1918–1943 гг.), который можно охарактеризовать как период жесткой конфронтации между государством и Церковью.

Газета «Известия» 19 февраля 1930 г. сообщила, что из 48 тыс. церковных приходов России с более чем 50 тыс. священнослужителей, существовавших в России в 1918 г., в СССР на совпадающей территории к 1930 г. осталось 30 тыс. приходов. Если до революции имелось свыше тысячи женских и мужских монастырей, то к 1940 г. не осталось ни одного из них. В 1917 г. в России насчитывалось более 80 тыс. храмов, а в 1940 г. имелось лишь 4 225 действующих храмов, причем свыше 3 тыс. из них находилось в западных областях, которые вошли в состав СССР в 1939–1940 гг. [4].

Ситуация, сложившаяся с Русской православной церковью, хорошо вписывалась в сталинскую доктрину, утверждавшую, что по мере развития социализма в стране классовая борьба будет обостряться. В результате искусственно было проведено размежевание на два антагонистических лагеря:

пролетариат и крестьянство и буржуазно-капиталистический, к последнему была отнесена и церковь.

Анализируя периодическую печать тех лет, видим, что сначала ненавязчиво, а потом все более настойчиво внедрялась в массовое сознание идея, что религиозные организации – проводники буржуазного влияния. Все чаще стали звучать утверждения, что деятели религиозных организаций принимают активное участие в антисоветской деятельности кулачества. Так постепенно стала проводиться мысль, что религиозные организации – это тоже контрреволюционная сила.

6 апреля 1929 г. в справке НКВД о религиозной ситуации в стране, представленной в ЦК ВКП(б), утверждалось, что «религиозники» организуют антисоветские выступления масс, прежде всего, крестьянства, оказывают влияние на низовые местные органы, создают подпольные организации контрреволюционного толка.

8 апреля 1929 г. Президиум ВЦИК принял постановление «О религиозных объединениях», по которому религиозным общинам дозволялось лишь «отправление культов в стенах молитвенных домов», а *просветительская и благотворительная деятельность* категорически запрещалась. Духовенство устранялось от участия в хозяйственных и финансовых делах. Частное обучение религии, разрешенное Декретом 1918 г., теперь могло существовать лишь как право родителей обучать религии своих детей. С разными дополнениями и изменениями это постановление просуществовало практически до 1990-х годов.

Таким образом, деятельность религиозных обществ сопровождалась множеством ограничений и жестко регламентировалась законом.

Для рассмотрения вопросов, связанных с данной деятельностью, Президиум ВЦИК образовал Постоянную комиссию по вопросам культов, которую возглавил П.Г. Смидович. В состав комиссии входили представители НКВД, Наркомюста, Наркомпроса, ВЦСПС, уполномоченный ОГПУ при СНК РСФСР.

В мае 1929 г. состоялся XIV Всероссийский съезд Советов. Он изменил ст. 4 Конституции РСФСР 1918 г. Вместо признания за гражданами свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды, отныне эта статья гарантировала лишь «свободу религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды». В июне 1929 г. состоялся II съезд Союза воинствующих безбожников, определивший антирелигиозную борьбу как один из важнейших участков классовой борьбы трудящихся. Лидер коммунистического движения Н.И. Бухарин, выступая на этом съезде, заявил: «…Антирелигиозный фронт кричаще ясно виден, *как фронт классовой борьбы*» [1: с. 7].

Пик «антирелигиозной активности» масс пришелся на 1929–1931-е годы. Трудности с хлебозаготовками в стране в период сплошной коллективизации крестьян были отнесены на счет кулаков и служителей культа. Как отмечает исследователь М.И. Одинцов, в этот период в высших эшелонах партии сложилось два подхода к государственно-церковным отношениям. Первый – заключался в оголтелой антирелигиозной пропаганде и практических мероприятиях, проводимых председателем антирелигиозной комиссии ЦК ВКП(б) Е.М. Ярославским, главным содержанием деятельности которой было «…сужение круга деятельности религиозных организаций всех течений, сведение ее исключительно к отправлению обрядности, максимальное сокращение количества духовных учебных заведений, монастырей, сокращение тиража религиозных изданий, а также количества религиозных съездов и т. д.». Второе направление представлял, уже известный П.Г. Смидович, отвечавший за взаимоотношения государства с церковью. В письме к Е.М. Ярославскому он изложил свое видение этой проблемы: «Приписать правому оппортунизму терпимость к религии и религиозным пережиткам – значит вызвать целый ряд недоразумений. Нетерпимостью к религии определить курс партии – это дать возможность прийти к заключению, что курс партии меняется, что начинается период *открытого гонения на «религиозные убеждения»* [7: с. 42–43].

Компромиссный выход из создавшейся ситуации был найден и выразился в форме специального циркуляра для местных партийных органов от 5 июня 1929 г. «О тактичном подходе в деле закрытия церквей», подписанным В.М. Молотовым, в котором предлагалось повести решительную борьбу с извращениями в практике закрытия церквей и других молитвенных домов. Данный процесс, по мнению составителей циркуляра, должен был проходить в цивилизованных и законодательных рамках.

Но как показала практика, местные партийные организации, в ходе развернувшегося в это время движения воинствующих безбожников мало считались с такой установкой партии. Это подтверждает тот факт, что нередко к служителям культа применялись такие противозаконные меры, как раскулачивание, выселение с места жительства, посылка на лесозаготовки, чрезмерное налогообложение и др. В этих условиях Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК РСФСР, возглавляемой П.Г. Смидовичем, приходилось прилагать неимоверные усилия для того, чтобы процесс закрытия храмов не выходил за рамки закона.

На какое-то время этот процесс приостановился, более того, Комиссия отменила ряд незаконных решений и возвратила верующим их храмы. Так, в Московской области к июню 1930 г. было возвра-

щено 545 культовых зданий, так было и в ряде других городов: Вятке, Чите, Ленинграде, Ярославле, Нижнем Новгороде, Казани, Свердловске и т. д. Комиссия обязывала местные власти привлекать виновных, нарушающих закон, к административной и даже уголовной ответственности. П.Г. Смидович обращался и в Наркомат финансов с целью урегулировать вопрос о взыскании с церкви налогов. Он писал: «Налоговое обложение священнослужителей проходит на местах в порядке сплошного издевательства, несмотря на принимавшиеся меры. На этой почве дело доходило до самоубийства. Неизбежна определенная реакция среди верующих. Необходима новая Инструкция Наркомфина, о чем прошу…» [7: с. 49].

И все же, как не стремилась Комиссия выправить ситуацию в религиозной сфере, ей это не удалось. Причина здесь кроется в противоречии, сложившемся в конце 1930 – начале 1940-х годов. Партия, в лице ЦК ВКП(б) требовала вести решительное наступление на религию, а государство в лице Комиссии пыталось ввести этот процесс в законные рамки. Безусловно, авторитет коммунистической партии и ее организационные возможности (периодическая печать, радио, партийные пропагандисты и т. п.) были гораздо шире, и государство всегда проигрывало.

Процесс формирования культа личности И.В. Сталина и особая роль органов государственной безопасности в данный период тоже привели к тому, что ОГПУ стало бесцеремонно вмешиваться в дела церковных организаций, проводя свою политику. Например, в феврале 1933 г. Комиссия по настоянию ОГПУ приняла Постановление «О состоянии религиозных организаций», которое предписывало удвоить бдительность в связи с консолидацией контрреволюционных сил. Местные партийные органы восприняли это как призыв к новому наступлению на церковь и вновь стали проводить мероприятия по закрытию храмов, монастырей, духовных учебных заведений.

Создание Союза ССР потребовало образования общесоюзного органа, осуществлявшего взаимодействие между государством и церковью уже на новом уровне. В январе 1934 г. в Президиум ВЦИК СССР поступила служебная записка, подготовленная П.Г. Смидовичем, в которой он обосновывал целесообразность нового органа, предлагая расширить деятельность постоянной культовой комиссии при Президиуме ВЦИК, развернув ее в орган союзного значения при Президиуме ЦИК Союза ССР. Такая комиссия была образована в апреле 1934 г. на объединенном заседании секретариатов ЦИК СССР и ВЦИК. В мае 1934 г. она приступила к работе, возглавил ее также П.Г. Смидович.

В состав новой союзной Комиссии вошли представители союзных республик, Верховного суда, Прокуратуры СССР, НКВД, ВЦСПС, ЦК ВКП(б), института философии Комакадемии, Центрального Совета Союза воинствующих безбожников. К компетенции Комиссии относилось: «…разработка проектов постановлений по вопросам, связанным с деятельностью религиозных организаций, рассмотрение жалоб и заявлений верующих и религиозных организаций, учет религиозных обществ, групп и духовенства, разъяснение и толкование норм законодательства о культах, координация и контроль за деятельностью республиканских и иных комиссий по культовым вопросам и т. д.». Продолжали также работать Комиссии при президиумах ЦИК союзных республик. После смерти в 1935 г. П.Г. Смидовича председателем Центральной Комиссии был назначен П.А. Красиков.

Обращаясь в ЦК ВКП(б) П.А. Красиков писал: «…необходимо в срочном порядке принять серьезные меры к исправлению катастрофического положения, сложившегося в религиозном вопросе, устранить в действиях местных органов власти методы административного давления на верующих и духовенство, выработать союзный закон и обеспечить единообразное применение его на всей территории СССР».

В октябре 1936 г. П.А. Красиков обращался к прокурору СССР А.Я. Вышинскому с представлением, в котором сообщалось о нарушении законности в отношении религиозных объединений. Однако прокуратура информировала Комиссию, что «ее информация носит излишне обобщенный характер, поскольку проверки в большей части фактов нарушений закона на выявляют». В отношении же подтвержденных нарушений сообщалось, что «к их конкретным виновникам принимаются меры административного воздействия» [7: с. 59].

5 декабря 1936 г. на VIII Чрезвычайном Всесоюзном съезде Советов было объявлено о принятии новой Конституции СССР. В отличие от ранее существовавших, в ней впервые провозглашалось равноправие всех граждан, в том числе и служителей культа. В статье 124 новой Конституции было записано, что «…в целях обеспечения за гражданами свободы совести Церковь в СССР отделена от государства и школа от Церкви». Но новая Конституция уже не допускала свободу религиозной пропаганды, а декларировала только свободу отправления религиозных культов: «Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» [5: с. 217]. Неравноправие верующих и неверующих в этой статье демонстрируется вполне откровенно и недвусмысленно и ее невоз-

можно истолковать иначе, хотя в Конституции провозглашается равноправие всех граждан независимо от их отношения к религии.

К середине 1937 г. в партийных кругах созрело мнение о необходимости полной ликвидации законодательства о культах и, в частности Постановления ВЦИК И СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 1929 г.

В 1938 г. Комиссию по культовым вопросам при Президиуме ЦИК СССР упразднили, что означало ликвидацию самой возможности контактов между Церковью и правительством. В новом формируемом тогда высшем органе власти – Верховном Совете СССР – ей не нашлось места.

В результате такой политики в 1938 г. в СССР не существовало ни одного монастыря и лишь после присоединения Восточной Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии их стало 46.

К 1941 г. Русская православная церковь имела всего 3021 действующий храм, причем около 3 тыс. находились на территории, вошедшей в состав СССР в 1939–1940 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бухарин, Н.И.* Реконструктивный период борьбы с религией: доклад на II Всесоюзном съезде безбожников / Н.И. Бухарин. – М., 1929.

2. *Васильева, О.Ю.* Русская православная церковь и Советская власть в 1917–1927 гг. / О.Ю. Васильева // Вопросы истории. – 1993. – № 8.

3. Вопросы истории. – 1993. – № 8.

4. Интервью с главой Патриаршей Православной церкви в СССР // Известия. – 1930. – № 46.

5. История Отечественного государства и права: сб. документов. – Ч. 2. – Екатеринбург, 1999.

6. *Митрофанов, Г.* Из истории Русской православной церкви XX века / Г. Митрофанов // Христианское чтение. – 1991. – № 3.

7. *Одинцов, М.И.* Государство и церковь 1917–1938 гг. / М.И. Одинцов // Культура и религия. – 1991. – № 11.

8. *Польский, М.* Новые мученики российские / М. Польский. – Т. 1. – Джорджданвиль, 1949.

9. *Регельсон, Л.* Трагедия Русской Церкви, 1917–1945 гг. / Л. Регельсон. – Париж, 1977.

10. Священный собор Православной русской церкви. Деяния. – Кн. VI. – Вып. 1. – М., 1918.

11. *Смыкалин, А.С.* Органы судебного управления РСФСР 1922–1929 гг.: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А.С. Смыкалин. – Свердловск, 1981.

12. Церковные ведомости. – Петроград, 1917.

ЕВРЕЙСКОЕ ПРАВО

И.Ю. Козлихин

Козлихин Игорь Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санк-Петербургского государственного университета.

В статье рассматриваются особенности еврейского права как права сложившегося в еврейских общинах в результате судебного толкования Торы, проанализированы принципы судопроизводства и пределы судейского усмотрения. Еврейское право истолковано как важнейший элемент еврейской национальной культуры. Еврейское право (Моисеево законодательство), с одной стороны, принадлежит к восточному типу культуры, а с другой – к европейскому. Религиозность характерна для восточного типа культуры, поэтому нравственные требования приобретают общеобязательную силу как и правовые нормы, ибо они имеют один источник – Бога. Основное же отличие от восточных систем заключается в том, что Моисеево законодательство по самой своей идее есть выражение свободного союза между Богом и народом. Защиту своих интересов человек находил в общине, здесь обеспечивались его права и свободы, отсутствовали сословные, различия, поддерживалось экономическое равенство, суд, созданный Моисеем – образец для всех времен. Эти ценности европейская цивилизация выработала самостоятельно, хотя и не без влияния иудаизма. Благодаря Иисусу Христу основные достижения иудаизма стали всеобщим достоянием и, прежде всего, это идея самоценности каждой отдельной человеческой личности. Той личности, которая стала впоследствии восприниматься в качестве субъекта права. Итак, еврейское право – продукт многовекового творчества еврейского народа в лице «мудрецов Торы». Если же речь идет о сохранении фундаментальных культурных принципов, то, конечно, современное право Израиля должно питаться от этого источника. Еврейское право и еврейская правовая культура исподволь или непосредственно оказывало и продолжает оказывать влияние на общечеловеческие правовые ценности.

Ключевые слова: право, еврейское право, Тора, Талмуд, Галаха, мамона, суд, принципы судопроизводства.

История еврейского народа уникальна. Во-первых, евреи единственный народ, который непосредственно заключил договор (завет) с Богом на горе Синай; во-вторых, евреи единственный народ, который имеет письменную историю с момента своего появления, евреи знают своего пращура – Авраама; в-третьих, что самое важное для наших последующих рассуждений, евреи, потеряв не только национальное государство, но и национальную территорию, проведя 2000 лет, если не всегда во враждебном, то почти всегда в недоброжелательном окружении, не просто сохранили, но и развили свою культуру.

В словаре Брокгауза и Эфрона отмечается, что евреи обладают высокими умственными способностями и внесли значительный вклад в развитие музыки, торговли, банковского дела, изящной литературы, филологии, естественных наук, медицины, философии, археологии, театра, скульптуры, путешествий, политики и т. д. Право в этом перечне не упоминается, вероятно, потому, что еврейское право носило сугубо национальный характер, было, так сказать, внутренним делом еврейских общин. Однако любопытен тот факт, что, начиная с XIX в, когда в связи с эмансипацией евреев национальное еврейское право утратило свою практическую значимость, евреи показали себя весьма способными, а то и выдающимися юристами как теоретиками, так и практиками, причем как в странах, принадлежащих к романо-германской правовой системе, так и англосаксонской. Думается, что это связано с особенностями иудаизма вообще с правовой культурой еврейского народа в частности.

Основа еврейского права – Тора, т. е. конституция еврейского народа непосредственно дана Богом. Тора, в узком смысле, включает в себя только Пятикнижие. В христианской традиции – это первые пять книг Ветхого завета: Бытие (Берешит), Исход (Шмот), Левит, (Виакра), Числа (Бэмидбар), Второзаконие (Дварим). В широком смысле термином Тора обозначается вся еврейская Библия, т. е. все книги Ветхого завета, Талмуд и постталмудическая литература.

Посредником между Богом и еврейским народом был Моисей, поэтому нормы поведения, сформулированные в Торе, называются законодательством Моисея, начала которого содержатся в кн. Исход гл. XX–XXI. В остальных книгах они дополняются и конкретизируются. Все законы традиционно сводятся к 613 заповедям, из которых 248 предписаний и 365 запретов.

Ядром законодательства являются десять заповедей, изложенные в кн. Исхода гл. 20 и повторенные в несколько иной редакции в кн. Второзакония гл. 5. Эти заповеди просты и понятны: почитай Бога, не употребляй его имени всуе, шесть дней работай – седьмой отдыхай, чти субботу – день отдыха (у христиан – воскресенье, у мусульман – пятница), почитай отца своего и мать, не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидельствуй, не желай ничего чужого. Первые две заповеди провозглашают принцип монотеизма, третья и четвертая – впервые в истории человечества провозглашают обязательность регулярного дня отдыха, оставшиеся шесть – основные морально-юридические

нормы-принципы человеческого существования. Все прочие запреты и предписания довольно сложно систематизировать, во-первых, потому что они разбросаны по всем книгам Моисеевым, а во-вторых, они касаются всех сфер жизни: это гигиенические нормы, правила приготовления пищи, правила осуществления религиозного культы, морально-религиозные, морально-юридические, чисто юридические нормы, объединяет их то, что за всеми ними стоит воля единого Бога.

Текст Торы – священен, ни один человек вносить в него изменения не в праве, но он полон аллегорий, метафор, намеков – с одной стороны, и казуистики – с другой, объективно требует толкования. Результатом этого толкования стал Талмуд.

Слово Талмуд происходит от глагола учить, т. е. буквально означает учение. Существуют два Талмуда – Иерусалимский и Вавилонский. Вавилонский является наиболее полным, и именно он является основным предметом изучения. Поэтому, говоря о Талмуде, мы будем всегда иметь в виду Вавилонский Талмуд. Текст Талмуда складывался в течение более 500 лет, приблизительно 30 г. до н. э. – 500 г. н. э. [17: с. 13]. Древнейшая часть Талмуда – Мишна (повторение) складывалась в период до начала III в. н. э. благодаря деятельности танаим (учителей), знатоков и интерпретаторов Торы. Собственно, Талмуд основан на интерпретации Мишны в период амораим (толкователей) и завершается к концу V века. Принадлежащие им тексты получили названия Гемара (завершение). Кроме того, в Талмуд входит Тосефта (дополнение) – пояснение к Мишне самих танаев. Всего в Талмуде 60 основных трактатов на разнообразнейшие темы, которые объединены в 6 больших разделов и 14 малых. Талмуд содержит обсуждение разнообразных житейских ситуаций, имеющих или не имеющих юридического значения, нравственных вопросов, философских и т. д. А. Штейнзальц пишет, что Тора (здесь слово Тора употребляется в широком значении) «…указывает человеку путь, которым он должен идти, учит его жить…в поле зрения иудаизма, а следовательно, и Торы, находится буквально все – конкретные, практические ситуации и абстрактные проблемы духовной жизни, насущные потребности и отвлеченные, сугубо теоретические построения. Тора соотносится со всем сущим. Установление закона, определение оптимального способа соблюдения заповедей является только одной из ее задач. Тора стремится выявить суть вещей, всех без исключения, во всех сферах и областях. Она всеобъемлюща и включает в себя и весь наш мир, и то, что за его пределами» [17: с. 2].

В Талмуде содержится материал, созданный в двух жанрах: Агады и Галахи. Галаха (от слова путь, ходил) – нормативная часть Талмуда; Агада (сказание) касается мировоззренческих вопросов. Знатоки Торы утверждают, что между ними нет никакой пропасти, более того, они часто переплетаются и дополняют друга. Агада имеет фундаментальное значение для Галахи, полагают они. М. Элон пишет: «Значительная часть Агады предстает перед нами в облике философии Галахи, в качестве материала, поясняющего и мотивирующего ее» [18: с. 143]. Х.Н. Бялик в статье «Галаха и Агада», протестуя против противопоставления Агады и Галахи, утверждает: «Сторонники этого взгляда смешивают предмет с его состоянием и форму с материей, напоминая собою тех, кому лед и вода представлялись двумя различными элементами. На самом деле Галаха и Агада также являются ничем иным как двуединым элементом, – двумя ликами одного и того же существа. Они относятся друг к другу, как слово – к мысли и чувству, или как действие и конкретный образ относятся к слову. Галаха есть кристаллизованная Агада, ее обязательный конечный вывод; Агада же, в свою очередь, есть растворение Галахи» [1]. Это поэтичная, но вместе с тем достаточно конкретная характеристика соотношения Галахи и Агады. При этом очевидна и разница между галахическими и агадическими аспектами: по поводу первых устанавливаются обязанности, по поводу вторых нет. В самом широком смысле Галаха означает весь корпус правил жизни евреев, который складывался долгое время и изложен в Торе, Талмуде и посталмудической литературе, наиболее значительными произведениями, которой являются «Мишне Тора» («Повторение Закона) в 14 томах выдающегося еврейского мыслителя Моше бен Маймона (Рамбама), жившего в XII веке и «Шулхан арух» (Накрытый стол) сборник, составленный Йосефом Каро во второй половине XVI века. Огромный материал содержится многочисленных сборниках «Вопросов и ответов» (сборники решений по конкретным случаям), «Галахот и Поским (сборники галахических и судебных постановлений) [18: с. 143].

Потребность в толковании и породила изощренную иудейскую герменевтику (зкзекезу). Хотя основной герменевтический принцип звучит – «нельзя исключить из рассмотрения прямой смысл текста Торы» во многих случаях талмудисты уходят весьма далеко от него. Метод талмудической герменевтики – пильпуль. «Сущность этого метода в том, что обсуждение основывается на практических, очевидных положениях, рассматриваемой темы, их достоверности; оно стремится к наибольшей заостренности аргументации, к максимальной изощренности доказательства. Этот метод требует такой последовательности в логике, такого выверенного анализа, учета столь тонких различий, что его применение при решении практических вопросов и повседневных нужд едва ли возможно, да и

вряд ли необходимо. Однако в свете сказанного выше о целях талмудического дискурса становится очевидным, что поиск истины нуждается именно в таком арсенале тонких и отточенных инструментов. Надлежит тщательно проанализировать, найти малейшие нюансы смысла, а затем проверить полученные результаты с тем, чтобы прийти к удовлетворительному пониманию поставленного вопроса. Напрашивающееся, выглядевшее столь очевидным доказательство может быть отклонено из-за мельчайшего логического изъяна. Для того чтобы быть принятым Талмудом, аргумент должен быть безукоризненным в своей полноте» [17: с. 3]. Далее автор сравнивает талмудическую методологию с математической, т. е. истинно научной. Если воспринимать этот текст буквально, то «мудрецов Торы» можно сравнить с худшим вариантом средневековой схоластики. Но это совершенно не так. А. Штейнзальзц и многие другие доказывают, что еврейская экзегеза требует равно утонченного подхода как к мировоззренческим вопросам, так практическим, но это не означает, что талмудисты не видят между ними разницы. Так повелось, что в русском языке слово «талмудист» применяется к характеристике, человека догматически мыслящего, нетворческого. Это историко-логическое заблуждение. Талмуд – плод творческого и весьма практичного ума.

Право интерпретировать Тору и принимать решения по конкретным делам обосновывается двумя положениями. Первое. Господь говорит народу Израиля: «Ибо заповедь сия, которую я заповедую тебе сегодня, не недоступна для тебя и не далека. Она не на небе… И не за морем она... Но весьма близко к тебе слово сие: оно в устах твоих и в сердце твоем, чтобы исполнять его» [5]. Отталкиваясь от этих стихов «мудрецы Галахи» обосновали право на самое широкое толкование Торы. «Тора с небес», но Тора не на небесах». Это означает то, что источник ее на небесах, но жизнь ее проходит среди людей и для людей. Более того, Моисею Господь дал лишь основные правила и принципы, от которых надо отталкиваться и которые надо развивать. Еврейский философ Иосеф Альбо, живший в Испании в XIV–XV веках, писал: «Невозможно, чтобы Тора Всевышнего, благословен Он, удовлетворяла наши потребности на все времена, так как условия жизни и отношения между людьми и их дела во все времена меняются и обновляются. Невозможно такое количество проблем включит в одну книгу. Поэтому Моисею на Синае были преподаны общие пути, и в Торе содержатся вкратце намеки, дабы с их помощью мудрецы могли бы в каждом новом поколении извлекать из Учения все новые и новые подробности» [16: с. 233]. В этом смысле Тора имеет начало, но не имеет завершения. Второе. Тора вполне конкретно определяет тех лиц, получивших право на интерпретацию, т. е. мидраш – толкование, изучение. Если у кого-то из евреев возникают вопросы или споры, то Тора призывает их: «И приди к священникам левитам и к судье, который будет в те дни, и спроси их, и они скажут тебе, как рассудить; И поступи по слову, какое они скажут тебе… и постарайся исполнять все, чему они научат тебя; По закону, которому научат они тебя, и по определению, какое они скажут тебе, и не уклоняйся ни направо, ни налево от того, что они скажут тебе» [3]. Судят судьи по своему разумению, но они, хоть и знатоки Торы, но все же люди и могут ошибаться. Но этот небольшой ущерб терпим, ибо польза от наличия суда несопоставима с этим ущербом. Тем более, что каждое поколение привносит в право, что-то свое. Так, несмотря на уважение по отношению к предкам, оно не связано их решениями. Это отнюдь не означает, что предшественники ошибались. Нет, они были правы в отношении тех дел вопросов, которые решали применительно к тем обстоятельствам, но обстоятельства изменились, и теперь требуется иное решение с учетом новых обстоятельств и потребностей жизни. Этот принцип называется «Галаха – согласно решению последних». Иными словами происходит постепенное эволюционное изменение правовой системы, постоянное приведение ее в соответствии с потребностями времени. Следует подчеркнуть, что мидраш является основным источником права. М. Элон пишет: «Хотя у мудрецов Галахи и были другие пути разрешения новых проблем, например, принятие новых законов, т. е. законодательная деятельность, но эти пути были менее просты и удобны. Введение новых законов – это явная целенаправленная законодательная деятельность, которая меняет установившуюся и освященную Галаху, добавляя к ней новый закон, или, наоборот, отменяя уже существующий. Иное дело мидраш – с его помощью новая Галаха выводится из уже существующей Галахи, не прибавляя к ней ничего нового и, заведомо ей не противоречит. Благодаря мидрашу новая Галаха и текст Торы связаны прочной и естественной связью, в которой текст Торы является основой, а выведенная из него Галаха – прямым следствием из нее. Логика подсказывает, что когда мудрецы Галахи искали решения вновь возникающих проблем, они прежде всего прибегали к мидрашу, и только убедившись в невозможности найти удовлетворительное решение на этом пути они обращались к другим юридическим источникам Галахи, например, постановлению» [17: с. 259]. В данной цитате речь идет о так называемом порождающем мидраше, т. е. когда в процессе толкования рождается норма, которая как бы выводится из содержания стиха. Гораздо более важное значение для развития

права имеет мидраш подкрепляющий, т. е. поиск в Торе подтверждения уже существующей нормы. По сути дела интерпретатор здесь связан только целью, которую он перед собой поставил и собственной логикой. «Толкователь, разъясняющий Тору или выводящий из нее новую Галаху, должен подчиняться логическим правилам толкования и оставаться в той области, о корой говорит стих Торы, поскольку стих Торы является для него предметом объяснения или источником нового закона; тогда как толкователь, который лишь связывает существующую Галаху со стихом, имеет большую свободу, он может отойти от темы стиха – ему достаточно любой ассоциативной связи Галахи с текстом» [18: с. 271]. Выделяются 13 приемов мидраша, а также типы мидраша: поясняющий мидраш – объясняющий смысл стихов Торы; мидраш по аналогии (приравнивающий мидраш); логический мидраш; ограничивающий мидраш. Эти же виды и типы толкования применяются не только к Торе, но и ко всем остальным нормам, входящим в Галаху.

Сложность проблемы заключается не только, и даже не столько в изобилии галахических норм, сколько в их разнообразии. Галахоты действуют в трех системах отношений: в отношениях между людьми, в отношении человека к самому себе и в отношении человека к Богу. Следует ли исходя из этого подразделять сами правила, по крайней мере, на светские и религиозные, а светские в свою очередь, на юридические, моральные, ритуальные и т. д.? Ответ не так прост, как кажется. Во-первых, как понимать термин *право*? В случае максимально широкого его понимании *еврейское право* окажется чуть ли не тождественным понятию иудаизма. Так, проф. М. Зильберг в статье «Закон и этика» писал, «что сфера действия еврейского права не ограничивается только человеческими отношениями. В системе юридических отношений находят свое отражение также и отношения между евреем и Вездесущим, являющиеся ни чем иным, как отношением евреем и его внутренним религиозным и этическим чувством в самом себе, которые входят составной частью в систему юридических категорий, созданных законодателем» [6].

В соответствии с Краткой Еврейской энциклопедией еврейским правом (мишпат иври) называется та часть Галахи, «…которая касается отношения человека к другим людям и обществу в целом, а так же взаимоотношения государства и его граждан» [9: с. 715]. М. Элон полагает, что термин «еврейское право» охватывает только ту часть Галахи, которая сопоставима с теми нормами, которые считаются правовыми во всех современных правовых системах» [18: с. 151]. Представляется, что проф. М. Элон мыслит «более юридически», чем его коллега М. Зильберг. Он подчеркивает различие между Галахой «религиозной» и «судебной», между «исурой» (запретом), т.е. нормами религиозными и ритуальными и «мамоной» (богатством), т. е. нормами юридическими. «Исследуя этот вопрос, мы приходим к выводу, что несмотря на единство источников Галахи и характер мышления ее носителей, они отлично различали одну часть от другой, дела имущественные (денежные, финансовые), объединяются термином "амона", от всех прочих, именуемых "исура"» [18: с. 159]. Дела, касающиеся мамоны, и дела, касающиеся исуры, рассматривались по-разному. В имущественных отношениях их религиозная сторона далеко не всегда принималась во внимание. Например, совершающий сделки в субботу нарушает религиозный запрет и подлежит наказанию, но сами сделки считаются действительными. Более того, в сфере мамоны действует принцип «обычай аннулирует Галаху», т. е. местные обычаи имеют преимущество перед галахотами. И несмотря на то что элементы исуры часто присутствуют в делах мамоны, они не могут влиять на их юридическое значение. М. Элон приводит по этому поводу мнение одного авторитетных знатоков Галахи Нового времени: «Все имущественные дела, конфликты и денежные споры между людьми не следует уподоблять делам, связанным с выполнением заповедей Торы. Все, что она нам повелевает или запрещает, должно безусловно выполняться. Иное дело имущественные конфликты. Прежде чем на нас распространится Божья заповедь, обязывающая к уплате и возврату имущества, необходимо, чтобы суд обязал нас к этому… Следует учесть еще один важный принцип: когда мы разбираем дела о правах людей на имущество, приобретенные вещи, деньги и т. п., спор не о том, надо или не надо выполнять ту или иную заповедь, а о том, чье это имущество, кому принадлежит спорная вещь, кто вправе распоряжаться ею согласно юридическому праву» [18: с. 167]. Мамона является наиболее чувствительной частью Галахи. Она постоянно испытывает на себе воздействие различных экономических и социальных факторов. Это сделало ее достаточно гибкой и «определило ее удивительную способность к интенсивному развитию и совершенствованию» [18: с. 170].

Действительно, отталкиваясь лишь от нескольких положений «мудрецы Галахи» в процессе судопроизводства создали вполне действенную правовую систему. Следует особо отметить тот факт, что нормы, касающиеся суда и судопроизводства, были сформулированы еще до получения десяти заповедей. Причем предложены они не непосредственно Богом, а тестем Моисея Иофором. Дело было так. Иофор увидел как много времени и сил затрачивает Моисей, разбирая тяжбы своего народа, и сказал «…нехорошо это ты делаешь: Ты

измучаешь и себя и народ сей, который с тобою, ибо слишком тяжело для тебя это дело: ты один не сможешь исправлять его; Научай их уставам и законам Божиим, указывай им путь Его, по которому они должны идти, и дела, которые они должны делать; Ты же усмотри из всего народа людей способных, боящихся Бога, людей правдивых, ненавидящих корысть, и поставь их над ним тысяченачальниками, столоначальниками, пятидесятиначальниками и десятиначальниками; Пусть они судят народ во всякое время и о всяком важном деле доносят тебе, а все малые дела судят сами: и будет тебе легче, и они понесут с тобою бремя; Если ты сделаешь это, и Бог повелит, то ты сможешь устоять, и весь народ сей будет отходить в свое место с миром» [7]. Моисей так и сделал. А во Второзаконии, вспоминая об этом, он говорит: «И дал я повеление судьям вашим в то время, говоря: выслушивайте братьев ваших и судите справедливо, как брата с братом, так и пришельца его; Не различайте лиц на суде, как малого, так и великого выслушивайте: не бойтесь лица человеческого, ибо суд – дело Божие; а дело, которое для вас трудно доводите до меня, и я выслушаю его» [2].

Итак, интерпретирует Тору и создает новые нормы суд. Отсюда то внимание, которое уделяется ему как институту, творящему право. Евреев часто называют народом Торы. Но, кроме того, евреи – народ суда. Причем именно в юридическом смысле, а не только в широком религиозно-культурном. Созданный Моисеем суд просуществовал, как суд еврейской общины вплоть до эмансипации в XIX в.

К кандидатам на пост судьи предъявлялись чрезвычайно высокие требования. Это должны быть люди мудрые, знатоки Торы, имеющие соответствующее подтверждение «смиху», т. е. свидетельство о том, что его обладатель действительно сведущ во всех областях Галахи. «Смиха» передается как бы по цепочке от мудреца к мудрецу [12: с. 13–14]. Кроме того, надо знать и светские науки «…например, врачебное искусство, математику, астрономию, а также способы предсказывания по звездам, ворожбы, колдовства, идолопоклонства и тому подобного, чтобы иметь возможность судить в каждом из этих случаев», желательно знать много языков, чтобы не нуждаться в переводчиках [12: с. 9–10]. Судьями, как правило, назначаются люди из колен коэнов и левитов. Не могут быть судьями глубокие старики, скопцы, мужчины, не имеющие детей, ибо они могут быть немилосердны, а также еврейский царь, ибо с ним нельзя спорить. Обязательно у каждого судьи должны быть высокие моральные качества. «Это мудрость, богобоязненность, скромность, бескорыстие, любовь к правде, приязнь к ним людей, доброе имя» [12: с. 10]. Если судьи не отвечают этим качествам, то это не судьи, а бандиты [12: с. 12, 20]. Судья не должен получать никакой выгоды от своей работы, кроме судебных издержек. «Проклят тот, кто берет взятку» [12: с. 55]. Если судья заплатил за свое назначение, то «пусть накидка, в которую он закутывается, будет как попона осла» [12: с. 13]. Несмотря на то, что суд творение рук человеческих, в нем, если он соответствует изложенным требования, «удостаивается Божественного присутствия» и в этом смысле является священным местом, «поэтому судьи должны быть исполнены страха и трепета и вдумчиво, завернувшись в «талит», должны вникать в суть вопроса. Запрещено проявлять легкомыслие, или шутить, или разговаривать на посторонние темы на заседании суда, где должны звучать лишь слова Торы и мудрости» [12: с. 12]. И вне суда судья должен быть образцом для всех остальных. Он не должен быть высокомерен по отношению к другим, но нельзя быть и легкомысленным и позориться в присутствии народа. Судье следует одинаково относиться ко всем и к невеждам, и к простым людям и нести бремя заботы обо всем обществе. И общество в ответ будет относиться к нему с почтением [12: с. 60].

Цель суда справедливое решение, но, как известно, справедливое решение достигается путем справедливой процедуры. Требования справедливой процедуры в Торе изложены коротко: «Не делай неправды на суде; не будь лицеприятен к нищему и не угождай лицу великому; по правде суди ближнего твоего» [10]. Из этого следуют весьма важные практические процессуальные выводы. Главный из которых – необходимость обеспечения равенства сторон. Прежде всего, это касается равной возможности для сторон в доказывании своей правоты. Рамбам пишет: «Судья должен сказать то, что ему кажется правильным и замолчать. И нельзя никоем образом подсказывать одному из судящихся аргументы…» Но «Если судья видит, что у одного из судящихся есть факт в его пользу, и этот человек пытается высказаться и не знает как подобрать слова, или ему что-то мешает спасти себя этим аргументом, или он от злости и возбуждения забыл об этом факте, или запутался по глупости – можно ему немного помочь, дав ему понять, как нужно начать… Однако делать это надо очень осторожно, чтобы не стать "подобным адвокату" [12: с. 53]. Для судьи нет ни бедного ни богатого, ни знатного ни простого человека, ни праведника ни грешника. В том случае если неравенство бросается в глаза, судья обязан это неравенство устранить. Например, если один из судящихся одет в дорогие одежды, а другой нет, то судья предлагает богатому либо самому одеться бедно, либо богато одеть бедного. Относиться к сторонам должен одинаково: не может один сидеть, другой стоять, с одним быть приветливее, чем с другим и т. п. Если же судья испы-

тывает сомнения в своей беспристрастности, то он должен отказаться от рассмотрения дела. Ибо «оба судящихся должны быть равны в глазах судьи и в его сердце» [12: с. 56]. Для судьи нет дел более или менее важных: «В твоих глазах суд за тысячу бочек золота и суд за одну медную монету должны быть равны во всем» [12: с. 51]. Если же судья выносит заведомо неправосудное решение, устраивает судебную волокиту, то он – злодей; если же он выносит решение необдуманно и поспешно «это ненормальный, самонадеянный злодей» [12: с. 51]. Он совершает преступление не только против человека, но против Бога. «А судья, который судил праведно, хотя бы один час – как будто исправил весь мир. Такой судья приводит на Израиль Божественное присутствие…» [12: с. 56].

Обычно суд состоит из трех судей. Это минимальное число судей, так как решения принимаются на основании мнения большинства. Но те дела, которые предполагают смертную казнь, рассматриваются двадцатью тремя судьями. Такой суд называется малый синедрион (большой или великий синедрион состоял из семидесяти одного члена и являлся высшей судебной инстанцией древнего Израиля – уточнить). Почему именно двадцать три? Талмуд объясняет это следующим образом: «Откуда видно, что малый синедрион должен состоять из двадцати трех? – Из слов (Числ. 35, 24, 25): общество должно судить… общество должно спасти, т. е. десять оправдываю, десять обвиняют; а на каком основании остальные три? – На основании слов (Исх. 23, 2): не следуй за большинством на зло: из того, что ты не должен быть с ними на зло, следует, что ты должен быть с ними на добро. Может быть, ты вообще не должен быть с ними на зло? – Нет, сказано: склоняйся на сторону большинства, – даже на зло. Отсюда заключай: раз закон сказал: убивай на основании показания свидетелей, и убивай на основании голосов склоняющих, то как свидетелей должно быть двое, так и склоняющих должно быть двое. А так как суд не может состоять из четного числа, к ним прибавляют еще одного, так что всех двадцать три» [14: с. 239].

В делах о смертной казни ярко проявляется гуманистическая составляющая еврейской правовой культуры. Человек, созданный по образу и подобию Божьему, может быть лишен жизни при наличии очень серьезных оснований и при соблюдении особой процедуры, отличной от процедуры, принятой при рассмотрении иных уголовных дел и гражданских споров. Рамбам писал: «Еще говорят им (свидетелям – И.К.): знайте, что дело о смертной казни не похоже на имущественную тяжбу. В имущественных спорах человек платит деньги, и ему прощается; а в преступлениях, за которые положена смертная казнь, от решения зависит жизнь обвиняемого и жизнь всех его неродившихся потомков до конца времен, ведь сказано о Каине: Все крови брата твоего вопиют (Берешит 4:10) – его кровь и кровь его потомства. Поэтому и Адам, первый человек, был создан в мире единственным, чтобы мы поняли, что навлекший гибель на одну душу как будто навлек гибель на целый мир, а спасший одну душу – как будто спас целый мир. Ведь все приходящие в мир, подобны Первому человеку, но ни один человек не похож на другого; поэтому каждый может сказать, что ради него создан мир» [12: с. 30].

Судьи еврейского суда не только выносят приговор, но и выполняют функции защиты и обвинения. Поэтому, выслушав показания свидетелей, делятся на защитников и обвинителей. Причем в делах, касающихся смертной казни, обвинители могут изменить свое мнение и встать на сторону защиты, защитники же перейти на сторону обвинения не имеют права. Если же ни один из судей не осуществлял защиту подсудимого, тот не мог быть признан виновным. Для признания виновным требовалось большинство в два голоса, для признания невиновным достаточно большинства в один голос. При этом «…суд должен обсуждать дело о смертной казни очень обстоятельно, нельзя спешить. Суд, который убил человека раз в семь лет, называли кровожадным. Но, несмотря на это, если они видят необходимость убивать каждый день, могут убивать; однако никогда не судят двоих в один день, одного судят в один день, а другого – на следующий» [12: с. 34].

Приговоры и решения по всем делам выносятся на основании показаний свидетелей. Свидетелям задаются вопросы, касающиеся существа дела, кроме того, задаются вопросы «для проверки свидетелей». От ответов на эти вопросы зависит степень доверия их показаниям. «Чем больше вопросов задано в качестве "проверки", тем лучше» [12: с. 65].

Как уже указывалось, суд не связан своими предыдущими решениями. Действует принцип «Галаха – согласно решению последних», т. е. последнее решение отменяет предыдущие, человек обязан слушаться того суда, который действует при его жизни. Но все же существуют некоторые ограничения, хотя они носят скорее формальный, чем содержательный характер. Во-первых, следует тщательно изучить и обсудить мнение предшественников и убедиться в том, что оно не соответствует потребностям времени. Во-вторых, суд, отменяющий решение должен быть равен по мудрости и количеству предшествующему суду. По сути же компетенция судей определяется самими судьями. Рамбам писал: «Если сочли необходимым в некий момент отменить повелевающую заповедь или нарушить запрещающую заповедь, чтобы вернуть

народные массы к соблюдению закона или спасти многих из народа от нарушения других вещей – делают то, чего требует момент. Так же как врач отрезает ногу больного, чтобы тот выжил, так и Верховный суд имеет право указать в некий момент нарушить часть заповедей временно, чтобы впоследствии они соблюдались полностью. Об этом, например, говорили прежние мудрецы: «Нарушь ради него один шабат, чтобы он смог соблюдать много шабатов» [12: с. 106–107]. Но при этом формулируется очень важное требование: «Суд, которому кажется необходимым ввести некое ограничение, или постановление, или закрепить обычай, должен тщательно обдумать это, и выяснить заранее, может ли большинство людей выполнять это или не может. И никогда не накладывают на общество ограничение, которое большинство людей не могут исполнять. Если суд вел ограничение, предполагая, что большинство людей могут его выполнять, а в последствии оказалось, что люди затрудняются это выполнять, и новшество не получило распространения в обществе, то ограничение отменяется, и Суд не имеет права принуждать народ выполнять это постановление» [12: с. 107].

Столь широкие полномочия суда обусловлены, кроме всего прочего, взаимовлиянием, даже взаимопроникновение светской и религиозной составляющих судебной деятельности. Соединение в одном лице священнослужителя и судьи придавало особую авторитетность его решениям. В еврейской культуре религия и право усиливают действие друг друга. Поэтому право и мораль не противостоят друг другу, как, например, в российской традиции, а дополняют друг друга. Справедливость судебного решения понимается не формально-юридически, а с учетом все специфических обстоятельств. Еврейское судопроизводство следует принципу «когда правое – это левое, а левое – это правое». Этот принцип родился из толкования следующего стиха: «По закону, которому научат они тебя, и по определению, какое они скажут тебе, поступи, и не уклоняйся ни направо, ни налево от того, что они скажут тебе» [4], и не имеет отношения к противопоставлению истины и заблуждения, правильного судебного решения и судебной ошибки. Речь идет о праве суда откланяться ради справедливости от формальных требований. М. Элон по этому поводу пишет: «Так как суд во всех своих решениях стоит на страже справедливости, он обязан исключить саму возможность того, что применение закона может повлечь за собой несправедливость, по отношению к частному лицу из-за каких-то привходящих обстоятельств. Вершить правосудие во всех случаях жизни – первейшая обязанность судебных инстанций. Этому важнейшему принципу, по мнению многих наших мудрецов, и должно служить парадоксальное, на первый взгляд установление: если мудрецы говорят тебе на левое, что это правое, а на правое, что это левое – слушайте их… Есть истина всеобщая, коренная и есть истина локальная, специфическая, и судья не выполняет своего долга, если он, вынося решение, руководствуется лишь истиной всеобщей, корневой. Справедливым можно признать лишь такой суд, в котором учитывается также истина локальная, специфическая» [18: с. 237–238]. Данный принцип тесно связан с принципом «не букве закона». В соответствии с этим принципом суд ищет правду содержательную, а не формальную, учитывает все обстоятельства места и времени. Только так он может принимать истинно справедливые решения. Следует отметить, что эти два принципа хорошо известны и другим правовым системам: следовать духу, а не букве закона, буквальное следование закону ведет к несправедливости и т. п. Но существуют принципы, которые известны только еврейскому судопроизводству. Например, «ненаказуем людьми, но наказуем Небесами», «выполнил свой долг перед Небесами», «это не удовлетворяет мудрецов», «Тот, Кто взыскал…».

Принцип «ненаказуем людьми, но наказуем Небесами» сформулирован в части первой (Бава Кама) трактата Незикин в разделе, об ответственности причинителя вреда, в частности, врача по неосторожности причинившего вред [14: с. 36]. М. Элон объясняет суть этого принципа следующим образом. Если врач, т. е. специалист, имеющий соответствующее образование и опыт, нанес вред по небрежности или легкомыслию, то он подлежит уголовной ответственности. Если же вред является результатом ошибки, то уголовная ответственность не наступает. Иначе никто бы не согласился заниматься врачебной деятельностью. Однако в этом случае суду следует заявить: «Мы не заставляем вас возмещать ущерб, но ненаказуемый судом, вы наказуемы Небесами». Это должно побудить ответчика добровольно возместить ущерб, дабы в будущем не навлечь на себя наказание Небес [18: с. 172–173].

Принцип «выполнил свой долг перед Небесами» означает, что правонарушитель сам возлагает на себя ответственность по возмещению ущерба, даже тогда, когда сами потерпевшие не знают, что он нанесен.

Принцип «это не удовлетворяет мудрецов» предоставляет судьям свободу усмотрения. Благодаря ему может быть аннулировано любое юридически значимое и формально законное действие. М. Элон приводит, со ссылками на Рамбама, два примера действия этого принципа. Первый касается свободы завещания. По еврейскому праву каждый волен распоряжаться имуществом по своему ус-

мотрению. Поэтому еврейское право предусматривает свободу завещания. Но в Талмуде говорится: «Если кто отписал свое имущество другим, оставив (без наследства) своих сыновей, то сделанное им сделано, но мудрецы его не одобряют» [14: с. 202]. Сказанное касается даже тех случаев, когда имущество завещается на богоугодные цели [18: с. 145]. Собственно, это легко объясняется отношением евреев к семье и продолжению рода: «Первая заповедь, данная человечеству и первая заповедь, упоминаемая в Торе, это повеление Всевышнего: «плодитесь и размножайтесь». Согласно этому повелению каждый мужчина обязан жениться, чтобы иметь детей» [8: с. 385].

Принцип «Тот, Кто взыскал …». Полностью звучит так: «Виновный должен выслушать в суде следующее проклятие: "Тот, Кто взыскал с людей поколения потопа, с людей поколения Вавилонской башни, с жителей Содома и Аморы и с египтян, погибших в море за их преступления – Он взыщет и с того, кто не держит своего слова"» [13: с. 23]. Поэтому все те, кто не сдержал своего слова при заключении сделки, даже если формально сделка еще не была заключена, совершает поступок недостойный еврея, он должен принять предупреждение: «Тот, Кто взыскал…» и порицание со стороны мудрецов [13: с. 23–24].

Можно сказать, используя терминологию П. Рикера, что в процессе еврейского судопроизводства происходит взаимообразный процесс сакрализации юридического и юридизации сакрального. Поэтому суд легко может выходить за рамки собственно юридического и обращаться к морально-религиозной аргументации. Поэтому, как писал М.П. Шафир, мораль и право «идут рука об руку» [15: с. 25]. Уважение к праву и суду приходит вместе с верой и живет пока жива вера. Знание Торы и талмуда дает право судить, но судья, кроме всего прочего, еще и наставник. Причем обе роли переплетаются: судья незаметно превращается в священника наставника и наоборот.

Часто высказывается мнение о том, что в иудаизме этика доминирует над правом. Например, известный философ и юрист М.У. Шац-Анин писал: «Таким образом, мы видим, что во всех важнейших отраслях еврейского права "заповедь" берет верх над "законом", этическое веление над формальной нормой» [16: с. 26]. Этот вывод был сделан в ходе контрастирующего сравнения римского права с еврейским. Римское право, по его мнению, бездушно, формально, оно предназначено для защиты богатых и сильных. А еврейское право, напротив, защищает слабого, отвергает насилие. Его идеал слияние права и справедливости и т. д. [16: с. 21]. Кажется, что автор несколько преувеличивает недостатки римского права и достоинства еврейского права. Влияние этики на римское право тоже весьма значительно. Здесь не требуются специальные доказательства этого факта. Более того, мы можем увидеть очень много общего между римским частным правом и еврейским частным правом [15: с. 60]. Может быть, точнее говорить о том, что в еврейском праве этическое проявляет себя по-особенному. Во-первых, юридическая обязанность в еврейском правовом сознании нередко отождествляется с моральным долгом. По этому поводу в литературе, посвященной еврейскому праву, часто приводится пример с обязанностью вернуть долг. М. Зильберг пишет, что в еврейском праве этот вопрос решается совсем не так, как в римском. Погашение задолженности – это исполнение заповеди, а не выполнение юридической обязанности. «Стало быть, суд интересует не долг кредитора, а долг должника, его религиозно-нравственная обязанность, его исполнение заповеди, и только косвенно, как побочный результат, кредитор получает свои деньги» [6]. Во-вторых, римское право – это право вселенское, надэтническое. Еврейское право в течение всего периода существования – право этническое, действующее только между соплеменниками, сообщинниками, связанными общей целью – выживания, что не могло не отразиться на принципах нормативной системы. Например, еврейское уголовное право не признает виру за убийство, как у других народов. Дело в том, что убийство рассматривалось не как нарушение частного интереса, а интереса общественного так сказать, как преступление, совершенное в кругу «семьи». Устанавливалось правило седьмого года, когда происходило перераспределение земли и прошение долгов. Самый справедливый суд тот, который добивается полюбовного соглашения сторон и т. п. Но все эти нормы действуют только между соплеменниками единоверцами. Еврею, например, запрещено давать деньги в рост еврею, а не еврею можно и т.п. Иудейская мораль требует всячески поддерживать друг друга, причем даже с помощью не совсем честных ухищрений. Так, Рамбам дает следующий совет: «Если в суд пришли нееврей и еврей, и у еврея есть возможность выиграть дело по местным нееврейским законам, судят их по этим законам и говорят нееврею: «таков ваш собственный закон»; а если еврей оказывается прав по закону Торы, судят их по закону Торы и говорят: «таковы наши законы» [12: с. 172].

А.П. Лопухин отмечал, что еврейское право (Моисеево законодательство), с одной стороны, принадлежит к восточному типу культуры, а с другой – к европейскому [11: с. 4–5]. По его мнению, именно религиозность характерна для восточного типа культуры, поэтому нравственные требования приобретают общеобязательную силу, как и право-

вые нормы, ибо они имеют один источник – Бога. Основное же отличие от восточных систем заключается в том, что «Моисеево законодательство по самой своей идее есть выражение свободного союза между Богом и народом» [11: с. 4–5]. Защиту своих интересов человек находил в общине, здесь обеспечивались его права и свободы, отсутствовали сословные, различия, поддерживалось экономическое равенство, суд, созданный Моисеем, образец для всех времен. В общем, А.П. Лопухин во многом прав. Особенно применительно к тому времени, когда писалась эта книга – 1882 г. и к месту – Россия. Однако думается, что ценности европейская цивилизация выработала самостоятельно, хотя и не без влияния иудаизма. Собственно, благодаря Иисусу Христу основные достижения иудаизма стали всеобщим достоянием и, прежде всего, это идея самоценности каждой отдельной человеческой личности. Той личности, которая стала впоследствии восприниматься в качестве субъекта права.

Итак, еврейское право – продукт многовекового творчества еврейского народа в лице «мудрецов Торы». Иногда, например, М. Элон сетует на то, что еврейское право пользуется недостаточным вниманием в современном Израиле. Если при этом имеется в виду возрождение еврейского права в духе Рамбама и других интерпретаторов Торы и талмуда, то в современном интернационализирующемся мире это невозможно, да и не нужно. Если же речь идет о сохранении фундаментальных культурных принципов, то, конечно, современное право Израиля должно питаться от этого источника. Несомненно, также и то, что еврейское право и еврейская правовая культура исподволь или непосредственно оказывали и продолжают оказывать влияние на общечеловеческие правовые ценности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. *Бялик, Х.Н.* «Галаха и Агада» [Электронный ресурс] / Х.Н. Бялик. – Режим доступа: http://www.judaicaru.org/ library/ halana_ agada_ 1. html С.2

2. Второзаконие (далее Втор.). 1: 16–17.

3. Втор.17: 9–10.

4. Втор. 17:11.

5. Втор. 30: 11–14.

6. *Зильберг, М.* «Закон и этика» [Электронный ресурс] / М. Зильберг. – Режим доступа: http://www. chassidus. ru/nedelnaya_ glava/ voschozhdeniye / katavot/etira.htm

7. Исход. 18: 17–23.

8. Кицур Шулхан Арух. Иерусалим 5766, Нью-Йорк 2002. – Т. 2.

9. Краткая еврейская энциклопедия. – Т. 6. – Иерусалим, 1976.

10. Левит. 19:15.

11. Лопухин А.П. Законодательство Моисея. М., 2005.

12. Рамбам. Мишне Тора. Книга 14 или Книга Судей. Б.м. 2004.

13. Рамбам. Мишне Тора. Кн.Х11. Законы о собственности. Б.г. Б.м.

14. Талмуд. – В 6 т. Т. 4. – СПб., 1903.

15. *Шафир, М.П.* Очерк Моисеево-талмудического права / М.П. Шафир. – СПб., 1871.

16. *Шац-Анин, М.* Темпорализм. Опыт философии еврейской культуры / М. Шац-Анин. – Рига, 1919.

17. *Штейнзальц, А.* Введение в Талмуд. Основные понятия и терминология / А. Штейнзальц. – Иерусалим – Москва. 5765-2006.

18. *Элон, М.* Еврейское право / М. Элон. – СПб., 2002.

СВОД ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ РАЗВИТИИ РОССИИ (1820-е –1850-е гг.)

С.В. Кодан

Кодан Сергей Владимирович – доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Уральской государственной юридической академии (г. Екатеринбург).

В статье анализируется место и роль создания Свода законов Российской империи в политике и практике деятельности Российского государства. Автор показывает место и роль М.М. Сперанского в подготовке концепции комплексной систематизации российского законодательства, определения в ней места Свода законов, выработки правил составления и организации проведения работ по упорядочению узаконений. Показывается ход систематизационных работ, структура свода, порядок его издания, введение в действие и переиздания. Для Свода законов как акта систематизации характерны следующие черты: *являлся официальным изданием упорядоченного действующего общегосударственного (общеимперского) законодательства с повышенным уровнем официальности* (был санкционирован императором) и выступал как основной источник позитивного права; *формировался на основе предварительной многоуровневой обработки законодательства* – использовании в сочетании двух видов систематизации – *консолидации и инкорпорации; официально установил систему законодательства*, обеспечив оперативный поиск действующего нормативно-правового материала, являясь правовым классификатором. В публикации констатируется, что издание Свода законов явилось существенным прорывом в правовом развитии России. Он создал условия для дальнейшего совершенствования правового регулирования отношений, возможность для проведения дальнейшего его упорядочивания в Российской империи. Свод законов повысил уровень законности в деятельности государственных учреждений и правоприменительной практике, лег в основу изучения российского права в юридических учебных заведениях, оказал значительное влияние на развитие и становление русской юридической науки и образования. В результате систематизационных работ определилось и получило развитие направление юридической техники, связанное с упорядочением законодательства. Отечественный опыт развития юридической техники может быть использован и в создании Свода законов Российской Федерации.

Ключевые слова: история государства и права России, юридическая политика, законодательная деятельность, система права, систематизация законодательства, Свод законов, юридическая техника.

Создание в 1826–1832 гг. Свода законов Российской империи явилось одним из наиболее ярких событий в государственно-правовом развитии России. Оценивая издание Свода законов, известный российский историк права профессор А.Н. Филиппов писал, что «…приведение в ясность и систему всего нашего законодательства, положения которого по большей части выражались до Свода во множестве казуистичных, разнопринципиальных и повсюду разбросанных норм, имело громадное научное, и практическое значение. Законы, доселе известные, главным образом, только немногим дельцам-юристам, открылись для изучения всех» [41: с. 12]. Настоящая статья посвящена оценке места и роли указанного акта систематизации законодательства в государственно-правовом развитии России.

1. Систематизация законодательства как политико-юридическая проблема в деятельности российской власти

Проблема систематизации законодательства на протяжении XVIII – первой четверти XIX вв. стала серьезным препятствием в развитии российской государственно-правовой системы и определилась в качестве одного из приоритетных направлений в юридической политике Российского государства как его властно-управленческой деятельности, направленная на развитие юридической сферы государственной деятельности. Стремления российской власти к упорядоченному законодательству четко просматривается на протяжении всего XVIII столетия. Оно шло параллельно с постепенным усилением опоры верховной власти на закон как основное средство в управлении социальными процессами. Первая четверть XIX в. стала новым этапом в правительственных попытках разрубить «гордиев узел» проблемы преодоления хаоса в законодательстве – была налажена работа Комиссии составления законов, созданы ряд проектов кодифицированных законодательных актов (проекты Гражданского, Торгового и Уголовного уложения и Устава уголовного судопроизводства). Но в силу недостаточного развития техники и практики создания кодифицированных актов, ряда политических проблем эти проекты не получили силу законов. Но именно в это время четко обозначились требующие решения проблемы систематизации российских узаконений [3; 20; 24; 38].

Александр I, а затем и Николай I, неизменно объявляя при вступлении на престол о своем желании обеспечить законность и ограничить произвол различного рода властей. Но юридическая практика неизменно сталкивалась с тем, что никто не мог назвать количество действующих узаконений, ручаться в достоверности того или иного правового

акта, на основе которого решались дела в высших государственных учреждениях, не говоря уже о присутственных местах отдаленных губерний. Так, например, при составлении Полного собрания законов Российской империи было собрано свыше 53 тыс. «узаконений», хотя при дальнейшей проверке выяснилось, что их было около 30 тыс., т. е. «действующими» считалось почти в два раза больше так называемых «законов». Именно эту проблему и предстояло решить М.М. Сперанскому. Без преувеличения можно сказать, что создание и издание Свода законов осуществилось благодаря таланту правоведа и огромному личному труду юриста-систематизатора законов М.М. Сперанского. Проблема систематизации законодательства в начале второй четверти XIX в. обострилась и выделилась в число приоритетных направлений юридической политики Российского государства [12].

2. М.М. Сперанский как теоретик создания Свода законов

М.М. Сперанский выстроил концепцию систематизации российского законодательства, в которой Свод законов занимал центральное место. Сперанский в январе 1826 г. представил Николаю I две записки: «Краткое историческое обозрение комиссии составления законов» и «Предположения к окончательному составлению законов» – с конкретными предложениями продолжить работу по систематизации узаконений. По его мнению, необходимо было разобрать весь накопившийся законодательный массив страны и начать с хронологической инкорпорации российских узаконений. Результатом первого этапа должно было стать *Полное собрание законов Российской империи*. Следующим этапом должна была стать тематическая инкорпорация государством законодательства России на уровне *Свода законов*, отдельные части которого (на уровне тематической, отраслевой консолидации) объединили бы отраслевое законодательство. При этом давалось общее понятие свода – «Свод есть соединение законов, существующих по какой-либо части, расположенное в известном порядке» [34: с. 435]; [8]. Предложения были восприняты императором Николаем I положительно, который и «остановил свой выбор на Своде законов существующих с исключением всего недействующего, но без всяких изменений в существе их» [1: с. 431]. Император также выделил вопросы систематизации узаконения в сферу личного руководства, создав для проведения работ по упорядочению законодательства в составе Собственной е.и.в. канцелярии 31 января 1826 г. специальное II отделение, в задачи которого входило упорядочение узаконений. В ходе деятельности данного учреждения и практического воплощения замыслов по созданию Полного собрания законов и Свода законов М.М. Сперанский разработал, проработал и воплотил в жизнь свои концептуальные подходы к созданию актов систематизации законодательства. В концентрированном виде они были изложены им в 1833 г. в «Обозрении исторических сведений о Своде законов» – теоретико-практическом руководстве и первом учебнике по Своду [32].

М.М. Сперанский, прежде всего, определил *политико-управленческие задачи создания Свода законов* – «главные причины, по коим решено было, прежде всего, приступить к составлению Свода как к делу, необходимому в настоящем, и как к основанию постепенных усовершений в будущем», анализ которых был сделан на основе изучения и обобщения деятельности систематизационных учреждений с начала XVIII в. При этом Сперанский обращается к авторитету известного английского философа и юриста Ф. Бэкона, труды которого были хорошо известны в России и подчеркивает «"Когда законы, – говорит канцлер Бэкон, – нарастая одни над другими, умножатся до такого количества или придут в такое смешение, что представится необходимым сделать им в самом существе их разбор и устроить их в другой лучший и удобнейший состав, то да будет сие первым делом, важнейшим подвигом законодательства". Сей совет, начертанный, очевидно, для Англии, столько же, и еще более, может быть приложен к отечеству нашему» [2; 32: с. 146, 151]. Круг задач, решение которых было связанно с систематизацией законодательства, Сперанский обозначил в трех плоскостях.

Первая задача – повысить качество и эффективность законотворческой и правоприменительной деятельности, и ее решение Сперанский ставил в прямую зависимость от упорядоченности узаконений. Он отмечает, что «…там, где законы не приведены в один состав … всегда есть опасность, исправляя один закон, неожиданно и сверх чаяния изменить или ослабить другой; там – каждое пояснение и дополнение, составляя отдельный закон, по необходимости умножает их число и затрудняет точность исполнения». Не менее важным он видел значение Свода законов и в правоприменительной практике и необходимости обеспечения в ней режима законности, и обращает внимание на то, что «настоящее наше законодательство состоит из 35 000 актов. Около половины из них, быв или отменены, или ограничены позднейшими актами, или, составляя одно повторение, принадлежат к истории. Сей избыток тяготит, затрудняет бесчисленными ссылками и справками настоящее делопроизводство, ставя производителей в необходимость вместо одного, двух или трех решительных указов выписывать и приводить десять совершенно ненужных и вместе с тем, открывая пространное поле подбору

указов и ябеде. Свод, очищая законы от сей смеси, отсекая все повторения, тем самым ставит делопроизводство на истинном его пути, и если не может истребить вовсе ябеды, то, по крайней мере, может значительно стеснить и уменьшить ее» [32: с. 148–149].

Вторая задача – обеспечить официальной правовой информацией государственные структуры и подданных, и ее решение Сперанский ставил в прямую зависимость от государства, которое должно было создать Свод законов и представить для реализации правовых предписаний обобщающие и доступные носители сведений о них. При этом он считал невозможным восполнить недостатки информационного обеспечения частными систематизациями и подчеркивал, что их «главные недостатки … суть: неполнота в их содержания, и неверность в тексте и в показаниях времени, когда состоялись указы» [32: с. 126–141]. Требовалось создание актов систематизации узаконений исключительно на официальном уровне.

Третья задача – создание базы для проведения правовых исследований и подготовки специалистов, связанных в своей деятельности с правом (юристов и госслужащих). По мнению Сперанского «трудность в законоведении» не будет преодолена, если «законы не будут прежде приведены в правильный состав». Без этого «нельзя нам ожидать ученого законоведения. Основание его лежит на правильном составе самых законов. Оно начнется в полном его значении с изданием Свода. Тогда только можно будет помышлять об учебных и ученых книгах и твердом образовании нашего юношества в отечественных законах» [32: с. 150–151].

Именно эта триада определенных М.М. Сперанским задач, решаемых посредством издания Свода законов, и легла в основу всей практической деятельности по созданию данного акта систематизации законодательства. Он выступил и в качестве создателя основ юридической техники в части упорядочения законодательного массива страны.

М.М. Сперанский *теоретически обосновал выбор типа Свода законов.* Он сделал это на основе анализа известных в истории развития западноевропейских и отечественной правовых систем шести видов сводов как актов упорядочения узаконений. При этом он апеллировал к западно-европейскому опыту упорядочения законов и авторитету римского права и подчеркивал, что в Европе «все почти государства, при самом вступлении их на чреду настоящего образования, получили богатое наследство: римские законы» и «действие сих законов на западе Европы никогда не пресекалось», а «законодательство стояло уже несколько столетий на твердом и обширном основании свода Юстинианова и на сем-то основании строили новое здание. Таким образом, прежде нежели родились нужды и случаи, законы к разрешению их были уже готовы, и законы, высоким знанием придуманные, долголетним опытом испытанные и веками утвержденные. Оставалось только их познать и черпать по мере нужд и случаев из глубокого, неиссякаемого их источника …» Сперанский обращается к главным кодификациям в римском праве – Феодосия II в первой половине V в. и Юстиниана в первой половине VI в., с которыми он был прекрасно знаком по европейской и русской литературе – по работам Л.А. Цветаева, В.Г. Кукольника, Н.Ф. Рождественского [19; 29; 42;43]. Оценка кодификации Юстиниана Сперанским заключалась в констатации, что «состав Юстинианов представляется в двух видах: 1) как свод прежних законов; 2) как закон новый по тем изменениям, кои в прежних законах отчасти самим Юстинианом…, отчасти сочинителями свода по его дозволению были сделаны. Первый вид есть главный, ибо в нем заключается существо самого состава» как комплексного объединения действующих русских узаконений. Эта посылка и выступила в качестве общего концептуального подхода к созданию Свода общероссийских законов, а его «существо» Сперанский определяет – «…он должен быть Corpus juris, общим составом законов, и в сем понятии должен обнимать все части законодательства во всей их совокупности». Но при этом Сперанский весьма справедливо подчеркивал, что хотя российское законодательно «не столь обширно, как в других государствах: то здесь должно принять в уважение, во-первых, что на этом поприще они предупредили нас многими веками, и, во-вторых, они, при самом вступлении их, получили … вековое наследство; мы, напротив, должны были все, или почти все производить собственными силами, и потому наше богатство есть не заимствованное, но свое собственное» [32: с. 142–145]. Поэтому, по мнению Сперанского, Свод законов в России должен был быть объединением действующих узаконений российских и не заимствовать положений европейского законодательства, что присутствовало при создании проектов кодексов в первой четверти XIX в.

М.М. Сперанский *выделил два уровня Сводов законов*: (1) *Свод законов Российской империи* как общий (общегосударственный, общеимперский), положения которого распространялись бы на все территории страны; (2) *своды местных узаконений* (источники партикулярного права), которые бы определяли изъятия из общеимперского законодательства и действовали в отношении жителей строго определенных локальных территорий. При этом он последовательно проводил идею создания единого правового пространства Российской империи с учетом особенностей правового развития отдельных народов. Еще в 1809 г. во «Введении к Уложе-

нию государственных законов» он указывал, что отдельные национальные регионы, присоединенные к России, «имеют особенное устройство с применением к ним общих государственных положений» [35: с. 191]. В ходе работ над Сводом законов Сперанский подчеркивал, что «…есть законы, действующие вообще во всем пространстве империи, и есть законы местные, особенные, которых действие допускается только в некоторых областях ее. Поэтому положено в общем Своде соединить все законы первого рода, а законы второго рода, разобрав, соединить в двух Сводах особенных: один для губерний западных, другой для остзейских» (отсюда обозначение Свода законов российской империи как «общего»). При этом он указывает на значимость упорядочения узаконений на двух уровнях политико-правовой системы Российской империи – общегосударственного (имперского) и национальных регионов (местном) и отмечает, что «если многосложность законов затрудняет ход дел внутри империи, то трудность сия очевидно должна быть несравненно более в краях присоединенных, где законы российские непрестанно должно соглашать с законами местными, кои также раздробительны и разнообразны. Когда же, напротив, и общие и местные законы приведены будут в свои составы, тогда черта, их разделяющая, будет очевидна, случаи противоречия будут редки и удобно разрешаемы» [32: с. 148, 153, 172]. По его инициативе начались работы во II отделении двумя сводами – остзейских и западных губерний, а также систематизация узаконений в государственно-автономистких образованиях – Великом княжестве Финляндском и Царстве Польском. Одновременно в планы Сперанского входило и создание сводов ведомственного законодательства – военного, морского, церковного и т. п., что должно было четко согласовать узаконения на межведомственном уровне и сделать его доступным для правоприменительной деятельности. Это позволило определить место и параметры Свода законов Российской империи как общегосударственного акта систематизации узаконений.

М.М. Сперанский *разработал общие принципы составления Свода законов*, в основу которых положил заимствованные им у английского философа и юриста Ф. Бэкона афоризмы, которые от уровня философских умозаключений им были доведены до степени принципиальных основ и на которых базировалась организация и содержание систематизационных работ. При этом подчеркнем, что умозрительные построения Бэкона были доведены до уровня правил юридической техники и успешно реализованы на практике [2; 32: с. 151–153, 172]. Анализ содержания концептуальных положений Сперанского относительно создания Свода законов позволяет свести их к следующим десяти правилам юридической техники создания свода:

1. *Свод законов имеет своей целью упорядочить действующий законодательный массив и сделать его информационно доступным для государственных органов и подданных* – «законы по возникающим делам и случаям необходимо прибавляются, то, дабы прекратив разнообразие и смешение в минувшем, предупредить его и в будущем, положено, по совершении Свода настоящего, установить постоянный порядок и на … последующее время».

2. *Свод законов выступает средством обеспечения единства правового пространства и законности с учетом общегосударственных целей правового регулирования и особенностей правового развития отдельных национальных регионов империи* – «есть законы, действующие вообще во всем пространстве империи, и есть законы местные, особенные, которых действие допускается только в некоторых областях ее» и поэтому положено в общем Своде соединить все законы первого рода, а законы второго рода, разобрав, соединить в двух Сводах особенных: один для губерний западных, другой для остзейских».

3. *Свод законов носит официальный характер и должен составляться специально созданным для этого государственным органом под контролем высших органов государственного управления* – этот состав законов … должен быть утвержден надлежащей властью, дабы, под видом законов старых, не вкрались законы новые» и «часть Свода по окончании ее представляема была на усмотрение государя императора и потом поступала в предназначенную ей ревизию … ревизии … мест управления к которым они принадлежат».

4. *Свод законов выступает в качестве акта систематизации исключительно действующих законов* – «неупотребительными законами считать только те, которые отменены силой других позднейших постановлений», а «из двух несходных между собой законов надлежит следовать позднейшему…: ибо прежний считается отрешенным тем самым, что постановлен на место его другой».

5. *Свод законов не может выступать актом законотворчества и содержать в свои статьях новые правовые нормы, которых не содержались в систематизируемых узаконениях* – его статьи «обнимают только прошедшее и не определяют ничего в будущем» и в них «должно ограничиться тем, чтобы каждый закон представлен был так, как он есть в существе его, без перемены и исправления».

6. *Свод законов должен обеспечить получение обобщенной и сконцентрированной в его структурных элементах нормативно-правовой информации органами государственного управления и*

подданными – «исключить все повторения, и вместо многих постановлений, одно и тоже гласящих, принять в свод одно из них полнейшее».

7. *Свод законов не мог в результате проведения систематизации законодательного материала разрешать коллизионные ситуации, содержащиеся в исходных узаконениях* – он «переступил бы свои границы, если бы сочинители … принялись судить, который из двух противоречащих законов лучше» и «если бы несходство одной статьи с другой встретилось в одном и том же постановлении: то … одна только законодательная власть может его исправить».

8. *Свод законов должен максимально и адекватно воспроизводить в своих статьях положение нормативное содержание узаконений* – «сохранить так, как она стоит в тексте, – хотя бы иногда и можно было изложить ее и лучше и короче» и соблюдать правила: «статьи…, которые основаны на одном действующем указе или постановлении, излагать теми самыми словами, какие стоят в тексте, без малейшего их изменения»; «статьи, которые составлены из двух или более указов, излагать словами указа главного, с присоединением из других тех слов, которые служат ему дополнением или пояснением»; «статьи, составленные из соображения многих Указов, излагать по … смыслу, какой они представляют в их совокупности».

9. *Свод законов должен в примечаниях к статьям иметь четкое указание на систематизируемые узаконения и акты их официальной публикации* – «под каждой статьей обозначать с точностью те указы и постановления, из которых она составлена».

10. *Свод законов должен определить на официальном уровне систему законодательства и поддерживаться государственными органами в соответствующем состоянии путем ежегодного дополнения и периодического переиздания* – «вновь исходящее было распределяемо в ежегодном его продолжении, и чтобы таким образом состав законов, единожды устроенный, сохраняем был всегда в полноте его и единстве».

М.М. Сперанский *разработал систему общеимперского законодательства и определил структуру Свода законов*, которые впервые ввели четкие теоретически проработанные критерии организации законодательства. Они представляли своеобразный «правовой классификатор» – схему расположения правового материала в Своде законов, позволяющую как выделить сферы правового регулирования, так и обеспечить поиск необходимых в реализации права правовых норм, представленных в статьях свода. Он выделял «законы государственные» и «законы гражданские» [32: с. 156–158]. *План построения Свода законов* М.М. Сперанский определил на рассмотренных выше концептуальных основах построения системы законодательства и выстраивания свода как акта систематизации законодательства. Свод законов распределял нормативно-правовой материал на восемь «главных разрядов законов», получивших обозначение «книги», которые затем делились на тома, а тома на части – отдельные своды [32: с. 154–157; 33: с. 56–58]. В итоге была принята следующая структура Свода законов (с коррективами она сохранялась до 1917 г.), которая включала восемь книг и 15 томов Свода законов – в современном понимании их можно рассматривать как отрасли законодательства:

- *книга первая*: Основные государственные законы, Учреждением об Императорской Фамилии (т. I, ч. 1), а также учреждения: центральные (т. I, ч. 2) и местные (т. II), уставы о службе государственной (т. III);
- *книга вторая*: уставы о повинностях (т. IV);
- *книга третья*: уставы казенного управления: о податях и пошлинах (т. V), устав таможенный (т. VI), уставы монетный, горный, о соли (т. VII), уставы лесной, оброчных статей, арендных старостинских имений (т. VIII);
- *книга четвертая* – законы о состояниях (т. IX);
- *книга пятая*: законы гражданские и межевые с законами о гражданском и межевом судопроизводствах (т. X);
- *книга шестая*: законы государственного благоустройства: уставы кредитный, торговый, промышленности (т. XI), путей сообщения, строительный, пожарный, о городском и сельском хозяйстве, о благоустройстве в казенных селениях, о колониях иностранцев в империи (т. XII);
- *книга седьмая*: законы благочиния (полицейские): уставы о народном продовольствии, об общественном призрении и врачебный (т. XIII), о паспортах и беглых, о предупреждении и пресечении преступлений, о содержащихся под стражей, о ссыльных (т. XIV);
- *книга восьмая*: законы уголовные и уголовно-процессуальные (т. XV, кн. 1–2).

М.М. Сперанский *проработал этапы создания Свода законов*, которые в свою очередь определяли реализацию отдельных стадий, каждая из которых предусматривала проведение комплекса работ на основе определенных технико-юридических приемов и обеспечивала продвижение к намеченной цели. Впервые на теоретическом и практическом уровне были разведены основные виды упорядочения узаконений (учет, инкорпорация, консолидация и кодификация) и выделены организационные особенности подготовки Свода законов как особого акта систематизации законодательства. Все это делалось и корректировалось по мере самих систематизационных работ.

Сперанский выделил два этапа создания Свода законов.

Первый этап *– подготовительный* включал две стадии (создание Полного собрания законов и составление Сводов исторических), которые предусматривали следующую деятельность по упорядочению законодательного массива:

• *первая стадия – создание Полного собрания законов* – состояла в подготовке и издании самостоятельного акта систематизации узаконений в виде хронологической инкорпорации, в которую были включены исключительно акты нормативно-правового характера (законы) вне зависимости сохранения или утраты ими юридической силы. Были выделены две «эпохи», которые определи деление Полного собрания законов на два собрания: первое – с Соборного уложения 1649 г. по окончании правления Александра I и второе – с начала царствования Николая I с 12 декабря 1825 г., которое выполняло роль официальной публикации издаваемых узаконений и «продолжать ежегодным изданием законов каждого минувшего года в течение последующего». Также были определены правила отбора нормативно-правового материала и предписано «в составе Собрания вмещать по порядку времени все постановления, ко всегдашнему исполнению от верховной власти или именем ее от учрежденных ею мест и правительств изданные. При сем не допускать различия между законами ныне действующими и законами отмененными. Разбор таковой принадлежит не к Собранию, но к Своду». В отношении судебных решений делались исключения только в следующих случаях: если они носили характер судебных прецедентов – «коих сила распространена в самом их изложении на все случаи, им подобные» или, «быв вначале частными, приняты впоследствии примером и образцом других решений и таким образом сделались общими», а также если в них давалось толкование правовых норм – « решения частные, но в них сделано изъяснение закона общего, установлен точный смысл его и отвергнуты толкования, с разумом его несообразные». Сперанский четко развел место и роль Свода законов и Полного собрания законов – «Свод – как закон буквальный, как основание решений, а текст Собрания как руководство к лучшему и полнейшему закона разумению». Полное собрание законов, таким образом, выступало базой для отбора правового материала, необходимого для составления Свода законов [32: с. 158–165; 36: с. 1–28; 45; 46];

• *вторая стадия – составление Сводов исторических* – предусматривала обозрение состояния законодательства в период 1649–1830 гг. путем подбора узаконений на основе общего плана и детализированной структуры самого Свода законов (книги, тома, разделы, главы и отделения) до уровня статей. Вначале законодательные акты «приискиваемы и отмечаемы были на особых выписках, без всякого различия действующих от недействующих, лишь бы они имели отношение к данному предмету», а затем проводился анализ законодательного материала путем сравнения «узаконений одного года с узаконениями другого» и их классификации на три группы: отменяющие, поясняющие или дополняющие ранее изданные законоположения. В итоге первые (отменяющие, установленные положения узаконений) исключались, а вторые и третьи (поясняющие и дополняющие, сохраняющие силу законоположения) «прилагаемы к первоначальному узаконению» и «таким образом составлялась история изменений закона», которая поднималась от уровня статей (первоначальной текстуальной единицы свода) до уровня его книг. При этом отправной точкой должны были по возможности выступать акты кодифицированного характера (уставы, учреждения, жалованные грамоты), которые отменяли ранее изданные узаконения и с них «во многих отделениях и даже в целых главах можно было начать сравнение … со времени ближайшего, и с сей точки идти к настоящему». А там, где это было невозможно, «надлежало восходить к самым первоначальным их источникам». Интересное решение нашел Сперанский в коллизионных ситуациях – когда «прежние указы отменяются не словами, а только силою и смыслом указов новых», и предлагал давать историческое толкование совокупности узаконений, так как, по его мнению, «открыть перемену нельзя иначе, как сравнив силу одного постановления с силою другого, а для сего необходимо нужно поставить их в связи исторической». Сперанский, таким образом, здесь создал технико-юридические приемы отбора действующих нормативно-правовых актов для подготовки структурных элементов Свода законов [32: с. 166–167].

Второй этап *– окончательный* включал четыре стадии (составление текста Свода законов; ревизия и исправление Свода законов; внесение дополнений и изменений в Свод законов; создания указателей к Своду законов), которые предусматривали следующую деятельность:

• *первая стадия – составление текста статей Свода законов* – состояла в подготовке его статей, которые на основе «исторических изысканий и выписок достигали полноты и точности» и «принимали определенную форму законных правил». В основание подборки узаконений и подготовки статей свода были рассмотренные выше принципы-правила его подготовки. В ходе работ систематизаторы первоначально должны были «собранные и уже очищенные от посторонней смеси тексты закона распределить по своим местам в виде статей», из которых «составлялись отдельные своды», а затем

провести работу, при которой «сии самые своды сравниваемы были между собою в их совокупности», устранялись повторения и коллизии и в результате давалось «сим отдельным частям надлежащее единство». Одновременно, при сохранении «главного плана» свода, должны были вноситься коррективы в «частные и подробные планы» отдельных частей (сводов) и проводилось их согласование между собой. При этом особо отмечался производный от консолидируемых узаконений содержательный характер статей самого свода, что определялось требованиями: излагать их «теми же самыми словами, как стоят в тексте», «словами главного указа с нужным из других дополнением» или «другими словами» при составлении теста свода «из многих указов» но исключительно «в полном, совокупном их смысле» и обозначать «под каждою статьею … источники, из коих она почерпнута» – «чтобы дать каждой статье Свода законную достоверность». Обратим внимание и на то, что Сперанский, признавая за Сводом законов силу официального источника позитивного права, отводил ему роль производного от исходных узаконений носителя нормативно-правовой информации и допускал возможность коллизии его положений с содержанием консолидируемых законов. Вводя требования указывать ссылки на законодательные основы свода, он указывал, что «…они нужны как верный путь к разуму закона, как способ к открытию причин его, как руководство к познанию истинного его смысла в случае сомнений; они нужны как лучшая система истолкований – система, основанная не на мнениях и выводах произвольных, но на простом сличении двух форм одного и того же закона: первообразной и производной. Они охраняют связь между сими двумя формами, связь, столь необходимую, что без нее расторгалось бы самое его единство». Этим особо подчеркивалась неразрывная связь двух источников права – первичных узаконений и Свода законов как производной формы изложения законодательных актов. Исключение с точки зрения отсылок к исходным узаконениям составляли лишь так называемые «переходные статьи», которые не содержали нормативные предписания, а лишь обеспечивали «необходимую связь статей между собою». Одновременно при составлении статей свода должны были даваться *примечания* как в виде ссылок к отсылок к другим частям свода для обеспечения взаимосвязи его положений в целом, так и в виде тех, которые «излагают в кратких словах историю закона, когда она нужна к лучшему его уразумению, ссылаясь также на источники, из коих она почерпнута» и которые при издании свода в его текст включаться были не должны. При подготовке использовался также бланкетный способ построения свода, а систематизаторы должны были подготовить к статьям свода *приложения* – «разные формы и табели, в производстве дел необходимые и законом утвержденные» и некоторые дополнительные нормативно-правовые документы (инструкции, правила и т. п.), в которых «изложены разные подробности» и которые «затемнили бы смысл главных статей, прервали бы связь между ними, если бы помещены были среди текста» [32: с. 167–168];

• *вторая стадия – ревизия и исправление Свода законов* – состояла в создании и работе системы специальных Ревизионных комитетов по проверке Свода законов в министерствах и главных управлений, в состав которых вводились служащие II отделения и чиновники госучреждений. *Целью деятельности комитетов* была проверка свода на предмет соответствия его положений имеющемуся законодательному массиву – всесторонности представленных в своде действующих узаконений («положительно удостовериться в полноте их и точности») и соответствию статей свода их нормативной силе и содержанию («не приведено ли законов излишних, кои отменены последующими»). Порядок деятельности ревизионных комитетов (по подготовленному II отделением проекту правил) определялся императором, по которому комитеты выступали временными учреждениями, в которых служащие II отделения и чиновники в ходе дискуссии по той или иной проблеме могли обсудить и разрешить «возникающие вопросы объяснениями, справками и указаниями на законы», а затем исправить или подготовить новые статьи свода. Если же требовалось решение императора, то «в журналы заседания и при всеподданнейших докладах представлялись на высочайшее усмотрение». В результате этой работы проводилась окончательная отработка положений свода [32: с. 168–171];

• *третья стадия – внесение дополнений и изменений в Свод законов* – состояла во внесении изменений в свод в связи изданием новых узаконений в период его подготовки. В процессе работы была определена верхняя граница консолидируемых узаконений – начало 1832 г. должны были быть внесены изменения в план и содержание отдельных структурных элементов свода [32: с. 171];

• *четвертая стадия – создание указателей к Своду законов* – завершала работу над сводом и заключалась в составлении «пособий к практическому свода употреблению». Они включали: *общее оглавление* свода по книгам, томам, отраслевым сводам, частям, главам и отделениям; *хронологический указатель*, в котором «по порядку времени означены числами все указы, в своде приводимые, и против каждого отмечены статьи свода, им соответствующие, так, что как по статье Свода можно легко найти указ, из коего она составлена,

так и обратно, по указу легко найти статью Свода», а «переход от одного порядка к другому становится весьма удобным, и все выгоды памяти и навыка сохраняются в их силе и действии»; предметный указатель, который позволял по ключевым словам найти соответствующие им положения свода [32: с. 171–172].

3. Деятельность по созданию Свода законов Российской империи

Политическая воля монарха к созданию Свода законов Российской империи четко обозначилась уже в начале царствования Николая I, который 31 января 1826 г. после доклада М.М. Сперанского о состоянии дел решил «принять дело Свода в собственное свое непосредственное ведение» и выступил в качестве «главного руководителя», что означало выделение наведения порядка в узаконениях в число приоритетных политико-правовых задач императора. При этом заметим, что именно личные качества и требовательность Николая I, считавшего законность основой деятельности государственного аппарата и стремившегося устроить государство на основе дисциплины и порядка, определили успешный ход проведения систематизационных работ. «Я желаю положить в основу государственного строя и управления всю силу и строгость законов», – подчеркнул император в разговоре со своим бывшим преподавателем права М.А. Балугьянским 13 декабря 1825 г. [6: с. 86]. И эта принципиальная позиция монарха нашла отражение в его постоянном контроле за ходом систематизационных работ, по поводу которого Сперанский подчеркивал «…успехи их поверялись подробными отчетами, еженедельно восходившими в мемориях на высочайшее усмотрение. Сия непрерывность монаршего внимания и твердой воли могла одна обеспечить и удостоверить и начало и конец дела после столетнего его колебания. Каждая часть Свода по окончании ее представляема была на усмотрение государя императора и потом поступала в предназначенную ей ревизию, порядком … означенным» [32: с. 172]. В самом же создании Свода законов, в работах над ним Николай I решил опереться на М.М. Сперанского и М.А. Балугьянского – наиболее авторитетных и известных своими знаниями «законоведцев» с опытом кодификационных работ в Комиссии составления законов [16].

Организация работ по созданию Свода законов как акта систематизации действующего законодательства в целом, была выделена из общих вопросов государственного управления и предана в ведение Собственной е.и.в. канцелярии – личного учреждения при монархе, в составе которой указом императора от 31 января 1826 г. было образовано II отделение, созданное специально для проведения систематизационных работ и участия в законодательной деятельности [4; 5; 7; 21; 27; 37]. Начальником отделения был назначен М.А. Балугьянский, а фактически – им стал М.М. Сперанский, который не получил в отделении никакой официальной должности (еще шло следствие по делу декабристов и не была выяснена степень его участия в деятельности «злоумышленных обществ»), но на которого были возложены управление всеми делами и доклады о ходе работ. В отделении были также сосредоточены лучшие столичные «законоведцы» – В.Е. Клоков, А.П. Куницын, К.И. Арсеньев, К.Г. Репинский, М.Г. Плисов, М.А. Корф и др., которые и занимались подготовкой свода [10; 16; 17; 25; 39; 40].

Подготовительные работы по созданию Свода законов проводились параллельно с созданием Полного собрания законов Российской империи, после завершения работ над которым была создана полная законодательная база и для самого Свода. В 1826–1828 гг. шло составление Исторических сводов и подборка узаконений для соответствующих разделов самого Свода законов, планы которых готовил Сперанский. Но работа над историческими обзорами законодательства была столь обширной и задерживала общий ход работ, что было решено отказаться от ее проведения в полном объеме и ограничиться подборками всех узаконений в хронологическом порядке без оценки сохранения ими юридической силы. В полном объеме были выполнены лишь обзоры развития гражданского и уголовного права. Так, например, Исторические обозрения уголовных законов расчленялись на законы материальные и процессуальные. Материальные узаконения распадались на шесть разделов: о преступлениях и наказаниях вообще, о преступлениях государственных, против тишины и благосостояния государства, против прав личных, против собственности. По соответствующим разделам были распределены и уголовно-процессуальные узаконения. В итоге чиновниками II отделения было проработано почти 36 тыс. узаконений, которые были выстроены в хронологическом порядке, разобраны по предметам правового регулирования, сравнены на предмет сохранения юридической силы и подготовлены для консолидации в текстах статей уже непосредственно самого Свода законов [22: с. 34–39; 30].

Непосредственное создание текста статей Свода законов базировалось на материалах Полного собрания законов и Исторических сводов или подборок узаконений. Подготовленные тексты статей по мере готовности распределялись по соответствующим структурным единицам разделов свода, устранялись повторы и проводилось согласование между положениями свода. Работы шли весьма интенсивно и создание свода замыкалось непосредственно на его «главном двигателе» – М.М. Сперанском. Он почти постоянно присутствовал во II отделении, следил за ходом занятий и каждый

вечер с 7 часов вечера принимал старших редакторов отделения (ответственных за разделы свода) и в присутствии М.А. Балугьянского прорабатывал вначале историческое обозрение, а затем тексты статей свода. Сперанский лично отредактировал все статьи Свода законов, а часто и переписывал их. Это были тысячи листов рукописного текста, которые во время работы вылились в 36 тысяч статей и 6 тыс. документов в качестве приложений к статьям. Далее, с апреля 1828 г. началось рассмотрение готовых разделов свода в Ревизионных комитетах при министерствах и главных управлениях, которые в период работы по май 1832 г. обсудили статьи и представили около 2 тыс. замечаний, 500 из которых были приняты Сперанским и на основе которых были скорректированы положения свода. Все работы были завершены в начале 1832 г.

Издание теста Свода законов началась в 1832 г. и в том же году была начата и завершена печать первого издания Свода законов, получившего по данному году обозначение как Свод законов российской империи 1832 г. К концу 1832 г. свод, заключавший в себе действующие узаконения (по 1 января 1832 г.), был отпечатан тиражом 1 200 экземпляров. Составляющие свод отдельные статьи (число их в первом издании было 36 000, а с приложениями – 42 198) расположены в систематическом, а не хронологическом порядке. Свод законов изд. 1832 г. делился на восемь главных разделов и состоял из 15 томов [32: с. 167–171].

Санкционирование Свода законов верховной властью, началось с того, что в конце 1832 г. он был передан по указанию Николая I на рассмотрение законосовещательного учреждения – в Государственный совет. 19 января 1833 г. император открыл заседание и выступил с речью, в которой, прежде всего, подчеркнул, что решена главная задача упорядочения узаконений – «…составить из всех многочисленных указов свод тех узаконений, которые действительную силу имеют», которая позволит заняться дальнейшим развитием законодательства – «когда сделается известным, что мы имеем и в чем могут состоять недостатки» можно «приступить к усовершенствованию и дополнению законов». Труд М.М. Сперанского был оценен высшей государственной наградой – орденом св. Андрея Первозванного, ленту которого одел на него монарх (позднее чиновники II отделения также получили награды). Рассмотрение и одобрение Свода законов Государственным советом было оформлено его журналом (протоколом заседания), утвержденным царем, и на его основе был подготовлен проект манифеста об утверждении свода и порядке его введения в действие [22: с. 40–45].

Обнародование Свода законов было связано с тем, что манифест Николая I от 31 января 1833 г. как особо торжественный правовой акт (манифесты издавались по поводу наиболее значимых событий и объявлялись населению во всех церквях и площадях городов) объявил о том, что он еще «в самом начале царствования нашего, признав необходимым привести отечественные наши законы в ясность и твердый порядок», повелел «собрать и издать их в полном их составе и потом из сего общего состава, отделив одни действующие ныне в империи нашей законы, соединить их в правильный и единообразный Свод и изложить их в точной их силе, без всякого в существе их изменения, на том самом основании, какое еще в 1700 г. положено было Петром Великим». Монарх констатировал, что это намерение исполнено – «все законы, начиная от Уложения 1649 г. по 1 января 1832 г. в течение 183 лет изданные и при разнообразных изменениях времени сохранившие поныне силу их и действие, быв разобраны по родам их и отделены от всего, что силою последующих узаконений отменено, все, исключая постановлений военных и морских и некоторых других, ниже сего поименованных, сведены в единообразный состав, соединены в одно целое, распределены в книги по главным предметам дел правительственных и судебных». В манифесте подчеркивалось решение главных задач создания Свода законов – удовлетворены «первые, существенные нужды государства: правосудие и порядок управления», а также «сим удостоверяется сила и действие законов в настоящем и полагается твердое основание к постепенному их усовершению в будущем» и «сим исполняются желания предков наших, в течение ста двадцати шести лет почти непрерывно продолжавшиеся». Особо обращалось внимание и на то, что установленная Сводом система законодательства должна сохраняться – «все, что после 1 января 1832 г. состоялось или что по общему движению законодательства впредь состоится, будет по порядку тех же книг и с указанием на их статьи распределяемо в ежегодном Свода продолжении, и таким образом состав законов, единожды устроенный, сохранится всегда в полноте его и единстве». По существующему порядку обнародования в России источников права Свод законов («законные книги») препровождался в Правительствующий сенат для обнародования и направления в центральные и местные правительственные учреждения для изучения и использования с 1 января 1835 г. в правоприменительной деятельности [28].

4. Свод законов Российской империи как акт систематизации законодательства

Правовая природа Свода законов Российской империи была связана с тем, что он выступал как результат юридической деятельности государства по упорядочению законодательного массива стра-

ны и представлял собой *акт систематизации действующего общегосударственного законодательства России* за период с 1649 по 1832 г. В результате проведенных работ по упорядочению законодательства была впервые создана принципиально новая в зарубежной и отечественной юриспруденции модель акта систематизации законодательства – Свод законов.

Для Свода законов как акта систематизации характерны следующие черты:

• *являлся официальным изданием упорядоченного действующего общегосударственного (общеимперского) законодательства с повышенным уровнем официальности* (был санкционирован императором) и выступал как основной носитель правовой информации – источник позитивного права;

• *формировался на основе предварительной многоуровневой обработки законодательства* – использование в сочетании двух видов систематизации – *консолидации и инкорпорации. Консолидация* как вид систематизации законодательства была применена с целью устранения множественности узаконений, их унификации и упрощения использования законодательства в определенной сфере правового регулирования. В результате ее применения были созданы укрупненные обновленные (отредактированные) или новые тексты, в которых были изложены старые правовые регуляции (нормы права) и которые образовывали отдельные разделы Свода законов (так называемые «главные разряды»). Они образовывали комплексное консолидированное образование (например, Законы о состояниях) или в их рамках выделялись соответствующие внутренние подразделения (например, в Уставах благочиния выделялся Уставы о цензуре), которые делились на разделы, главы, отделения, статьи, которые текстуально излагали однородные блоки правовых норм. На базе этого консолидированного законодательства проводилась *инкорпорация* как операция по формированию Свода законов из составных частей (главные книги, разряды законов), которые выступали как отрасли законодательства и соответственно уже образовывали своеобразные «внутренние своды» – Свод основных государственных законов, Свод законов о состояниях и др., из которых свод состоял в целом;

• *официально установил систему законодательства*, которая позволяла обеспечить оперативный поиск действующего нормативно-правового материала в различных сферах государственной деятельности и правового регулирования, а также выступал в качестве своеобразного правового классификатора для правового материала.

Свод законов Российской империи с точки зрения его юридической силы укладывался в рамки общей концепции соотношения изданных ранее узаконений, вошедших в Полное собрание законов Российской империи, и общего Свода законов с закреплением за последним статуса источника права без изменения нормативного содержания изданных ранее узаконений, т. е. с сохранением нормативной силы за ранее изданными законодательными актами в случае выявления противоречий между предшествующими Своду законами и самим Сводом. При коллизии положений, изданных ранее, и вошедших в Полное собрание законов Российской империи узаконений, и нормами, изложенными в статьях Свода законов Российской империи, высшую нормативную силу имели первые, для чего была использована система отсылок по регистрационным номерам и датам издания к актам, вошедшим в Полное собрание законов Российской империи [11; 26].

5. Место и роль Свода законов Российской империи в развитии правовой системы России

Свод законов Российской империи выступил комплексным, системообразующим для российской правовой системы актом. Это проявилось в том, что свод:

• *устранил основные недостатки общегосударственного законодательного массива* – позволил выявить и устранить в период его подготовки пробелы и коллизии в правовом регулировании посредством внесения изменений в действующие и издания новых узаконений, ликвидировал множественность законодательных актов и конкретизировал правовое регулирование;

• *практически положил начало созданию отечественной юридической техники* – унифицировал юридическую терминологию, выстроил ряд юридических конструкций, позволил отработать приемы систематизации узаконений;

• *позволили оценить состояние и возможности дальнейшего развития законодательства*, образуя промежуточное звено между текущим законотворчеством и кодификацией – образованием сводных кодифицированных актов по основным отраслям законодательства. Это весьма показательно с точки зрения создания первого в истории России «наказательного кодекса» – Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (действовал с определенными редакциями до 1917 г.), а затем уголовного кодекса – Уголовного уложения 1903 г. и проекта Гражданского уложения, создания правовых актов реформ 1860-х гг. и т. п.

• *обеспечивал в целом устойчивую систему законодательства Российской империи*, хотя структура Свода законов к началу XX в. несколько устарела в связи с развитием системы права и законодательства и повлекла значительные изменения в ней;

• *выступил важным средством обеспечения законности* в стране, поскольку достаточно де-

тальная и содержательная регламентация общественных отношений в самых различных сферах правового регулирования, содержащаяся в Своде законов, в условиях достаточно низкой правовой подготовленности большинства российского чиновничества должна была способствовать обеспечению их служебного поведения в установленных законодательством рамках;

• *представил государственным служащим и подданным необходимую для использования нормативно-правовую базу*, снабженную поисковыми системами (хронологическим и тематически указателем);

• *создал базу для развития юридической науки и образования*, т. е. возможности всестороннего исследования российского позитивного права и использования полученных результатов в подготовке юристов для различных сфер юридической деятельности на основе систематизированного и информационно доступного действующего законодательства.

После издания Свода законов Российской империи 1832 г. была организована система оперативного внесения изменений в его содержание. В целях периодического отражения состояния законодательства в определенный момент предполагалось выпускать Продолжения к Своду законов, а также переиздавать весь Свод через каждые десять лет. После издания Свода законов российской империи в 1832 г. (15 томов, более 42 тыс. статей) было организовано издание Продолжений к Своду законов Российской империи, которое содержало новые редакции изданного Свода с учетом новых изданных узаконений. В течение 8 лет (1832–1840 гг.) вышло 6 Продолжений к Своду законов. Второе издание Свода законов было осуществлено через 10 лет после первого издания – в 1842 г. В нем имелось 52 328 статей в тексте и около 7 040 в приложениях. Число томов Свода осталось прежнее – пятнадцать. В 1857 г. по той же схеме Свод был переиздан в третий раз, количество статей в его пятнадцати томах уже было до 90 000. Это было последнее полное переиздание Свода законов Российской империи. В последующие годы полных переизданий не производилось, и переиздавались лишь отдельные тома свода [9: с. 134–152; 14: с. 77–96; 15; 22; 23: с. 40–41; 31].

Подводя итог можно сделать вывод, что издание Свода законов явились существенным прорывом в правовом развитии России, создало условия для дальнейшего совершенствования правового регулирования отношений в стране, а также возможности для проведения дальнейшего его упорядочивания, повысило уровень законности в деятельности государственных учреждений и правоприменительной практике, составило основу изучения российского права в юридических учебных заведениях и оказало значительное влияние на развитие и становление русской юридической науки и образования. В результате систематизационных работ в развитии юридической техники определилось и получило развитие направление юридической техники, связанное с упорядочением законодательства. Отечественный опыт развития юридической техники может быть использован и в создании Свода законов Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. *Бычков, А.Ф.* К 50-летию II отделения Собственной е.и.в. канцелярии / А.Ф. Бычков // Русская старина. – 1876. – № 2.
2. *Бэкон, Ф.* О достоинстве и преумножении наук. Трактат о всеобщей справедливости, или об источниках права, в одной главе, в форме афоризмов // Бэкон Ф. Соч. В 2 т. – Т. 1. – М., 1971.
3. *Гальперин, Г.Б.* Основные направления в области кодификации русского права в начале XIX в. (1801–1802 гг.) / Г.Б. Гальперин // Вестник ЛГУ. Сер. экономики, философии и права. – 1960. – № 5.
4. *Виттенберг, Б.М.* Собственная е.и.в. канцелярия и ее учреждения // Центральные и высшие государственные учреждения России. 1801–1917 / Б.М. Виттенберг, Л.И. Тетюнник, Б.Ф. Додонов СПб., 2000. – Т. 1.
5. *Ерошкин, Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.) / Н.П. Ерошкин. – М., 1981.
6. Император Николай Первый. – М., 2002.
7. *Карпец, В.И.* Высшие органы государственной власти и управления / В.И. Карпец // Развитие русского права в первой половине XIX века. – М., 1994
8. *Кодан, С.В.* М.М. Сперанский и систематизация законодательства в России / С.В. Кодан // Сов. государство и право. – 1989. – № 6.
9. *Кодан, С.В.* Проекты преобразований политико-правовой системы России М.М. Сперанского / С.В. Кодан. – Екатеринбург, 2003.
10. *Кодан, С.В.* Божьей милостью Чиновник. М.М. Сперанский и Российское государство / С.В. Кодан. – Екатеринбург, 2001.
11. *Кодан, С.В.* Акты систематизации законодательства в системе источников права // Истоки и источники права. Очерки / С.В. Кодан. – СПб., 2006.
12. *Кодан, С.В.* Юридическая политика Российского государства в 1800-1850-е гг.: деятели, идеи, институты. Екатеринбург, 2005.
13. *Кодан, С.В.* Полное собрание законов Российской империи (к 175-летию издания) / С.В. Кодан // Рос. юрид. журнал. – 2006. – № 1.
14. *Коркунов, Н.М.* Значение Свода законов : сб. статей / Н.М. Коркунов. – СПб., 1898.
15. *Корево, Н.Н.* Об изданиях законов Российской империи. 1830–1899 / Н.Н. Корево. – СПб., 1900.
16. *Корф, М.А.* Жизнь графа Сперанского / М.А. Корф. – СПб., 1861. – Т. 1–2.
17. *Косачевская, Е.М.* Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX в. – Л., 1971.
18. Краткий очерк деятельности Второго отделения Собственной е.и.в. канцелярии. – СПб., 1876.

19. *Кукольник, В.* Руководство к преподаванию римского права / В. Кукольник. – СПб., 1821. – Ч. 1–2.

20. *Майков, П.М.* Комиссии составления законов при императорах Павле I и Александре I / П.М. Майков // Журнал Министерства юстиции. – 1905. – № 7, 9, 10.

21. *Майков, П.М.* Второе отделение собств. е.и.в. канцелярии 1826–1882 / П.М. Майков. – СПб., 1906.

22. *Майков, П.М.* О Своде законов Российской империи / П.М. Майков. – СПб., 1906.

23. *Майков, П.М.* О Своде законов Российской империи / П.М. Майков. – СПб., 1905.

24. *Мицкевич, А.В.* Систематизация законов Российской империи М.М. Сперанским / А.В. Мицкевич // Журнал российского права. – 2001. – № 5.

25. *Морозов, В.И.* Государственно-правовые взгляды М.М. Сперанского / В.И. Морозов. – СПб., 1999.

26. *Пиголкин, А.С.* Понятие и формы систематизации законодательства / А.С. Пиголкин // Систематизация законодательства в Российской Федерации. – СПб., 2003.

27. Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ-2). Т. 1. – № 114.

28. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – Т. 8. – Отд. 1. – № 5947.

29. *Рождественский, Н.* Римское гражданское право / Н. Рождественский. – СПб., 1829–1830. – Т. I–II.

30. Российский Государственный исторический архив. – Ф.1251. – Оп. 1. – Д. 158. – Л. 339.

31. *Рыбаков, Ю.Я.* Своды законов Российской Империи первой половины XIX века / Ю.Я. Рыбаков // Проблемы источниковедения СССР и специальных исторических дисциплин. – М., 1984.

32. *Сперанский, М.М.* Обозрение исторических сведений о Своде законов. Составлено из актов, хранящихся в II отделении Собственной его Императорского Величества канцелярии. СПб, Отпечатано в типографии II отделения Собственной е.и.в. канцелярии / М.М. Сперанский. – СПб., 1833.

33. *Сперанский, М.М.* Руководство к познанию законов (СПб., 1845) / М.М. Сперанский. – СПб., 2002.

34. *Сперанский, М.М.* Краткое историческое обозрение комиссии составления законов Предположения к окончательному составлению законов / М.М. Сперанский // Русская старина. – 1876. – № 2. – С. 435.

35. *Сперанский, М.М.* Введение к Уложению государственных законов / М.М.Сперанский // Проекты и записки. –М.-Л., 1961.

36. *Сперанский, М.М.* Предисловие к Полному собранию законов Российской империи // Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. 1.

37. *Строев, В.Н.* Столетие Собственной е.и.в. канцелярии / В.Н. Строев. – СПб., 1912.

38. *Томсинов, В.А.* Систематизация российского законодательства во второй половине 20-х – начале 30-х годов XIX века / В.А. Томсинов // Вестник Московского университета. – № 3–4. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008.

39. *Томсинов, В.А.* Светило русской бюрократии. Исторический портрет М.М. Сперанского / В.А. Томсинов. – М., 1991.

40. *Томсинов, В.А.* Сперанский / В.А. Томсинов. – М., 2006.

41. *Филиппов, А.Н.* Император Николай I и Сперанский / А.Н. Филиппов. – Юрьев, 1897.

42. *Цветаев, Л.* Начертание римского гражданского права / Л. Цветаев. – М., 1817. (2-е изд. М., 1824).

43. *Цветаев, Л.* Учебная книга римского гражданского права / Л. Цветаев. – Ч. 1–2. – М., 1834.

44. *Чибиряев, С.А.* Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского / С.А. Чибиряев. – М., 1989.

45. *Шебанов, А.Ф.* Полное собрание законов Российской империи (из истории систематизации законодательства в России) / А.Ф. Шебанов // Труды ВЮЗИ. – М., 1970.

46. *Шебанов, А.Ф.* Из опыта создания Полного собрания законов и Свода законов в дореволюционной России / А.Ф. Шебанов // Правоведение. – 1967. – № 2.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XIX – НАЧАЛА XX вв.)

М.А. Ковальчук

Ковальчук Михаил Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Теория и история государства и права» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Субъектами имущественных правоотношениях в современном праве понимаются физические и юридические лица. Основными субъектами правоотношений в железнодорожной отрасли были до 1917 г. юридические лица двоякого рода: казенные железные дороги и частные железнодорожные общества. Под объектами гражданских правоотношений в современной юриспруденции понимается то, на что они направлены, то, по поводу чего они возникают и существуют. Закон признавал особый характер имущества, принадлежащего как казенным железным дорогам, так и частным железнодорожным обществам. В Своде законов Российской империи железные дороги (без указания субъекта их обладания) были отнесены к имуществу недвижимому и нераздельному. Основной организационной формой частного юридического лица выступали акционерные общества, которые владели железными дорогами на праве долгосрочного пользования (78–85 лет) как особыми объектами имущественных правоотношений, имевшими статус неделимых и недвижимых вещей. Предприятие железной дороги подразумевает всю совокупность имущества, принадлежащего дороге, имеющему целью перевозку грузов и пассажиров. Всякое другое имущество, не предназначенное для целевых нужд дороги, как транспортного предприятия не составляет предприятие дороги. При конкурсном производстве предприятие дороги выделялось в особый имущественный комплекс, который только после этого мог быть продан с торгов. Понятие «предприятие», применительно к железным дорогам, употреблялось тогда в том смысле, как его трактует современное гражданское право, а именно как «имущественный комплекс, используемый для предпринимательской деятельности». Современное реформирование железнодорожной отрасли России привело к разрыву сложившейся ранее отечественной организационно-правовой традиции.

Ключевые слова: юридические лица, казна, акционерное общество, объекты правоотношений, недвижимое имущество, собственность, владение.

Субъектами имущественных правоотношений в современном праве понимаются физические и юридические лица. На транспорте, в том числе и на железнодорожном, в качестве перевозчика могут выступать коллективные организационно-оформленные субъекты и индивидуальные предприниматели. Однако участие последних как физических лиц, субъектов права, в железнодорожной отрасли царской России было исключением, а не правилом. Так, известно, что первым индивидуальным предпринимателем на железнодорожном транспорте стал в 1856 г. банкир А.Л. Штиглиц. На собственные средства он построил пригородную железную дорогу Петербург–Петергоф, которая затем была продлена до Ораниенбаума, а позже и до Красного Села [23; 26; 49]. Но уже в начале XX в. такая дорога в перечне железных дорог общего пользования не числилась. Тем не менее мы считаем, данный пример опровергает предположение, высказанное Г.А. Жолобовой, о том, что царское правительство вообще не допускало возможности участия предпринимателей – физических лиц в строительстве и эксплуатации железных дорог, не верно. Ни о какой государственной монополии в этой сфере предпринимательской деятельности и речи не могло быть [7: с. 49].

Основными субъектами правоотношений в железнодорожной отрасли были юридические лица двоякого рода: казенные железные дороги и частные железнодорожные общества. Первые были в собственности казны, вторые – принадлежали частным лицам.

Термин «собственность» в российском законодательстве стал употребляться значительно позднее, чем в Западной Европе – в XVIII в. Отечественные исследователи считают, что впервые появился в наказе Екатерины Великой генерал-прокурору от 30 июля 1767 г.

В Своде законов Российской империи собственность определяется вслед за Кодексом Наполеона через классическую триаду полномочий: владение пользование и распоряжение вещью. Под последним понимается, применительно к нашему исследованию, что железные дороги их судьбу решают либо казна, либо частные лица. При этом законодатель оговаривает эти полномочия как «… власть в порядке гражданскими законами установленном…» [42: ст. 420]. Это означает, что власть собственника не является безграничной, а ограничена законом, о чем пойдет речь далее. Под «казной» историки права понимают и государство в целом, и его ведомства, управляющие казенной собственностью [19: с. 39–40]. В последнем случае, это, прежде всего, МПС. Но непосредственно управление казенной железной дорогой осуществлял их начальник, который, согласно ст. 108 Учреждения Министерства путей сообщения, назначался министром из числа инженеров корпуса путей сообщения [14: с. 39–40].

Будучи субъектами права, казенные железные дороги выступали в качестве юридических лиц в

имущественных правоотношениях. В Гражданском кодексе РФ дано определение юридического лица, с перечислением всех его признаков [12: ст. 48]. Такое определение, на взгляд автора, является исчерпывающим. Однако гражданское право XIX – начала XX вв. не имело легального, юридически выдержанного определения этого понятия. В СЗРИ употреблялись термины «общество» как союз лиц гражданского права, и «товарищество» как союз лиц торгового права. Торговые товарищества, по мнению В.И. Синайского, назывались довольно своеобразно – «сословия лиц». Он отмечал, что в законодательстве встречается термины «учреждение», «заведение» (богоугодные, ученые и учебные), «установление» (залоговое, к примеру), «управление» (дворцовое) в противопоставлении их к «частым лицам», под которыми подразумевались «физические лица» [38: с. 113–114].

Отсутствие общих начал, определявших природу и сущность юридического лица, порядок его создания и деятельности обусловило, с одной стороны, пристальное внимание к этой проблеме в национальной правовой доктрине, а с другой, отсутствие единства мнений в научной среде в конце XIX – начале XX вв. по поводу данного субъекта правоотношений. Научные концепции, о сущности юридического лица, существовавшие в данный период, можно объединить в несколько групп: теория фикции [4: с. 44–47; 5: с. 813; 9: с. 329–332; 45: с. 167–175; 56: с. 88–93], доктрина социальной реальности [17: с. 120–121; 30: с. 157–158; 41: с. 182–183], агностическая теория [6: с. 157–176], концепция, не признающая юридическое лицо самостоятельным субъектом права [3: с. 447–450; 13: с. 148]. Тем не менее именно доктрина права, несмотря на некоторую отвлеченность и неоднозначность в подходе к пониманию сущности термина «юридическое лицо», способствовала его утверждению в правовой практике.

Термин «юридическое лицо» закреплялось и в решениях Гражданского кассационного департамента сената. Таким образом, оно становилось нормативным понятием. Впервые в решениях Гражданского кассационного департамента сената термин «юридическое лицо» употребляется в 1871 г. [37: 1871, № 198]. Судьи-сенаторы четко определили, что юридическое лицо есть субъект гражданских правовых (имущественных) правоотношений. Отсюда преступления и проступки могут совершать отдельные члены юридического лица, но само юридическое лицо как таковое – не может [37: 1875, № 492]. Как правило, определение «юридического лица» давалось либо в противопоставление [37: 1880, № 246; 1882, № 42 и др.], либо в сопоставление с лицом физическим [37: 1880, № 426; 1882, № 42а и др.]. Такой подход нашел отражение и в юридической доктрине. Наиболее важным считался признак правосубъектности, при этом подчеркивался «искусственный», т. е., выражаясь современным языком, специальный характер правоспособности юридического лица, в противовес общей – физического лица[1]. При этом в решениях Сената много внимания уделялось способности юридического лица нести обязанности и имущественную ответственность. Суд учитывал и такой его признак, как наличие организации со всеми присущими ей атрибутами. Другие признаки юридического лица, а именно фирма и обособленность имущества также подразумевалась, но полного раскрытия в решениях Сената не получили.

Современная наука трактует «имущественную обособленность юридического лица» двояко. Прежде всего, обособленность от имущества других юридических лиц. В то же время, как справедливо полагают ученые-цивилисты, «…организация, считающаяся юридическим лицом, должна иметь обособленное от ее учредителей (участников) имущество» [12: с. 150]. Впервые принцип ограниченной ответственности акционеров по долгам компании был сформулирован Правительствующим сенатом в Указе от 16 сентября 1805 г. «Об ответствовании акционерным компаниям, в случае взыскания, одним складочным капиталом» [23]. Этот принцип находит подтверждение в «Положении о компании на акциях», подписанном 6 декабря 1837 г. Николаем I [32].

Имущественная обособленность казны (равно как казенных железных дорог) от частных железнодорожных обществ факт бесспорный. Более того, в сенатских решениях возобладает точка зрения, что казна наравне с частными лицами ответствует за имущественные правонарушения[2]. Таким образом, казна, наравне с другими субъектами – физическими и юридическими лицами – участвовала в имущественных правоотношениях. Надо полагать, что законодательство двигалось в направлении признания казенных железных дорог юридическими лицами, участвующих в имущественных правоотношениях и имеющих обособленное имущество

[1] В комментариях к ГК РФ 1994 г., подготовленных Институтом государства и права РАН, по видам деятельности юридические лица делятся на две категории: обладающие общей правоспособностью и те, которые имеют специальную правоспособность. Первые – это большинство коммерческих организаций, имеющих право заниматься любой предпринимательской деятельностью, не запрещенной законом. Вторые – только тем, что предусмотрено в их уставах или разрешено законом [12: с. 154].

[2] «За недобросовестное владение чужим имуществом казна ответствует наравне с частными обществами» [37: № 108. 1878].

в оперативном управлении. Практика обособления имущества казенных железных дорог от имущества своего учредителя – государства – стала складываться еще в XIX в. Об этом свидетельствуют не только нормы материального, но и процессуального права. В Общем уставе Российских железных дорог 1885 г., в ст. 125 отмечается, что «… дела по всем железным дорогам и к железным дорогам (**не исключая и дорог казенных** – выделено – М.К.) ведаются в судах гражданских (мировых и общих), сообразно роду и цене искового требования» [29]. Судебные уставы не исключали возникновения споров, в том числе имущественных, между различными ведомствами, но законодатель нацеливал их на то, чтобы они разрешались внесудебном порядком, а полюбовно самими ведомствами [28]. Что касается казенных железных дорог, то дела по искам, предъявляемым к ним, могли быть как мировым судом «… окончаемы примирением, а те из них, которые подлежат ведению Окружных судов, могут быть сверх того, производиться сокращенным порядком» [29].

Юридическая конструкция «оперативное управление» разрабатывалась в советское время, т. е. гораздо позже, чем был принят Общий устав Российских железных 1885 г. Развернутое определение этого понятия дано в ГК РФ (ст. 115, 297). Но так же, как и сейчас, казенные железные дороги осуществляли распределение и расход доходов в соответствии со сметой доходов и расходов, утверждаемых собственником имущества, т. е. казной, а точнее – МПС. Отчуждение имущества или иные способы распоряжения имуществом, закрепленным за казенной железной дорогой, осуществлялось не иначе как с согласия транспортного ведомства [1: с. 39–40].

Рассматривая выше признаки юридического лица в преломлении к частным железнодорожным обществам и казенным железным дорогам, автор стремился показать то общее, что было между ними с точки зрения гражданских правоотношений, в которых они участвовали как полноправные субъекты. Следует признать, что, несмотря на различную степень самостоятельности имущественных правоотношениях казенных и частных железных дорог, с момента их возникновения происходит сближения статуса в направлении усиления их государственного регулирования.

Основной организационной формой строительства и эксплуатации частных железных дорог были акционерные железнодорожные общества. В соответствие с нормами Свода законов [42: ст. 2131] товарищество по участкам или компаниям (закон имеет в виду акционерное общество) учреждалось по видам государственного хозяйства с Высочайшего утверждения, т. е. самим царем лично. Ни одна компания на акциях не может быть учреждаема без особого разрешения правительства, под которым, согласно разъяснению Правительствующего сената, подразумевалась опять же Верховная законодательная власть, т. е. царствующая особа.

Учреждение компании на акциях разрешалось по усмотрению правительства в трояком виде: 1) дается одно простое дозволение составить компанию без присвоения ей каких-либо изъятий из общего порядка; 2) компании, которым предоставляются особые преимущества в виде временных изъятий из общих правил, например: льготы в податях и повинностях и т. п.; 3) даруется компания-привилегия, т. е. исключительное право действовать (с воспрещением того же предприятия) в течение известного срока другим [4: ст. 2141].

Просьба о дозволении учредить компанию на акциях поступало на рассмотрение в то министерство или Главное управление, в ведение которого преимущественно относится предмет деятельности компании [42: ст. 2189, 2190]. В данном случае – это МПС.

При рассмотрении проекта в министерстве принималось в соображение: (1) соответствует ли устав общим законам и правилам о данном виде компании; (2) в достаточной ли степени он защищает права и интересы всех тех, кто пожелает участвовать в компании; (3) не нарушаются ли данным проектом законные права третьих лиц [42: ст. 2193].

Рассмотренный и исправленный в министерстве по согласованию с учредителями проект устава компании вместе с заключением министра, или в Комитет министров, когда требуется только дозволение на учреждение компании, или в Государственный совет, когда испрашивается на то особые преимущества или привилегии. В последнем случае министр при представлении своем присовокупляет выписку статей устава, заключающих в себе особые преимущества компании для поднесения их отдельно на Высочайшую конфирмацию, т. е. на собственноручную подпись царю. После этого устав компании в том виде, в каком он был утвержден, с включением статей, получивших отдельно высочайшую конфирмацию, по подписании вновь учредителями, приводится в действие и во всеобщую известность, по представлению Министра через Правительственный сенат, и сверх того публикуется в ведомостях, т. е. центральных правительственных изданиях [32]. После 1906 г. заведенный порядок несколько изменился. Проекты уставов железнодорожных обществ, содержащие изъятия из действующего законодательства поступали в Государственную думу, далее в Правительствующий сенат и после их одобрения шли на подпись к царю и обнародовались [42: ст. 2196].

По своему характеру акционерные железнодорожные общества относились к компаниям, кото-

рым предоставлялись «…особые преимущества в виде временных изъятий из общих правил…». Наибольший перечень привилегий и изъятий из общих правил был у первых акционерных обществ. Это могло быть: 1) передача железнодорожным обществам государственного имущества; 2) право сооружать новые железнодорожные линии, указанные в выработанных Правительством условиях; 3) дозволение приобретать населенные земли для их обрабатывания, для устройства усадьб, постройки зданий и другого полезного употребления; 4) право устраивать вспомогательные железнодорожные и другие пути (дороги грунтовые, каналы, доки и т. п.) для сообщения станций железной дороги с окружающими местностями; 5) право учреждать производства, непосредственно не связанные с перевозками (рудники, каменоломни, лесоразработки и т. д.); 6) право пользоваться государственными работами, присвоенными, в том числе правом законного отчуждения и занятия частных земель и зданий; 7) право освобождать от всякого налога земли, капитал и доходы железных дорог, разрешенных обществу, кроме общих сборов с недвижимого имущества; 8) право получение гарантированного 5-процентного чистого дохода от вложенных в эксплуатацию построенных на время действия концессий [25].

Предоставляя предпринимателям большие права и привилегии, правительство заключало с ними соглашение (концессию) на строительство и эксплуатацию частной железной дороги, при этом должно было быть учреждено железнодорожное акционерное общество. С 1858 г. утверждается правило, вошедшее затем в Устав путей сообщения, что «…***право пользования*** (выделено – М.К.) железной дорогой может быть предоставлено акционерному обществу не бессрочно, а лишь на определенный срок» [54].

В начале XX в. в уставах всех существующих в России железнодорожных обществ было включено положение, согласно которому по истечении определенного срока дорога бесплатно переходила казне. Она же имела права на досрочный выкуп дороги в свою собственность. Срок безвозмездного перехода дорог в казну определялся их уставами в 78–85 лет, а время досрочного выкупа был наполовину меньше, т. е. 37–50 лет (таблица).

Отсюда можно предположить, что железнодорожные концессии были скрытой формой договора передачи имущества в долгосрочное пользование, с целью извлечения прибыли от его эксплуатации. Собственником имущества акционерных железнодорожных обществ оставалась казна. Автор данной работы должен подчеркнуть, что высказанная им точка зрения является лишь предположением, так как ни современные авторы, ни корифеи юридической науки прошлого, такие как Г.Ф. Шершеневич, К.П. Змирлов, И.М. Рабинович, не высказались четко по этому поводу, хотя и писали на тему железнодорожного права [8; 35; 55].

Таблица

Условия постройки частных железных дорог (на 1.X.1913 г.) [18: табл. 20]

Железные дороги и участки дорог		Концессия			Открытие движения
		На какое число лет выдана	Начало и окончание	Год возможного досрочного выкупа	
Богославская		78	1896–1974	1931	1896
Белгород–Сумская		85	1901–1986	1923	1901
Владикавказская		84	1872–1956	1924	1875
Волго–Бугульминская		85	1902–1987	1922	1911
Гербы–Келецкая		81	1903–1984	1928	1903
Ейская		85	1907–1992	1936	1911
Московско–Казанская		80	1865–1945	1905	1862
Московско-Воронежская	Москва–Киев–Воронеж	85	1870–1955	1930	1868
	Ливенская и Курская городская	Аренда у казны до 1955			Сдавались по частям
Рязанско-Уральская	Рязано-Уральская	81	1866–1947	1917	
	Козлово–Саратов	Аренда у казны до 1947			
Московско-Виндаво-Рыбинская		85	1870–1955	1915	
Юго-Восточная	Орлово–Грязевская	Аренда у казны до 1945			
	Юго-Восточная	85	1861–1946	1906	1861
Северо-Донецкая		81	1911–1997	1936	1911
Троицкая		81	1912–1993	1937	1912

Однако для нас ясно, что высказанное А.М. Соколовой суждение о том, что «…железнодорожное акционерное общество… становилось собственником частной дороги в течение всего концессионного срока, после чего дорога переходила в собственность казны» не верно [40: с. 100]. Право железнодорожных обществ распоряжаться своим имуществом было ограниченным. Нет ничего необычного в этих ограничениях, но, чтобы право собственности было временным, такого не допускал ни закон, ни правопонимание, ни того времени, ни сейчас. Приведем дословно ст. 420 Свода законов гражданских: «Кто, быв первым приобретателем имущества, по законному укреплению его в частную принадлежность, получил власть, в порядке, гражданским законом установленном, исключительно и независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и распоряжаться оными ***вечно и потомственно*** (выделено М.К), доколе не передаст сей власти другому, или кому власть сия от первого его приобретателя дошла непосредственно или через последующие законные передачи и укрепления тот имеет на сие имущество право собственности» [42]. Еще более определенно высказался Сенат по этому поводу, в решениях которого было записано: «Право владения и пользования, без права распоряжения, не составляет еще права собственности, ибо право распоряжения, знаменуя право собственности, неразрывно с ним связано, но собственник может отделить в пользу другого лица право владения или право пользования, или же право распоряжения имуществом, в известном размере, удерживая за собой право собственности» [37: 1870, № 917; 1869, № 1334; 1879, № 582]. Если говорить о законодательстве наших дней, то его позиция по этому вопросу совпадает в теоретическом и практическом плане с той, что была в прошлом[3]. Тем не менее можно говорить, что полной ясности о вещно-правовом статусе железных дорог не было. Так, в кассационном решении Правительственного сената, например, можно найти следующее выражение: «По переходе железной дороги в казну, последняя не является общим правопреемником ***бывшего собственника***» [37: 1901, № 9]. Это, на наш взгляд, подтверждает точку зрения Т.Е. Новицкой о том, что и в конце XIX в. ни в правовой науке, ни в законодательстве, ни на практике не было полной ясности в трактовке понятия «собственность» [20: с. 316–317].

Под объектами гражданских правоотношений в современной юриспруденции понимается то, на что они направлены, то, по поводу чего они возникают и существуют. В частности, в статье 128 ГК РФ дан перечень объектов гражданского права, который, по мнению авторов академического комментария к нему, является исчерпывающим. Однако следует отметить, что современное понимание объектов правоотношений складывалось в отечественном праве на протяжении нескольких столетий, а прежнее его толкование не совпадает с современным. Тем не менее в указанной выше статье ГК в качестве объектов гражданских правоотношений выступают вещи. Между тем русское законодательство XIX – начала XX вв. не употребляло слово «вещь» в качестве общего термина для обозначения совокупности материальных благ, используя его только в названии отдельных вещей [42: ст. 405, 534, 538–540]. Роль понятия, объединяющего все материальные блага, выполнял термин «имущество». Оно постоянно встречается в названии различных разделов и глав Законов гражданских. Важное значение придавалось делению вещей на движимое и недвижимое. Впервые такое разделение провел известный указ Петра Великого «О единонаследии». При этом перечень конкретных вещей, входящих в понятие *недвижимое имущество*, постоянно пополнялся.

В российской правовой доктрине XIX – начала XX вв. объект правоотношения определялся как средство осуществления интереса, преследуемого членами общества [39: с. 49]. Среди средств, которыми этот интерес достигается, обычно назывались (1) вещи как части внешнего мира; (2) действия других лиц. Причем, когда объекты правоотношения составляют вещи, отношение относили к вещному праву; когда объектом являются действия других лиц – к обязательственному праву [3: с. 428; 17: с. 110; 55: с. 73]. В доктрине существовали и иные позиции. Например, К.М. Коркунов утверждал, что все наши интересы осуществляются не иначе, как с помощью какой-нибудь силы. Исходя из этого К.М. Коркунов различал четыре категории объектов: 1) собственные силы субъектов; 2) силы других людей; 3) силы общества; 4) силы природы. Примечательно, что действия сил природы, по мнению данного ученого, проявляются всегда в какой-нибудь части материи, называемой вещью, поэтому объектами правоотношения признаются вещи [13: с. 154–157]. Таким образом, как справедливо утверждают современные авторы, несмотря на отличные позиции, мнения различных авторов рассматриваемого периода объединяло отнесение к объектам правоотношений вещей [2].

Закон признавал особый характер имущества, принадлежащего как казенным железным дорогам, так и частным железнодорожным обществам. В Своде законов Российской империи железные

[3] Обратимся к академическим комментариям к ГК РФ 1994 г., где, в частности, написано: «…3) право собственности действует в течение всего времени, пока продолжает существовать соответствующее имущество, являющееся его объектом» [12: с. 592].

дороги (без указания субъекта их обладания) были отнесены к имуществу недвижимому и нераздельному. При этом соответствующее дополнение в гражданские Законы были внесены законодателем только после принятия Общего устава Российских железных дорог в 1885 г., хотя, как известно, строительство железных дорог общего пользования в России началось с 1836 г. Вероятно, первая волна банкротств, накрывшая железнодорожные общества[4], вынудила законодателя более определенно высказаться по этому поводу.

В отличие от законодательства, доктрина уже пыталась наметить общие черты недвижимых имуществ. Например, Л.А. Кассо определял недвижимость как «вещь, не подлежащую перенесению с одного места на другое» [10: с. 2]. Н.К. Ренненкампф называл недвижимыми вещами «землю и предметы, которые не могут быть отделены от земли и перенесены без повреждения их существа и назначения» [36: с. 166] и др. Таким образом, несмотря на небольшую разницу, сущность признака, определяющего особое свойство недвижимости, была доктриной определена. Замечания юристов по поводу отсутствия в законодательстве общего определения недвижимости не остались незамеченными. В проекте Гражданского уложения, которое должно было прийти на смену Своду законов гражданских, недвижимость определялась как вещи, неподвижно к земле прикрепленные. В современном определении недвижимости (ст. 130 ГК РФ) вышеуказанный признак также является основным. Недостаточная универсальность определения недвижимости и неоднозначность его толкований, параллельное употребление старинных терминов привела к тому, что цивилисты дореволюционного периода не всегда одобряли объединение земли и иных недвижимых имуществ в одну группу. Например, В.Н. Лешков, основываясь на общепринятом принципе разделения движимого и недвижимого имущества, предлагал различать следующие виды имуществ: 1) подвижное – деньги; 2) движимое – остальное имущество, не относящееся к недвижимому; 3) недвижимое – дома, заводы, фабрики, железные дороги (т. е. то, что неразрывно связано с землей; 4) неподвижное – земля [15: с. 30].

Практическое значение признания железной дороги нераздельным имуществом состояло в том, что права на нее могли принадлежать только одному субъекту. Так, при продаже железных дорог, вследствие несостоятельности, последние не могли быть приобретены по частям несколькими лицами, а только одним лицом [42: ст. 1324]. В этом случае при проведении оценки всего имущественного комплекса железной дороги для выставления последней на торги в стоимость всей железной дороги включалась стоимость земли, занятой полотном и принадлежностями дороги [26].

Признание железной дороги несостоятельным влекло за собой: немедленное взятие эксплуатируемой железной дороги в казенное управление, или ликвидацию дел несостоятельного общества. Правительство, приняв в свое заведование железную дорогу от несостоятельного общества, имело право: а) временно продолжить ее эксплуатацию за счет общества, с обращением на удовлетворение кредиторов той части приносимых дорогой доходов, которые оказались свободными после покрытия всех эксплуатационных расходов, уплаты процентов и погашения по обеспеченным дорогой обязательствам, или б) приступить к выкупу дороги у признанного несостоятельным общества, не ожидая определенного для этого уставом дороги срока; в) продать дорогу с торгов. Выбор способов удовлетворения претензий кредиторов принадлежал Совету по железнодорожным делам, но утверждался царем через Комитет министров. В статье 143 Общего устава Российских железных дорог оговаривалось также, что временное, за счет несостоятельного общества, казенное заведывание дорогой не может длиться более пяти лет.

Из признания железных дорог в качестве недвижимого и нераздельного (неделимого) имущества, вытекало, что присужденные с железнодорожных обществ взыскания не могли быть обращаемы ни на какие принадлежащие им предметы. Это правило распространялось и на имеющиеся в их кассах денежные капиталы [29: ст. 138]. «Предприятие железной дороги, – разъяснял Сенат в своем кассационном решении, – подразумевает всю совокупность имущества, принадлежащее дороге, как предприятию, имеющему целью перевозку грузов и пассажиров. Всякое другое имущество, не предназначенное для нужд дороги как транспортного предприятия, хотя бы оно имело характер коммерческого предприятия, не составляет предприятие дороги» [37: 1899, № 64; 1894, № 7]. Следовательно, при конкурсном производстве оно выделялось в особый имущественный комплекс, который только после этого мог быть продан с торгов.

Нераздельность (или неделимость) имущества не означает, что оно не может быть физически разделено. В этой связи законодатель и судебная практика уточняют свою позицию: нераздельным явля-

[4] В 1881–1886 гг. было выкуплено четыре железнодорожные линии общей длиной в 1324 версты (Харьково–Николаевская, Тамбовско–Саратовская, Муромская и Путиловская железные дороги). Выкуп их был обусловлен финансовым банкротством обществ и инициировался Министром финансов. Выкуп сопровождался щедрой компенсацией владельцам дороги, которые получили взамен своих обесценившихся бездоходных бумаг гарантированные акции со значительным доходом. С ликвидируемых железнодорожных обществ было «списано» долгов на сумму в 46 млн. кредитных рублей [11].

лись железные дороги общего пользования, т. е. те, которые были включены в общую сеть железных дорог страны, а осуществление ими перевозок являлось основной функцией. Местные железные дороги, а также железнодорожные пути и ветки, находящиеся на территории промышленных предприятий, или обслуживающие их, могли продаваться с торгов по частям. При этом к продаже предназначалась и земля, освобожденная из под железнодорожных путей [2: с. 49].

Примечательно то, что Сенат употреблял понятие «предприятие», применительно к железным дорогам, в том смысле как его трактует современное гражданское право, а именно как «имущественный комплекс, используемый для предпринимательской деятельности». В его состав входят «…все виды имущества, предназначенные для его деятельности, включая земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь…» [12: ст. 132]. Все субъекты сначала строили железную дорогу со всеми необходимыми элементами, т. е. становились владельцами инфраструктуры, а затем приобретали подвижной состав и сами осуществляли перевозку.

Подобное единство сохранялось на железнодорожном транспорте в России, начиная с XIX в. и вплоть до 2003 г. Процесс современного реформирования железнодорожной отрасли привел к реорганизации ранее единого государственного комплекса железных дорог страны, находящегося под управлением МПС, в акционерное общество «Российские железные дороги». Ликвидируется МПС РФ и одновременно создается Министерство транспорта РФ. В основе этих преобразований лежит идея разделения функций государственного контроля и хозяйственной деятельности транспортной отраслью. Первая функция осуществляется, главным образом, через вновь созданное ведомство, вторая – АО «РЖД». В последнем 100 % акций принадлежит государству. Создание «дочерних» АО «РЖД» частных компаний позволило новым хозяйствующим субъектам разделить железные дороги – целостные имущественные комплексы, по видам деятельности (владелец инфраструктуры, перевозчики, операторы подвижного состава и т. д.).

Подводя итоги, следует отметить, «железные дороги» были в досоветском праве и как субъекты (юридические и физические лица), и как объекты имущественных правоотношений. Основной организационной формой частного юридического лица выступали акционерные общества, которые владели железными дорогами на праве долгосрочного пользования (78–85 лет), как особыми объектами имущественных правоотношений, имевшими статус неделимых и недвижимых вещей. Современное реформирование железнодорожной отрасли России привело к разрыву сложившейся ранее отечественной организационно-правовой традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Временная инструкция Местным Управлениям казенных железных дорог» разработанная по согласованию с министром финансов и Государственным контролером и утвержденная Министром путей сообщений» от 22 мая 1898 г. // Материалы по вопросу о реорганизации управления русских железных дорог. Вып. XXXII. – СПб., 1910.
2. *Галактионова, Л.В.* Правовое регулирование поземельных отношений на железнодорожном транспорте Российской империи (1836–1917 гг.) / Л.В. Галактионова. – Хабаровск: ДВГУПС, 2009.
3. *Гамбаров, Ю.С.* Курс гражданского права. Т. 1. Часть общая / Ю.С. Гамбаров. – СПб., 1911.
4. *Гуляев, А.М.* Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства и проекта Гражданского Уложения / А.М. Гуляев. – СПб., 1907.
5. Гражданское Уложение. Проект Высочайше утверждённой Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения. С объяснениями, извлечёнными из трудов редакционной Комиссии и с приложением законопроекта об авторском праве, одобренного Государственной думой. Т. 2 // под. ред И.М. Тютрюмова; сост. А.Л. Саатчян. – СПб., 1910.
6. *Дювернуа, Н.Л.* Чтения по гражданскому праву. Т. 1. Введение и часть общая / Н.Л. Дювернуа. – СПб., 1898.
7. *Жолобова, Г.А.* Правовое регулирование торгово-промышленных отношений в пореформенной России 1881-1913 годов / Г.А. Жолобова. – М.: Издательская группа «Юрист», 2007.
8. *Змирлов, К.П.* Общий устав Российских железных дорог / К.П. Змирлов. – СПб., 1911.
9. *Ельяшевич, В.Б.* Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве / В.Б. Ельяшевич. – СПб., 1910.
10. *Кассо, Л.А.* Русское поземельное право / Л.А. Кассо. – М., 1906.
11. *Ковальчук, М.А.* Государственно-правовое регулирование деятельности железнодорожного транспорта России (1837–1917 гг.): монография / М.А. Ковальчук. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2007.
12. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. В 3 т. Т. 1. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. Т.Е. Абовой и А.Ю. Кабалкина; Ин-т государства и права РАН. – М.: Юрайт-Издат, 2004.
13. *Коркунов, Н.М.* Лекции по общей теории права. Изд. 5-е. / Н.М. Коркунов. – СПб., 1914.
14. Материалы по вопросу о реорганизации управления русских железных дорог. – Вып. XXXII. – СПб., 1910.
15. *Лешков, В.Н.* О частном поземельном праве по Своду законов / В.Н. Лешков // Юридический вестник. – 1871. – Кн. 1 (апр.). – С. 24–49.
16. *Мейер, Д.И.* Русское гражданское право. Ч. 1 / Д.И. Мейер. – М., 1997.
17. *Мейер, Д.И.* Русское гражданское право / Д.И. Мейер. – Петроград: типография «Двигатель», 1914.
18. Железные дороги в 1913 г. Министерство путей сообщения : стат. сб. – Вып. 141. Ч. III. –Петроград, 1917.
19. *Насыров, Р.В.* Регулирование права государственной собственности в российском законодательстве конца XIX – начала XX в. : дис. …канд. юрид. наук / Р.В. Насыров. – Екатеринбург: УрГЮА, 1995.
20. *Новицкая, Т. Е.* Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине в XVIII в. / Т. Е. Новицкая. – М. : ЗЕРЦАЛО-М, 2005.

21. Общий устав Российских железных дорог. С изложением бывших при рассмотрении онаго в Государственном Совете суждений. – СПб.: Типография МПС, 1886.

22. О Красносельской ветви Петергофской железной дороги: 1858. Август, 4. № 33443 // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXIII. 1858. Отд. 2. – СПб., 1860.

23. Об ответственности акционерных компаний, в случае взыскания, одним складочным капиталом. 1805. Август, 6. № 21900 // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т XXVIII. 1804–1805. – СПб., 1830.

24. О порядке производства дел об отделении земель дворянских от однодворческих. 1820. Май, 31. №28296 // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXX VII. 1820-1821. – СПб., 1830.

25. О сооружении первой сети железных дорог в России. 1857. Январь, 26. № 31448 // ПСЗРИ. Собр II. Т XXXII. Отд.I. 1857. – СПб., 1858.

26. О способе ликвидации дел несостоятельного общества Риго-Тукумской железной дороги: Доклад Управления казенных железных дорог от 2 июля 1894 г. № 18930 // Журнал Министерства путей сообщения. – 1894. – № 5–6. –С. 69.

27. Об учреждении Мячковской железной дороги // Собрание Узаконений и Распоряжений Правительства. 1878. № 53. Ст. 197.

28. Об учреждении судебных установлений. 1864. Ноябрь, 20. №4175 // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т XXXIX. Отд. 2-е. 1864. СПб., 1867.

29. Общий устав Российских железных дорог. 1885. Июня, 12. № 3055 // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. V. 1885. – СПб., 1887.

30. *Покровский, И.А.* Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – М., 1998.

31. Положение об Ораниенбаумской железной дороге. 1862. Май, 14. № 38275 // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXVII. 1862. Отд. 1. – СПб., 1865.

32. Положение о компаниях на акциях. 1836. Декабрь, 6. № Ст. 9763 // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XI. 1836. Отд. 2. – СПб., 1837.

33. Полный свод решений Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената (начиная с 1866 г.) за 1879 г. № 167-341. – Екатеринослав: типография книгоиздательства Л.М. Ротенберга, 1905.

34. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1901 г. Екатеринослав, типография Исаака Когана, 1911 // Справочно-правовая система «Гарант».

35. *Рабинович, И.М.* Теория и практика железнодорожного права по перевозке грузов, багажа и пассажиров / И.М. Рабинович. – 2-е изд. исправ. и доп. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1896.

36. *Ренненкампф, Н.К.* Юридическая энциклопедия / Н.К. Ренненкампф. – М., 1907.

37. Свод кассационных положений по вопросам русского гражданского материального права за 1866–1905 гг. – СПб., 1906.

38. *Синайский, В.И.* Русское гражданское право / В.И. Синайский. – М.: Статут, 2002.

39. Словарь юридических определений. – СПб.: Типография т-ва «Екатерингофское печатное дело», 1910.

40. *Соколова, А.М.* Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. / А.М. Соколова. – М.: Наука, 1975.

41. *Суворов, Н.С.* Об юридических лицах по римскому праву / Н.С. Суворов. – М., 2000.

42. Свод законов гражданских // Свод законов Российской империи. Полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Законов Основных и позднейших узаконений. В пяти книгах. Под ред. и с примечаниями И.Д. Мордухай-Болтовского, юрисконсульта Министерства Юстиции и преподавателя гражданского судопроизводства в Императорском училище правоведения. Составили Н.П. Балканов, С.С. Войт и В.Э. Герценберг. Книга третья. Томы VIII. Ч. II-XI. – СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912.

43. Свод законов межевых // Свод законов Российской империи. Полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Законов Основных и позднейших узаконений. В пяти книгах. Под ред. и с примечаниями И.Д. Мордухай-Болтовского, юрисконсульта Министерства Юстиции и преподавателя гражданского судопроизводства в Императорском училище правоведения. Составили Н.П. Балканов, С.С. Войт и В.Э. Герценберг. Книга третья. Томы VIII, ч. II – XI, ч.-I. – СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912.

44. Положение о Нотариальной части // Свод законов Российской империи. Полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Законов Основных и позднейших узаконений. В пяти книгах. Под ред. и с примечаниями И.Д. Мордухай-Болтовского, юрисконсульта Министерства Юстиции и преподавателя гражданского судопроизводства в Императорском училище правоведения. Составили Н.П. Балканов, С.С. Войт и В.Э. Герценберг. Книга пятая. Томы XIII-XVI. – СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1913.

45. *Трубецкой, Е.Н.* Энциклопедия права / Е.Н. Трубецкой. – СПб., 1998.

46. Устав Общества Балтийской железной дороги: 1872. Февраль, 11. №. 50523 // ПСЗРИ. Собр. 2. XLVII. 1872. Отд. 1. – СПб., 1875.

47. Устав Общества Московско-Рязанской железной дороги. 1863. Январь, 8. №. 39141 // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXVIII. 1863. Отд. 1. – СПб., 1866.

48. Устав Общества Одесско-Киевской железной дороги: 1863. Март,1. № 39402 // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXVIII. 1863. Отд. 1. – СПб., 1866.

49. Устав Общества Петергофской железной дорог: 1856. Августа, 9. №. 30837 // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXI. 1856. Отд. 1. – СПб., 1857.

50. Устав Общества Саратовской железной дороги: Апрель, 20. 1862 г. №. 38189 // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXVI. 1862. Отд. 1. – СПб., 1865.

51. Устав Общества Царскосельской железной дороги: 1837. Июль, 6. №. 10419 // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXI. 1837. Отд. 1. – СПб., 1838

52. Устав Общества Юго-Восточных железных дорог.1878. Июнь, 9. № 58611 // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. LIII. 1878. Отд.1. – СПб., 1880.

53. Устав Общества Петергофской железной дорог: 1856. Август, 9. № 30837 // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXI. 1856. Отд. 1. – СПб, 1857.

54. Устав Путей Сообщений. (Изд. 1857 г. По продолжению 1906, 1907, 1908 годов) // Свод законов Российской империи. Полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Законов Основных и позднейших узаконений. В пяти книгах. Под ред. и с примечаниями И.Д. Мордухай-Болтовского, юрисконсульта Министерства Юстиции и преподавателя гражданского судопроизводства в Императорском училище правоведения. Составили Н.П. Балканов, С.С. Войт и В.Э. Герценберг. Книга четвёртая. Томы XI. Ч. II-XII. – СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912.

55. *Шершеневич, Г.Ф.* Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – 9-е изд. – М.: Изд. бр. Башмаковых, 1911.

56. *Шершеневич, Г.Ф.* Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – М.: 1995.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-НАУЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ИДЕОЛОГИЯ, УПРАВЛЕНИЕ, ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Н.Н. Зипунникова

Зипунникова Наталья Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии (г. Екатеринбург).

Контактный адрес: Zipunnikowa@yandex.ru

В статье историко-юридическому анализу подвергнуты идеология, управление и законодательство об образовании и науке. Подчеркнута особая («скрепляющая») роль государства в образовании и науки. Генеральные идеологемы взаимодействия властных и общественных структур («общее благо», «сотрудничество») внедрялись в сферу образования и науки. Созревшие в недрах Министерства народного просвещения (МНП) триада «самодержавие – православие – народность», идея «истинного просвещения» и другие транслировались в общество в целом. Автор считает справедливым тезис о государственности национальной идеологии: государство формулирует ее положения, реализуя их в своих конкретных программах на практике. История управления образованием и наукой делится на два этапа: до создания МНП (доминистерский) (XVIII в.) и после его создания (министерский) (XIX – начало XX в.). На первом этапе узаконения образовательно-научной тематики исходили от органов высшей власти, во второй – значительную роль играли акты, изданные МНП, а также учено-учебных комитетов других ведомств (военного, юстиции, внутренних дел и др.). С появлением в стране учебных округов образовательное законодательство пополняется попечительскими актами. Указанные автором аспекты большой темы «Образование и наука в Российской империи» далеко не исчерпаны исследователями. Их изучение перспективно и с точки зрения «чистой науки», и в прикладном ключе. Ориентиры – иностранные образцы в образовании и науке, пределы заимствований – не тема только последних лет. Богатейшие российские традиции формировались в процессе длительной кросскультурной коммуникации в результате активной научной и духовной рефлексии современников.

Ключевые слова: Российская империя, образование, наука, идеология, модели управления, законодательство.

Категория «пространство» в настоящее время достаточно популярная у исследователей феноменов образования и науки, оперирующих ею в разнообразных контекстах – географическом, культурологическом, социологическом, др.; нуждается в определенном уточнении применительно к историко-юридическому «употреблению». За ней, на первый взгляд, может быть признан и условный, и метафоричный характер[1]. Однако понимание особенностей сложного процесса формирования Российской империи как европейско-азиатского государства, постепенного официального признания управления образованием и наукой как самостоятельной государственной функции, особой «скрепляющей» территорию страны роли образования и науки в имперский период настраивает на более серьезные рассуждения.

Как отмечено в специальной работе социально-географического характера уже в начале XVIII в. осознавалась необходимость дисперсного размещения высших учебных заведений, поскольку централизация их в столицах влияла бы негативно на освоение новых территорий и социально-экономическое развитие российской провинции [8: с. 17]. Это в полной мере можно отнести и к другим ступеням образования: устраивая школы, училища, гимназии по всей стране, власть решала политико-идеологические, русификаторские и иные задачи. Распространение науки, весьма затратный и долгосрочный процесс, также отвечало прагматичным интересам крепнущего государства: создавались научные учреждения, организовывались научные экспедиции, развивалась сеть университетов – образовательно-научных центров империи.

«Университетская география» – занимательный сюжет, в том числе и для историка права, фиксирующего особенное внимание на узаконениях, посвященных строительству университетской системы. Иным является объем понятия «университетское пространство», характеризующее территориальную организацию отдельных университетов. Выделяется две его модели: 1) когда «замкнутый» университетский комплекс располагается вдали от суеты городской жизни, обособленно на окраине; 2) когда учреждение находится в центре города, рядом с присутственными местами, координирующими жизнь города (страны) [1: с. 61]. В новейших исследованиях городской контекст, организация университетского пространства становятся «новой перспективой для исследования российских

[1] Встречается и термин «научно-образовательное пространство» страны [33: с. 170–173]. В указанной работе термин использован без пояснений, видимо, как общеизвестный.

университетов», тогда как традиционно для русской университетской историографии это «не играло никакой роли, хотя университеты были размещены в тех городах, где служили попечители и губернаторы, где располагались жандармерия и центр местного дворянского общества» [35: с. 5].

Культурологическая версия пространства образования и науки [2; 3; 15] способствует осмыслению территориальной организации системы, а также процессов рецепции и трансфера важнейших концептов, каковым является, к примеру, идея университета [4]. Это важнейшая установка для историко-юридического анализа вполне согласуется с глубокой методологической посылкой о культурно-историческом измерении права [34: с. 38–41], вновь открывающей горизонты и перспективы упрятанной за модными образами прикладной юриспруденции историко-правовой науке.

Итак, важнейшей составляющей имперской политики в области образования и науки была ***идеологическая***. Формирование идеологии можно охарактеризовать как сложный и, по крайней мере, двухканальный процесс. С одной стороны, генеральные идеологемы взаимодействия властных и общественных структур («общее благо», просвещенный абсолютизм, идея сотрудничества (в эпоху буржуазных реформ)) внедрялись в сферу образования и науки. С другой стороны, созревшие в недрах профильного ведомства – Министерства народного просвещения (МНП) триада «самодержавие – православие – народность», идея «истинного просвещения» и другие транслировались в общество в целом. Соответственно справедливым видится тезис о государственности национальной идеологии, о том, что именно государство формулирует положение национальной идеологии, «защищая ее от разъедающей критики «косвенных сил» и реализуя в своих конкретных программах и практике» [7: с. 14]. И именно МНП настойчиво характеризуется исследователями идеологическим ведомством Российской империи [14: с. 773].

В качестве иллюстраций идеологического наполнения образовательно-научного пространства могут быть показаны следующие эпизоды из истории соответствующего направления имперской политики.

Реформы Петра Великого и его преемников сопровождались реализацией идей регулярного государства и общего блага («общей пользы»). Реплика Н.И. Павленко о том, что законодательство дает обильный материал для характеристики идеологии самодержавия [17: с. 389], более чем справедлива по отношению к узаконениям об образовании и науке: вышеназванные формулы в основном с разъяснениями сопровождают их. «Польза в народе», «российскому народу не токмо в великую пользу, но и во славу служить», «некоторая польза» неоднократно упоминаются в Проекте учреждения императорской Академии наук, приложенном к именному указу 28 января 1724 г. В частности, предписывая учитывать «состояние здешнего государства», а не просто копировать иностранные образцы, законодатель полагает необходимым «учинить такое здание» (Н.З. – учреждение), «…через которое бы не токмо слава сего государства для размножения наук нынешним временем распространилась, но и чрез обучение и расположение оных, польза в народе впредь была». «Великая польза российскому народу» усматривалась также в публикации на русском языке (переводах) научных изданий и учебных курсов». «Полезность и непременность» академического здания обусловливалась и императорской протекцией [20].

Для исполнения задуманного монархом дела об устроении академических учреждений «яко зело надобное дело в пользу государственную» в феврале 1725 г. на имя российского посла князя Куракина был дан именной указ «О приглашении ученых людей в Российскую Академию Наук и о выдаче желающим ехать в Россию нужных пособий» [21]. «Польза народа» и «интерес Императорского Величества» упоминались впоследствии как основания различных мероприятий академии, в частности тиражирования Уложения и прочих указов «для всенародного употребления», в высочайше утвержденных докладах Академии наук [22; 23; 25; 26]. На основании ходатайства Академии в 1735 г. указом Синода было предписано выбрать из училища при Спасском монастыре «достойных двадцать человек» для обучения в академии высшим наукам. В узаконении содержалось и соответствующее обоснование – «дабы оные со временем Государству полезные услуги показывать могли» [24].

Как отмечается, определенный уровень образованности, цивилизованности, приобщенности к европейской культуре был одним из приоритетов, вокруг которых выстраивалось имперское сознание, важнейшим ориентиром великодержавной доктрины. Именовавшийся при Петре «регулярностью» этот уровень в эпоху Екатерины Великой стал «просвещенностью» [13: с. 112–113, 167]. Утилитарный вектор образовательной политики, особенно четко артикулированный законодателем в начале XIX в. (цель образования – «приуготовление к различным родам государственной службы»), тесно переплетался с идеей воспитания полезного гражданина и прочими концептами просвещенного абсолютизма.

Особенно ярко соответствующие формулы были представлены в утвержденных монархом в августе 1802 г. Правилах для учащихся в императорском Дерптском университете. Так, задачей юридического отделения (факультет) было правилом показывать учащемуся политическое отношение к правительству, разным сословиям и частным лицам, «его обязанности к оным и права, каких от

них ожидать и требовать может». Отделение должно было образовывать «защитников правоты сограждан своих и угнетенной невинности». На философском отделении юношу намеревались не только научить надлежащему употреблению душевных способностей, но и приготовить предварительными познаниями «к тем, кои составлять будут предмет нашего звания в обществе». Целями врачебного факультета были названы: 1) раскрытие учащемуся таинства природы животных как в здоровом, так и болезненном состоянии; 2) научение познавать законы, действующие в этих обоих случаях; 3) показ целебной силы природы и искусства и научение применять полученные знания с пользой «для физического благосостояния ближнего, а нередко и к исправлению его нравственности». Богословское отделение, в свою очередь, должно было «…вести к тому источнику, из которого может он (Н.З. – учащийся) почерпать правильные понятия об отношениях и должностях своих в Верховному Существу и к ближним и достоверные сведения о достоинстве человека, возвышающие его до возможного степени совершенства в сем мире» [31: стб. 105–106].

Небезынтересной видится и идея «истинного просвещения», выдвинутая по окончании «эры объединенного министерства» (Министерства духовных дел народного просвещения). Ее, как и другие «начала» деятельности профильного ведомства, сформулировал в своей речи 11 сентября 1824 г. новый министр А.С. Шишков. «…Нам поручено дело важное: надзор за ученьем и воспитанием Российского юношества, – заявил министр, – мы дадим Богу и Отечеству ответ, если нерачительно будем исполнять долг свой и обязанность». В выступлении обосновывались возможные опасности несоответствующего целям «истинного просвещения» воспитания и образования: юношество, «не утвержденное в благоговении к Богу, в преданности Государю и Отечеству, в любви к правде, в чувствовании чести и человеколюбия» сможет заразиться «лжемудрыми умствованиями, ветротленными мечтаниями, пухлою гордостью и пагубным самолюбием». Если же этого не предотвратить в училищах, то в будущем возникнет зло «и в воинских ополчениях, и в судебных заседаниях, и в исполнении всяких должностей, и в семействах, и в пользах общежития». Был сформулирован также тезис об изощряющих ум науках, которые без веры и нравственности не способствуют народному благоденствию. По мнению чиновника, они сколько полезны для человека благонравного, столько вредны для злонравного.

Важнейшим в выступлении было противопоставление вредоносности всеобщего образования некоей идеальной конструкции «истинного просвещения». «Истинное просвещение» – это как раз не всеобщая грамотность. Здесь, полагаем, и коренятся во многом те идеи о сословном образовании, что будут транслироваться в узаконениях через 2–3 года. Министр сравнил науки с солью, употребление которой полезно в меру: «Излишество их (Н.З. – наук), равно как и недостаток, противны истинному просвещению. Обучать грамоте весь народ, или несоразмерное числу оного количество людей, принесло бы более вреда, нежели пользы». Разъяснялось это так: «Наставлять земледельческого сына в риторике было бы приуготовлять его быть худым и бесполезным, или еще *вредным гражданином*. Но правила и наставления в христианских добродетелях, в доброй нравственности нужны всякому, не выводят никого из определенного ему судьбой места и во всех состояниях и случаях делают его почтенным и кротким, и довольным и благополучным». «Благочестивый поселянин, прилежный в деле своем, добрый муж, чадолюбивый отец, мирный сосед, умеренный в своих желаниях, не скучающий в поте лица доставать себе насущный хлеб, *несравненно просвещеннее для меня*, – подчеркивал глава ведомства, – нежели хитрый мудрец, знающий все науки, но который, последуя движению безнравственных страстей своих, мучит сам себя беспрестанными мечтаниями и совращает других с истинного пути спокойной и благоденственной жизни (Н.З. – курсив мой)» [32: стб. 527–530]. Не такая, быть может, яркая, как известная триада С. Уварова, идея «…истинного просвещения идеологически обосновывала внутреннюю, в частности, сословную политику государства»

Приспособление иностранных (европейских) заимствований к российским условиям, их нивелировку в значительной степени отражали ***модели управления*** и ***управленческие практики***, сформировавшиеся в образовательно-научном пространстве в имперский период. Среди прочих периодизаций, «прописавшихся» в истории образования и науки, имеется и та, что показывает становление такой самостоятельной функции государства, как управление образованием и наукой. История управления образованием и наукой в империи развивалась в два основных этапа: доминистерский (XVIII в.) и министерский (XIX – начало XX вв.).

В эпоху Петра I школа (образование) подчиняется государству. Церковь (а еще ранее община), выступавшая прежде организатором этой деятельности, теперь не может быть конкурентом государству; церковно-государственные отношения с их относительно равноправным сотрудничеством переходят в плоскость взаимоотношений, когда государственная власть становится полностью суверенной, требует подчинения и повиновения церкви и превращает ее в одно из государственных учреждений [5: с. 261–262; 9: с. 4; 11: с. 298–305]. Организация науки, управление ею как системной деятельностью также начинается в это время. Один из иностранных советников и корреспондентов российского монарха Г.В. Лейбниц предлагал в

1711–1716 гг., кроме организации Академии наук и университетов в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Астрахани, учредить специальный орган по управлению образованием – Коллегию наук (Gelehrt-collegium).[2] Данная коллегия должна была бы надзирать за всем, что касается просвещения и что могло бы содействовать благосостоянию подданных путем усовершенствования наук и искусств, включая подбор учителей и издание учебников. По мнению П. Пекарского, возложенные Лейбницем на членов коллегии функции были больше похожи на обязанности членов ученых обществ (академий) [18: с. XXII]. И несмотря на то, что Петр был, по выражению В.Н. Латкина, «большим сторонником коллегиальной системы», учреждения особой ученой коллегии не произошло вследствие господства идеи профессионально-сословного образования с подчинением его по отраслевому признаку различным ведомствам, что показывалось в специальных работах М.Ф. Владимирского-Буданова, С.В. Рождественского и др.

В итоге до создания в 1782 г. Комиссии об учреждении училищ отдельные управленческие функции возлагались на императорскую Академию наук в Санкт-Петербурге, Московский императорский университет, некоторые ведомства (Сенат, Синод, коллегии). Статус комиссии в указе об ее учреждении особенно не разъяснялся; в качестве ее обязанностей были названы – перевод на русский язык необходимых для народных училищ книг, согласование учебных пособий на религиозную тематику с духовными властями, обсуждение составленного плана создания училищ и их открытие [28]. Характеризуя набор задач нового государственного учреждения по указу 1782 г., С.В. Рождественский приходил к выводу о временном характере комиссии, которая должна была разработать план по новой, «нормальной методе». Именно в непредоставлении de-jure статуса постоянного ведомства исследователь видел постепенное снижение роли и прекращение деятельности комиссии к концу столетия, своеобразную «упущенную возможность» [29: с. 4–5, 8].

Губернская реформа 1775 г. способствовала и организации регионального уровня управления системой образования: законодательно предписывалось создать в каждом наместничестве (губернии) приказ общественного призрения, под председательством губернатора, в обязанности которых входило, кроме прочего, открывать школы и училища в городах и больших селениях и надзирать за ними [12: с. 33; 27]. Училищный устав 1786 г. подробнее урегулировал управление народными училищами: приказам была поручена хозяйственно-экономическая часть (жалование учителям, закупка книг, содержание училищных зданий и т. п.), по всем училищным делам в приказе мог заседать директор училища, назначаемый губернатором и т. д.

В начале XIX столетия функция управления образованием и наукой была оформлена окончательно созданием профильного ведомства – МНП; начался министерский этап. Руководитель ведомства сентябрьским манифестом 1802 г. официально был назван «министром народного просвещения, воспитания юношества и распространения наук». В его ведение передавались Главное правление училищ «со всеми принадлежащими частями», императорская Академия наук, Российская академия, университеты и прочие училища, за исключением относящихся к другим ведомствам (например, императрицы Марии Федоровны), частные и казенные типографии (кроме принадлежащих иным ведомствам), цензура, издание ведомостей и прочих периодических сочинений, библиотеки, коллекции, музеи. Рисовалась и значительная перспектива нового ведомства – ему поручалось управлять всеми учреждениями, «какие впредь для распространения наук заведены могут быть» [30: стб. 4]. Просуществовав до 1917 г., профильное ведомство по управлению образованием и наукой пережило все этапы имперской министерской истории; менялись и его структура, и задачи, уточнялись направления деятельности.

Специально стоит отметить попытки гармонизации взаимоотношений МНП с другими ведомствами, имевшими свои учено-учебные части, и очевидную тенденцию к монопольному положению МНП, особенно проявившуюся во второй половине XIX столетия. Для профильного министерства особым приоритетом было подчинение сфере своего влияния начальной школы, исключительно разнообразной по своему происхождению, «прописанной» в разных государственных частях; само же министерство неоднократно призывало к «совместному просветительству» и общество, и церковь. По крайней мере, к началу 1860-х гг. министерству «ясно обрисовалось ненормальное положение дела народного образования», поскольку, будучи специально учрежденным для народного образования, ведомство «оказалось на практике удаленным от него». Предоставленное МНП право наблюдения за учебной частью в школах иных ведомств серьезно нивелировалось некомпетентностью лиц и учреждений, которые получали непосредственные отзывы начальств учебных заведений. Результатами разобщенной ведомственной деятельности (иногда – и противодействия) и отсутствия единого руководства со стороны МНП стали, как отмечалось, недостаточное количество начальных школ и неудовлетворительное их качество [16: с. 166–167].

[2] См. проекты Лейбница Г.В. «О введении наук в России» в работе: [19: с. 25–27].

Однако особое качество управления образовательно-научной системой империи не исчерпывалось только созданием специального государственного органа. Уже в начале XIX в. были заложены принципиальные основы, которые впоследствии корректировались по мере строительства системы образования и науки. Одной из таких основ стало учебно-окружное деление империи. Система учебных округов по университетам во главе с попечителями не только позволила решать сложнейшие учебно-административные проблемы в значительном по территории государстве. С ее помощью в ткань соответствующего направления государственной политики были вплетены механизмы для решения геополитических, национальных, русификаторских, экономических задач. И, как уже справедливо отмечалось исследователями, реформы Александра I в сфере образования преследовали цели регионального развития, и впервые в жизнь стала проводиться региональная образовательная политика [8: с. 34]. И если изначально было устроено 6 учебных округов, то к началу XX в. их было уже 15. В 1835 г. было принято специальное Положение об учебных округах, которое четко урегулировало управление системой образования. При этом университеты утратили функции по руководству училищами округа, как это было зафиксировано в узаконениях начала столетия, а власть попечителей учебных округов возросла [31: стб. 730–735].

Тема участия общества в управлении исследуемой системы активно зазвучала в «эпоху великих реформ», когда стала популяризироваться идея всеобщей грамотности, формировалось негосударственное образование, а в компетенцию земских учреждений входило обустройство и финансирование школ. Университеты требовали автономии, вызревали новые формы организации науки. Кульминацией темы стала деятельность Государственной Думы и реформированного Госсовета. По крайней мере, Государственная дума III созыва получила название «Думы народного образования»; «неожиданная работоспособность» Министерства народного просвещения проявилась в предоставлении на обсуждение в Думу III и IV созывов около двух сотен законопроектов [10: с. 191–195; 14: с. 788–789].

Проблема правового регулирования образования и науки в Российской империи продолжает приковывать исследовательское внимание, в том числе и автора настоящей историко-юридической зарисовки. Уже выделялись уровни и формы узаконений об образовании и науке, характеризовались направления правового регулирования, показывалась специфика систематизации этой части общеимперского законодательства, анализировались отдельные особо значимые узаконения (университетские уставы, Предварительные правила народного просвещения, др.) [6]. Посему в данном случае хотелось бы уделить внимание некоторым характеристикам, по сути, статистическим, дающим представление об объеме анализируемого массива.

В «генеральном» акте систематизации российского законодательства – Полном собрании законов Российской империи нашли отражение около 200 узаконений образовательно-научной тематики, изданных в XVIII столетии; повышенная интенсивность их издания приходится на время царствования Петра I и Екатерины II. Причем цифры в известной степени свидетельствуют о приоритетности отраслей образования. Значительное количество узаконений адресовано образованию военному; в частности, кадетским корпусам посвящено свыше 30 актов. Устраивавшиеся в империи университеты получили также около 30 актов. Один из первых типов общеобразовательной школы начальной ступени – «цифирные» школы, существовавшие с разным успехом до 1744 г., получили в свой адрес порядка 10 узаконений. Учебные заведения разных ступеней сферы духовного образования (греколатинские школы, епархиальные школы, духовные семинарии и академии) были снабжены, по нашим подсчетам, не менее 20 указами и регламентами.

Иная «цифровая оболочка» была присуща узаконениям министерского периода. Помимо нормативных актов высшей власти, в регламентации образовательных отношений значительную роль стали играть акты органов подчиненного управления. Прежде всего, это акты профильного министерства (МНП), но должны быть учтены и акты иных ведомств, в которых создавались учёно-учебные комитеты (военные, юстиции, внутренних дел, др.), посредством которых осуществлялась регламентация отраслевого образования. С разделением в начале XIX в. страны на учебные округа и постепенным юридическим оформлением полномочий их руководителей образовательное законодательство стало пополняться попечительскими актами.

Подсчет только утвержденных императором актов на основании хронологических реестров официальных сборников постановлений по Министерству народного просвещения привел к следующим выводам. В период 1802–1825 гг. в образовательно-научной сфере по линии профильного ведомства было издано 541 высочайшее узаконение; в 1825–1839 гг. – 665; 1840–1854 гг. – 773; 1855–1864 гг. – 603; 1865–1870 гг. – 664; 1877–1881 гг. – 951; 1881–1884 гг. – 678 гг.; 1885–1990 гг. – 1198; 1891–1896 гг. – 783; 1897–1900 гг. – 508.

Актов министра народного просвещения было официально опубликовано: за 1802–1835 гг. – 512, 1835–1849 гг. – 923; 1850–1864 гг. – 732; 1865–1870 гг. – 409; 1871–1879 гг. – 837; 1898–1900 гг. – 1114; 1901–1903 гг. – 1241.

Попечительская документация представляется почти «необъятной»: только в Казанском учебном

округе за период 1838–1864 гг. было издано 27 томов документации.

Той же характеристикой можно наградить и так называемые локальные акты в сфере образования и науки. Университеты, иные высшие учебные заведения, научные учреждения в рамках законодательства создавали этот нормативный пласт. Акты этого уровня частью опубликованы официально (например, в журнале министерства народного просвещения, издававшегося вплоть до 1917 г.), частью отдельными изданиями. Многие из них, полагаем, находятся в различных архивохранилищах и еще не обрабатывались исследователями.

Иллюстрации можно продолжить, но и приведенные данные позволяют соглашаться с тезисом о «локомотивной» роли государства в деле строительства сферы образования и науки. Законодатель имперского периода, проявляя активность, предписывая правила, конструируя модели de-jure, неизбежно стимулировал практическую работу в сфере образования.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что политико-идеологические, организационно-управленческие, нормативно-регулятивные аспекты большой темы «образование и наука в Российской империи», несмотря на обилие публикаций, вряд ли исчерпаны исследователями. Продолжение этих сюжетов перспективно как с точки зрения «чистой науки», так и в прикладном ключе. Ориентиры на иные (иностранные) образцы в образовании и науке, пределы заимствований – не тема только последних лет. Богатейшие российские традиции формировались в процессе длительной кросскультурной коммуникации, в результате активной научной и духовной рефлексии современников.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. *Андреев, А.Ю.* Лекции по истории Московского университета. 1755–1855 / А.Ю. Андреев. – М., 2001.
2. *Андреев, А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века / А.Ю. Андреев. – М., 2000.
3. *Вахромеева, О.Б.* Духовное пространство университета. Высшие женские Бестужевские курсы 1878–1918 гг.: исследования и материалы / О.Б. Вахромеева. – СПб., 2003.
4. *Вишленкова, Е.А.* «Между Западом и Востоком»: культурно-пространственные ориентации российского университета / Е.А. Вишленкова // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в.: сб. ст. / отв. сост. А.Ю. Андреев. – М., 2009. – С. 83–99.
5. *Владимирский-Буданов, М.Ф.* Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов-на-Дону, 1995.
6. *Зипунникова, Н.Н.* «Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени». Российское законодательство об университетах XVIII – начала XX века / Н.Н. Зипунникова. – Екатеринбург, 2009.
7. *Исаев, И.А.* Национальная идея и национальная идеология / И.А. Исаев // Методологические проблемы преподавания истории государства и права: материалы международн. науч.-метод. семинара 16 февраля 2009 / под ред. В.Е. Сафонова, В.Е. Рубаника. – М., 2010.
8. *Катровский, А.П.* Формирование и развитие территориальной структуры высшего образования в России / А.П. Катровский. – М., 2003.
9. *Кодан, С.В.* Российская верховная власть: становление абсолютизма в правление Петра I / С.В. Кодан // ЮрИс. – 2005. – № 2.
10. *Константинов, Н.А.* Очерки по истории начального образования в России / Н.А. Константинов, В.Я. Струминский. – М., 1949.
11. *Латкин, В.Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII–XIX вв.) / В.Н. Латкин. – М., 2004.
12. *Малека, Ю.Н.* Социальная деятельность российского государства: исторический опыт управления процессами (XVIII – начало XX в.): автореф. дис… д-ра ист. наук / Ю.Н. Малека. – М., 2003.
13. *Марасинова, Е.Н.* Власть и личность: очерки русской истории XVIII века / Е.Н. Марасинова. – М., 2008.
14. Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России. – М., 2007.
15. *Михайлова, С.М.* Казанский университет в духовной культуре народов Востока России (XIX в.) / С.М. Михайлова. – Казань, 1991.
16. *Назарьевский, И.Т.* Исторический очерк законодательства по начальному образованию в России / И.Т. Назарьевский // ЖМНП. – 1905. – № 2.
17. *Павленко, Н.И.* Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. / Н.И. Павленко // Абсолютизм в России (XVII – XVIII вв.). – М., 1964.
18. *Пекарский, П.П.* Наука и литература при Петре Великом / П. Пекарский. – СПб., 1862.
19. *Пекарский, П.П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. / П.П. Пекарский. – СПб., 1870.
20. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830 (далее – ПСЗ – 1). – Т. 7. – № 4443.
21. ПСЗ – 1. – Т. 7. – № 4663.
22. ПСЗ – 1. – Т. 9. – № 6686.
23. ПСЗ – 1. – Т. 9. – №6687.
24. ПСЗ – 1. – Т. 9. – № 6816.
25. ПСЗ – 1. – Т. 10. – № 7534
26. ПСЗ – 1. – Т. 10. – №7535.
27. ПСЗ – 1. Т. 20. – № 14392.
28. ПСЗ – 1. – Т. 21. – № 16507.
29. *Рождественский, С.В.* Значение комиссии об учреждении народных училищ в истории политики народного просвещения в XVIII–XIX вв. Отт. из кн.: Описание дел архива МНП. Т. 1 / С.В. Рождественский. – Петроград, 1917.
30. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения (МНП). Т. 1. – СПб., 1864.
31. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения (МНП). Т. 2. Отд. 1. – СПб., 1864.
32. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения (МНП). Т. 1. Изд. 2-е. – СПб., 1898.
33. *Сидорова, Т.А.* Российский государственный социальный университет: история университета как «историческая биография» вуза в научно-образовательном пространстве России / Т.А. Сидорова // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. – М., 2009.
34. *Синюков, В.Н.* Российская правовая система / В.Н. Синюков. – М., 2010.
35. *Труде, М.* Университет и (его) город: новая перспектива для исследования истории российских университетов // Университет и город в России (начало XX в.) / под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. – М., 2009.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ В РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

С.А. Морозов

Морозов Сергей Александрович – аспирант кафедры «Теория и история государства и права» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

В статье раскрываются особенности правового положения иностранцев, проживавших на территории Российской империи в XIX – начале XX вв. Выбор хронологических рамок исследования обусловлен реформами 1860-х гг. и расширением международно-правового сотрудничества Российской империи с другими государствами. Именно в этот период идет совершенствование законодательного статуса иностранцев в России. В статье выделяется то общее, что было в правовом положении всех иностранцев в России. При этом автор отметил базовые принципы законоположения об иностранцах. Выявлены источники права, регулирующие положение иностранцев. Иностранцы, поступившие на гражданскую службу на разрешенные им должности, пользовались в этот период всеми служебными преимуществами, присвоенными их должностям, но в чины не производились. Для этого было необходимо принять подданство России. Поступающие на государственную службу иностранцы могли работать при условии, если они получат права на классные чины при выпуске из университетов или других учебных заведений. Обращается внимание на особый статус иностранцев в различных сферах предпринимательской деятельности. Рассматривается также порядок принятия рабочих-иностранцев на горные и другие промыслы Дальнего Востока. Отмечается, что перечень ограничений для иностранцев на Дальнем Востоке был расширен по сравнению с другими регионами России. В статье делается вывод, что положение иностранцев в России в целом не отличалось от положения подданных Российской империи, хотя и существовали определенные ограничения на занятия тем или иным видом деятельности. Из соображений безопасности на Дальнем Востоке перечень ограничений для иностранцев был расширен.

Ключевые слова: правовое положение иностранцев, Российская империя, подданные, Дальний Восток.

Формирование правового статуса иностранцев в России во второй половине XIX – начале XX вв. связано, в первую очередь, с определением в законодательстве разрядов и категорий иностранцев, прибывающих в страну. В правовых актах Российской империи сложилось дробное деление иностранцев на отдельные разряды с установлением особенностей положения каждой из них. Узаконения определяли исходные положения в отношении иностранных дворян, иностранных духовных лиц, иностранных ремесленников, иностранных поселенцев, которые включали три категории – колонисты, сельские рабочие и поселенцы, а также иностранные евреи. В результате в отношении различных сфер деятельности иностранцев в России сформировался особый механизм правового регулирования. Законодательство детализировало особенности правового статуса иностранцев в сфере государственной службы (военной и гражданской), участия деятельности бирж, занятиями в мореходстве, связи, артистической деятельности, получения образования, различного рода промыслов (горного, золотодобычи, нефтяного) и других видов предпринимательской деятельности.

Прежде чем охарактеризовать правовой статус иностранцев в различных сферах деятельности необходимо выделить общее в правовом положении иностранцев, базирующееся на ряде принципиальных законоположений:

1. Никто не может отговариваться неведением закона, когда он был обнародован установленным порядком.

2. Сила законов равно обязательна для всех без исключения российских подданных и для иностранцев, пребывающих в Российском государстве.

3. Иностранцы, находясь в России как лично, так и по имуществу их, подлежат действию российских законов и пользуются общею оных защитою и покровительством.

4. Иностранцы, поселившиеся в купленных ими землях, должны нести и земские повинности во всех отношениях, наравне с прочими жителями того края, где поселятся.

5. По всем тем вопросам, в отношении которых для пребывающих в Россию иностранцев не установлено особых правил, они подлежат действию общих законов Империи и пользуются всеми правами, этими законами установленными [9; 12].

В правовом статусе иностранцев, находящихся на государственной службе в России, имелись особенности приема и служебной деятельности в армии и «по гражданскому ведомству».

Еще Екатерина II указом «О распределении вступающих в военную службу иностранцев по разным военным командам, находящимся в отдаленности границы» от 11 февраля 1792 г. определила порядок поступления на военную службу через существовавшую в России рекрутскую систему комплектования армии. Данный указ касался низших категорий, которые пожелали поступить в армию через рекрутство [6]. Существенные ограничения для иностранцев в России впервые были введены Николаем II с принятием Положения «О канцелярских служащих гражданского ведомства» от 14.10.1827 г. Статья 1 положения гласила: « Всем начальствам гражданского ведомства, со дня обнародования сего положения, воспрещается принимать в государственную службу и определять к ка-

ким-либо местам…иностранцев» [3]. Принятые на службу ранее причислялись к 4-му разряду (самому низшему). А поступающие вновь на службу иностранцы могли быть приняты при условии, если они получат права на классные чины при выпуске из университетов или других учебных заведений. До начала XX в. данные положения действовали в полном объеме.

Необходимо отметить, что российское законодательство полностью не закрывало для иностранцев возможности поступления на гражданскую службу. Устав о службе по определению правительства предусматривал, что иностранцы допускались к гражданской службе «…когда кто из них по месту воспитания своего приобретет право на классный чин, или вообще окончит курс учения в таком заведении, из которого, на основании сего устава, дозволено принимать в службу независимо от рода и звания», «когда кто приобретет, узаконенным порядком, ученую или академическую степень». Отступления допускались также «для некоторых лиц, должностей и особых родов службы, а также в некоторых отдаленных и малонаселенных местностях, пользующихся особыми преимуществами» [10].

Необходимо отметить, что Устав о службе, регламентируя прием на гражданскую службу иностранцев, разделяет их на две категории: принявших присягу на подданство и не принявших таковой. Так, иностранные дворяне, «…имеющие о происхождении своем надлежащие документы и присягнувшие на подданство России», определяются в гражданскую службу, по представлению государственных учреждений и должностных лиц только с разрешения Правительствующего сената с определением в третий разряд канцелярских служителей [10].

Указанные выше ограничения прав иностранцев по гражданской службе не имели действия в сфере «ученой и учебной деятельности», а также и некоторых других сферах. Ст. 41 Свода уставов о службе гражданской указывала, что «запрещение принимать в государственную службу иностранцев не распространяется на ученую и учебную часть». Прием на службу иностранцев (принявших и не принявших присяги на подданство) разрешался Правительствующим сенатом и только в те ведомства, где это было разрешено «…при строгом порядке рассмотрения необходимых документов, а также свидетельств о благонадежности и сведений о пребывании в России».

Иностранцы, поступившие на гражданскую службу на разрешенные им должности (ст. 46, 297 Свод уставов о службе гражданской), пользовались в период службы всеми служебными преимуществами, присвоенными им должностям, но в чины не производились – для этого было необходимо вступить в подданство России. В правах иностранцев на производство их в чины были также существенные ограничения. По общему правилу они не могли быть в них произведены, но пользовались при этом всеми служебными преимуществами, присвоенными им по должности. Исключение составляли ряд должностей, замещение которых давали право иностранцу получить высокий чин. Так, производство в чины иностранца «по ведомству горному и монетному» могло иметь место быть, если он «признавался очень полезным для службы, и соответствующий министр имел право обращаться с представлением в императорскую канцелярию» (ст. 510. Свод уставов о службе гражданской) [10].

В сфере государственной деятельности «по судебному ведомству» и «по выборной службе» права иностранцев были еще значительнее ограничены. Они полностью исключались из возможности служить в судебной системе, избирать и быть избранными.

По судебному ведомству иностранцы не имели права занимать какие-либо должности. В узаконениях определялось, что «в должности по судебному ведомству могут быть определяемы только русские подданные», «не могут быть приставами…иностранцы», «присяжными поверенными не могут быть…иностранцы», «присяжные заседатели избираются из местных обывателей всех сословий…состоящих в русском подданстве» [13].

Иностранцы не имели права участия в выборах и быть избранными в государственные органы власти как центральные, так и местные. Учреждение Государственного совета подчеркивало, что «не могут быть избираемы в члены Государственного совета …иностранные подданные».

Также считаю необходимым рассмотреть вопрос о правах иностранцев как физических лиц, в различных сферах предпринимательской деятельности, так и права иностранных акционерных обществ в качестве юридических лиц. Следует согласиться с точкой зрения И.В. Поткиной о том, что законодательные акты России, регулирующие предпринимательскую деятельность иностранцев, условно можно разделить на четыре группы [1: с. 20].

Первая объединяет серию основных законов империи, что относится к общему законодательству.

Специальные законоположения (указы императора, Положения комитета министров, а затем Совета министров, мнения Государственного совета) образуют вторую группу. Они впоследствии являются составной частью общего законодательства, уточняя и дополняя его в качестве примечаний или приложений к соответствующим статьям того или иного закона. Многочисленная серия однотипных по содержанию документов составляет

так называемое, «сепаративное законодательство» – акты, определявшие условия деятельности в России каждого акционерного общества. Они рассматривались Советом министров и утверждались императором, поэтому приравнивались к закону, в отличие от уставов акционерных обществ, которые рассматривались как договор. И, наконец, серия постановлений, лишавших имущественных и иных прав граждан Германии, Австро-Венгрии, Турции в годы Первой мировой войны, образует группу документов чрезвычайного характера.

По существующим правилам право заниматься торговлей и промыслами иностранные подданные приобретали с особого разрешения императора. Исключение было сделано только для тех, кто уже прослыл за границей «как знаменитый капиталист или искусный мастер».

Законы 1 января 1863 г. и 9 февраля 1865 г. [7; 8] знаменовали своеобразный поворот в политике правительства не только по отношению к отечественному предпринимательству, но и к иностранному. В России устанавливались принципы бессословности и равенства русских и иностранных подданных. Так, ст. 21 Положения о пошлинах на право торговли и других промыслов определяла: «Свидетельства, как купеческие, так и промысловые могут быть выдаваемы лицам обоего пола русским подданным всех состояний и иностранцам» [8]. И хотя принципы, по мнению В.И. Бовыкина, и не были выдержаны до конца, но с принятием нового положения о государственном промысловом налоге 1898 г. было окончательно отвергнуто сословное начало, право на занятие торговлей и промышленностью стало независимым от приписки к купеческому сословию [1: с. 21].

Права иностранцев в сфере горной промышленности определялись горным законодательством. Характерно, что в законодательстве дореволюционной России право на владение недрами в современном его понимании, как юридической категории, зафиксировано не было. В законе речь идет о промыслах: горном, золотом и нефтяном, т. е. праве частных лиц на занятие горной промышленностью. Отдельно существовали права на владение или использование рудными месторождениями и нефтеносными землями. При этом по Горному уставу золотосодержащие прииски на казенных и кабинетских землях частным золотопромышленникам предоставлялись не в собственность, а во временное пользование, что влекло за собой необходимость приобретения концессии. Право на золотой прииск признавалось движим имуществом.

Права иностранцев в горном промысле определялись Горным уставом – «…производство горного промысла на свободных казенных землях дозволяется лицам всех состояний, пользующемся гражданской правоспособностью, как русским поданным, так и иностранцам».

Согласно ст. 267 Устава горного «…производство горного промысла …воспрещается… лицам, не состоящим в русском подданстве, – в Приморской области, на о. Сахалин – лицам, коим по местным узаконениям не предоставлено права приобретения земельной собственности» [11].

Но, столкнувшись в реальной жизни с отсутствием притока российских капиталов в эту отрасль добывающей промышленности, правительство 6 июля 1895 г. несколько изменило порядок в сторону смягчения разрешительного порядка для иностранцев, желающих заниматься в России горным промыслом. В частности, по ходатайству Приамурского генерал-губернатора о разрешении иностранному обществу из французских и голландских специалистов разрабатывать Свято-Макарьевское месторождение каменного угля на берегу Амурского залива указывается на необходимость изменения закона «…в смысле более свободного допущения иностранцев, представляющихся вполне надежными к занятию горны промыслом в Приморской области и на острове Сахалин». Комитет министров постановил: если это не противоречит общегосударственным интересам, то по предварительному соглашению министров внутренних дел, финансов и Приамурского генерал-губернатора такое право может быть предоставлено компаниям, имеющих акции на предъявителя [5]. После чего была предусмотрена возможность допущения иностранных предпринимателей и иностранных компаний с учетом вышеизложенных условий в постановлении Комитета министров. Также указывалось, что в качестве временной меры производство горного и золотого промыслов при сохранении вышеуказанного порядка распространялось на часть территории Усинского пограничного округа, Алтайского округа, Семипалатинской, Забайкальской областей, на всю Амурскую область и других территорий.

Регламентировались и права иностранцев в золотом промысле. Устав горный разрешал иностранцам такую деятельность. Они имели право создавать для этого товарищества и участвовать в них. Договоры при этом или уставы таких товариществ должны были предоставляться для сведения местному горному управлению или департаменту. Запреты участия этому промыслу касались евреев и духовных лиц. Иностранным гражданам разрешался золотой промысел «…в Приморской области, на полосе всего побережья, шириною в сто верст от берега моря, начиная от Корейской границы, а также на острове Сахалин и всех других прилегающих островах, а сверх того, в виде временной меры, в Усинском пограничном округе Енисейской губы и в прочих прилегающих к Китаю местностях, пере-

численных в примечании...». Если же рудники для иностранцев на указанных запрещенных территориях были отведены до 1 января 1904 г., то они сохраняли за собой право на разработку до их окончательной выработки.

Наем иностранцев в качестве рабочих на частных золотых и платиновых промыслах имел некоторые отступления от указанных запретов. Даже в запрещённых для разработки иностранцами золота местностях использовались китайцы, а «прочие же иностранцы допускаются по отдельным каждый раз разрешениям Приамурского и Иркутского генерал-губернаторов» [11]. В 1864 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский, опасаясь, чтобы золотопромышленность Дальнего Востока не отвлекала рабочие руки от земледелия, запретил принимать на прииски из амурских переселенцев и разрешил наем китайских рабочих. В последствии приамурские власти распространили приказ генерал-губернатора и на корейцев-рабочих, пребывавших на прииски. В 1893 г., например, на Джилиндинских приисках половину рабочих составляли китайцы и корейцы. Попытки военного губернатора Амурской области ограничить количество иностранных рабочих положительного результата не дали [15: с. 450].

Правом заниматься перевозкой на морских судах товаров и других грузов и пассажиров предоставлялось как русским подданным, так и иностранцам, за некоторым исключением. Ограничения в отношении иностранцев касались каботажного судоходства, т. е. перевозки товаров или пассажиров между русскими портами. Это право предоставлялось исключительно российским подданным и судам, плавающим под русским флагом. Но в этом вопросе законом были предусмотрены отступления для иностранцев. Так, в период времени с 1906 г. по 1909 г. в Приамурском крае иностранный каботаж разрешался Приамурским генерал-губернатором и облагался особыми сборами [14].

Таким образом, положение иностранцев в Российской империи в целом не отличалось от положения подданных российской империи, хотя и существовали определенные ограничения на занятия тем или иным видом деятельности. В то же время, из соображений безопасности на Дальнем Востоке, перечень ограничений для иностранцев был расширен.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. *Бовыкин, В.И.* Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России / В.И. Бовыкин. – М. : РОССПЭН, 1997.

2. О канцелярских служащих гражданского ведомства. 1827. Октябрь, 14. № 1469 // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. Т. II. – 1827. – СПб., 1830.

3. О некоторых изменениях в правилах о льготах переселенцев в Приморском крае. 1882. Январь, 26. Ст. 130 // Собрание узаконений Правительствующего сената (СУ). – 1882. – № 21. – СПб., 1882.

4. О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири. 1861. Апрель, 27. №36928. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXVI. – 1861. Отд. 1. – СПб., 1863.

5. О порядке допущения иностранцев к занятию горным промыслом в Приморской области и на острове Сахалин. 1895. Июль, 6. ст. 1245. СУ. – 1895. №156. – СПб., 1865.

6. О распределении вступающих в военную службу иностранцев по разным военным командам, находящимся в отдаленности от границы. 1792. Февраль, 11. № 17022 // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. XXIII. С 1789 по 6 ноября 1796. – СПб., 1830.

7. Положения о пошлинах на право торговли и других промыслов. 1865. Февраль, 9. №11779 // ПСЗРИ. Собр. 2-ое. Т. XL. Отд. первое. 1865. – СПб., 1867.

8. Положения о пошлинах на право торговли и других промыслов. 1863. Январь, 1. № 39118 // ПСЗРИ. Собр. 2-ое. Т. XXXVIII. Отд. 1. 1863. – СПб, 1866.

9. Свод законов о состояниях. Изд. 1899. // Свод законов Российской империи. Полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Законов Основных и позднейших узаконений. В 5 кн. / под ред. и с примечаниями И.Д. Мордухай-Болтовского, юрисконсульта Министерства юстиции и преподавателя гражданского судопроизводства в Императорском училище правоведения; составили Н.П. Балканов, С.С. Войт и В.Э. Герценберг. (Далее СЗРИ). – Книга третья. – Т. VIII, ч. II – XI, ч. I. – СПб. : Русское книжное товарищество «Деятель», 1912.

10. Свод уставов о службе гражданской // СЗРИ. – Книга первая. Т. I–III. – СПб., 1912.

11. Устав горный // СЗРИ. Книга четвертая. – Т. XI. Ч. II–XII. – СПб., 1912.

12. Устав Духовных дел иностранных исповеданий // СЗРИ. – Книга третья. – Т. VIII. Ч. II-XI. – СПб., 1912.

13. Учреждение судебных установлений // СЗРИ. – Книга пятая. Т. XIII–XVI. – СПб., 1913.

14. Устав торговый // СЗРИ. Книга третья. – Т. VIII. – Ч. II–XI. Ч. I. – СПб., 1912.

15. *Това, Л.Л.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Амурско-Приморского района. Т. 2. Амурская область / Л.Л. Това. – СПб., 1905.

РОЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СЕНАТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ВЫСШЕГО СУДЕБНОГО ОРГАНА В РАЗВИТИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

О.В. Сазанкова

Сазанкова Оксана Валерьевна – доцент кафедры «Теории и истории права и государства» Дальневосточного филиала Российской академии правосудия (г. Хабаровск).

Контактный адрес: oksanasazankova@gmail.com

В статье раскрывается эволюция Правительствующего сената Российской империи как высшего органа государства, в результате которой он из органа комплексной компетенции превратился в орган с преимущественно судебными функциями. Осуществляется сравнительный анализ особенностей судебной практики до проведения реформ и практики сложившейся после судебной реформы середины XIX в. В статье рассмотрена основа законотворческих полномочий Правительствующего сената.

В статье обоснована необходимость пополнения действующих законов сложившаяся в середине XIX – начале XX вв., которая привела к тому, что значительную роль в развитии правового регулирования общественных отношений российского государства стал играть Правительствующий сенат. Указанный орган через свои кассационные решения выступал в роли толкователя и создателя правовых норм.

Исследованы влияние сената на институты российского права, в сфере материального гражданского права, в области гражданского процессуального права, а также в сфере уголовного права. Проведён анализ содержания норм, сформулированных Правительствующим сенатом Российской империи.

Ключевые слова: сенат, судебная реформа, толкование права, правотворческая деятельность.

Сенат как высший совещательный орган власти при царе был создан Петром I в 1711 г. Долгое время его место в системе органов государственной власти оставалось неопределенным. Не внесла ясность и реформа высших органов управления, проведенная Александром I в начале XIX в. На наш взгляд, только судебная реформа 1864 г. кардинально поменяла роль этого государственного органа в системе высших органов власти страны. Она коренным образом изменила компетенцию и порядок делопроизводства Правительствующего сената в области уголовного и гражданского правосудия, поставив во главе новых судов новые Кассационные департаменты. Они существовали и до самой судебной реформы, но, по сути, при проведении реформы стали «… совершенно новое учреждение» [2: с. 104]. Теперь решения Кассационных департаментов, как последней судебной инстанции были признаны окончательными, никакому дальнейшему обжалованию не подлежащими. Теперь отпала возможность разрешения гражданских дел путем передачи их на рассмотрение Государственного совета и на санкцию Высочайшей власти в тех случаях, когда сенаторы не сходились во мнениях относительно квалификации спорного правоотношения, или относительно смысла закона. Дореформенная практика знала много случаев такого направления дел в Государственный совет. В «Сборнике Высочайше утвержденных мнений Государственного Совета по гражданским делам» с 1850 по 1854 гг. помещено 210 дел, разрешенных в этом порядке [24].

Кассационные департаменты были созданы не для рассмотрения дел по существу, а для надзора за точным соблюдением закона подчинёнными им общими судебными и мировыми установлениями. Благодаря освобождению от разбора дела по существу, от проверки фактического материала и утверждений сторон, установлению обязанности наблюдать только за правильностью применения закона, департамент имел возможность всё свое внимание сконцентрировать на юридической стороне дел. В кассационных решениях выдвигались впредь только чисто юридические вопросы, подлежащие выяснению. В дореформенной практике все обстояло иначе – вопросы фактического характера нередко стояли на первом плане решений [5: с. 422].

Но самым существенным отличием нового порядка рассмотрения дел в Сенате явилась самостоятельность новых судов в области толкования закона.

До издания Уставов 1864 г. все подчиненные инстанции, в том числе и судебные, должны были применять закон по буквальному его смыслу. При встретившейся им неясности они могли свои сомнения довести до Сената, который также не имел права отступать от словесного значения закона и в случаях действительного «недостатка» закона, яв-

ляясь, в сущности, только инстанцией, окончательно констатирующей это обстоятельство.

Создание правовых норм путём толкования действующих законов категорически воспрещалось. Справедливости ради следует отметить, что Сенат, несмотря на это, и в дореформенное время не по каждому случаю, в отношении которого не имелось точной нормы закона, обращался с докладом к государю. Иногда он при молчаливом согласии правительства решал подобные дела сам, но такие случаи имели второстепенное значение.

Картина существенно меняется с введением Судебных уставов. Наиболее важными здесь были статьи 12 Устава уголовного судопроизводства и статья 9 Устава гражданского судопроизводства. Первая из указанных статей предписывала всем судебным учреждениям, в том числе и Кассационным департаментам, решать дела по точному разуму существующих законов, а в случае неполноты, неясности или противоречия законов, коими судимое деяние воспрещается под страхом наказания, они должны основывать свои решения на «общем смысле законов» [25: с. 225]. Статья 9 Устава гражданского судопроизводства открыла ещё больший простор суду, предписав «основывать решения на общем смысле законов», не только в случае неполноты, неясности и противоречия, но и в случае «недостатка закона» [26: с. 65].

Смысл этих постановлений не оставляет сомнений в том, что законодатель в отношении новых департаментов, категорически отказался от принципа воспрещения сенатского правотворчества. Прежде Сенат не имел права приступать к решению таких дел, в отношении которых не было точного закона, новые Кассационные департаменты, напротив, не должны были ограничивать себя не только неясностью, неполнотой, но и недостатком закона.

Правительствующий сенат, активно воспользовавшись предоставленным ему правом, принялся за приспособление устаревших законов к условиям и потребностям современной жизни. Возрастает интенсивность деятельности Сената, о чем свидетельствует следующая статистика. Если за 1866–1901 гг. Гражданским кассационным департаментом рассматривалось в год по 5,5 тыс. дел, то за последующие 8 лет – по 7,9 тыс. дел [4: с. 211].

Правотворческая деятельность Правительствующего сената непрерывно развивалась, разъяснения, даваемые кассационными департаментами по уголовным и гражданским делам, опубликовывались (статья 815 Устава гражданского судопроизводства, статья 933 Устава уголовного судопроизводства). В результате деятельности Сената к началу XX в. по каждой сколько-нибудь значимой категории дел существовало по нескольку случаев пополнения действующих законов [1: с. 141].

Необходимость пополнения законов вызывалась, прежде всего, реальными потребностями исторического развития страны. На протяжении XIX в. параллельно с развитием экономики государства и законодательной базы её функционирования происходит постепенная замена феодального права правом буржуазным. Этот процесс ускорили реформы 60-х годов. Но формирование нового буржуазного права было отягощено архаичными нормами. Гражданское и торгово-промышленное законодательство, изложенное в Своде законов Российской империи, созданное в 1832 г. и оставшееся без коренных изменений во второй половины столетия (в эпоху развития буржуазных отношений), не отвечало требованиям, выдвигаемым развитием промышленности и торговли. Жалобы на его несостоятельность были постоянным явлением [3: с. 40]. Особая система торгового права рубеже XIX–XX вв. не сложилась. Торгово-промышленные законы были распределены по различным томам Свода законов Российской империи, начиная с первого и заканчивая последним. Торговое право на рубеже XIX–XX вв. представляло собой совокупность норм, регулировавших торговые операции исключительно с юридической стороны, насколько эти нормы существовали самостоятельно от норм общегражданского права [27: с. 139].

Министр финансов Российской империи Н.Х. Бунге в 1880 г., представивший Алекандру II программную записку «О финансовом положении России», отмечал, что для содействия обрабатывающей промышленности, заводским и торговым предприятиям от правительства требуется не сколько материальная помощь, сколько установление лучшего порядка… Россия отстала в этом отношении от всей Западной Европы почти на полстолетия. Россия не имеет законов, отвечающих современным потребностям…» [28]. Возникла ситуация, когда позитивное законодательство не успевало за развивающимися отношениями.

В области уголовного права после реформ 60-х гг. XIX вв. изменены были не только учреждения и формы, но и основные начала уголовного процесса. Это потребовало от Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената Российской империи серьёзных и активных действий по разъяснению действующих норм и созданию отсутствующих.

Новые законы иногда были ещё более неудовлетворительны, таков был, например, закон 13 мая 1882 г. о квалифицированных кражах и об изменении постановлений о краже со взломом [6]. Если прежние законы в этой области имели недостатки, то новые правила были ещё более несовер-

шенны. Они наполнили сессии окружных судов делами по обвинению в краже со взломом из обитаемого строения (ст. 1647). В результате на практике рассматривались дела, в которых обвиняемый в похищении вещи стоимостью 2 р. 50 к. приговаривался к заключению в исправительном арестантском отделении на срок от 2, 5 до 3 лет. Подобные случаи несовершенств закона были примерами не единичного порядка.

Все вышеперечисленные причины привели к тому, что значительную роль в развитии правового регулирования общественных отношений Российского государства стал играть Правительствующий сенат, который через свои кассационные решения выступал в роли толкователя и создателя правовых норм.

Значение деятельности Правительствующего сената можно определить только путём изучения его влияния на институты российского права, особенно в сфере материального гражданского права в период его наиболее интенсивного развития. В отношении ряда институтов кассационной практикой в целом продолжалось ранее намеченное развитие. Например, такой областью было наследование по закону, которое в достаточной мере полно было отражено в статьях Свода законов. Но, уже в отношении наследования по завещанию, самостоятельное значение кассационной практики становится незаменимым.

Отметим в качестве примера учение о душеприказчиках. В законе содержался только сам термин, а все правила о пределах прав, об отчётности и ответственности душеприказчиков были созданы Сенатом. Только кассационной практикой были созданы правила о том, какие права переходят по наследству, о соотношении между наследниками по завещанию и легатариями вообще, освещён вопрос о переходе ответственности за долги, в частности, о соотношении кредиторов наследодателя и наследника, а также многие другие [9].

Правообразовательная деятельность Сената затрагивала и вопросы статуса физических лиц. Правительствующим сенатом было создано новое правило о выдаче в определённых случаях женам крестьян паспортов без согласия мужа, правило, противоречившее точному смыслу ст. 11 Положения о видах на жительство [8: с. 225]. В ряде определений Сенат установил, что крестьянские учреждения обязаны принимать к своему рассмотрению жалобы на невыдачу жёнам паспортов без согласия мужа, рассматривать обстоятельства каждого дела, а также указал, что согласие необходимо, когда муж проживает вместе с женой и обеспечивает её средствами к существованию, в иных случаях и при жестоком обращении с женой земские начальники имеют право по своему усмотрению выдавать жёнам крестьян паспорта без разрешения мужа [10: с. 158–168].

Прежде чем перейти к анализу решений, посвящённых договорным отношениям, следует отметить, что к двадцати трём статьям раздела первого «О составлении, совершении, исполнении и прекращении договоров вообще» четвёртой книги «Об обязательствах», Сенатом было принято более 500 решений, составивших основы регулирования общих положений о сделках. Сенатом было сформулировано само понятие договора, отсутствовавшее в законодательстве. Договор есть соглашение воли двух или нескольких лиц, порождающее право на чужое действие, имеющее имущественный характер и интерес, т. е. ценность в общежитии. Закон не делает различий между договором и обязательством.

Обозначены условия действительности сделок. Сделки частных лиц не противны законам, если они совершаются: 1) законно; 2) в пределах принадлежащего сторонам права распоряжения, имеют действительную силу и, являясь нормами тех частных отношений, которые ими определены на этом основании, подлежат исполнению [11: с. 657].

Установлено правило о соотношении общих и специальных норм: правила, относящиеся к договорам вообще, должны быть применяемы и к различного рода договорам, в особенности, если для какого-либо рода договоров именно не сделано в этом отношении изъятия, потому что изъятие из общего правила не предполагается, и только тогда оно может быть признано допущенным, когда именно установлено законом[12: с. 659].

Принцип свободы договора был закреплён именно в сенатской практике. Различия мнимых и притворных договоров и правовые последствия таковых определялись в дореволюционный период именно в практике правительствующего Сената. Всё учение об изъявлении воли, о случаях её несоответствия с внешним выражением получали разрешение в основном в судебной практике.

Среди общих положений о договорах обращает на себя внимание такое основание освобождения сторон по договору от ответственности, как непреодолимая сила. В законодательстве того времени не было единого, точного определения непреодолимой силы. Это было признано в одном из судебных решений Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената за 1907 г. [7]. И только в решениях Правительствующего сената содержалось общее определение термина непреодолимая сила, под ней понимались не только стихийные явления, военные действия, но и явления общественной жизни, нарушающие правильное течение, в том числе народные волнения и смуты, события, которое нельзя предупредить мерами предосторожности [14].

Следует сделать вывод, что общее учение об обязательствах в тот момент не имело достаточной законодательной базы, и многие важные вопросы, имевшие значение для регулирования экономической функции, были решены именно в судебной практике. То же самое, с не меньшим основанием, можно сказать и про отдельные виды обязательств.

Но если относительно этих и некоторых других институтов мы можем найти хотя бы первоначальные рамки в законе, то в ряде случаев практика была всецело предоставлена самой себе. Приведём наиболее яркий пример. Иски из неосновательного обогащения Сенатом были поставлены в связь со ст. 547 X тома, из которой было извлечено только одно общее положение, что никто не вправе обогащаться за чужой счёт. Из этого общего тезиса были сделаны самые разнообразные выводы: так под него был подведён случай косвенного обогащения, когда обогатившимся является хозяин имения, а истец – посторонний, давший деньги на нужды имения, через посредство третьего лица, даже без воли хозяина [15: с. 431]. И перечень таких институтов можно продолжить.

В результате деятельности Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената было положено начало формированию общей концепции и системы русского гражданского права, которых не было в начале его деятельности.

В положении, требовавшем вмешательства Правительствующего сената, находилось и железнодорожное право. Особенно большое количество судебных решений касалось вопросов ответственности железных дорог. Международное частное право, действовавшее в Российской империи, практически всецело было сформировано сенатской практикой. Руководящие постановления закона по этому предмету практически отсутствовали и только благодаря практике находили своё отражение основные начала этой быстро развивавшейся отрасли международного права [17: с. 436].

Действовавший Устав гражданского судопроизводства вызывал не меньшее количество вопросов, чем нормы материального закона. Приведём пример, в статьях 1095–1097 Устава гражданского судопроизводства, относящихся к обращению взыскания на недвижимое имущество, посылка повестки имеет иное значение, так как со времени её получения должнику воспрещается под страхом личной или имущественной ответственности отчуждать имение, кроме случая, указанного в ст. 1098. Получение повестки об обращении взыскания на недвижимое имущество влечёт за собой такое последствие именно потому, что по ст. 1096, вместе с отправкою повестки об исполнении, на указанное кредитором имение налагается запрет, т. е. применяется именно та мера, которая при обращении взыскания на движимость является арестом, наложение которого по смыслу статей 968 и 969 Устава гражданского судопроизводства не связано неразрывно с отправкой повестки [18: с. 284].

Таким образом, в данном решении Сенат отходит от буквального смысла ст. 969 Устава гражданского судопроизводства и устанавливаются правила иные, чем в законе, что является подтверждением выдвинутого нами тезиса о самостоятельной роли Сената в правотворчестве.

Так, можно отметить решения, касавшиеся соотношения подсудности между мировыми и окружными судами. Мировые судебные установления, для которых имеются особые правила (ст. 29–43 Устава гражданского судопроизводства), не имеют права для определения подсудности дела обращаться к законам о подсудности дел, подведомственных окружным судам [19: с. 284]. Вместе с тем в другом своём решении Гражданский кассационный департамент распространял действие одной из статей о подсудности дел, подведомственных окружным судам, на суды мировые. Здесь речь идет о ст. 210 Устава гражданского судопроизводства, которая устанавливала, что иски против ответчика, который находится за границей, или место жительство коего истцу неизвестно, предъявляется по месту нахождения его недвижимого имения; если же недвижимого имения у ответчика нет, или оно истцу неизвестно, то от усмотрения истца зависит начать иск по месту известного ему последнего жительства ответчика, или по месту совершения или исполнения обязательства, из коего иск возник. Решением Сената статья 210 подлежала применению по аналогии к производству в мировых судах [20: с. 72].

В сфере уголовного права и процесса Сенату часто приходилось пользоваться своими полномочиями. Например, Уголовный кассационный департамент неоднократно разъяснял, что отмена приговора в кассационном порядке, как общее правило, может последовать лишь по жалобам сторон или протестам прокурорского надзора; суд же с подобным представлением входить не может. Сенат определял, кто именно имеет право приносить кассационные жалобы, и не признавал такого права за лицами, которые не обжаловали даже в апелляционном порядке приговора, а равно за лицами, интересы которых не нарушены неправильным приговором [21: с. 410].

Многочисленные решения Сената указывали на необходимость для судов изучать внутренний смысл закона, мотивы, которыми руководствовался законодатель, и напоминали им основной принцип толкования, в силу которого исключения из общих правил не могли толковаться расширительно. В решениях Сената также утверждался принцип не допущения расширительных толкований, «клоня-

щихся ко вреду подсудимого». Всякое сомнение, в том числе в смысле закона, должно толковаться в пользу обвиняемых [22: с. 410].

Так, решениями Правительствующего сената был внедрён в русское правовое мышление принцип личной ответственности в уголовном праве и неответственности юридических лиц как таковых [23: с. 410].

Следует заметить, что при разъяснении ст. 29 Устава о наказаниях, карающей за неисполнение законных распоряжений властей, Сенат настойчиво указывал на отличие «законного распоряжения власти» от «распоряжения законной власти», и следовательно, на необходимость исполнения именно законных распоряжений законных властей, а не любых распоряжений законных властей. Данное разъяснение имело огромное значение для утверждения принципа законности в управлении.

В области оскорблений чести, в особенности при объяснении понятия клеветы, Сенату пришлось создать целые учения, ясно и точно определявшие границы этих деяний от деяний законных – общежитейских, неизбежных в повседневной жизни.

Многие определения Устава о наказаниях относительно весьма важных норм были настолько кратки, что Сенату пришлось своими разъяснениями устанавливать сущность этих деяний. Таково, например, было понятие «кража», в отношении которого Сенат своими решениями устанавливал как само определение этого деяния, так и отличие его от родственных деяний.

Сенату приходилось создавать и новые нормы, так называемые «кассационные преступления» действующим законом не предусмотренные, например, шантаж.

Таким образом, создание гражданского права, разработку многих положений гражданского процесса можно охарактеризовать общим итогом деятельности Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената как судебного органа. Приведение всей системы уголовного права в соответствие с реалиями времени и создание стройной системы его применения к общественным отношениям – результат деятельности Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. *Блинов, И.А.* Отношения Сената к местным учреждениям после реформ 60-х годов / И.А. Блинов // История Правительствующего Сената за 200 лет. 1711–1911 год. Т. 4. – СПб., 1911.

2. *Гогель, С.К.* Правотворческая деятельность сената в области уголовного права / С.К. Гогель // История Правительствующего Сената за 200 лет. 1711–1911 год. Т. 4. – СПб., 1911.

3. *Жолобова, Г.А.* Правовое регулирование торгово-промышленных отношений в пореформенной России 1881-1913 годов / Г.А. Жолобова. – М.: Издательская группа «Юрист», 2007.

4. *Н.Ш.* К тридцатилетию деятельности кассационных департаментов Правительствующего Сената // Журнал министерства юстиции. – 1901. – № 8.

5. *Нольде, А.Э.* Правотворческая деятельность Правительствующего Сената в области гражданского права / А.Э. Нольде // История Правительствующего Сената за 200 лет. 1711–1911 год. Т. 4. – СПб., 1911.

6. Об изменении правил о наказаниях за кражу со взломом. 1882. Май, 18. № 890 // Полный свод законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. II. 1882. – СПб., 1886.

7. Общий Устав Российских Железных Дорог (Свод Законов. Том XII. Часть I) с систематизированными разъяснениями Правительствующего Сената по Гражданскому Кассационному Департаменту, Уголовному Кассационному департаменту и Общему собранию I-го и Кассационного Департаментов) и с изданными в развитие статей Общего Устава правилами и узаконениями. Составитель А.А. Фруктов. – СПб., 1913.

8. Положение о Видах на Жительство // Свод законов Российской Империи в 16-ти томах. Под. ред. Ф. Волкова, Ю.Д. Филиппова. – СПб., 1900.

9. Решение Гражданского Кассационного департамента Правительствующего Сената 1874 г. № 596; 1876 г. № 66, 1878 г. № 32; 1879 г № 85; 1880 г. № 23. // Законы гражданские (Св. Зак., Т. X, ч. 1, изд. 1914 г.) со включением позднейших узаконений и разъяснений по решениям Общ. собр. и Гражд. касс. департ. Правит. Сената с 1866 г. по 1914 г. (включительно): Изд. неофиц. / Сост. под ред. А.К. Гаугера. – 9-е изд. – Петроград: Юрид. кн. маг. Н.К. Мартынова, 1915.

10. Решение 1 Общего собрания Кассационных департаментов Правительствующего Сената 229 января и 28 октября 1888 г., 2 Департамента 10 октября 1889 г., 8 февраля, 15 октября, 5 ноября 1891 г. // Журнал Министерства юстиции. – 1901. – №3. – С. 158–168.

11. Решения Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената 1873 г. № 1485; 1968 г. № 506; 1909 г. № 99. // Законы гражданские. Сост. под ред. А.К. Гаугера. – СПб., 1915.

12. Решения Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената 1872 г. № 108. // Законы гражданские. Сост. под ред. А.К. Гаугера. – СПб., 1915.

13. Решение Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего сената. 1907. № 1 // Общий устав Российских железных дорог по разъяснениям Гражданского Департамента Правительствующего Сената и его Отделений. Составил И.М. Рабинович Присяжный Поверенный. – СПб., 1914.

14. Решение Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената по отделениям от 20 января 1905 г. по делу Гильмана. № 4642-04 г. // Общий Устав Российских Железных Дорог (Свод Законов. Том XII. Часть I) с систематизированными разъяснениями Правительствующего Сената по Гражданскому Кассационному Департаменту, Уголовному Кассационному департаменту и Общему собранию I-го и Кассационного Департаментов) и с изданными в развитие статей Общего Устава правилами и узаконениями. Составитель А.А. Фруктов. – СПб., 1913.

15. Решение Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената, 1887 г. № 13, 1889 г. № 23 // История Правительствующего Сената за 200 лет. 1711–1911 год. Т. 4. – СПб., 1911.

16. Решение Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената от 11 февраля 1885 г. по делу Кондратенко с Крижицким // Вильсон В.И. Судебная практика по торговым делам. Решения Санкт-Петербургского коммерческого суда и Правительствующего сената. 1882–1893 г. – СПб., 1896.

17. Решения Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената 1875. № 749, 1879. № 241, 1881. № 183, 1883. № 441894. № 62, 1895. № 89, 1899. № 139, 1905. № 1, 1906. № 2, 1907. № 18, 1907. № 168, 1907. № 18 // История Правительствующего Сената за 200 лет. 1711–1911 год. Т. 4. – СПб., 1911.

18. Решение Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената. 1872 г. № 983.г. по делу Хрусталёва // Устав гражданского судопроизводства с извлечениями из решений Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего сената. – М., 1885.

19. Решение Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената. 1874 г. № 831 по делу Дельнова // Устав гражданского судопроизводства с извлечениями из решений Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего сената. – М., 1885.

20. Решение Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената. 1875г. № 851 по делу Гуртового // Устав гражданского судопроизводства с извлечениями из решений Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего сената. – М., 1885.

21. Решение Уголовного Кассационного Департамента Правительствующего Сената. 1869 г. № 829, 1871 г. № 1727, Решение Уголовного Кассационного Департамента Правительствующего Сената. 1871 г. № 435, 1871 г. № 90 // История Правительствующего Сената за 200 лет. 1711–1911 год. Т. 4. – СПб., 1911.

22. Решения Уголовного Кассационного Департамента Правительствующего Сената. 1866 г. № 92., 1868 г. № 557, 1869 г. № 117, 142, 1871 г. № 1758, Решения Уголовного Кассационного Департамента Правительствующего Сената. 1868 г. № 625, 1868 г. № 557, 1871 г. № 807 // История Правительствующего Сената за 200 лет. 1711–1911 год. Т. 4. – СПб., 1911.

23. Решение Уголовного Кассационного Департамента Правительствующего Сената. 1877 г. № 17 // История Правительствующего Сената за 200 лет. 1711–1911 год. Т. 4. – СПб., 1911

24. Сборник Высочайше утвержденных мнений Государственного Совета по гражданским делам, с 1850 по 1854 гг. – СПб., 1855.

25. Устав уголовного судопроизводства. Т. 16. Ч. 1. //Свод законов Российской Империи в 16-ти томах. Под. ред. Ф. Волкова, Ю.Д. Филиппова. – СПб., 1900.

26. Устав гражданского судопроизводства. Т. 16. Ч. 1. //Свод законов Российской Империи в 16-ти томах. Под. ред. Ф. Волкова, Ю.Д. Филиппова. СПб., 1900.

27. *Фёдоров, А.Ф.* Торговое право / А.Ф. Фёдоров. – Одесса, 1911.

28. *Шепелев, Л.Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики / Л.Е. Шепелев. – Л., 1981.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ В СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Н.А. Хридина

Хридина Наталья Александровна – кандидат социологических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Дальневосточной академии государственной службы (г. Хабаровск).

Контактный адрес: tufelka_80@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению организационно-правовых основ введения военного положения в СССР в период Великой Отечественной войны. Автор анализирует нормативные правовые акты, регламентирующие порядок введение военного положения, и особенности устройства органов государственной власти в условиях военного положения. Так, автор указывает на то, что правовая подготовка к военному положению началась в довоенный период с конца 20-х годов XX века. Институт военного положения получил свое конституционное закрепление в 1936 г. и был реализован в первый день войны. Чрезвычайные органы государственной власти создавались и видоизменялись в меру особой потребности без какого-либо довоенного плана.

Наряду с военным положением, автор анализирует институт осадного положения. Его особенность заключается в том, что оно вводилось в важных в военном отношении районах прифронтовой полосы в условиях непосредственной угрозы захвата их врагом и устанавливало более жесткий (по сравнению с военным положением) правовой режим.

В период стратегической обороны в районах боевых действий применялся самый суровый из всех чрезвычайных режимов военного времени «режим выжженной земли», согласно которому советское население обязано уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать.

Автор приходит к выводу, что опыт Великой Отечественной войны дает основание рассматривать военное положение как важнейшее и закономерное средство управления государством в военное время, введение которого позволило вывести на качественно новый уровень военно-организаторской работы, победное в конечном итоге выполнение Вооруженными силами основных задач по защите страны и разгрому немецко-фашистских войск.

Ключевые слова: чрезвычайное положение, военное положение, осадное положение, «режим выжженной земли», военное законодательство, органы государственного управления.

Пока существует опасность войны, вооруженного конфликта, важной задачей юридической науки является выработка единых подходов к правовому регулированию деятельности военной организации государства по перестройке её на военный лад и организации вооруженной защиты страны и обеспечения победы над противником. Это вызывает необходимость всестороннего анализа научных подходов и практики подготовки чрезвычайного военного законодательства – комплекса нормативных правовых актов, принимаемых, как правило, в мирное время и реализуемых с началом военных действий или в условиях реальной угрозы военной агрессии.

Успешному решению указанной задачи способствует глубокое осмысление опыта и уроков периода конца 1920 г. – середины 1941 г., называемого в литературе «межвоенным периодом» или «периодом мирного социалистического строительства». В эти годы наша страна не вела крупномасштабных боевых действий, но органы государственной власти проводили определенную работу в сфере военного законодательства.

Военные действия, охватившие в годы войны значительную часть территории страны, диктовали необходимость введения военного или осадного положения в ряде регионов, различных по их военно-стратегической значимости, территориальным условиям, особенностям экономического и социального развития.

Анализ развития российского законодательства показывает, что в течение длительного времени военное положение понималось и фактически применялось как особый правовой режим, характеризующийся введением в действие чрезвычайных мер в интересах обороны государства или для обеспечения общественного порядка и государственной безопасности.

Институт военного положения получил в СССР конституционное закрепление в январе 1938 г., когда сессия Верховного Совета СССР дополнила закрепленные в ст. 49 Конституции СССР от 5 декабря 1936 г. полномочия Президиума Верховного Совета СССР правом объявлять в отдельных местностях или по всему СССР военное положение в интересах обороны СССР или обеспечений общественного порядка и государственной безопасности. Эти полномочия были реализованы Президиумом Верховного Совета СССР в первый день войны, когда в большинстве прифронтовых областей страны было введено военное положение. Одновременно Указом Президиума Верховного Сове-

та СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» [1] был определен порядок поддержания режима военного положения.

Важным определяющим признаком является то, что военное положение вводится на всей территории или в отдельных ее местностях. Так, например, Указом Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» от 22 июня 1941 г. военное положение было объявлено в 26 крупных административно-территориальных образованиях СССР [9: с. 7].

Главное содержание Указа от 22 июня 1941 г заключалось: в переходе функций органов государственной власти к военным властям с установлением их полномочий по осуществлению режима военного положения; в передаче дел против обороноспособности и безопасности и некоторых других категорий дел военным трибуналам; в установлении повышенной ответственности военнослужащих и гражданского населения по законам военного времени; в существенном ограничении прав и свобод граждан и возложении на них дополнительных обязанностей.

В условиях военного времени всем звеньям управленческой системы был придан чрезвычайный характер. Помимо милитаризированных конституционных органов, были созданы чрезвычайные неконституционные органы с особыми полномочиями. Основными чрезвычайными органами являлись: Ставка Главного командования, замененная Ставкой Верховного командования (СВК), Государственный Комитет Обороны (ГКО), областные и городские комитеты обороны и другие.

Они создавались в связи с чрезвычайной необходимостью, действовали, видоизменялись в меру осознанной потребности, без какого-либо предварительного довоенного плана, но по итогам коллективного обсуждения тогда же разработанных проектов; оформлялись соответствующим законодательным порядком без изменения Конституции СССР. Учреждались соответствующие должности, аппараты, вырабатывалась в творческих поисках технология чрезвычайного управления.

Крайне важным решением в условиях военного положения было образование Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1941 г. Государственного Комитета Обороны, фактически ставшего высшим органом государственным власти СССР в военное время. Особенности его в том, что он наделен неограниченными полномочиями, объединил государственные, партийные, общественные начала управления, стал чрезвычайным и авторитетным органом власти и управления, возглавил вертикали советского, партийного, всего гражданского управления сражавшегося государства. Возглавил ГКО Председатель СНК СССР, секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин, что означало высшую степень централизации управления, сосредоточения, совмещения его различных форм в руках одного должностного лица. Члены ГКО представляли высшее партийное и государственное руководство, составляли узкий состав ПБ ЦК ВКП(б), которое рассматривало предварительно, предлагало проекты решений по всем важнейшим вопросам государственной жизни, власти и управления. Образование ГКО придало фактически легитимность решениям Политбюро, куда входили приближенные к И.В. Сталину лица [4].

За период Великой Отечественной войны Государственным Комитетом Обороны было издано около десяти тысяч постановлений, многие из которых имели нормативный характер и уточняли режим военного положения.

В условиях военного времени была изменена правовая основа функционирования карательных органов. Система органов военной юстиции перестроилась в начале войны в соответствии с июльским 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий». Образованы военные трибуналы – чрезвычайные органы с чрезвычайными полномочиями – при армиях, корпусах, дивизиях, гарнизонах, а также при бригадах на железных дорогах и в речных, морских бассейнах. Функционировали они под управлением Наркомата юстиции СССР, под надзором военной, военно-железнодорожной, военной водно-транспортной коллегий Верховного суда СССР и специальных прокуратур, которые поддерживали обвинение.

Трибуналы рассматривали все наиболее опасные деяния, вплоть до спекуляции и хулиганства. Дела слушались в закрытом процессе, рассматривались в предельно короткие сроки, приговоры не подлежали кассационному обжалованию, исполнялись немедленно после вынесения. Исполнение смертных приговоров могли приостановить командующие армиями и округами, военные советы.

Наряду с военным положением, отечественному правопорядку известен институт осадного положения. Его особенность заключается в том, что оно вводилось в важных в военном отношении районах прифронтовой полосы в условиях непосредственной угрозы захвата их врагом в целях обеспечения в этих особо чрезвычайных условиях задач укрепления тыла защищающихся войск и пресечения подрывной деятельности противника. Осадное положение, таким образом, имеет причиной введения обстановку чисто военного характера. Осадное положение устанавливало более жесткий (по сравнению с военным положением) правовой режим.

В условиях осадного положения особые полномочия в осуществлении государственных функций имели военные советы. Так, в местностях, объявленных на осадном положении, военными трибуналами применялся без судебного разбирательства расстрел к «провокаторам, шпионам и прочим агентам врага». В этих местностях преобразована в военные части территориальных судов и прокуратур [6].

Когда осенью 1941 г. немецкие войска рвались к Москве и ожесточенные бои велись на ее ближних подступах, усилилась подрывная деятельность фашистской агентуры, сеялись провокационные слухи с целью дезорганизовать тыл и вызвать панику среди населения, Государственный Комитет Обороны СССР счел необходимым в дополнение к уже существующему военному положению ввести в Москве с 20 октября 1941 г. осадное положение. Введение осадного положения предполагало немедленное привлечение к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и других агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте [5].

Осадное положение объявлялось и в некоторых других городах и районах в условиях непосредственных оборонительных боев за них.

С 26 октября 1941 г. на осадном положении объявляется г. Тула. Пункт 6 постановления Тульского городского комитета обороны «О введении осадного положения» определял: «Всех нарушителей общественного порядка привлекать к строжайшей ответственности и предавать суду военного трибунала. Провокаторов, шпионов, распространителей слухов и других агентов врага расстреливать на месте» [10: с. 137].

Начальник гарнизона г. Севастополя во исполнение постановления Военного Совета войск Крыма об объявлении всего полуострова на осадном положении издал приказ № 2 от 29 октября 1941 г. «О правилах поведения населения, движения транспорта и распорядка жизни в г. Севастополе». Приказ заканчивался словами: «Нарушителей порядка привлекать к суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих врагов расстреливать на месте» [2: с. 268].

25 августа 1942 г. на осадном положении объявляется г. Сталинград. В приказе начальника гарнизона г. Сталинграда от 26 августа говорилось: «…Лиц, занимающихся мародерством и грабежами, расстреливать на месте без суда и следствия. Всех прочих злостных нарушителей общественного порядка и общественной безопасности в городе немедленно предавать суду военного трибунала» [3: с. 268].

Анализ конкретных случаев введения осадного положения показывает, что ему всегда предшествует военное положение. При этом вводимое осадное положение, сохраняя все меры военного положения, усиливает некоторые из них. Поэтому осадное положение можно определить как особый, исключительный вид военного положения. Оно объявляется в важных в военном положении пунктах и районах прифронтовой полосы в условиях непосредственной угрозы захвата их врагом и устанавливает по сравнению с военным положением более жесткий правовой режим.

В период стратегической обороны военные власти в районах боевых действий применяли еще один, самый суровый из всех чрезвычайных режимов военного времени, которому в полной мере подходит название «режим выжженной земли». СВГК в приказе № 428 от 17 ноября 1941 г. требовала: «...При вынужденном отходе наших войск на том или другом участке уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать» [7]. Приказ подлежал немедленному исполнению и уже через неделю штаб 5-й армии, например, доносил, что ее частями сожжено 53 населенных пункта [8]. Это была исключительная мера, принимавшаяся в условиях чрезвычайной обстановки, в которой советское командование было вынуждено любой ценой остановить врага.

Как показывает проведенное исследование, органам государственной власти удалось мобилизовать имеющиеся властные ресурсы, создать эффективную систему мер, адекватную чрезвычайной обстановке. Война потребовала усиления централизации и выработке новых организационных форм политического, экономического и военного руководства. Конституция СССР не предусматривала порядка осуществления государственной власти в условиях военного времени, поэтому в годы Великой Отечественной войны было создано чрезвычайное законодательство, отвечающее потребностям времени и опирающееся на предыдущий опыт развития государства, а также чрезвычайные органы власти, прежде всего, Государственный Комитет Обороны.

Опыт Великой Отечественной войны дает основание рассматривать военное положение как важнейшее и закономерное средство управления государством в военное время, предусматривающее организацию особой охраны и обороны стратегически важных народнохозяйственных объектов, изменение трудовых правоотношений в обществе с учетом специфики военного времени, ограничение ряда прав и свобод граждан в интересах ведения государством войны, расширение полномочий правоохранительных органов.

Таким образом, введение режима военного положения в России позволило вывести на качест-

венно новый уровень военно-организаторской работы, победное в конечном итоге, хотя и с отдельными ошибками и сбоями, выполнение Вооруженными силами основных задач по защите страны и разгрому врага.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1941. – № 29 (144).

2. Героическая оборона Севастополя 1941–1942 гг.: сб. док. и мат. – Симферополь: Крымиздат, 1946.

3. Героический Сталинград. – М., 1944.

4. *Игнатов, В.Г.* История государственного управления в России / В.Г. Игнатов. – М., 2002.

5. Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 21 октября 1941 г.

6. *Исаев, И.А.* История государства и права России / И.А. Исаев. – М., 2000.

7. История отечественного государства и права: краткий учебный курс. Часть 1. – СПб.: Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2002.

8. История отечественного государства и права: краткий учебный курс. Часть 2. СПб.: Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2003.

9. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том второй. Книга 2. – М.: Русь, 2000.

10. Партийная работа в военное время. – М., 1942.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАМЕСТНИКА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (1904–1905 гг.)

И.В. Чесноков

Чесноков Иван Владимирович – аспирант кафедры «Теория и история государства и права» Дальневосточного государственного университета путей сообщений (г. Хабаровск).

Контактный адрес: ivan8707@inbox.ru

В статье дана краткая характеристика причин создания на Дальнем Востоке Российской империи особого института управления – наместничества. Приводится текст Указа императора Николая II от 30 июля 1903 г., определявшего, прежде всего, полномочия наместника. В телеграмме Министра Внутренних дел Плеве давалось разъяснение наместнику на Дальнем Востоке о том, что он обладал такими же правами, что и наместник на Кавказе. На основании исследований полномочий наместника в различных сферах деятельности, сделаны выводы, что в его лице сосредоточивалось высшее местное управление всеми гражданскими и пограничными делами подведомственного ему территорий. В своих действиях он подчинялся непосредственно императору, им назначался и освобождался от должности. Документы свидетельствуют о том, что наместник приложил немало усилий по выработке Положения об Управлении областями Дальнего Востока. В частности, назначил специальную комиссию по разработке указанного положения, состоящую из военного и гражданского отделов.

Особое внимание в статье уделено деятельности наместника в период Русско-японской войны, приведены акты реагирования, сделан анализ оперативности принимаемых решений и их влияние на ход событий на театре военных действий. Сделан вывод о том что, несмотря на своевременное реагирование наместника на сложившуюся ситуацию, он был не всесилен, так как непосредственно на Дальнем Востоке соотношение военно-экономический потенциала России и Японии было в пользу последней. Неразвитость транспортных коммуникаций не давала возможность вовремя перебросить необходимое количество войск на Дальний Восток. Техническая отсталость русского флота стала главной причиной его сокрушительного поражения в Цусимском морском сражении.

***Ключевые слова*:** наместник, правовой статус, полномочия, Русско-японская война, Дальневосточное наместничество, исполнительная власть.

Причиной создания дальневосточного наместничества являлись обостренные отношения с Японией за контроль над Маньчжурией и Кореей, приведшие к 1904 г. к началу Русско-японской войны. Оно было образованно указом императора Николая II от 30 июля 1903 г. [3: л. 1–3]. Территория наместничества включала Приамурское генерал-губернаторство, куда входили Приморская, Амурская и Забайкальская области, а также Квантунской области. Последняя располагалась на территории Китая в районе Ляодунского полуострова в аренду сроком на 25 лет, согласно русско-китайской Конвенции от 27(15) марта 1898 г., для устройства в Порт-Артуре – незамерзающем морском порте укрепленной морской базы. Общество Китайской Восточной железной дороги получило право провести к Порт-Артуру соединительную ветку, в районе которой китайское правительство обязалась не предоставлять железнодорожных концессий другим государствам [1: с. 183].

Указ императора от 30 июля 1903 г. 1903 г., прежде всего, определял полномочия наместника.

1. Наместнику присваивалась высшая власть по гражданской части в подведомственной ему территории, что означало, если исходить из текста указа «…изъяв сие управление из ведения Министерств».

2. Он же отвечал за обеспечение безопасности правопорядка в полосе отчуждения КВЖД, проходящей по территории Маньчжурии, проявлять «…ближайшую заботу о пользах и нуждах русского населения в сопредельных с Наместничеством зарубежных владениях», т. е. на территории Квантунской области.

3. В его ведении сосредоточились дипломатические сношения по делам областей Дальнего Востока с соседними государствами.

4. Наместнику передавалось командование морскими силами в Тихом океане и всеми расположенными в Приамурском крае и Ляодунском полуострове войсками.

Тем же указом наместником Дальнего Востока был назначен генерал-адъютант Е.И. Алексеев.

Вместе с текстом указа Приамурскому генерал-губернатору Д.И. Субботичу была отправлена телеграмма министра внутренних дел Плеве, в которой содержался следующий текст: «…К изложенному обязуюсь дополнить, что по Высочайшему повелению последовавшему 3-го сего Августа Высочайше указано разъяснить местным властям в областях Приамурского края и Квантунской области, что впредь до издания Положения об управлении властями Дальнего Востока им надлежит во

всех случаях когда встретятся сомнения в применении Положений Высочайших указа 30 Июля сего года и Рескрипта 30 Января 1845 года, обращаться для разрешения таких сомнений к указаниям учреждения управления Кавказского и Закавказского края помещенного во 2 томе СЗ изд. 1876 г. № 792» [3: л. 1–3].

Следовательно, наместник на Дальнем Востоке обладал по аналогии теме же правами, что и наместник на Кавказе.

В лице наместника сосредоточивалась высшее местное управление всеми гражданскими и пограничными делами территорий подведомственного ему края. В своих действиях он подчинялся непосредственно верховной власти, т. е. императору, следовательно, и назначался, и освобождался от должности указом императора. Им же единолично оглашались и решались указания императора. Судя по тексту закона, он имел неограниченные полномочия при принятии решений, касающихся внутреннего управления краем как представителя императора. В пограничных делах и внешних сношениях главноначальствующий действовал на основании особых наставлений императора. В случае необходимости он мог приостанавливать действия любого закона или распоряжения на территории наместничества, уведомив об этом подлежащего министра в течение двух месяцев, с момента применения таких мер, с указанием причины, из-за которой указ не был им применен. Наместник имел право разрешать в исполнительном порядке все случаи, не требующие выработки нового закона или постановления. Кроме того, он имел право при необходимости принимать на месте все необходимые меры, уведомляя об этом императора.

Он же имел право требовать от государственных учреждений и должностных лиц в крае всех имеющиеся у них сведения, а равно и подлинные материалы дела, за исключением контрольных дел и судебных дел, судебное производство которых не окончено.

Наместник обладал правом непосредственно назначать на должность или освобождать от нее чиновников, а также наделять их правами, изменять пределы компетенции, определять содержание прав и обязанностей чиновников.

Наместник мог лично или через подведомственных ему высших гражданских чиновников «…разрешать беспорядки и упущения в крае, принимать решительные меры к прекращению беспорядков и восстановлению законного порядка, уведомляя об этом императора, министров и главноуправляющих отдельными частями лиц». В чрезвычайных ситуациях наместник мог отменить постановления губернских и областных административных мест Дальнего Востока [2].

Указанные полномочия наместника не распространялись на учреждения и должностных лиц Государственного контроля и Государственного банка. Отношения наместника к таможенным учреждениям Дальнего Востока определялось правилами Устава таможенного.

Наместник мог направлять местных жителей, совершивших определенные преступления (сопротивление правительственным властям, убийство, разбои, грабежи и скотокрадство), в избранную им местность в пределах Дальнего Востока, а также ограничивать их передвижение за пределы установленной местности, устанавливать сроки пребывания в ней.

Ему предоставлялось право независимо от прав и обязанностей, присвоенных его должности, осуществлять в пределах подведомственного ему края следующие распоряжения:

1) удалять иностранных подданных, немедленно сообщая министру внутренних дел о каждом случае применения этой меры;

2) воспрещать лицам нетуземного происхождения, вредным для общественного порядка и безопасности, пребывание в пограничных местностях;

3) лишать сельские общества края за неблаговидные поступки и действия права выбора одного сельского старшины или всех должностных лиц сельского управления;

4) воспрещать жительство в какой-либо местности края или в пределах всей территории наместничества лиц, чье пребывание будет признано наместником вредным;

5) поручать соответствующему вице-губернатору или другому благонадежному лицу подвергать цензуре издания в случаях заслуживающих особого внимания;

6) разрешать, по согласованию с министрами финансов, торговли и промышленности, дела об открытии новых ярмарок, а также закрытия их или перевода с одного срока на другой, из одного места в другое в тех случаях, когда не последует соглашения губернаторов с Казенными палатами;

7) разрешать жалобы по спорам, возникающим между отдельными сельскими обществами о правах пользования казенными землями и угодьями, а также по просьбам безземельных крестьян об отводе им в надельное пользование участков казенной земли, по рассмотрении таковых жалоб на Совете наместника, с обязательным участием уполномоченного от главноуправляющего землеустройством и земледелием;

8) в чрезвычайных ситуациях отменять постановления общественных учреждений наместничества Дальнего Востока и приводить в распоряжение свои поручения, о чем немедленно докладывать

Сенату, министрам и главноуправляющим отдельными частями о принятии соответствующих мер;

9) при выявлении злоупотреблений и случаях, требующих немедленного решения, для пресечения беспорядков немедленно устранять от должности, вплоть до увольнения должностных лиц административных ведомств и общественных учреждений края, за исключением управляющих отдельными частями, губернских и уездных предводителей дворянства;

10) устранять разногласия между губернскими правлениями разных губерний наместничества о подведомственности, а также представления губернаторов об уничтожении архивных дел [2; 8].

В целом на основе анализ нормативных актов того времени можно сделать вывод о том, что дальневосточный наместник как непосредственный представитель императорской власти в регионе обладал довольно большими полномочиями. Тем не менее документы свидетельствуют, что он приложил немало усилий по выработке Положения об Управлении областями Дальнего Востока. В частности, не прошло и месяца после назначения на должность наместника, Е.И. Алексеев своим приказом назначил специальную комиссию по разработке указанного положения, состоящую из военного и гражданского отделов. В нее вошли представители командования Приамурского военного округа и администрации областей, входящих в территорию наместничества [7: л. 1–2]. Однако полгода мирной работы, отведенных наместнику и его комиссии, оказалось недостаточным для того, чтобы выработать соответствующий нормативный акт. В ночь 27 января (9 февраля) 1904 г., без официального объявления войны, японский флот напал на русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура. Началась Русско-японская война

Реакция наместника была незамедлительной. В тот же день он издал приказ № 40, по которому на военное положение были переведены все русские войска, расквартированные в Приморской и Квантунской области и на острове Сахалин. Этим же приказом призвались в армию и флот офицеры и нижние чина запаса. Была поставлена задача приобрести от населения для войск необходимое число лошадей. Первым днем мобилизации объявлялось 28 января 1904 г. [3: л. 132].

При анализе приказов наместника на период начала войны, следует сделать вывод, что административно-организационная структура органов управления наместничества оказалась на начало Русско-японской войны слабо сформированной. Об этом свидетельствует ряд последовавших затем актов реагирования наместника. В частности, об освобождении от призыва нижних чинов из запаса, а также ранее призванных чинов запаса на военную службу, предоставление отсрочек чинам запаса и продление отсрочек некоторым категориям населения Дальнего Востока [5: л. 19].

От немедленного призыва в действующую армию освобождались:

– служащие по эксплуатации и постройке железных дорог в наместничестве;

– штатные должностные лица почтово-телеграфного ведомства;

– служащие по Морскому пароходству Восточно-Китайской железной дороги;

– служащие Забайкальской и Амурской казенных палат;

– вольнонаемные рабочие инженерного ведомства [5: л. 20–21].

Эти меры были вызваны необходимостью обеспечения правильного функционирования основных органов управления на территории наместничества, а также служб, обеспечивающих железнодорожное и телеграфное сообщение.

Наместник стремился оптимизировать деятельность органов управления, находящихся на территориях, близких к театру военных действий. Для этого, как говорилось в одном из его приказов, «в… видах достижения большей скорости получения известий о важнейших событиях на театре войны предписываю, о происшедших военных столкновениях докладывать лично мне» [3: л. 144]. Для облегчения деятельности военных чинов «…в виду обширности районов и пересеченности местности в крепостях Порт-Артур и Владивосток, вызывающих необходимость постоянных разъездов верхом разрешаю комендантским штаб офицерам и комендантским адъютантам штабов означенных крепостей, коим по ныне существующим штатам не положено верховых лошадей, требовать фуражные деньги каждому на одну лошадь» [3: л. 106].

Особое значение имели акты наместника о переводе на осадное положение территорий, близких к театру военных действий. Кроме Порт-Артура и Дальнего, находящихся на Ляодунском полуострове, на осадном положении был объявлен Владивосток. В соответствующем приказе эти меры были обоснованы следующим образом: «В виду появления неприятельской эскадры и открытия ею военных действий против крепости Владивосток, последняя объявлена на осадном положении» [3: л. 163]. На территории Забайкальской области, находящейся в относительной отдаленности от театра военных действий приказом наместника объявлялось военное положение [6: л. 15].

Однако, несмотря на своевременное реагирование наместника на сложившуюся ситуацию, он был не всесилен, так как непосредственно на Дальнем Востоке соотношение военно-экономический потенциала России и Японии было в пользу

последней. Неразвитость транспортных коммуникаций не давала возможность перебросить необходимое количество войск на театр военных действий. К тому же русский солдат сражался на иностранной территории за непонятные ему цели. Техническая отсталость русского флота стала главной причиной его сокрушительного поражения в Цусимском морском сражении.

Участь наместничества и самого наместника была предрешена военным поражением России. 27 июня 1905 г. Указом императора наместник был уволен от должности [4: л. 168]. Это произошло за месяц до подписания мирного договора с Японией.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С конца XVI в. до 1917 г. – М.: Мысль, 1973.

2. Об усилении прав Главноуправляющего Гражданской частью на Кавказе. 1845. Январь, 30. № 18579 // Полное Собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XX. 1845. Отд. 1-е. – СПб., 1856.

3. РГИА. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1736.

4. РГИА. – Ф. 702. – Оп.1. – Д. 416.

5. РГИА. – Ф. 702. – Оп.1. – Д. 442.

6. РГИА. – Ф. 702. – Оп.1. – Д. 446.

7. РГИА. – Ф. 702. – Оп.1. – Д. 426.

8. Учреждение управления Кавказского края Раздел 1 Глава 1. Свод законов Российской империи. Полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Законов Основных и позднейших узаконений. В пяти книгах. Под ред. и с примечаниями И.Д. Мордухай-Болтовского, юрисконсульта Министерства Юстиции и преподавателя гражданского судопроизводства в Императорском училище правоведения. Составили Н.П. Балканов, С.С. Войт и В.Э. Герценберг. Книга первая. Т. I–III. – СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ДАОССКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНИ

С.В.Филонов

Филонов Сергей Владимирович – кандидат философских наук, доктор исторических наук, профессор кафедры китаеведения Амурского государственного университета (г. Благовещенск).

Контактный адрес: sfilonov10@rambler.ru

Исследование направлено на реконструкцию и анализ даосской концепции жизни. Основным источником для анализа послужили ранние даосские сочинения «Тай дань инь шу» («Потаенная книга Великой киновари»), «Цзю дань шан хуа» (Высшие метаморфозы Девяти видов киновари»), «Цы и цзин» («Книга-основа Женских Единственных») и др. Проведенный анализ позволил сделать вывод, что в даосизме III–VI вв. основным путем превращения в *сяня*-небожителя считались методы созерцательной медитации.

Ключевые слова: Китай, религия, даосизм, Даосский канон, ранние даосские письменные памятники, *сянь*, антропологический космос, Девять небес, даосская медицина, родовые узлы, визуальная медитация.

Введение

Даосизм – китайская национальная религия, в основе которой лежит учение об обретении долгой жизни и превращении в *сяня*-небожителя[1]. В популярной литературе даосизм довольно часто соотносят исключительно с именем Лао-цзы и духовным наследием, зафиксированным в трактатах «Дао дэ цзин» и «Чжуан-цзы». Это устаревший подход, опровергнутый современным уровнем изучения даосской религиозной традиции. Даосизм принципиально не сводим и не выводим из идеологии, отраженной в этих письменных памятниках.

Учение «Дао дэ цзина» не определяло ни религиозную доктрину, ни религиозный ритуал, ни практические методы приобщения к Дао-Пути, пестуемые в ведущих направлениях раннего даосизма. Лишь с течением времени «Дао дэ цзин» был включен в парадигму даосизму и стал выполнять в нем важную, но все же вспомогательную роль – он обеспечивал духовное единство даосского движения, но не оказывал существенного влияния на формирование его религиозных институтов.

Даосская религия формировалась на основе соединения различных идей, представлений и концепций. Даосизм произрос из нескольких корней [7: с. 125–134, 149–160; 13: p. 25–52], а потому многое в его учении никак не связано с «Дао дэ цзином». Отождествление даосизма лишь с одним из его истоков является типичным заблуждением, обусловленным слабой изученностью источников по истории даосизма, прежде всего, сочинений из Даосского канона («Дао цзана» 道藏).

Современная наука, осознав неадекватность старого определения, связывающего даосизм исключительно с Лао-цзы и идеями «Дао дэ цзина», лишь пытается найти парадигму нового, формулируя пути и методы решения данной проблемы. К решению этой задачи наука по большому счету только подходит, а потому любая сущностная характеристика даосизма является сегодня как минимум не полной. В связи с этим в современной науке закрепилось лишь общее определение данного понятия. Даосизм – это китайская национальная религия, имеющая сложную структуру и сформировавшая вместе с конфуцианством и буддизмом духовную основу жизни китайского общества, называемую *сань цзяо* 三教 (три учения). В отечественном китаеведении такая оценка была выдвинута и обоснована Евгением Алексеевичем Торчиновым (1956–2003) [7; 8]. К настоящему времени к этому определению следует добавить еще одно уточнение: даосизм – это организованная религия.

Начало истории даосизма как китайской религии специалисты связывают с первыми веками новой эры. Источники указывают, что в 142 г. на юго-западе Китая начинает формироваться первая широкомасштабная и жизнеспособная даосская религиозная организация, во главе которой стоял Чжан Лин 張陵 (Чжан Дао-лин 張道陵). С движения

[1] Даосское понятия *сянь* 仙 в русскоязычной литературе обычно передают словом «бессмертный». Несмотря на широкое распространение такого перевода, его нельзя признать удачным. На это указывал еще академик В.М. Алексеев (1881–1951) [1: с. 100, 104–105]. По этой причине здесь и далее понятие *сянь* будет передаваться либо словом «небожитель», либо выражением «*сянь*-небожитель» или просто как *сянь*.

Чжан Дао-лина, которое также стали называть школой Небесных наставников (*Тяньши* 天師), и ведет свое начало история даосизма как организованной религии Китая.

Для институционального оформления даосской религии, пришедшегося на II–VI вв., особое значение имели даосские сообщества, появившиеся на Юге Китая:

– школа Трех августейших (*Саньхуан* 三皇), в III в. уже существовала; сформировала свое книжное собрание – «Письмена Трех августейших» (*Сань хуан вэнь* 三皇文);

– школа Высшей чистоты (*Шанцин* 上清), в качестве институционального религиозного движения появляется в IV в.; сформировала свой книжный корпус, за которым закрепилось название Шанцинское книжное собрание, или Шанцинский канон (*Шан цин цзин* 上清經);

– школа Духовной драгоценности (*Линбао* 靈寶), появляется на рубеже IV–V вв. и также создает свое собрание «текстов откровения», которое называют Линбаоским книжным собранием, или Линбаоским каноном (*Лин бао цзин* 靈寶經).

В этих школах была сформирована и система предоставлений, которую мы называем даосской концепцией жизни. Она включает несколько принципиальных составляющих:

– во-первых, учение о перинатальном развитии человека;

– во-вторых, учение о *сянях*-небожителях и путях обретения высшего состояния бытия;

– в-третьих, учение о человеческом теле как антропологическом космосе[2].

Анализу некоторых аспектов даосской концепции жизни и посвящена настоящая статья. Хронологические рамки анализируемых нами представлений, идей и явлений – III–VI вв., или, если использовать терминологию китайской историографии, период Шести династий. Основным источником для нас послужили даосские религиозные сочинения III–VI вв., сохранившиеся в составе Даосского канона («Дао цзана»).

Учение о перинатальном развитии человека

Даосское учение о перинатальном развитии в системном виде впервые фиксируется во второй половине IV в. в сочинениях школы Шанцин[3]. Это учение выполняло роль «теоретической базы» даосских практических методов превращения в *сянь*-небожителя и было тесно связано с космологией.

Как считали даосы, человек обретает жизнь благодаря соединению жизненных сил Небес и Земли, а развитие плода в материнском лоне зависит от божественного воздействия со стороны Девяти высших небес мироздания. Внутриутробная жизнь рассматривалась даосами как стадиальный процесс, общая длительность которого составляет десять лунных месяцев. Девять небес двигаются по кругу, сменяя друг друга на протяжении девяти лунных месяцев. Соответственно каждый месяц жизнь будущего новорожденного опекает одно из Девяти небес, дарующее и ниспосылающее в зародыш свою животворную и энергетийную субстанцию – дыхание-*ци*. За счет этого формируется эмбрион и развивается плод. В десятый лунный месяц происходит окончательное оформление «Еще-нерожденного младенца» в человека, и он входит в жизнь, рождаясь из материнского лона.

Девять небес – это чистые и вышние сферы мироздания, обитель главных небесных божеств. В данном случае, однако, это выражение следует понимать метонимически – насколько можно судить, в даосском учении о перинатальном развитии речь идет не столько о небесных сферах, сколько о неких астральных объектах, обладающих антропоморфными качествами и жизнедающей функцией. Кроме того, понятие *Девять небес* в ранних даосских сочинениях имеет не только общее космологическое значение, но и частное – оно может указывать на девять звезд созвездия Бэй-доу (Северный Ковш), семь из которых видимы (и соответствуют созвездию Большой Медведицы), а остальные две, как считали даосы, испускают «черный свет» и являются невидимыми.

«Небо и Земля по кругу двигаются, в путях своих пересекаясь, и два образа (т. е. *инь* и *ян*. – *С.Ф.*) в Совершенном соединяются. *Инь* и *ян* вниз спускаются [в виде] *ци*… Эфирная дымка *ци* сгущается

[2] Некоторые представления о *сянях*-небожителях, а также важнейшие аспекты даосского учения о человеческом теле как антропологическом космосе, зафиксированные в письменных памятниках даосской религиозной традиции III–VI вв. [10; 11].

[3] Учение о внутриутробном развитии человека представлено в даосских письменных памятниках «Тай дань инь шу» 太丹隱書 («Потаенная книга Великой киновари») и «Цзю дань шан хуа» 九丹上化 («Высшие метаморфозы Девяти видов киновари»). «Тай дань инь шу» – сочинение из раннего Шанцинского книжного собрания, сохранилось в Даосском каноне [TDYS] [12: v. 2, p. 151–161]. Сочинение «Цзю дань шан хуа» также входило в состав раннего Шанцинского книжного собрания, дошло до нашего времени [JDSH] [12: v. 2, p. 171–174]. В этих источниках разъясняется учение об эмбриональном развитии человека и подробно изложены методы, ведущие к «развязыванию» смертоносных «узлов», сформировавшихся в организме в период внутриутробного развития, о чем в свое время писала И. Робине (Robinet, Isabelle) [14: p. 139–143].

и в квинтэссенцию-*цзин* превращается. Квинтэссенция-*цзин* превращения претерпевает и в дух-*шэнь* обращается. *Шэнь* меняется и в человека превращается. Вот почему человек являет собою образ Неба и Земли, а [его] *ци* берет за образец Естественность. Те виды *ци*, что из Естественности исходят, – суть наичистейшая субстанция Девяти небес. Она же, превращения претерпев, человеком из плоти становится. Это она оплодотворяет, и она же вскармливает, и она же взращивают [Еще-не-рожденного-младенца]. За девять лунных месяцев *ци* [Девяти небес] наполняет [его] сполна. Когда же *ци* всех Девяти небес [по его телу] всюду растекается, вот тогда на десятой луне от зачатия он и на свет появляется» [JDSH, 1: 1b: 3–7][4].

Даосы считали, что эмбрион формируется благодаря чудесному воздействию высших сил мироздания, образом которых выступали Девять небес. Эти Девять небес испускают жизнеутверждающее *ци*, которое, спускаясь в материнское лоно, сгущается и образует квинтэссенцию-*цзин*. Квинтэссенция, в свою очередь, также претерпевает превращения и становится духом-*шэнь*. Когда такие метаморфозы последовательно повторятся девять раз, тогда и произойдет полное оформление человека.

Кроме того, в даосизме бытовало представление, что каждая из божественных субстанций, ниспосылаемая Девятью небесами, имеют свою «специализацию» и оформляет конкретные внутренние или внешние органы человека, его определенные духовные, психические, физические или физиологические основания:

«*Ци*, исходящее из янского первоначала, – ярко-красного цвета, и зовется оно Сокровенной киноварью. *Ци*, исходящее из иньского начала, – желтого цвета, и зовется оно Желтой эссенцией. Когда *инь* и *ян* друг с другом сплетаются-соединяются, эти два вида *ци* вниз опускаются, а квинтэссенция-*цзин* метаморфозы претерпевает, в результате которых дух-*шэнь* рождается...

Когда *ци* Девяти небес вниз [в человека] спускается, оно наполняет [его] Киноварные поля и с *цзин* крепко-накрепко сплетается, и возле Врат судьбы собирается. Когда так девять раз повторится, тогда [такое превращение] будет называться высшими метаморфозами Девяти видов киновари. Девять видов киновари вниз опускаются и сгущаются-собираются, вот так с их помощью и создается человек.

В первый лунный месяц [внутриутробной жизни человек] получает *ци* [от первого из Девяти небес]. Во второй лунный месяц он получает Небесную душу *лин*. В третий лунный месяц он вступает в период изменений. В четвертый лунный месяц [четвертое из Девяти небес] сгущает и делает обильной его квинтэссенцию-*цзин*. В пятый лунный месяц его скелет и голова оформляются. В шестой лунный месяц [шестое из Девяти небес] меняет форму его тела. В седьмой лунный месяц духи-божества места свои занимают [в теле его] и устанавливаются в должном порядке. В восьмой лунный месяц его Девять отверстий открываются, чистотой воссияв. В девятый лунный месяц *ци* всех Девяти небес тело его сполна заполняет, и тогда у него и слух, и голос появляются. В десятый лунный месяц Управитель судеб [имя его на нефритовых планках] реестров [жизни] вырезает. Обретя [запись в реестрах] судеб людских, он на свет рождается. Таким образом, человек милостиво получает *ци* Девяти небес и квинтэссенцию *инь* и *ян*. О них и говорят – Девять видов киновари. Все вместе они создают человека во плоти» [JDSH, 1: 2b: 9–3a: 6].

Даосы выделяли как качественные, так и количественные стадии эволюции эмбриона. Качественная эволюция включала три этапа. На каждом из них «Еще-не-рожденный-младенец» последовательно обретает три главных онтологических атрибута – *ци*, *цзин* и *шэнь*. Через эти качественные этапы в своей эволюции он проходит девять раз, и каждый раз эти атрибуты бытия включают различные механизмы онтогенеза. Примечательно, что каждое из Девяти небес отвечает, как следует из даосских текстов, за «включение» конкретных соматических, психических или физиологических процессов.

Что касается количественных этапов латентного развития, то даосские источники также разъясняют их предельно конкретно. Этих этапов насчитывается десять. Они коррелируют с количеством высших небес мироздания, благодаря влиянию которых происходит формирование человека. Последовательно сменяя друг друга, Девять небес за девять лунных месяцев формируют человека как психосоматическую целостность. После чего еще нужен был один лунный месяц внутриутробной жизни, в течение которого, как считали даосы, происходила некая формальная бюрократическая процедура, воспринимаемая, тем не менее, как высшее таинство. Это таинство заключалось в том, что еще находящийся в материнском лоне, но уже полностью сформированный и готовый к жизни

[4] Здесь и далее ссылки на сочинения из «Дао цзана» (Даосского канона) даются по его фототипическому изданию 1923–1926 гг. [DZ]. Аббревиатура обозначает название сочинения, а ее расшифровка приводится в списке библиографических сокращений в конце статьи. Цифры через двоеточие обозначают — номер цзюани, лист данной цзюани и номера вертикальных столбцов на листе; индексы «a» или «b» отсылают соответственно к правому или левому развороту листа. Знаком «тире» отделяются адреса начала и конца цитируемого (упоминаемого) фрагмента. При отсылке лишь к номеру цзюани, перед цифрой ставится помета «ch».

человек в некоей небесной канцелярии, ведающей записью актов гражданского состояния, регистрировался в специальных учетных книгах, называемых «реестрами жизни». Лишь после этого он имел право и возможность, как следует из даосских источников, выйти из материнского лона, т. е. родиться.

Количественные этапы даосской концепции внутриутробной жизни выглядят следующим образом. В первый лунный месяц первое из Девяти небес дарует человеку *ци*. Во второй месяц беременности второе из Девяти небес ниспосылает зародышу некую высшую небесную одухотворенную субстанцию – душу *лин*. Третий месяц связан с какими-то важными изменениями, происходящими с «Еще-не-рожденным-младенцем» в материнской утробе. В четвертый лунный месяц квинтессенция-*цзин*, являющаяся сущностной частью жизни, концентрируется в его теле и загустевает, что, как думается, указывает на определенные качественные изменения в физиологии зародыша. В пятый лунный месяц, как считали даосы, происходит оформление скелета и черепной коробки младенца. В шестой лунный месяц изменяется форма его тела. В седьмой лунный месяц происходит окончательное оформление духовных и психических оснований человека, регулярным символом которых в даосских текстах выступают «внутренние» (т. е. «живущие внутри человеческого организма») духи-божества. В восьмой лунный месяц, как гласит даосская концепция жизни, начинают функционировать важнейшие физиологические отверстия младенца. В девятый лунный месяц начинается качественно новый этап в развитии его органов слуха. В десятый лунный месяц беременности, обретя завершенность и получив сполна от высших сил мироздания весь комплект атрибутов жизни, младенец появляется на свет.

Обретая жизнь, человек, однако, в тот же момент обретает и «семена смерти», которые не позволяют реализоваться его «небесной природе», дарованной в период латентного развития: «Все люди жизнь получают в материнском лоне, и там же всем даруется *ци* Девяти небес. Там же квинтэссенция-*цзин* сгущается для того, чтобы самоестественно человек сформировался. Когда человек формируется, в материнском лоне пребывая, у него тогда же появляются и двенадцать узлов и наростов. Они в клубки свертываются и затвердевают в Пяти внутренних органах. Пять внутренних органов засорятся и закроются [для движения жизненных сил], если не сможешь ты эти узлы развязать и эти наросты устранить. Что же до болезней, которыми человек страдает, то все они из-за того, что [в организме] эти наросты скапливаются. Что касается смерти человека, то она потому происходит, что эти узлы затвердевают» [JDSH, 1: 3a: 9–3b: 2].

Соответственно, для того, чтобы реализовать свою «небесную природу», человек, как считали даосы, должен был уничтожить «семена смерти» – смертоносные начала в своем организме, являющиеся онтологическим препятствием, нарушающим свободный поток жизни, дарованный ему Девятью небесами.

Даосская фармакология как метод борьбы с «семенами смерти»

Выполнение различных упражнений и приемов, позволяющих устранить онтологические препятствия жизни, «очистить» свой организм от всего дурного – это один из важнейших аспектов даосского подвижничества, превращающий обычного человека в *сяня*-небожителя. По крайней мере именно так позволяют характеризовать учение о *сянях* даосские письменные памятники III–VI вв., сохранившиеся до наших дней.

«Семена смерти», получаемые человеком вместе с жизнью, в ранних даосских сочинениях могут обозначаться разными образами, метафорами или символами, которые, впрочем, в равной степени несут явно выраженную негативную эмоционально-оценочную нагрузку. В процитированном выше сочинении «Цзю дань шан хуа» они названы «узлами» и «наростами». Еще чаще для указания на смертонесущие начала человеческого организма в даосских текстах используются образы «червя» и «мертвого тела».

В ранних даосских сочинениях самый первый этап борьбы со смертоносными началами собственного организма связан с соблюдением диетологических предписаний и приемом специальных лекарственных препаратов, которые, как считалось, наделены чудодейственной силой. Такие методы, как правило, отражены не в основополагающих даосских религиозных текстах (так называемых «книгах-основах», или *цзинах* 經), а в жизнеописаниях даосских подвижников. Контекст этих источников относит описываемые в них события к эпохе Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.). Все это косвенно указывает на архаичный характер данных методов и их бытование еще до появления даосской организованной религии. Кроме того, даосские сочинения ясно указывают, что в раннем даосизме такие методы имели вспомогательный характер – в школах организованного даосизма III–VI вв. их не причисляли к высшему Дао-Пути, а относили к начальной, низшей ступени самосовершенствования.

В раннем даосизме считалось, что высокой эффективностью в борьбе с «семенами смерти», скапливающимися в организме человека, обладает корень солодки (лакрица; Glycyrrhiza uralensis; *гань цао* 甘草). Солодковый корень входит в многие

рецепты даосских препаратов[5]. Приготовленные по ним лекарства рекомендовалось принимать на начальном этапе самосовершенствования. Даосские источники утверждали, что прием таких препаратов позволяет надлежащим образом подготовиться к овладению высшими методами восхождения по Дао-Пути.

Например, жизнеописание Вэй Хуа-цунь 魏華存 (ок. 251–334), которую традиция почитает как первонаставницу школы Шанцин, включало рецепт целебного препарата, составленного на основе солодкового корня. Дошедшее до нашего времени жизнеописание Вэй Хуа-цунь представляет собой сокращенный текст, в котором фрагмент с данным рецептом отсутствует [ТПГЦ, ch. 58]. Тем не менее, он сохранился в даосской энциклопедии «Книги в жемчужных обертках из Трех пещер» (*Сань дун чжу нан* 三洞珠囊), созданной в начале эпохи Тан (618–907 гг.). В рецепте перечислены все ингредиенты препарата, а также описана методика их подготовки, обработки и приготовления лекарства:

«Рецепт облаток из корня солодки, цитируется по “Жизнеописанию госпожи Вэй с Южного пика”».

Первый [компонент] – шесть лянов[6] корня солодки. Второй – три ляна порошка киновари, да получше. Третий – пять лянов ревеня (Rheum L., *да-хуан* 大黃). Четвертый – семь лянов сухой реймании (Rehmannia elata, китайская наперстянка, *ди-хуан* 地黃). Пятый – десять лянов белого атрактилодеса (Atratylodes macrocephala Koidz, *бай-чжу* 白朮)[7]. Шестой – пять лянов шизандры (Schisandra chinensis, лимонник китайский, *у-вэй-цзы* 五味子). Седьмой – пять лянов жэньшэня 人參 (Panax ginseng). Восьмой – четыре ляна гриба-трутовика пахима (Pachýma cócos, *фу-лин* 茯苓)8. Девятый – три ляна дудника (Angelica sinensis, *дан-гуй* 當歸)9. Десятый – четыре ляна спаржи (Asparagus cochinchinensis, *тянь-мэнь-дун* 天門冬). Одиннадцатый – два ляна *муфанцзи* 木防己 (Cocculus Trilobus DC). Двенадцатый – три ляна трутовика зонтичного (Polyporus umhellatus Fries, *чжу-лин* 豬苓). Тринадцатый – два ляна копытеня (Asarum sieboldii Miq., *си-синь* 細辛). Четырнадцатый – два ляна сенны (Cassia tora L., *цзюэ-мин-цзы* 決明子). Все эти четырнадцать компонентов, перечисленные выше, должны быть наилучшего вида, отборными и свежими. Залежалые и долго хранившиеся [травы и коренья] использовать нельзя.

[5] В традиционной китайской фармакологии солодка ценилась даже больше, чем жэньшэнь. Экстракт солодки, биологически активные вещества, содержащиеся в нем, а также его компоненты и сегодня используются в составе медицинских средств для лечения язвенной болезни желудка и 12-перстной кишки, печени, почек, атеросклероза, аллергических состояний, гриппа, СПИДа, болезней, вызываемых нарушениями гормонального статуса, контролируемого гормонами коры надпочечников; различного вида дерматозов, воспалительных состояний, а также для стимулирования иммунной системы. Имеются рекомендации по использованию экстрактов солодки и в качестве противоядия при отравлениях. Экспериментальные исследования на животных и юношах-добровольцах показывают, что экстракт солодки стимулирует формирование адаптивных реакций к условиям окружающей среды и повышение физической работоспособности. Например, однократное введение экстракта солодки взрослым крысам-самцам повышало их работоспособность на 17,5 % при скорости бега 20 м/мин и на 22,5 % – при скорости бега 30 м/мин. При длительном же применении экстракта солодки достигается еще больший эффект [6: с. 150]. Как указывают специалисты, солодка вышла на первое место среди цветковых лекарственных растений по частоте применения в современной медицине [2: с. 34–80].

[6] Лян 兩 – мера веса, равняется 1/16 части *цзиня* 斤 (китайского фунта), который в настоящее время составляет около 0,6 кг.

[7] Атрактилодес – его корневища содержат ценные вещества: алкалоиды, стероидные гликозиды, атрактилат калия, инулин, каротиноиды, каучук, до 1,5 % эфирного масла. Подземные части атрактилодеса активно использовали в традиционной китайской медицине как жаропонижающее, болеутоляющее, стимулирующее, тонизирующее, противорвотное, мочегонное и гипогликемизирующее средство, при пониженном аппетите, гастритах, энтеритах, болезнях печени, кашле, головокружениях, астении, некоторых глазных болезнях, опухолях, лейкемии, подагре. В современной медицине установлено его противовоспалительное, мочегонное, непрямое антикоагулянтное, коронарорасширяющее и гипохолестеринемическое действие. Препараты, созданные на основе атрактилодеса, улучшают усвоение глюкозы, усиливают выведение отдельных компонентов желчи, эффективны при экспериментальном атеросклерозе [3].

[8] Пахима — пория кокосовая, пахима кокосовидная, пахима кокос (Pória cócos Wolf , Pachýma cócos Fries) — гриб, паразитирующий на корнях сосен и других деревьев, из семейства трутовиковых. В традиционной китайской медицине применяют в форме отвара как диуретическое, при отеках, гонорее, для лечения приступов астмы, язвы желудка и 12-перстной кишки. Как укрепляющее и успокаивающее назначают при инсульте, неврастении, переутомлении, головокружении, обмороке, при нервных болезнях у детей. Благоприятно влияет на миокард и снижает уровень глюкозы в крови, считается, что препятствует развитию раковых опухолей [5].

[9] Дудник содержит эфирные масла, фенольные и нейтральные соединения, различные кислоты, более 23 микроэлементов, а также витамины В, А, Е. По влиянию на центральную нервную систему обладает выраженным анальгетическим действием. В Китае препараты, изготовленные на основе дудника широко применяются для лечения нарушений мозгового кровообращения. Эфирные масла дудника оказывают фазное влияние на артериальное давление: кратковременное повышение сменяется плавным снижением, наблюдается сосудорасширяющее действие. Дудник содержит феруловую кислоту, которая тормозит синтез холестерина в печени [4].

Прежде всего, каждый компонент тщательно разминают и, не просеивая, взвешивают. Порошок [из них] получают в два приема, лишь тогда он будет пригодным [для препарата]. Что касается закладки [компонентов] в ступку, то первой туда помещают солодку и мнут ее пестом тысячу раз. Вторым закладывают киноварный песок и толкут его, тоже разминая пестом тысячу раз. После этого в ступку по порядку закладывают все компоненты, начиная с самого первого из перечисленных, при этом каждый из них толкут пестом тысячу раз. Таким образом, лекарство, состоящее из этих четырнадцати компонентов, проходит через шестнадцать тысяч ударов пестом. За два же приема получится, что оно пройдет в общей сложности через тридцать тысяч ударов пестом.

Когда лекарство готово, из него лепят облатки, замешивая их на меду. После этого принимают по десять больших облаток, каждая из которых должна быть величиной с зерно утуна, но все же лучше начинать с дозы поменьше. Постепенно дозу можно увеличить до тридцати облаток. Это лекарство, внутрь проникая, все недуги уничтожает. Оно не содержит ядов и не имеет противопоказаний. Если принимать его в течение года, тогда великую пользу от него обретешь и наказан не будешь ты тем, что утро и вечер [жизни твоей] друг друга сменяют так скоро. Если испробует его женщина обычная, в миру живущая, это приведет к тому, что сыновей у нее будет много, а болезней и недугов вовсе не останется!

…Делать лекарство надобно в отдельном доме, в чистом месте. Нельзя допускать, чтобы чужие люди взгляды свои на него бросали. [Перед его приготовлением] следует омыть лицо и тело, а также совершить очистительный ритуал в течение 3–4 дней. Лишь после этого можно и [ингредиенты] толочь, и лечиться с его помощью. Сто недугов и тысячи болезней уходят при лечении этим препаратом» [SDZN, 3: 28a: 8–29a: 8].

Историю появления у Вэй Хуа-цунь этого рецепта изложил Тао Хун-цзин в сочинении «Дэн чжэнь инь цзюэ» 登真隱訣 («Потаенные наставления для вступающих [на стезю] Совершенных»)10. В дошедшем до нашего времени списке этой работы фрагмент о препарате отсутствует, однако он сохранилась в энциклопедии «Тай-пин юй лань» 太平御覽 («Императорское обозрение [годов] *Тай-пин*») [TPYL, ch. 671]. Из текста узнаем, что этот рецепт Вэй Хуа-цунь получила от своего наставника Ван Бао, которого даосские сочинения часто называют Ван-цзюнем. Жизнеописание Ван Бао также дошло до нашего времени в даосской энциклопедии «Юнь цзи ци цянь» 雲笈七籤 («[Книги] по семи разделам из [небесного] ларца в облаках») [YJQQ, ch. 106][11]. В нем читаем, что Ван Бао родился в 36 г. до н.э., а данный рецепт передал Вэй Хуа-цунь в 299 г., когда, будучи уже *сянем*, спустился в ее одинокую хижину с Небес: «Госпожа Вэй Хуа-цунь в молодости часто болела. Владыка Ван-цзюнь, [когда явился к ней] в уезде Сю-у, стал поучать ее: “Тот, кто Дао постигает, прежде всего должен наполнить [жизненной силой свои] Пять внутренних органов, сделать слух чутким, а зрение – ясным. Только после этого можно приступать к созерцанию и обытийствованию [внутренних образов][12], одеться в платье [*сяня*] и сесть в царскую колесницу[13]… В то время госпоже [Вэй] должно было быть 48 лет… Госпожа Вэй стала принимать лекарство, как учил [Ван-цзюнь]..., и все прежние ее хвори прошли, и волосы сединой не покрывались, и зубы не выпадали, и слух оставался чутким, а глаза – ясными. Вот почему она могла при свете луны каллиграфически исполнять даосские формулы-амулеты и магические печати» [TPYL, ch. 671].

Таким образом, из даосских источников следует, что препарат на основе корня солодки, который использовала Вэй Хуа-цунь, имел комплексный характер и обеспечивал общее терапевтическое воздействие на организм, устраняя болезни внутренних органов. Более специализированную задачу решало лекарство, описание которого находим в жизнеописании другого шанцинского подвижника – Совершенного Пурпурного света, сохранившееся как самостоятельное сочинение в составе Даосского канона [ZYZR]. В этом жизнеописании находим сведения о лекарственном препарате на основе экстракта из корня аира (*чан-пу* 昌蒲).

Совершенный Пурпурного света – это Чжоу И-шань. Он считается учеником другого даосского подвижника – Су Линя, наставником которого, в свою очередь, был Цзюань-цзы. Все трое пользовались высочайшим авторитетом в школе Шанцин. Чжоу И-шань, как гласит его жизнеописание, с ранней юности стремился постичь Дао-Путь, и важнейшей вехой на этом пути стала его встреча с

[10] Краткую справку о «Дэн чжэнь инь цзюэ» см. в: [9: с. 109, 417].

[11] Краткую справку о «Юнь цзи ци цянь» вместе с рекомендуемой библиографией см. в: [9: с. 55, 97].

[12] Созерцать и обытийствовать внутренние образы – т. е. выполнять созерцательные (медитативные) ритуальные упражнения.

[13] Садиться в царскую колесницу – регулярная метафора даосских религиозных сочинений. Указывает на вознесение в Небеса, где подвижник «официально» становился *сянем* во время аудиенции у высших небесных правителей.

небожителем Су Линем. Эта встреча случилась в Кайфыне, древнем столичном городе Китая, где Чжоу И-шань оказался вместе с отцом, приехавшем на новое место по делам службы. Небольшой комментарий в конце сочинения указывает, что это событие произошло в 65 г. до н.э. [ZYZR, 1: 14b: 6].

Су Линь, познакомившись с Чжоу И-шанем и убедившись в искренности его стремлений, открылся ему, рассказав, что является *сянем*, а затем объяснил метод избавления от наиболее опасных смертоносных начал в своем организме: «Возьми пять лянов аконита[14], семь шэнов[15] семян конопли, шесть лянов реймании, еще – корень кизила, да побольше, длиною в вершков семь, атрактилодеса семь лянов, четыре ляна корицы и пять лянов цветков облачного борщевика. Всего надо семь составляющих, но! – еще раньше найди корень аира. Вывари его и заквась, и вино приготовь. При этом сделай так, чтобы после очистки и перегонки вышло крепкого и доброго вина один *доу*[16] с половиной. [После этого] размельчи те семь видов растений, о которых я ранее сказал, да так, чтобы стали они такими, словно их пожевал кто-то, и заложи их в чан [с вином], чтобы они там размокали. Еще вот что – их можно и не размельчать, а [просто] выложить на воздух на три дня, чтобы они на солнце прогрелись и подсушились, а затем, отвар взяв винный, что раньше приготовил, размачивать [их] в этом отваре в течение трех дней и трех ночей, после чего их следует достать и выложить на солнце. Надобно, чтобы винная влага из них начисто вышла, а потому держи их на солнце до тех пор, пока они полностью не высохнут. [После] их следует положить в ступку железную и растолочь, и через мелкое сито просеять, дабы отобрать частички как мука мелкие. Затем возьми засахаренный мед и смешай его с этой мукой – все, теперь можешь делать шарики-облатки.

Утром ранним, на восток оборотясь, первый раз прими две облатки размером с небольшой боб, а затем, принимая их, [каждый раз] добавляй еще по одной. Таким образом [разовую] дозу ты можешь увеличить до десяти и более облаток. Они излечат недуги, что в животе скопились, и наполнят [тебя] небесным животворным *ци*. Тогда в сердце и груди закроются отверстия, [через которые смертонесущие начала в тебя проникали], мышцы и кожа нарастут, а тело – легким сделается и лучи испускать станет, словно цветок. Если весь курс приема сполна пройдешь, тогда и «злаковые черви» [твои] помрут… Да, вот еще что – облатки эти можно несколько раз делать, не ограничиваясь лишь одним курсом приема» [ZYZR, 1: 4a: 9–4b: 10].

Тао Хун-цзин 陶弘景 (456–536), цитируя записи из дневника шанцинского медиума Ян Си 楊羲 (330–371?), датируемые 60 гг. IV в., зафиксировал еще один чудодейственный препарат, используемый для устранения из организма «семян смерти». Его изготавливали, используя аир, корень кизила (*чжу-юй-гэнь* 茱萸根) и астрагал (*цзы-юнь чжи-ин* 紫雲芝英) [ZG, 10: 3b: 8–9]. Глосса Тао Хун-цзина в другом фрагменте этой же работы разъясняет основную цель, которую преследовал прием данного лекарства, – считалось, что оно «убивает “злаковых червей”» (*ша гу чун* 殺穀蟲) [ZG, 5: 12a: 1].

Таким образом, ранние даосские жизнеописания подводят нас к следующим выводам:

– для «низших» методов даосского самосовершенствования характерным образом смертоносных начал в организме человека являлись «черви»;

– устранение таких смертонесущих начал было обусловлено приемом особых лекарственных препаратов;

– данные препараты, как следует из даосских источников, оказывали общее оздоравливающее и укрепляющее воздействие на соматическом уровне;

– эти препараты включали ингредиенты, хорошо знакомые китайской традиционной медицине – практически весь их список мы находим в классическом древнекитайском фармацевтическом справочнике «Книга-основа о травах и кореньях» (*Бэнь цао цзин* 本草經);

– в ведущих даосских школах III–VI вв. считалось, что прием таких препаратов не позволяет стать *сянем*-небожителем, но дает возможность избавиться от болезней, укрепить свой организм и надлежащим образом подготовиться к выполнению более сложных методов самосовершенствования, основанных на визуальной медитации.

Даосская психотехника как метод преодоления смерти

Следующий этап даосского самосовершенствования, позволявший реализовать свою «небесную природу», был связан с психотехникой и выполнением упражнений созерцательного (медитативного) характера. Описание таких упражнений мы находим во многих ранних сочинениях из Шанцинского книжного собрания. Все эти источники традиция относит к категории важнейших

[14] Аконит, или борец ядовитый (Aconitum carmicheli) – некоторыми специалистами-травниками оценивается как одно из перспективных средств комплексной терапии в онкологии.

[15] Шэн 升 – мера сыпучих и жидких тел, составляет 1/10 *доу*.

[16] Доу 斗 – мера сыпучих и жидких тел, в настоящее время составляет около 10,35 литра.

даосских религиозных текстов – к *цзинам* («книгам-основам»). Образами-символами смертоносных начал человеческого организма в них обычно выступают «узлы» и «наросты». Поскольку, как считалось, эти «наросты» формируются в период внутриутробного развития, даосская традиция устойчиво называет их «родовыми», «эмбриональными» или «узлами материнского лона».

Одно из характерных упражнений этого комплекса представлено в шанцинской «Книге-основе Женских Единственных» (*Цы и цзин* 雌一經) [17] и носит название «Правила выполнения высшего сяньского упражнения, называющегося “Пять Старейших и Женские Единственные развязывают смертоносные узлы материнского лона”» (*У-лао Цы-и цзе бао-тай сы цзе шан сянь фа* 五老雌一解胞胎死結上仙法). Источник указывает, что в организме человека имеется 12 «родовых узлов», которые распределены на три группы по четыре «узла» в каждой. В основе комплексного упражнения, с помощью которого «Цы и цзин» рекомендует избавляться от этих «семян смерти», лежит психотехника и контролируемая медитация [CYJ, 1: 47a: 5–50b: 2].

Описанное в этом источнике упражнение следовало выполнять в строго определенные календарные даты – в день своей звезды (*бэнь мин* 本命) или в дни «восьми сочленений» (*ба цзе жи* 八節日)[18]. На начальной стадии необходимо было зримо представить особую область в собственном головном мозге, хорошо известную ранней даосской религиозной традиции и называемую Пурпурной комнатой. После этого даос должен был визуализировать Трех дев Безыскусности – трех очень важных для даосского учения Шанцин женских божеств, – и представить себе, как они вдруг появляются внутри его тела. Затем даос должен был помыслить, как каждая из этих божественных дев призывает по восемь светящихся («лучезарных») духов-божеств, также обитающих в его собственном теле.

Призываемые лучезарные духи-божества – это не рядовые духовные обитатели человеческого тела. Даосы считали, что в каждом из трех частей тела, которое рассматривалось ими как самодостаточный космос, насчитывается по восемь главных лучезарных божеств, которые все вместе и составляют группу из 24 светоносных божеств. Соответственно эти лучезарные сущности делятся на три подгруппы. Божества первой подгруппы контролируют область головного мозга и называются «верхними Лучезарностями» или «Лучезарностями из верхней части [тела]» (*шан цзин* 上景). Следующие восемь управляют внутренними органами из средней части тела, соотносимой с областью груди и живота, и зовутся «средними Лучезарностями» или «Лучезарностями из средней части [тела]» (*чжун цзин* 中景). Последние восемь отвечают за работу нижней части тела и конечностей, они зовутся «нижними Лучезарностями» или «Лучезарностями из нижней части [тела]» (*ся цзин* 下景).

Даос должен был помыслить, как госпожа Пурпурной безыскусности призывает восемь «верхних Лучезарностей», собирая их во «дворце» Цзы-фан, локализуемом в центральной области его собственного головного мозга. Затем он представлял себе, что госпожа Желтой безыскусности призывает восемь «средних Лучезарностей», собирая их во «дворце» Цзян-гун, т. е. в центральной области сердца. После этого даос должен был помыслить, как госпожа Белой безыскусности призывает восемь «нижних Лучезарностей» и собирает их в нижней области тела, называемой Мин-мэнь (Врата судьбы), в данном случае локализуемой в пупке («во “дворце” пупка», *ци гун* 臍宮).

После этого, как указывает «Цы и цзин», необходимо было визуализировать Ди-цзюня – одного из главных небесных божеств шанцинского даосизма – и представить себе, как он входит во дворец Иньского предела (Инь-цзи-гун 陰極宮), локализуемый в мошонке (*инь-нан чжун лян вань цзянь* 陰囊中兩丸間). В руках у Ди-цзюня должны быть три веревки ярко-красного цвета, на каждой из которых он делает по восемь узелков. Затем Ди-цзюнь передает эти веревки трем девам Безыскусности, а они – одной из подгрупп лучезарных божеств. Затем даос должен был представить, как лучезарные божества развязывают узлы на каждой

[17] Женские Единственные (*цы и* 雌一) – родовое обозначение женских божеств, которых даос должен был визуализировать в «пространстве» собственного тела. Они считались носителями начала *инь*, их актуализация в собственном теле завершалась, как правило, визуализацией их единения со «своими» же «внутренними» мужскими божествами (*сюн и* 雄一) – носителями начала *ян*, в результате чего даос превращал самого себя в цельный и самодостаточный космос. «Цы и цзин» – комплексный письменный памятник, посвященный Женским Единственным, дошел до нашего времени в составе Даосского канона [CYJ] и в сохранившемся виде включает почти полтора десятка отдельных текстов (разделов), имеющих самостоятельные заголовки. Его центральные персонажи – божества-женщины, называемые Тремя девами Безыскусности, их божественные сыновья, а также верховное шанцинское божество Великий Единственный (Тай-и), имя которого встречается уже в письменных памятниках периода Чжаньго (V–III вв. до н. э.).

[18] Дни «восьми сочленений» – дни совершения особенно важных или торжественных даосских ритуалов, они знаменуют поворотные моменты в движении янской и иньской сил мироздания, символами которых служат астрономические Солнце и Луна. Понятие «восемь сочленений» указывает на дни летнего и зимнего солнцестояния, осеннего и весеннего равноденствия, а также на первые дни четырех календарных сезонов – весны, лета, осени и зимы.

из веревок. Представив себе, что все 24 узла на трех веревках Ди-цзюян развязаны, даос должен был помыслить, как эти веревки вдруг превращаются в яркий огонь, который охватывает и самого даоса, причем как изнутри, так и снаружи. Затем даос представлял себе, что все его тело превращается в яркое пламя, уничтожающее и 24 «родовых узла» и 120 «узлов, находящихся между мышцами и кровеносными сосудами» [CYJ, 1: 47a: 6–48a: 6].

Затем даос визуализировал созвездие Бэй-доу (т. е. Большую Медведицу), семь звезд которого он мысленно располагал на своем языке (причем не вдоль, а поперек, как уточняет «Цы и цзин»), и представлял себе группу из пяти высших божеств, называемую У-шэнь. В нее входят: Тай-и, У-ин, Байюань, Сы-мин и Тао-кан. Даос должен был визуально представить, что эти божества восходят на созвездие и устанавливаются на его первых пяти звездах. Их необходимо было визуализировать «обнаженными, совсем без одежд, похожими на еще не родившихся младенцев» (*ло-шэнь у и жу тай-ин чжи чжуан* 裸身無衣如胎嬰之狀). Даосский подвижник представлял себе, что эти высшие правители мироздания испускают дыхание-*ци* разных цветов, что эти разноцветные облачные дымки сплетаются, свиваются и заполняют его рот, а затем распространяются вовне от него. Затем даос должен был увидеть своим «внутренним взором», что в его левом зрачке появляется госпожа Пурпурой безыскусности, в правом – госпожа Белой безыскусности, а на переносице – госпожа Желтой безыскусности.

Женских божеств даос также должен был визуализировать обнаженными, без одежд, испускающими изо рта *ци* пяти цветов, но, в отличие от мужских божеств, с определенными атрибутами. У госпожи Пурпурной безыскусности в левой руке должны находиться пять формул-амулетов, у госпожи Белой безыскусности в правой руке должны быть пять реестров жизни, а госпожа Желтой безыскусности должна обеими руками держать, прижимая к груди, три души *хунь*. Примечательно, что даос должен был помыслить в руках у этой божественной девы свои собственные души *хунь*, т. е. представить, что она «прибрала к рукам три его души *хунь*». Более того, «Цы и цзин» уточняет, как именно должны выглядеть эти души: «Три души *хунь* – это три человека. Они по виду точно такие же, как сам даос, только ростом поменьше – в один *чи* [19] и восемь вершков[20]» [CYJ, 1: 48b: 9–10]. После этого должна была появиться мать этих трех дев – Изначальная госпожа Великой Безыскусности, и прочесть специальную молитву. На завершающей стадии этого психотехнического упражнения даос, избавляясь от «родовых узлов», должен был пережить ощущение полного слияния со всеми визуализируемыми божествами: «И тогда все они хаотично смешиваются. Тела всех божеств и самого даоса в единое целое сливаются и, метаморфозы претерпев, превращаются в единое Солнце. Это Солнце зависает на Востоке, на расстоянии одного-двух *чжанов*[21] от земли, по виду – точно [обычное] Солнце на рассвете. Оно сияет, сверкает и ярко освещает Поднебесную» [CYJ, 1: 49a: 4–6].

Другое характерное психотехническое упражнение этого же комплекса представлено в ранней шанцинской «Потаенной книге Великой киновари» [TDYS, 1: 38b: 7–44a: 7]. Его также следовало выполнять в день «своей звезды» и в дни «восьми сочленений». Время, когда следует предаваться его исполнению, даос мог выбрать сам – либо в полдень, либо в полночь.

Фрагмент, посвященный данному упражнению, прежде всего дает точную спецификацию смертоносущих начал в человеке. Текст гласит, что всего в организме человека насчитывается 12 «родовых узлов» (*бао цзе* 胞結), внутри которых находятся 12 «наростов» (*цзе* 節) [22]. «Родовые узлы» делятся на три группы по четыре «узла» в каждой. «Родовые узлы» верхней части тела располагаются: в центральной области головного мозга (называемой «дворцом» Глиняного шарика, *Ни-вань-гун* 泥丸宮), во рту, на щеках и в глазах. «Родовые узлы» средней части тела располагаются: во внутренних органах, относимых китайской терапевтической традицией к группе Пять хранилищ[23]; в желудке; в толстом кишечнике и в тонком кишечнике. «Родовые узлы» нижней части тела располагаются: в мочевом пузыре, в половом органе (*инь чжун* 陰中), в анальном отверстии (*хоу-мэнь чжун* 後門中) и в ногах.

Главное божество, к которому обращается даос, – это уже известный нам Ди-цзюнь. Вызов Ди-

[19] Чи 尺 – мера длины, китайский фут, сейчас равняется около 0,32 м.

[20] Вершок – так мы передаем китайскую меру длины, обозначаемую понятием *цунь* 寸, или китайский дюйм, в настоящее время один *цунь* составляет около 3,33 см.

[21] Чжан 丈 — меры длины, китайская сажень, в настоящее время равняется 3,33 м.

[22] Разъяснения, которые даются далее по тексту, свидетельствуют, что речь идет не о 12 «узлах», а об «узлах» в 12 конкретных органах или отделах организма. Соответственно, общее количество «узлов» может быть значительно больше 12. Похоже, что и число «наростов» также обозначает количество не собственно «наростов», а их видов или групп.

[23] Пять хранилищ (*у-цзан* 五藏) – пять «плотных» внутренних органов, выделяемых традиционной китайской медициной: легкие, сердце, печень, почки и селезенка.

цзюня происходит традиционным для магии способом – посредством точного и правильного произнесения всех его имен и титулов. Важным аспектом этого упражнения является визуализация хорошо известных ранней даосской религиозной традиции божеств, символизирующих женское и мужское начала: Сокровенной матушки (*Сюань-му* 玄母) и Изначального батюшки (*Юань-фу* 元父). Они упоминаются несколько раз, в том числе под именами Бао-му 胞母 (Матушка детского места; Матушка лона) и Бао-фу 胞父 (Батюшка детского места; Батюшка лона) [TDYS, 1: 39b: 5], что явно указывает на онтогенетический аспект в восприятии этих божеств даосской традицией III–VI вв.

Затем даос «призывал» 27 божеств, визуализируя их и вербализируя сложную систему их имен для того, чтобы они «развязали» его «родовые узлы» и «рассеяли» образовавшиеся в них «наросты». Эти 27 божеств также делятся на три группы по девять божеств в каждой. Количество групп соответствует трем отделам человеческого организма, и каждая группа отвечает за уничтожение «родовых узлов» одного из этих отделов. Поскольку каждая группа включала девять божеств, а групп таких было три, то всех этих божеств называли характерным для ранних даосских религиозных сочинений понятием «три Девятерицы» (*сань цзю* 三九).

Первую Девятерицу даос просил уничтожить четыре «родовых узла» в верхней части тела и сделать так, чтобы кровь и все жидкостные секреты его организма беспрепятственно циркулировали, нигде не встречая преград. «Призывая» вторую Девятерицу, даос обращался с просьбой устранить «родовые узлы» в средней части тела и обеспечить гармоничное функционирование внутренних органов и свободную циркуляцию в них жизненных сил. После этого даосский подвижник «призывал» третью Девятерицу для того, чтобы божества этой подгруппы уничтожили «родовые узлы» нижней части тела.

Далее текст подробно разъясняет заключительную стадию этого упражнения: «Затем вновь закрываю глаза и представляю себе, что вызываю Великого Ди-цзюня, который живет в Пурпурных палатах дворца Великого предела, что имеет чин Небесного августейшего, зовется Фэн Лин-фань, носит имя Ци-лин и второе имя – Шэнь-чжан-жэнь. Вот так призываю его три раза, а затем вновь визуализирую три Девятерицы – Совершенных владык, узлы развязывающих… На каждом из них одинаковое одеяние – платье красного цвета и желтый плат, повязанный на голове. Желтый плат – это головной убор, который по виду похож на чиновничью шапку *юанью гуань*. Все они обликом – словно младенцы, и все – совершенно одинакового роста» [TDYS, 1: 42a: 6–10]. Затем даос представлял себе, что божества, составляющие три Девятерицы, падают ниц перед Ди-цзюнем и докладывают ему о том, что находящиеся под их ответственностью «узлы» и «засоры» в организме даоса уничтожены. После этого Ди-цзюнь уже сам призывал к себе даоса и возглашал: «Теперь ты можешь слиться со мной воедино» (*хэ во син чжун* 合我形中, букв. «соединиться со мной в моем теле»). После этого даос должен был пережить ощущение слияния с Ди-цзюнем – что он проникает в рот Ди-цзюня, а потом проходит в особую, потаенную область его головного мозга, называемую «дворцом» Шести гармоний (*Лю-хэ-гун* 六合宫); что в этом «дворце» его окружают 27 божеств, «развязавшие» его «родовые узлы», и объявляют, что «все грязное *ци* [из тела даоса] уже убрано», что «лик [даоса] уже сияет словно нефрит», что «все потаенные области тела [даоса] великой пустотой наполнены», и что теперь даос будет жить бесконечно долго [TDYS, 1: 43a: 5–6]. Упражнение завершается небольшой молитвой-заклинанием. Даос должен был представить себе, что ее произносит сам Ди-цзюнь.

Вместо заключения

Даосское учение о перинатальном развитии человека являлось своеобразной «теоретической базой», которая во многом обусловливала представления о *сянях*-небожителях и методы преодоления ограниченности земного бытия. В раннем даосизме путь преодоления земной ограниченности и превращения в *сяня* обязательно включал методы, направленные на уничтожение в самом себе «семян смерти», появившихся в период внутриутробного развития. В теоретическом плане все методы даосского самосовершенствования в той или иной степени базировались на учении о латентном развитии человека и предполагали возвращению к тому первоначальному состоянию бытия, которое присуще лишь младенцу, находящемуся в утробе матери. В практическом отношении они включали разнообразные упражнения, приемы и предписания, которые учили бороться с «грязью», «засорами» и «скоплениями дурного» в собственном организме.

Оценивая историю даосизма в самом общем виде, можно утверждать, что ведущие школы организованного даосизма III–VI вв., разработав разнообразные методы борьбы со смертонесущими началами человеческого организма, на первое место ставили психотехнику – методы созерцательной медитации, считавшиеся главным инструментом, позволяющим человеку реализовать свою «небесную природу». Все остальное – прием лекарственных препаратов, очистительные ритуалы, дыхательные упражнения, алхимия, – воспринималось дополнительным и второстепенным инструментарием по отношению к психотехнике. Именно со-

зерцательные психотехнические методы оценивались самосознанием ранней даосской культуры как высший Дао-Путь, который позволяет человеку уничтожить «семена смерти» в своем организме, вновь обрести совершенство «Еще-не-рожденного младенца» и взойти на высший уровень бытия – в небесные дворцы правителей мироздания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

CT – Schipper K. Concordance du Tao-tsang. Paris: École Française d'Extrême Orient, 1975.

CYJ – 雌一經 Цы и цзин (Книга-основа Женских Единственных) // HY 1302, CT 1313, DZ 1025[24].

DZ – 道藏涵芬樓影印本 Дао цзан (Даосский канон). Папки 1–112. Шанхай: Ханьфэньлоу, 1923–1926.

HY – Дао цзан цзы му иньдэ (Индекс авторов и сочинений Даосского канона). Сост. Вэн Ду-цзянь. [Бэйпин]: Изд. Яньцзин-Гарвардского ун-та, 1935. 道藏子目引得. 翁獨健編. 哈佛燕京學社, 1935.

JDSH – 九丹上化 Цзю дань шан хуа (Высшие метаморфозы Девяти видов киновари) // HY 1371, CT 1382, DZ 1370.

SDZN – 三洞珠囊 Сань дун чжу нан ([Книги] в жемчужных обертках из Трех пещер): В 10 цз. / Сост. Ван Сюань-хэ // HY 1131, CT 1139, DZ 780–782.

TDYS – 太丹隱書 Тай дань инь шу (Потаенная книга Великой киновари) // HY 1319, CT 1330, DZ 1030.

TPGJ – 太平廣記 Тай-пин гуан цзи (Обширные записи [годов] *Тай-пин*): В 5 т. / Ред. Ли Фан. Пекин: Жэньминь вэньсюэ, 1959.

TPYL – 太平御覽 Тай-пин юй лань (Императорское обозрение [годов] *Тай-пин*): В 8 т. / Под ред. Ли Фана. Шицзячжуан: Хэбэй цзяоюй чубаньшэ, 2000.

YJQQ – 雲笈七籤 Юнь цзи ци цянь ([Книги] по семи разделам из [небесного] ларца в облаках): В 122 цз. / Под ред. Чжан Цзюнь-фана // HY 1026, CT 1032, DZ 677–702.

ZG – 真誥 Чжэнь гао (Поучения Совершенных): В 20 цз. / Сост. Тао Хун-цзин // HY 1010, CT 1016, DZ 637–640.

ZYZRC – 紫陽真人內傳 Цзы-ян чжэнь-жэнь нэй чжуань (Внутреннее жизнеописание Совершенного Пурпурного света) // HY 303, CT 303, DZ 152.

[24] Для того чтобы читатель мог легко найти сочинение из Даосского канона, мы обозначаем его посредством нескольких систем индексации. Прежде всего, мы указываем его номер по Яньцзин-Гарвардскому индексу «Дао цзана», перед которым стоит аббревиатура [HY]. Далее указывается номер этого же сочинения по конкордансу Скиппера [CT]. Затем мы указываем номера тетрадей (тетради) из фототипического издания «Дао цзана» 1923–1926 гг., в которых находится данное сочинение, этим цифрам предшествует помета [DZ].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев, В.М.* Труды по китайской литературе: В 2 кн. / сост. М.В. Баньковская; отв. ред. Б.Л. Рифтин. Кн. 1. – М.: Вост. лит., 2002.

2. *Амосов, А.С.* Фенольные соединения родов Glycyrrhiza L. и Meristotropis Fisch. et Mey / А.С. Амосов, В.И. Литвиненко // Фармаком. – 2003. – № 2. – С. 34–80.

3. Атрактилодес яйцевидный // Doktor.ru. [Электронный ресурс]. URL: http://www.doktor.ru/doctor/farma/feh/atrakt.htm.

4. *Валентинов, Б.Г.,* Некоторые виды природного сырья, применяемые при создании средств лечения сосудистых заболеваний головного мозга / Б.Г. Валентинов, Э.М. Наумова, Г.Б. Селиванова // Лечение ишемии мозга : науч.-практ. конф. 10 декабря 2001. Москва. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.insult.ru/konf2001.php.

5. Пория кокосовая // Словарь лекарственных растений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.spcpa.ru/slr/preview/articles/650.html.

6. *Резенькова, О.В.* Изучение влияния экстракта солодки голой на процессы адаптации организма: дис. … канд. биолог. наук / О.В. Резенькова. – Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2003.

7. *Торчинов, Е.А.* Даосизм: Опыт историко-религиоведческого описания / Е.А. Торчинов. – СПб.: Андреев и сыновья, 1993.

8. *Торчинов, Е.А.* Что такое даосизм? Опыт построения новой модели / Е.А. Торчинов // Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. – СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2005. – С. 158–171.

9. *Филонов, С.В.* Золотые книги и нефритовые письмена: даосские письменные памятники III–VI вв / С.В. Филонов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011.

10. *Филонов, С.В.* Ранний даосизм: поиск методологической целостности [Электронный ресурс] / С.В. Филонов // Религиоведение. – 2009. – № 3. – С. 56–69. – Режим доступа: http://www.amursu.ru/attachments/1320_2009_3.djvu

11. *Филонов, С.В.* «Хочу служить я *шидичэнем* в Рассветном дворце императорском…» (некоторые аспекты даосской концепции *сяня*-небожителя) [Электронный ресурс] / С.В. Филонов // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – Т. 10. – Вып. 3. – СПб., 2009. – С. 141–154. – Режим доступа: http://rhga.ru/science/our_periodical/journal_vestnik_rchga/Vestnik_RHGA_T10_V3.pdf

12. *Robinet, Isabelle.* La révélation du Shangqing dans l'histoire du taoïsme. 2 vol. – Paris: École Française d'Extrême Orient, 1984.

13. *Robinet, Isabelle*. Taoism: Growth of a Religion. – Stanford: Stanford University Press, 1997.

14. *Robinet, Isabelle.* Taoist Meditation: The Mao-shan Tradition of Great Purity / Transl. by Julian F Pas and Norman J. Girardot. – Albany, NY: State University of New York Press, 1993.

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКИХ СООБЩЕСТВ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ

Е.В. Алехин

Алехин Егор Владимирович – адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск).

Контактный адрес: dial@mail.ru

Одна из специфических негативных черт, характеризующих современную Россию, – ежегодный рост совершенных в стране преступлений экстремистской направленности. Противодействие экстремизму, являясь одним из средств, способствующих сокращению количества зарегистрированных фактов преступлений данной группы, обусловливает актуальность рассматриваемой проблемы. Сложившаяся ситуация определила необходимость проведения мониторинга населения и сотрудников правоохранительных органов (суд, прокуратура, органы внутренних дел) Дальневосточного региона. В совокупности с анализом уголовных дел это позволило автору выявить недостатки в механизме деятельности правоохранительных органов по противодействию экстремизму и разработать приоритетные мероприятия в указанном направлении; раскрыть специфику экстремизма в Дальневосточном регионе; сформулировать предложения по совершенствованию действующего законодательства. Мнение населения Дальнего Востока позволило подтвердить первоначальную гипотезу о латентности преступлений экстремистской направленности, оценить деятельность сотрудников правоохранительных органов по борьбе с экстремизмом в Дальневосточном регионе, а также степень готовности граждан в оказании помощи правоохранительным органам в расследовании преступлений данной группы, а также в их выявлении. На основании проведенного исследования автор делает вывод о том, что противодействие экстремизму в Дальневосточном регионе должно вестись по двум направлениям: организационном и законодательном. В первом случае оно должно быть нацелено на правильную организацию постоянного взаимодействия участвующих в нем сторон, а во втором – на совершенствование действующего законодательства.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистское сообщество, противодействие.

Экстремизм как феномен давно становится объектом внимания представителей различных областей знаний: социологов, политологов, психологов. Будучи особо опасным для общества, личности и государства, данное явление вызывает интерес для изучения и юридическими науками.

Норма об экстремизме впервые появилась в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) в июле 2002 г. [5], а официальная статистика зарегистрированных фактов экстремизма ведет отсчет с 2004 г., когда в России было зарегистрировано 130 преступлений данной группы [1]. На современном этапе ситуация в сфере противодействия экстремизму продолжает оставаться достаточно острой. По данным социологического исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения, значительная часть опрошенных (41 %) воспринимают угрозу распространения экстремизма в России как существенную [6: с. 59–61]. По статистическим данным, динамика показателей преступлений экстремистской направленности за период действия новой уголовно-правовой нормы свидетельствует о неуклонном росте зарегистрированных фактов. Так, по итогам 2010 г. в России зарегистрировано 656 преступлений экстремистской направленности, что по отношению к 2004 г. составило 505 %.

Статистическая картина экстремизма в Дальневосточном федеральном округе (далее – ДФО) еще менее утешительна. Так, если в 2004 г. было зарегистрировано только 3 случая совершения преступлений экстремистской направленности на территории Дальнего Востока [2], то в 2010 уже 21 (увеличение в 10 раз) [3].

Вместе с тем есть все основания полагать, что рассматриваемая категория преступлений обладает чрезвычайно высокой степенью латентности, что самым естественным образом сказывается на определении масштабов феномена и уровня его распространенности. Таким образом, состояние и динамика экстремизма в ДФО за 2003–2010 гг. свидетельствует о беспрецедентном росте преступлений экстремистской направленности и необходимости исследования проблемы на региональном уровне.

Спектр вреда социуму, наносимого преступлениями экстремистской направленности, чрезвычайно широк. Его проявления варьируются от психологического и материального ущерба обществу и государству до лишения жизни конкретных индивидов. Последствия преступных проявлений экстремизма могут проявляться как сразу после совершения соответствующих деяний, так и иметь долгосрочные перспективы.

Всестороннее изучение проблемы экстремизма в Дальневосточном регионе привело нас к необходимости провести мониторинг населения и сотрудников правоохранительных органов (суд, прокуратура, органы внутренних дел) в целях определения реальных масштабов данного явления, установления организационно-правовых проблем борьбы с

экстремизмом на Дальнем Востоке и выработке конкретных шагов на пути его снижения. Всего было опрошено 153 гражданина и 81 сотрудник правоохранительных органов, участвующих в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности.

Прежде всего, гражданам было предложено оценить состояние проблемы экстремизма на территории Дальневосточного региона. Каждый десятый гражданин (11 %) отметил, что ситуации довольно напряжена, а 2 % – что ситуация принимает угрожающие масштабы. Около половины опрошенных (45 %) считают, что ситуация не напряжена. При этом стоит отметить, что примерно аналогичное количество респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

В связи с этим нами делается вывод, что правоохранительные органы и средства массовой информации не уделяют должное внимание освещению данной проблемы, так как 66 % опрошенных граждан получают информацию именно из данного источника.

Кроме этого, в процессе опроса мы постарались выяснить, становились ли граждане свидетелями или участниками осуществления экстремистской деятельности. Оказалось, что каждый десятый сталкивался с данным явлением. Это еще раз подтверждает нашу точку зрения о высокой латентности рассматриваемого феномена, так как не все преступления выявляются сотрудниками правоохранительных органов.

Особый интерес для нашего исследования представлял вопрос о наиболее актуальных для Дальнего Востока видах экстремизма. Подавляющее большинство (52 %) респондентов отметило, что наиболее распространенным видом экстремизма является молодежный. Каждый четвертый опрошенный назвал – этнополитический экстремизм; наименее распространены, по мнению населения, политический (13 %) и религиозный (11 %). Проведенное нами исследование позволило заключить, что экстремизм имеет определенную специфику в Дальневосточном регионе, прежде всего, в его молодежной направленности.

Результаты анкетирования подтверждаются изученной нами судебно-следственной практикой. Так, в июне 2011 г. Центральный районный суд г. Хабаровска вынес приговор по уголовному делу в отношении трех националистов, возраст которых на момент совершения преступления составлял от 15 до 23 лет. Установлено, что в июле–сентябре 2009 г. подсудимые договорились о совместном поджоге здания Хабаровского еврейского культурного центра и синагоги, а также дома сотрудника центра по противодействию экстремизму ГУ МВД России по Дальневосточному федеральному округу. Все подсудимые поддерживали националистические идеи, но лидером группы и организатором совершения поджогов явился самый младший из них – пятнадцатилетний школьник, ранее уже привлекавшийся к ответственности за совершение вандализма по мотивам расовой и национальной ненависти. В ходе расследования уголовного дела у двух молодых людей были изъяты электронные носители, в которых содержались файлы с националистической литературой, изображениями и музыкой. В судебном заседании подсудимые вину признали в полном объеме [4].

Немаловажной задачей исследования явилась оценка деятельности правоохранительных органов по борьбе с экстремизмом в Дальневосточном регионе.

Оценить деятельность правоохранительных органов затруднились около половины респондентов (48 %), что, скорее всего, связано с незнанием населения о фактах борьбы с данным видом преступлений. Удовлетворительно отметили более трети граждан (37 %), неудовлетворительно – одна шестая (15 %).

Обращает на себя внимание активная жизненная позиция граждан по готовности оказать помощь правоохранительным органам в расследовании и выявлении преступлений экстремистской направленности. Более половины опрошенных (53 %) заявили, что готовы оказать такую помощь. Однозначно не окажет всего 13 %, причем из них 46 % респондентов мотивируют это тем, что не хотят быть втянутыми в следствие, 46 % – не верят, что правоохранительные органы постараются пресечь правонарушение, 8 % – опасаются, что это ухудшит ситуацию. Каждый третий опрошенный затрудняется дать ответ. Последняя цифра свидетельствует о «скрытом резерве» в решении проблем выявления и расследования преступлений экстремистской направленности. Необходимо вовлекать «безразличного» гражданина в данный процесс. Небольшая часть (2 %) респондентов ответили, что наши правоохранительные органы на заявления такого плана ответят «отпиской», а внимания данной проблеме не уделят.

Следующей важной задачей в процессе проведенного нами исследования стало изучение трудностей, возникающих у сотрудников правоохранительных органов в Дальневосточном регионе по вопросам борьбы с экстремизмом. В процессе анкетирования, следователи и оперативные уполномоченные отметили проблемы, связанные с пониманием и интерпретацией положений статей УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность за экстремизм, а также указали на потребность в обобщении положительного опыта расследования преступлений экстремистского характера.

В судебно-следственной практике проблема осуществления экстремистской деятельности, по мнению большинства сотрудников правоохранительных органов (51 %), является сложной. Более трети (39 %) респондентов отметили, что проблема осуществления экстремистской деятельности непростая, но есть проблемы сложнее. Подобные мнения правоприменителей показывают, что рассматриваемая категория преступлений занимает достаточно важное место в их деятельности и требует тщательного изучения.

Представляет интерес выяснение в процессе мониторинга профессионального мнения сотрудников правоохранительных органов на предмет совершенствования уголовных норм, предусматривающих ответственность за преступления, связанные с организацией экстремистских сообществ. Так, сотрудниками было предложено дополнить основания освобождения от уголовной ответственности по примечанию к статье 282.1 УК РФ признаком активного участия в раскрытии или пресечении совершенного преступления.

Важным аспектом проведенного нами исследования стало выяснение круга мер по предупреждению преступлений экстремистской направленности. В качестве наиболее действенной меры большинство сотрудников правоохранительных органов (19 %) считают ужесточение санкций, предусмотренных за совершение данных преступлений.

Наиболее эффективным средством большинство респондентов (23 %) считают разработку федеральных и региональных программ по борьбе с экстремизмом. Каждый шестой (17 %) полагает, что преступления экстремисткой направленности можно предупредить путем ужесточения санкций, предусмотренных за совершение данных преступлений. Немногим меньше (16 %) отметили более широкую по своему содержанию меру как совершенствование законодательства. Каждый восьмой (13 %) считает, что преступления экстремисткой направленности можно предупредить путем патриотического воспитания молодежи. Весь комплекс рассматриваемых мер по предупреждению преступлений экстремистской направленности предлагают применять 11 % опрошенных. Десятая часть респондентов (10 %) видит решение проблемы в привлечении к административной либо уголовной ответственности лидеров преступных формирований, а также в своевременной регистрации религиозных организаций и общественных объединений и действенном контроле органов юстиции за соответствием их деятельности уставным целям и задачам.

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод, что противодействие экстремизму в Дальневосточном регионе должно вестись по двум направлениям: организационном и законодательном.

В законодательном направлении по итогам исследования нами предложен проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (в части, совершенствования уголовно-правовых норм, противодействующих экстремизму), основными положениями которого стали:

- во-первых, повышение санкции норм за экстремизм, так как это позволит повысить категорию тяжести преступлений, что расширит ограниченные полномочия сотрудников правоохранительных органов в проведении полного комплекса оперативно-розыскных мероприятий, необходимого для получения доказательств причастности отдельных граждан к экстремистской деятельности[1];
- во-вторых, понижение возраста уголовной ответственности за экстремизм с 14 лет, поскольку в настоящее время растет количество молодежных группировок экстремистского толка, рядовыми и наиболее активными участниками которых являются лица возраста 13–17 лет;
- в-третьих, усовершенствование процедуры освобождения от уголовной ответственности, для чего помимо добровольного отказа от участия в экстремистском сообществе или экстремистской организации, лицо должно своими действиями активно способствовать раскрытию или пресечению этого преступления.

Мы убеждены, что принятие данного законопроекта позволит повысить эффективность расследования уголовных дел по нормам, предусматри-

[1] Так, в соответствии со статьей 8 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища допускается в случаях, не терпящих отлагательства лишь, если они могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления. Преступления, предусмотренные частями 1 и 2 статьи 282.1 УК РФ не относятся к таковым. Вследствие чего невозможно проведение вышеуказанных мероприятий.

Кроме этого, прослушивание телефонных и иных переговоров допускается только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений (ст. 8 ФЗ «Об ОРД»). Следовательно, данное оперативно-розыскное мероприятие не может быть проведено в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в участии в экстремистском сообществе (ч. 2 ст. 282.1 УК РФ), так как настоящие преступления отнесены законодателем к категории небольшой тяжести.

вающим уголовную ответственность за экстремизм.

Противодействие экстремизму в организационном направлении должно быть нацелено на правильную организацию постоянного взаимодействия участвующих в нем сторон. Приоритетные мероприятия деятельности правоохранительных органов Дальневосточного региона в указанном направлении следующие:

1) организация постоянного обмена информацией о всех деструктивных процессах, происходящих в общественных и религиозных объединениях и организациях, с целью своевременного реагирования на негативные явления и принятия мер предупредительного характера;

2) изучение и распространение положительного опыта работы по противодействию экстремизму;

3) гласность результатов расследования преступлений и проведенных процессуальных проверок об экстремистских проявлениях, способствуя формированию общественного неприятия данным видам деяний;

4) обеспечение работы по нейтрализации и разобщению объединений, члены которых склонны к экстремизму. Для этого на постоянной основе анализировать деятельность радикально настроенных сообществ. Осуществление контроля за процессами, происходящими внутри этих группировок. Особое внимание обращать на лиц, причастных ранее к деятельности экстремистских сообществ на территории иностранных государств, в том числе СНГ;

5) перекрытие каналов финансирования и материально-технического обеспечения экстремистов и пресечение попыток использования ими денежных средств, полученных противоправным путем;

6) проведение анализа сведений, размещенных в сети «Интернет». Принимать меры, направленные на документирование фактов распространения экстремистских идей на сайтах сети и установление лиц, виновных в их распространении, уделяя особое внимание случаям обнародования запрещенной экстремистской литературы. Собранные материалы направлять в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела;

7) разработка единого комплекса мер в целях координации совместных оперативных мероприятий по предупреждению групповых экстремистских проявлений, выявлению формирующихся и действующих радикальных сообществ, пресечению, в том числе в уголовном порядке, противоправных действий их лидеров и участников. При необходимости создавать совместные группы разработчиков в отношении межрегиональных и международных радикальных сообществ и организаций;

8) рассмотрение вопроса о подготовке в суд заявлений по каждому задокументированному факту существования организаций экстремистской направленности об их ликвидации и (или) запрете деятельности. При направлении в суд таких заявлений выносить решения о приостановлении деятельности указанных в обращении объединений;

9) установление причин и условий, способствующих совершению преступлений, вносить соответствующие представления в порядке ст. 158 УПК РФ и контролировать их исполнение.

Мы считаем, что принятие указанных решений должно осуществляться на региональном уровне, с учетом количественных и качественных характеристик преступных посягательств экстремистской направленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2004 года. – М.: ГИАЦ МВД, 2005.

2. Состояние преступности в Дальневосточном федеральном округе за январь-декабрь 2004 года. – М.: ГИАЦ МВД, 2005.

3. Состояние преступности в Дальневосточном федеральном округе за январь-декабрь 2010 года. – М.: ГИАЦ МВД, 2011.

4. Уголовное дело № 1-253/2011. Архив Центрального районного суда г. Хабаровска.

5. О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» : федер. закон от 25.07.2002 № 112-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3029.

6. *Фридинский, С.Н.* Понятие экстремизма и основные направления борьбы с ним / С.Н. Фридинский // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 3. – С. 59–61.

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ СТУДЕНТОВ САХА

У.С. Борисова

Борисова Ульяна Семеновна – доктор социологических наук, доцент Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амосова (г. Якутск).

Контактный адрес: ulsem@rambler.ru

Проблема этнической идентичности молодежи остается неизменно актуальной на протяжении всего существования этносоциологии. В статье представлены результаты социологического исследования 546 студентов саха Якутского государственного университета им. М.К. Амосова, которое проведено автором в июне 2010 г.

Инструментарий исследования состоит из 3 блоков, которые включают вопросы по выявлению этнокультурной идентификации респондентов, определению характеристик когнитивного и аффективного компонентов этнической идентичности и состояния межнациональных отношений в якутском обществе.

Особое внимание автором уделено анализу двух основных теоретических подходов, которые сложились в начале 90-х годов прошлого века в исследованиях этничности – примордиализму и конструктивизму.

Социологическое исследование выявило, что студенты саха обладают всеми признаками развитого этнического самосознания: сознанием своей этнической общности, приверженностью к родному языку, территории, национальной культуре. Наиболее важными признаками этнической идентификации выступают: родной язык, близость к традициям культуры народа, внешний облик и семья. На взгляд автора, важным фактором является очень близкая структура рангов выбранных компонентов. Это позволяет говорить о том, что этническая идентификация происходит по некой единой схеме, что отсутствуют факторы, ее «размывающие». Абсолютное большинство молодых людей гордятся своей национальной принадлежностью. Молодые саха хотят иметь возможности для своего национального самовыражения и предрасположены к тому, чтобы больше узнавать о культуре, традициях и обычаях своего народа, а также других народов. Однако включённость студентов саха в этническую культуру нельзя признать высоким.

Обосновывается актуальность формирования культуры межнационального общения в вузе, которая требует решения проблем мировоззренческого и поведенческого уровня. Именно социальный институт образования обладает огромными возможностями в том, чтобы современная молодежь захотела свою гражданскую идентичность обозначить как россияне, сохраняя при этом свою принадлежность одной или нескольким культурам в зависимости от своего происхождения и места проживания.

Ключевые слова: этнокультурная идентификация, студенческая молодежь, этническая идентичность, социологическое исследование.

Современная культурно-историческая ситуация в России характеризуется большим этнокультурным разнообразием («мозаичностью» – В.А. Тишков) и развитие человека осуществляется в поликультурных условиях.

Понятие «идентичность» широко используется в психологии и социологии. Принято говорить о множестве или наборе идентичностей, отражающих социальные роли человека. Различные идентичности взаимосвязаны и частично пересекаются между собой.

Как одна из идентичностей рассматривается этничность, которая является и коллективной, и индивидуальной характеристикой. Этническая идентичность – составная часть социальной идентичности личности, психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности.

Для миллионов людей этническая идентичность – это само собой разумеющаяся данность, не подлежащая рефлексии, через которую они себя осознают и благодаря которой могут ответить сами себе «Кто я и с кем я?». Этническая принадлежность формируется в процессе социализации личности и становится одной из первых проявлений социальной природы человека. Она достигается индивидом в процессе конструирования социальной реальности на основе этничности, но не сводится к ней.

Этническая идентичность более четко осознается, а знания о различиях между группами приобретаются раньше, если человек живет в полиэтнической среде. Но насколько точны эти знания и насколько позитивны социальные установки во многом зависит от того, к какой группе он принадлежит – большинства или меньшинства. У членов группы доминантного большинства обычно не возникает с этим особых трудностей [8: с. 232–242].

В последние десятилетия изучение феномена этнического самосознания, а также факторов, определяющих принадлежность человека к тому или иному этносу, имеют, как отмечают этносоциологи, не только теоретический интерес, но и обретают практическую значимость. В значительной степени данное обстоятельство вызвано процессами глоба-

лизации; человек, который утратил свои культурные корни может «теряться» в общем социокультурном пространстве.

Однако, несмотря на предсказания о «закате этничности», не оправдались теории, согласно которым прогнозировалось исчезновение этнического самосознания по мере внедрения модернизирующимися странами современной техники и организации труда. Напротив, одновременно происходит возрождение патриотизма и укорененности национальной культуры. У. Бек выделяет «этнический парадокс глобализации». По его мнению, в наше время этническая идентичность и этническая сегрегация вновь набирают силу, так как глобализм «…не порождает нового чувства принадлежности, солидарности или идентичности» [2: с. 48–50]. С ним солидарны и другие исследователи. Глобализация, Интернет и другие новейшие средства информации не в состоянии породить нового человека, т. е. человека вне определенного этноса и ведущей цивилизации.

В настоящее время в исследованиях этничности выделяют два основных подхода: примордиализм и конструктивизм. В начале 90-х годов XX в. отечественное этнологическое сообщество разделилось на два лагеря. Согласно представлениям сторонников примордиалистской парадигмы (Ю. Бромлей, Л.Н.Гумилев, В. Козлов, В. Пименов, С. Рыбаков, Ю. Семенов, С. Токарев, Н. Чебоксаров, С. Широкогоров и др.), этничность есть объективная данность, своего рода изначальная (примордиальная) характеристика человечества, отстаивается идея биосоциальной или социально-исторической укорененности этничности, т. е. приписанная, унаследованная рождением характеристика личности.

В настоящее время гораздо больше авторов придерживаются культурно-психологического варианта примордиализма, когда этничность рассматривается как разделяемая членами группы общность с объективными характеристиками принадлежности: территория, язык, экономика, расовый тип, религия, мировоззрение и психический склад (Ю.В. Арутюнян, М.Н. Губогло, Л.М. Дробижева, Г.У. Солдатова и др.). Этничность, как бы пребывая в спящем состоянии, «вызывается» к жизни и используется в целях социальной мобильности, преодоления доминирования и подчинения, социального контроля.

В рамках конструктивистского подхода этничность рассматривается как социальный конструкт, т. е. этнические группы и границы между ними определяются результатами социальной практики, а не заданы изначально. Обращается внимание, прежде всего, на процессуальную (социально конструируемую) природу культурной отличительности, она изложена в работах зарубежных социальных антропологов: Ф. Барта (этничность как социальная организация культурных различий), Б. Андерсона (как социальное конструирование «воображаемых общностей»); Э. Геллнера (историческая обусловленность наций и национализма); Э. Хобсбаума (взгляд на соотношение нации и государства) и др. [4: с. 165].

Для отечественных работ, выполненных в конструктивистской традиции (И. Кона, В. Малахова, С. Соколовского, В. Тишкова, С. Чешко, В. Шнирельмана и др.), характерен тезис о фактическом отсутствии в природе этнического как такового. Активным проводником этого подхода стал В. Тишков, который утверждает, что не существуют фундаментальные коллективные архетипы в виде этносов, и принадлежность к ним не заложена в человеке изначально. Конструктивистский подход достаточно радикально меняет взгляд на место исторического материала: история выступает как синхронизированный в современности дискурс, или как «борьба за обладание прошлым», как представление или миф об общей исторической судьбе членов этой общности [9: с. 116].

На фоне жесткого позиционирования примордиалистского и конструктивистского подходов убедительно звучит позиция этносоциолога Л.М. Дробижевой, которая исследовала феномен этничности, основываясь на результатах серии репрезентативных исследований по регионам России, а не только на основе теоретических и кабинетных рассуждений: «Если люди разделяют представления о существовании такой общности, как народ, национальность, то это есть реальность, которая имеет свои последствия» [5: с. 25].

В российской литературе имеются различные определения понятия этничность: 1) она представляется как категория обозначения «формы межгруппового взаимодействия; совокупности культурных характеристик; этнической идентичности» (Н.Г. Скворцов); 2) как «…состояние групповой солидарности, формирующееся на основе биогенетического и биосоциального единства и проявляющееся в форме сравнения "нас" с "не-нами" в ходе межгруппового взаимодействия в этническом пространстве» (З.В. Сикевич); 3) как метафора «тайны» или «загадки» (В. Малахов); 4) как «…изменяющееся, ситуативное явление, имеющее свою историю и используемое в разных контекстах» (Л.М. Дробижева) [4: с. 167].

Поскольку этничность не является чем-то раз и навсегда заданным, она может актуализироваться в тех или иных формах социального взаимодействия и становится значимой в определенных условиях, но в других контекстах отходит на второй план (в зависимости от окружения индивида, собеседника или группы, с которой происходит взаимодействие).

Проблема этнической идентичности молодежи остается неизменно актуальной на протяжении всего существования этносоциологии. Рассмотрение роли этничности в социально-психологическом простран-

стве молодежи представляет особое значение для социальных наук в силу того, что именно в этом возрасте молодые люди подвержены негативному социальному воздействию, в том числе и «этнически окрашенному». С другой стороны, следует помнить, что феноменология и структура такого явления, как этническая идентичность, зависят от времени и места их изучения, при их анализе необходим учет чрезвычайно важных переменных – истории и культуры.

Основу статьи составляют часть результатов исследования, связанных с эмпирическим изучением этнокультурной идентификации студентов-саха (якутов). В июне 2010 г. был проведен анкетный социологический опрос в городе Якутске – столице Республики Саха (Якутия), в котором приняли участие 546 студентов Якутского государственного университета в возрасте от 17 до 25 лет. В выборку вошли 60,6 % девушек и 39,4 % мужчин. 80 % опрошенных нами студентов родились в мононациональной семье, а 20 % – в межнациональной.

Математико-статистический анализ осуществлялся при помощи программного пакета SPSS 11.0. Однофакторный дисперсионный анализ показал, что фактор пола не оказывает статистически значимого влияния на характеристики этнической идентичности опрошенных студентов саха.

В процессе обработки анкет мы сгруппировали вопросы и ответы студентов 3 модуля: этнокультурная идентификация, межнациональные отношения в обществе, характеристики когнитивного и аффективного компонентов этнической идентичности.

Методика исследования:

1) опросник американской исследовательницы Дж. Финни, выявляющий выраженность этнической идентичности. Он состоит из 12 вопросов-утверждений, на которые испытуемые должны ответить, используя четырехбалльную шкалу («совершенно согласен», «скорее согласен, чем не согласен», «скорее не согласен, чем согласен», «совершенно не согласен»). Методика Дж. Финни включает в себя две субшкалы: выраженности когнитивного компонента этнической идентичности и выраженности аффективного компонента этнической идентичности;

2) методика, выявляющая основания, по которым индивиды идентифицируются с этнической группой [7].

Важный вопрос, возникающий при анализе самоидентификации сообщества, касается признаков, приписываемых выделенным группам, или этнических маркеров. В качестве одного из символических признаков рассматривается язык. Этническая идентичность тесно связана с языком. Обычно лингвистическая идентичность сообщества или индивида упоминается в числе других маркеров группы, таких как традиционная кухня, праздники, гендерные особенности.

Знание языка определяет чувство принадлежности к группе для носителей языка: чем лучше индивид владеет языком, тем сильнее его самоидентификация. Подавляющее большинство опрошенных студентов саха (85,2 %) знают хорошо свой родной язык, читают, пишут, свободно говорят. Для самоощущения носителей, их внутреннего чувства этничности знание языка оказывается важным, и студенты, владеющие языком в той или иной степени, ощущают себя представителем народа саха, т. е. владение родным языком подкрепляет чувство принадлежности к своей национальности. Таким образом, как видно по первой позиции, родной язык является значимой опорой этнической самоидентификации опрошенных студентов саха.

В реальной жизни субъективная идентичность и социально предписанная этничность далеко не всегда совпадают. Так, у многих людей установки на этническую культуру, на ее элементы как образцы, достойные подражания, не коррелируют с реальной в нее вовлеченностью. Особенно наглядно рассогласованность между этнической идентичностью и включенностью в этническую культуру видна на примере рассмотрения языка как этнодифференцирующего признака. Так, 10,8 % респондентов отмечают, что знают свой родной язык не очень хорошо, говорят с затруднениями. К сожалению, следует констатировать факт, что 4,0 % опрошенных молодых людей совсем не знают родной язык, не говорят на нем. Данный факт является весьма иллюстративным показателем того, что язык может служить одним из основных символических маркеров, поддерживающих этнические границы, однако может не выполнять в сообществе коммуникативной функции.

Рассмотрим более подробно параметры охвата обучением родному языку детей якутского населения. В настоящее время 83,2 % учащихся саха изучают родной язык в процессе общеобразовательной подготовки, не изучают – 16,5 %, т. е. каждый пятый школьник не имеет реальной возможности изучать родной язык. Подавляющее большинство этой категории приходится на г. Якутск и промышленные районы. Во многом такое положение дел проявляется, с одной стороны, объективной нехваткой национальных школ и классов, с другой – позицией родителей в выборе школы.

При языковом сдвиге изменяется функциональная нагрузка языка (он используется все реже и все в меньшем числе функций), изменяется сообщество его носителей (средний возраст носителей исчезающего языка повышается по мере развития языкового сдвига, появляется много разного рода некомпетентных носителей, которые в течение жизни могут как улучшать, так и ухудшать свое владение исчезающим языком), меняются и языковые установки сообщества по отношению к данному языку [1: с. 31–35].

Вопрос о соотношении языка и этничности часто обсуждается в связи с проблемой сохранения традиционной культуры: поскольку большая часть

культуры существует в языке и выражается им же, утрата языка приводит к исчезновению всей культуры группы.

Принципиально важно также отметить, что в Республике Саха увеличивается понимание коренными жителями республики объективной необходимости во владении русским языком в качестве языка более высоких ступеней образования и связанных с этим социально-профессиональных перспектив.

На формирование и проявление этнической идентичности влияет целый ряд факторов, обусловленных особенностями социального окружения, межгрупповых отношений и гетерогенности/гомогенности этнического окружения. При этом этническая идентичность устойчива для большинства людей. Для отдельного человека именно этническая группа, к которой он принадлежит, во многом определяет пределы и направленность его жизненных стремлений.

В процессе социализации и инкультурации ребенок приобретает новые знания о межэтнических различиях и более четко определяет свою принадлежность к определенной группе. К настоящему времени практически все психологи согласны с Ж. Пиаже о том, что «реализованной» этнической идентичности ребенок достигает в младшем подростковом возрасте, когда рефлексия себя имеет для человека первостепенное значение.

Так, 63,4 % опрошенных респондента осознали свою национальную принадлежность в дошкольном возрасте, в начальных классах – 19,4 %, в средних классах – 9,5 %, в старших классах – 4,0 %, после окончания школы – 3,7 %.

Осознание себя членом этнической общности на основе этнодифференцирующих признаков возможно благодаря этнической осведомленности, которая включает в себя представления об этнических группах (своей и чужих, их истории, обычаях, особенностях культуры), а также о взаимоотношениях между ними.

Данные табл. 1 показывают, что подавляющее большинство студентов (59,6 %) не разделяет нации на своих и чужих. Только четверть студентов (25,7 %) разделяет нации, а 14,7 % – не задумывались об этом.

Материалы опроса сигнализируют о том, что, по мнению 54,4 % респондентов, в г. Якутске имеется межнациональная напряженность, 5,9 % утверждают, что межнациональная напряженность сильная. А 39,7 % молодых людей оценивают межнациональные отношения в столице как стабильные. С нашей точки зрения, это объясняется тем, что почти 70 % студентов Якутского госуниверситета – выпускники сельских школ, которые встречают определенные трудности в адаптации к городской многонациональной среде.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Разделяете ли вы нации на своих и чужих?»

		Frequency	Percent	Valid Percent	Cumulative Percent
Valid	Да	140	25,6	25,7	25,7
	Нет	325	59,6	59,6	85,3
	Не задумывался	80	14,7	14,7	100,0
	Total	545	99,8	100,0	
Missing SyStem		1	,2		
Total		546	100,0		

Социокультурная среда вуза есть составляющая единой социокультурной среды. Эта среда включает в себя социально-культурные объекты, связанные с созданием и распространением культурных ценностей. Социокультурная среда вуза – совокупность ценностей и принципов, социальных структур, людей, технологий, создающих особое пространство, взаимодействующее с личностью, формирующее его профессиональную и мировоззренческую культуру.

Полученные нами данные характеризуют атмосферу образовательного процесса Якутского государственного университета как благоприятную для изучения национальной культуры народа-саха: считают, что созданы все необходимые условия – 17,1 %; некоторые условия – 41,5 %, а 20,8 % – ответили, что соответствующих условий нет; затруднились ответить 20,6 % опрошенных.

Следует обратить внимание на то, что работа по формированию толерантности должна проводиться на уровне вуза. В учебных заведениях различных стран показала свою эффективность концепция поликультурного образования. В основе поликультурного образования лежит осознание личностью своей культурной принадлежности и глубокое освоение и присвоение своей культуры. Поликультурное образование призвано формировать у студентов культуру межнационального общения. Она является органической частью духовной жизни общества, а также общечеловеческой культуры.

Как следует из полученной в ходе исследования информации, почти каждый пятый респондент (47,1 %) отмечает, что в университете не существует проблем межнационального характера. Противоположной точки зрения придерживаются 23,5 % опрошенных студентов, не задумывались об этом – 29,4 %.

Главными факторами при определении своей национальности 39,4 % студентов саха считают национальность отца, язык общения в семье – 37,7 % и желание самого человека (37,2 %). Далее по убывающей отметили национальность матери (24,5 %), территорию рождения – 19,9 % и запись в официальных документах – 8,5 %.

Важной областью изучения этнической идентичности является определение индивидами и группами ее оснований. Субъективную важность оснований, по которым индивид идентифицируется со своей этнической группой, определили с помощью вопроса «Если вы считаете себя представителем своего народа, то чем определяется ваша национальность?». Респондентам предлагалось выбрать из предложенного перечня признаков один или несколько главных. Ответы распределились следующим образом (табл. 2): абсолютно лидирует этноконсолидирующий фактор как родной язык (75,8 %). Таким образом, язык является одним из важнейших маркеров на этнической границе, он также может оказывать влияние на субъективное этническое чувство индивида.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Если вы считаете себя представителем своего народа, то чем определяется ваша национальность?»

Перечень признаков	Количество опрошенных, %
1. Язык	75,8
2. Близость к традициям культуры моего народа	41,4
3. Внешность (физический облик)	39,2
4. Родители	34,6
5. Религия	28,2
6. Национальное самосознание	24,7
7. Место проживания	21,8
8. Гражданство	12,6
9. Общность исторической судьбы с народом моей национальности	6,0
10. Национальная государственность	5,9
11. Что-то неуловимое	4,2
Итого: 1608 наименований	Свыше 100 %

Вторым немаловажным фактором выступает «близость к традициям культуры моего народа» (41,4 %). Культура – «цемент общественных отношений», она передается от одного человека к другому в процессе социализации, формирует у людей чувство принадлежности к определенной общности, т. е. чувство идентичности.

В республике проводится целенаправленная государственная политика в сфере культуры и искусства, основной целью которой является создание единого культурного пространства республики и возрождение самобытности культурных традиций народов Якутии. Разработана Стратегия развития культуры до 2030 г., в которой определены основные направления государственной национальной политики в сфере культуры. Основная цель Концепции – выработка и реализация системной государственной национальной политики призванной, в том числе, создать условия для сохранения и развития национальной культуры всех этносов, проживающих на территории республики.

Третий ранг занимают антропологические признаки принадлежности к этносу (цвет кожи, глаз, волос и другие соматические различия), т. е. внешность (физический облик) – 39,2 %. Как отмечает В.А. Тишков, что «фенотипические, визуальные различия тувинцев и якутов от подавляющей части населения страны, в том числе и русских, делают межгрупповую дистанцию более значимой, чем весь остальной набор культурных и политических факторов» [9, с. 111]. Некоторые исследователи определяют внешний вид, лицо как форму идентичности. Каждый человек, каждая группа, народ должны, чтобы не потерять себя и не раствориться в других, любить, восхвалять и гордиться как своим внешним видом, так и культурой и обычаями [6: с. 171–176].

Этническая специфика народа сохраняется и проявляется, прежде всего, в языке, традициях, культуре, которые, более всего, аккумулируются в семье, получают в ней «стартовое» положение. Поэтому не удивительно, что четвертым фактором своей национальной идентификации опрошенные 34,6 % студентов-саха отметили своих родителей (так называемое «право по крови»). Специфика семейной жизни такова, что она прочно удерживает многие национально-этнические черты, которые отражают национальное своеобразие народа. По мнению авторитетных исследователей, семья выполняет функцию осознания бытия нации, не ограничиваясь её настоящим, но охватывая её прошлое и будущее.

При определении своей национальности фактор религии 28,2 % саха указывают религию как пятый основной фактор. В Республике Саха (Якутия) идея этнокультурного образования исходит из понимания воспитания ребенка-саха на основе этнофилософии Кут-Сюр, направленной на сохранение духовной гармонии всех компонентов, составляющих сущность человека в его взаимосвязи с Природой-Творцом.

В якутской педагогике «дух» и «культура» как истоки национального образования определяются согласно философским воззрениям народа-саха на сущность и природу человека. В этнической философии саха «Кут-Сюр» категория «Ийэ кут» – дух от матери – основа основ – космическая заданность человека, его генетическая программа задатков и способностей. Философская категория «Буор кут» – дух от земли – телесное, физическое здоровье человека; философская категория «Салгын кут» – дух от воздуха – эмоциональное начало в человеке, его психический мир. Человеку необходимо постоянно оберегать и развивать все элементы души – «кут». Категория «сюр» обеспечивает цельность личности, это жизненная энергия, сила

духа человека. Его также необходимо оберегать, если «сюр» поврежден, то человек теряет стремление к жизни, нарушается его жизнестойкость.

Сегодня именно культурные границы в области материальной (жилище, пища, одежда и т. п.) и духовной культуры (праздники, ритуалы, обычаи) на наших глазах «размываются» и для их сохранения требуются немалые усилия интеллектуальных элит.

Для нашего исследования важно было выявить также и аффективную оценку этнического самосознания – это эмоционально-ценностное отношение к факту принадлежности к данному этносу (позитивная или негативная оценка своего членства в общности, значимость членства в данной этнической группе; чувства, связанные со своей этичностью) (табл. 3).

Результаты исследования показывают, что подавляющее большинство респондентов (93,0 %) испытывают чувство радости при осознании себя представителем саха. Очевидно, что большинство опрошенных (90,5 %) молодых респондентов гордятся своей этнической группой. Мы предполагаем, что положительное влияние на усиление позитивной этнической идентичности оказало и то, что в постперестроечный период по отношению к саха стал чаще употребляться термин «титульная нация». Однако беспокойство вызывает тот факт, что в общем 7,0 % молодых людей не испытывают чувство радости при осознании себя представителем своего народа, не испытывают чувство гордости своей этнической группой только 9,5 % саха.

Так, 95,2 % респондентов «хорошо относятся к своему этническому происхождению», не совсем хорошо относятся всего 4,8 %. Позитивная этническая идентичность понимается как отнесение себя индивидом к данному этносу, способствует укреплению этнического самосознания группы и сохранению ее целостности как этнокультурного организма.

Исследованиями было установлено, что только уверенность группы в своей собственной позитивной групповой идентичности может дать основание для уважения других этнических групп и стать основой этнической толерантности [4: с. 176].

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос по методике Дж. Финни, измеряющей выраженность этнической идентичности

Утверждение	Совершенно согласен	Скорее согласен, чем не согласен	Скорее не согласен, чем согласен	Совершенно не согласен
1. Я провел много времени, стараясь узнать как можно больше о своей этнической группе, о ее истории, традициях, обычаях	18,3	50,9	23,0	7,7
2. Я активен в организациях или социальных группах, которые включают преимущественно членов моей этнической группы	13,4	37,9	32,5	16,2
3. Я очень хорошо знаю свое этническое происхождение и понимаю, что оно значит для меня	44,4	40,0	12,5	3,1
4. Я много думаю о том, как этническая принадлежность повлияет на мою жизнь	18,0	40,0	26,1	15,9
5. Я рад, что принадлежу к своей этнической группе	62,8	30,1	4,2	2,8
6. Я четко чувствую связь со своей этнической группой	35,8	44,8	15,4	4,0
7. Я хорошо понимаю, что значит для меня моя этническая принадлежность	41,5	45,3	10,4	2,8
8. Для того чтобы узнать побольше о своей этнической группе, я говорил о ней со многими людьми	13,5	33,4	35,8	17,3
9. Я горжусь своей этнической группой	57,1	33,4	6,4	3,1
10. Я соблюдаю традиции своей этнической группы	35,1	42,9	15,2	6,9
11. Я чувствую сильную привязанность к своей этнической группе	28,9	43,1	20,6	7,3
12. Я хорошо отношусь к своему этническому происхождению.	65,2	30,0	3,3	1,4

Когнитивная составляющая идентичности представлена, прежде всего, знаниями о принадлежности к определенной этнической группе и знаниями о ней (прошлом своего народа, его культуре и т. п.): 69,2 % респондентов согласны с утверждением – «провели много времени, стараясь узнать как можно больше о своей этнической группе, о ее истории, традиции, обычаях». Так, немногим не менее половины опрошенных представителей молодежи (46,9 %) указали, что они, чтобы узнать побольше о своей этнической группе, говорили о ней со многими людьми. Представляется, что именно данный факт внушает определенный оптимизм.

В целом 86,8 % студентов саха хорошо понимают, что значит для них их этническая принадлежность. Нельзя не отметить, что 84,4 % опрошенных молодых людей очень хорошо знают свое этническое происхождение и понимают, что оно значит для них. Значение этих показателей позволяет сделать вывод, что естественное восприятие своего этноса обусловлено тем, что человек его не выбирает. Этническая принадлежность «задается» вместе с рождением, умением говорить на «родном» языке, культурным окружением, в которое он попадает и которое, в свою очередь, «задает» общепринятые стандарты поведения и самореализации личности.

Мы постарались выделить поведенческий компонент этнической идентичности, понимая его как реальный механизм не только осознания, но и проявления себя членом определенного этноса, вовлеченность в его социальную жизнь. Действительно вовлеченность в социальную и культурную практику этнической группы (использование языка, поддержание культурных традиций, участие в социальных и политических организациях) достаточно часто рассматривается в качестве показателя сформированной этнической идентичности.

Национальные традиции помогают чувствовать себя частью своего народа, они необходимы для сохранения народа в целом, подтверждая тем, что системообразующими элементами этноса являются культурные традиции. Так, 78,0 % опрошенных нами респондентов соблюдают традиции своей этнической группы, не соблюдают традиции – 22 %. Для молодых людей должно быть важно знать и соблюдать ритуалы жизненного цикла (обряды, праздники, правила взаимоотношений между представителями своего этноса, принадлежащими к разным ступеням иерархической лестницы), являющиеся культурными образцами, поскольку передаются из поколения в поколение, а также повседневное поведение (манера одеваться, пищевые запреты, правила обстановки в доме и т. д.).

В условиях социокультурной глобализации народы стремятся сохранить внутреннее разнообразие и самобытность своих культурных традиций, накопленного веками культурного наследия. Якутская национальная культура, как и любая другая, призвана стимулировать процессы консолидации народа-саха и обеспечения его жизнедеятельности в условиях многонациональной культуры, а отсюда взаимодействия культур.

Знания о традиционной культуре можно получить через участие в этнокультурных мероприятиях. Это не вызывает сомнения, так как общеизвестно, что сохранению и развитию национальных культур способствуют традиционные народные праздники, деятельность национально-культурных центров, национальных ассоциаций. Каждый седьмой опрошенный (69,2 %) активен в организациях или социальных группах, которые включают преимущественно членов своей этнической группы.

Особенно тревожным является то обстоятельство, что только 28,2 % молодежи саха читают, изучают специальную литературу с целью изучения родного языка и культуры. Такого рода положение дел нельзя считать удовлетворительным. Поэтому мы оставляем под вопросом наличие однозначной связи между тем, кто считает себя индивидом, и тем, как они действуют в реальной жизни, т. е. между этнической идентичностью и этнической вовлеченностью.

Среди деструктивно воздействующих на состояние (динамика) этнических общностей факторов можно назвать утрату молодыми людьми культурных традиций своего народа и своего национального языка; распространение межнациональных браков; снижение интереса к труду в традиционном хозяйстве.

П. Бергер, анализируя современную культурную глобализацию, предложил обратить особое внимание на роль и динамику четырех сил – деловой элиты, клубной культуры интеллектуалов, массовой культуры и массовых общественных движений. Если попытаться ранжировать основные движущие силы по степени их влияния в российском обществе, то наибольшее воздействие оказывает массовая культура по причине наибольшей доступности и широкой распространенности. Но нам больше импонирует мнение Бергера о том, что культурная глобализация не представляет собой ни единственного большого обещания, ни единственной великой угрозы. Две культуры часто переплетаются друг с другом. Сегодня молодые люди «ухитряются каким-то образом одновременно существовать одновременно в двух разных мирах: хотят не остаться в стороне от глобальной деловой культуры, а в личной жизни ориентируются на совершенно иные культурные ценности. Он также отмечает, что «…большая часть массовой культуры носит поверхностный характер – в том смысле, что не оказывает серьезного влияния на взгляды, систему ценностей и поведение населения» [3: с. 11].

Обретение идентичности (как на индивидуальном, так и на общественном уровне) предполагает три вектора духовных усилий личности и общества в целом: воссоединение (или идентификация) со своей историей, прошлым; обретение идентичности в настоящем; видение своего будущего.

Таким образом, социологический опрос выявил в студенческой среде следующие тенденции, относящиеся к национальной самоидентификации:

1. В настоящее время можно утверждать, что студенты саха обладают всеми признаками развитого этнического самосознания: сознанием своей этнической общности, приверженностью к родному языку, территории, национальной культуре.

2. Наиболее важными признаками этнической идентификации выступают: родной язык, близость к традициям культуры народа, внешний облик и семья. По мнению автора, важным фактором является очень близкая структура рангов выбранных компонентов. Этот факт позволяет говорить о том, что этническая идентификация происходит по некой единой схеме, что отсутствуют факторы, ее «размывающие».

3. Абсолютное большинство молодых людей гордятся своей национальной принадлежностью.

4. Молодые саха хотят иметь возможности для своего национального самовыражения и предрасположены к тому, чтобы больше узнавать о культуре, традициях и обычаях своего народа, а также других народов.

5. Включённость студентов саха в этническую культуру нельзя признать высоким.

6. Этничность в любом обществе существует как значимый аргумент социального поведения людей. Одновременно идентичность современного человека далеко не всегда предполагает взаимодействие с группой, она может ограничиваться символическим присвоением этнодифференцирующих признаков.

Институт образования обеспечивает социализацию, инкультурацию, профессиональную подготовку личности, адаптированной к сегодняшним реалиям, но одновременно ориентируясь на возможные грядущие изменения, определяющие «завтрашние» потребности общества исходя из тенденций развивающегося производства и общественной жизни.

Образование обладает огромными возможностями в том, чтобы современная молодежь захотела свою гражданскую идентичность обозначить как россияне, сохраняя при этом свою принадлежность одной или нескольким культурам в зависимости от своего происхождения и места проживания.

Одним из перспективных вариантов исследования этой проблемы и решения задачи социальной стабилизации общества может быть политика взаимного признания, толерантности и равноправия всех культур и народов страны. Именно в этом отношении возрастает роль и влияние этнокультурной составляющей образования в целом, а также идей мультикультурализма, освоение этих идей ведет к открытости, пониманию вклада всех культур в развитие человечества.

Формирование культуры межнационального общения в вузе требует решения проблем мировоззренческого и поведенческого уровня. Учеба в вузе составляет основу духовного становления человека, выступая важнейшим условием овладения им человеческой культурой. Поэтому огромная роль в нем принадлежит организации учебно-воспитательной работы по развитию соответствующего миропонимания, развертыванию толерантных отношений, формированию многонационального коллектива и созданию условий для самореализации личности в нем.

Воспитание толерантного сознания предполагает формирование у каждого человека понимания универсальных человеческих ценностей и моделей поведения, которые помогут ему жить в мире и согласии с самим собой, с другими, природой и обществом. Коммуникативная толерантность представляет собой наблюдаемую и подверженную педагогическому и воспитательному воздействию форму проявления установок толерантного сознания.

Именно образование, в том числе и высшее, способствует гармонизации взаимоотношений между различными этническими группами в полиэтническом государстве. Национальная идея России в XXI в. должна формироваться и реализовываться как образование, обеспечивающее сохранение и трансляцию этнических культур, которые являются фактором устойчивого развития российской нации и государственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баранова, В.В.* Язык и этническая идентичность. Урумы и румеи Приазовья / В.В. Баранова. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010.

2. *Бек, У.* Космополитическое общество и его враги / У. Бек // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Том VI. – № 1.

3. *Бергер, П.* Культурная динамика глобализации : пер. с англ. // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. – М., 2004.

4. *Борисова, У.С.* Этнокультурное образование: историко-социологический анализ : дис. …. на соискание учен. степ. д-ра социол. наук / У.С. Борисова. – СПб.: СПбГУ, 2006.

5. *Дробижева, Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России / Л.М. Дробижева. – М., 2003.

6. *Марков, Б.В.* Лицо: национальное и общечеловеческое // Человек: соотношение национального и общечеловеческого : сб. матер. межд. симпозиума. Вып. 2 / под ред. В.В. Парцвания. – СПб.: Санкт-Петербург. филос. общество, 2004. – С. 171–176.

7. Образовательно-информационный сайт «Теория и практика толерантности» www.psytolerance. info.

8. *Стефаненко, Т.Г.* Этнопсихология: учебник / Т.Г. Стефаненко. – М., 1999.

9. *Тишков, В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии / В.А. Тишков. – М., 2003.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ОФИЦЕРОВ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ГОДЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Н.П. Бучко

Бучко Николай Петрович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель учебно-научного подразделения Хабаровского пограничного института ФСБ России.

Контактный адрес: buchko65@mail.ru

С началом образования белых сил на Востоке России особое место в этом процессе занимали подпольные военные организации и войсковые отряды.

Эсеровские идеи в офицерскую среду сибирских войск были привнесены их соратниками из Народной армии, сформированной Комучем. Политическая позиция проэсеровски настроенных офицеров определялась партийными установками на демократические преобразования в стране, созыв Учредительного собрания, доминирование земского управления, неприятие диктатуры.

После прихода к власти адмирала А.В. Колчака официальный Омск провозгласил лозунг «Армия вне политики». Однако предпринимавшиеся меры не смогли устранить наличия различных политических пристрастий в офицерской среде армии верховного правителя.

В промонархической среде были сторонники установления в условиях Гражданской войны военной диктатуры, которая рассматривалась как первоначальный этап на пути восстановления монархии в России.

Либеральные идеи, провозглашенные Февральской революцией, имели определенное влияние на белых офицеров региона. По мысли российских либералов, в стране в будущем мог быть оформлен политический строй, который стал бы симбиозом конституционной монархии и президентско-парламентской демократии.

Особый интерес представляет вопрос о наличии в офицерских кругах антибольшевистских сил на Востоке России тех, кто в последствии принял коммунистические идеи. Конечно, представляется нереальным, что среди офицеров белых сил в регионе были открытые сторонники большевизма. Однако известно, что прокоммунистические взгляды не были чужды части офицерского корпуса антибольшевистских сил Сибири и Дальнего Востока.

Таким образом, политические воззрения офицерского состава антибольшевистских вооруженных формирований в Гражданской войне на Востоке России были многовекторными. Это отражало состояние российского общества, переживавшего время политического соперничества между непримиримыми противниками, выразившееся в военном противостоянии, которое ослабило страну, нанесло ей непоправимый ущерб. Все это, а также реставрационная по сути политика Колчака способствовали развалу антибольшевистского политического фронта.

Ключевые слова: офицерский корпус, вооруженные формирования, армия, антибольшевистские силы, политические партии.

Офицерский корпус русской армии являлся важнейшим социальным институтом российского общества. Российское офицерство осознавало свое привилегированное положение, которое к началу XX в. формировалось уже не только в силу родового происхождения, а исходя из социального статуса офицера в обществе.

Участие в Первой мировой войне, гибель кадровых офицеров предопределили восполнение командных кадров новыми людьми. К осени 1915 г. в пехотных полках действующей армии осталось всего от 10 до 20 % кадрового состава [16: с. 146]. Уже в конце 1917 г. в пехотных полках русской армии только около 4 % офицерского состава имели подготовку в объеме военного училища [24: с. 2].

С началом войны изменились и подходы к комплектованию офицерских кадров русской армии. Восполнение кадрового состава офицеров низового звена реализовывалось через привлечение в их ряды наиболее подготовленных унтерофицеров, представителей разночинной интеллигенции, имевших необходимый уровень военных знаний и умений. Если к началу мировой войны выходцы из дворян составляли около 70 %, то уже к февралю 1917 г. их представительство было менее 10 % [9: с. 33; 44: с. 55]. Дворянским офицерский корпус русской армии продолжал оставаться только на уровне штаб-офицеров и генералитета [3: с. 47]. Проблему потери кадрового состава обостряло прекращение в годы войны процесса подготовки высшего офицерского состава в военных академиях [7: с. 130–135].

Следствием такого изменения социального состава офицерских кадров стала трансформация политических воззрений части офицеров русской армии от монархических к либеральным и социалистическим. Атаман Забайкальского казачьего войска Г.М. Семенов в воспоминаниях отмечал, что

офицеры военного времени свою роль в армейской среде понимали довольно своеобразно, внедряя в головы подчиненных «освободительные идеи революционной догматики» [1: с. 35]. По мнению еще одного из организаторов белой борьбы на Востоке России генерала В.Е. Флуга, это стало возможно по причине отсутствия противодействия со стороны основной массы офицерства революционным тенденциям в стране и разложению армии [45: с. 287].

Подтверждением приведенных слов являются данные о вовлечении представителей армии в Петрограде в революционные события февраля-марта 1917 г.: 26 февраля – участвовало 600 чел., 27 февраля – 67 тыс. чел., 28 февраля – 12 тыс. чел., 1 марта – 170 тыс. чел. [29: с. 145] Именно позиция армии (а точнее, части демократического лагеря революции) стала одной из главных причин победы Февраля. Исключением, пожалуй, явилось выступление генерала Л.Г. Корнилова и его сторонников, стремившихся к установлению военной диктатуры в России.

Разнообразие формирующихся политических позиций российских офицеров не было чем-то исключительным для России 1917 г. По мнению историка русского зарубежья С.П. Мельгунова, офицерство военного времени, будучи демократическим по характеру, имело различные политические симпатии, как и все российское общество [30: с. 202].

Вместе с тем именно в период между Февралем и Октябрем 1917 г. в армейской среде шло формирование общественно-политических настроений, выразившихся в несогласии с курсом демократических реформ новой власти, что стало основой зарождения Белого движения [43: с. 16]. Одним из его основателей, как уже отмечалось, были генерал Л.Г. Корнилов и его соратники.

С началом образования белых сил на Востоке России особое место в этом процессе занимали подпольные военные организации и войсковые отряды. Инициатором создания подпольных групп являлись, как правило, офицеры или представители политических партий и групп широкого спектра: от монархистов до эсеров.

Процесс консолидации антибольшевистских сил в Сибири получил развитие в деятельности созданного Сибирской областной думой под контролем эсеров и областников правительства. Военное министерство в нем возглавил эсер А.А. Краковецкий [8: с. 86]. Опасаясь арестов со стороны большевиков, часть членов правительства перебралась в Харбин, где во главе с эсером П.Я. Дербером было создано Временное правительство автономной Сибири (ВПАС). В Сибири же создавались комиссариаты, основной задачей которых была подготовка к свержению большевиков, для чего предполагалось создание подпольных вооруженных групп [17: с. 100].

По решению ВПАС в Томске образовывался Западно-Сибирский комиссариат во главе с эсером, штабс-капитаном А. Фризелем, а в Иркутске – Восточно-Сибирский, который возглавил эсер, прапорщик Н. Калашников (в последствии штабс-капитан) [8: с. 92, 94; 33: с. 58; 36; 34: с. 232–233, 239, 285]. По разным данным в составе подпольных антибольшевистских групп в Западной Сибири: в Семипалатинске, Омске, Томске, Новониколаевске, Барнауле, Бийске, Красноярске, Иркутске, на ст. Тайга насчитывалось от 7 до 13 тыс. чел. [33: с. 7; 34: с. 85]. Выполняя решения правительства, подпольщики смогли наладить функционирование гражданских и военных структур, действовавших скоординированно [47: с. 256].

Правда, эта работа имела и ряд трудностей. Офицерство, настроенное, как правило, промонархически, старалось уйти от эсеровской опеки. Эмиссары Добровольческой армии – генерал В.Е. Флуг и подполковник В.А. Глухарев, направленные в регион по распоряжению Л.Г. Корнилова, прибыли для организации и инспекции уже созданных антибольшевистских сил и рассчитывали освободить подпольные группы от опеки эсеровских ячеек и добиться подчинения подпольщиков влиянию местных несоциалистических групп, преимущественно кадетских, при финансовой поддержке буржуазных слоев [46: с. 230–243].

Эсеровские идеи в офицерскую среду сибирских войск были привнесены их соратниками из Народной армии, сформированной Комучем. Политическая позиция проэсеровски настроенных офицеров определялась партийными установками на демократические преобразования в стране, созыв Учредительного собрания (выборы в которое прошли в 1917 г.), доминирование земского управления, неприятие диктатуры.

В Сибири эсеры пользовались популярностью не только среди крестьянства, казачества, демократической интеллигенции, служащих, у части рабочих, но и у многих офицеров армии и флота. Популярность эсеровских идей основывалась на активной пропаганде их лозунгов в широких слоях населения, контроле ими сибирской кооперации и земства, народных традициях, духовных приоритетах и особенностях политической культуры России [26: с. 25, 29, 34, 49]. И неудивительно, что уравнительно-демократические лозунги эсеров вызывали симпатии у населения, в том числе и в разночинной офицерской среде. А разгром Учредительного собрания, подписание Брестского мира большевиками лишь усилили эту тенденцию и привели эсеров в лагерь приверженцев антибольшевизма.

Отвергнув колчаковскую диктатуру, приверженцы проэсеровской линии выступали против нее. Это выразилось в заговоре, в котором участвовали атаман Первого округа Оренбургского казачьего К.Л. Каргин и командующий Актюбинской группы Генерального штаба полковник Ф.Е. Махин. Однако планы заговорщиков были раскрыты, а сами они были привлечены к дисциплинарной ответственности [25: с. 190].

Военные неудачи колчаковской армии лета 1919 г. предопределили уход с передовых позиций конно-егерского дивизиона имени Учредительного собрания, которым командовал один из бывших руководителей Комуча Б.К. Фортунатов. В его планах было образование нового антибольшевистского фронта [6: с. 115].

В конце 1919 г. эсеровский мятеж против Колчака во Владивостоке возглавил смещенный со своего поста бывший командующий Сибирской армии генерал Р. Гайда [13: л. 2]. В самой Сибирской армии с декабря 1918 г. по июль 1919 г. была сформирована подпольная офицерская группа проэсеровской направленности. В ее составе были Н.С. Калашников (возглавивший впоследствии антиколчаковское выступление в Иркутске в январе 1920 г.), обер-квартирмейстер штаба Северной группы войск подполковник К.Л. Кононов и др. [42: с. 33].

По оценке кадета Н.И. Астрова господство эсеровской идеологии в подпольных антибольшевистских группах в Сибири было обусловлено сильным влиянием этой партии, в отличие от Юга России, где около 80 % офицерского состава были выразителями монархических взглядов, поскольку многие были представителями помещичьих слоев и склонялись к идее реставрации монархии [4: с. 58 – 62; 11: л. 1; 12: л. 1; 49: с. 4].

Проэсеровский характер сибирских групп не мешал входить в них тем военным, которые не разделяли взглядов своих партийных кураторов. В Томске такую организацию возглавлял промонархически настроенный полковник Н.Н. Сумароков [14: л. 272; 27: с. 116], в Челябинске – подполковник С.Н. Войцеховский [10: с. 75].

После свержения советской власти в Сибири летом 1918 г. Западно-Сибирский комиссариат принял на себя полномочия верховной власти в регионе и приступил к формированию воинских структур, противостоявших РККА. В составе Комиссариата был военный отдел, главой которого стал подполковник А.Н. Гришин-Алмазов [15: с. 67; 40; 41]. Функции отдела были возложены на штаб Западно-Сибирского военного округа. В конце мая 1918 г. А.Н. Гришина-Алмазова назначили командующим войсками сформированного военного округа [18: с. 120]. Штаб округа возглавил полковник П.П. Белов, а 12 июня 1918 г. окружная структура была переименована в штаб Западно-Сибирской отдельной армии. Уже в начале июня 1918 г. А.Н. Гришин-Алмазов смог добиться совмещения функций военного управления и непосредственного руководства армией. 13 июня он вступил в командование войсками Западно-Сибирской армии. В приказе по армии № 14 от 30 июня 1918 г. Гришин-Алмазов отметил, что армия не станет «вмешиваться в политику», будет стоять вне каких бы то ни было партий и классов [37: л. 10].

Западно-Сибирский комиссариат продержался у власти до конца июня 1918 г., а 1 июля передал власть «Кабинету пяти», сформировавшему Временное Сибирское правительство (ВСП) во главе с П.В. Вологодским [28: с. 99]. Активная роль А.Н. Гришина-Алмазова в создании антибольшевистских военных сил в регионе была учтена при формировании военного руководства ВСП, где он занял должность управляющего военным министерством.

Временное сибирское правительство 23 августа 1918 г. приняло постановление «Об устранении армии от участия в политической жизни». С одной стороны, в офицерской среде преобладали идеи верности принятой присяге на верность Отечеству и монархии, пусть даже она и не смогла удержать политическую ситуацию в стране под контролем. С другой стороны, в общественно-политических кругах в регионе господствовали эсеровские лозунги, которые были не чужды солдатам Чехословацкого корпуса, сыгравшего решающее значение в победе антибольшевистских сил на Востоке России весной и летом 1918 г.

С созданием вооруженных сил антибольшевистских режимов в Сибири и на Дальнем Востоке стали окончательно оформляться и политические ориентиры офицеров.

После прихода к власти адмирала А.В. Колчака официальный Омск провозгласил лозунг «Армия вне политики» [35; 38]. Стремясь, как и ВСП сделать армию послушным инструментом своей политики, колчаковский Совет министров 4 марта 1919 г. отменил постановление Временного сибирского правительства от 23 августа 1918 г. и установил «ограничения для военнослужащих по участию в политической и общественной деятельности»: запрет на участие в политических объединениях, в политических акциях, работу в городских и земских учреждениях, занятия литературной деятельностью без разрешения вышестоящего командования [21: с. 433–434].

Однако предпринимавшиеся меры не смогли устранить наличия различных политических пристрастий в офицерской среде армии Верховного правителя. Характеризуя политические позиции офицерского корпуса антибольшевистских сил на Востоке России, необходимо отметить, что за го-

ды Гражданской войны численность офицеров в Сибири составляла около 23–25 тыс. чел., из которых около 6 тыс. получили офицерские звания в 1918–1922 гг. [4: с. 58; 49: с. 4, 148]. Эти данные позволяют лучше понять основы политических воззрений офицерского состава антибольшевистских армий.

Большая часть офицеров прошла Первую мировую войну, часть из них стали офицерами еще до ее начала, и, как правило, занимали ведущие руководящие позиции. Именно в этих рядах были сторонники старой, монархической России. Последователями монархических идей были А.П. Будберг, М.К. Дитерихс, А.И. Дутов, В.И. Волков, П.П. Иванов-Ринов, В.О. Каппель, В.М. Молчанов, К.В. Сахаров, Д.В. Филатьев, М.В. Ханжин и др. По мнению В.Е. Волкова, в составе этой политической группы можно выделить как радикальное, так и умеренное крыло сторонников абсолютной и конституционной монархии [6: с. 110, 112].

Промонархически настроенное офицерство понимало, что в условиях падения авторитета царизма и собственной слабости, необходимость борьбы с большевизмом обязывала их мириться на первоначальном этапе с проэсеровскими режимами, но впоследствии они стремились к устранению правосоциалистических правительств [23: с. 168].

Именно в промонархической среде были сторонники установления в условиях Гражданской войны военной диктатуры, которая рассматривалась как первоначальный этап на пути восстановления монархии в России. Политическими врагами здесь считали эсеров и большевиков, не останавливаясь даже перед террором по отношению к ним. Расправы не только с рабочими, но и с эсерами и меньшевиками, проведенные правыми офицерскими кругами в 20-х числах сентября 1918 г. в Томске и Омске, в ноябре и декабре 1918 г. в Томске, еще более рельефно отразили реальную силу приверженцев царской России [22: с. 84–86; 23: с. 176].

О наличии в колчаковской армии сторонников монархических идей свидетельствуют и дневниковые записи генерала А.П. Будберга, который отмечал, что восстановление генералами М.К. Дитерихсом, Б.Р. Хрещатицким и др. гвардейского корпуса под видом стратегического резерва, расценивалось некоторыми представителями Ставки как подготовка будущего монархического переворота [2: с. 310]. Именно промонархические офицерские круги высказывались за военную диктатуру. Однако такого рода намерения противоречили заявлениям Колчака после переворота 18 ноября 1918 г. [23: с. 169; 31: с. 252].

Либеральные идеи, провозглашенные Февральской революцией, имели определенное влияние на белых офицеров региона. Среди них были генералы В.Г. Болдырев, Н.Н. Головин и др. На словах им были близки либерально-буржуазные политические взгляды адмирала А.В. Колчака, которые он подтвердил и на допросе в Иркутске, заявляя о принятии Февральской революции, которая, по его мнению, способствовала подъему народного энтузиазма, направленного на победоносное завершение войны [19: с. 283, 284, 380].

Идеи либерализма формировались на платформе программных заявлений конституционно-демократической партии. В 1918 г. ЦК партии для организации антибольшевистской борьбы отправил в Сибирь группу, в составе которой находился и будущий министр внутренних дел, а затем и премьер-министр колчаковского правительства В.Н. Пепеляев. Итогом работы группы стало создание Восточного отдела ЦК партии, который и возглавил В.Н. Пепеляев.

По мысли российских либералов, в стране в будущем мог быть оформлен политический строй, который стал бы симбиозом конституционной монархии и президентско-парламентской демократии. В качестве переходной меры к буржуазно-либеральной России кадеты видели военную диктатуру. Сразу после Февраля 1917 г. на VII съезде партии они отказались от идеи конституционной и парламентской монархии и сформулировали лозунг о демократической парламентской республике, однако, уже через год заявляли о необходимости восстановления в России «законоприемлемой монархии» [20: с. 178]. Одобрили они и военную диктатуру Колчака, рассматривая ее переходный период на пути построения новой государственности [48: с. 93–95].

Были ли идеи либерализма доминирующими среди офицерства антибольшевистских сил в Сибири? Занимая ведущие позиции на официальной сцене, либеральные лозунги, по всей видимости, для многих офицеров были скорее идеологической вывеской, нежели реальным политическим выбором.

Особый интерес представляет вопрос о наличии в офицерских кругах антибольшевистских сил на Востоке России тех, кто в последствии принял коммунистические идеи. Конечно, представляется нереальным, что среди офицеров белых сил в регионе были открытые сторонники большевизма. Однако известно, что прокоммунистические взгляды не были чужды части офицерского корпуса антибольшевистских сил Сибири и Дальнего Востока.

В белой армии были и те, кто когда-то был на службе в Красной армии, придя туда по различным мотивам. Среди них были и офицеры, проходившие обучение в Академии генерального штаба, возглавляемой тогда генералом А.И. Андогским, и перешедшей первоначально на службу советской власти. Правда, справедливости ради необходимо отметить, что в дальнейшем сам Андогский способ-

ствовал тому, чтобы Академия влилась в состав антибольшевистских сил.

Однако часть генералов и выпускников Академии продолжила службу в Красной армии [5: с. 19]. Выступавший за Учредительное собрание полковник Ф.А. Богданов, в сентябре 1919 г. перешел со своей бригадой на сторону РККА.

В частях колчаковской армии имели место и другие факты, когда младшие офицеры группами переходили на сторону противника [25: с. 190]. Интересен эпизод, приведенный в книге генерала К.В. Сахарова «Белая Сибирь. Внутренняя война 1918–1920 гг.», где автор повествует о выступлении по поручению Верховного правителя в Омском городском театре перед офицерами тыла командующего дивизией полковника Котомина. Офицер до этого служил в Красной армии и командовал бригадой. По ходу речи оратора, наряду с негативной реакцией, были и возгласы сочувствия и одобрения рассказа о положении дел в стане противника [34: с. 161–162].

Таким образом, политические воззрения офицерского состава антибольшевистских вооруженных формирований в период Гражданской войны на Востоке России были многовекторными. Это отражало состояние российского общества, переживавшего время политического соперничества между непримиримыми противниками, выразившееся в военном противостоянии, которое ослабило страну, нанесло ей непоправимый ущерб. Все это, а также реставрационная по сути политика Колчака способствовали развалу антибольшевистского политического фронта.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Атаман Семенов. О себе: воспоминания, мысли и выводы. – Харбин, б.и. 1938. – 136 с.

2. Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Кн. 14: Белый Восток. А.П. Будберг. Дневник. Часть первая. – М.: Российский государственный гуманитарный ун-т, 2003. – 558 с.

3. *Бескровный, Л.Г.* Армия и флот в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала / Л.Г. Бескровный. – М.: Наука, 1986. – 238 с.

4. *Войнов, В.Г.* Офицерский корпус белых армий на востоке страны / В.Г. Войнов // Отечественная история. – 1994. – № 6. – С. 51–64.

5. *Войтиков, С.С.* Отечественные спецслужбы в Красной армии. 1917–1921 / С.С. Войтиков. – М.: Вече, 2010. – 464 с.

6. *Волков, Е.В.* Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования: монография / Е.В. Волков. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001. – 336 с.

7. *Волков, С.В.* Русский офицерский корпус / С.В. Волков. – М.: Воениздат, 1993. – 368 с.

8. Временное правительство автономной Сибири / предисл. В.В. Максакова // Красный архив. – 1928. – Т. 4 (29). – С. 86–138.

9. *Гаркавенко, Д.А.* Социальный состав вооруженных сил России в эпоху империализма / Д.А. Гаркавенко // Революционное движение в русской армии в 1917 году: сб. статей. – М.: Наука, 1981. – С. 30–45.

10. *Гармиза, В.В.* Крушение эсеровских правительств / В.В. Гармиза. – М.: Мысль, 1970. – 294 с.

11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5827. Оп. 1. Д. 46. Л. 1 (Письмо А.С. Лукомского А.И. Деникину от 14/27 – V. – 1918 г.).

12. ГАРФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 549. Л. 1 (Письмо Н.И. Астрова А.С. Белоруссову).

13. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-44. Оп. 1. Д. 172. Л. 2 (Политическая программа гайдовской группы во Владивостоке).

14. ГАХК. Ф. П.-44. Оп. 1. Д. 365. Л. 272 (Заявление Временного правительства автономной Сибири от 12 июля 1918 г. по заявлению Хорвата к населению).

15. *Гинс, Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 / Г.К. Гинс. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 672 с.

16. *Головин, Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне / Н.Н. Головин. – Жуковский, М.: Кучково поле, 2001. – 440 с.

17. Гражданская война в Сибири и Северной области. (Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев). Сост. С.А. Алексеев. Под ред. и с предисл. Н.Л. Мещерякова. М.-Л., Гос. изд., 1927. XIX + 480 с.

18. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений, ноябрь 1917 г. – август 1922 г. Т. 1. – М.: Наука, 1973. – 561 с.

19. Допрос Колчака (Протоколы заседаний чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака 21 января – 6 февраля 1920 г.) // Арестант пятой камеры. – М.: Политиздат, 1990. – 479 с.

20. *Думова, Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.) / Н.Г. Думова. – М.: Наука, 1982. – 416 с.

21. *Зимина, В.Д.* Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны / В.Д. Зимина. – Волгоград: Изд-во ВАГС, 1997. – 485с.

22. *Иоффе, Г.З.* Колчаковская авантюра и ее крах / Г.З. Иоффе. – М.: Мысль, 1983. – 294 с.

23. *Иоффе, Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции / Г.З. Иоффе. – М.: Наука, 1977. – 319 с.

24. *Кавтарадзе, А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. / А.Г. Кавтарадзе. – М.: «Наука», 1988. – 280 с.

25. *Константинов, С.И.* Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала, и Сибири в годы Гражданской войны / С.И. Константинов. – Екатеринбург: ИРА УТК, 1997. –314 с.

26. *Кузьмин, В.Л.* Эсеры и меньшевики на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны 1917–1922 гг. / В.Л. Кузьмин, Ю.Н. Ципкин. – Хабаровск: Изд-во ХГПУ и ДВГУПС, 2005. – 222 с.

27. *Ларьков, Н.С.* Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть / Н.С. Ларьков. – Томск: Издание Томс. ун-та, 1995. – 252 с.

28. *Лившиц, С.Г.* Временное Сибирское правительство (июль – ноябрь 1918 г.) / С.Г. Лившиц // Вопросы истории. – 1979. – № 12. – С. 98–107.

29. *Лопатин, В.* Армия в Гражданской войне / В. Лопатин // Октябрь. – 1993. – № 9. – С. 143–153.

30. *Мельгунов, С.П.* Трагедия адмирала Колчака. В 2 кн. Кн. 1: Части I, II / С.П. Мельгунов; предисловие А.С. Кручинина. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 576 с.

31. *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. В 2 книгах. Кн. 2. Часть III / С.П. Мельгунов. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 496 с.

32. *Новиков, П.А.* Иркутск в огне Гражданской войны / П.А. Новиков // Иркутск: события, люди, памятник : сб. ст. по мат. жур. «Земля Иркутская» / сост. А.Н. Гаращенко. – Иркутск: Оттиск, 2006. – С. 120–139.

33. «Памятная дата» // Вольная Сибирь: Общественно-экономический сборник (Прага), – 1928. – № 3. – С. 3–8.

34. *Познанский, В.С.* Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. / В.С. Познанский. – Новосибирск: Наука, 1973. – 307 с.

35. Правительственный вестник. – 1918. – 23 ноября.

36. Правительственный вестник. – 1919. – 10 июля.

37. Российский государственный военный архив. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 256. Л. 10 (Приказы войскам Западно-Сибирской (Сибирской) армии. №№ 1 – 172).

38. Русская армия. – 1919. – 24 апреля.

39. *Сахаров, К.В.* Белая Сибирь. Внутренняя война 1918 – 1920 гг. / К.В. Сахаров. – Мюнхен, б.и. 1923. – 325 с.

40. Сибирская жизнь. – 1918. – № 40. – 20 июня.

41. Сибирский вестник. – 1918. – № 21.

42. *Ситников, М.Г.* Пермский период в жизни генерала Радолы Гайда / М.Г. Ситников // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). – 2000. – № 14. – С. 28–48.

43. *Слободин, В.П.* Белое движение в годы Гражданской войны в России (1917–1922 гг.) / В.П. Слободин. – М.: МЮИ, 1996. – 80 с.

44. *Устинкин, С.В.* Трагедия белой гвардии / С.В. Устинкин. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 1995. – 408 с.

45. *Флуг, В.* Высший командный состав / В. Флуг // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. – М.: Военный университет. Русский путь, 2000. – С. 262–288.

46. *Флуг, В.Е.* Генерал-лейтенант Д.Л. Хорват и политика держав на Дальнем Востоке в 1918 году / В. Флуг // Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 – октябрь 1918 г.): Документы и материалы. – Владивосток: ИИАЭН ДВО РАН, 1997. – С. 230–243.

47. *Флуг, В.Е.* Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году / В.Е. Флуг // Архив Русской революции. Т. IX. – Берлин, 1923. – С. 243–304.

48. *Хандорин, В.Г.* Эволюция взглядов сибирских кадетов по вопросу о власти в период революции и гражданской войны / В.Г. Хандорин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – СПб. – 2010. – № 126. – С. 88–100.

49. *Эйхе, Г.Х.* Опрокинутый тыл / Г.Х Эйхе. – М.: Воениздат, 1966. – 384 с.

ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ В АМУРСКОЙ ДЕРЕВНЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

О.Б. Вакуленко

Вакуленко Ольга Борисовна – доцент кафедры гуманитарного образования Амурского областного института развития образования (г. Благовещенск).

Контактный адрес: Vakulenko_Olga@mail.ru

Статья посвящена проблеме общинного землепользования в Приамурье начала XX века. Ввиду отсутствия в регионе помещичьего землевладения общинное землепользование имело ряд характерных особенностей, которые отсутствовали в европейской части России: отсутствие у крестьян права выйти из общины; «круговая порука»; неотчужденность наделов; высокое податное обложение крестьянской земли.

В статье раскрывается аспект возникновения амурской общины как поземельной единицы, который иногда связывают с появлением уравнительных переделов земли. Отсутствие переделов в условиях господства захватного права не отрицает известной роли общины в земельных отношениях крестьян. В переделах и сопутствующих им отношениях и явлениях, поземельные функции общины нашли наиболее яркое и полное выражение. В период формирования поземельной общины ее регулирующая деятельность проявлялась в других формах: в установлении порядка совместного пользования некоторыми угодьями, решении земельных споров между крестьянами. Сельская община занималась всеми земельными делами, здесь общинные порядки выражались в существовании общих выгонов для скота, в ежегодных переделах покосных угодий по паям, в нераздельном пользовании полями (пастбищами) и лесами. Влияние общины не могло не сказаться на актах отчуждения и аренды земли.

В статье анализируется сословный характер землепользования в Приамурье, о чем свидетельствуют различные нормы земельного надела для старожилов, новоселов и казаков. Феодальных пережитков, которые бы тормозили развитие сельского хозяйства, как в Европейской России, в Приамурье не было. Отсутствие помещичьего землевладения и крупной частной собственности на землю способствовали сохранению заимочно-захватной системы землепользования, что способствовало быстрому росту капитализма в амурской деревне. Все это обусловило своеобразие развития аграрных отношений в Приамурье.

Ключевые слова: Приамурье, старожилы, новосёлы, крестьянская община, передел земли, захватное землепользование.

После отмены крепостного права в 1861 г. четыре пятых всех земель России оказались в общинном землепользовании. Крестьяне получили право пользования, а не право владения наделами. Сформированный веками общинный уклад являлся удобным способом защиты от всех трудностей сельской жизни, неурожаев, стихийных бедствий. Большинство крестьян-общинников продолжали рассматривать общину как нечто вечное и справедливое. За сохранение общинного землевладения выступали и те, кто видел в общине силу, способную предотвратить развитие капитализма в России. В основе миропонимания крестьян лежала вера о то, что земля – Божье достояние и должна использоваться «побожески», поэтому, с точки зрения амурских крестьян-старожилов, это означало, что каждый мог взять себе столько, сколько мог обработать, а в случае новоселов – ее справедливое перераспределение.

Изучение вопроса общинного землепользования на территории Приамурья выразилось в обсуждении отечественными учеными данной темы на страницах книг, монографий, журналов. В дореволюционной литературе это представлено работами П.Ф. Унтербергера, А.А. Меньщикова и С.П. Швецова. В период советской историографии выделяются работы А.И. Крушанова, Н.И. Рябова и М.Г. Штейна, М.И. Старкова, В.М. Кабузана, Е.П. Сычевского, которые уделяют внимание процессу формирования основных групп сельского населения и характеру аграрной политики правительства в Приамурье. В современный период осмысления истории дальневосточного крестьянства исследования Ю.В. Аргудяевой, Н.А. Шиндялова, Ю.Н. Осипова, М.А. Ковальчука, А.А. Тесля внесли вклад в разработку рассматриваемой проблемы.

В статье исследуется проблема общинного землепользования в Амурской области начала XX в. Амурская область рассматривается в дореволюционных границах, так как основной земледельческий район Приамурского края располагался именно на территории данной области.

Господствующей формой землепользования в амурской деревне, так же как и на территории всей России, была общинная. Выгоны во всех обществах находились в нераздельном мирском пользовании. Пахотной землей каждый общинник мог пользоваться на правах захвата в таких размерах, в каких он мог ее обработать. Покосами, хотя они в некоторых общинах уже в девяностые годы XIX в. начали подвергаться переделам, в большинстве случаев также пользовались на правах захвата. Усадебные места состояли в подворно-наследственном владении отдельных хозяев [5: с. 23].

Не менее 15 семейств составляли сельское общество и получали земельный отвод для внутриобщинного распределения. Прибыв в Амурскую область до 1900 г., переселенцы выбирали себе участок земли и начинали его распахивать. Этим они закрепляли свое право на последующую обработку участка. Никто другой уже не мог на него

претендовать [9: с. 37]. Эти участки назывались заимками. Заимку себе переселенцы выбирали, не считаясь с размерами положенного им по закону земельного надела в 100 десятин на семью, и иногда сразу в нескольких местах, вперемешку с другими заимками. Обширность земель, неравнозначность их качества побуждали старожилов вести хозяйство заимочно-захватническим способом. Трудности первоначальной разработки пашни и постепенность заселения участков, наряду с возможностью пользоваться землей любой группой уже водворившихся крестьян, оказали большое влияние на всю жизнь амурского земледельческого населения.

Старожилы внесли в земельный строй Приамурья право первого захвата, которое положило начало привилегированному положению ранее вселившихся. Тот, кто первым захватил участок, имел на него право даже в том случае, если он не обрабатывал землю, а только сделал заметки. Это право могло быть продано. «Такой порядок купли-продажи усадебных и полевых земель вкоренился в обычай у местных жителей, и он, несмотря на то что подобные сделки незаконны, все-таки продолжает существовать» [4: л. 2]. В пределах общинного надела богатые крестьяне практически свободно захватывали необходимое им количество земли. Так, например, крестьяне Чечелов (с. Райчиха) и Самсонов (с. Анновка) захватили по 500 десятин общинной земли. Таким образом, вновь вступившим в общину крестьянам приходилось строить заимки на отдаленных от селения участках [16: с. 20].

Поэтому неудивительно, что новоселы, причисляемые к старожильческим обществам, с самого начала оказывались в тяжелом положении. Когда новосельческие семьи, зачисленные в старожильческую деревню, приходили на место водворения, то прежде чем приступить к обустройству своего хозяйства, им по несколько раз приходилось обращаться к властям об отводе усадебного места. Но так как все лучшие места уже были захвачены, то новоселам усадьбы отводились или в низинах, или почти в болоте. Старожилы же в это время ставили всяческие препятствия к водворению новоселов.

Если в знак протеста новоселы отказывались платить повинности, налагаемые на общество, чтобы тем самым заставить старожилов дать им землю, то взыскание повинностей с новоселов шло путем продажи их имущества. В результате новоселы вынуждены были оставить старожильческую деревню и уйти на переселенческие участки.

Вначале общины в Амурской области не вмешивались в земельные отношения своих членов. Земли было много, и каждый пахал, где и сколько мог. Но это продолжалось недолго. В Приамурье сложилась залежная система полеводства, основанная на использовании плодородия почв, которые при однообразном зерновом производстве и при все увеличивающихся распашках требовали запаса целинных земель, вскоре истощившегося [6: с. 242]. В результате во многих селениях наделы, которые были отведены с расчетом на будущих переселенцев, оказались поделенными еще задолго до полного заселения. В селении Александровском крестьянин Кутилов, у которого семья состояла из 33 душ мужского пола, производил распашку до 300 десятин. Захватив увал, он выпахал его и затем бросил. Нераспаханной земли в деревне не осталось. Крестьяне брали в аренду междугранок, но постепенно и его полностью вспахали, и целинной земли в селении не осталось. Вспаханную землю каждый оставлял за собой в течение трех лет. Только по истечении этого срока землей мог воспользоваться другой, если прежний хозяин не приступал к ее обработке [11: с. 166].

Администрация области между тем продолжала направлять в такие селения переселенцев, которые не находили себе хлебных земель. Сенатор А.И. Иваницкий отмечал: «Основой земельных отношений в этих обществах является закрепленное обычаем право каждого засельщика захватывать в свое пользование по собственному усмотрению то количество земли, которое он считает принадлежащим ему лично. При таком порядке первые и наиболее сильные засельщики участков, захватывая все лучшие по качеству угодья, находятся несравненно в более выгодном положении, чем переселенцы позднее прибывающие на участок» [8: с. 41–42].

Получался парадокс, когда переселенцы не находили себе земли при земельном просторе. Это вызывало недоразумения и породило серьезные жалобы на заимочно-захватнический способ ведения хозяйства старожилами. В результате в общинах началась сначала глухая, а затем и открытая вражда между старожилами и позднее переселившимися, которые требовали уравнять земли и отобрать излишки от старожильческих заимок. В отдельных селениях Амурской области в девяностых годах XIX века община начала активно вмешиваться в вопросы землепользования, появились первые ограничения захватного землепользования [14: с. 3–4]. Прежде всего, они коснулись залогов (нови), распашка которых была ограничена. Этими действиями община ограничила права отдельных домохозяев на необрабатываемые земли, затем возник вопрос о необходимости регулирования размеров земельных участков и переходе к общему уравнительному переделу земли.

Прежде чем приступить к разрешению вопроса о разделе, обычно собирались несколько сходок, которые нередко заканчивались побоищем.

Требование о переделе земли, как мы уже отмечали выше, выдвигали недавно поселившиеся. Поселившиеся ранее старожилы, которые обладали лучшими по качеству землями и большим их количеством, выступали за сохранение существовавшего порядка землепользования. А так как вселившиеся ранее старожилы обладали не только эконо-

мическим, но и политическим влиянием в общине, то чаще всего они брали верх.

К переделу земли можно было приступить только тогда, когда за него выскажется 2/3 членов общины [15: с. 7]. Добиться этого было очень непросто. Так, в селении Белоярово старожилы захватили лучшие земли и не позволяли их распахивать водворяющимся. Прибывающим переселенцам старожилы сдавали в аренду выпаханные земли по цене 5–7 рублей за десятину или земли для распашки отводили в 15–17 верстах от селения. Такое положение вынуждало переселенцев уходить из Белоярово на новые земли. Передел земли здесь не мог осуществиться, потому что большинство населения составляли старожилы, не заинтересованные в изменении порядка землепользования [10: л. 127 об].

Стремясь не допустить переделов, старожилы шли на различного рода ухищрения. Так, сход села Дмитриевка в июне 1913 г. вынес решение разделить пустующие земли по душам. За этот приговор проголосовали 57 человек, а против – 28. Но зажиточный крестьянин Литовченко, стремясь не допустить принятия этого решения, в протоколе записал: «Против – 35 голосов», включив троих отсутствовавших на сходе домохозяев и четырех умерших [3: л. 82].

Почти во всех старожильческих селениях позднее вселившиеся переселенцы на сходах не обладали правом полного голоса. Это происходило потому, что они обычно вселялись на 1/2 и 1/4 «номера» (положенного семейного надела). В соответствии с этим при решении вопроса о переделе земли они пользовались 1/2 или 1/4 права голоса, что затрудняло получение 2/3 голосов за земельные передел. К тому же среди сторонников передела было трудно добиться единства, так как в зависимости от личной выгоды каждый из них голосовал за различный способ передела: подворный, на номер, на бойца, на мужскую душу.

Но даже если на сходе и удавалось добиться принятия решения о переделе общинных земель, то это далеко не всегда означало, что передел будет осуществлен.

В 1901 г. крестьяне деревни Константиноградовка вынесли приговор о разделе земли, но после этого спор из-за земли продолжался. В 1909 г. был вынесен новый приговор о переделе земли. Тогда 30 крестьян из 111 сразу же заявили протест, и началась новая борьба за передел [2: л. 4].

Вот как описывает передел в Ивановке участник Амурской экспедиции В.А. Закревский: «Приговор этот окончательно к исполнению не приведен благодаря изворотам, ухищрениям и злоупотреблениям со стороны богачей. При производстве передела под давлением богачей выбирались доверенные для определения совместно с землемером количества и качества земли, причитающейся заимщикам. Доверенные эти проживали по заимкам богачей вместе с землемером и, окончив отмежевание своих долей, немедленно отказывались от обязанностей доверенных. Выбирались новые, и начиналась новая прогулка по участкам с землемером. Землемер ходил по участку два года и в конце концов сбежал... При этом разделе более состоятельные и многосемейные заимщики сумели устроить так, что не только все их доли на полный комплект мужских душ, но и заарендованные у отсутствующих оказались приуроченными в одну межу. Тогда как у многих других общественников пахотные наделы раскиданы в разных местах участка и на значительном друг от друга расстоянии, а некоторые общественники до сего времени не получили совершенно земли» [14: с. 18–19].

В тех общинах, где удавалось добиться переделов земли, они касались только сенокосов и пахотных угодий. Вплоть до Октябрьской революции выгоны и лесные угодия находились в совместном пользовании, а усадьбы в наследственном владении. В тех местах, где не имелось ценных лугов, сенокосные угодия в хозяйстве амурского крестьянина не имели самостоятельного значения. Сено там косилось в лиманах и других низовых местах рядом с пашней. Если у крестьянина имелась заимка, то на ней обычно были сырые участки, не пригодные под пашню. Такие участки использовались в качестве лугов. Трава на них была лучшего качества, чем в болотистых низинах. И только в селениях, расположенных по побережьям больших рек, в поймах которых находились естественные луга, осуществлялись переделы сенокосных угодий. К 1910 г. был произведен раздел сенокосов в 53 из 119 крестьянских общин у старожилов, у новоселов – в 25 из 119 [13: с. 39].

Принципы передела пахотных земель были разнообразными и зависели от особенностей состава крестьянской общины: от большинства на сходе (многосемейных или малосемейных, бедных или зажиточных), от почвенных или топографических условий, от состава населения общины по месту выхода, который часто вносил в жизнь общины порядки, принятые на родине. Основными принципами переделов пахотных земель были следующие: по бойцам, т. е. по мужчинам в возрасте от 18 до 60 лет; по мужским душам; по номерам, когда земля делилась на равные части по числу приписанных семей, на которые отводились общинные наделы. Кроме того, каждый крестьянин требовал выделение себе равнозначные по плодородию и хозяйственной пользе участки сообразно с их возможностью обработать. Но в силу того, что такие наделы были разбросаны, то чересполосица в общине была неминуема [7: с. 168].

В архивных материалах мы нашли описание переделов в старожильческих селениях. В селе Троицком в 1902 г. было принято решение о переделе земли на восемь лет по 20 десятин на бойца. Приговор был приведен в исполнение, большинство крестьян переделом остались довольны, так как было пресечено захватное землепользование. Еди-

ничные случаи недовольства были вызваны большим количеством женских душ в семье. В селе Средне-Белое приговор о переделе на номера состоялся в 1903 г. сроком на 12 лет. В каждом номере было 60 десятин удобной земли вместе с сенокосом. Выгон остался общим. 18 домохозяев получили по два участка. После того, как состоялся передел, некоторые крестьяне отдали свои участки в аренду за цену от 40 до 70 рублей в год, а часть жителей села уехала продав свои участки односельчанам [10: л. 121 об].

К 1910 г. переделы пахотных угодий были проведены в 53 общинах у старожилов, в 11 общинах у новоселов.

В новосельческих поселках, так же как и в старожильческих, существовало захватное землепользование. Правда, в отличие от старожилов, которые сами выбирали себе участки для заселения, новоселы водворялись на участки, заранее приготовленные им землеотводной партией. Когда на участок приходила группа переселенцев, из них формировалось сельское общество. Хотя место для усадьбы намечалось переселенческим управлением, но новоселы не всегда поселялись в указанном для усадьбы месте. Каждый двор получал определенное количество земли под усадьбу.

Хотя по правилам 22 июня 1900 г. новоселы в случае ведения заимочного хозяйства могли получить участок площадью до 60 десятин, большинство из них предпочитали жить в деревне. Там для новоселов были сосредоточены все личные, общехозяйственные и культурно-религиозные интересы. В деревне жили родственники и знакомые, находились товарно-продовольственные лавки, школа, церковь. Так, в «Амурской газете» от 17 мая 1902 г. помещена заметка о закладке нового здания для второклассной учительской церковно-приходской школы в с. Черемховском. Это было настолько важное торжество, что на нем присутствовали все жители села, «…если бы не горячее рабочее время, то, вероятно, немало народу прибыло бы и из соседних деревень, так как без преувеличения можно сказать, что все крестьянство за Зеей очень интересуется Черемховской школой» [1: с. 1477].

На первых порах без посторонней помощи большинство новоселов не могли ни построить себе жилище, ни вспахать огород. Первая десятина земли пашни у подавляющего числа новоселов заводилась общими усилиями нескольких семей. При расселении новоселов по заимкам для них было гораздо труднее содержать скот, чем при совместной жизни в деревне, когда крестьяне кроме построенных выгонов имели еще обширные площади для выпаса скота в виде парового поля. Такой корм был скуден, но он ничего не стоил крестьянам. Кроме того, пастьба в общем стаде с одним пастухом сводила к наименьшим размерам затраты сил и средств на присмотр за скотом. Да и соображения общей безопасности заставляли новоселов тяготеть к деревне. Всего этого они лишались при поселении на заимке. Администрация учла названные выше соображения, и с 1913 г. каждой группе новоселов отводился особый общинный участок для совместного хозяйствования в первые годы жизни после водворения, с небольшим выгоном общего пользования на нем [12: с. 8–9].

Таким образом, отсутствие помещичьего землевладения и крупной частной собственности на землю способствовало сохранению заимочно-захватной системы землепользования и концентрации общинных земель в руках зажиточных крестьян. Однако формирование крупных хозяйств с торговым земледелием, рост противоречий внутри сельского общества неизбежно вели к распаду крестьянского общинного уклада в Приамурье.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Амурская газета. – Благовещенск, 1902. – № 55.
2. Государственный архив Амурской области (ГААО). – Ф. 15. – Оп. 1. – Д. 159.
3. ГААО. – Ф. 15. – Оп. 2. – Д. 66.
4. ГАОО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 10.
5. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей с включением некоторых пунктов, сопредельных с ними стран. Составил преподаватель Благовещенской мужской гимназии Александр Кириллов. Благовещенск: тип. т-ва Д.О. Мокин и К°, 1894. – 543 с.
6. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.) / Отв. ред. А.И. Крушанов. – М.: Наука, 1991. − 471 с.
7. *Ковальчук, М.А.* Земельная собственность в России: правовые и исторические аспекты (XVIII – первая половина XIX вв.): Монография / М.А. Ковальчук, А.А. Тесля. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2004. – 199 с.
8. Отчет Высочайше командированного на Дальний Восток по переселенческому делу товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатора Иваницкого. – СПб., 1909. – 137 с.
9. Приамурье. Факты, цифры, наблюдения. Собраны на Дальнем Востоке сотрудниками общеземской организации. – М., 1909. – 922 с.
10. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). – Ф. 702. – Оп. 5. – Д. 678.
11. *Рябов, Н.И.* Очерки истории русского Дальнего Востока / Н.И. Рябов, М.Г. Штейн. – Хабаровск, 1958. – 175 с.
12. Сборник статистико-экономических сведений Амурской области. – Благовещенск: Министерство земледелия, 1917. – 175 с.
13. *Тибекин, А.Р.* Организация и экономика сельского хозяйства Дальневосточного экономического района (1856–1985 гг.). / А.Р. Тибекин. – Хабаровск: ДальНИИСХ, 1989. – 236 с.
14. Условия внутри надельного размежевания и землеустройства в селениях Амурской и Приморской областей. Составил участник экспедиции Б.А. Закревский. Труды Амурской экспедиции. – СПб., 1911.
15. Частновладельческое хозяйство в Амурской области. Труды Амурской экспедиции. Вып. 2. Т. 3. – СПб.: Типография Редакционных периодических изданий Министерства финансов, 1913. − 305 с.
16. *Шиндялов, Н.А.* П.А. Столыпин и амурское крестьянство / Н.А. Шиндялов // Аграрное развитие Дальнего Востока: история и современность: материалы региональной науч.-практ. конф. (Благовещенск, 25–26 ноября 2004 г.). – Благовещенск: Изд-во ДальГАУ, 2005. – С. 10–25.

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ К СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)

И.А. Гареева

Гареева Ирина Анатольевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы и психологии Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: gar_ia@mail.ru

В статье предложен анализ социологического исследования, проведенный с целью выявления изменения отношения населения к системе здравоохранения и факторов, обусловливающих эти изменения.

Основой для развития системы здравоохранения России, ее реформирования и модернизации, является готовность различных слоев населения к восприятию происходящих перемен, т. е. процессу интернализации. Важно знать отношение различных социальных групп населения к сложившейся и изменяющейся системе здравоохранения.

В качестве подхода была выбрана модель Р. Андерсена. Модель использовалась как аналитическая система и позволила оценить состояние здравоохранения по двум группам параметров, а именно характеристиками системы здравоохранения и потребителей услуг системы здравоохранения.

Параметры системы здравоохранения оценивались на основе вторичного анализа отчетной документации учреждений здравоохранения и экспертных оценок.

Характеристика потребителей медицинских услуг включала в себя: факторы предиспозиции потребителей, обусловливающих их желание и готовность взаимодействовать с системой здравоохранения (демографические, социально-структурные, система представлений и информированность о здоровье и возможностях системы здравоохранения); условия, при которых становится возможным использование услуг здравоохранения потребителем. Эти возможности представлены индивидуальными и общественными ресурсами, обеспечивающими доступ к системе здравоохранения. Индивидуальные возможности доступа к системе здравоохранения определяются наличием страхового полиса и способностью оплатить медицинские услуги из собственных средств. Общественные ресурсы оценивались через обеспеченность медицинской инфраструктурой района проживания потребителей услуг системы здравоохранения. Группу факторов, связанных с использованием услуг здравоохранения, которые выражаются потребностью в услугах системы здравоохранения, измеряемой, как правило, с помощью переменных, характеризующих восприятие, осознание потребителем услуг здравоохранения в необходимости медицинской помощи. В число показателей, отражающих ощущения человека, обычно включаются осознаваемый статус здоровья, отношение к здоровью, уровень беспокойства по поводу состояния здоровья.

Ключевые слова: система здравоохранения, модернизация, процессы трансформирования, здоровье общества, факторы, обуславливающие изменение отношения.

Залогом успеха развития системы здравоохранения России, ее реформирования и модернизации является готовность различных слоев населения к восприятию происходящих перемен, т. е. процессу интернализации. Важно знать отношение различных социально-профессиональных и социально-демографических групп населения к сложившейся и изменяющейся системе здравоохранения, степени готовности оказывать содействие явно или скрытно противодействовать дальнейшему её развитию.

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 ноября 2009 года и 30 ноября 2010 года и в Основных направлениях действий Правительства Российской Федерации на 2010 год говорится о необходимости всесторонней модернизации, изменении качества жизни в России, переориентации экономики на реальные потребности людей, в том числе на улучшение здоровья и социального самочувствия. Этим изменениям подвержены все сферы общественной жизни и, в частности, система здравоохранения [6; 7].

В современном обществе возможность получения необходимых услуг здравоохранения рассматривается как одно из неотъемлемых социальных прав человека, поскольку медицинская помощь направлена на удовлетворение первоочередных, жизненно важных потребностей, связанных с поддержанием здоровья и предотвращение преждевременной смертности. Здоровье населения является, несомненно, одним из самых чувствительных индикаторов соответствия поведения системы здравоохранения, нравственному закону, потребностям общества. Это становится особенно понятным сегодня, когда социальные изменения затрагивают наиболее значимые сферы социальной жизни, каковой является система здравоохранения с ее основными целями функционирования. Среди этих целей приоритет здоровья не может вызывать сомнений, ибо оно является источником благополу-

чия повседневной жизни человека, реального основания его достойного бытия [5].

Многочисленные исследования показали, что доля факторов позитивного влияния системы здравоохранения на здоровье населения может достигать 20 % [2; 3; 4]. Доступность системы здравоохранения, которую в настоящий момент оценивают по доступности медицинских услуг, имеет позитивную связь со здоровьем населения в целом, и при своевременной и качественной медицинской помощи оказывает благотворное влияние на здоровье пациентов в частности и общества в целом. Все это свидетельствует о высокой социальной значимости проблемы состояния системы здравоохранения и ее ресурсов для дальнейшего развития, доступности медицинской помощи и актуализирует изучение в этом направлении.

Обеспечение различных групп населения равными правами в получении медицинских услуг в соответствии с их потребностями имеет и более широкие социальные последствия. Во-первых, уменьшение дифференциации в доступности медицинских услуг смягчает неравенство в обществе, поскольку последние представляют собой не только различия в материальном положении, но и неравный доступ к социально значимым благам, в ряду которых медицинская помощь занимает одно из ведущих мест. Во-вторых, как подтвердили исследования последних лет, даже в ситуации значительной дифференциации доходов, доступная и качественная медицинская помощь уменьшает социально обусловленные неравенства в здоровье, какими бы индикаторами оно не измерялось – продолжительностью жизни, смертностью, субъективным статусом здоровья [1].

Следует отметить, что уменьшение неравенства в обеспечении населения услугами системы здравоохранения, во многих странах рассматривается как одна из центральных стратегических целей совершенствования системы и как результат социальных изменений общества.

Особую актуальность эта проблема приобретает в обществах в период перемен и трансформаций социально-экономической сферы общества, и, в частности, в России, где имеет место резкое социально-экономическое расслоение населения и прослеживаются четкие тенденции ухудшения здоровья и увеличения неравенства в здоровье. В таких условиях важным становится обеспечение справедливого доступа к системе здравоохранения тех слоев, которые наиболее чувствительны к социальным изменениям (дети, люди с ограниченными физическими возможностям, пожилые граждане, мигранты, переселенцы и др.).

Проблема доступа к услугам системы здравоохранения привлекала внимание отечественных исследователей, прежде всего, в силу осуществляемой реформы и модернизации здравоохранения, сопровождающейся резким дефицитом финансирования отрасли и масштабным привлечением средств самого населения к оплате медицинских услуг. Однако, как свидетельствуют данные многочисленных зарубежных исследований, помимо этих принципиальных условий обеспечения доступности к медицинской помощи, существуют и другие факторы, оказывающие существенное воздействие на формирование отношения населения к современной системе здравоохранения (на использование медицинских услуг). Это характеристика самой системы здравоохранения, в которых отражаются принципы ее организации и функционирования, и многообразие переменных, под воздействием которых принимаются значимые в данном контексте решения, как профессионалами системы здравоохранения (экспертами), так и потребителям услуг системы здравоохранения, формируется их поведение в процессе взаимодействия.

Все вышеперечисленное послужило основой нашего социологического исследования. В качестве концептуального подхода мы выбрали модель Р. Андерсена, в соответствии с которой состояние системы здравоохранения оценивается двумя группами факторов: параметрами системы здравоохранения и характеристиками потребителей услуг системы здравоохранения [9; 10].

Не представляя собой какого-то конкретного набора переменных, модель скорее рассматривается как некая аналитическая система, которая с течением времени, развитием здравоохранения и связанной с этим эволюцией взглядов сама претерпевала изменения, дорабатывалась, подвергалась новой интерпретации. Неизменным оставался лишь основной теоретический подход, в рамках которого использование услуг здравоохранения рассматривался как результат действия трех основных групп факторов. Первая группа представлена переменными, характеризующими самих потребителей. Характеристика потребителей медицинских услуг включает в себя:

– во-первых, факторы предиспозиции потребителей, обусловливающие их желание и готовность взаимодействовать с системой здравоохранения (демографические – пол, возраст; социально-структурные – образование, профессия, система представлений о здоровье, информированность в вопросах здоровья и возможностей системы здравоохранения);

– во-вторых, условия, при которых становится возможным использование услуг. В первоначальном варианте модели речь шла главным образом об имеющихся в распоряжении потребителей (финансовые и организационные) возможностей реализа-

ции доступа к системе медицинских услуг. Главным образом эти возможности представлены индивидуальными и общественными ресурсами, обеспечивающими доступ к системе здравоохранения. Индивидуальные возможности доступа к системе здравоохранения определяются наличием страхового полиса и способностью оплатить медицинские услуги из собственных средств. Общественные ресурсы оценивались через обеспеченность медицинской инфраструктурой района проживания потребителей услуг системы здравоохранения;

– в-третьих, группа факторов, связанных с использованием услуг здравоохранения, в выраженности потребности в услугах системы здравоохранения, измеряемая, как правило, с помощью переменных, характеризующих восприятие, осознание потребителем услуг здравоохранения потребности в медицинской помощи. В число показателей, отражающих ощущения человека, обычно включаются осознаваемый статус здоровья, отношение к здоровью, уровень беспокойства по поводу состояния здоровья.

Параметры системы здравоохранения мы оценили на основе вторичного анализа отчетной документации учреждений здравоохранения и экспертных оценок. В данном исследовании мы эти параметры использовали при формировании выборки.

В рамках именно этой модели мы предприняли попытку проанализировать состояние системы здравоохранения и динамику изменения отношения населения к ней.

Эмпирическую базу исследования составляет массовый опрос населения г. Хабаровска и Хабаровского края, проведенный в поликлиниках города (в том числе краевых), в мае-июне 2010 г. Процедура построения выборки включала три этапа. На первом были выбраны районы города, отражающие социальную дифференциацию городского пространства: Центральный как район с наиболее развитой инфраструктурой, в том числе по предоставлению услуг системы здравоохранение (краевые больницы и поликлиники, муниципальные и частные поликлиники, центры здоровья), Краснофлотский, в котором сосредоточена большая часть молодого населения города – студенчество (студенческие поликлиники) и Железнодорожный как периферийный, в основном представленный частным сектором (муниципальные поликлиники). На втором этапе, в каждом из них на основе экспертных оценок и интервью были выбраны поликлиники (в том числе студенческие, краевые, муниципальные), различающиеся по качеству обслуживания. На третьем этапе, из числа населения, обслуживаемого в каждой поликлинике, было отобрано по 200 человек, обращающихся в медицинские учреждения по различным причинам, связанным со здоровьем. Основными контролируемыми признаками выборочной совокупности являлись возраст (от 18 лет до 60 и старше) пол и социальное положение.

Сравнивание априорной модели выборки, полученной в результате опроса, показывает смещение количественных показателей по всем контролируемым признакам не более 1–4 %. Опрос проводился в виде персонального интервьюирования респондентов по специально разработанной анкете, включающей более 80 признаков.

В соответствии с целями исследования потребность в услугах системы здравоохранения определялась на основе самооценки здоровья и частоте (причина) обращаемости в медицинское учреждение. Анализ распределения мнений респондентов относительно потребности в услугах системы здравоохранения показал следующее: 42 % опрошенных оценивают свое здоровье как «хорошее», 48 % – «удовлетворительно». В то же время на вопрос о частоте заболеваний в год – 62 % опрошенных ответили, что не болеют или болеют редко, 39 % – болеют три и более раз в год. Так, 20 % опрошенных обращаются в поликлинику регулярно, и не только в случае заболевания, а 62 % – обращаются к врачу по поводу заболевания. Большая часть опрошенных, и это составляет 63 %, обращается в поликлиники по месту жительства, 23 % имеют возможность обращаться в частные клиники. При этом 97 % респондентов имеют полис медицинского страхования, но только 75 % указали, что имеют полис обязательного медицинского страхования, 7 % – затруднились ответить, полис какого вида страхования они имеют, остальные 18 % имеют представление, что они имеют полис, при этом не различая обязательного или добровольного страхования; 78 % опрошенных указали, что знают какой вид и объем медицинской помощи они могут получить в случае обращения в медицинское учреждение, имея полис обязательного медицинского страхования, 20 % затруднились ответить.

По данным опроса 82 % респондентов имеют возможность оплачивать медицинские услуги при обращении в учреждения здравоохранения. Только 14 % респондентов никогда не оплачивали медицинские услуги при обращении в медицинское учреждение. Так, 37 % это делают регулярно, 49 % опрошенных – иногда. На вопрос о предпочтительности оплаты медицинских услуг 40 % респондентов указали, что лучше это осуществлять через кассу медицинского учреждения, 20 % считают, что оплату производить непосредственно медицинскому персоналу, для 28 % предпочтительнее оплата по полису обязательного медицинского страхования.

Степень социальной эффективности системы здравоохранения мы оценивали по удовлетворенности населения качеством оказываемых медицин-

ских услуг. Так, 72 % опрошенных указали о неудовлетворительном качестве медицинских услуг. В 69 % случаев у опрошенных возникали претензии к качеству медицинской помощи. Несмотря на то, что 41 % опрошенных указали, что не знакомы с законодательством Российской Федерации об охране здоровья граждан, только 17 % не обращались для разрешения конфликтных ситуаций в различные инстанции. Большая часть респондентов, а это составляет 48 %, пыталась разрешить конфликтные вопросы на уровне администрации лечебного учреждения, ни один из опрошенных не обращался в суд. Однако проведенный анализ количества обращений в Министерство здравоохранения и социального развития за три месяца 2010 г. свидетельствует о высоком показателе обращений в различные инстанции по вопросам качества предоставляемой медицинской помощи (в абсолютных единицах – 3 523, в относительных – 9,13/ 100 тыс. населения) [8]. На вопрос: «Как вы оцениваете состояние здравоохранения Хабаровского края?» – 77 % – ответили как «удовлетворительное и плохое», только 4 % оценили свое состояние здоровья как «хорошее». Большинство опрошенных не имеют представления о происходящих и предстоящих структурных, законодательных и организационных переменах в системе здравоохранения и это составило 75 %. Поэтому на вопрос: «Как происходящие перемены влияют на систему здравоохранения?» – большая часть респондентов – 57 % – затруднились ответить, 23 % ответили, что в сторону ухудшения.

Интересное распределение мнений, на наш взгляд, произошло в ответах на вопрос: «Что может существенно изменить состояние здравоохранения в лучшую сторону?». Из предложенных следующих вариантов ответов, мнения респондентов распределились: социальная политика государства – 45 %; новые здравоохранительные проекты – 39 %; увеличение финансирования сферы и повышение заработной платы медицинским работникам 26 % и 25 % соответственно; новое законодательство в сфере здравоохранения – 14 %; и только 6 % опрошенных считают, что дополнительные взносы потребителей услуг системы здравоохранения (населения) на обеспечение услуг системы здравоохранения. Следует учесть, что при ответе на этот вопрос допускалось до трех вариантов ответов.

Для анализа динамики изменения отношения населения к системе здравоохранения мы обратились к результатам социологического опроса, проведенного нами в 2001–2002 гг. Опрос населения проводился также на базе поликлиник и стационаров г. Хабаровска, целевая репрезентативная выборка составила 775. По данным опроса 91 % респондентов имели на тот период страховой медицинский полис, 8 % не имеют и не имели, 1 % затруднились ответить. На вопрос: «Имеете ли вы представление о законодательстве РФ в сфере здоровья граждан?» – 45 % ответили «только в общем», 49 % – « нет, не знаем», 6 % из опрошенных затруднились ответить.

Большая часть опрошенных не удовлетворена набором медицинских услуг – 44 %, также 40 % – удовлетворены, но частично оставшиеся 16 % затруднились ответить. На вопрос: «Кто должен защищать Ваши интересы в случае их нарушения в сфере охраны здоровья?» – 40 % из опрошенных считают, что этим должны заниматься специальные организации (страховые медицинские организации), 25 % респондентов не имеют представления.

О своих правах в сфере охраны здоровья граждан знают только 11 %, а 46% респондентов не имеют представления есть ли какие-либо у них права в сфере охраны здоровья. Следует отметить, что из 11 % имеющих представление о своих правах, большая часть, а это 54 %, составляет опрошенные возрастной категории от 21 до 30 лет.

Больше половины из опрошенных респондентов (62 %) высказали мнение, что за последние 5 лет качество медицинского обслуживания не изменилось, 21 % считают, что оно ухудшилось, 3 % – не имеют мнения на этот счет.

На вопрос об оптимальной модели функционирования здравоохранения 32 % отдали предпочтение бюджетной медицине, 20 % – медицинскому страхованию, 9 % – платной медицине, 39 % опрошенных затруднились определить свой выбор.

Таким образом, сравнивая динамику изменений отношения населения к сфере здравоохранения, мы выявили, что возрастает число респондентов, не имеющих представление о происходящих переменах в системе здравоохранения (2010 г. – 75 %, по отношению к 2001 – 54 %), снизилось число респондентов, оценивающих состояние здравоохранения как «хорошее» (2010 – 4 %, по отношению к 2001 – 12 %), увеличилось число респондентов, оценивающих качество медицинских услуг как «неудовлетворительное» (2010 – 72 %, 2001 г. – 44 %), возросло число респондентов, защищающих свои права в сфере охраны здоровья граждан (2010 – 48 %, по отношению к 2001 – 12 %), возросло число респондентов, поддерживающих систему обязательного медицинского страхования (2010 – 28 %, по отношению к 2001 – 20 %).

Полученные данные подтвердили нашу гипотезу о том, что система здравоохранения по своей общественной роли является социальным институтом, который стимулирует социальные процессы. Население не готово к происходящим переменам в системе здравоохранения, в силу низкой эффективности самой системы и снижением доверия к ней. Наиболее значимым фактором, под влиянием кото-

рого люди формируют свое мнение о системе здравоохранения, являются организация и качество медицинской помощи при обращении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гундаров, И.А.* Концепция оптимальной модели здравоохранения для социального государства / И.А. Гундаров // Социальное государство и проблемы здравоохранения: сборник. – М. : Изд. Дом «АТИСО», 2009. – 148 с.

2. *Гурвич, И.Н.* Социальная психология здоровья / И.Н. Гурвич. – СПб.: Изд-во Петербургского университета 1999. – 1023 с.

3. *Журавлева, И. В.* Социальные факторы ухудшения здоровья населения / И.В. Журавлева // Россия: Трансформирующееся общество: сборник. – М., 2001. – 239 с.

4. *Назарова, И.Б.* Здоровье российского населения: факторы и характеристики / И. Б. Назарова // Социологические исследования. – 2003. – № 11. – С. 51–67.

5. *Нилов, В.М.* Социальные изменения и здоровье населения: методологические и теоретические подходы к исследованию / В.М. Нилов. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006. – 102 с.

6. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному собранию Российской Федерации // Российская газета. Федеральный вып. № 5038 от 13.11.2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2009/11/13/poslanie.tekst.

7. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному собранию Российской Федерации // Российская газета. Федеральный вып. № 5350 от 01.12.2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2010/11/30/poslanie.tekst.

8. Разъяснения Минздравсоцразвития по поводу поступивших обращений граждан по проекту федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:/ www. Minzdravsoc.ru/health/modernization/4.

9. *Aday, L.A.* A framework for the study of access to medical care / L.A. Aday, R. Andersen. – Health Services Rtsearch, 1974. – № 9. – P. 375–376.

10. *Aday, L.A.* Access to medical care: Development of indices / L.A. Aday, R. Andersen. AnnArbor, MI: Health Administration Press. – 1975. – 428 p.

РОЛЬ АРХИВНЫХ МАРГИНАЛИЙ В ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

А.А. Забияко

Забияко Анна Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета (г. Благовещенск).

Контактный адрес: sciencia@yandex.ru

Статья посвящена так называемым «архивным маргиналиям». Автор затрагивает проблему источниковедческого и текстологического анализа маргинальных архивных материалов в литературоведческой харбинистике. Речь идет, в первую очередь, о специфике материалов из архива БРЭМ (Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии), хранящихся в Государственном архиве Хабаровского края. Среди этих материалов – биографические и творческие анкеты писателей и поэтов, рукописи их публицистических статей, доносы секретных сотрудников японской полиции.

БРЭМ было создано под руководством прояпонской администрации Маньчжоу-Го. Его предназначением было, в частности, отслеживать настроения и контролировать деятельность русского населения Маньчжурии. Редкий источниковедческий материал содержится в так называемых «анкетах». Из них можно почерпнуть сведения жизни писателей до эмиграции, уточнить даты их рождения, узнать о политических убеждениях.

Например, в деле политически активной, ярой противницы ВФП Марианны Колосовой собрались ее рукописи, газетные публикации против К. Родзаевского, доносы о ее деятельности. Эти материалы, в свою очередь, раскрывают религиозное сознание поэтессы и дополняют ее образ самохарактеристиками.

Деятельность масонов в Харбине под эгидой ХСМЛ (YMCA) также зафиксирована в исследуемых архивах. В частности, в одном из доносов мы читаем о том, что руководит масонскими встречами Алексей Ачаир, а из другого – узнаем о том, что доносит на него его же ученик Лев Гроссе.

В анкетах БРЭМ содержится также и текстологический материал, в частности, касающийся псевдонимов. Например, из анкеты Ачаира мы выяснили, что «Иннокентий Буранов», появляющийся в харбинской печати и адресующий послания Алексею Ачаиру – сам Алексей Ачаир.

Таким образом, несмотря на репрессивные задачи учреждения БРЭМ его архив сегодня является ценнейшим источником реконструкции реалий литературного процесса русского Харбина.

Ключевые слова: литература дальневосточного зарубежья, архивные маргиналии, бюро по делам российских эмигрантов**,** источниковедение, текстологический анализ.

Изучение текстового образования, как правило, связано с историей замысла, историей черновика, историей прижизненных и посмертных публикаций автора. Литературное наследие дальневосточного зарубежья с этой точки зрения – не только самый малоизученный пласт отечественной текстологии, но и наиболее проблемный. По отношению к ее истории в отечественной классике не случайно укоренилась метафора «Русская Атлантида». Нет ни самого русского Харбина, ни большинства артефактов его существования. Последние харбинцы разрозненно доживают свою жизнь во французских, латиноамериканских, австралийских и русских предместьях. А из харбинских писателей осталась одна Ларисса Андерсен, тихо приближающаяся к своему 100-летнему юбилею[1] [2].

Что имеет современный литературовед-харбинист в своем распоряжении? Во-первых, работы тех харбиноведов, которые сами были причастны к культурной жизни русского Харбина, правда, уже на ее излете – Е.П. Таскиной, Г.В. Мелихова[2]. Во-вторых, опубликованные описи архивов [18; 28; 29]. Из архивов и частных коллекций – единичные поэтические и прозаические сборники, публикации в журналах и газетах времен эмиграции, немногочисленные мемуары, совсем редкие образцы переписки харбинских сочинителей между собой и, позднее, переписка оставшихся в живых с первопроходцами-харбиноведами (Е. Витковским, Е. Таскиной, А. Ревоненко, О. Бакич и др.). Хранители писем, кроме А. Ревоненко и М. Солодкой, пока трепетно хранят свои сокровища [10; 32]. Поэтому этот источник практически не досягаем.

В силу того, что дальневосточные эмигранты много переезжали (из Харбина им пришлось уехать в Шанхай, а из Шанхая – далее, рассеиваясь по

[1] Официально годом рождения поэтессы считается 1914; однако, по воспоминаниям ее близких друзей и некоторым косвенным свидетельствам современников вполне вероятно, что Ларисса приуменьшила свой возраст на три года.

[2] Хотя Е.П. Таскина написала не одну статью о сочинителях центра дальневосточного зарубежья, эти работы носят историко-описательный характер.

всему свету), мы не имеем ни их дневников, ни записных книжек, ни черновиков, ни текстовых редакций авторских сочинений. Конечно, за последние десять лет появились поэтические и прозаические антологии, а также публикации сочинений наиболее крупных художников слова [1; 12; 23; 26; 31]. Однако эдиционные характеристики этих изданий, даже если речь идет об антологии «Русская поэзия Китая», пока еще оставляют желать лучшего.

Большинство текстов и материалов писателей-харбинцев было утеряно, многие архивы либо уничтожены, либо изъяты в 1945 г. НКВД или попросту утрачены в результате многострадального пути русских китайцев по городам и весям Европы и Америки. Мы не можем, например, проследить, как складывался замысел того или иного произведения харбинского писателя, какова была авторская редакция, когда имеем в наличии только публикацию из еженедельника «Рубеж», ежемесячника «Луч Азии» или газеты «Молодая Чураевка» – зачастую там встречаются опечатки или редакторские купюры, вызванные издательскими требованиями формата, размера, тематики. Или, например, мы имеем счастливую возможность сопоставить журнальный вариант публикации и его редакцию в авторском сборнике, но не можем восстановить логику изменения авторского замысла, так как уже никогда не увидим ни авторских записных книжек, ни дневников. Обращение к харбинистам, в свое время получившим доступ к архивам репатриированных эмигрантов (Л. Хаиндровой, Н. Щеголева, Ф. Дмитриевой, А. Ачаира), приводит зачастую к курьезным ситуациям: рождаются фантастические нарративы о несуществующих людях и их отношениях, появляются субъективные интерпретации тех или иных литературных фактов, событий личной и творческой жизни интересующих нас персон.

Поэтому в процессе реконструкции художественной жизни, реалий литературного процесса русского Китая и нюансов развития индивидуального творчества русских харбинцев мы в большей степени, чем кто-либо из исследователей эмиграции, обращаемся к *архивным маргиналиям*. Под этим условным понятием мы разумеем найденные в частных архивах и коллекциях эпиграммы, надписи на подаренных книгах, публицистические статьи поэтов и писателей, тексты их литературных и политических докладов, записки, анкеты разного рода, даже – редакторские пометы на полосах журналов и газет.

Как ни курьезно, но относительно систематизированный материал такого рода содержат материалы БРЭМ, хранящиеся в Хабаровском государственном архиве. **Бюро по делам российских эмигрантов** было создано администрацией марионеточного прояпонского государства Маньчжу-Ди-Го после оккупации Маньчжурии японцами (1934 г.) [4, 11]. В его задачи входили тщательный контроль за действиями эмигрантского сообщества, предупреждение всяческого инакомыслия, а также (неявно) провокации внутри русского населения и политических партий. Русских харбинцев, особенно творческую интеллигенцию, буквально одолевали необходимостью в определенный день являться «для сверки» личных данных, а также заполнять бесчисленное количество анкет («Биографические сведения», «Для работников печати» и т. д.). Так, анкета под названием «Биографические сведения» сопровождалась предупреждением: «Ответы требуются точные и подробные. ПРОПУСКИ НЕ ДОПУСКАЮТСЯ. Если не хватит места в графе, то писать на отдельном листе под номером. При биографии прилагаются фотографические карточки» [2]. Эти фотографические карточки во многих случаях являются единственными запечатленными и сохранившимися образами харбинских сочинителей – например, Бориса Юльского. БРЭМ имел своих тайных агентов-информаторов, которые регулярно писали доносы на своих товарищей, фиксируя их настроения, разговоры, сообщая о разнообразных собраниях и частных встречах. Аккуратные папки личных дел, если их не «подчистили» советские органы (так произошло с делом Арсения Несмелова), до сих пор хранят разнообразные и подобранные по «теме» публикации, справки, свидетельства политической деятельности, доносы и т. д. Сегодняшний уровень источниковедческой работы позволяет использовать этот материал весьма эффективно, соотнося объективный и субъективный материал, проецируя его на тексты и художественный мир авторов.

Работа с БРЭМ помогла в реконструкции художественной аксиологии Алексея Ачаира, одного из активных участников общественной и литературной жизни русского Харбина [13] . Ачаир – это псевдоним, взятый поэтом, родившимся в далекой сибирской станице Ачаирской, в семье потомственного казака А. Грызова. В Харбине основатель «Чураевки» Алексей Ачаир пытается найти новые смыслы в псевдониме тюркского происхождения и придать ему идеологическую «областническую» этимологию:

Я – царевич прекрасный *Очир*.
Это значит – небесная чаша…
Милый брат мой, взгляни на Памир:
И на юг, и на север – все наше!
(«Чаша неба») [30].

В мифологии буддийских народов есть бурхан *Очирвани* – грозное божество, охранитель буддизма [24: Т. 2. с. 271][3]. В одном из номеров «Рубежа»,

[3] Очир – атрибут божества, нечто вроде меча.

словно реплика на это стихотворение, появляется послание «Моему другу» (1930), где за подписью «И. Буранов» к поэту напрямую обращается вопрос:

Что такое твое: Ачаир?
Это только селенье простое?
Для тебя отразившийся мир
Растворился в нем – каплею в море!..

Стихотворение, написанное в жанре «дружеского послания», органично следует романтической стилистике, культивируемой Ачаиром. Оно и композиционно близко его поэтике, а ритмический рисунок являет аллюзию на цитированную выше программную «Чашу неба» («Я – царевич прекрасный Очир!..»). Как следует из текста, друг И. Буранов, опираясь на поэтический псевдоним «Ачаир» как на лирическую тему, вступил с поэтом в творческую полемику:

Не мечтай о прекрасной стране,
Неземной снеговой небылице!
Ведь под песни твои – в табуне
Ржут весельем земным кобылицы…

Не вяжи из затейливых снов
Шелковистые петельки кружев, –
Их сорвет беспощадная новь,
Мускулистые руки напружив…

И тогда отразившийся мир,
Бесконечный в туманном просторе,
Станет снова твоим: Ачаир, –
Лишь станицей, таящей простое…

И потянутся горы и степь…
И зашепчут косматые рощи…
Да, теперь, милый друг, надо петь
Песни жизни – земнее и проще! [31: с. 11]

Уметь находить в «простом» скрытые, но не менее высокие бытийные смыслы – вот истинная задача любого искусства. Поэтому заключительная сентенция указывала вектор творческих возможностей поэта Ачаира, которых сам он еще, по мысли «И. Буранова», не обнаружил.

Получается, что литературно подготовленный человек почувствовал в Ачаире некое разногласие между реальным происхождением и поэтической мифологизацией судьбы, между жизненной и художественной практикой. Кто же скрывался под этим псевдонимом? В «Рубеже», «Ласточке» и «Юном читателе “Рубежа” мы находим публикации некоего И. Буранова – рассказы, детские стихи, статьи о животных. Наша попытка обратиться за помощью к Евгению Витковскому привела к тому, что Иннокентий Буранов не только чуть было не «обрел» реальные координаты где-то в бывшем СССР, но и оказался обладателем не очень-то хорошего характера, не желающим общаться с кем бы то ни было.

Мистификация с этим новым именем Алексея Ачаира продолжается буквально по сегодняшний день и провоцируется недостатком информации. Ни в опубликованных воспоминаниях, ни в устных свидетельствах немногих ныне здравствующих чураевцев нет упоминаний об Иннокентии Буранове как ачаировском alter ego.

Однако в материалах БРЭМ в «Анкете для работников печати» в пункте «Ваши псевдонимы за время газетной работы» Алексей Алексеевич Грызов называет свой – уже известный – псевдоним «Ачаир», добавляя: «…и постоянно 1934–1935 гг. несколько рассказов в "Рубеже" <под именем> Иннокентий Буранов» [3: л. 20].

Если «Буранов» – второй псевдоним А.А. Грызова, а анкетные данные усугубляют уверенность в этом, то в подобном симбиозе «Ачаира-Буранова» проявилось, конечно, если не «джекило-хайдовское», то все же противоречивое самосознание поэта. Фамилия «Буранов» в сочетании с именем «Иннокентий» весьма далека от модернистского звучания «Ачаир». Есть в ней что-то патриархальное, вполне сочетаемое с обликом бывалого служаки, увещевающего своего эстетствующего приятеля вернуться к «земным» проблемам. Тогда становится ясно, почему «автопослание» Ачаира было помещено в «Рубеже» – журнале развлекательном и во многом легковесном в силу своей коммерческой подоплеки. Широкий круг его разнообразных читателей должен был подтвердить правдоподобность ситуации литературной полемики Ачаира с Бурановым. Возможно, в 1930 г. Ачаир в подобной форме заявил о своих новых художественных принципах. И, чувствуя некую раздвоенность своего лирического «я», смог претворить ее в очередной странице личной мифологии.

БРЭМ стал источником сведений о и том, что Алексей Ачаир был масоном, входил в харбинскую ложу Розенкрейцеров. Этот факт биографии Ачаира, весьма озадачивающий нынешних «казачествующих» патриотов, неотделим от его деятельности в ХСМЛ. Об этом в личном деле А. Грызова приводится справка неофициального характера, представленная: «По имеющимся сведениям, является масоном...» [3: л. 7–14]. Среди прочих «подрывных» действий политики ХСМЛ против Маньчжу-Ди-Го указывается параграф «Связь ХСМЛ с масонскими организациями», где сообщается: «ХСМЛ тесно связан с местными масонскими организациями. Секретарь ХСМЛ Грызов, вице-председатель Делового комитета присяжный поверенный Каргалов, руководитель организации костровых братьев и сестёр А.А. Гусев являются членами масонской организации Розенкрейцеров».

При этом оказывается, что сведения об Ачаире поставлял в БРЭМ и его подопечный Лев Гроссе – член поэтического объединения «Чураевка».

Следующие «открытия» БРЭМ, подтверждающие тезис о неоднородности не только географического, но и политического, религиозного, этнокультурного пространства «литературы русского зарубежья» [27: с. 35–45], связаны с деятельностью русских фашистов в Харбине. Оказывается, фашистами были талантливейшие прозаики Борис Юльский и Яков Лович [5; 8]. Правда, Б. Юльский у харбинских фашистов был на подозрении. Именуемый в анонимном доносе «обитателем пристанских героинок», Юльский обвинялся в том, что он и ему подобные «используют Фашистскую Партию как дойную корову, не испытывая при этом истинных убеждений» [8]. Ни в одном тексте Юльского мы не найдем отражения его «профашистских» настроений. Напротив, сентенции в рассказах Якова Ловича и его в романах («Враги», «Шанхайцы») обнажают и его увлеченность идеей Маньчжу-Ди-Го, и его яростный антисоветизм, вполне соотносимый с идеологией харбинских фашистов. О чем свидетельствуют эти факты? В первую очередь о том, каким своеобразным явлением был русский фашизм в Харбине, о том, что увлечение его настроениями не всегда питалось искренними убеждениями. Но, с другой стороны, умонастроения и убеждения русских харбинцев, даже близких по политическим группам, формировались разными путями.

Следующие уникальные материалы, которые мы обнаружили в БРЭМ, вносят существенные коррективы в данную проблему. Речь идет о деле известной харбинской поэтессы Марианны Колосовой (Риммы Виноградовой), сведений о которой практически нет. Ее страстная лирика создает особый образ «кликушествующей» поэтессы, не только экстатически религиозной, но и садически-жестокой [14: с. 195–235]. Оказывается и в жизни Колосова была личностью одиозной, авантюристкой со шпионскими задатками. В справке, присланной сотрудниками БРЭМ из Сянцзиня в Харбин, читаем о том, что на вопрос, почему ее, а не мужчину послали в Сяньцзин «для такого тяжелого дела, как ходьба по различным учреждениям, хлопоты и прочее, она ответила, что такового фашисты Родзаевского убили бы, а она женщина и загримировавшись» [9][4]. Почему Колосову могли убить фашисты, если она сама принадлежала к фашистской организации? Оказывается, в маленьком Харбине было две фашистских партии, враждовавших между собой. Обнаруженные опять-таки в БРЭМ публикации и машинописные статьи не только поясняют это, но корректируют сами по себе шокирующие факты о колосовском фашизме, и при этом, как ни странно, помогают понять некоторые механизмы работы творческой лаборатории поэта.

Лирика Колосовой обнажает желание поэтессы обратиться к историческим корням, опыту прошлых свершений и побед Руси, обусловленных православными основаниями русского духа [16: с. 145–174]. Из статьи, приложенной к ее делу, под названием «“Вождь” предатель» [19], мы узнаем о внутреннем мире неистовой харбинской поэтессы, о том, какова этиология ее духовной одержимости. По собственным признаниям Колосовой, звучащим в первой части этой статьи, она училась в томском епархиальном училище. С малых лет особой промыслительной ролью обладало для нее слово пастыря. Ее духовными учителями и наставниками были настоящие подвижники. Прощальное поучение Митрополита Московского Макария, уезжавшего из Томска, Колосова цитировала наизусть: «Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва? Не делами ли оправдался Авраам, отец наш, возложив на жертвенник Исаака, сына своего?» Впечатления девочки от созерцания митрополита окрашены в агиографических тонах: «Небольшого роста, худенький старичок с глазами, сияющими таким кротким светом, от которого тепло и радостно становилось на сердце. Макарий, Митрополит Московский, благословивший бледной и прозрачной от худобы рукой стриженую голову томской епархиалки-приготовишки». «Прекрасные, неземным светом сияющие глаза […] я запомнила на всю жизнь, маленькая приготовишка», – такой рефрен звучит в сугубо политизированной статье, задавая патетический и одновременно молитвенно-проникновенный пафос последующим сентенциям.

Далее она вспоминает и о важной для духовного утверждения встрече с Архиепископом Харбинским Мефодием. И вновь восторженное восприятие Владыки будет основано на его готовности к жертвенности и духовному подвигу. «Возлагай тяжесть на душу свою добровольно», – будет повторять слова завета Мефодия Колосова. Она называет себя ученицей Владыки и признается, как вдохновляла ее «непереносимая душевная тяжесть», что долгие годы носил в себе тайно Мефодий. Душевная тяжесть, жертвенность, жизнь во благо России и *непреклонность* (в ее личном понимании) – вот те духовные скрепы, что питают творчество Колосовой. «Во имя правды Божией жил Митрополит Мефодий. Припомним случай, когда он, узнав, что осуждены на смерть невинные, пришел к тем, кто осудил их, опустился перед ними на

[4] Сообщение начальника сяньцзиньского отдела ВФП Рещикова.

колени и сказал: “Не встану, пока не помилуете невинных”. *Непреклонный* в своем святом смирении, он *стоял на коленях* перед судьями неправедными. Стоял до тех пор, пока устрашенные и пристыженные прекрасной *непреклонностью коленопреклоненного* перед ними Владыки, судьи не отменили смертного приговора невинным» [курсив мой. – *А.З.*]. В духе русских житий выдержаны эти строки, в которых нет ни временной, ни географической, ни персональной конкретики, но есть лишь описание деяния пастыря, истинно верующего – до самоумаления. Восторженное отношение пишущей передается читателям благодаря умелым приемам суггестивной организации проповеди. Колосова весьма тонко использует потенциал русских идиоматических средств, переосмысляя выражения «стоять на коленях» и «быть непреклонным», интуитивно обращаясь к тому, что современной лингвопоэтикой определяется как фразеологический тмезис.

Вернемся к названию статьи – «“Вождь” предатель». Вторая ее часть посвящена сложной фигуре в политической жизни Харбина, по мнению Колосовой – ренегату фашистского движения, Константину Родзаевскому, бывшему когда-то соратником ее мужа [25]. Не углубляясь в сложную историю этих взаимоотношений, обратим внимание на сопряжение столь разноплановых дискурсов в едином тексте. Для достижения своих пропагандистских целей М. Колосова практически входит в транс, и слово ее, литературно выверенное, благодаря фанатичной искренности и почти оголтелой истовости, становится весьма действенным. Молитвенные интонации первой части должны были соответствующим образом настроить читателя на «антиродзаевский лад». Она эффектно противополагает фигуры «молитвенников земли Русской» и «предателя» Родзаевского. Вторая часть словно написана другим человеком – в ней в публицистическом стиле, весьма дотошно и убедительно, перечисляются факты «предательской деятельности» «Кости Родзаевского, который ни много, ни мало – присвоил партийную кассу. Если бы не пронзительные финальные строки: «Неужели родзаевцы с каиновой печатью на лбу и антихристовым знаком на рукавах […] не будут изгнаны из Храма Божьего? По завету двух Митрополитов, молитвенников Земли Русской, говорю об этом громко, не боясь темных кар за мои [нрзб] слова. Если бы знала, перед кем надо на колени встать и просить защиты для измученных пытками в Маньчжу-го русских людей, встала бы». Переходя от молитвенной благости к захлебывающейся ненависти, Колосова психически воздействует на читателя. Данная статья помогает понять истоки брутальной, зачастую – «садической» (Ю. Крузенштерн-Петерец) лирики Марианны Колосовой, совмещающей тончайший лиризм и публицистический стиль агитки:

Складка горечи возле сжатых губ…
Неужели цель не намечена?
Заострите глаз, отточите зуб,
И сказать мне вам больше нечего…
(«По патрончику – за кровиночку») [20: с. 25–26] ;

За то, что многих злобно мучишь,
За то, что многих ты убил, –
Ты пулю смертную получишь
От той, которую любил!
(«Письмо наркому», 1930) [23: с. 35-36];

Я б над дворянином-Ильичом
Издевалась вместе с палачом.
Этот череп «павшего в борьбе»
Пепельницей сделала б себе!
(«Пепельница из черепа», 1933) [23: с. 200] .

Материал процитированной статьи помогает понять действия поэтессы, описанные современниками в скупых мемуарах. Эта «слепая до медузных глаз» (В. Перелешин), «тщедушная, малокровная женщина» была очень смелой и настойчивой: «врывалась в кабинеты начальников, защищала арестованных, требовала их освобождения, рыдала. Когда ее не впускали, садилась на ступеньки жандармского управления и отказывалась уходить, пока не примут» [22]. В машинописных материалах, хранящихся в БРЭМ, мы находим свидетельство того, что партия Покровского активно выступала против японцев и что Колосова много тому способствовала [21][5].

Сложнее всего, как уже писалось выше, обстоит дело с «делом» Арсения Несмелова. После его ареста и гибели в пересыльном лагере, материалы, по-видимому, были основательно подчищены НКВД. В папке осталось всего 6 листов. Но и эти остатки дают пищу для размышлений. Так, например, на вопрос анкеты «Ваши политические убеждения» Несмелов однозначно отвечает: «Фашист» [6: л. 6]. Однако насколько искренним является этот ответ, сказать сложно – Несмелов был натурой сложной, с политикой отношения строил исходя, во-первых, из прагматических целей: давали бы только возможность писать, а не думать о куске хлеба. Но, помимо всего, вполне возможно, что этого далеко не брутального, мешковатого вида мужчину, отчасти «заводил» авантюрный дух политических интриг. Еще в Первую мировую он «отметился» как сотрудник охранного отделения, а

[5] Колосова М. Японцы пробуждают русский патриотизм среди русской эмиграции… (Рук., печ. м.) [9].

шпионская тематика проникает уже в его «Военные странички» (1915). Во Владивостоке Несмелов сотрудничает то с японцами, то с Советами – и только подсмеивается над собой в воспоминаниях. А тут – харбинские фашисты, руководимые Родзаевским, денежные дотации в то время, когда он не может дождаться лета, чтобы начать … кормиться рыбалкой. И – писать то, что хочешь.

Его «фашистские стишки», написанные под псевдонимом «Николай Дозоров», далеки от совершенства и весьма напоминают официальную советскую лирику «на заказ»:

Суд. Трибунал. На местах для публики
Так называемый *цвет республики*,
Опортупеенный, в орденах:
Судят соратника Семена.

Чу, комсоставец в мундире ЧОН'а,
Явно соседкою увлеченный,
Шепчет, рукою руки ища:
«Ладного выловили леща!

Им ли шутить с ГПУ и Чоном,
Белогвардейщине и шпионам!» [26: Т. 1: с. 491]

Оставляя в стороне политический контекст, дабы не быть заподозренными в сочувствии, отметим особую энергетику стиха, хлесткие рифмы, умелое использованием пропагандистских приемов внушения (игра советскими газетными клише, гротескность образов). В упомянутой статье М. Колосовой читаем: «…плохо стал писать Арсений Несмелов, раньше, когда он работал в советских газетах, он писал немножко ярче. "Дозоровские стихи" совсем не годятся» [21]. Весьма характерное замечание: Колосова – ярая антисоветчица, дает аттестацию Несмелову не как «фашист – фашисту», а – как поэт поэту. Однако почему сам Несмелов настойчиво добивался мнения об этих стихах у П. Балакшина, выдавая их за стихи своего друга? [17]. Что это – изживание творческих комплексов или желание услышать объективное мнение человека, далекого от политических баталий русского Харбина? По крайней мере, соположение текстового материала, архивных маргиналий и опубликованных писем не дает возможность однозначно прописать талантливого поэта по «политическому ведомству», заставляет размышлять исследователей и об особенностях развития политических процессов в русской эмиграции, и об участии творческой интеллигенции в них. Да и в целом – подтверждает мысль о многообразии человеческой натуры, помогает осознать проблемы философии творчества.

Но, конечно, косвенные сведения из БРЭМ, в первую очередь, помогают уточнить некоторые неясные места биографий. Так, в биобиблиографической справке о Николае Щеголеве, сопровождающей подборку стихотворений этого талантливого чураевца в антологии «Лирика русского Китая», мы давно обнаружили противоречие: «Щёголев, Николай Андреевич (*1910, Харбин* – 1975, Свердловск). *В эмиграцию привезён мальчиком*…» [31: с. 699] (курсив мой. – *А.З.*) 6.

В архиве БРЭМ личного дела Николая Александровича Щеголева нет. А вот дело его отца, Щеголева Александра Владимировича – имеется [7]. И там, в частности, сообщается, что А.В. Щеголев прибыл в Харбин в 1903 году. Работал артельщиком на дороге (в Управлении Гос. железных дорог). С 1923 по 1927 г. служил в Харбинской городской Управе. Среди членов семьи указывается жена (Анна Ивановна), два сына (старший Николай, затем Владимир) и дочь. Кроме того, сообщается интереснейшая подробность о том, что Николай «временно работает в газете "Новый путь"». А родился Н. Щеголев либо 7 июня, либо 7 ноября 1910 г. – в анкете это прописано неразборчиво [15].

Могут ли подобные материалы стать текстологической и источниковедческой базой? И нет, и да. Литературоведы-харбинисты не случайно сравнивают себя с археологами: порой реконструкция художественного мира автора, его аксиологическая парадигма осуществляется при помощи маргинальных с точки зрения традиционных текстологии и источниковедения материалов. Фраза из статьи, строчка из письма, графа в анкете, даже анонимный донос или докладная записка тайного агента в БРЭМ приобретают самоценную значимость аксиологического, политического, этнокультурного, этнорелигиозного, психоментального характера. Иногда эти сведения ставят больше вопросов, нежели дают ответы. Но в целом архивные маргиналии оказываются «лиминальными героями» сложнейшего процесса текстологической и источниковедческой реконструкции «харбинского текста» русской литературы, когда «затекст» теснейшим образом связан с «подтекстом» и непосредственно определяет сам текст.

[6] В письме к А.П. Ревоненко сам поэт писал: «Я родился в 1910 году в Маньчжурии…» (Н.А. Щеголев – А.В. Ревоненко. 26. 10. 67 [10: с. 67]). В письме Л. Хаиндровой к А.П. Ревоненко от 2. 04. 1975 г. читаем: «Сообщаю Вам грустную весть, что в ночь на 15 марта скончался от инфаркта Николай Щеголев, поэт, имя которого в связи с харбинистикой Вам хорошо известно» [10: с. 41].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ачаир, А.* «Мне кто-то бесконечно дорог…» Стихотворения. – М.: Янус-К, 2009.
2. *БРЭМ*. Государственный архив Хабаровского края. Ф. 830, оп. 3 (дело Андерсен Л.Н.).
3. *БРЭМ*. Государственный архив Хабаровского края. Ф. 830, оп. 3 (дело А.А. Грызова).
4. *БРЭМ*. Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-830, оп. 1, д. 2 (Краткие сведения о Главном бюро).
5. *БРЭМ*. Государственный архив Хабаровского края. Ф. 830, оп. 3 (дело Я.Л. Дейча [Ловича]).
6. *БРЭМ*. Государственный архив Хабаровского края. Ф. 830, оп. 3. (дело А.И. Несмелова).
7. *БРЭМ*. Государственный архив Хабаровского края. Ф. 830, оп. 3 (дело А.В. Щеголева).
8. *БРЭМ*. Государственный архив Хабаровского края. Ф. 830, оп. 3 (дело Б.М. Юльского).
9. *БРЭМ*. Государственный архив Хабаровского края. Ф. 830, оп. 3 (д. М.И. Колосовой).
10. «Будто нет расстоянья и времени нет…» (Из писем поэтов, бывших эмигрантов, к А.В. Ревоненко). – Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2006.
11. Великая Маньчжурская империя: К десятилетнему юбилею. Харбин: Изд-во Государственной организации Кио-Ва-Кай и главного Бюро по делам рос. эмигрантов в Маньчжурской империи. Харбин, 1942 г.
12. *Ещин, Л.* Собрание стихотворений / сост. Е. Витковский. – М.: Водолей Publishers, 2005.
13. *Забияко, А.А.* Тропа Судьбы Алексея Ачаира. Научное издание. – Благовещенск: Изд-во Амурского университета, 2006; *Забияко А.А., Крыжанская К.А.* Переписка А. Ачаира и Г. Гребенщикова: идеи «сибирского регионализма» в контексте индивидуальной религиозности харбинского поэта // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Вып. 9. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Благовещенск: Амурский гос. университет, 2010. С. 198–210.
14. *Забияко, А.А.* Художественные трансформации этнокультурных архетипов: от юродства до фашизма // А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева. Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии. – Благовещенск: Изд-во Амурского университета, 2009.
15. *Забияко, А.А.* Николай Щеголев: харбинский поэт-одиночка / А.А. Забияко // Новый журнал. – NewYork, 2009. – Кн. 256. – С. 310–333.
16. *Забияко, А.А.* «Рождена ведь я все-таки женщиной…»: Марианна Колосова // А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева. «Четверть века беженской судьбы…» (художественный мир лирики русского Харбина) : монография. – Благовещенск, 2008.
17. Из переписки П. Балакшина с А. Несмеловым. Россияне в Азии // Литературно-исторический ежегодник. – № 2. – Осень 1995. – С. 65–84.
18. Коллекция «русского харбинца». Каталог собрания В.А. Слободчикова. – М.: Пашков Дом, 2006. 116 с.
19. *Колосова, М.* «Вождь» предатель // Новый путь. – 1936. – 25 июля. – № 257.
20. *Колосова, М.* Господи, спаси Россию! Стихи: Кн. 2 / М. Колосова. – Харбин: Тип. «Заря», 1930.
21. *Колосова, М.* «Их» желтый путь / М. Колосова // Новый путь. – 1936. – 6 июня. – № 208.
22. *Крузенштерн-Петерец, Ю.* Чураевский питомник (о дальневосточных поэтах) / Ю. Крузенштерн-Петерец // Возрождение. – 1968. – № 204. – С. 45–70.
23. Литература русских эмигрантов в Китае. В 10 т. / собиратель оригиналов, главный составитель, шеф-редактор Ли Янлен. – Пекин: Изд-во «Китайская молодежь», 2005.
24. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. – М.: Советская энциклопедия, 1988.
25. *Мельников, Ю.* Русские фашисты в Маньчжурии Ю. Мельников // Проблемы Дальнего Востока. – 1991. – № 2. – С. 109–121.
26. *Несмелов, А.Н.* Собрание сочинений. В 2-х т. – Владивосток: Альманах «Рубеж», 2006.
27. *Николаев Д.Д.* Специфика бытования текстов в литературе русского зарубежья 1920–1930 гг. / Д.Д. Николаев // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. – М. : ИМЛИ РАН, 2009.
28. Печатные издания харбинской классики: Аннотированный библиографический указатель печатных изданий, вывезенных хабаровскими архивистами из Харбина в 1945 году. – Хабаровск: Частная коллекция, 2003. – 128 с.
29. *Полански, П.* Русская печать в Китае, Японии и Корее: пер. с англ. / П. Полански. Каталог собрания библиотеки им. Гамильтона Гавайского университета ; предисл. и науч. ред. А.А. Хисамутдинова. – М. : Пашков Дом, 2002. – 204 с.
30. Рубеж. – 1929. – № 52.
31. Рубеж. – 1930. – № 28.
32. Русская поэзия Китая: Антология / сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. – М.: Время, 2001.
33. *Солодкая, М.* «Бессмертна вещая созвучность…» (Письма А.И. Несмелова к Л.Ю. Хаиндровой) / М. Солодкая // Четвертые кубанские литературно-исторические чтения. – Краснодар, 2003.
34. Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. – М. : ИМЛИ РАН, 2009.

ТИПЫ ПРИВЕТСТВИЙ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

К.А. Иванова

Иванова Ксения Александровна – аспирант кафедры китаеведения школы региональных и международных исследований ДВФУ.

Контактный адрес: bai_ling@mail.ru

Цель статьи – описание типов приветствий современного китайского языка, полученных в результате количественного анализа речевых формул, отобранных из источников на китайском языке. Своеобразие и специфика употребления некоторых приветствий также демонстрируется при помощи речевых формул, полученных в результате эксперимента, проведённого с носителями китайского языка.

Китайские приветствия представляют собой многообразие культурно-специфических формул, выполняющих разнообразные функции: этикетную, привлечения внимания, вхождения в речевой контакт.

Предложенная классификация представляет собой сложную, разветвлённую структуру видов и разновидностей китайских приветствий: общеупотребительных, используемых при знакомстве, при неожиданной встрече или вовремя неофициальных визитов, предназначенных для телефонного разговора или публичного выступления, и т. д.

Специфика китайских приветствий заключается в том, что их функцию могут выполнять речевые формулы, относящиеся к другим этикетным средствам. Так, приветствие может содержать пожелание, поздравление, комплимент, извинение, благодарность, соболезнование. Наиболее яркой особенностью является то, что в китайском языке обращения способны самостоятельно выступать в качестве приветствия, составляя основное содержание разговора.

Другая отличительная черта китайских приветствий − зависимость их содержания от обстоятельств общения (места встречи; то, чем занят собеседник в момент встречи).

Ключевые слова: речевой этикет, типы приветствий, работы китайских лингвистов.

Неотъемлемой частью любой коммуникативной ситуации является приветствие, выступающее в качестве средства вхождения в речевой контакт, поддержание межличностных связей. Более того, приветствия маркируют социальные отношения партнеров по взаимодействию.

Исследование любого объекта требует его классификации. Целью данной статьи является описание типов приветствий современного китайского языка, полученных в результате количественного анализа речевых формул, отобранных в содержании работ китайских лингвистов [1–12].

В ходе исследования работ на китайском языке было выявлено четыреста тридцать три этикетные единицы, способные выполнять функцию приветствия. Следует уточнить, что в рамках данной работы приветствия – это речевые формулы, предназначенные для начала общения, привлечения внимания собеседника, побуждения его к речи.

Для получения более полного представления о лексическом своеобразии приветствий и специфике их употребления на современном этапе развития языка нами проведено анкетирование, участниками которого стали китайские студенты. В ходе эксперимента с носителями языка опрошено тридцать четыре человека, двадцать одна девушка и тринадцать юношей, обучающихся в ДВФУ. Средний возраст интервьюеров составил двадцать три года.

Участникам были предложены открытые вопросы, подразумевающие свободные ответы. Молодым людям следовало назвать наиболее распространенные приветствия, используемые ими в повседневных ситуациях общения, во время знакомства, при неожиданной встрече, в начале визита, телефонного разговора или публичного выступления.

Целью данной статьи не является представление результатов проведенного анкетирования. Мы не будем заострять внимание на содержании вопросов и особенностях проведения эксперимента с носителями языка.

Наиболее интересные этикетные формулы, полученные в результате опроса, будут представлены в качестве примеров, демонстрирующих специфику функционирования приветствий в рамках составленной нами классификации.

На основании процентного соотношения речевых формул, отобранных в содержании работ на китайском языке, учитывая лексическое содержание, принадлежность к определенному этикетному средству (обращение, извинение, пожелание, поздравление и т. д.) и ситуативность их употребления, мы посчитали возможным выделить следующие типы китайских приветствий.

1. Повседневные, социальные приветствия (24 %): общеупотребительные приветствия (8 %);

обращения (7 %); приветствия, используемые при первой встрече, знакомстве (9 %).

2. Разговорные приветствия (приветствия-беседы) **(**18 %): вопросы о здоровье; работе, учебе; делах собеседника и членах его семьи; приветствия группы «吃» chī «есть».

3. Приветствия, адресуемые родственникам и друзьям (17 %): утренние в адрес членов семьи или соседей (5 %); приветствия, используемые при неожиданной встрече или встрече после долгой разлуки (7 %); приветствия, используемые во время неофициального визита (4 %).

4. Ситуативные приветствия (7 %).

5. Особые приветствия или приветствия-благопожелания **(**17 %).

6. Формулы, предназначенные для начала речевого взаимодействия (16 %): формулы опосредованного общения (предназначенные для начала письма или телефонного разговора) (10 %); предназначенные для привлечения внимания (3 %) и для начала публичного выступления (4 %).

Повседневные, социальные приветствия представляют собой краткие, зачастую устойчивые речевые формулы, содержащие исключительно приветствие и не несущие другой информации, или вежливые фразы, необходимые для установления контакта.

К этой функциональной группе относятся «общеупотребительные приветствия», в состав которых входят нейтральные речевые формулы, отражающие время суток. Например: 早上好！Zǎoshang hǎo! Доброе утро!

Последние годы не только среди молодежи, но и людей среднего возраста приобрело популярность заимствованное, англоязычное приветствие Hello «привет», получившее в китайском языке ряд эквивалентов: 哈喽 Hālou, 哈喽啊 Hālou ā, 嗨 Hāi.

Результаты анкетирования показали, что подобные формулы используются молодыми людьми не только по отношению к ровесникам, но и в адрес представителей старшего поколения (родственников, соседей, друзей семьи).

Общеупотребительными являются приветствия 你好 Nǐhǎo «Здравствуй» и

您好 Nín hǎo «Здравствуйте», используемые в разнообразных ситуациях общения, способные при помощи местоимений второго лица 你 nǐ «ты» или 您 nín «вы» регулировать возрастные и социальные взаимоотношения партнеров.

Важным повседневным средством маркирования личностных и социальных взаимоотношений всех членов китайского общества являются обращения, используемые не только одновременно с приветствиями, но и самостоятельно выполняя те же функции (этикетную, маркирующую, функцию привлечения внимания). Например:

王姐. Wáng jiě. Сестрица Ван.

张秘书. Zhāng mìshū. Секретарь Чжан.

В рамках составленной нами классификации социальными приветствиями считаются также и этикетные единицы, используемые при первой встрече, знакомстве, так как данная коммуникативная сфера является неотъемлемой частью общественных отношений. В зависимости от обстановки общения и соотношения статусов коммуникантов такие приветствия отличаются стилистической тональностью. Например:

你好．我认识一下，我叫王丽．Nǐ hǎo. Wǒ rènshi yíxià, wǒ jiào Wáng Lì. Здравствуй. Разрешите представиться, меня зовут Ван Ли.

久仰您的大名，今天终于见到了．Jiǔyǎng nínd dàmíng, jīntiān zhōngyù

jiàndào le. Много о Вас слышала, сегодня, наконец-то встретила.

Вторым основным типом данной классификации являются «приветствия-беседы», представляющие собой вопросно-ответные реплики, при использовании которых спрашивающий вовсе не преследует цели получить какие–то сведения о собеседнике, а намерен проявить заботу, продемонстрировать свою заинтересованность его делами.

В состав этой группы входят вопросы о здоровье, работе, состоянии дел адресата и членов его семьи, а также традиционные китайские выражения группы «吃» chī «есть». Например:

兄弟，最近如何? Xiōngdì, zuìjìn rúhé? Братец, как ты последнее время?

小王，最近工作顺利吧？Xiǎo Wáng, zuìjìn gōngzuò shùnlì ba?

Сяо Ван, последнее время на работе всё хорошо?

Результаты опроса показали, что на современном этапе развития языка до сих пор популярны традиционные китайские вопросы о том, куда направляется адресат в момент встречи. Например:

张老师，您去哪？ Zhāng lǎoshī, nín qù nǎ?

Учитель Чжан, куда направляетесь?

По результатам анкетирования не менее популярными при встрече с родственником, другом (сверстником или представителем старшего поколения) являются вопросы о том, чем занимается собеседник в данный момент. Например:

忙什么呢？ Máng shénme ne? Чем занимаешься?

В рассмотренных нами работах достаточно часто встречаются традиционные китайские приветствия, типа: 吃了吗？Chīle ma? Ел(и)?, которые активно использовались жителями сельской местности или малообразованными горожанами ещё в конце прошлого века.

Однако результаты эксперимента показали, что в настоящее время речевые формулы группы 吃 chi «есть» не являются повседневными, общеупотребительными в среде образованных членов китайского общества. Редкое исключение – общение с членами семьи, близкими знакомыми, соседями в утреннее или обеденное время. Например:

爷爷，早上好. 吃了吗? Yèyè, zǎoshang hǎo. Chīle ma?

Дедушка, доброе утро. Уже поел?

«Приветствия в адрес родственников, друзей, соседей», отличаются непринуждённостью и даже фамильярностью, в зависимости от степени близости коммуникантов. К данной разновидности относятся этикетные формулы, используемые:

– в утреннее время в адрес членов семьи, гостей дома, хороших соседей;

– при неожиданной встрече или встрече после долгой разлуки;

– в начале дружеского визита;

– для передачи привета третьим лицам.

Некоторые китайские авторы считают приветствия по отношению к родственникам, живущим в одном доме, неуместными. Однако результаты анкетирования показали, что существует целый спектр утренних приветствий, употребляемых членами семьи по отношению друг к другу.

Подобные речевые проявления не содержат какой-либо информации, используются в качестве средства привлечения внимания, оповещения о своем присутствии. Такие приветствия содержат пожелания доброго утра, сопровождаемые родственными обращениями, разнообразные высказывания, связанные с приемом пищи, утренними процедурами. Например:

早睡得好吧? Zǎo shuìde hǎo ba? Как спалось? [11: с. 30]

妈妈，早饭吃什么？ Māmā, zǎofàn chī shénme? Мама, что на завтрак?

Что касается приветствий, адресованных соседям, в некоторых случаях они аналогичны тем, которые адресуются родственникам, в других – этикетные формулы, употребляемые в утреннее время, содержат замечания о погоде, расспросы о самочувствии, планах на день. Например:

老王，睡得怎么样？Lǎo Wáng, shuìde zěnme yàng? Лао Ван, как спалось?

早啊，今天天气很好啊! Zǎo ā, jīntiān tiānqì hěn hǎo ā!

Доброе утро, сегодня очень хорошая погода!

Некоторые этикетные формулы способны выполнять не только фатическую и этикетную, но и эмотивную функцию. С помощью приветствий можно продемонстрировать дружеские чувства, положительные эмоции по поводу долгожданной или неожиданной встречи с приятелем или старым знакомым. Например:

好久不见，见到你很高兴. Hǎo jiù bú jiàn, jiàndào nǐ hěn gāoxìng.

Давно не виделись, рад(а) тебя видеть.

真的有缘份阿！怎么你也在这儿？Zhēnd yǒu yuánfèn ā! Zěnme nǐ yě zài

zhèr? Вот так встреча! А ты как здесь оказался?

Хотя визиты вежливости являются неотъемлемым компонентом социального взаимодействия, но в ходе работы с источниками выявлено незначительное количество этикетных единиц, используемых в начале подобной коммуникативной ситуации.

Однако эксперимент с носителями языка позволил получить разнообразные приветствия, употребляемые хозяином и пришедшим в его дом гостем, что и стало причиной для того, чтобы выделить такой тип как «приветствия, используемые во время неофициальных визитов».

Приветствие со стороны посетителя может быть любым: общеупотребительным, содержать оповещение о своем приходе, выражать радость по поводу встречи, извинение за беспокойство. Например:

你好! Nǐ hǎo! Здравствуй!

我们来了，打扰了! Wǒmen láile, dǎrǎole! Мы пришли, побеспокоили тебя!

哎呀，想死你们了! Aīyā, xiǎngsǐ nǐmen le! Ой, как же я о вас соскучился!

Что касается реплик хозяина, они, как правило, носят более вежливый характер, демонстрируют радость по поводу прихода посетителя и другие проявления гостеприимства. Например:

真是稀客阿! Zhēnshì xīkè ā! Вот уж действительно редкий гость!

你终于来啦! Nǐ zhōngyú lái lā! Наконец–то ты пришла!

Следующим типом в рамках составленной нами классификации являются «ситуативные приветствия» – речевые формулы, употребляемые в соответствии с обстоятельствами общения или местом встречи, содержание которых также может определяться и тем, чем занимается адресат в момент встречи. Например:

洗衣服呢？Xǐ yīfu ne? Стираешь? [11: с. 57]

锻炼身体呢？Duànliàn shēntǐ ne? Спортом занимаешься (тренируешься)? [11, с. 57].

В работах китайских авторов встречаются приветствия-благопожелания, [3: с. 198; 5: с. 81; 6: с. 210], лексическое содержание которых зависит от обстоятельств их употребления: радостное событие (переезд, открытие бизнеса), семейное торжество,

традиционный или государственный праздник. Например:

生日快乐，万事如意！ Shèngrì kuàile, wànshìrúyì!

Счастливого дня рождения, исполнения всех желаний!

新婚幸福. Xīnhūn xīngfú. Счастливой свадьбы.

Формулы, предназначенные для начала речевого взаимодействия, включают в свой состав лаконичные выражения, с помощью которых можно начать письмо, публичное выступление, телефонную беседу, разговор с незнакомым человеком на улице или в общественном месте.

Речевые формулы, используемые при обращении с вопросом, просьбой, призывом о помощи, выполняют этикетную и фатическую функцию. Подобные этикетные единицы представляют собой безличные речевые штампы и в случае, если не сопровождаются маркирующим обращением, носят универсальный характер, используются независимо от характеристик адресата, являясь тем самым, оптимальным выбором при обращении к незнакомому человеку. Например:

不好意思，请问… Bù hǎo yìsi, qǐngwèn… Простите, позвольте спросить…

Выражения, предназначенные для начала публичного выступления, выполняют функцию привлечения внимания аудитории, подготовки к последующему монологу. Результаты опроса показали, что подобные формулы отличаются лексическим разнообразием, содержат универсальные приветствия, сопровождаемые обращениями во множественном числе, благодарность за внимание и другие проявления вежливости. Например:

尊敬的老师同学们，大家好！Zūnjìngd lǎoshī tóngxúemen, dàjià hǎo!

Уважаемые преподаватели и студенты, здравствуйте!

欢迎大家来到这里. 很荣幸为大家做报告. Huānyíng dàjiā láidào zhèli. Hěn

róngxìng wéi dàjiā zuò bàogào. Спасибо, что пришли. Для меня большая честь представить вам свой доклад.

Что касается телефонных реплик, предваряющих основной разговор, то их содержание зависит от характеристик адресата (знакомый/незнакомый) и специфики предполагаемого общения (официальное/неофициальное). Звонящим, как правило, используются нейтральные общеупотребительные приветствия. Например:

喂，你好，请问. . . Wèi, nǐ hǎo, qǐng wèn. . .

Алло, здравствуйте, скажите, пожалуйста . . .

В случае, если звонок является частным, адресован знакомому, родственнику, формулы, предназначенные для начала разговора, могут носить фамильярный характер. Общение посредствам мобильной связи дает возможность заранее определить особенности своего речевого поведения, что позволяет и звонящему, и принимающему звонок использовать произвольные речевые формулы, выполняющие контактоустанавливающую функцию. Например:

喂，在忙什么？Wèi, zài máng shénme? Алло, чем занимаешься?

在那里阿？Zài nàli ā? Ты где?

Что касается эпистолярных приветствий в составе современного китайского языка, то они стремятся к упрощению и разговорной норме. Слова и конструкции, которые употребляются для начала устного контакта, допустимы и в письменной речи. В зависимости от типа взаимоотношений партнеров содержанию письма могут предшествовать обращения или общеупотребительные приветствия:

你好 Nǐhǎo «Здравствуй» и 您好 Nín hǎo «Здравствуйте». Например:

老师，您好. Lǎoshī, nín hǎo. Учитель, здравствуйте.

亲爱的宝贝儿. Qīnàid bāobèr. Дорогая малышка.

Результаты опроса показали, что в начале письменного сообщения, адресованного родственникам и друзьям, используются фамильярные приветствия типа 哈喽 hālou, 嗨 hāi – «привет», а также разнообразные расспросы о состоянии дел, здоровья адреса, которые активно используются и в процессе устно-речевого взаимодействия. Например:

嗨，最近忙啥呢? Hāi, zuìjìn máng shá ne?

Привет, чем последнее время занимаешься?

Письменные приветствия современного китайского языка уже не представляют собой сложные обороты, синтаксические конструкции, клише и штампы. Речевые формулы, полученные в результате опроса, мало чем отличаются от приветствий, используемых в устной речи.

Такие разные с точки зрения своего предназначения этикетные единицы, используемые для начала публичного выступления, телефонного разговора или письма, объединены в одну функциональную группу по причине того, что используются для начала кратковременного, одностороннего или опосредованного, дистантного (во времени или пространстве) общения.

Одним из проявлений вежливости является использование этикетных единиц, функция которых заключается в том, чтобы передать привет третьему лицу, например, членам семьи собеседника, общему родственнику или другу. Например:

问您家人好！Wèn nín jiārén hǎo! Передавайте привет вашей семье!

В китайских источниках подобные этикетные единицы являются одним из типов приветствий [6: с. 210; 11: с. 31]. Однако результаты анкетирования показывают, что формулы, передаваемые третьим лицам, как правило, используются в конце речевого взаимодействия (в том числе и письменного).

В заключение проведенного нами исследования лексического своеобразия китайских приветствий и специфики их употребления в речи носителей языка можно сформулировать ряд выводов.

Значительная часть рассмотренных этикетных формул, способных выступать в качестве приветствия, по своим формальным признакам относится и к другим этикетным категориям: обращениям, извинениям, просьбам, пожеланиям. Приветствия выполняют не только контактоустанавливающую и функцию привлечения внимания собеседника, но и этикетную, маркирующую функцию.

Важной специфической особенностью общения на китайском языке является использование обращений не только одновременно с приветствиями, но и самостоятельно, в качестве средства, выполняющего этикетную, фатическую и социально маркирующую функцию, на начальном этапе речевого взаимодействия.

Своеобразие китайских приветствий (устных и письменных) заключается в том, что их значительная часть представляет собой разнообразные вопросы, предназначенные не для получения конкретной информации, а демонстрирующие заботу о собеседнике, заинтересованность его делами.

В соответствии с результатами анкетирования лексическое содержание вопросно-ответных приветствий отличается разнообразием, однако, все реже употребляются стилистически возвышенные, максимально вежливые и демонстрирующие почтение этикетные формулы.

Национальной спецификой обладают и так называемые ситуативные приветствия, употребляемые в соответствии с обстоятельствами общения или местом встречи, указывающие на то, чем занимаются собеседники в момент встречи.

Что касается традиционных этикетных формул, относящихся к лексико-смысловой группе «吃 » chī «есть», эксперимент с носителями языка показал, что студенты не используют подобные приветствия в ситуациях повседневного взаимодействия, исключением является общение с членами семьи, близкими знакомыми.

Особое место в китайской языковой культуре занимают приветствия-благопожелания, используемые при встрече по особому случаю (народному празднику, семейному торжеству и т. д.). Подобные выражения по-прежнему представляют собой широкий спектр устойчивых словосочетаний, клише, зачастую состоящих их четырёх морфем.

Что касается опосредованных приветствий, используемых во время телефонного или письменного взаимодействия, на современном этапе развития китайского языка они претерпевают некоторые преобразования.

Телефонные реплики, предназначенные для вхождения в речевой контакт, благодаря индивидуальным средствам связи, приобретают более произвольный характер. В качестве приветствий могут выступать не только нейтральные общеупотребительные формулы.

Речевые единицы, предшествующие основному содержанию письменного сообщения, на современном этапе развития языка носят разговорный и универсальный характер, подобно тому, как в различных ситуациях устного общения используются одни и те же приветствия.

Формулы, используемые в начале письма, уже не представляют собой сложные штампы, на их место пришли более простые, мало отличающиеся от устных высказываний, используемых при встрече с родственниками, друзьями, знакомыми.

Особое место в работах китайских авторов занимают этикетные формулы, передаваемые третьим лицам. Подобные проявления вежливости в некоторых работах на китайском языке получили статус приветствий и имеют аналогичную лексико-семантическую принадлежность. Однако используются подобные формулы в конце этикетного диалога, а в некоторых случаях выполняют функцию завершения речевого контакта.

Не стоит забывать, что типы приветствий, входящие в состав классификаций, являются условными, одна и та же речевая формула может быть уместна при общении с разными партнерами, в различных коммуникативных условиях. Необходимо также учитывать и многообразие синонимичных формул, ситуативное функционирование которых неодинаково.

Можно сделать вывод о том, что приветствия трансформируются сравнительно медленно. Некоторые ранее существующие речевые формулы, постепенно теряя свою актуальность, отходят на второй план, выходят из обихода, на их место приходят новые более актуальные, появление которых обусловлено современными общественными и языковыми процессами. Однако национально-культурная специфика употребления приветствий современного китайского языка по-прежнему сохраняется.

Изучение приветствий в разных языках и культурах носит не только теоретическую, но и практическую ценность, так как знание национально-культурной специфики речевого этикета определяет успешность межъязыкового и межкультурного общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Хуйчжоу. Чжунго чжи ли дэ юйянь юй вэньхуа тоуши (Речевой этикет в Китае и культурная перспектива) // Дисыцзе гоцзи ханьюй цзяосюе таолуньхуй вэньсюань (Избранные доклады четвертого международного симпозиума по преподаванию китайского языка). – Пекин, 1995. – С. 488–497.

2. 万惠州. 中国之礼的语言与文化透视 // 弟四届国际汉语教学讨论会文选 // 北京语言学院出版社.

3. Го Пань. Вэньхоуюй шолюе (Кратко о приветах) // Юйянь вэньцзы ин'юн (Прикладная лингвистика). 2003. № 1. С. 111–115. = 郭攀. 问候语说略 // 语言文字应用.

4. Ханьюй юй вэньхуа цзяоцзи (Китайский язык и культура общения) / под ред. Ян Дэфэна. Пекин, 1999. 213 с. = 汉语与文化交际 / 杨德峰. 北京大学出版社.

5. Чжунго ли'и цюаньшу. Сяньдай ли'и (Свод китайского этикета. Современный этикет). Т.2. Хэйфэй, 2005. = 中国礼仪全书. 现代礼仪. 安微科学技术出版社.

6. Сяньдай шань'у ли'и (Современный деловой этикет) / под ред. Сю Цзин'юй. Пекин, 1997. 316 с. = 现代商务礼仪 / 熊经浴. 北京金盾出版社.

7. Сюй Дэнань. Шиюн цзинюй дэ жогань вэньти (Некоторые вопросы употребления уважительной лексики) / Диэрцзе гоцзи ханьюй цзяосюе таолуньхуй вэньсюань (Избранные доклады второго международного симпозиума по преподаванию китайского языка). Пекин, 1988. С. 208–212.

8. 许德楠. 使用敬语的若干问题 // 弟二届国际汉语教学讨论会文选. 北京语言学院出版社.

9. Фу Минь. Коуюй цзай фэньфу до бяньдэ юйцзин чжун (Разговорный язык в многообразных, меняющихся языковых условиях) // Юйянь вэньцзы инюн (Прикладная лингвистика). 1993. № 7. С. 103-108. = 傅民. 口语在丰富多变的语境中 // 语言文字应用.

10. Ху Мин'ян. Ханьюй ли'и юнюй цзици вэньхуа нэйхань (Вежливые слова в китайском языке и их культурная коннотация). Шанхай, 2003. 91 с.

11. 胡明扬. 汉语礼仪用语及其文化内涵. 上海辞书出版社.

12. Хуан Хэ. Ханьюй жичан коуюй чжун дачжаоху дэ сяньчжи иньсу (Факторы, ограничивающие приветствия повседневного разговорного китайского языка) // Ханьюй сюеси (Изучение китайского языка). 2003. № 3. С. 56–59. = 黄河. 汉语日常口语中打招呼的限制因素 // 汉语学习.

13. Чан Цзин'юй. Ханьюй цыхуй юй вэньхуа (Китайская лексика и культура). Пекин, 1996. 208 с. = 常敬宇. 汉语词汇与文化. 北京大学出版社.

14. Шо шэньма цзэньма шо (Что и как говорить) / под ред. Цю Чжипу. Нань цзин, 1985. 365 с. = 说什么怎么说 / 邱质朴. 南京大学对外汉语研究室.

15. Чэнь Сунцэнь. Лимао юйянь чутань (Введение в речевой этикет). Пекин, 1989. 110 с. = 陈松岑. 礼貌语言初探. 北京商务印书馆

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА ПО ПОДГОТОВКЕ МЛАДШИХ И СРЕДНИХ МЕДИЦИНСКИХ КАДРОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РСФСР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

И.В. Крюков

Крюков Иван Владимирович – соискатель кафедры отечественной истории Дальневосточного государственного гуманитарного университета, заведующий экспозиционно-выставочным отделом современной истории Хабаровского краевого музея имени Н.И. Гродекова.

Контактный адрес: ivan22-86@mail.ru

В статье освещается один из малоизвестных аспектов истории Великой Отечественной войны – деятельность Российского общества Красного Креста на Дальнем Востоке в 1941–1945 гг. Автор раскрывает основные задачи данной организации, которые заключались в подготовке медицинских резервов из гражданского населения для нужд армии, флота и тыловых медицинских учреждений, заготовке донорской крови, уходу за ранеными и т. д. Показаны различные формы активности местного населения в получении медицинских навыков через курсы медсестер и сандружиниц, рассматривается вопрос об обучении гражданского населения по программам «Готов к санитарной обороне» (ГСО) и «Будь готов к санитарной обороне» (БГСО), осуществляемом крастнокрестными обществами в массовом порядке. Динамика численности организаций Красного Креста прослеживается на протяжении всего периода Великой Отечественной войны по отдельным территориям Дальнего Востока.

На основе новых данных из фондов региональных архивов автором делаются выводы о масштабах медико-санитарной подготовки дальневосточного населения через систему РОКК, роли местных партийно-советских органов власти в организации санитарно-оборонной работы. Автор анализирует качественные показатели работы региональных организаций РОКК и характер проблем, стоявших перед ними в годы войны, таких как состояние материально-технической базы, нехватка преподавательских кадров и др.

Особое внимание автор уделяет вопросу о работе дальневосточного РОКК в период войны с милитаристской Японией. Освещается деятельность сандружин по проведению профилактических мероприятий среди гражданского населения в ближайшем тылу, а также в обстановке фронта.

Ключевые слова: медико-санитарная подготовка, Великая Отечественная война, Дальний Восток, Российское общество Красного Креста, медицинские резервы, санитарные дружины.

В последнее время в нашей стране идет активная популяризация деятельности Российского Красного Креста и это не случайно, так как через историю деятельности этой организации есть возможность обратить внимание общества на острые проблемы здравоохранения и медицины, такие как распространение туберкулеза среди населения и нехватка донорской крови. В связи с этим следует обратиться к историческому прошлому РОКК и в особенности его деятельности в период Великой Отечественной войны, когда деятельность организации была особенно нужна и заметна.

Российское общество Красного Креста (РОКК) являлось одним из наиболее массовых добровольных общественных организаций страны, членами которого являлись сотни тысяч советских граждан. В распоряжении общества находились медицинские школы, кружки по подготовке населения основам медицинского дела. В годы Великой Отечественной войны Красный Крест, как и многие другие общественные организации страны, значительно активизировал свою работу, которая заключалась в обучении медицинских резервов из гражданского населения для нужд армии, флота и тыловых медицинских учреждений, заготовке донорской крови, уходу за ранеными и т. д.

В начальный период войны, когда шли кровопролитные бои на территории европейской части СССР и советские войска несли людские потери, необходимость в медицинских кадрах стояла особенно остро. Актуально это было и для Дальневосточного региона, на границе которого находилась милитаристская Япония, войска которой еще до Великой Отечественной войны проявляли активность в приграничной зоне, а в ходе войны эта активность заметно увеличилась. Так, с декабря 1940 г. по 12 марта 1941 г. погранохраной Хабаровского округа задержано 497 нарушителей государственной границы. Они проникали на советскую территорию группами от 2 до 20 человек. В целом же, за весь 1941 г. было задержано 1198 нарушителей границы, из них 235 японских агентов [28: с. 57]. В этих условиях были часты случаи ранения и гибели советских воинов в ходе вооруженных столкновений с японскими провокаторами. Вследствие чего медицинские учреждения приграа-

ничных населенных пунктов были переполнены, а для оказания медицинской помощи и уходом за ранеными требовался младший медицинский персонал. С началом Великой Отечественной войны проблема нехватки данного персонала стала острее. Младший медицинский персонал решено было готовить из местного населения в сжатые сроки и через Российское общество Красного Креста.

В связи с этим с первых дней войны дальневосточники стали вступать в Российское общество Красного Креста, где они обучались оказанию первой помощи раненым, пораженным отравляющими веществами, уходу за больными, приобретению таких навыков, как переливание крови, введение обезболивающих средств и наркоза, первичная обработка ран. При поликлиниках, больницах, госпиталях были организованы курсы, на которых без отрыва от производства готовились медицинские сестры. Так, в течение нескольких дней с начала войны в Амурский областной комитет РОКК поступило 128 заявлений от девушек с просьбой направить их в действующую армию, они требовали принять их на курсы медсестер или в учебные санитарные дружины. В свою очередь, комсомолки Михайло-Чесноковского вагоноремонтного завода обратились к девушкам г. Свободного с призывом массово изучать санитарное дело [9: л. 8; 25: с. 31; 26: с. 16]. С 22 июня по август 1941 г. в Амурской области было организовано и регулярно занималось 12 курсов медицинских сестер, 24 сандружины, 516 санитарных постов [14: л. 7][1]. За годы войны в области проведено несколько выпусков курсов медсестер. Только в 1943 г. работало 11 групп (360 человек), в большинстве без отрыва от производства. В 1944 г. организации Красного Креста подготовили 1350 медико-санитарных работников и обучили санитарной обороне более 10 тыс. чел. Всего за годы войны Амурская областная организация РОКК подготовила 1,6 тыс. медсестер, около 20 тыс. сандружинниц [1: с. 324; 2: л. 2; 26: с. 10].

В то же время жительницы г. Комсомольска-на-Амуре в своем письме «фронтовым подругам» писали: «…Мы ставим своей задачей подготовить к этому году не менее 1000 медицинских сестер запаса, не менее 3000 сандружиниц для работы в штабах ПВО, создать санитарные посты при каждом домоуправлении, госпитале, обучить всех женщин медико-санитарным знаниям, нужным для оказания первой помощи раненым…» [32: с. 205].

Вместе тем стоит отметить и случаи нежелания населения вступать в общество Красного Креста. Данная тенденция была отмечена в Нижне-Амурской области, где в 1941 г. РОКК было малопопулярным среди населения. В области были созданы 2 группы курсов медицинских сестер, которые работали в вечернее время без отрыва от производства, 2 сандружины количеством 55 чел., 42 санитарных поста. В организациях и на предприятиях создано около 40 кружков по подготовке рабочих и служащих по программе «Готов к санитарной обороне», где обучалось 1,2 тыс. чел. [14: л. 16, 18]. Однако случаи негативного отношения населения к организации РОКК встречались очень редко. В основном население Дальнего Востока с пониманием участвовало в работе общества Красного Креста, посещало различные медицинские курсы и т. д. Только за первые два года войны в Еврейской Автономной области обществом Красного Креста создано 242 санитарных поста, подготовлено 242 медсестры и 456 сандружинниц. На северном Сахалине за 7 месяцев 1942 г. по линии РОКК было подготовлено 99 медсестер, 76 сандружинниц. В свою очередь, в Чукотском национальном округе к 1 марта 1942 г. было подготовлено 63 медсестры, организовано и проходило обучение 18 санитарных дружин и 27 санитарных постов. Аналогичная обстановка была и в Корякском национальном округе. За годы войны в Хабаровском крае медико-санитарную подготовку прошли 132,2 тыс. чел [14: л. 41; 15: л 191; 16: л. 131об, 134].

Многие сандружинницы и медицинские сестры, прошедшие подготовку по линии Красного Креста, привлекались к работе в медицинских учреждениях, в частности, большинство эвакогоспиталей было укомплектовано данными специалистами [25: с. 116]. Выпускницы курсов медсестер читали лекции на медицинские и военно-санитарные темы на различных предприятиях и организациях.

Вопросам санитарно-оборонной работы посвящались комсомольско-молодежные вечера, на которых часто выступали женщины-фронтовики, герои Отечественной войны, медицинские работники. Они делились опытом, рассказывали о работе медсестер и сандружинниц на фронте и в условиях местной противовоздушной обороны. Правда, имелись факты, когда в рамках мобилизационных мероприятий в действующую армию призывались девушки-комсомолки, не закончившие курсы медсестер. Конечно, это было вызвано нехваткой медицинских кадров, которая сказывалась и на подготовленности данных специалистов. При этом многие дружины прекращали свое существование после призыва девушек [17: л. 145].

Активная подготовка медицинских резервов шла и в Приморском крае. Лишь за 1944 г. в Ки-

[1] Санитарные посты создавались на предприятиях, в учреждениях, колхозах. Их задачей было – оказание первой медицинской помощи пострадавшим от воздушных налетов противника в тех коллективах, где не было сандружин, а также санитарно-профилактическая работа среди населения.

ровском районе было подготовлено 204 сандружинницы. За этот год во Владивостоке подготовлено 263 медицинские сестры запаса и чуть более 1 тыс. сандружинниц, из них 459 школьниц [5: л. 64; 6: л. 5]. Всего во Владивостоке за годы войны было подготовлено около 20 тыс. медсестер и сандружинниц.

Помимо областных и краевых крастнокрестных обществ, существовали местные общества Красного Креста, созданные при отдельных предприятиях и организациях, которые также занимались подготовкой медицинских кадров. Например, общество Красного Креста и Красного Полумесяца железных дорог Востока и Дальнего Востока обучило за 1941–1944 гг. 9,4 тыс. медсестер и 28,5 тыс. сандружинниц [29: с. 118].

Подготовка медицинских кадров шла также и через шестимесячные курсы медсестер и трехмесячные курсы санитарок, которые создавались на предприятиях и в учреждениях по профсоюзной линии[2].

Кроме этого, на предприятиях организовывались медико-санитарные части, расширялась сеть здравпунктов. Данные мероприятия позволили снизить распространение острокишечных заболеваний среди рабочих и служащих данных организаций [23: с. 13; 25: с. 31; 27: с. 536]. Обучение санитарному делу проходило и в школах. Так, в Амурской области за 1944–1945 гг. учебный год было подготовлено 120 сандружинниц и т. д. [3: л. 4]. Обучение населения медицинскому делу проходило и в сельской местности; в 1944 г. в Приморье, а затем в Хабаровском крае стали разворачиваться сестринские медпункты в колхозах.

Стоит отметить и вклад Хабаровской краевой организации Осоавиахима в подготовку медицинских кадров. За годы Великой Отечественной войны ею было подготовлено 7,5 тыс. медицинских сестер и санитарных дружинниц. При этом более 9,5 тыс. медицинских кадров было обучено по программе военного обучения [7: л. 153; 30: с. 123].

Проблема подготовки медицинских кадров была в постоянном поле зрения органов власти. Так, для обеспечения массовой подготовки организациями Красного Креста и Красного Полумесяца медицинских сестер запаса и санитарных, дружинниц, согласно распоряжению и постановлению СНК СССР от 2 июля 1941 г. «Об обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне» все отделы здравоохранения на местах должны обеспечить все курсы медсестер и учебные сандружины всем необходимым [25: с. 31].

В свою очередь местные органы власти действовали также, решением Ульчского райисполкома с 10 декабря 1942 по 1 января 1943 гг. планировалось провести курсы санитаров с отрывом от производства [31: с. 209]. Стоит отметить, что несмотря на все трудности в Хабаровском крае выделялись деньги на стипендию курсантам и заработную плату преподавателям курсов по подготовке медсестер из крайкома РОКК. В условиях войны это был важный стимул к работе и учебе [13: л. 395].

Помимо того, что Российское общество Красного Креста в массовом порядке готовило среди гражданского населения младший и средний медицинский персонал для работы на фронте и в тылу, на него было возложено обучение гражданского населения по программам «Готов к санитарной обороне» (ГСО) и «Будь готов к санитарной обороне» (БГСО). Данные программы давали знания по оказанию доврачебной помощи и помощи в военно-полевой обстановке. Это обучение осуществлялось в тесном сотрудничестве с административными органами власти на местах. Так, в 1941 г. Хабаровский и Бикинский горисполкомы приняли решения, по которому все гражданское население в возрасте от 10 до 50 лет должно пройти подготовку по нормам ГСО и БГСО. Занятия проходили в кружках 3–4 раза в неделю, а вся программа подготовки была рассчитана на 16 часов. В августе 1942 г. такие решение приняли Хабаровский и Лазовский районные исполкомы Советов депутатов трудящихся. Непосредственно курировали работу кружков районные комитеты Российского общества Красного Креста [10: л. 164; 11: л. 143; 12: л. 11; 13: л. 8–11; 31: с. 202–203].

За первые шесть месяцев войны на Камчатке было подготовлено 2,5 тыс. значкистов ГСО I ст. и почти 800 значкистов ГСО II ст., а также значкистов БГСО 720 чел. Всего за военный период с июня 1941 г. по ноябрь 1942 г. Камчатская областная комсомольская организация подготовила 8 тыс. значкистов «Готов к санитарной обороне» и «Будь готов к санитарной обороне». В это же время на Камчатке принимали участие в подготовке значкистов ГСО в рамках РОКК и медицинские работники. Вот только несколько примеров: Н.А. Петрова, врач Петропавловской поликлиники подготовила 60 значкистов ГСО I ст., Б.А. Гроссман, врач городской больницы, подготовила около 40 значкистов ГСО I ст., фельдшер Колегин села Хутор подготовил всех колхозников села по нормам ГСО I ст., фельдшер Левченко подготовила 167 значкистов «Готов к санитарной бороне» I ст.

[2] Секретариат ВЦСПС обязал профсоюзные организации создать на всех предприятиях и в учреждениях краткосрочные курсы медицинских сестер и учебно-санитарные дружины, широко вовлекая в них работниц, служащих и домашних хозяек – жен рабочих и служащих данного предприятия.

Организация Красного Креста Сахалинской области за семь месяцев 1942 г. подготовила 3 тыс. значкистов ГСО и БГСО. К 1943 г. с начала войны Хабаровской краевой организацией РОКК было подготовлено по нормам ГСО и БГСО – 199, 5 тыс. чел. Амурская областная организация Красного Креста в 1944 г. подготовила 10 тыс. значкистов ГСО. В целом в Хабаровском крае за годы Великой Отечественной войны сдали нормы по программе «Готов к санитарной обороне СССР» и «Будь готов к санитарной обороне СССР» более 300 тыс. чел. (из них 37 тыс. значкистов было подготовлено в Амурской области) [18: лл. 105–106; 16: л. 131об, 140 об; 19: л. 48об; 21: л. 10; 9: л. 16; 26: с. 10].

В Приморском крае за 1942/43 учебный год в школах сдали нормы ГСО I ст. 5308 учеников и ГСО II ст. 299 учеников. В 1944 г. в г. Владивостоке подготовлено значкистов ГСО 21 тыс. чел. из них 16 тыс. населения и почти 5 тыс. школьников. В свою очередь значкистов БГСО подготовлено 3, 5 тыс. чел. За 1-й квартал 1945 г. в двух городах Приморского края, Владивостоке и Артеме, было подготовлено более 8 тыс. значкистов ГСО, создано 328 санитарных постов и звеньев и т. д. [4: л. 44 об; 5: л. 64, 99, 150].

Численность местных организаций Российского Красного Креста Дальневосточного региона в период войны постоянно менялась. Количество первичных организаций общества могло сократиться, но количество членов общества к окончанию войны стало больше, чем на начало войны. Так, Сахалинская областная организация Красного Креста за первое полугодие 1942 г. выросла на 24 первичные организации (203), с более чем 7 тыс. членами – рост составил 951 чел. В свою очередь, в Амурской области в 1943 г. насчитывалось 664 первичных организаций Красного Креста, в них состояло 19,5 тыс. членов общества. И рост первичных организаций и соответственно членов общества продолжался постоянно. Например, в Благовещенске в 1944 г. количество первичных организаций РОКК увеличилось с 92 до 117. На конец декабря 1943 г. по отчету Хабаровского крайкома ВКП (б) ЦК партии в краевой организации Российского общества Красного Креста состояло почти 90 тыс. чел., но уже в первом полугодии 1944 г. в организацию вступило 14 тыс. чел. К лету 1945 г. во Владивостоке в 249 организациях насчитывалось 19 тыс. чел., в Нижне-Амурской области – 425 организаций Красного Креста, в которых прошли подготовку 14 тыс. чел. На 1 января 1946 г. в Хабаровском крае насчитывалось более 2,6 тыс. первичных организаций РОКК с 132,2 тыс. членами, 97 кадровых санитарных дружин, более 2 тыс. санитарных постов [5: л. 150; 20: л. 10; 32: с. 159; 30: с. 123; 26: с. 10–11].

Нельзя забывать и о такой многочисленной категории населения, как домохозяйки, которые внесли свой вклад в подготовку санитарно-медицинских кадров. Так, жительница Сахалинской области Лемжина за шесть месяцев войны подготовила 39 значкистов по программе «Готов к санитарной обороне» [18: л. 106].

Таким образом, мы видим, что деятельность РОКК нашла отклик у населения. Знания, приобретенные ими в обществе, могли пригодиться не только в боевых условиях, но и в мирной жизни.

Во время подготовки к войне с Японией работа организаций Красного Креста Дальнего Востока продолжалась. Успешно выполнялись задания по подготовке медсестер, сандружинниц, осуществлялось шефство организаций Красного Креста над больницами, госпиталями, детскими учреждениями, семьями фронтовиков.

В период войны с милитаристской Японией в г. Благовещенске было развернуто и переведено на казарменное положение 13 сандружин. Они работали в госпиталях, переносили прибывающих из районов боевых действий раненых в приемные палаты. Ко всем госпиталям были прикреплены по 3–4 организации РОКК, которые установили круглосуточное дежурство в палатах. Более 300 сандружинниц Амурской области работало в военных госпиталях и на передовой линии фронта. Многие из них за эту работу получили благодарности от командования госпиталей, а 92 медсестры и санитарные дружинницы были награждены медалями «За победу над Японией». Около 100 медицинских сестер участвовали в боевых действиях на о. Сахалин, а около 500 женщин активисток шефствовали над госпиталями. В то же время активистами Хабаровского края было проведено более 5 тыс. бесед, 415 лекций и докладов по санитарно-просветительской тематике, было организованно 376 санитарных участков и выставок. В Хабаровске в госпиталях работали около 1 тыс. членов Красного Креста.

Активную помощь медицинским работникам и армии оказали 4,5 тыс. доноров, из них 3,4 тыс. девушек-комсомолок. На фронт было отправлено 98 литров крови за первую неделю войны с Японией. Почти ко всем госпиталям г. Хабаровска были прикреплены группы доноров по 25–40 чел. А всего в работе, связанной с боевыми действиями, приняли участие 29 тыс. чел [22: л. 16 об, 137; 21: лл. 10–11; 30: с. 123–124; 26: с. 11; 24: с. 31].

Итак, во время войны общество Красного Креста проводило систематическую работу по подготовке населения Дальневосточного региона к оказанию медико-санитарной помощи и взаимопомощи. Тысячи дальневосточников в годы войны овладели санитарным делом, приобрели специальность медицинских сестер, участвовали в донорском

движении. В этом, как и во многих других делах, ярко проявился их патриотизм. Благодаря четкой и продуманной государственной помощи РОКК, они смогли подготовить значительное количество среднего и младшего медицинского персонала. Это помогло Советской армии, фронту более успешно решить одну из трудных задач военного времени – своевременно обеспечить фронтовые и тыловые лечебные учреждения квалифицированными медицинскими работниками.

В то же время санитарные дружины и санитарные посты, созданные из членов РОКК, помогали органам здравоохранения в проведении различных профилактических мероприятий среди гражданского населения, следили за санитарным состоянием населенных пунктов, дежурили на вокзалах, в местах наиболее массового скопления людей. Это не позволило развиться различными эпидемиям, которые в условиях войны могли иметь место. Ведь известно, что на границе СССР и Китая, на территории Северной Маньчжурии, располагались отряды № 100 и № 731 Квантунской армии, которые готовили бактериологическое оружие и пытались применять его в приграничных селах СССР.

Подавляющее большинство выпускников медицинских школ, курсов и кружков Красного Креста отлично проявили себя в практической работе. На фронте они быстро осваивались с боевой обстановкой, стойко переносили невзгоды войны. Находясь в действующей армии, часто работая под огнем противника, они мужественно боролись за жизнь бойцов и командиров Советской армии и Военно-Морского флота.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Амурская область в годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. док и материалов. – Благовещенск : Хабаровское кн. изд-во, 1976. – 416 с.

2. ГААО (Государственный архив Амурской области). – Ф. 245. – Оп. 1.

3. ГААО. – Ф. П-1. – Оп. 3. – Д. 367.

4. ГАПК (Государственный архив Приморского края). – Ф. П-68. – Оп. 5. – Д. 6.

5. ГАПК. – Ф. П-68. – Оп. 34. – Д. 56.

6. ГАПК. – Ф. П-68. – Оп. 34. – Д. 57.

7. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. 8355. – Оп. 1. Д. 342.

8. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). – Ф. 617. – Оп. 1. – Д. 135.

9. ГАХК. – Ф. 617. – Оп. 2. – Д. 16.

10. ГАХК. – Ф. 820. – Оп. 1. – Д. 37.

11. ГАХК. – Ф. 1516. – Оп. 1. – Д. 45.

12. ГАХК. – Ф. 1739. – Оп. 1. – Д. 70.

13. ГАХК. – Ф. П-35. – Оп. 1. – Д. 969.

14. ГАХК. – Ф. П-35. – Оп. 1. – Д. 981.

15. ГАХК. – Ф. П-35. – Оп. 1. – Д. 1238.

16. ГАХК. – Ф. П-35. – Оп. 1. – Д. 1239.

17. ГАХК. – Ф. П-35. – Оп. 1. – Д. 1242.

18. ГАХК. – Ф. П-35. – Оп. 1. – Д. 1243.

19. ГАХК. – Ф. П-35. – Оп. 1. – Д. 1531.

20. ГАХК. – Ф. П-35. – Оп. 1. – Д. 1704.

21. ГАХК. – Ф. П-35. – Оп. 1. – Д. 2021.

22. ГАХК. – Ф. П-35. – Оп. 3. – Д. 208.

23. *Гоголев, Н.А.* Дальневосточники – фронту / Н.А. Гоголев. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1967. – 120 с.

24. *Ежеля У.В.* Женщины ДВ в годы военных испытаний 1941–1945 годов (в контексте российской истории XX века) / У.В. Ежеля // История и культура Приамурья. № 1(7). 2010. С. 26–47.

25. Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. док. и материалов. – М. : Медицина, 1977. – 575 с.

26. *Кононов, В.С.* Оборонные организации / В.С. Кононов – Благовещенск : Кн. Изд-во, 1968. – 16 с.

27. Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / отв. редакторы А.Н. Сахаров, А.С. Сенявский. – М.: Гриф и К, 2010. – 730 с.

28. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сб. док. – Москва : а/о «Книга и бизнес», 1995. Т. 1. Кн. 2. – 398 с.

29. *Синицын, А.М.* Всенародная помощь фронту / А.М. Синицын. – М. : Воениздат, 1985. – 319с.

30. *Ткачева, Г.А.* Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941–1945 гг. / Г.А. Ткачева. – Владивосток : ТОВМИ, 2005. – 331с.

31. Трудный путь к победе : сб. док. Государственного архива Хабаровского края о Великой Отечественной войне (22 июня 1941 г. – 9 мая 1945 г.) и войне СССР с Японией (9 августа – 3 сентября 1945 г.). – Хабаровск : Издательский дом «Частная коллекция», 2005. – 544 с.

32. Хабаровская краевая партийная организация в период Великой Отечественной войны (1941–1945 годы) : сб. док. и материалов. – Хабаровск : Книжное издательство, 1964. – 344 с.

МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА БЕЛОГО ПРИМОРЬЯ (МАЙ 1921 – ИЮНЬ 1922 гг.)

Д.А. Ляхов

Ляхов Денис Алексеевич – старший научный сотрудник сектора истории XVII – начала XX вв. Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова (г. Хабаровск).

Контактный адрес: vispacem@list.ru

В статье рассматривается модель политического устройства Белого Приморья в мае 1921 – июне 1922 гг. В результате переворота в мае 1921 г. в Приморской области было ликвидировано Управление ДВР. У власти оказалось правительство во главе с братьями С.Д. и Н.Д. Меркуловыми. На основе анализа программных документов и законодательных актов в статье показываются особенности политического устройства, создаваемого в регионе государственного образования. Автор считает, что под влиянием обстановки антибольшевистские силы пошли здесь на определенные демократические уступки. Это выразилось в создании во Владивостоке Приамурского Народного собрания, наделенного значительными по тогдашним меркам законодательными полномочиями и избираемого по достаточно демократичному закону. В этом заключалось главное отличие Приморского государственного образования от всех остальных антибольшевистских режимов, существовавших в России в годы Гражданской войны. Вместе с тем оказалось, что правительство Меркуловых вынуждено учитывать позицию не только внутренней оппозиции, но и интервентов, имеющих в области значительный воинский контингент. Так, японское командование вынудило начать так называемый Хабаровский поход, приведший к поражению белоповстанцев. Демократические достижения режима нивелировались военными поражениями и значительными экономическими трудностями. В обстановке продолжающейся Гражданской войны для властей существование оппозиционного парламента стало неприемлемым. В мае–июне 1922 г. ситуация вылилась во внутриполитический кризис, приведший к уходу правительства братьев Меркуловых. Поражение режима во многом обусловливалось расхождением между программными установками и реальной политикой приморских властей.

Ключевые слова: Гражданская война на Дальнем Востоке, политическое устройство, меркуловский режим.

Гражданская война 1918–1922 гг. явилась величайшей трагедией в истории России. В ее ходе различные политические силы развернули борьбу за реализацию собственной модели политического устройства страны. В рамках изучения этого процесса особый интерес представляет исследование альтернатив политического развития Дальнего Востока в 1921–1922 гг.

Именно на дальневосточной окраине Советская Россия была вынуждена пойти на значительные уступки империалистическим державам, что привело к образованию буферной Дальневосточной республики под руководством большевиков. Характерными чертами политического и социально-экономического устройства ДВР были многопартийность, парламентаризм, отказ от системы Советов. Создание буферных государств как политическая тактика в международных делах далеко не нова и использовалась в первую очередь для смягчения отношений между сильными и слабыми странами. На Дальнем Востоке в рассматриваемый данной статьей период модели политического устройства региона, так или иначе, создавались в рамках концепции буферного государственного образования.

Для нас особый интерес представляет деятельность в этом направлении Временного Приамурского правительства под руководством братьев С.Д. и Н.Д. Меркуловых, пришедших к власти в Приморье 26 мая 1921 г. в результате переворота, свергнувшее областное управление ДВР[1]. Выступление было организовано Советом съезда несоциалистических организаций во главе с С.Д. Меркуловым и верхушкой каппелевцев. Конечно, власти ДВР знали об угрозе перехода белых в Приморье к решительным действиям. Но из-за нехватки сил и главным образом из-за противодействия японских войск предотвратить мятеж не удалось.

Уже в ходе самого переворота вся полнота власти была передана Совету съезда несоциалистического населения Дальнего Востока. В день переворота данный Совет обратился к русскому населению Владивостока, Приморья и всего Дальнего Востока с заявлением, что в своей временной государственной деятельности он будет руководствоваться началами, провозглашенными в резолюциях съезда его избравшего. В заявлении Совета подчеркивалось, что он становится Временным Приамурским правительством, в состав которого вошли С.Д. Меркулов (председатель), И.И. Еремеев,

[1] Переворот был совершен непосредственно при поддержке американцев и японцев. Так, прямо перед переворотом на передовые позиции во Владивостокском порту вышли японский эскадренный броненосец «Микаса» и американский легкий крейсер «Олбани» [2: л. 293].

А.Я. Макаревич, Е.М. Адерсон, Н.Д. Меркулов, т. е. фактически руководство «Национально-демократической группы» (союза). В документе, названном впоследствии «Конституцией», излагались основные принципы организации власти и политики нового режима. Временное Приамурское правительство объявило себя «носителем ни от кого независимой Верховной власти» (ставя тем самым, новую исполнительную власть выше законодательной – Съезда несоциалистов), «беспартийным учреждением» и определило свою политическую ориентацию, назвав большевистскую партию, противогосударственной и преступной. Таким образом, новые приморские власти открыто противопоставили себя ДВР [3].

Временное Приамурское правительство (далее ВПП) на практике получило значительные полномочия, которые, однако, не получили должного законодательного закрепления. Тем не менее, исходя из анализа различных законодательных актов и иных документов, можно заключить, что ВПП фактически исполняло обязанности коллективного главы государства.

В условиях продолжающейся Гражданской войны меркуловское правительство наделило себя чрезвычайными правами и зачастую самостоятельно вело внутреннюю и внешнюю политику, полностью игнорируя мнение высшей законодательной инстанции области – Приамурского Народного собрания. Так, боевые действия против Дальневосточной республики были начаты без его уведомления и согласия. Переговоры с иностранными державами также велись без участия представителей Народного собрания. ВПП согласно «Положению о Приамурском Народном собрании» имело и значительные законодательные полномочия. Народное собрание осуществляло законодательную власть совместно с правительством (ст. 1). Ни один закон не мог вступить в силу без одобрения не только Народного собрания, но и ВПП (ст. 2). Правительство обладало правом законодательной инициативы (ст. 3) и в перерывах между сессиями и в чрезвычайных обстоятельствах могло издавать указы и постановления, имеющие обязательную силу (ст. 4). При этом Народное собрание имело право отклонить подобные акты [6]. Данные положения позволяют сделать вывод о фактическом отсутствии ответственности правительства перед высшим законодательным органом Приамурского государственного образования.

Высшим исполнительно-распорядительным органом в Приморье стал Совет управляющих ведомствами (СУВ), образованный согласно «Положению об учреждении Совета управляющих ведомствами Приамурского Временного правительства» (указ № 25 от 5 июля 1921 г.). Полномочия СУВ не были четко определены. На него возлагались «направление и объединение действий главных начальников ведомств по предметам как законодательства, так и государственного управления». СУВ вменялось в обязанность предварительное рассмотрение законопроектов, направляемых в Народное собрание разными ведомствами, комиссиями и комитетами. Председателем СУВ мог быть один из управляющих ведомствами или особое лицо, назначаемое правительством специальным указом. Дела должны были решаться простым большинством. Голос председателя давал перевес. В заседаниях Совета с правом совещательного голоса участвовали представитель государственного контроля и различные специалисты [6]. Первым председателем Совета управляющих ведомствами стал бывший казанский журналист и работник бывшего Русского бюро печати В.Ф. Иванов.

Права и обязанности отдельных ведомств и управлений также были достаточно расплывчатыми. Согласно указу ВПП № 1 от 26 мая 1921 г. в области создавались следующие исполнительные органы власти:

– ведомство внутренних дел (отделы: административно-милицейский, городского и земского самоуправления, народного просвещения, почтово-телеграфный, здравоохранения, общественного призрения);

– управление финансово-экономической частью (отделы: государственное казначейство, государственный банк, прямых и косвенных налогов, торговли и промышленности, путей сообщения, государственных имуществ);

– ведомство юстиции;

– управление иностранными делами;

– государственный контроль;

– военно-морской отдел [4].

Ведомство внутренних дел, управление финансово-экономической частью и ведомство юстиции входили в Совет управляющих ведомствами. Управление иностранными делами, государственный контроль и военно-морской отдел подчинялись непосредственно ВПП. Однако сферы полномочий ведомств не получили должного законодательного оформления.

Совет управляющих ведомствами оказался полностью подконтрольным правительству и был не в силах препятствовать проводимой политике.

Меркуловское правительство было одним из немногих белых правительств, которые сознательно пошли на создание представительного органа власти с законодательными полномочиями. Уже в своем заявлении оно обещало сохранить Народное собрание, но в несколько измененном виде. Важнейший закон от 11 декабря 1920 г., по которому старое Народное собрание области могло издавать

законы без утверждения Верховной властью, был отменен [16: с. 75].

В отличие от органов исполнительной власти, полномочия и порядок избрания высшего законодательного органа Приамурского государственного образования определялись достаточно четко целым рядом подзаконных актов. 14 июня 1921 г. ВПП был издан указ № 13 о выборах в Народное собрание. Устанавливался срок его открытия – 7 июля 1921 г. при кворуме в 50 человек. Выборы должны были проводиться в течение трех дней в городах Владивостоке и Никольске-Уссурийском (1–3 июля), в прочих местностях – в дни, назначенные районной комиссией. Сроком окончания полномочий Народного собрания определялся день созыва Учредительного съезда или его роспуск правительством [5].

Согласно «Положению о выборах в Приамурское народное собрание» (Приложение к указу ВПП № 13 от 14 июня 1921 г.) в области вводились всеобщие, равные, прямые выборы при тайной подаче голосов (ст. 1). Избирательными правами наделялись русские граждане обоего пола. Активным правом обладали граждане с 21 года, пассивным – с 25 лет (ст. 2). Избирательных прав лишались следующие категории населения:

– признанные безумными и сумасшедшими;
– глухонемые, находящиеся под опекой;
– осужденные за уголовные преступления;
– несостоятельные должники (ст. 3, 4) [10].

Отдельным пунктом оговаривалось отстранение от участия в выборах лиц, принадлежавших к противоправным партиям. К таковым относились коммунисты, анархисты, эсеры-интернационалисты, максималисты. Необходимо особо отметить тот факт, что избирательных прав лишались и те, кто, по мнению властей, осуществлял «политическую и социальную программу вышеуказанных партий путем противогосударственной борьбы средствами и мерами, воспрещенными законом» (ст. 29) [11]. Такая формулировка позволяла не допустить на избирательные участки значительную часть населения Приморья недовольную (по тем или иным причинам) политикой ВПП. С другой стороны, в выборах могли принять участие каппелевцы и семеновцы, что гарантированно давало проправительственным силам несколько тысяч голосов.

Чтобы принять участие в голосовании, было необходимо самостоятельно зарегистрироваться в определенном избирательном участке для внесения в избирательные списки. Не внесенные в списки не имели права голосовать. Зарегистрировавшийся гражданин получал специальную избирательную карточку, которая выдавалась по предъявлению паспорта или иного вида на жительство. Лица, не внесшие себя в списки или не явившиеся на выборы без уважительных причин, облагались штрафом от 1 до 50 руб. золотом на усмотрение районной комиссии [10]. Такими жесткими мерами правительство собиралось бороться с бойкотом избирательной кампании.

В городах Владивостоке, Хабаровске и Никольске-Уссурийском выборы должны были проводиться по партийным спискам, а в «прочих местностях» – по мажоритарной системе. В последнем случае победитель определялся простым большинством голосов. В отличие от современного российского избирательного законодательства, для партий не было установлено проходного барьера, что давало шансы провести своих представителей в приморский парламент практически всем незапрещенным партиям, действующим в области.

В «Положении» ничего не говорилось о норме представительства (числе избирателей, представленных одним депутатом). Избирательные районы в самом Приморье устанавливались произвольно исходя из административно-территориального устройства области. Всего в Приамурское Народное собрание предполагалось избрать 160 депутатов:

– от Владивостока – 35;
– Хабаровска – 15;
– Никольска-Уссурийского – 13;
– других городов – 9;
– сельских районов Приморской области – 68;
– о. Сахалин – 5;
– Камчатки и Охотского побережья – 5;
– полосы отчуждения КВЖД – 10 [12].

Избирательная система в полосе отчуждения КВЖД значительно отличалась от таковой на других территорий. Депутаты должны были выбираться специальным Избирательным съездом, положение о котором разрабатывалось в районной комиссии в Харбине и позднее утверждалось Центральной избирательной комиссией [12]. Это было связано со специфической обстановкой, сложившейся в полосе отчуждения КВЖД к лету 1921 г.

В начале июля 1921 г. состоялись выборы в Приамурское Народное собрание. В голосовании приняли участие около 20 % избирателей из зарегистрированных 150 тыс. [14]. Из них 7 тыс. были каппелевскими солдатами и офицерами, 1 тыс. – домовладельцами и коммерсантами. Неявка на выборы оказалась довольно высокой. Подобная ситуация объясняется отсутствием поддержки правительства среди населения области, бойкотом выборов профсоюзами, деятельностью партизан в сельской местности и т. д.

Из-за отсутствия кворума срок открытия парламента переносился дважды. Всего в Приамурское Народное собрание было избрано 87 депутатов [1: л. 1]. 43 депутата представляли проправительственные и правые группировки. Несмотря на невы-

сокую явку избирателей, выборы были признаны состоявшимися.

Так, 8 июля 1921 г., т. е. уже в ходе самих выборов, правительство приняло «Положение о Приамурском Народном собрании», определявшее полномочия данного представительного органа [13].

Как уже отмечалось, Народное собрание должно было осуществлять законодательную власть совместно с правительством. Законы, принятые представительным органом, не имели законной силы без одобрения Верховной власти в лице ВПП. Законодательная инициатива принадлежала правительству, Совету управляющих ведомствами и Народному собранию. Указы и постановления ВПП, принятые последним в перерывах между сессиями и в чрезвычайных обстоятельствах, должны были рассматриваться Народным собранием и могли быть им отклонены. Но при принятии они имели обязательную силу наравне с законами [13].

Совет управляющих ведомствами назначался правительством, но нес ответственность перед правительством и перед Народным собранием, которое могло отдать под суд управляющего тем или иным ведомством в случае совершения преступления или злоупотребления служебным положением.

Приморский парламент имел следующие права и обязанности:

– рассматривать и принимать все законы, кроме вопросов, касающихся образования Верховной власти, органов высшего управления и законодательства, определения публичных прав граждан (политических и гражданских свобод) и основных вопросов общественного устройства (социального строя), как относящимся к основным законам, находящимся в ведении Учредительного съезда;

– право участвовать в высшем надзоре за управлением и назначать парламентские комиссии;

– рассматривать политические трактаты и торговые договоры с иностранными государствами;

– утверждать бюджет, налоги, пошлины, займы, повинности и размер эмиссии.

Срок деятельности Народного собрания ограничивался одним годом. Оно действовало в сессионном порядке (очередные и чрезвычайные сессии). Внеочередные сессии созывались по требованию не менее 50 членов Народного собрания. Впредь до созыва Учредительного съезда продолжительность и перерыв в сессии определялись правительством.

Одной из главных задач Народного собрания была выработка Закона об Учредительном съезде будущего Учредительного собрания, которое должно было избрать постоянные органы всех ветвей Приморской власти. Только будущий Учредительный съезд мог сместить Временное Приамурское правительство. Он обладал также правом сокращения срока работы Народного собрания и определения его компетенции [13].

Права Народного собрания оказались сильно ограниченными, особенно по сравнению с правами представительного органа, созданного Временным Правительством Приморской областной земской управы. Оно не имело серьезных властных и контрольных полномочий и не могло проводить самостоятельную политику. Так рассмотрение наиболее злободневных вопросов социально-политической жизни, касающиеся организации и функционирования высших исполнительных и законодательных органов власти, было законодательно запрещено. Можно заключить, что Народное собрание изначально задумывалось как некоторая уступка части оппозиционных сил правосоциалистического направления.

В Приамурском государственном образовании так и не сложилась четкая система органов местного самоуправления, хотя власти с самого начала пытались решить данную проблему.

Согласно указу ВПП № 1 от 26 мая 1921 г. председателям городских дум и городским головам Владивостока и Никольска-Уссурийского предписывалось экстренно собрать гласных дум прежнего состава (бывших до 31 января 1920 г.), а городским управам вступить в управление городским хозяйством. Городским думам надлежало немедленно приступить к подготовке новых выборов городских гласных на срок 2 года [4].

2 июня 1921 г. были опубликованы «Временные правила о сельском самоуправлении». Данный документ временно до установления Народным собранием предполагал сохранение существующих на тот момент органов сельского самоуправления под любыми наименованиями (комитеты, правления, советы и др.). Их представителям (председателям, старостам, комиссарам и т. д.) присваивались права сельских старост. Председатели волостных земских управ становились волостными старшинами. Сельские старосты входили в состав Волостного съезда под председательством волостного старшины. Первый Волостной съезд созывался волостным старшиной, а последующие – Волостным советом. Волостной совет, являющийся исполнительным органом Волостного съезда, состоял из волостного старшины, исполняющего обязанности председателя, и двух членов, избиравшихся Волостным съездом из своего состава из числа лиц постоянно проживающих в волости. В ведение Волостного совета переходили вопросы волостного самоуправления, присвоенные бывшим Волостным правлениям. Волостной съезд имел право расширить полномочия своего исполнительного органа [9].

Принимая данные «Правила», правительство стремилось ограничить функции местного само-

управления решением чисто хозяйственных вопросов, что вызвало большое недовольство. В сложившихся условиях власти были вынуждены пойти на определенные уступки. 17 июня вышел приказ по ведомству внутренних дел об образовании Совещания по вопросу о разграничении функций правительственных учреждений и местных земского и городского самоуправлений [7].

Комиссия не добилась существенных результатов. Представители местного самоуправления не собирались соглашаться с предложениями властей, значительно урезавшими их полномочия по сравнению с бывшими ранее согласно законодательству, принятому в 1917 г. Временным правительством А.Ф. Керенского.

В ответ в печати выступил управляющий ведомством внутренних дел В.П. Разумов с «Основными положениями по вопросу устройства хозяйственно-административного и судебного аппарата на местах». Автор обвинил земства в сотрудничестве с коммунистами и развале местного хозяйства. По его мнению, срочно требовалось ввести единый для всех хозяйственно-административный аппарат.

В.П. Разумов считал необходимым, чтобы в земства «попали исключительно местные, хозяйственные и знающие нужды этого района люди… надо ограничить круг избирателей и избираемых в земства лицами, проживающими в данном месте известный срок, хотя бы годовой… лица должны быть связаны с этим местом постоянными, самостоятельного характера занятиями, хозяйством или службой в государственных, частных или общественных учреждениях» [8]. Подобная цензовая система на практике отстраняла бы от участия в выборах в органы местного самоуправления значительную часть населения.

Автор проекта особое внимание уделял финансированию хозяйственно-административного аппарата. Ввиду катастрофической нехватки средств расходы на местное самоуправление со стороны государства предполагалось свести к минимуму. Неправильным признавалось и переложение этих расходов на население. Выход виделся в переходе от денежного финансирования к натуральным повинностям. Казна должна была обеспечить «некоторую частичную помощь» по содержанию больниц и отчасти суда. Выборные старшины, старосты, сотские, десятские получали бы, в таком случае, минимальное жалование. Новые органы местного самоуправления в значительной степени должны были подчиняться исполнительной власти – уездным начальникам и начальникам полицейских районов, фактически они лишались самостоятельности [8].

Исходя из этих идей, было разработано и введено в действие «Временное положение о личных правах и управлении сельских обывателей». Сельское общественное управление состояло из сельского схода и старосты, сельский сход – из совершеннолетних сельских обывателей. Для решения вопросов устанавливался кворум в 50 %. На старосту возлагались обязанности по организации работы сельского схода, поддержанию в должном порядке местных дорог и мостов, сбору налогов и недоимок и т. д. Волостное управление состояло из волостного схода и волостного правления во главе со старшиной. В состав волостного правления входили сельские старосты, члены волостного правления, а также лица, избираемые из числа сельских обывателей. Собрание волостных старшин составляло уездный съезд. Председателем съезда являлся управляющий уездом, который назначался правительством и нес ответственность перед ним. Его функции ранее в Российской империи исполняли предводитель дворянства и уездный исправник [15: с. 194].

Выборы в данные органы местной власти были бойкотированы избирателями. Поэтому правительство приняло решение о возобновлении деятельности земств. При этом законодательные акты Временного правительства А.Ф. Керенского отменялись. Вводились новые «Временные правилам для производства выборов волостных, уездных и губернских земских гласных». Согласно этому документу земские гласные избирались на три года. Их число устанавливалось Земским собранием в зависимости от численности населения. Каждая волость или город образовывали избирательный округ, который в свою очередь делился на избирательные участки. Активное и пассивное избирательное право получали российские граждане с 21 года, имеющие недвижимое имущество и проживающие в указанной местности не менее 1 года [15: с. 195]. Тем самым, малоимущие слои населения отстранялись от участия в работе местного самоуправления.

Временное Приамурское правительство внесло изменения и в систему органов юстиции. С июня 1921 г. в Приморье вводился суд присяжных. В основу его действий был положен Устав Российского уголовного суда издания 1914 г. и постановления колчаковского Совета министров от 10 января и 15 сентября 1919 г. о суде присяжных в губерниях и областях Восточной Сибири. Восстанавливалась независимость суда и несменяемость судей [5].

В Приморье в полном объеме стал действовать судебный Устав 1864 г. За тяжкие преступления вводилась смертная казнь. Высшим судебным учреждением стала Судебная палата, созданная «…на основаниях, предусмотренных учреждением Судебных Установлений и Уставами Гражданского и Уголовного Судопроизводства, в составе департаментов Гражданского, Уголовного, а также депар-

тамента административной юстиции» [4]. Ее решения и приговоры считались окончательными и не подлежали обжалованию. Одновременно Судебная палата являлась высшей кассационной инстанцией. Дополнительно она получала компетенцию бывшего Правительствующего сената о взыскании убытков с должностных лиц и должностных преступлениях [4].

Однако независимость приморских судебных органов во многом носила формальный характер. Тот факт, что РКП (б) была названа преступной организацией во внесудебном порядке, ставил фактическую независимость судебной власти в области под большой вопрос.

Таким образом, принцип разделения властей в Приамурском государственном образовании, по сути, не был реализован. Вся реальная власть оказалась в руках исполнительной ветви власти, представляющей интересы достаточно узкой социальной группы, представленной предпринимательской средой, частью старой интеллигенции и армейскими кругами. Это позволяет назвать политическую модель, созданную меркуловским режимом олигархически-авторитарной. В конечном счете, в результате внутреннего кризиса и поражения в ходе Хабаровского похода при отсутствии прямой поддержки интервентов Временное Приамурское правительство было вынуждено сложить власть в июне 1922 г. Как оказалось, между теоретическими взглядами и практической деятельностью противников советской власти имелись значительные расхождения. События Гражданской войны в регионе показали, что в ходе борьбы различных моделей политического устройства наиболее жизнеспособной оказалась большевистская альтернатива в виде Дальневосточной республики. История рождения и ликвидация белого режима в России в годы Гражданской войны должна послужить историческим уроком для современной политической элиты, лидеров партий и общественных движений при определении направления развития нашей страны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Приморского края (ГАПК). – Ф. Р-1495. – Оп. 1. – Д. 5.

2. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. П-44. – Оп. 1. – Д. 40.

3. Голос Родины. – 1921. – 28 мая.

4. Вестник Временного Приамурского правительства. – 1921. – № 1. – 25 июня.

5. Вестник Временного Приамурского правительства. – 1921. – № 2. – 30 июня.

6. Вестник Временного Приамурского правительства. – 1921. – № 5. – 21 июля.

7. Вестник Временного Приамурского правительства. – 1921. – № 7. – 3 августа.

8. Вестник Временного Приамурского правительства. – 1922. – № 4. – 24 января.

9. Русский край. – 1921. – 2 июня.

10. Русский край. – 1921. – 19 июня.

11. Русский край. – 1921. – 22 июня.

12. Русский край. – 1921. – 24 июня.

13. Русский край. – 1921. – 21 июля.

14. Русский край. – 1921. – 25 августа.

15. *Сонин, В.В.* Дальневосточная конституционная модель (1920–1922 гг.) / В.В. Сонин // Дальний Восток России в период революций 1917 г. и Гражданской войны : сб. науч. статей. – Владивосток, 1998.

16. *Ципкин, Ю.Н.* Белое движение на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.) / Ю.Н. Ципкин. – Хабаровск, 1996.

ВЛИЯНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА КВЖД И ОБРАЗОВАНИЯ КВАНТУНСКОЙ ОБЛАСТИ НА ПРИГРАНИЧНЫЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Н.А. Макуха

Макуха Нина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики, политологии, социологии и права Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: z21nina@yandex.ru

Статья посвящена анализу влияния строительства Китайской Восточной железной дороги и образования Квантунской области на приграничные российско-китайские отношения в конце XIX–начале XX вв. В статье показаны мнения представителей российской приграничной администрации, касающиеся политических и экономических процессов, происходящих в Приамурском крае в конце XIX–начале XX вв. Выявляются исторические корни строительства Китайской восточной железной дороги, проходящей по территории Маньчжурии и решением вопроса о приобретении для русского флота незамерзающего порта, а также проблемы, связанные с этими процессами. Сквозной линией в статье проходит мысль о том, что слабое развитие транспортной инфраструктуры, низкая численность населения и слабая мобильность российских вооруженных сил вели к уязвимости в военном и хозяйственном отношении российского Дальнего Востока. В случае войны на дальневосточном фронте возникала опасность потери Россией своих территорий. Серьезной мерой укрепления ее позиций на Дальнем Востоке должно было стать сооружение Транссибирской железной дороги. Из-за больших технических трудностей, связанных с суровым климатом и рельефом Приамурья в 1895 г. С.Ю. Витте вынес на обсуждение Государственного совета проект «Маньчжурский вариант», где речь шла о приобретении концессии на строительство железной дороги через Маньчжурию на Владивосток, а также об аренде незамерзающего морского порта на территории Кореи или Китая, что вызвало неоднозначную оценку как в Приамурском крае, так и в Петербурге. Позже были выработаны требования к Китаю об аренде территории на юге Ляодуна вместе с портами, которые становились конечной точкой Китайской Восточной железной дороги. В этих условиях российским властям необходимо было иметь постоянный контроль над действиями центрального правительства Китая, чтобы своевременно устранять или парализовывать деятельность, которая могла бы угрожать безопасности России на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: Квантунская область, Китайская Восточная железная дорога, Российско-Китайские приграничные отношения, Маньчжурия, Дальний Восток, незамерзающий порт.

Слабое развитие транспортной инфраструктуры, низкая численность населения и слабая мобильность российских вооруженных сил вели к уязвимости в военном и хозяйственном отношении российского Дальнего Востока. В случае возможной войны на дальневосточном фронте могла возникнуть реальная опасность потери Россией Приамурья и Приморья. Для изменения создавшегося критического положения необходимо было в короткий срок преодолеть обособленность восточных территорий. Кроме того, потребности экономического развития, необходимость заселения Приамурья и интересы упрочения позиций на Тихом океане, а также стремление России к проникновению на азиатские рынки делали необходимым соединение восточной окраины с центральными районами страны. Серьезной мерой укрепления позиций России на Дальнем Востоке должно было стать сооружение железной дороги [13: с. 12–13].

В середине 80-х гг. XIX в. царское правительство приступило к решению ставшего насущным вопроса о строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали. В июле 1887 г. было проведено совещание Совета министров с участием сибирских губернаторов, на котором из многих вариантов проекта Транссиба было выбрано 3 основных – южно-маньчжурский, северо-байкальский, северо-байкало-амурский. Автором южно-маньчжурского направления был вице-адмирал Н.В. Копытов, который предложил проложить линию Иркутск – Цицикар – Гирин – Нингута – Владивосток. При последующих обсуждениях предпочтение было отдано южному варианту, так как дорога в этом случае ближе подходила к г. Кяхте, через который шла русская торговля с Китаем. Целесообразность прокладки магистрали через Маньчжурию ставилась под сомнение. В декабре 1890 г. проект постройки Транссиба был передан в Совет министров для окончательного рассмотрения. В феврале 1891 г. Александр III утвердил решение Совета министров «О строительстве сплошной через всю Сибирь железной дороги» от Челябинска до Владивостока [13: с. 16–19]. Проведение железной дороги царь считал делом, прежде всего, экономического значения. Вместе с тем ее сооружение способствовало также соединению Приморской области с Европейской Россией и обеспечению обороны Приамурья и Приморья от возможной агрессии. Но дорога не должна была служить орудием для новых территориальных приобретений [3: с. 11].

Уссурийский край занимал невыгодное положение в сравнении с другими областями Сибири. Спускаясь к югу по побережью моря, он граничил со странами, изобилующими населением. С запада находился Китай, с юга – Корея, с востока – Япония. Кроме того, граница Российской империи между Забайкальем и Уссурийским краем имела большой выступ к северу. Вся Хейлуцзянская и северная часть Гиринской провинции врезались клином между русскими владениями. Возникла необходимость получить контроль над этой территорией. России необходимо было закрепиться в Маньчжурии, срезав тем самым территориальный выступ.

Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали было начато в 1891 г. и тогда же было доведено до Сретенска. В ноябре 1892 г. вновь назначенный Министр финансов С.Ю. Витте представил царю доклад «О способах сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути», в котором изложил технические и финансовые стороны дела. Одновременно с прокладкой пути он предлагал осуществить ряд важных в экономическом отношении мер – расширить строительство новых металлургических заводов, содействовать пароходным сообщениям на реках и широкому переселенческому движению. 10 декабря 1892 г. эти предложения были одобрены и приобрели характер официального плана. Тогда же был образован Комитет Сибирской железной дороги.

14 января 1893 г. последовал рескрипт о назначении председателем этого комитета наследника престола. Помимо Комитета, был учрежден специальный исполнительный орган – Управление по сооружению Сибирской железной дороги [2: с. 15]. С.Ю. Витте официально не возглавлял ни комитет, ни управление, но фактически взял руководство в свои руки. Он ассигновал средства, подобрал группу железнодорожных инженеров, внимательно следил за ходом строительства, изыскивал рычаги его ускорения и контролировал сооружение подсобных предприятий. Из-за больших технических трудностей, связанных с суровым климатом и горным рельефом Приамурья по трассе от Сретенска до Хабаровска, в 1895 г. С. Ю. Витте вынес на обсуждение Государственного совета проект «Маньчжурский вариант», в котором речь шла о приобретении концессии на строительство железной дороги через Маньчжурию на Владивосток. А также об аренде незамерзающего морского порта на территории Кореи или Китая.

Проект сооружения железной дороги в Маньчжурии получил неоднозначную оценку в Приамурском крае. Так, А.Н. Корф говорил: «Очевидно, что Маньчжурская железнодорожная линия не может иметь собственно для Приамурья того культурного значения, которое было бы присуще линии, проведенной по нашему берегу Амура, и край этот, если ему не будет оказано поддержки иным способом, должен будет неминуемо заглохнуть» [4: с. 17]. С.М. Духовской также считал проект ошибочным [11: с. 86]. Выступая против проведения железной дороги по чужой территории, он полагал, что Маньчжурская железнодорожная линия не может иметь для Приамурья того значения, которое было бы от линии, проведенной по левому берегу Амура [6: с. 17]. Он призвал царя «отказаться от железнодорожной концессии в Маньчжурии и продолжить строительство Транссиба на российской территории» [12: с. 40]. Среди сторонников осуществления проекта С.Ю. Витте были Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков. А вот военный губернатор Приморской области П.Ф. Унтербергер подчеркнул: «Железная дорога окажет значительное влияние на развитие сельского хозяйства Маньчжурии, обеспечит выход ее продукции на наш рынок и сильно ударит по хлеборобам Амурской области, поэтому правительству, прежде всего, нужно больше заботиться о русском Дальнем Востоке, а не о чужой территории» [13: с. 24].

В действительности, как показал анализ документов, «Маньчжурский вариант» имел существенные недостатки: российские капиталы вкладывались в развитие чужой территории; железная дорога могла подвергнуться негативному воздействию в случае возникновения политических осложнений на Дальнем Востоке; замедлялось экономическое и хозяйственное развитие Приамурья [18: с. 38–40]. При сравнения данных маньчжурского и амурского направлений выяснилось, что длина маньчжурского направления должна была составить 1920 верст (2048,64 км). Длина амурского направления определилась в 2434 версты (2597,078 км), т. е. длиннее маньчжурского на 514 верст (548,438 км) [3: с. 22]. Кроме того, амурский вариант предполагал проведение магистрали по безлюдной территории, в сложных горно-геологических условиях. Маньчжурский вариант не исключал возможности сооружения железной дороги и по собственной территории. Именно поэтому проект поддержало большинство членов Государственного совета, в том числе военный министр А.Н. Куропаткин, министр путей сообщения М.И. Хилков и члены императорского двора.

Таким образом, судьба строительства Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) была решена. Официально оно началось 16 августа 1897 г. Формально КВЖД создавалась как коммерческое предприятие, но в действительности акционером Общества КВЖД было русское правительство, а членами правления являлись государственные чиновники. Председатель общества назначался ки-

тайским правительством, но содержание получал от Общества КВЖД. В январе 1897 г. им стал Сюй Цзинчен. Вице-председателем был избран инженер путей сообщения С. И. Кербедз, главным инженером – А.И. Югович [4: с. 292].

При магистрали была предусмотрена 50-верстная, так называемая полоса отчуждения, в зоне которой происходило тесное взаимодействие между русскими и китайскими подданными как на бытовом, неофициальном уровне, так и между чиновниками и приграничными администрациями. Здесь существовал свой порядок управления. Еще в самом начале строительства КВЖД по предложению Главного инженера А.И. Юговича в трех провинциях (Хэйлунцзян, Гирин, Фэнтянь – ныне Ляонин), по которым проходила дорога, были открыты Дипломатические бюро – для исполнения консульских функций. В 1899 г. российские консульства и вице-консульства были открыты в Харбине, Цицикаре, Хайларе, Куаньченцзы (Чанчунь), Мукдене (Шэньян), Дайрене (Дальнем). Были учреждены должности чиновников с консульскими правами в Хэйлуцзянской и Гиринской провинциях. Они имели право юрисдикции над русскими подданными и функции следователей в случаях совершения ими уголовных преступлений. В полосе отчуждения русские, как и все иностранцы в Китае, пользовались правом экстерриториальности. Следственная часть была возложена на офицеров охраны дороги, после чего дела направлялись в судебные учреждения Амурской и Приморской областей [5: с. 134].

Зона отчуждения КВЖД находилась под пристальным вниманием Приамурских генерал-губернаторов. Внутренняя ситуация, сложившаяся здесь между русским и китайским населением требовала порой прямого вмешательства главного начальника края. Первым, кто столкнулся с проблемами в этой области, был Н.И. Гродеков. Правильно оценить обстановку на КВЖД генерал-губернатору значительно помог командированный туда пограничный комиссар Амурской области, который сообщил о грубых злоупотреблениях, к которым прибегало железнодорожное управление и русские начальники строительных участков при расчетах с подрядчиками-китайцами. Докладывая Н.И. Гродекову, пограничный комиссар обратил внимание на дешевизну китайской рабочей силы, а также на способ расчетов железнодорожного управления: оно вело их не с рабочими, а с подрядчиками-китайцами, которые обворовывали рабочих, платя им по 6–12 коп. в сутки (для сравнения – в Амурской области русскому рабочему надо было платить 2 руб. 65 коп. в сутки и при этом на полном довольствии от приискового управления). За такую плату даже непритязательный китайский рабочий не мог прокормить себя, поэтому наблюдались побеги со стройки, иногда и волнения, при этом зачинщиков русская охранная стража нередко избивала.

Выяснилось также, что одним из видов косвенного обирания рабочих являлся отпуск им продуктов по высоким ценам в лавках, принадлежавших начальникам строительных участков. По соглашению с пекинским правительством управление КВЖД занимало пустующие казенные земли бесплатно. За обработанные сельскохозяйственные участки оно платило владельцам по 100 руб. за десятину. Но и в этом случае управление имело дело не с владельцами земли и фанз, а с агентами, т. е. маньчжурскими чиновниками, которые обманывали и обкрадывали соотечественников, наживая на этом капиталы. Таким образом, несправедливо произведенные расчеты, виновниками которых объявлялись русские, вызывали у маньчжуров большое неудовольствие и протесты. Поэтому у китайских рабочих было достаточно оснований недоверчиво и недружелюбно относиться к русским в Маньчжурии. Пограничный комиссар сообщил о том, что на линии наши «живут в постоянной тревоге и с мрачными предчувствиями». Русские строители надеялись в этой ситуации на охранную стражу, численность которой постоянно увеличивалась. Железнодорожная администрация полагала, что вооруженная охрана защитит стройку от посягательств со стороны маньчжуров. В итоге комиссар сделал вывод: «С населением Китая, по мнению моему, необходимо считаться, так как правительство здесь слабо и далеко не всегда может справиться с чернью» [11: с. 222]. Проанализировав отчет, Н.И. Гродеков разделил точку зрения.

Кроме этого, к недоверию простых китайцев прибавлялся существующий в Маньчжурии многочисленный чиновничий аппарат в лице цзянцзюней, которые наживались на строительстве КВЖД и, тем не менее, считали, что прокладка магистрали является «началом конца Маньчжурии как части Китая». В охранной страже они видели русскую вооруженную силу, имевшую целью захватить Маньчжурию. Поэтому, считал Н.И. Гродеков, «…все время мутили народ против дороги» [8: с. 141].

В это же время был поставлен вопрос о приобретении для русского флота незамерзающего порта. События 1895 г. создали для этого реальные условия. Еще в ноябре 1895 г. посланник в Китае А.Б. Новиков сообщил: «Китайское правительство, движимое чувствами благодарности к России, разрешило нашей эскадре в Тихом океане перезимовать в Чжу-цу» [17: с. 320]. Но русские корабли так и не остановились в этом порту – в Санкт-Петербурге больше склонялись к занятию порта в Корее. Осенью 1897 г. Ф.В. Дубасов, сменивший на посту командующего Тихоокеанской эскадры Е.И. Алек-

сеева, во время обхода корейских портов рекомендовал выбрать Мозампо. Он заявил, что может занять порт и защищать его до решения вопроса на дипломатическом уровне. Но Ф.В. Дубасову было приказано отправить часть вверенной ему эскадры в китайский Порт-Артур. Однако руководство России не планировало в то время захватывать или приобретать его, но ход событий подталкивал именно к этому. Японо-китайская война привела к значительному усилению российского флота в Тихом океане. Владивосток в силу природно-климатических условий и технического оснащения не мог быть надежной базой для значительных военно-морских сил, надеяться по-прежнему на порты Японии, для войны с которой и готовился флот, было уже нельзя. Да и сами японцы желали избавиться от русских кораблей, в частности, в марте 1897 г. они объявили о своем намерении превратить Нагасаки, где обычно зимовал русский флот, в свою закрытую военно-морскую базу. Естественно, встал вопрос о приобретении порта в другой стране, т. е. в Китае или Корее.

Правительства обеих стран и общественность всего мира, говорили о необходимости и неизбежности появления русской военно-морской базы на Дальнем Востоке. Решение русского руководства о приобретении Порт-Артура было связано с событиями, произошедшими на Дальнем Востоке осенью 1897 г., когда Германия, воспользовавшись в качестве предлога убийством двух немецких миссионеров, ввела свои военные корабли в бухту Цзяочжоу, и потребовала от Китая уступить ей порт. Своими действиями она положила начало новой серии захватов различными державами китайской территории, что получило в исторической литературе название «битва за концессии» [18: с. 52]. Германское руководство давно уже пыталось договориться с Россией о совместных действиях по приобретению портов в Китае [9: с. 29–30]. Достичь соглашения в этом вопросе не удалось, но понимания и определенной поддержки своих планов со стороны России они добились, так как именно Германия, весной 1895 г., поддержала Россию дипломатически, а также военной демонстрацией, оказав тем самым давление на Японию.

Инициатива в занятии Порт-Артура исходила от нового министра иностранных дел М. Н. Муравьева. Он в докладной записке от 11 ноября предложил царю «воспользоваться моментом и занять Далянь или какой-нибудь другой порт по выбору Морского министерства». Но Морское министерство было против занятия любого китайского порта. Собранное в ноябре 1897 г. для обсуждения данного вопроса. Особое совещание из руководителей заинтересованных ведомств не поддержало предложения М.Н. Муравьева. Идею необходимости немедленного приобретения китайского порта для русского флота разделял лишь сухопутный генерал, военный министр П.С. Ванновский, выступивший еще в 1894 г. за захваты в Китае. Хотя позднее он будет активно выступать против Порт-Артура, считая его ловушкой для русского флота. Однозначно против Порт-Артура на особом совещании выступил управляющий Морским министерством П.П. Тыртов, считавший, что российский флот пока вообще не нуждается в новых базах. Против захватов в Китае был директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел Д.А. Капнист. Не поддержал на ноябрьском совещании занятие Порт-Артура и министр финансов С.Ю. Витте.

В результате особое совещание в Петербурге высказалось против приобретения Порт-Артура, но несмотря на это, через несколько дней русские военные корабли по указанию Николая II вошли в порт. Занятие русскими кораблями рейда китайского порта отнюдь не являлось доказательством намерения захватить город. Николай II, хотя и был сторонником усиления России на Дальнем Востоке, но здесь не проявил инициативы. Не мог он и вопреки мнению влиятельных должностных лиц пойти на такой ответственный шаг, как территориальное приобретение. Одной из главных задач русского флота на Тихом океане была демонстрация силы в случае осложнения политической ситуации в регионе или для решения каких-либо конкретных вопросов. В ноябре 1897 г. русские военные корабли были отправлены в Порт-Артур именно с целью демонстрации силы на случай осложнений, которые могли возникнуть из-за захвата Германией Цзяочжоу. Также восприняла приход русского отряда и китайская сторона, тем более это соответствовало духу русско-китайского союзного договора.

Так, 2 декабря ситуация вокруг Порт-Артура и всего Ляодуна резко изменилась. Ли Хунчжан обратился лично к С.Ю. Витте с просьбой о займе в 100 млн. руб. для второго взноса по японской контрибуции. Министр финансов, воспользовавшись удобным случаем, выдвинул условия: «Выдать, одновременно с подписанием условий займа, правлению общества КВЖД концессию на сооружение железнодорожной ветви от магистрали КВЖД до той гавани, которая для сего будет избрана правлением общества на берегу Желтого моря к востоку от порта Инцзы» [7: с. 47]. Кроме того, С.Ю. Витте потребовал предоставить место для устройства порта Добровольного флота. С этого момента началась, собственно, борьба за захват портов на Ляодуне.

Позиция министра финансов С.Ю. Витте подтолкнула Россию на приобретение территорий на юге Маньчжурии. Занятие Порт-Артура диктовалось не потребностями русского флота и необхо-

димостью защиты русских интересов на Дальнем Востоке. Международный капитал, вложенный в экономику Северо-Восточного Китая, нуждался в защите своих интересов, для чего и требовались порты подальше от русских границ, а также база для сухопутных и военно-морских сил, прикрывающая самое сложное и уязвимое южное направление. Порт-Артур как нельзя лучше подходил для этой цели, так как не только закрывал южное побережье Маньчжурии, но и ставил под контроль побережье Чжили, а значит, и Пекин. Общество КВЖД в своем стремлении утвердиться в Китае нашло себе союзников в лице политиков и военных, являвшихся сторонниками территориальных захватов, ведущих борьбу за контроль над Пекином. Поддержали приобретение в Китае и промышленные круги европейской России, связывавшие определенные надежды с китайским рынком.

Вместе с тем Российская империя в это время имела достаточно сил в Тихом океане для решения сложных задач. Русский флот совместно с дипломатической миссией в Пекине выполнил основную работу по приобретению Порт-Артура и всей Квантунской области. В результате отряд контр-адмирала Реунова подошел к Порт-Артуру 3 декабря 1997 г. Китайская сторона восприняла приход флота союзной России спокойно, русских встретили дружелюбно. Но вскоре ситуация вокруг российских кораблей в Порт-Артуре изменилась. 17 декабря представители китайского внешнеполитического ведомства потребовали у российского посланника А.И. Павлова письменного подтверждения отсутствия намерений удерживать Порт-Артур и Далянь. В ответ 26 декабря русская сторона заявила, что «китайские требования оскорбительны и русские войска уйдут с Ляодуна тогда, когда позволят политические обстоятельства» [9: с. 32]. Россия потребовала отвода мест для строительства угольных складов в Порт-Артуре и Даляне, а также разрешения на строительство железной дороги до Желтого моря.

Русско-китайское противостояние и борьба за порты развернулись не только в Петербурге и Пекине, но и непосредственно на юге Ляодуна. Китайские местные власти стали проводить демонстративно недружественную политику по отношению к русским. Например, 25 декабря 1897 г. в Порт-Артуре китайцы торжественно принимали экипажи двух английских крейсеров. В этих условиях российская сторона стремилась избежать столкновений с китайцами и добиться каких-либо уступок от них, в противном случае это грозило не только внешнеполитическими осложнениями, но и отказом от поддержки этого предприятия со стороны влиятельных руководителей различных ведомств в Петербурге. В случае неудач русских действий на Ляодуне руководство России могло и не поддержать это предприятие. Таким образом, все усилия русской стороны зимой 1897/1898 гг. были направлены на решение вопросов на месте.

Переговоры с представителями местной власти на юге Ляодуна были поручены военным. На помощь им были брошены все силы дипломатической миссии в Пекине, не только активно работавшей в Чжили, но и направившей своих сотрудников на Квантун. В декабре 1897 г. Порт-Артур посетили военные агенты в Китае полковники Десино и Вогак, проведя там встречи с местным китайским командованием. Неоднократно встречался с китайцами и вел переговоры командир русского отряда контр-адмирал Реунов. С генералом Ма Юйку-нем в Даляне вел переговоры командир крейсера «Дмитрий Донской» капитан 1-го ранга Витгефт. Однако все переговоры ни к чему не привели, так как командующий войсками на юге Ляодуна генерал Сун Цин не пошел ни на какие уступки и компромиссы. В январе 1898 г. обе стороны начали наращивать военные силы в районе Порт-Артура.

Руководство Китая во главе с Ли Хунчжаном с начала 1898 г. предприняло попытки не допустить утверждения России в портах юга Ляодуна. Китайская сторона отказалась от русского займа и в результате трехдневных переговоров было подписано соглашение о займе с английским Гонконг-Шанхайским банком. Таким образом Ли Хунчжан пытался отвлечь интерес России от Порт-Артура, предлагая ряд льгот и уступок для нее в Южной Маньчжурии. Но с начала 1898 г. руководство России во главе с С.Ю. Витте сделало выбор в пользу приобретения Ляодунских портов.

Особое совещание, собранное для обсуждения дальневосточных проблем в Петербурге в феврале 1898 г., на этот раз высказалось за приобретение южного Ляодуна. Были выработаны гибкие, но довольно определенные требования к Китаю, в центре которых стоял вопрос об аренде конкретной территории на юге Ляодуна вместе с портами, которые становились конечной точкой КВЖД. 11 февраля министр иностранных дел М.Н. Муравьев направил посланнику в Китае А.И. Павлову телеграмму, в которой говорилось, что «Его Величеству Государю Императору благоугодно было бесповоротно решить добиться благоприятного для нас результата» в переговорах о портах [9: с. 34]. 19 февраля, после получения известия о подписании китайской стороной соглашения о займе с английским банком, российский посланник вручил руководству Китая новые требования России, выработанные на Особом совещании. Китай должен был в пятидневный срок дать ответ. Китайская сторона обратилась за содействием к Англии и Японии, срочно отправив в Петербург опытного ди-

пломата Сюй Цзинчена. Ли Хунчжан в очередной раз попытался отговорить русских от южного Ляодуна, он даже предлагал посланнику А.И. Павлову лично съездить в Порт-Артур и убедиться в непригодности его для русского флота. От ответа руководство Китая всячески уклонялось, взяв курс на затягивание переговоров. Но после требований русской стороны о незамедлительном ответе на предъявленные условия соглашения китайские министры 11 марта приступили к обсуждению условий передачи портов России.

При всех видимых военных приготовлениях российское правительство понимало, что полный успех русских мероприятий на Ляодуне возможен лишь в том случае, если удастся обойтись без военного захвата портов. Дипломаты прибегли к испытанному средству – взяткам. В Петербурге выделили средства не только для «вознаграждения» представителей высшего руководства Китая, но и для подкупа местных чиновников. Переговоры затягивались и М.Н. Муравьев в ультимативной форме потребовал закончить их к 15 марта, при этом генералу Сун Цину было объявлено, чтобы он был готов очистить Порт-Артур к 14 марта – началу высадки русского десанта. Договоренность с китайским командованием о выводе войск была достигнута, и командующий Тихоокеанской эскадрой издал приказ о занятии Порт-Артура и порта Талиенван. Далее было сообщено, что операция не должна иметь «характер неприятельских действий», а «…насильственные действия с нашей стороны могут быть предприняты лишь в том крайнем случае, если войска наши при своем вступлении в Порт-Артур или Талиенван встретят со стороны китайцев открытое вооруженное сопротивление» [9: с. 35].

В результате 15 марта 1898 г. в Пекине была подписана «Конвенция между Россией и Китаем о Ляодунском полуострове», в первой статье которой говорилось: «В видах обеспечения для русских военно-морских сил надежной опоры на побережье Северного Китая император китайский соглашается предоставить российскому правительству в арендное пользование порты Артур (Люшунь-коу и Та-лянь-вань) вместе с прилегающим к ним водным пространством». Россия не нарушила прав Китая на данной территории. Арендуемая территория переходила в «полное и исключительное пользование русского правительства» на 25 лет [16: с. 78].

16 марта 1898 г. было днем занятия портов Артур и Далянь русскими войсками. Россия приобрела новую, во многом уникальную колонию, которая через год окончательно оформилась в своих границах и стала называться Квантунской областью.

Приобретение Россией южного Ляодуна, как было сообщено в «Правительственном сообщении по-поводу уступки Китаем России в арендное содержание Порт-Артура и Та-лянь-ваня», вышедшем 17 марта 1898 г. явилось «...прямым и естественным последствием дружественных отношений между обширными соседними империями» [20: с. 438]. Главой области был назначен Д.И. Суботич и при нем чиновник особых поручений. Всего в управлении Квантунской области по штату находилось 40 чел.

Таким образом, российское правительство добилось от Китая по договорам 1896–1898 гг. прав на строительство КВЖД и аренду Ляодунского полуострова с городом Порт-Артур (Люйшунь) и портом Дальний (Далянь). Эти два события в целом имели положительное значение для развития российско-китайских отношений на общегосударственном уровне. Соглашения предусматривали предоставление права царскому правительству держать на арендованной земле сухопутные и морские силы и возводить укрепления, в результате чего Российская империя к концу XIX в. получила важный стратегический плацдарм в Южной Маньчжурии, соединенный с основной территорией государства строившейся КВЖД, которая стала важным рычагом реализации внешнеполитических российских интересов на Дальнем Востоке. Была ликвидирована изолированность региона от центра, усилился приток переселенцев и рабочих, стали более активно развиваться производительные силы. Были плюсы и для Китая, так как на данный момент позиция России для нее была более приемлема по сравнению с политикой, проводимой Западными державами. Кроме этого, с постройкой КВЖД произошел значительный приток капитала в Маньчжурию, которая из отсталой окраины превратилась в динамично развивающийся регион Цинской империи.

Рассматривая приграничные российско-китайские отношения отметим, что договоры 1896–1898 гг. имели противоречивые последствия для дальнейшего развития регионального сотрудничества. С одной стороны, в результате строительства КВЖД значительно ускорился оборот капиталов между Россией и Маньчжурией, стали активно развиваться экономические отношения. Образование Квантунской области, населением которой являлись подданные обоих государств России и Китая, способствовало развитию конструктивного диалога между региональными властями.

С другой – строительство КВЖД привело к росту численности китайских подданных в регионе. В городах и на золотых приисках Приамурья их количество только к 1900 г. возросло приблизительно до 52 тыс. чел. что, несомненно, беспокоило Приамурских генерал-губернаторов, но отнюдь не китайских цзянцзюней. За пятилетие (1895–1900 гг.) в Приморской области число отходников из Китая увеличилось в четыре раза, численность же русского населения возросла всего в два раза [10: с. 174].

Не всегда дружелюбное отношение китайских подданных к русским в полосе отчуждения КВЖД также вызывало тревогу у местных российских властей. Кроме того, после занятия русскими Порт-Артура и начала сооружения южной ветки КВЖД при постоянном наращивании здесь охранной стражи, давали правящим лицам Маньчжурии повод считать, что Россия намерена захватить данную территорию, а затем заменить местную администрацию русской и тем самым лишить маньчжурских генерал-губернаторов обеспеченного существования. Поэтому они постоянно настраивали местное население против русских. Однако внешне можно было наблюдать достаточно доброжелательные отношения между приграничными властями России и Китая, которые на первый взгляд не имели никаких проблем и сложностей.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. *Буркова, В.Ф.* Дальневосточная магистраль России / В.Ф. Буркова, В.Ф. Зуев. – Хабаровск, 1997. – 352 с.
2. *Вишняков, О.В.* Деятельность охранной стражи КВЖД и Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи по защите государственных интересов Росси на Дальнем Востоке (1897–1918 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук / О.В. Вишняков. – Комсомольск-на-Амуре, 2006. – 26 с.
3. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора 1896–1897. – СПб. : Типография Ю.Н. Эрлиха. 1898. – 125 с.
4. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова за 1898–1900 гг. – 118 с.
5. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского за 1896–1897 гг. – 105 с.
6. *Глинский, Б.Б.* Пролог Русско-японской войны / Б.Б. Глинский. – СПб., 1916. – 353 с.
7. *Гродеков, Н.И.* Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора / Н. И. Гродеков. – Хабаровск, 1901. – 121 с.
8. *Дацышен, В.Г.* Русско-китайская война 1900 г. Поход на Пекин / В.Г. Дацышен. – СПб.: Цитадель, 1999. – 160 с.
9. *Дубинина, Н.И.* Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков / Н.И. Дубинина. – Хабаровск : Издательский дом «Приамурские ведомости», 2001. – 352 с.
10. *Дубинина, Н.И.* Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти / Н.И. Дубинина. – Хабаровск: Издательский дом «Приамурские ведомости», 1997. – 208 с.
11. *Зуев, В.Ф.* Железнодорожная политика России в Приамурском крае в конце XIX в. / В.Ф. Зуев // Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории : материалы междунар. науч. конф. – Хабаровск, 1997. – С. 39–41.
12. *Зуев, В.Ф.* Первопроходцы восточных магистралей России / В.Ф. Зуев. – Комсомольск-на-Амуре, 1999. – 446 с.
13. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. / В.Л. Ларин, Н. В. Кочешков [и др.]; отв. ред. Г.П. Белоглазов; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока РАН, Дальневосточ. отд-ние. – Владивосток : Дальнаука, 2004. – 343 с.
14. Колониальная политика капиталистических держав (1870–1914). – М., 1927. – 468 с.
15. *Ламздорф, В.Н.* Дневник. 1894–1896 гг. / В.Н. Ламздорф. – М., 1991. – 456 с.
16. *Перелогова, Н.А.* Правовой статус КВЖД – первого совместного русско-китайского предприятия (1897–1923 гг.) / В.В. Сонин, Н.А. Перелогова // Современное государство и право. Вопросы теории и истории. – Владивосток, 1992. – С. 192–200.
17. Российский Государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 310. – Л. 4.
18. *Романов, Б.А.* Очерки дипломатической истории Русско-японской войны / Б.А. Романов. – М.-Л., 1947. – 469 с.
19. Русско-китайские отношения. 1689–1916 гг. Официальные документы. – М., 1958. – 235 с.
20. Сборник договоров с другими государствами 1856–1917 гг. – М., 1952. – 464 с.

НЕКОТОРЫЕ ПРОЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Н.Г. Менделев

Менделев Натан Григорьевич – кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры общеправовых дисциплин ХПИ ФСБ РФ (г. Хабаровск).

Статья посвящена анализу проблем коренных малочисленных народов Севера Дальнего Востока (КМНС) и организации местного самоуправления в районах их компактного проживания как необходимого условия для решения социокультурных проблем в условиях рыночных отношений. Отмечается, что резкое ослабление государственного регулирования, болезненно отразилось на социальной ситуации в районах компактного проживания малочисленных этносов. Как показывает практика, именно они в наибольшей степени оказались пострадавшими от рыночных реформ. Утрачены национальные корни и собственная культура КМНС, почти исчезли традиционные виды деятельности и профессии. Прогрессирует личностная деградация. Принятые Федеральная целевая и региональная программы экономического и социального развития КМНС декларативны и не имеют механизма реализации. Новая редакция уже существующих нормативно-правовых актов о коренных народах только усугубила их положение. Анализируя российский опыт договорных отношений между коренными этносами и государством, автор отмечает, что они должны быть основаны по принципу субсидиарности. Назрела необходимость реформирования, адаптации механизма государственной поддержки к изменяющимся условиям и определения новых подходов и приоритетов в решении этих проблем. Перспективность данного направления заключается в том, что договорный процесс, как механизм альтернативный бюджетному финансированию, позволит постепенно перевести хозяйство коренных народов на самообеспечение и саморазвитие. Это и означает переход от патерналистской политики к политике партнерства, т. е. реализуется принцип субсидиарности – источник сохранения и саморазвития КМНС.

Ключевые слова: малочисленные этносы, Север Дальнего Востока, коренные малочисленные народы Севера Дальнего Востока (КМНС ДВ), социокультурные проблемы КМНС, социальная стратификация национальных сёл, общинное самоуправление, субсидиарное государство.

В настоящее время во многих странах мира предпринимаются попытки не только признать факт наличия различных национальных, этнических и языковых меньшинств, но и осуществляются активные действия, направленные на обеспечение недискриминации и защиты этих групп, сохранения их самобытности и индивидуальных отличий. Обстановка, сложившаяся в районах Севера, долговременные интересы экономики и населения страны, масштабный характер проблем этого региона требуют активного воздействия государства на процессы, протекающие здесь. Важно остановить снижение реальных доходов населения, спад производства в базовых отраслях экономики районов Севера и обеспечить в перспективе устойчивое развитие этих районов.

В последние годы проблемы коренных малочисленных народов Севера Дальнего Востока (КМНС ДВ) приобрели исключительное значение. Переход к рыночным отношениям, сопровождавшийся резким ослаблением государственного регулирования, болезненно отразился на социальной ситуации в районах компактного проживания малочисленных этносов. Именно они в наибольшей степени оказались пострадавшими от рыночных реформ. До сих пор Россия не ратифицировала Конвенцию МОТ[1] № 169 о коренных народах, ведущих племенной образ жизни [17: с. 81], не принят Федеральный закон о статусе КМНС. Новая редакция уже существующих нормативно-правовых актов о коренных народах только усугубила их положение. Принятые федеральная и региональная программы декларативны и не имеют механизма реализации.

В связи с этим представляется актуальным еще раз обратиться к проблеме организации местного самоуправления коренных малочисленных народов как одного из важнейших путей решения их социокультурных проблем.

Из 26 малочисленных народов России в Хабаровском крае проживает восемь: нанайцы, негидальцы, нивхи, эвены, эвенки, удэгейцы, орочи, ороки, всего около 24 тыс. чел. [6; 16]. В связи с непродуманной социально-экономической политикой они фактически лишены природной среды обитания и основ жизнедеятельности[2]. В результате

[1] МОТ – Международная организация труда.

[2] Этот тезис, как и последующие характеристики положения КМНС, основывается на материалах двух локальных экспедиционных исследований в районах компактного проживания малочисленных этносов, проведенных Дальневосточным независимым социологическим центром и Хабаровским краевым центром занятости совместно с сотрудниками Института истории, археологии и этнографии народов ДВ ДВО РАН, Ассоциацией КМНС ДВ и специалистами ТОГУ и Хабаровского института культуры (выборка случайная, репрезентативность 0,5 %), а также опроса руководителей национальных общин Хабаровского края на семинаре по вопросам организации местного самоуправления в 2009 г. (всего опрошено 67 респондентов), в проведении которых участвовал автор.

промышленного освоения Севера нарушился экологический баланс территорий их проживания. За последние 10 лет из-за многолетнего загрязнения р. Амур стоками предприятий и массового браконьерства рыбные запасы уменьшились в 8 раз [10].

Сейчас все более отчетливо начинает «вырисовываться» модель свободной нерегулируемой эксплуатации природных ресурсов на рыночной основе. Такой подход к развитию Приамурья может дать старт процессам, за которыми последует неуправляемость, полное разрушение экосистемы и социокультурного фонда его народов. По мнению национальной интеллигенции, процесс возрождения самобытности, культуры, языка, образа жизни в целом невозможен [6].

Это мнение не беспочвенно, так как утрачены национальные корни и собственная культура КМНС, почти исчезли традиционные виды деятельности и профессии. На этом фоне формируется потребительская и иждивенческая психология, многие семьи аборигенов живут за счет гуманитарной помощи и пособия на детей.

Личностная деградация, пьянство, социальная инфантильность, рост социальных и психических заболеваний: туберкулез, алкоголизм, наркомания, венерические и другие болезни привели к ослаблению генофонда.

Резкое снижение занятости коренных народов привело к тому, что и денежные доходы в 2–3 раза ниже среднероссийского показателя и на 25–30 % меньше, чем в среднем по регионам их проживания, а размер пенсии составляет 26 % прожиточного минимума [13: с. 277]. Практически все аборигены находятся за чертой бедности, более половины живут в жилищах без коммунальных услуг с земляными полами по 5–6 м^2 , каждый второй – без работы [6: с. 76, 163]. Многие семьи практически не имеют жилья. Происходит неуклонное ухудшение состояние здоровья коренных народов, до пенсионного возраста доживают только 8,5 % этих народов, а показатели заболеваемости в 1,5 раза выше общероссийских [13: с .278].

Происходит формирование своеобразной социальной стратификации в национальных селах по следующим группам[3]: 1) элитарная (руководители национальных сел, общин, организаций, общественные деятели). Удельный вес незначителен, но оказывает существенное влияние на формирование национальных отношений; 2) аборигенное население, максимально сохранившее национально-традиционные виды деятельности. Отличается тем, что ее представители в наибольшей степени сохраняют национальное самосознание, элементы традиционной культуры и образа жизни. В известном смысле это национальное ядро, которое может стать стимулом сохранения коренных народов; 3) те, кто утратил традиционные виды деятельности и не приобрел других. Это наиболее пассивная, деградирующая часть населения, в наибольшей степени развращенная системой непродуманных социальных льгот; 4) ассимилировавшаяся часть коренного населения, те, кто обрел новые виды деятельности, принял образ жизни других наций; 5) интеллигенция, специалисты.

С одной стороны, при рыночных отношениях народы Приамурья получили больше экономической и юридической самостоятельности, свободы (возможность создания национально-родовых общин, развитие предпринимательства, расширение сферы деятельности национальных видов промыслов и т. д.) [3; 5; 8]. С другой – они никогда не имели опыта предпринимательства, и поэтому очень часто руководители нарождающихся национальных хозяйств попадают в сложное положение, вплоть до привлечения к уголовной ответственности [6]. Отсутствие материально-технической базы национальных общин, незнание культуры предпринимательства их руководителями, наличие конкурирующих организаций, занимающихся традиционными видами деятельности коренного населения, прямая экономическая невыгода сужают возможности развития национальных общин. Непоследовательность и непродуманность существующих законов и принимаемых решений администрацией различных уровней приводят к тому, что вновь зарождающиеся формы собственности в настоящее время лишены экономических перспектив. Иначе говоря, все, что сейчас делается, – законодательство, налоговая система, кредиты и т. п. – работает против новых форм хозяйствования, в том числе и национально-родовых общин.

Экономический кризис в национальных селах усугубляют следующие причины [18]: общие для всего Дальнего Востока, т. е. удорожание цен на энергоносители, транспортные издержки, повышение затрат на воспроизводство рабочей силы. Если доставлять продукцию с Севера, например, сравнительно дешевую оленину, то из-за транспортных издержек она настолько повысится в цене, что станет дороже китайской свинины или куриных окороков, завозимых из США. Специфические ведомства отказываются от ответственности за инфраструктуру, содержать которую уже не в состоянии. Детсады, комбинаты бытового обслуживания, столовые, парикмахерские, часть магазинов и т. п. закрыты. Кроме того, снижается сырьевая база по обеспечению коренного населения этнической пищей, которая ограничивается существующими лимитами. Например, в 2009 г. Правительством Ха-

[3] Социальная стратификация коренного населения в районах их компактного проживания дана автором.

баровского края для производственных и личных нужд коренных народов было выделено 2 тыс. т лососевых, 1 тыс. т частиковых и других пород рыб, а также разрешен отстрел 500 голов диких копытных животных и медведей, пушного и морского зверя, что не обеспечивает потребности коренного населения. Следовательно, в еще большей степени снижает и без того нищую социально-бытовую сферу.

Таким образом, назрела необходимость реформирования, адаптации механизма государственной поддержки к изменяющимся экономическим условиям и определения новых подходов и приоритетов в решении этих проблем.

Существующая концепция государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера предусматривает создание условий для саморазвития и самообеспечения коренных народов в районах их проживания [13: с. 9]. Это касается и традиционных отраслей хозяйствования и промыслов, продвижения их продукции на рынки сбыта, организации системы факторийной[4] торговли товарообмена, получения компенсаций при разработке природно-сырьевых ресурсов на территориях традиционной хозяйственной деятельности, развития организационно-правовых форм местного самоуправления. На основе этой концепции разработана Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2011 г.» [13: с. 274]. Принята и региональная программа. Однако эти документы не подтверждены финансовым обеспечением, а потому формальны и декларативны.

Таким образом, с одной стороны, формирование рыночных отношений дало потенциальные возможности для возрождения коренных народов, с другой – еще больше обострились социально-экономические условия жизни, которые и привели к такой социальной дифференциации аборигенного населения. На взгляд автора, наиболее эффективной структурой, которая может успешно решать проблемы КМНС на местном уровне, должна стать национально-территоральная община. По современному российскому законодательству она может быть зарегистрирована и как орган самоуправления, и как хозяйствующий субъект, и как общественная организация [2; 3; 4].

Учитывая условия, в которых живут сегодня коренные малочисленные народы на российском Дальнем Востоке, различную степень сохранности их традиционных институтов и степень интеграции в современные политические структуры, необходимо дифференцировать подход к организации самоуправления малочисленных народов на основе сельской (территориальной) общины.

Реальными представляются три формы общинного самоуправления [17] на основе:

1) совместного поселения. Целесообразно в национальных селах, где коренных малочисленных народов не более 50 % от общего числа жителей, которые (независимо от национальности) тесно связаны одним образом жизни, общими хозяйственными интересами, родственными узами и фактически представляют собой единую субкультурную общность. Именно она и должна быть самоуправляющейся административно-территориальной единицей, специфической формой территориального самоопределения всех жителей;

2) общих занятий. Наиболее подходит для крупных многонациональных поселений, в которых численность коренных малочисленных народов составляет менее 50 %, а основу экономики составляет промышленное или сельскохозяйственное производство, не связанное с традиционными отраслями или использованием природных ресурсов территорий традиционного природопользования. Членами таких общин могут быть семьи и отдельные граждане из числа коренных малочисленных народов, а также других национальностей, если основу их экономики составляют традиционные отрасли хозяйства;

3) совместного использования территорий традиционного природопользования. Предусматривает создание органов местного самоуправления (территориальных общин) в районах дисперсного расселения малочисленных народов, когда выделение территориального традиционного природопользования и создание органа местного самоуправления на базе поселения не предоставляется возможным из-за малой численности жителей коренной национальности или в силу иных причин.

В связи с реализацией Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2] вопросы самоорганизации КМНС ДВ представляются достаточно сложными как для самих народов, так и для органов власти всех уровней. В нем отсутствует механизм осуществления этнического самоуправления КМНС, что может существенно ухудшить их положение.

В настоящее время в мире достаточно интенсивно развивается новая модель управления обществом, основанная на принципе субсидиарности, которая может стать основой в системе взаимоотношений коренных народов и государства.

[4] Фактория (англ. Factory) – название учрежденных государством в отдаленных промысловых районных пунктов для закупки добычи охотников и снабжения их промысловыми орудиями, материалами, одеждой, продовольствием и предметами домашнего обихода [1: с. 664].

С недавних пор идея построения субсидиарного[5] государства появилась и в стратегических документах российского Правительства [2; 12] и в какой-то мере отражена в послании Президента Федеральному собранию Российской Федерации 12.11.2009 [12]. Вместо патерналистского государства предлагается модель субсидиарного государства, которое обеспечивает социальные гарантии в той мере, в которой общество не может сделать это самостоятельно. Но для того, чтобы такой переход произошел, населению, привыкшему к патернализму со стороны государства, необходима помощь в преодолении стереотипов, овладении инструментами цивилизованного саморазвития и самореализации. Местное самоуправление, которое дает не только свободу, но и приучает людей к ответственности, эффективнее, чем другие институты власти помогает преодолению этих стереотипов, способствует формированию гражданской политической культуры и нового типа личности, не уповающей исключительно на государство. Эти положения объясняют выбор концепции субсидиарного государства, в основе которой лежат два системообразующих положения. А именно государство берет на себя те, и только те задачи (функции), которые не могут быть выполнены обществом самостоятельно и закрепление задач (функций) за определенным уровнем власти происходит по принципу субсидиарности [15]. Последнее означает, что при разграничении предметов ведения и полномочий между разными уровнями власти передача властных полномочий осуществляется снизу вверх, т. е. от местных сообществ на уровень регионов, а затем на федеральный уровень. При этом региону передаются только те задачи (функции), что не могут быть выполнены на местах (муниципалитетом), а Федерации – только те задачи (функции), которые не могут быть выполнены в регионах. В этом случае большинство полномочий остается на местах и количество их при движении вверх все время уменьшается. Таким образом, общины, становясь органами самоуправления, принимая на себя решение вопросов местного значения, используют финансовые ресурсы как переданные вместе с полномочиями (возможность их исполнения должна прописываться в уставе общины) от органов местного самоуправления, так и привлеченные внебюджетные средства, поступающие и от ресурсопользователей, и от некоммерческих организаций. В новой схеме местное самоуправление будет представлять собой двухуровневую систему, при этом низшей станет община коренных народов, которая при нормальном управлении возьмет на себя функции сохранения и развития традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов, используя как государственные ресурсы, так и привлеченные внебюджетные средства. При этом принцип «решения вопросов местного значения под свою ответственность» [15: с. 5], безусловно, сохраняется.

Качественный анализ полномочий органов местного самоуправления, определенных с позиции принципа субсидиарности, показывает, что для каждого предмета ведения, оставленного на данном уровне власти, закрепленные полномочия составляют полный управленческий цикл от целеполагания и определения стратегии до измерения конечных результатов. Это позволяет, во-первых, добиться максимального приближения деятельности органов власти к потребностям населения местного сообщества. Во-вторых, наличие у органов местного самоуправления властных полномочий по основным сферам жизнедеятельности людей позволяет им реально управлять и, следовательно, нести ответственность за качество жизни населения и развитие муниципального образования.

Специалистами подчеркивается, что реализация идеи субсидиарности предполагает четкое разграничение функций Центра и регионов и в основном финансовое обеспечение этих функций. На уровне национального самоуправления, чтобы общины могли эффективно исполнять свои полномочия, действительно нужна революция в межбюджетных отношениях, пересмотр существующего законодательства и системы налогообложения.

Схема выравнивания межбюджетной зависимости на различных уровнях управления является одним из слабых мест в ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». Не случайно поправки к этому закону несколько раз отодвигали вступление его в полную силу. До этого все субъекты РФ должны принять законы о перечне полномочий, передаваемых на места.

Бюджеты муниципальных образований разрешено формировать не из полагающихся по закону местных налогов, а по фактическим расходам. Кроме того, раздел имущества между уровнями власти продлевается, а на переходный период федеральным, региональным и муниципальным властям разрешено пользоваться этим имуществом безвозмездно [16]. Община как единственный представитель локальной общности людей сама должна формировать бюджетную политику в поселении, определять нормы изъятия ресурсов традиционного обеспечения, размеры денежной и натуральной помощи нуждающимся домохозяйствам. А также определять, какие функции должны быть делегированы на районный и региональный уровни. Этот путь предполагается, когда общественное

[5] Субсидиарный (лат. subsidiaries) – резервный, вспомогательный [14: с. 478].

(различные ассоциации коренных народов) и аборигенное самоуправление сосуществуют внутри одного института власти. Второй путь – более ограниченного самоуправления – это широкое участие коренных народов в местных, региональных, федеральных программах, которые их затрагивают, вхождение в советы, которые заняты распределением природных ресурсов.

Такой уникальный опыт накоплен циркумполярными государствами[6], и хорошо, если бы он был частично учтен при организации местного самоуправления КМНС ДВ.

Центральным политическим и экономическим событием в новейшей истории развития коренных народов циркумполярного Севера стало заключение договоров между ними и государством в лице федеральной или региональной власти. Документы носят комплексный характер, охватывают вопросы прав на землю и ресурсы, оленеводство и промыслы, финансовые компенсации за использование земель в прошлом, признание интересов народов Севера в управлении природными ресурсами и соучастие в распределении ренты. По сути, это кодексы взаимных прав и обязанностей государства и народов Севера по отношению друг к другу. Соглашения – узловая веха в меняющихся взаимоотношениях между народами Севера и государством. «Катализатор» их принятия – необходимость открыть территорию для широкомасштабного хозяйственного освоения. Поэтому заключению документа всегда предшествуют гласно заявленные претензии коренных народов на землю и ресурсы исторического проживания. Можно выделить два основных вида соглашений между государством и коренными народами: первый – тот, который призван включить народы Севера в господствующие политические и экономические структуры общества: ограничить аборигенные права на землю и недра; открыть все шлюзы для ресурсного развития через увязку денежной компенсации за прошлое использование традиционных земель с извлечением ресурсов; внедрить новые экономические и политические институты в общины; одновременно предоставить аборигенам гарантированные представительства в советах по распределению ограниченных возобновляемых ресурсов и приоритетный к ним доступ. Второй – признающий статус коренных народов, правомочность их прав на природные ресурсы (в том числе и возможность общины наложить вето на ресурсную деятельность на территории традиционного проживания), особый образ жизни, национальные органы местного самоуправления. Конечный результат соглашений видится как своеобразная торговая сделка – претензии на аборигенные права на землю обмениваются на деньги и исключительные права на традиционное жизнеобеспечение [18].

Как показывает практика, Федеральное правительство РФ в реализации национальной политики всегда стремится отделить политические требования от экономических и не идти на широкое признание специального политического статуса и прав народов Севера.

Это потребует предоставления обширных участков земли и ресурсов (что не готово сделать ни одно государство мира). Россия в этом плане не исключение.

Федерализация территорий, сокращение числа субъектов до 83 произошло за счет национальных округов (было – 10, осталось – 4) [8].

На российском Севере с коренными народами пока заключаются лишь локальные соглашения по конкретным объектам и ареалам. Пока не ясно, станет ли этот процесс повторением американского или канадского опыта, но такая вероятность, и немалая, есть. Следовательно, нужно обобщать уже имеющийся отечественный и зарубежный опыт в этой области, чтобы «вдруг» возникшие претензии народов Севера на землю и недра не застали Центр врасплох.

Остановимся кратко на наиболее поучительных уроках первого российского опыта. Так, в Ханты-мансийском АО был создан Северный фонд, ориентированный на социальную защиту и поддержку национального предпринимательства. Структура его расходов была далеко не оптимальна – средства в основном шли на текущие национальные нужды и никак не стимулировали развитие национального бизнеса. Деньги, безусловно, важны, но они не решают всей проблемы: необходимо, чтобы у менеджеров фонда было ясное представление о важнейших приоритетах в современной поддержке народов Севера. К ним, в первую очередь, сегодня относится всемерное стимулирование выхода национальных предприятий, хотя бы на частичное саморазвитие. Необходимо поощрять развитие традиционных отраслей хозяйства народов Севера. Пока приоритеты в расходах не соответствуют приоритетам в государственной политике по отношению к народам Севера, и фонд «дрейфует» от задач социально-экономической поддержки к задачам получения прибыли. Вот почему си-

[6] Циркумполярные государства – это новое международное сообщество приполярных государств. В него входят страны, чьи земли располагаются в Арктике: Канада, Россия, Дания, Гренландия, Финляндия, Исландия, Норвегия, Швеция и США, которые сталкиваются со схожими трудностями. Впервые представители этих государств встретились в 1989 г., а в 1991 г. они разработали стратегию по защите окружающий среды Арктики, в 1996 г. сформировали Арктический совет, в котором сегодня представительствуют и коренные народы.

туацию в состоянии переломить только структуры, созданные самими КМНС. Иные организации, как бы красиво они не назывались, не будут выражать интересы народов Севера. При этом одна программа никогда не решит проблем поддержки малого кредитного бизнеса. Нужны десятки микрокредитных программ, каждая из которых будет иметь свою специфику поддержки малого бизнеса КМНС.

Необходимы и безвозвратные гранты, и гарантии, и другие многообразные формы поощрения местных инициатив. Практика заключения договоров в субъектах РФ, в которых проживают коренные малочисленные народы Севера (всего 27 регионов), имеют место только в 8 из них. К сожалению, дальневосточники в этом направлении аутсайдеры. Сведения о действующих договорах (реализация которых часто носит конфликтный характер) имеются только в Республике Саха (Якутия), Приморском и Хабаровском краях, Магаданской и Сахалинской областях.

Очень трудно привыкнуть к тому, что время субсидирования прошло и средства, выделяемые на экономическое развитие малочисленных народов Севера, в значительной части должны носить возвратный характер, опирающийся на систему гарантий. Национальные предприятия, получающие финансирование из бюджета на развитие, должны обеспечить возвратность этих средств за счет встречной поставки продуктов своего труда.

Перспективность данного направления заключается в том, что договорной процесс (как механизм, альтернативный бюджетному финансированию) позволит постепенно перевести хозяйство коренных народов на самообеспечение и саморазвитие. Что и означает переход от патерналистской политики к политике партнерства, т. е. реализуется принцип субсидиарности: источник сохранения и саморазвития КМНС. Таким образом, сложившиеся социально-экономические условия и политические реалии нашего времени предполагают выработку новых перспективных направлений деятельности органов государственной власти России для стабилизации, а затем и улучшения жизненного уровня КМНС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой словарь иностранных слов. – М.: ЮНВЕС, 2004.

2. Закон РФ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» // Российская газета. – 2000. – 25 июля.

3. Закон РФ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» от 30.04.1990 № 82-ФЗ // СЗ РФ. – 1999. – № 5.

4. Закон РФ «О национально-культурной автономии» от 17.04.1996 № 74-ФЗ // Российская газета. – 1996. – 21 июня.

5. *Калашникова, И.В.* Малочисленные этносы Дальнего Востока на региональном рынке труда / И.В. Калашникова // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. – Вып. 1. – Благовещенск : Амурский гос. университет, 2000. – С. 74–95.

6. *Ким, А.С.* Малочисленные этносы Приамурья : монография / А.С. Ким, А.В. Кныш, П.П. Лях, Н.Г. Менделев, М.П. Прасолова, Б.В. Смирнов. – Хабаровск: ХГТУ, 1993. – 71 с.

7. Комментарий к Федеральному закону от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ. «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ » / Под. ред. С.Е. Чанова. – М. : ТЕИС, 2005. – 432 с.

8. Конституция РФ. – М.: Юрид. Лит, 1993. (в ред. 2008 г.).

9. *Мерсиянова, И.В.* Муниципальная реформа в России: продолжение, стагнация или финал? / И.В. Мерсиянова // Власть. – 2005. – № 12. – С. 19–29.

10. Основные направления развития коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Хабаровском крае на 2006–2008 годы. Постановление Правительства Хабаровского края от 13.02.2006 г. № 16 ПР // Сборники законов и нормативно-правовых актов Амурской, Камчатской, Сахалинской, Магаданской областей и Хабаровского и Приморского краев. Справочная правовая система «Консультант Плюс».

11. От патернализма к партнерству (строительство новых отношений народов Севера и государства) / отв. ред. А.Н. Пилясов. – Магадан : СКВ НИИ ДВО РАН, 1998. – 198 с.

12. Послание Президента РФ Федеральному собранию Российской Федерации // Российская газета. – 2009. – ноябрь.

13. Права национальных меньшинств. Народы Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ : Сборник документов / под ред. О.О. Миронова. – М.: «Экзамен», 2006. – 320 с.

14. Словарь иностранных слов. 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз, 1984.

15. *Смоляк, Г.В.* Концепция «стройного государства» и самоуправления коренных малочисленных народов РФ / Г.В. Смоляк. – Хабаровск: Фонд Евразия, 2002. – 66 с.

16. Социально-экономическое положение районов проживания коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края. 2000–2004 гг. : сб. документов. – Хабаровск : Издательство Хабаровскккрайстат, 2005. – 78 с.

17. *Старцев, А.Ф.* Этнические и правовые аспекты социально-политического развития малочисленных народов Дальневосточного Севера / А.Ф. Старцев // Законодательные представительные органы власти в Приморском крае. История, современность, тенденции развития. – Ч. 3. – Владивосток, 2000. – С. 84–86.

18. *Суляндзига, Р.В.* Коренные малочисленны народы Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. Обзор современного положения / Р.В. Суляндзига, П.В. Кудряшова, П.В. Суляндзига. – М. : Россия, 2003. – 142 с.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В ХАРБИНЕ (I ПОЛ. XX В.).

В.В. Романова
Т.Г. Мамаева

Романова Виктория Викторовна – доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск).

Мамаева Татьяна Геннадьевна – аспирант кафедры политической истории Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск).

В статье рассматривается благотворительная деятельность российских предпринимателей, ее особенности и вклад в общественную жизнь российской колонии в Маньчжурии первой половины XX в.

Благоприятные экономические возможности и созданная русскими властями, а также администрацией дороги атмосфера национальной и религиозной терпимости привлекали предприимчивых людей Российской империи. Это способствовало быстрому формированию и самоорганизации российских этнических колоний в Харбине. Внутри колоний создавались традиционные общинные организации, в том числе благотворительные. Важную роль в их деятельности играли предприниматели. Кроме того, они принимали активное участие во всех общегородских мероприятиях. На протяжении первой половины XX в. в Маньчжурии менялись политическая обстановка и власть. Тем не менее, независимо от условий, российские коммерсанты на всем протяжении существования российской диаспоры в Харбине стремились вести активную общественную жизнь.

Ключевые слова: Маньчжурия, Харбин, российское предпринимательство, этнические колонии, благотворительность, Харбинский комитет помощи русским беженцам, Бюро российских эмигрантов в Маньчжурии, Маньчжоу-Ди-Го.

В многочисленных исследованиях последних лет, посвященных истории «русского» Харбина, значительное место отводится описанию особой атмосферы этого города, характеризовавшейся достаточно высокой общественной активностью россиян. Ее степень, а также формы выражения были неодинаковы на различных этапах существования диаспоры, но неизменным было стремление сохранить «маленькую Россию», передать детям и внукам свои традиции и культуру [21: p. 70].

Большую роль в создании необходимых для этого институтов, а также в организации взаимопомощи играла благотворительность, которую невозможно представить без участия предпринимателей. Она, как известно, имела широкое распространение в дореволюционной России, став одним из ценностных и поведенческих стереотипов сознания буржуазии, но в условиях Харбина приобрела особое значение. Для первого поколения россиян, прибывших в город для строительства и обслуживания КВЖД, а также освоения полосы отчуждения, с ее помощью создавались, в первую очередь, структуры, направленные на конструирование в инокультурных условиях привычной среды, а также на укрепление общинной солидарности. После событий революций и Гражданской войны в России, когда в город хлынули тысячи эмигрантов, благотворительность имела своей целью не только и не столько сохранение в городе-космополите образа Родины, сколько осуществление материальной и моральной поддержки соотечественников. После японской оккупации Маньчжурии в 1931г. меняются условия жизни россиян и соответственно условия, объемы и формы благотворительной деятельности, но ее роль в жизни диаспоры не уменьшается.

Очевидно, что участие предпринимателей в благотворительности не носило тотальный характер. Это зависело от убеждений, воспитания, ценностных установок каждого из них. Не забудем, что основной целью предпринимательства является извлечение выгоды. Но, тем не менее, можно утверждать, что число тех, кто осознавал необходимость помощи ближнему, было велико. Важнейшим компонентом мотивации являлась религиозная составляющая. Кроме того, многие из них понимали, что филантропия повышает общественный статус дарителя, что в конечном счете благоприятным образом отражается на бизнесе.

Характерной чертой российской благотворительности в Маньчжурии была ее этноконфессиональная окрашенность. Благоприятные экономические возможности и созданная изначально русскими властями, а также администрацией дороги атмосфера национальной и религиозной терпимости обусловили привлекательность осваиваемой Россией территории в глазах предприимчивых людей – подданных империи независимо от их веры и этничности. Это способствовало «быстрому формированию и самоорганизации российских этнических колоний» сначала в Харбине, а затем и в других городах полосы отчуждения. Внутри колоний создавались традиционные общинные организации,

существование которых в значительной мере обеспечивалось финансовой поддержкой состоятельных соплеменников или единоверцев [20: с. 82].

В соответствии с переписью, проводившейся в Харбине в 1913 г., этнический состав города, включавший 68 549 жителей 53 национальностей, выглядел следующим образом: русские – 34 313 чел., китайцы – 23 537 чел., евреи – 5 032 чел., поляки – 2 556 чел., японцы 696 чел., немцы – 564 чел., татары – 234 чел., латыши – 218 чел., грузины – 183 чел., эстонцы – 172 чел., литовцы – 142 чел., армяне – 124 чел. Остальные этнические группы насчитывали менее 100 чел. [21: p. 53]. Таким образом, этноконфессиональные сообщества россиян в дореволюционный период были представлены в городе русским, евреями, поляками, татарами, грузинами и армянами. Существовала также украинская община [20: с. 82]. В последующие годы самыми крупными общинами, имевшими разветвленную сеть благотворительности, были русская и еврейская. Вместе с тем известно, что посильную помощь своим землякам оказывали все другие общины бывших подданных Российской империи [2: с. 312]. Однако наиболее известными меценатами, вносившими значительный вклад в развитие города, были русские и еврейские предприниматели.

Здесь следует отметить, что из всех «нерусских» россиян евреи сыграли в экономической жизни Харбина совершенно уникальную роль. Преследуемые на территории России, они ринулись в Маньчжурию. В их составе высок был процент коммерсантов (в основном сибиряков). Это были промышленники, владельцы акций золотых приисков, предприятий по производству бриллиантов, обработке пушнины и т. д. [14: с. 117].

Традиционно предпринимательская активность евреев была выше их доли в общей структуре населения, что объясняется выработанными веками жизни в рассеянии чертами ментальности, которые в литературе определяются как диаспоральные [7: с. 8–23]. К ним относятся пластичность, адаптивность к различным культурным средам, общинная солидарность и др.

У русских, проживавших в Харбине в качестве строителей КВЖД, и тех, кто продвигал «русское дело» в Маньчжурии, как представляется, потребности в масштабной благотворительности вплоть до 1917г. не было. Это не означает, что эта деятельность не велась, что не было нуждавшихся в ней. Как и в России, в Харбине существовали благотворительные учреждения, оказывалась поддержка неимущим. Тем не менее русские в Маньчжурии ощущали себя представителями имперской нации, за спиной которых стоит мощная держава. И только позднее, оказавшись в качестве эмигрантов, им предстояло учиться жить в диаспоре, что невозможно без существования развитой благотворительности, тем более, что ее традиции имели давнюю историю в России.

У евреев, как народа, веками существовавшего в диаспоре, такой опыт имелся в полной мере. В результате в Харбине уже в начале XX в. сложилась крупная и сравнительно богатая еврейская община [15: с. 115–142]. Довольно скоро она создала все традиционные еврейские общинные институты (религиозные, образовательные, финансовые, медицинские, вспомоществования и др.), позволявшие ей автономно существовать в качестве диаспоры не только в этнически пестром пространстве Харбина, но и внутри российской диаспоры. Это было возможно только при финансовой взаимопомощи. Все без исключения крупные еврейские коммерсанты занимались благотворительностью. В их числе были известные на Дальнем Востоке промышленники – братья Скидельские, братья Соскины, Г. Кролл, Л. Цыкман, М. Кабалкин, Й. Рабинович и др. [22: p. 91–96].

Не случайно первыми благотворительными учреждениями, созданными выходцами из Российской империи, были еврейские. Судя по литературе, раньше других, в 1907 г., был создан Дамский благотворительный кружок, переименованный позднее в Дамское еврейское благотворительное общество (ДЕБО). У его истоков стояли жены крупных предпринимателей, перебравшихся в Харбин главным образом из дальневосточных городов – Е.И. Добисова, А.И. Мордохович, С.Г. Яброва. Первой председательницей была Анна Ефимовна Аккерман [9: с. 16]. Они оказывали приехавшим из России еврейским женщинам поддержку, снабжая малоимущих одеждой, деньгами, дровами и углем, помогали нуждавшимся еврейским семьям платить за учебу детей в школе и т. д. В июле 1907 г. в Харбине была организована бесплатная еврейская столовая для всех желающих. В том же году состоялось открытие общественного начального училища. В октябре 1910 г. после завершения строительства нового здания, средства на которое выделялись купцами К.Е. Добисовым, Г.Б. Дризиным (проживавшим прежде в Хабаровске), И.С. Фридом, А.М. Мордоховичем и др., оно было преобразовано в образцовую школу. Предприниматели, построившие здание для школы, выступали и в качестве меценатов созданного при ней «Общества вспомоществования недостаточным учащимся», вносившего плату за обучение бедных учеников, обеспечивавшего их одеждой, обувью, учебными пособиями, завтраками, а также медицинской помощью [9: с. 16].

При общине создана была также еврейская общественная библиотека, которая насчитывала к 1912 г. 13 тыс. томов по всем отраслям знаний на

разных языках. Она была доступна для всех жителей города. Для поддержки малоимущих торговцев, ремесленников и предпринимателей в 1913 г. было создано благотворительное общество «Гмилус Хесед», занимавшееся выдачей беспроцентных ссуд.

Наряду с участием в деятельности этноконфессиональных общин, все предприниматели «русского» Харбина принимали активное участие в работе общегородских благотворительных учреждений. К их числу относилось, например, Общество защиты детей, существовавшее исключительно на членские взносы и пожертвования. В 1913 г. оно создало приют «Ясли», в котором в течение дня содержалось около 100 детей в возрасте от 1 года до 7 лет беднейшей части русского населения [17: с. 142].

После революционных событий октября 1917 г. в России увеличился поток русских переселенцев в Маньчжурию. Многие ехали без средств к существованию, спасаясь от большевизма. Потребность в филантропии существенно возросла. Несмотря на сложную политическую ситуацию в городе, активизировалась деятельность благотворительных организаций, стали создаваться новые. Их финансирование складывалось из нескольких источников, одним из которых были пожертвования коммерсантов [12: с. 107].

В этой крайне сложной обстановке не остались в стороне местные биржевики. 19 ноября 1917 г. состоялось закрытое совещание харбинской биржи под председательством Н.В. Водянского. На нем обсуждались вопросы о революционном налоге, о мерах взыскания средств для оказания помощи малоимущему населению Харбина, об охране города и т. д. Был организован сбор пожертвований. Всего было собрано около 72 тыс. руб. Для придания этой деятельности планомерного характера была избрана комиссия в составе 10 человек. В дальнейшем она получила название «Общественная организация по оказанию помощи беднейшему населению г. Харбина» и состояла при городском самоуправлении. Кроме того, была создана особая комиссия в составе 7 представителей от торговцев и промышленников, а также от уполномоченных городского самоуправления. Она действовала самостоятельно под названием «Комиссия по оказанию помощи неимущему населению г. Харбина». Из предпринимателей в нее вошли А.Н. Агишев, В.Н. Витухновский и др. [5].

Новая волна беженцев прибыла в Маньчжурию после окончания Гражданской войны в России. Харбин превратился в крупнейший центр российской эмиграции. В нем оказалось две категории россиян так называемые старожилы, в большей или меньшей степени интегрированные в местную жизнь, и эмигранты, очень разные по своему прошлому, политическим взглядам, финансовым возможностям, которым предстояло начинать все «с чистого листа».

В сентябре 1920 г. в соответствии с декретом президента Китайской республики принципиально изменился правовой статус россиян: они утратили право экстерриториальности и превратились в бесподданных граждан, находившихся под юрисдикцией китайских властей. Однако последние, запретив «деятельность политических организаций, партий или отдельных лиц, вредящих спокойствию населения», фактически не вмешивались в жизнь российской колонии [10]. Именно 20-е годы XX столетия стали ее расцветом, если можно считать расцветом жизнь на чужбине. Политические страсти в городе поутихли, большинство россиян занималось обустройством собственной жизни. В городе возросло количество учреждений, которых можно условно назвать институтами гражданского общества, поскольку сообщество россиян находилось фактически на «самообеспечении». В этих условиях большое значение имела степень социальной ответственности бизнеса. И следует отметить, судя по всему, немалая часть предпринимателей это понимала. В городе открывались новые образовательные учреждения, больницы, общества призрения и т. д., что было невозможно без их участия. Так, в 1920 г. Иверским братством в Харбине был открыт приют для мальчиков по типу военного училища «Русский дом». Учебное заведение отличала оригинальная педагогическая система с идеями трудового воспитания, позволявшая осуществлять разностороннее развитие учащихся. На протяжении 20 лет российские предприниматели оказывали ему материальную помощь. Среди благотворителей можно отметить известных харбинских промышленников того времени: И.В. Кулаева, С.Л. Скидельского, М.Г. Антипаса, В.В. Берковича, Л. Цыкмана, М.И. Шитухина и торговый дом «И.Я. Чурин и К°» [6].

В декабре того же года была открыта школа «Талмуд-Тора имени Л.С. Скидельского». Большую сумму на ее строительство пожертвовали братья Скидельские в память о своем покойном отце [22: p. 41]. По инициативе банкира И.М. Бунимовича было основано общество «Охранения здоровья» для оказания медицинской помощи бедным.

В августе 1921 г. стало известно о разразившемся в России страшном голоде. Это вызвало живой отклик среди русского населения Маньчжурии: повсюду стали возникать общественные комитеты помощи голодающим Советской России. Вскоре по инициативе Особоуполномоченного Дальневосточной республики в полосе отчуждения КВЖД Э.К. Озорнина в Харбине был создан общегородской комитет. Он включал в себя представителей 46 организаций. Председателем был избран пред-

ставитель Совета местной еврейской общины доктор А.И. Кауфман. Харбинский комитет организовал неделю сбора пожертвований для голодающих Советской России. И хотя предприниматели не принимали советскую власть, они не могли оказаться в стороне от всеобщей беды. Уполномоченные комитета обошли более 1 тыс. торговых домов, фирм и лавок и др. Специальные сборы в пользу комитета платили клубы, рестораны, кинотеатры практически все предприниматели – от крупных до мелких. Комитет отправлял в Советскую Россию железнодорожные составы с продовольствием, спасшие многие жизни [19: с. 125].

В 1923 г. был создан Харбинский комитет помощи русским беженцам, ставший координационным центром всей благотворительной деятельности в 20–30-е гг. Наряду с регистрацией эмигрантов и выдачей необходимых документов, он помогал в поиске работы, содействовал оказанию бесплатной медицинской помощи, организовывал бесплатные и дешевые столовые и общежития, выделял денежные пособия нуждавшимся [176: с. 142; 1: с. 16–17]. В первые годы деятельности комитета пожертвования носили единичный характер. В 1929 г. его правление обратилось к состоятельным слоям российского населения Харбина с призывом поддержать организацию постоянными ежемесячными взносами, которые дали бы возможность составить небольшой, но твердый бюджет. Многие откликнулись на этот призыв. Известно, что в их числе были предприниматели И.В. Кулаев, А.С. Орлов, М.Н. Макаров, Ф.И. Слинкин, М.Г. Кислов, К.Ю. Лейтлов, И.Г. Лаврентьев, и др. [18: с. 54].

В 1932 г. в Харбине случилось сильное наводнение, начавшееся 8 августа и продолжавшееся около двух месяцев. В течение 2–3 дней небывалый разлив реки затопил город и окрестности. Десятки тысяч людей остались без крова и средств к существованию. Особенно ощутимый урон понесли малоимущие, проживавшие на первых этажах и в подвальных помещениях.

В этих условиях различные общественные организации города создали комитеты помощи жертвам наводнения: Международный, в который вошли биржевой комитет и иностранные торговые палаты, Русский общественный комитет под председательством епископа Мелетия и украинский. Наряду с ними, на эту работу переключился Харбинский комитет помощи русским беженцам, в течение пяти месяцев обеспечивавший пострадавших жильем, бесплатными обедами и медицинской помощью.

Значительную активность проявил организованный еврейской общиной комитет помощи жертвам наводнения. На первом же его заседании было решено, что помощь должна оказываться «всем пострадавшим, без различия национальности и вероисповедания, как это делается всеми другими созданными в городе комитетами» [8: с. 16]. Как отмечалось в отчете, «с первого же момента стало ясно, что потребуются огромные средства, и что никто не вправе уклониться от оказания помощи людям, попавшим по воле стихии в безвыходное положение» [8: с. 16]. В состав комитета вошли, в том числе предприниматели – А.Л. Окунь, А.М. Мордохович, Л.Г. Цыкман, Я.Д. Фризер и многие другие. Было решено также обратиться за финансовой помощью к состоятельным братьям Соскиным, переехавшим к тому времени на жительство из Харбина в Париж, а также к американской благотворительной организации «Джойнт» [11: с. 25]. Однако средств не хватало, необходимо было приложить усилия для их изыскания.

На заседании финансовой секции комитета был поставлен на обсуждение вопрос, в каком виде провести намеченный сбор денег: в виде добровольных пожертвований или путем обложения. Но, – как писала об этом в те дни харбинская «Еврейская жизнь, – «…уже первые шаги секции показали ей, что не всегда можно рассчитывать исключительно на сознание и добрую волю жертвователей. Размеры нужды столь велики, что те незначительные суммы, которыми хотели отделаться некоторые представители состоятельных классов, ни в какой мере нельзя признать соответствующими требованиям момента. Поэтому секция решила стать на более решительный и определенный путь работы через обложение всего еврейского населения определенными взносами, соответственно имущественному и материальному положению» [8: с. 27–28].

Помимо финансовой, при комитете действовали также транспортная, жилищная, и снабженческая секции, оказывавшие помощь пострадавшим жителям города всех национальностей.

Организация помощи всем жителям Харбина, ставшим жертвами наводнения 1932 г. – одна из ярчайших страниц благотворительной деятельности российской колонии города. Она была бы невозможной без финансового участия многих предпринимателей.

Оккупация Маньчжурии и создание в 1932 г. марионеточного государства Маньчжоу-Го внесли изменения в жизнь проживавших на этой территории россиян. Японцы стремились взять под контроль почти все стороны жизни российских эмигрантов.

В декабре 1934 г. по инициативе и под контролем японцев было создано Бюро российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ). Оно включало в себя все эмигрантские организации Харбина, а также национальные общины города. В марте 1935 г. СССР был вынужден продать свои права на

КВЖД. Японцы принялись постепенно вытеснять российских коммерсантов из различных сфер. Многие из них покинули Харбин, переехав либо во внутренние, пока еще не оккупированные, районы Китая, либо в другие страны. Все эти изменения самым неблагоприятным образом отразились на экономической ситуации в городе. Российское его население стало сокращаться, в первую очередь, за счет наиболее состоятельной части, представленной в основном предпринимателями. Очевидно, что это, с одной стороны, увеличивало потребности в благотворительной деятельности, с другой – затрудняло ее возможности.

Для оказания поддержки наиболее бедным слоям русского населения в составе БРЭМа в апреле 1935 г. был создан 5-й благотворительный отдел. Он являлся общественной организацией. Финансирование складывалось из добровольных пожертвований и ежегодного одного «кружечного» сбора и одного «счастливого базара». В поисках средств и оказания помощи нуждавшимся эмигрантам отдел на страницах местной печати неоднократно обращался к состоятельным кругам русской эмиграции, а также к отдельным лицам с просьбой о помощи в деле поддержания неимущих. Многие русские эмигранты становились постоянными жертвователями отдела и своими ежемесячными взносами поддерживали его, содействуя русским малоимущим семьям, детям-сиротам, инвалидам, престарелым [12: с. 111–112]. Среди них было немало предпринимателей: владельцы водочных заводов – С.Э. Бакшанская, И.И. Васильев, И.Д. Суслов, К.А. Дайко, Л.А. Хавтаси; пекарен и кондитерских – братья Мейзины, Н.Г. Кечеджанц, братья Ракины, Сучков, А.Е. Перочинский, В.А. Бобылев, И.В. Уткин и др. [4].

Между тем из Европы стали приходить все более тревожные вести, особенно волновавшие еврейскую общественность. После аншлюса Австрии и «Хрустальной ночи» в Германии евреи стали искать убежища в других странах, однако, как известно, никто не торопился распахивать свои двери. В этих условиях возрастает привлекательность Шанхая – крупнейшего порта, где имелся так называемый Международный сеттельмент. Въезд в него не требовал виз, и это обусловило большой поток спасавшихся от нацизма европейских евреев. Часть из них ехала транзитом через СССР и останавливалась в Харбине. Оседать на территории Маньчжоу-Ди-Го им запрещалось, но они могли использовать его территорию в качестве транзитного пункта. Еврейская община всячески помогала беженцам: их встречали на вокзале, кормили, снабжали одеждой, обувью и бельем, оказывали в случае необходимости медицинскую помощь. Предметом особой заботы стало еврейское гетто Хонкью, созданное японцами в Шанхае в 1943 г. под нажимом Германии. В его пользу регулярно проводились благотворительные акции, в которых принимали участие все, в первую очередь, промышленники и коммерсанты [16: с. 57–77].

С развязыванием Японией войны на Тихом океане материальное положение русского населения ухудшилось. Усилилось давление японских оккупационных властей на российских предпринимателей. Они вынуждены были постоянно оказывать «благотворительную» помощь «Ниппонской Императорской армии», особенно по мере приближения ее поражения. Харбинские газеты тех лет сообщали о многочисленных пожертвованиях в пользу раненых, на нужды вооружений и т. д.

В 1943 г. в связи с ростом числа безработных японские власти решили переселить часть эмигрантов в так называемые «Особые переселенческие районы» (Чол, Тооген, Люто). Предприниматели оказывали поддержку переселенцам. Так, в ноябре 1943 г. фирма И.Я. Чурина выделила для них по 1 тыс. кос, лопат, граблей, плотницких топоров, гвоздей и т. д. [3]. Эту и другую помощь условно можно назвать «добровольно-принудительной» благотворительностью бизнеса. Очевидно, что предприниматели не могли отказать японским оккупационным властям, поскольку был риск потерять свое предприятие, примеров чему было немало.

Во главе переселенческой компании стояло Управление развития земледелия, при активном участии Кио-Ва-Кай, развернувшее агитацию за «служение сельского хозяйства делу становления Нового Порядка в Восточной Азии». Война требовала от марионеточной империи продовольственных ресурсов, которых катастрофически не хватало.

Освоение новых сельскохозяйственных районов, по замыслу организаторов переселенческой кампании, должно было исправить положение. Однако Тоогенский район оказался малопригодным для земледелия, а затраты на организацию переезда и землеустройства превысили ожидаемые размеры. Властям пришлось пересмотреть темпы кампании и обратиться к состоятельным людям с просьбой о предоставлении займа на нужды переселенцев. Был создан комитет по переселению в Тоогенский район. В его состав вошли многие известные в Харбине предприниматели, как, например, Д.М. Воронцов, М.И. Шитухин [3: л. 80]. Вопросы, связанные с переселением, обсуждались на собраниях коммерсантов в зале Торгово-промышленной палаты. Так, на одном из них, состоявшемся 10 декабря 1943 г., была создана комиссия по проведению займа для нужд переселения. В «Кратком положении о комиссии» специально оговаривалось, что общая сумма займа должна составить 2 млн. 200 тыс. гоби среди коммерсантов и состоятельных лиц. Это «справедливое» распределение должно

было пройти под высшим контролем Японской военной миссии, Главного Бюро и Торговой палаты. Погашение должно было произойти к концу 1955г. Однако, как известно, события развернулись иначе. 17 августа 1945 г. в Маньчжурию вступила Советская армия, положив конец японской оккупации. Вместе с тем был нанесен сокрушительный удар по российской колонии Харбина. Она перестала существовать. Многие ее активные представители, в том числе предприниматели, были арестованы советскими оккупационными властями и погибли. Так, например, 8 сентября 1945 г. были арестованы известные на весь Дальний Восток купцы и щедрые благотворители братья Семен и Соломон Скидельские. Их обвинили в том, что они «обращали свой капитал на борьбу с Советским Союзом», а также «в связях с японской миссией». Дальнейшая судьба, как нетрудно предположить, сложилась трагически. Как явствует из справки о реабилитации, выданной российской прокуратурой в 1996 г., Семен Леонтьевич умер, «находясь на излечении в Кокандском спецгоспитале № 3670, 6 апреля 1948 г.». По другим сведениям он умер от «сердечного приступа» в тюрьме Никольск-Уссурийска. Соломон Леонтьевич был приговорен 15 июля 1950 г. к 25 годам тюремного заключения по двум статьям Уголовного кодекса. Точная дата его смерти неизвестна.

Таким образом, был положен конец яркой, вместе с тем полной драматизма и нередко трагизма истории пребывания россиян в Харбине. Неотъемлемая ее часть – благотворительность, являвшаяся традиционным атрибутом жизни российского социума в дореволюционный период. Ее значение в условиях эмиграции значительно возрастало. Это налагало особую ответственность на предпринимательское сообщество. Безусловно, далеко не все его представители занимались этой деятельностью. Многое определялось личными качествами и убеждениями. Различной была мотивация и у тех, кто слыл филантропом. Тем не менее можно утверждать, что немалая часть российских предпринимателей Харбина осознавала свою социальную ответственность, что является чрезвычайно актуальным в современной России.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. *Аурилене, Е.Е.* Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг. / Е.Е. Аурилене. – Хабаровск : Издат. дом «Частная коллекция», 2008. – 268 с.

2. Великая Маньчжурская империя. К 10-летнему юбилею. Издание Государственной организации Кио-ва-кай и Главного бюро по делам российских эмигрантов в маньчжурской империи. – Харбин, 1942. – 418 с.

3. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. 830. – Оп. 1. – Д. 126. – Л. 53.

4. ГАХК. – Ф. 830. – Оп. 2. – Д. 117. – Л. 19, 227, 228.

5. ГАРФ. – Ф. 1399. – Оп. 1. – Д. 2. – Л.1.

6. ГАХК. – Ф. 830. – Оп. 1. – Д. 129. – Л. 6, 37.

7. *Дятлов, В.* Диаспора: попытка определиться в понятиях / В. Дятлов // Диаспоры. – 1999. – № 1.

8. Еврейская жизнь. – 1932. – № 27–28.

9. Еврейская жизнь. – 1935. – № 40.

10. Заря. – 1920. – 24 сент.

11. *Кауфман, А.И.* Поселок Харбин / А.И. Кауфман // Бюллетень Игуд Иоцей Син. – 1997. – № 349.

12. *Лазарева, С.И.* Российские истоки и новации в благотворительности российских эмигрантов в Маньчжурии (начало XX в. – сер. 40-х гг.) / С.И. Лазарева // Актуальные проблемы исследования КВЖД и российской эмиграции в Китае / под. ред. Н.И. Дубининой, В.М. Пескова. – Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2008. – 170 с.

13. *Левин, З.И.* Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ) / З.И. Левин. – М. : Институт востоковедения РАН, 2001. – 176 с.

14. *Пархомовская, Р.* «Сии птенцы гнезда»… Бейтара / Р. Пархомовская // Через Дальний Восток – на Ближний. Статьи, публикации, мемуары и эссе. – Иерусалим, 2009.

15. *Романова, В.В.* Российские евреи в Харбине / В.В. Романова // Диаспоры. – 1999. – № 1.

16. *Романова, В.В.* Харбинская еврейская духовная община в годы японской оккупации Маньчжурии (1931–1945 гг.) // Через Дальний Восток…

17. *Ромашкина, Т.А.* Традиции русских благотворительных обществ в Харбине / Т.А. Ромашкина // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 1–3 июня 1998 г.) / Дальневост. гос. науч. б-ка. – Хабаровск : Издат. дом «Частная коллекция», 1998.

18. Харбинский комитет помощи русским беженцам 1923–1938 гг. Харбин 1938. Отчет о деятельности Харбинского комитета помощи русским беженцам с 1923 по 1938 г. – 73 с.

19. *Ципкин, Ю.Н.* Помощь общественности Приморья и КВЖД голодающим Поволжья в 1921–1922 гг. / Ю.Н. Ципкин // Азиатско-Тихоокеанский регион в глобальной политике, экономике и культуре XXI века. – Хабаровск, 2002.

20. *Чернолуцкая, Е.Н.* Роль конфессиональных общин в складывании российских этнических колоний в Харбине / Е.Н. Чернолуцкая // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 1–3 июня 1998 г.) / Дальневост. гос. науч. б-ка. – Хабаровск : Издат. дом «Частная коллекция», 1998.

21. *Bakich, O.* Émigré Identity / O. Bakich // Harbin and Manchuria: Place, Space and Identity. The South Atlantic Quarterly. – Winter 2000. – Vol. 99. – №. 1.

22. *Kaufman, T.* The Jews of Harbin Live on in My Heart / T. Kaufman. – Tel-Aviv, 2006.

О ФИНАНСОВОЙ И ВОЕННОЙ ПОМОЩИ СОЮЗНИКОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫМ АТАМАНАМ ВЕСНОЙ – ЛЕТОМ 1918 Г.

С.Н. Савченко

Савченко Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, консультант отдела по взаимодействию с казачеством управления специальных программ губернатора Хабаровского края.

Контактный адрес: swcos@mail.ru

Данная статья посвящена изучению роли помощи Великобритании, Франции, США и Японии, стран-союзниц России по Первой мировой войне, в становлении, формировании, вооружении и деятельности антибольшевистских организаций и военных отрядов в начальный период Гражданской войны на Дальнем Востоке весной – летом 1918 г. Основное внимание автором уделено организации помощи союзников антибольшевистским отрядам дальневосточных атаманов – Особому Маньчжурскому отряду есаула Забайкальского казачьего войска Г.М. Семенова и Особому Уссурийскому казачьему отряду войскового атамана Уссурийского казачьего войска есаула И.П. Калмыкова. Во время становления этих отрядов данная помощь стала одним из важнейших факторов, способствовавших их организации, формированию и вооружению. Автор подчеркивает, что во многом военная и финансовая помощь союзников определила масштаб вооруженной борьбы против советской власти в регионе. В то же время в статье отмечается небескорыстность помощи союзников антибольшевистским организациям, в том числе и дальневосточным атаманам.

Автор делает вывод о важности финансовой и военной помощи союзников дальневосточным атаманам, сыгравшую большую роль в становлении и деятельности их отрядов, в свержении советской власти на Дальнем Востоке осенью 1918 г.

Ключевые слова: дальневосточные атаманы, союзники России по Первой мировой войне, финансовая и военная помощь.

Становлению и вооружению военных антибольшевистских организаций и отрядов на Дальнем Востоке летом 1918 г. во многом способствовали союзники России по Первой мировой войне, ставившие своей целью свержение советской власти. Среди таких организаций немаловажную роль играли отряды дальневосточных атаманов – есаула Забайкальского казачьего войска (далее – ЗКВ) Г.М. Семенова, войскового атамана Уссурийского казачьего войска (далее – УКВ) есаула И.П. Калмыкова.

После Октябрьской революции 1917 г. правительства держав Антанты и США – союзников России по Первой мировой войне – стали проводить политику поддержки различных антибольшевистских сил, формировавшихся на территории страны, стремясь этим получить контроль над ними для борьбы с Советами и решения своих геополитических интересов. Параллельно началась и подготовка военной интервенции.

Первой к подготовке военной интервенции на территорию русского Дальнего Востока, с согласия других держав-союзниц России по войне с Германией, приступила Япония. В октябре 1917 г. Высший военный совет союзников принял решение пригласить Японию оккупировать Владивосток и обеспечить движение по Транссибирской магистрали. В виде компенсации за помощь Японии предлагалась часть сибирской территории. Однако президент США В.Вильсон выступил против данного плана и этим фактически задержал на несколько месяцев начало интервенции против России [33: с. 24]. В ноябре 1917 г. Генеральный штаб Японии подготовил план отправки войск в регион [37: с. 182–183].

10 (23) декабря 1917 г. было подписано англо-французское соглашение о разделе южных регионов России на «зоны действий». Позднее была достигнута договоренность о том, что Сибирь и Дальний Восток станут «зонами действий» для США и Японии. В знаменитых «14 пунктах», изложенных президентом США В. Вильсоном в январе 1918 г., вообще предлагалось расчленить территорию России и низвести ее до уровня второстепенной державы, лишенной всех стратегически важных для нее регионов [44: с. 10–11; 46: с. 64–65]. Однако пока ставка делалась на создание русских военных антибольшевистских сил, которые и должны были свергнуть советскую власть в России.

Победа советской власти на Дальнем Востоке обусловила создание здесь белогвардейских организаций и отрядов, чья деятельность была направлена на борьбу с большевиками. В октябре 1917 г. в Забайкалье началась антибольшевистская деятельность есаула Г.М. Семенова, приступившего к формированию Монголо-бурятского полка, а в декабре вынужденного бежать в Маньчжурию [23]. В конце декабря для налаживания контактов с антибольшевистскими силами на КВЖД Семенов направил в Харбин сотника А.В. Жевченко [40: с. 52; 25]. В Пекине русский посланник князь Н.А. Кудашев свел Жевченко с английским военным агентом полковником Робертсоном, которого Жевченко просил поддержать Семенова оружием и деньгами. Французский представитель капитан Пелье сразу же вы-

ехал к Семенову. В Шанхае А.В. Жевченко предложил адмиралу А.В. Колчаку приехать в Маньчжурию и возглавить «наше дело». Колчак просил немного подождать, так как «…надо время, чтобы уйти со службы англичан» [26].

Разгон Учредительного собрания позволил Семенову объявить об открытой борьбе с большевиками, а 9 января 1918 г. он приступил к формированию Особого Маньчжурского отряда (далее – ОМО). Видную роль в организации ОМО сыграл русский посол в Японии Н.П. Крупенский, который выделил атаману остатки сумм Временного правительства на военные заказы, а также «боксерские деньги». Кроме того, Крупенский также проводил агитацию в поддержку Семенова [27]. В середине января 1918 г. ОМО приступил к активным боевым действиям против большевиков в Забайкалье [3, с. 92–93; 29]. Тогда же в Харбине Семенов встречался с японским генеральным консулом Сато и английским генеральным консулом Портером, которые поддержали идею атамана о создании в Сибири «противогерманского фронта» и обещали ему поддержку оружием и деньгами [10: с. 132].

В конце января 1918 г. в Японии Жевченко провел переговоры с представителями японского Генерального штаба о поставках оружия Семенову. Так, 16 (3) февраля Крупенский сообщил в Пекин князю Кудашеву, что японцы положительно решили этот вопрос. При этом оговаривалось, что «японское правительство официально не будет причастно к этому» [4]. 17 (4) февраля, во время обсуждения условий поставок и уплаты за оружие между Жевченко и представителями японского Генштаба, было условлено, что Япония к концу февраля поставит Семенову 3 тыс. карабинов, 2 тыс. винтовок, 10 тыс. ручных гранат, 50 пулеметов «Гочкис», 10 млн. патронов, 8 полевых орудий и 2 тяжелых орудия [26]. 25 февраля японское правительство приняло решение оказать поддержку атаману Семенову и, кроме вооружения, направить к нему ряд японских офицеров; ближайшим помощником атамана стал капитан Куроки. Японские офицеры служили в штабе ОМО, занимались вербовкой японских добровольцев и резервистов. В начале марта с помощью японцев китайские власти поставили Семенову 4 орудия и 4 тыс. снарядов [34: с. 113–115].

В феврале японский премьер-министр граф Тераучи объяснил парламенту страны причины пока негласной помощи русским антибольшевистским силам. Он отметил, что «русские внутренние беспорядки» распространяются и на Дальний Восток, что угрожает миру в регионе. Тераучи заявил, что охрану спокойствия в Восточной Азии «мы считаем своей обязанностью. Япония считает себя ответственной в поддержании мира и спокойствия в этой части света». Если же обстановка здесь и дальше будет развиваться в том же направлении, «правительство… не задумается принять решительные меры» [15].

Особое внимание на дальневосточное казачество как потенциального союзника в борьбе с Советами стали обращать и другие представители стран Антанты на Дальнем Востоке. В январе 1918 г. английскому посланнику в Пекине было поручено заверить Семенова в оказании ему финансовой помощи и раздобыть для него на месте оружие и снаряжение [37: с. 126]. В конце января 1918 г. 4-й войсковой круг УКВ избрал есаула И.П. Калмыкова, занимавшего активную антибольшевистскую позицию, войсковым атаманом. В январе–феврале 1918 г. он вступил в тесные отношения с представителями союзников на Дальнем Востоке, обещавшими уссурийцам помощь и поддержку в борьбе с Советами – английским майором Данлопом, затем с японскими генералом Накашима (специальный представитель военного министерства Японии в Маньчжурии) и подполковником Сакабе. Японцы приставили к атаману своего представителя. В середине февраля англичане и Калмыков разработали план по ликвидации советской власти в Южном Приморье и образовании здесь сепаратного государства [43: с. 8, 11; 45: с. 22–23]. В начале 1918 г. посланник США в Китае Рейнш направил в Восточную Сибирь для изучения обстановки Дрисдейла, который в середине февраля рекомендовал оказать поддержку есаулу Семенову и атаману Калмыкову [47: с. 85]. Консул США во Владивостоке Колдуэлл в послании государственному секретарю Лансингу для борьбы с советской властью также рекомендовал оказывать финансовую помощь организации забайкальского казачества под руководством Семенова и уссурийского – Калмыкова [37: с. 126]. Согласно свидетельству семеновцев, с момента своего появления ОМО стал финансироваться союзными державами – первой выделила деньги Англия, затем – Франция и Япония, которая «во все времена деятельности ОМО была лучшим и искренним его другом, помогая всем и деньгами и оружием и добровольцами, и устранением неблагоприятных для отряда политических обстоятельств и т. д.» [3].

В середине февраля ОМО вновь вторгся в пределы Забайкалья. С началом наступления Великобритания первой 21 февраля оказала Семенову финансовую помощь, передав ему 400 тыс. руб. [17]. За помощь и поддержку английский консул Портер и английский вице-консул Хилл 23 февраля приказом Семенова были зачислены почетными казаками ОМО [31][1]. Затем ОМО была оказана и помощь вооружением; 23 февраля Кудашев оповещал Кру-

[1] Приказ атамана ОМО есаула Семенова по Семеновскому пешему полку № 22 §-2 от 23 (10) февраля 1918 г.

пенского, что временно уступленное англичанами и французами отряду Семенова оружие (2 гаубицы с 800 снарядами, 4 горные пушки с 2 тыс. снарядами, 2 пулемета с 100 тыс. патронами) по согласованию с правительством Китая отправится 10 марта из Тяньцзина специальным воинским поездом [5]; 4 марта английская и французская миссии запросили свои правительства разрешения срочно помочь Семенову; 7 марта английская миссия сообщила о согласии своего правительства направить Семенову орудия, а также капитана Денни и артиллериста для обучения семеновцев. От французов к атаману был направлен капитан Пелье [38: с. 60]. В марте Англия выделила Семенову еще 100 тыс. руб. [17].

Понимая всю важность того, на чьей стороне окажется уссурийское казачество, в Иман, назначенный местом проведения круга 5-го войскового круга УКВ, в начале марта прибыли английский и французский консулы, которые неоднократно встречались с Калмыковым и обещали ему свою помощь. После досрочного окончания круга, во Владивостоке в английском консульстве Калмыков 6 марта провел переговоры с представителями Великобритании и с участием японцев, в ходе которых был принят план свержения власти Советов в Южном Приморье. С этой целью Калмыков должен был сформировать отряд в 4 тыс. чел., объединить все силы дальневосточного казачества, а англичане и японцы, со своей стороны, гарантировали ему оружие, поддержку и годовую субсидию в 2 млн. руб. Часть этих денег Калмыков получил сразу же после переговоров [43: с. 11]. Видимо, тогда же он договорился и о поставках войску зерна и муки на льготных условиях. Таким образом, на Калмыкова союзники сделали главную ставку в борьбе с Советами в Приморье и Приамурье.

Так, 12 марта, во избежание ареста советской властью, атаман Калмыков был вынужден бежать на ст. Пограничная (КВЖД), где объявил о создании Особого Уссурийского казачьего отряда (далее – ОКО) для борьбы с большевиками. Средства на нужды ОКО Калмыков получал от союзников, прежде всего, Японии, а также путем так называемых «реквизиций» (т. е. обыкновенного грабежа имущества пассажиров) как в поездах, так и имущества самой железной дороги [11: с. 178; 39].

После поражения в Забайкалье в начале марта, Семенов начал подготовку к новому наступлению. В это время японцы сделали первые поставки оружия – пулеметы, пушки и винтовки [21]. Командующий войсками Гиринской провинции Китая даже обратился к российскому консулу в Гирине с просьбой сообщать ему о воинских грузах для Семенова, чтобы пропускать их без задержки [6]. В марте на добровольных началах в ОМО вступили англичане и французы, к этому времени у Семенова на службе уже были китайцы, а также бельгийцы, служившие в качестве инструкторов и техников на бронепоездах и автомобилях [40].

Союзники продолжали предпринимать меры для усиления боеспособности ОМО и подготовки его к новым боям. С этой целью 16 марта на ст. Маньчжурия прибыли французский капитан Пелье и английский капитан Денни, ставшие представителями своих стран при штабе ОМО. Кудашев для сбора сведений об отряде Семенова направил на ст. Маньчжурия первого секретаря посольства Граве, с которым приехал английский военный агент в Китае полковник Робертсон. Этим было положено начало официальной помощи Семенову со стороны Франции, Англии и Японии. Французы и японцы давали деньги, англичане и японцы пушки, пулеметы и снаряды.

Между тем уже тогда отмечалось разное отношение Семенова к иностранным представителям. Так, 16 марта на совещании с Робертсоном, Пелье, Граве, Шильниковым и Таскиным «было замечено две группы: 1-я Англия, Франция и наша Пекинская миссия и 2-я Семенов и Япония». По замечанию Шильникова, 1-я группа стремилась обойтись в борьбе с большевиками чисто русскими силами при денежной и материальной помощи союзников. Семенов же «надеялся набрать отряд из харачин-монгол-разбойников», на что Граве отметил, что харачины не надежны в боевом отношении и будут грабить население, а «это будет пахнуть японским вторжением». Семенов в ответ заявил, что при умном управлении они грабить не будут, «и что более грабителей, чем русские трудно сыскать». Шильников отметил неприязненное отношение Семенова и его помощников к военным агентам Англии и Франции. К представителю Японии в ОМО капитану Куроки отношение было другим. Без него не проводилось ни одной боевой операции, с ним всегда советовались, он был постоянным спутником атамана. Шильников указывал, что представители Англии и Франции были очень требовательны в правильности составления хозяйственной отчетности и экономны. Японцы, же, когда стали давать деньги отряду, по словам интенданта полковника Бирюкова, не требовали в средствах отчета и давали денег «сколько угодно» [10: с. 132; 20].

Для поддержки Семенова 20 марта Пелье выдал Семенову 55 тыс. руб. на покупку лошадей и седел, 23 марта еще 10 тыс. руб. на организацию разведки и пропаганды в пользу ОМО, а 25 марта 6 тыс. руб. на оборудование автомобильной роты. В марте Англия также выделила отряду Семенова 100 тыс. руб. [17]. Таким образом, подготовка к наступлению на Забайкалье шла полным ходом.

Центром антибольшевистского движения на Дальнем Востоке к весне 1918 г. стала полоса отчуждения КВЖД во главе с управляющим КВЖД

генерал-лейтенантом Д.Л. Хорватом, вокруг которого стали создаваться различные контрреволюционные организации и военные отряды. В середине марта японское правительство неофициально попросило Хорвата единолично возглавить руководство «восстановлением порядка» и сформировать независимое правительство Сибири, пообещав ему полную поддержку [47: с. 79]. 15 марта Хорват сообщил японцам о своем согласии возглавить такое правительство [42: с. 18]. В это же время японское правительство зондировало почву на предмет возможности каких-либо уступок российской стороной в обмен на помощь [33: с. 24; 37: с. 135–136][2]. Видимо, переговоры прошли с должным для Японии успехом, так как в конце апреля она выделила Хорвату финансовую помощь в размере 1 млн.иен [37: с. 199]. Таким образом, Япония стремилась занять выгодные стратегические пункты, получить глобальные экономические привилегии и захватить рынок, вытеснив отсюда своего соперника – США.

Несмотря на видимость хороших отношений с Хорватом и частичное финансирование с его стороны, тем не менее, Калмыков подчиняться ему не стал. Аналогичную позицию занимал и Семенов.

Для поддержки ОМО весной 1918 г. японцы поставили 8 скорострельных полевых орудий и 2 150-миллиметровой гаубицы, а также другое вооружение и материалы. В качестве инструкторов к Семенову были направлены 6 офицеров и 43 солдата. К апрелю ОМО имел 15 тяжелых японских орудий. Почти вся артиллерийская прислуга состояла из японцев, всего в отряде было около 170 японских офицеров [38: с. 112–113; 9]. Перед весенним наступлением совещание высших начальников ОМО вынесло постановление «ходатайствовать перед есаулом Семеновым о принятии на себя титулования "Атаман", на что сам Семенов согласился [41: с. 45].

5 апреля 1918 г. союзники предприняли первую попытку военной интервенции на Дальнем Востоке, высадив во Владивостоке японский и английский десанты. Определенные надежды на этот десант возлагали антисоветские силы, как в Приморье, так и на КВЖД, где формировались белогвардейские отряды. Белогвардейцы были уверены, что этим начнется широкомасштабная интервенция, которая свергнет советскую власть. Однако десант вернулся на свои корабли, та к какширокая интервенция союзными державами еще не была подготовлена и согласована ни в военном, ни в политическом отношении[3]. Кроме того, между союзными державами существовали определенные противоречия и недоверие.

7 апреля ОМО вновь начал свое вторжение в Забайкалье и занял территорию 2-го военного отдела ЗКВ, что позволило атаману Семенову 13 апреля приказом № 65 по отряду объявить мобилизацию забайкальских казаков 1911–1918 гг. призыва [30]. 16 апреля Крупенский сообщал в Пекин Кудашеву и Хорвату, что японский генерал Танака через Иокогама Спеси Банк перевел в распоряжение генерала Накашима необходимые средства для производства мобилизации в Забайкалье. 26 апреля дипломатический чиновник в Сибири Эльтеков уведомлял Пекин, что деньги на мобилизацию японцами переданы генералу Плешкову, однако, Семеновым еще не получены. Эльтеков сообщал, что из-за отсутствия средств ОМО в скором времени будет поставлен в критическое положение [7]. В начале апреля к ОМО присоединилось около 400 японских добровольцев, составивших пехотный батальон [49: с. 42].

Вмешательство Японии во внутренние дела Советской России заставило НКИД РСФСР в ноте правительству Японии 24 апреля заявить, что «он в последний раз обращает внимание японского представителя на то, что в отряде Семенова находятся японские артиллеристы и японские орудия». Все это, как говорилось в ноте, «с неопровержимостью устанавливают широкое участие японских правительственных агентов в контрреволюционной борьбе против российского правительства» [22: с. 23].

Анализируя ситуацию, сложившуюся в полосе отчуждения КВЖД в апреле-мае 1918 г., адмирал А.В. Колчак (назначенный 10 мая начальником всех русских воинских частей и отрядов в полосе отчуждения КВЖД) отмечал, что союзники, игнорируя и Хорвата, и самого Колчака, оказывали по-

[2] В частности, в конце марта – начале апреля на вопрос генерала Хорвата о компенсациях Японии за ее помощь, представитель военного министерства Японии в Маньчжурии генерал Накашима ответил, что территориальных уступок она не потребует, но будет добиваться предоставления предпочтительных коммерческих прав в Восточной Сибири, ликвидации всех фортификационных сооружений во Владивостоке и превращения его в открытый порт, предоставления неограниченных прав рыболовства по всей Восточной Сибири, открытия судоходства по Амуру, предоставления преимущественных прав на лесные и горные поиски, т. е. особых привилегий. Несмотря на то что ряд союзников был готов поддержать этот план Японии, позже он был отвергнут США.

[3] Зам. военно-морского министра Японии Точинаи 8 апреля 1918 г. сообщил командующему 5-й эскадрой адмиралу Като, отдавшему приказ о высадке во Владивостоке, что «…правительство не готово к отправке своей армии. В создавшихся условиях… рекомендуется рассматривать морской десант как временную меру местного значения, которая при отсутствии провокаций должна быть прекращена» [37: с. 163–164].

мощь непосредственно начальникам отдельных отрядов [32: с. 80–81]. Поддержка союзниками таких «самостоятельных» группировок была направлена на рекрутирование из них своих ставленников. В этом более других преуспела Япония, сумевшая распространить свое влияние на генерала Хорвата и казачьих атаманов. Как бы в противовес этому растущему влиянию, англичане и французы поддерживали находившееся в Харбине Временное правительство автономной Сибири (ВПАС) П.Я. Дербера, претендовавшее на руководящие роли в Сибири и адмирала А.В. Колчака. Так, японцы помогали только отрядам Семенова и Калмыкова, французы – только Семенову, англичане – вначале только отряду Орлова, а затем прекратили всякую поддержку. Результатом этого, как констатировал адмирал, стало стремление каждого из начальников отдельных отрядов, получавшего помощь от представителей союзных держав, к самостоятельности, что приводило к враждебности и соперничеству между русскими отрядами. Выделяя ведущую роль Японии в оказании помощи различного рода антибольшевистским отрядам, Колчак отмечал, что представители ее миссии поставили своей задачей создание небольших русских отрядов – Семенова и Калмыкова, которые находились бы у нее в зависимости. Этому были подчинены денежная помощь и снабжение оружием, причем их дозировка позволяла японцам держать этих начальников под своим контролем [32: с. 80–81].

Одновременно в ОМО начались интриги и против адмирала Колчака, назначенного генералом Хорватом командующим армией в полосе отчуждения КВЖД. Приближенные Семенова, боясь потерять на него влияние, стали уговаривать его не признавать Колчака. В этом же направлении работали и японские советники атамана. Это привело к тому, что во время встречи с Колчаком на ст. Маньчжурия Семенов отказался признавать над собой его власть и не принял предложенную адмиралом финансовую помощь. Семенов заявил, что «…он сейчас ни в чем не нуждается, что он получает средства и оружие от Японии» [28: с. 360].

Союзники, ввиду напряженных боев на фронте, предпринимали соответствующие меры для поддержки Семенова. По свидетельству адмирала Колчака, в начале мая генерал Накашима через капитана Куроки передал Семенову 300 тыс. руб. [32: с. 75–76]. 11 мая Русско-Азиатский банк перевел в распоряжение французского консула для передачи Семенову от имени капитана Пелье 500 тыс. руб. [8][4]. 22 мая капитан Пелье выдал Семенову 300 тыс. руб., затем в июне-июле Франция неоднократно финансировала атамана. Помощь Японии Семенову стала возрастать с 30 мая, когда отряду было передано 165 тыс. руб., и эта помощь все более увеличивалась в размерах. Япония через капитана Куроки к июню передала на нужды Семенова 2 906 428 руб., кроме того, через харбинские власти от японцев было получено еще 200 тыс. руб. Получил ОМО около 1,5 млн. руб. и от харбинских властей из средств, отпущенных генералу Хорвату союзниками на формирование антибольшевистских отрядов. 21 июня французский консул в Харбине выделил ОМО 500 тыс. руб., 3 июля французский капитан Пелье вновь выдал Семенову 500 тыс. руб. [18]. В июне и июле, в период тяжелых боев с красными, японская сторона также передала Семенову по 500 тыс. руб. [35: с. 137].

Попытки Семенова вновь перейти в наступление не увенчались успехом. Красные продолжали теснить его к границе с Маньчжурией. Для поддержки атамана Пелье 17 июля выдал ему 1 млн. руб. [18]. Но и это не помогло. 19 июля части Забайкальского фронта выбили семеновцев из ст. Мациевской [16].

К 1 августа ОМО отступил на ст. Цаган (КВЖД) [31][5]. Чтобы поддержать Семенова и оказать помощь в переформировании ОМО, 2 августа капитан Пелье выдал атаману 700 тыс. руб. [18].

В это же время нарастала угроза Забайкалью с запада. Чехословаки и белогвардейцы, продвигаясь из Сибири вглубь Забайкалья, 20 августа заняли Верхнеудинск [48: с. 29]. В это же время к Семенову из Иркутска прибыл представитель Восточного фронта с предложением немедленно начать наступление на Читу. 21 августа Семенов направил свои части из Маньчжурии в Забайкалье. В тот же день первые эшелоны японских войск прибыли на ст. Маньчжурия, часть из них двинута на маньчжурскую границу [10: с. 168–169; 13]. Для финансовой поддержки наступления, 22 августа капитан Пелье выдал Семенову 800 тыс. руб., и ОМО двинулся на фронт [2; 18].

3 сентября на ст. Борзя комиссия из чинов ОМО, отметив заслуги и «выдающуюся организационную работу Атамана по восстановлению армии», «неутомимую активную вооруженную борьбу с большевиками», присвоила чин полковника, который 5 сентября Семенов «с благодарностью» принял [41: с. 61–62]. В тот же день капитан Пелье выдал Семенову 200 тыс. руб. Всего к этому времени Франция, в период с марта по сентябрь 1918 г., выделила Семенову 4071 тыс. руб. [18].

[4] При этом русским дипломатам заявили о желательности для французов получения благодарности со стороны атамана Семенова.

[5] Сообщение дипломатического чиновника в Сибири Эльтекова из Хайлара в миссию в Пекин 1 августа.

Таким образом, можно сделать вывод о важности финансовой и военной помощи союзников дальневосточным атаманам. Эта помощь продолжала оказываться и после свержения советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке. Так, командующий американскими экспедиционными войсками в Сибири генерал В. Гревс отмечал в докладе начальнику штаба армии США от 1 октября 1918 г., что Семенов «находится фактически на содержании у японского правительства» [36: с. 166]. Выступивший на 5-м чрезвычайном Войсковом круге УКВ, проходившем в октябре 1918 г. в Хабаровске, атаман Калмыков особо выделил роль союзников, прежде всего Японии, в финансовой и военной помощи войску. По свидетельству атамана, Япония первая выделила средства, а Франция открыла кредит на нужды войска на сумму в 100 тыс.руб. в месяц. Калмыков подчеркнул, что Японии принадлежит доминирующая роль в свержении советской власти на Дальнем Востоке [14; 24]. Осенью 1918 г. японцы стали выделять средства и на содержание строевых частей Амурского казачьего войска [19].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. АВПРИ. – Ф.Миссия в Пекине. – Оп.761. – Д.1552. – Л.31.
2. АВПРИ. – Ф.Миссия в Пекине. – Оп.761. – Д.1552. – Л.32.
3. АВПРИ. – Ф.Миссия в Пекине. – Оп.761. – Д.1552. – Л.105об-106об.
4. АВПРИ. – Ф. Миссия в Пекине. – Оп.761. – Д.1555. – Л.25,45.
5. АВПРИ. – Ф.Миссия в Пекине. – Оп.761. – Д.1555. – Л.90.
6. АВПРИ. – Ф.Миссия в Пекине. – Оп.761. – Д.1555. – Л.115об.
7. АВПРИ. – Ф.Миссия в Пекине. – Оп.761. – Д.1555. – Л.130,140.
8. АВПРИ. – Ф. Миссия в Пекине. – Оп.761. – Д.1555. – Л.149.
9. АВПРИ. – Ф.Миссия в Пекине. – Оп.761. – Д.1555. – Л.169–174.
10. *Атаман Семенов.* О себе. Воспоминания, мысли и выводы. М., 1999.
11. *Барон А.Будберг.* Дневник. М., 1990.
12. Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье. Иркутск, 1967.
13. Вестник Маньчжурии. – 1918. – 22,27 авг.
14. Вестник Маньчжурии. – 1918. – 29 окт.
15. ГАХК. – Ф. П-44. – Оп.1. – Д.212. – Л.11.
16. ГАХК. – Ф.1503. – Оп.6. – Д.26. – Л.262.
17. ГАХК. – Ф.1736. – Оп.1. – Д.51а. – Л.138.
18. ГАХК. – Ф.1736. – Оп.1. – Д.51а. – Л.139.
19. ГАРФ. – Ф.129. – Оп.1. – Д.9. – Л.6.
20. ГАРФ. – Ф.178. – Оп.1. – Д.1. – С.34об-35.
21. ГАРФ. – Ф.4711. – Оп.1. – Д.13. – Л.40.
22. *Гирченко, В.* Империалистическая интервенция в Бурят-Монголии (1918–1920 гг.). Улан-Удэ, 1940.
23. Голос Приморья. – 1918. – 1 марта.
24. Голос Приморья. – 1918. – 29 окт.
25. Дальневосточная республика. – 1920. – 11 июня.
26. Дальневосточная республика. – 1920. – 12 июня.
27. Дальневосточное обозрение. – 1920. – 10 февр.
28. Допрос Колчака // Арестант пятой камеры. М., 1990.
29. Забайкальский рабочий. – 1918. – 18 янв.
30. Забайкальский рабочий. – 1918. – 7 июля.
31. Забайкальский рабочий. – 1918. – 23 авг.
32. “Злостные для русского дела события”. Записки адмирала А.В. Колчака. 1918 г. // Исторический архив. – 1998. – № 3.
33. *Иота.* Пути экспансии японского империализма // Тихий океан. Политико-социально-экономический журнал. – № 2 (4). – М., 1935.
34. *Кувадзима, Х.* К истории японской военной миссии / Х. Кувадзима // История Белой Сибири. Тезисы 4-й научной конференции 6–7 февраля 2001 года. – Кемерово, 2001.
35. *Кувадзима, Х.* Поддержка атамана Семенова японцами в первый период военной интервенции (январь-август 1918 г.) / Х. Кувадзима // История Белой Сибири. Материалы международной научной конференции 4–5 февраля 2003 года. – Кемерово, 2003.
36. *Мальков, В.Л.* Американские солдаты в Сибири / В.Л. Мальков // История СССР. – 1991. – № 1.
37. Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 – октябрь 1918 г.). Документы и материалы. – Владивосток, 1997.
38. *Познанский, В.С.* Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. / В.С. Познанский. – Новосибирск, 1973.
39. Приамурье. – 1920. – 20, 24 февр.
40. Русский настольный календарь 1936 г. – Харбин, 1936.
41. *Сергеев, Вс.Л.* Очерки по истории Белого движения / Вс.Л. Сергеев. – Харбин, 1937.
42. *Светачев, М.И.* Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.) / М.И. Светачев. – Новосибирск, 1983.
43. *Светачев, М.И.* Империалистическая политика «помощи» и ее роль в антисоветской интервенции в Сибири в 1918-1919 гг. / М.И. Светачев // Вопросы истории Дальнего Востока. – Хабаровск, 1972.
44. *Светачев, М.И.* Иностранные державы и революционные события 1917 г. в России: опыт экспорта контрреволюции / М.И. Светачев // Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории. Материалы международной научной конференции. – Хабаровск, 1997.
45. *Светачев, М.И.* Подготовка иностранного вторжения в Сибирь (ноябрь 1917 – март 1918 гг.) / М.И. Светачев // Вопросы истории Дальнего Востока. Вып. IV. – Хабаровск, 1974.
46. *Светачев, М.И.* Союзническая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке и вопрос о судьбе выходов России к Тихому океану / М.И. Светачев // Российский флот на Тихом океане: история и современность. Выпуск второй. Материалы Тихоокеанской конференции, посвященной 300-летию Российского флота. – Владивосток, 1996.
47. *Фоминых, С.Ф.* К истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. Критический анализ американской дипломатической переписки как исторического источника / С.Ф. Фоминых. – Томск, 1988.
48. *Хаптаев, П.Т.* Бурятия в годы гражданской войны / П.Т. Хаптаев. – Улан-Удэ, 1967.
49. *Юзефович, Л.А.* Самодержец пустыни. (Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга) / Л.А. Юзефович. – М., 1993.

ДИНАМИКА ЛИЧНОСТНОГО ЗДОРОВЬЯ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛА

(на примере профессионалов Дальневосточного региона)

М.В. Сокольская

Сокольская Марина Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

В статье обсуждаются результаты эмпирического исследования личностного здоровья профессионалов, в котором приняли участие операторы-железнодорожники Дальневосточного филиала ОАО «РЖД» и педагоги Хабаровского края.

В процессе становления профессионала его личностное здоровье как интегративная динамическая характеристика личности претерпевает закономерные изменения, которые отражаются *в уровне субъективного благополучия* (на этапе профессионального обучения уровень субъективного благополучия выше, чем в период развития профессионализма); *в сферах детерминации* (внешняя детерминация доминирует у первокурсников и внутренняя – у выпускников и профессионалов); *в характеристиках личности* (у профессионалов ниже уровень тревожности по сравнению со студентами, но выше осторожность; профессионалы меньше внимания уделяют внепрофессиональным видам деятельности и в меньшей степени стремятся к самоактуализации); *в отношении к профессии и здоровью* (гомогенность смысловой сферы первокурсников и профессионалов и гетерогенность смысловой сферы выпускников, которая характеризует их отношение к профессии и здоровью); *в качественной дифференциации респондентов* (среди профессионалов доля субъективно неблагополучных респондентов уменьшается, но существенно увеличивается доля субъективно неустойчивых по сравнению со студентами).

Личностное здоровье профессионалов обеспечивается у *первокурсников* балансом стремления к саморегуляции и потребности в поддержке семьи и друзей; *выпускников* – балансом внутренних потребностей и внешних требований; *профессионалов* – балансом потребности в личностной самореализации и стремлением к профессиональным достижениям.

Ключевые слова: личностное здоровье профессионала, личность профессионала, становление профессионала, субъективное благополучие.

Современные условия труда выдвигают всё более сложные требования к профессионалу, поэтому проблема становления профессионала, его личностного и духовного развития для психологической науки и практики приобретает особую значимость (Е.А. Климов, Э.Ф. Зеер, В.А. Бодров, Ю.К. Стрелков, А.К. Маркова, Ю.П. Поваренков, Д.Н. Завалишина, Л.Г. Дикая, Е.М. Иванова, Л.М. Митина, А.Р. Фонарёв и др.). В связи с этим актуализируется потребность в изучении личностного здоровья профессионала (ЛЗП) как специфической способности личности сохранять в предлагаемых условиях жизнедеятельности внутреннюю гармонию, субъективное благополучие, стремление к саморазвитию.

Исследователи (С.А. Дружилов, А.В. Карпов, Ю.П. Поварёнков и др.) отмечают, что именно в ситуациях целенаправленного поведения, характерных, в первую очередь, для профессиональной деятельности проявляются противоречия между личностными образованиями и внешними деятельностными и социальными факторами, выступающими в роли требований к личности. В то же время включение личности в деятельность, установка на реализацию её целей и задач обусловливают стремление субъекта деятельности преломить, адаптировать содержание и способы обеспечения трудового процесса к тем функциональным возможностям, которые определяются структурой личности конкретного человека. Таким образом, процессы профессионализации и жизнедеятельности личности оказываются прочно взаимосвязаны, соответственно между ними могут устанавливаться отношения компенсации, а именно при невозможности добиться самореализации в одной сфере, человек стремится компенсировать это в другой.

Становление профессионала – целостный динамически разворачивающийся во времени процесс от формирования профессиональных намерений до полной реализации себя в деятельности, который *включает* в себя компоненты объективного (престижность профессии, ее социальная конкурентоспособность, уровень безработицы и т. д.) и субъективного характера (отношение личности к профессии, к себе как профессионалу, выраженность профессиональных способностей, профессиональные идеалы, переживание успехов и неудач в профессиональной деятельности и т. д.); *проходит ряд этапов* (стадий), каждый из которых сопровождается характерными психологическими и профессиональными особенностями развития личности. Обобщение позиций ведущих специалистов в этой области (Э.Ф. Зеер, Е.А. Климов, Л.Н. Корнеева, Т.В. Кудрявцев, А.К. Маркова, Н.С. Пряжников, А.Р. Фонарёв и др.) позволило выделить основные стадии профессионализации: профессиональное обучение (от 15–19 до 16–23 лет); профессиональная адаптация (от 17–21 до 24–27 лет); развитие

профессионализма (от 21–27 до 45–50 лет); реализация профессионализма (от 46–50 до 60–65 лет) и спад (свыше 61–65 лет).

Говоря о личности профессионала, как о сложившейся целостной системе профессиональных знаний, умений, навыков, наполнении их личностным смыслом, период профессионального обучения рассматривается как начальный, базовый этап процесса становления профессионала, формирования личности профессионала. Успешность профессионального становления, как показывают исследования, определяется активностью личности, способностью к саморазвитию; осознанием себя как профессионала; наличием профессионально важных качеств и способностей; профессиональной компетентностью; готовностью к преодолению напряженных ситуаций, успешным выполнением поставленных задач; ценностно-смысловым, творческим отношением к профессиональной деятельности – именно теми качествами личности, которые обеспечивают формирование личностного здоровья профессионала.

Личностное здоровье профессионала (ЛЗП) мы понимаем как целостную, интегративную, динамическую характеристику личности, которая обусловлена социальной (в противовес асоциальной) субъектной активностью личности и проявляется в субъективном благополучии в рамках своей принадлежности к определённому социокультурному и профессиональному сообществу [14]. ЛЗП организовано на основе структурно-уровневого принципа и образует иерархию пяти основных уровней: метасистемного, системного, субсистемного, компонентного и элементного [7].

В качестве основного критерия ЛЗП выступает субъективное благополучие (СБ), которое представляет собой интегральное психологическое образование, включающее оценку и отношение человека к своей жизни и самому себе. Субъективное благополучие можно рассматривать и как оптимальную саморегуляцию, выражающуюся в переживании внутренней гармонии, тогда главной составляющей его психологического измерения становятся переживания, чувственно-эмоциональная и когнитивная сферы, обусловленные как объективными обстоятельствами жизнедеятельности, так и личностными свойствами.

Анализ взаимовлияния личности и профессиональной деятельности позволяет рассматривать личностное здоровье в качестве интегративного условия становления профессионала, его способности к самореализации, а процесс профессионализации, в свою очередь, в качестве детерминанты ЛЗП.

В рамках разработки обобщённой концепции ЛЗП [14] предпринято эмпирическое исследование, **целью** которого явилось исследование динамики личностного здоровья в процессе становления профессионала.

К участию в исследовании были приглашены представители профессий типа «человек–техника» и «человек–человек»: поездные диспетчера и машинисты локомотива Дальневосточного филиала ОАО «РЖД» и учителя-филологи общеобразовательных школ Хабаровского края.

В качестве основных этапов профессионализации рассматриваются следующие: *стадия профессионального обучения*, так как именно в этот период начинается познание профессии, в этот же период осуществляется и окончательный (в большинстве случаев) профессиональный выбор и *стадия развития профессионализма* как наиболее продолжительный временной и творческий этап профессионализации, соответственно, в качестве респондентов выступили студенты – будущие специалисты обозначенных профессий и профессионалы с опытом работы по специальности свыше 5 лет.

Процедура эмпирического исследования состояла из нескольких этапов. На *первом этапе* изучались особенности субъективного благополучия в зависимости от типа профессиональной деятельности и этапа профессионализации посредством использования методик ВОЗКЖ-100 и «Удовлетворённость работой». В соответствии с полученными результатами респонденты были разделены на подгруппы «субъективно благополучные», «субъективно неблагополучные» и «субъективно неустойчивые» (далее по тексту «благополучные», «неблагополучные» и «неустойчивые»). При выделении двух первых подгрупп учитывались крайние показатели благополучия/неблагополучия, соответственно в группу «неустойчивые» вошли респонденты, получившие промежуточные результаты.

Анализ структуры субъективного благополучия первокурсников

1. *«Благополучные»* первокурсники *удовлетворены* возможностью получать практическую помощь и поддержку со стороны семьи и друзей – сфера «Социальные взаимоотношения». Наиболее высокие количественные показатели у будущих машинистов локомотива, затем последовательно у поездных диспетчеров и педагогов. *Не удовлетворены* состоянием финансовых ресурсов (сфера «Окружающая среда»*)*, который соответствует *среднему* уровню СБ по убыванию: у диспетчеров, машинистов, педагогов.

2. *«Неблагополучные» удовлетворены* способностью к передвижению (сфера *независимости*): будущие педагоги, машинисты локомотива и поездные диспетчера – *обратная последовательность по сравнению с подгруппами благополучных первокурсников. Не удовлетворены* состоянием финансовых ресурсов и возможностью получения медицинской и социальной помощи (сфера «*Окружающая среда»)* – машинисты локомотива, педагоги, диспетчеры.

3. *«Неустойчивые»* первокурсники *удовлетворены* способностью к передвижению – будущие педагоги, машинисты локомотива и поездные диспетчеры – *данная последовательность оказалась идентичной подгруппам субъективно неблагополучных первокурсников. Не удовлетворены* состоянием финансовых ресурсов – поездные диспетчеры, педагоги и машинисты локомотива.

Анализ структуры субъективного благополучия выпускников

1. *«Благополучные»* выпускники *удовлетворены* способностью к передвижению – поездные диспетчеры, педагоги и машинисты локомотива. *Не удовлетворены* состоянием финансовых ресурсов – машинисты локомотива, поездные диспетчеры, педагоги.

2. Субсфера СБ, состояние которой *удовлетворяло* бы всех «*неблагополучных*» выпускников, не выявлена. Хотя «*неблагополучные*» операторы железнодорожного транспорта удовлетворены независимостью от лекарств и лечения. *Не удовлетворены* «*неблагополучные*» выпускники чувством безопасности и защищенности от нанесения физического ущерба окружающей средой дома, состоянием финансовых ресурсов и возможностью получения медицинской и социальной помощи (сфера «*Окружающая среда»)* – поездные диспетчеры, машинисты локомотива, педагоги.

3. *«Неустойчивые»* у*довлетворены* способностью к передвижению – машинисты локомотива, поездные диспетчеры, педагоги. *Не удовлетворены* возможностью получения медицинской и социальной помощи – поездные диспетчеры, машинисты локомотива, педагоги.

4. Во всех группах *выпускников*, независимо от уровня их СБ, сохраняется *удовлетворённость* сферой *независимости*: способностью к передвижению и независимостью от лекарств и лечения. Количественно значения в подгруппах различаются также незначительно в рамках одного уровня.

Не удовлетворены все выпускники сферой «Окружающая среда»: степенью финансовой обеспеченности и возможностью получения медицинской и социальной помощи.

Анализ структуры субъективного благополучия профессионалов

1. Показателей СБ, состояние которых как *удовлетворяет*, так и *не удовлетворяет* всех «*благополучных*» профессионалов, не выявлено.

Не удовлетворены профессионалы состоянием финансовых ресурсов поездные диспетчеры и помощники машинистов, а педагоги и машинисты – возможностью получения медицинской и социальной помощи.

2. Показателей СБ, состояние которых *удовлетворяло* бы всех «*неблагополучных*» профессионалов, также не выявлено.

«Неблагополучные» не удовлетворены возможностью получения медицинской и социальной помощи – поездные диспетчеры, помощники машинистов, машинисты и педагоги.

3. *«Неустойчивые*» профессионалы у*довлетворены* состоянием работоспособности (сфера «Уровень независимости») – машинисты локомотива, помощники машинистов, поездные диспетчеры, педагоги.

Не удовлетворены возможностью получения медицинской и социальной помощи – поездные диспетчеры, помощники машинистов, машинисты локомотива, педагоги.

4. Во всех подгруппах *профессионалов*, независимо от уровня их СБ, сохраняется *неудовлетворённость* сферой «Окружающая среда»: степенью финансовой обеспеченности и возможностью получение медицинской и социальной помощи.

5. Активная включённость в профессиональную деятельность способствует сокращению доли «неблагополучных» профессионалов и существенному увеличению доли «неустойчивых».

Доля «благополучных» профессионалов более, чем в 2 раза выше доли «неблагополучных», но одновременно практически на половину меньше доли «неустойчивых». Эта тенденция присутствует во всех профессиональных группах. Существенное сокращение доли «неблагополучных» респондентов на этапе осуществления профессиональной деятельности свидетельствует о том, что взаимосоответствие личности и профессиональной деятельности в определённой степени достигнуто. Но, с другой стороны, превышение более чем на 50 % доли «неустойчивых» профессионалов в целом в каждой профессиональной группе достаточно тревожный факт, свидетельствующий о необходимости профессионального психологического сопровождения уже не каждого профессионала в отдельности, а организации данной профессиональной деятельности в целом.

Эти результаты подтверждают гипотезу об эффективности формирования ЛЗП на этапе профессионального обучения. Из этого следует, что формированием способности, как потребности, внимательно и бережно необходимо относиться не только к состоянию собственного организма, но и к своей эмоциональной сфере и ценностям, убеждениям, а также целенаправленно осуществлять на должном уровне развитие профессиональных компетенций, что, в свою очередь, закладывает базу для совершенствования профессионализма, осознания себя как профессионала, и как личности.

На втором этапе эмпирического исследования с помощью факторного анализа изучалась структурно-уровневая организация ЛЗП.

С этой целью определён комплекс диагностических методов: «Ценностные ориентации» М. Ро-

кича; «Тест-опросник уровня субъективного контроля» (Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкин, А.М. Эткинд); «Мотивация к успеху» и «Мотивация к избеганию неудач» (Т. Элерс); «Готовность к риску» (Шуберт); «Шкалы самооценки Спилберга-Ханина»; «Самоактуализационный тест» (Э. Шостром); «Многофакторный личностный опросник Р.Б. Кеттела», позволяющий максимально полно изучить характеристики личности, которые в соответствии с типологией подсистем ЛЗП были условно разделены на подсистемы внешних и внутренних детерминант; когнитивную, коммуникативную и регулятивную подсистемы; подсистемы самореализации и направленности; подсистемы ресурсов и деструкторов и подсистему внепрофессиональных видов деятельности.

Общая характеристика структуры ЛЗ первокурсников

1. В структурах *системных* уровней ЛЗ первокурсников присутствует фактор «регулятивности внешней детерминации», основная функция которого обеспечение баланса в отношении:

– самоконтроля, напряженности, рационализма, готовности к риску – у будущих *поездных диспетчеров*;

– самоуважения – у будущих *машинистов локомотива*;

– независимости, стремления к доминированию, к лидерству – у будущих *педагогов*;

– сфера близких межличностных, семейных, стабильных социальных (профессиональных) отношений.

Таким образом, *личностное здоровье первокурсников* обеспечивается балансом сфер саморегуляции, определённой внутренней направленности и внешними факторами, теми факторами, «ради» и «для» благополучия которых, по сути, саморегуляция и осуществляется.

2. Сравнение структур ЛЗП «благополучных» и «неблагополучных» *первокурсников* показало, что количественно все подсистемы у «субъективно благополучных» представлены достаточно равномерно, в отличии от «неблагополучных». Следовательно, можно предположить, что различия в количественной представленности подсистем ЛЗП являются одной из причин субъективной неудовлетворённостью той или иной сферой их жизни.

3. Подсистема внешней детерминации играет более значимую роль в организации ЛЗ первокурсников, чем подсистема внутренней детерминации.

Общая характеристика структуры ЛЗ выпускников

1. В структурах *субсистемных* уровней ЛЗ выпускников присутствует фактор «*внешней – внутренней детерминации*», основная функция которого обеспечение баланса в отношении:

– между социальными и личностными качествами, иначе говоря, между современностью и традициями – у будущих *поездных диспетчеров*;

– потребности соответствовать требованиям общества: быть успешным, самостоятельным, независимым, но чутким, внимательным к потребностям других людей и своим собственным и стремлении к профессионализму, характеризующемуся дисциплинированностью, ответственностью за ошибки и производственные отношения, самосовершенствованием – работой над собой, расширением своего образования, кругозора, интеллектуальным развитием – у будущих *машинистов локомотива*;

– потребности в свободе, независимости, власти, восхищении и потребности чётко и организованно достигать намеченной цели – у *педагогов*.

2. В структурах *субсистемного и системного* уровней у выпускников-операторов присутствует фактор «*внутренней детерминации – регулятивности*», основная функция которого обеспечение баланса в отношении:

– социально желательных качеств личности и лично желательных качеств – у *выпускников – диспетчеров*;

– карьерных планов респондентов: креативностью в социальном аспекте, ориентированной на управление, потребностью в материальной обеспеченности, волевой организации, самодисциплине – у *машинистов*.

3. Подсистема *внутренней* детерминации играет более значимую роль в организации ЛЗП выпускников, чем подсистема *внешней* детерминации.

Общая характеристика структуры ЛЗ профессионалов

1. В структурах *субсистемных* уровней ЛЗ профессионалов присутствует фактор «*самоактуализации – регулятивности*», основная функция которого обеспечение баланса в отношениях между:

– стремлением к личностной самореализации и потребности в профессиональном развитии – у *поездных диспетчеров*;

– потребностью в развитии, в реализации собственных способностей и возможностей в деятельности и потребностью сохранить здоровье, для чего и необходима осторожность – у *помощников машинистов*;

– стремлением к самоактуализации и стремлением к организованной, сбалансированной жизни, интеллектуальному развитию – у *педагогов*.

2. Подсистема внутренней детерминации играет более значимую роль в организации ЛЗП, чем подсистема внешней детерминации.

На третьем этапе осуществлён сравнительный анализ личностных качеств в подгруппах «благополучных» и «неблагополучных» респондентов.

1. В качестве личностных ресурсов ЛЗП *первокурсников* (качество личности, *способствующее* формированию ЛЗП) выступают умеренный уровень тревожности, эмоциональная устойчивость, гибкость, лояльность по отношению к себе и к другим, а в качестве деструктора (качество личности, *уравновешивающее* ресурсы ЛЗП) – тревожность.

2. В качестве личностных ресурсов ЛЗП *выпускников* выступают низкий или умеренный уровень тревожности, ответственность за собственные достижения; стремление к самоактуализации. В качестве деструкторов – ситуативная тревожность, осторожность; потребность во внешней поддержке, несамостоятельность.

3. В качестве личностных ресурсов ЛЗ *профессионалов* выступают стремление к самоактуализации и познанию, а в качестве деструктора – осторожность.

На четвертом этапе изучалось отношение к профессии и здоровью в подгруппах «благополучных» и «неблагополучных» респондентов посредством психосемантического анализа, который выявил:

– *у первокурсников* несформированность определённого отношения к профессии и здоровью, что позволяет сделать вывод об их включённости в большей степени в семейную родительскую среду, а не в учебную или профессиональную, и о том, что на данном возрастном этапе здоровье является неосознаваемым ресурсом, который не требует пока особого внимания;

– *у выпускников* различия в отношении к профессии и здоровью свидетельствуют о дифференцированном отношении к профессии и здоровью будущих профессионалов, но вызвано это, в первую очередь, выраженной индивидуализацией студентов-выпускников, а не профессиональной ориентацией, так как в профессиональную деятельность они пока ещё не включены. В наибольшей степени различия выявлены в подгруппах будущих поездных диспетчеров;

– *у профессионалов* отсутствие различий в отношении к *профессии* характеризует ЛЗП как личностную характеристику, формирующуюся, в первую очередь, под влиянием личностных особенностей профессионалов, на которое (ЛЗП) профессиональная деятельность существенного влияния не оказывает. Особенности профессиональной деятельности влияют на формирование и развитие личности профессионала, «заостряя» необходимые для эффективного функционирования профессионала личностные качества.

Отсутствие различий в отношении к *здоровью* профессионалов можно объяснить аналогичными причинами: с одной стороны, хорошее здоровье позволят человеку осуществлять профессиональную деятельность – работать, а с другой – позволяет комфортно чувствовать себя в жизни – жить с удовольствием.

Таким образом, результаты проведённого исследования доказывают, что процесс профессионализации является детерминантой ЛЗП, обеспечивая формирование и развитие личности профессионала. Следовательно, существует не только необходимость, но и возможность формирования личностного здоровья профессионала непосредственно в период его профессионального становления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодров, В.А.* Психология профессиональной пригодности : учеб. пособие для вузов / В.А. Бодров. – М. : ПЕР СЭ, 2001. – 511 с.

2. *Дикая, Л.Г.* Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход) / Л.Г. Дикая. – М. : Институт психологии РАН, 2003. – 318 с.

3. *Дружилов, С.А.* Становление профессионализма человека как реализация индивидуального ресурса профессионального развития / С.А. Дружилов. – Новокузнецк : Изд-во ИПК, 2002. – 242 с.

4. *Завалишина, Д.Н.* Динамика ценностно-смыслового отношения субъекта к профессиональной деятельности / Д.Н. Завалишина // Психологические, философские и религиозные аспекты смысла жизни. – М., 2001. – С. 193–203.

5. *Зеер, Э.Ф.* Психология профессий: учебное пособие для студентов вузов. / Э.Ф. Зеер. – 2-е изд. перераб., доп. – М.: Академический проспект; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. – 336 с.

6. *Иванова, Е.М.* Основы психологического изучения профессиональной деятельности. / Е.М. Иванова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 208 с.

7. *Карпов, А.В.* Метасистемная организация уровневых структур психики / А.В. Карпов. – М.: Изд-во « Институт психологии РАН», 2004. – 504 с.

8. *Климов, Е.А.* Психология профессионала: Избранные психологические труды / Е.А. Климов. – М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж : Издательство НПО «МОДЭК», 2003. – 456 с.

9. *Кудрявцев, Т.В.* Психолого-педагогические проблемы высшей школы / Т.В. Кудрявцев // Вопросы психологии, 1981. – № 2. – С. 67–69.

10. *Маркова, А.К.* Психология профессионализма / А.К. Маркова. – М. : Знание, 1996. – 308 с.

11. *Митина, Л.М.* Психология профессионального развития учителя : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. / Л.М. Митина. – М., 1995 .

12. *Поваренков, О.П.* Психология становления профессионала / О.П. Поваренков. – Ярославль, 2000.

13. *Пряжников, Н.С.* Психология труда и человеческого достоинства : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. / Н.С. Пряжников, Е.Ю. Пряжникова. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 480 с.

14. *Сокольская, М.В.* Личностное здоровье профессионала: моногр. / М.В. Сокольская. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. – 303 с.

15. *Фонарев, А.Р.* Смысл жизни как детерминанта развития личности профессионала / А.Р. Фонарев // Психологические, философские и религиозные аспекты смысла жизни. – М. : ПИ РАО, 2001. – С. 204–209.

КАДРЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

И.П. Тесельская

Тесельская Ирина Павловна – помощник проректора по учебно-воспитательной и социальной работе Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: tesirina@yandex.ru

На основе архивных и опубликованных материалов автор рассматривает структурные изменения, которые произошли в составе железнодорожников Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны, источники и формы подготовки кадров для магистралей региона, показывает роль патриотических починов в деле мобилизации внутренних ресурсов железных дорог и помощи фронту.

Успех выполнения железнодорожниками военно-стратегических и народнохозяйственных задач зависел от состояния кадров, уровня их технической грамотности. В связи с мобилизацией в армию, командированием на запад в составе спецформирований квалифицированных работников в коллективах магистралей произошли существенные изменения. На железных дорогах Дальнего Востока, как и на других предприятиях страны, возросла численность женщин и молодежи, включая подростков. В статье приведена динамика изменения половозрастного состава кадров железнодорожников региона. Это обстоятельство стало одной из причин увеличения случаев аварийности и браков в работе. На протяжении всех военных лет новое пополнение не смогло восполнить дефицит в кадрах, связанных с движением поездов (вагонные мастера, кондукторы, кочегары, дежурные по станции и др.), а также в технических кадрах высшей квалификации.

Комплектования штатов железных дорог проходило в основном по следующим направлениям: через централизованную систему подготовки (работу ремесленных, железнодорожных училищ и школ фабрично-заводского обучения) и посредством индивидуального обучения.

К началу Великой Отечественной войны Дальний Восток оказался глубоким тылом, но обозначилась реальная военная опасность со стороны Японии. Поэтому магистрали региона были задействованы во внутриокружных перевозках войск для их обучения в условиях противостояния Дальневосточного фронта и Квантунской армии. Помимо этого, железнодорожники-дальневосточники выполняли важную задачу по переработке и пропуску грузов, поступающих в СССР через Тихий океан по системе ленд-лиза.

Автор подчеркивает, что, несмотря на тяжелые условия быта и труда, дефицит квалифицированных кадров ведущих железнодорожных профессий, работники магистралей Дальнего Востока обеспечили выполнение поставленных перед ними задач оборонного и народнохозяйственного значения, реализовывали новые трудовые почины.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Дальний Восток, железнодорожные магистрали, мобилизация, кадры железнодорожников.

С началом Великой Отечественной войны трудовые ресурсы страны резко сократились в связи с оккупацией западных районов СССР, потерями, понесенными в ходе военных действий. Кадровый состав Красной армии требовал пополнения рядов военнослужащих. На всех магистралях Дальнего Востока в октябре 1941 г. прошла мобилизация военнообязанных. На Дальневосточной железной дороге (ДВЖД) из-за мобилизаций в ряды РККА количество рабочих и служащих за период с 1 января 1941 г. по 1 января 1943 г. сократилось на 12,5 %, на Амурской железной дороге (АмЖД) – на 14,5 % [12]. В целом по народному комиссариату путей сообщения (НКПС) за период с 1 июня 1941 г. по 1 января 1943 г. численность работников уменьшилась на 39,1 % (с 2, 923 тыс. чел. до 1,780 тыс. чел.). В основном это были те, кто вступил в ряды РККА остался на территории, занятой врагом, или неорганизованно ушел в другие отрасли народного хозяйства – 75 % (850 тыс. чел.) [33].

Нехватка кадров железнодорожников могла поставить под угрозу выполнение планов оборонного и народнохозяйственного значения. Государственный комитет обороны (ГКО) в целях сохранения контингента на транспорте в мае 1942 г. принял решение о прекращении призыва в Красную армию железнодорожников и возвращении из армии машинистов, помощников машинистов, поездных диспетчеров и дежурных по станции. Помимо этого, постановление ГКО № 1874 от 5 июня 1942 г. «Об улучшении работы паровозного парка железных дорог» предусматривало вернуть с предприятий промышленности машинистов, помощников машинистов, слесарей по ремонту паровозов, котельщиков, электросварщиков. По данным на 1 ноября 1942 г. на 26 дорог было возвращено 886 чел., из них машинистов – 274 чел., помощников машинистов – 387 чел., слесарей по ремонту паровозов – 197 чел. [11].

В годы войны для предприятий всех ведомств активно действовала централизованная система подготовки квалифицированных рабочих в ремесленных и железнодорожных училищах (РУ и ЖУ) с двухгодичным сроком обучения, а также 6-месяч-

ные школы фабрично-заводского обучения (ФЗО). 13 марта 1942 г. вышло постановление СНК СССР № 334-175-С «О дополнительной подготовке рабочих массовых железнодорожных профессий». Оно указывало на необходимость увеличить число школ ФЗО, ЖУ и количество обучаемого контингента. Так, в Приморье в начале войны работало 12 школ ФЗО, 2 ремесленных и одно железнодорожное училище, в которых обучалось 5 тыс. учащихся. В 1942–1943 гг. контингент училищ увеличился до 8 тыс. чел. В Хабаровском крае за это время было открыто 20 ремесленных и железнодорожных училищ и 17 школ ФЗО с общим количеством учащихся более 10, 5 тыс. чел. [32: с. 16]. Всего за годы войны на Дальнем Востоке получили начальное профессионально-техническое образование и были направлены на производство 63 256 чел., из них окончили школы ФЗО – 44 692 чел., ремесленные и железнодорожные училища – 18 564 чел. [40: с. 48].

Школы ФЗО и ЖУ занимали важное место в деле подготовки кадров для железных дорог, однако, фактически комплектование кадров на дорогах происходило за счет привлечения членов семей железнодорожников, не имеющих специальной подготовки, а также за счет территориальных организаций и внутридорожного перераспределения рабочей силы. НКПС устанавливал для дорог планы подготовки кадров. Ответственность за обеспечение выполнения плана подготовки кадров на дороге, как правило, возлагалась на отдел подготовки кадров, политический отдел, а также на начальников служб.

Основной формой краткосрочной подготовки новых кадров являлось индивидуальное и индивидуально-бригадное обучение, в процессе которого рабочие приобретали профессиональные навыки непосредственно при выполнении производственных заданий, когда обучение профессии проходило прямо в депо, у станка. На ДВЖД в 1945 г. этим методом было подготовлено 90 % из 4 354 чел. [36]. Постановление СНК СССР «Об организации на предприятиях индивидуального и бригадного ученичества» разрешало руководителям предприятий на период военного времени принимать для обучения подростков, достигших 14-летнего возраста. Для них был установлен 6-часовой рабочий день, определена заработная плата учеников, а также оплата рабочим за обучение. Ветеран Хабаровского локомотивного депо З. Савченко вспоминала: «В начале 1942 г. приехала я в Хабаровск и поступила в депо ученицей слесаря … Через месяц я уже сдала экзамены и получила разряд … На всю жизнь я благодарна своему первому учителю Виктору Небоженко. И сама многих вывела в рабочие люди…» [38: с. 147].

За годы войны в контингенте работников магистралей возросло число женщин. К концу весны 1943 г. на 34 действующих железных дорогах страны работало почти 383 тыс. женщин (40 %), в то время как до войны на 54 дорогах сети по 7 основным службам работало всего 371 тыс. женщин (21 %) [34]. Такое положение наблюдалось и на дорогах Дальнего Востока. Так, на Амурской дороге на 1 октября 1941 г. работало 3 884 женщины (12,3 % работающих), из них основная часть была занята на низовых должностях [13]. В начале весны 1945 г. на Амурской магистрали работало уже свыше 13 тыс. женщин, что составляло 59 % рабочих [2]. На ДВЖД за период войны было привлечено 16 720 чел., из которых более 45 % были женщины (7 665 чел.) и более 17 % – подростков [14]. На Приморской магистрали в марте 1943 г. работало 7, 1 тыс. женщин и 2, 9 тыс. подростков в возрасте от 15 до 18 лет, что составляло 52 % к общему составу работающих на дороге [5].

В соответствии с постановлением ЦК ВЛКСМ «О работе комсомольских организаций железнодорожного транспорта по обучению женской молодежи массовым профессиям» от 16 декабря 1941 г., в январе – феврале 1942 г. Политуправление НКПС организовало на железных дорогах обучение массовым железнодорожным профессиям 50 тыс. чел. женской молодежи. Приказом начальника ДВЖД И.А. Шмелева в двухнедельный срок было развернуто массовое обучение железнодорожным профессиям для 1 845 женщин и женской молодежи в первом полугодии 1942 г.; из них 800 были работающими, а более 1 тыс. чел. – домохозяйками [15]. Обучающимся выплачивалась стипендия, предоставлялось оборудованное общежитие.

Несмотря на то, что основная часть женщин была занята на низкоквалифицированных должностях (стрелочники, кондукторы, осмотрщики вагонов, слесари по ремонту вагонов и путевые обходчики), их обучали и ведущим железнодорожным профессиям. На Амурской железной дороге на 1 января 1942 г. профессии машиниста обучалось 23 женщины и профессии помощника паровозного машиниста 67 женщин [37]. Всего на железных дорогах страны среди машинистов паровозов удельный вес женщин возрос с 6 % в начале 1941 г. до 33 % в конце 1942 г. [4: с. 111].

Ветеран труда А. Силко, работавшая в годы войны в Ружинском паровозном депо помощником машиниста, вспоминала: «…Перед заступлением на дежурство надо было подготовить локомотив к работе – проверить все питательные приборы, закачать воду, а во время рейса не забывать поддерживать пар: то и дело брать в руки лопату и бросать уголь в топку. За двенадцать часов смены так, бывало, намаешься, что рук не чувствуешь … Ведь за смену я перебрасывала до 18 тонн угля, а после – надо было еще подготовить паровоз к сдаче другой

смене – вычистить топку, удалить шлак. Но и после этого домой не спешили. В депо не хватало слесарей, и помощники машинистов после смены часто сами брались за ремонт паровозов …» [39: с. 220].

Пришедшие на работу на дорогу молодые рабочие низкой квалификации не имели достаточного производственного опыта, что зачастую объясняло рост случаев аварий и браков в работе. На паровозо-ремонтном заводе (ПВРЗ) в Ворошилове-Уссурийском в марте 1944 г. из 920 чел. работающих на заводе 50 % составляла молодежь в возрасте от 12 до 19 лет, рабочий день которых длился от 8 до 11 часов. Это было одним из обстоятельств того, что в 1943 г. при заданном планом ремонте 105 паровозов выполнено только 89 паровозов (84,7 %) [6]. Вагонно-ремонтные пункты Приморской дороги в 1942 г. были обеспечены рабочей силой только на 83 % (при плановой потребности 684 чел. работало 567 чел.), из которых 70 % рабочей силы были молодые рабочие, пришедшие из школ ФЗО с недостаточным производственным опытом [7]. Нехватка рабочих кадров являлась одной из причин неудовлетворительной организации погрузки эшелонов. Так, для обеспечения нормальной работы по отгрузке грузов ленд-лиза из Владивостокского торгового порта при максимальной среднесуточной погрузке в апреле 1944 г. 560 вагонов требовалось 362 весовщика и 37 старших весовщиков, однако во Владивостокском узле имелось 215 человек весовщиков даже с учетом старших весовщиков [8]. Из работавших на грузовой работе были не сдавшие техминимума и несовершеннолетние в возрасте по 13–14 лет. При полной интенсивности работы станции, выполняя государственный план погрузки, на каждого весовщика одновременно приходилось по 2–3 вагона, что не могло обеспечить правильную погрузку и подсчет мест.

В годы войны на дорогах были отмечены случаи дезертирства. Указом Президиума Верховного Совета от 24 августа 1942 г. на рабочих и служащих железных дорог и предприятий НКПС было распространено действие Указа Президиума от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольных уход с предприятий». В августе 1942 г. на ДВЖД была произведена проверка. Было выяснено, что из прибывших на дорогу в конце 1941 и в первой половине 1942 гг. 528 чел., окончивших ФЗО и ЖУ, 137 чел. (26 %) на период проверки уже на дороге не работали, в т.ч. и по причине дезертирства (67 чел.) [16]. Всего за 1941 г. на ДВЖД было зафиксировано 1 117 случаев прогулов, за 1942 г. – 623 случая; количество самовольных уходов с производства возросло с 78 случаев в 1941 г. до 212 случаев в 1942 г. [17]. В основном покидали производство молодые рабочие, прибывшие на дорогу из школ ФЗО и ЖУ. Причинами недостатков в работе по подготовке кадров приводились такие объяснения, как слабые организационно-технические мероприятия со стороны отдела подготовки кадров и Политического отдела дороги (Подора), беззаботное отношение начальников служб дороги к кадрам и пр. Было установлено, что подростков направляли на работы без учета семейного положения (выпускников школ Амурской железной дороги отрывали от семьи для работы на ДВЖД, а выпускников школ ДВЖД – направляли на АмЖД и Приморскую магистраль), не создавали приемлемых даже в санитарном отношении бытовых условий (зафиксирован случай, когда прибывших из ФЗО для работы на ст. Ин поселили в «красном уголке» пункта технического осмотра). На Приморской железной дороге также было зафиксировано большое количество случаев дезертирства, в основном со стороны подростков в возрасте 15–18 лет. Основная причина дезертирства – тяжелая работа и бездушное отношение руководителей к молодым рабочим. Так, слесарь вагонно-пассажирского депо Первая речка Приморской железной дороги Черкасов (1927 г.р.) неоднократно ставил вопрос о переводе его на ст. Надежденская, где проживали его родные. Однако никто из руководителей не обратил никакого внимания на Черкасова и последний был вынужден бросить работу [9].

Проблема нехватки квалифицированных кадров непосредственно сказывалась на производительности труда. Дефицит кадров ведущих железнодорожных профессий не был преодолен и накануне войны с милитаристской Японией. Согласно данным докладной записки начальника округа железных дорог Дальнего Востока, генерала-директора тяги I ранга В.А. Гарныка на имя секретаря Приморского крайкома ВКП (б) Н.М. Пегова Приморская железная дорога на июнь 1945 г. испытывала острый недостаток в рабочих кадров таких железнодорожных профессий, как поездные вагонные мастера, кондукторы, кочегары (всего 4 тыс. чел.), и это было после доукомплектации за счет 1,6 тыс. чел. прикомандированных с других дорог. Путем перестановки кадров внутри дороги этот недостаток не удалось покрыть и для нормальной эксплуатации по обеспечению государственного плана перевозок осталась потребность в мобилизации 2,1 тыс. чел. [10].

Дороги испытывали острую потребность в технических кадрах высшей квалификации. Еще в 1939 г. было заложено здание Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта (ХабИИЖТ). Первый выпуск специалистов состоялся только в июле 1944 г. Государственную экзаменационную комиссию возглавлял начальник ДВЖД А.Д. Беспятый. Первый выпуск – 84 чел.

был распределен для работы на дороги Дальнего Востока и Сибири [30].

Подготовкой среднетехнических кадров занимался Хабаровский техникум железнодорожного транспорта, который в декабре 1934 г. был реорганизован в школу военных техников [26: с. 110]. Все поступающие получали полное государственное довольствие (обмундирование, питание, жилье), им выплачивалась стипендия. Выпускники школы получали звание младших лейтенантов или военных техников второго ранга. За период с начала войны до июня 1944 г. в школе было подготовлено более 350 техников различных специальностей – техники-механики паровозного хозяйства, электрики, движенцы, путейцы, водоснабженцы [29].

К началу второго периода войны на железных дорогах СССР в процессе подготовки к новым операциям на фронтах остро встал вопрос о максимальном использовании мощностей железнодорожного транспорта, улучшении эксплуатации паровозов и подвижного состава. В целях укрепления железнодорожного транспорта в условиях военного времени Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 г. железные дороги СССР были объявлены на военном положении, а рабочие и служащие – мобилизованными на период войны для работы на транспорте. На всех работников железнодорожного транспорта распространялись все законы, действующие в Советской армии. Был утвержден новый «Устав о дисциплине рабочих и служащих железнодорожного транспорта». Теперь за проступки на службе следовало привлечение к уголовной ответственности, все приказы и распоряжения начальников должны были беспрекословно и точно исполняться. В связи с этим, в частности, на Приморской дороге приказом начальника от 22 апреля 1943 г. в суточный срок на пяти главных станциях магистрали были организованы гаупвахты для приема и содержания арестованных [20]. В целях укрепления единоначалия Политбюро ЦК ВКП (б) 31 мая 1943 г. приняло постановление «О ликвидации политических отделов на железнодорожном, морском и речном транспорте» [27: с. 174].

И все же, несмотря на действие указа о военном положении, количество нарушений дисциплины на транспорте продолжало оставаться весьма значительным. С апреля по июнь 1943 г. на железных дорогах сети было допущено более 7,5 тыс. случаев прогулов и дезертирств. Во многих случаях сами командиры производства не служили примером в исполнении служебного долга. За первые два месяца действия указа Президиума Верховного Совета наибольшее количество взысканий было наложено на руководящий состав и инженерно-технических работников. Так, начальник материального склада станции Могоча АмЖД Умнов был снят с работы и отдан под суд за самовольную отлучку с места службы и воровство [35].

Не сократилось количество браков в работе. На ДВЖД за 8 месяцев 1942 г. было допущено 84 случая брака, а за период с декабря 1943 г. по январь 1944 г. – 199 случаев брака в работе. Секретарь Хабаровского краевого Комитета ВКП (б) по транспорту И. Петров объяснял это низким уровнем дисциплины среди командного состава железнодорожников [18].

Тем не менее в 1943 г. впервые с начала войны железнодорожники страны перевыполнили государственный план перевозок, увеличили производительность труда на 6,7 % [24: с. 235]. Улучшили средние показатели работы коллективы Амурской железной дороги: движенцы ст. Бурея сократили простой вагона с 22,1 часа в первой декаде мая 1943 г. до 8,4 часа во второй; работники ст. Михайло – Чесноковская сократили простой местного вагона ниже нормы на 4,8 часа, а транзитного с переработкой – на 4,6 часа; первое место на дороге в предмайском социалистическом соревновании заняло шестое отделение (Куйбышевское) [1].

Как и все советские люди, транспортники тыла испытывали большую нужду и в продуктах питания. Стремясь облегчить продовольственную проблему, ГКО издал постановление от 21 апреля 1942 г. «О развитии огородничества и животноводства на железных дорогах», согласно которому НКПС обязан был распределить между постоянными кадрами железнодорожников земельные участки в полосе отчуждении железных дорог пригодные для огородов и сенокосных угодий. На Приморской железной дороге в целях улучшения питания рабочих третьего отделения паровозного хозяйства (депо Первая речка) приказом начальника дороги от 29 сентября 1943 г. была создана бригада охотников из шести человек (бригадир – машинист И.С. Сечкарь), освобожденных от работы на дороге. За бригадой устанавливался ежемесячный план добычи мяса, которое они должны были поставлять в столовую ОРС-3, за ними сохранялась выплата заработной платы, выдавались боеприпасы и продовольственные карточки [19]. На станции Хабаровск-I ДВЖД в первые годы войны была организована бригада рыбаков из маневровых машинистов (бригадир – машинист Н.М. Довбыш) [25: с. 37].

Ветеран Комсомольского отделения Г. Николаев, работавший в годы войны на дистанции связи Амурской дороги вспоминал: «В январе 1942 г. мне было 13 лет, и я уже начал работать … За три с половиной года войны трудился на многих станциях от Уруши до Талдана. Приедешь на станцию – ни квартиры, ни постели. Спали у дежурного по станции за аппаратом, вместо подушки – сумка с инструментами … Работа мне нравилась. Одно было

плохо: мучил постоянный голод, а зимой к нему добавлялся и холод. Шуб не давали. Их получали только кондукторы, которые сопровождали поезда. Я носил латаную фуфайку, да ватные штаны. Както летом доносился до того, что обуть было абсолютно нечего. Тогда мне выдали «обувь»: доску, выструганную в форме подошвы, а к ней с боков прибитую «прорезину» от автомобильных шин с резиновыми шнурками. Я называл эту обувь «танки» … В 1943 г., когда на транспорте ввели военное положение, выдали форменное обмундирование: гимнастерку, брюки, дали погоны. Мы были рады…» [23: с. 120].

Железные дороги Дальнего Востока не подвергались налетам вражеской авиации, однако, они проходили в непосредственной близости от государственной границы и могли находиться под прицельным огнем противника. Советское правительство не исключало возможности вероломных действий со стороны правящих кругов Японии по отношению к СССР в случае осложнения обстановки на ее границах. Эти опасения основывались и усиливались из-за миллионной Квантунской армии в Маньчжурии. Несмотря на свое тыловое положение, все дороги Дальневосточного региона совмещали оперативные перевозки, которые в общий поток грузооборота не входили, но фактически эти перевозки занимали во второй половине 1941 г. свыше 40 % общих перевозок всех грузов на дорогах Дальнего Востока. Они отличались высокими темпами, необходимостью соблюдения секретности при их выполнении, требовали расчистки железнодорожных участков и направлений для пропуска поездов и подготовки выгрузочных районов. В самые тяжелые дни битвы под Москвой поезда с Дальнего Востока следовали без включенных прожекторов и ограждений, что требовало от локомотивных бригад и всего личного состава железных дорог Дальнего Востока отличного знания профиля, плана пути и особой бдительности. Одновременно с этим Приморская магистраль и ДВЖД выполняли важные сверхплановые задания по поставке грузов, полученных по системе ленд-лиза из США и Канады и перевезённых морским транспортом во Владивосток, так как он из всех дальневосточных портов, вплоть до июля 1945 г., имел выход на Транссибирскую железнодорожную магистраль, связующее звено между востоком и западом страны. По дальневосточному маршруту через Тихий океан было доставлено 8,3 млн. т. грузов или 47,1 % всех поставок в СССР [28].

Подлинно народный характер в годы Великой Отечественной войны приняли патриотические почины и оказание материальной помощи фронту. Символами патриотизма советских граждан стали: сбор средств на строительство боевой техники, поддержка государственных займов, помощь семьям военнослужащих, сбор и отправка подарков бойцам Красной армии, ударный труд в тылу. В условиях войны новый размах приобрело движение двухсотников. Его инициаторы брали на себя обязательства выполнять за смену нормы и за себя, и за ушедшего на фронт товарища. К началу 1942 г. на предприятиях двенадцати железных дорог Сибири и Дальнего Востока насчитывалось более 22 тыс. двухсотников [24: с. 241]. Новое движение позволило компенсировать простои значительной части оборудования, которые остались без обслуживающего персонала в связи с призывом в армию многих рабочих.

Важнейшим средством повышения производительности труда на транспорте стало движение за увеличение объемов железнодорожных перевозок – вождение тяжеловесных составов. 28 декабря 1944 г. на путях станции Бира скопилось много составов, для отправления которых не хватало паровозов. Машинист Инского депо Главков выступил с сформировать из них для отправки тяжеловесный состав, вес которого превышал норму на 1 324 т. Бригада Гладкова провела сдвоенный тяжеловесный поезд от Биры до Ина без толкача с высокой технической скоростью [31].

На дорогах страны получило активное развитие кооперированного метода ремонта локомотивов паровозными бригадами «по-лунински», названное в честь его инициатора Николая Лунина, машиниста депо Новосибирск Томской железной дороги. В 1940 г. Н.А. Лунин предложил выполнять текущий ремонт паровоза силами самой локомотивной бригады, что давало возможность экономить средства, увеличивать среднемесячный пробег локомотива между ремонтами. На ДВЖД это движение было начато по инициативе машинистов депо Хабаровск-II В.С. Вожейко, А.А. Чугуева и П.П. Серенкова. В начале декабря 1941 г. по лунинскому методу работало 330 бригад (882 лунинца) на 118 паровозах [21]. В начале 1943 г. на Дальневосточной железной дороге работали 22 885 чел., среди которых были 9 464 стахановца, 6 143 ударников, 2 583 «двухсотников», 2 193 «лунинцев»; через два месяца эта статистика увеличилась: число стахановцев на 1,5 тыс чел., ударников – на 982 чел., «двухсотников» – на 189, «лунинцев» – на 181 чел. [3: с. 56].

В годы Великой Отечественной войны получило новый размах Всесоюзное социалистическое соревнование. По итогам работы за июнь 1942 г. Приморская железная дорога вышла на второе место среди дорог СССР, а паровозное депо ст. Ружино за самоотверженный труд в годы войны награждено переходящим Красным знаменем НКПС, которое передано ему на постоянное хранение [22: с. 88]. Эти и другие формы патриотической инициативы и

новаторства в условиях войны сыграли значительную роль в перестройке экономики на военный лад для успешного решения стратегических задач.

Таким образом, на протяжении всех лет войны дороги региона, как и предприятия других ведомств, испытывали проблему комплектования квалифицированными кадрами, которая на Дальнем Востоке еще в довоенный период была тесно связана демографической ситуацией, а с началом войны она только обострилась. Перед начальствующим составом дорог встала задача организации подготовки постоянного резерва для работы на транспорте. Она осуществлялась не только через государственную сеть образовательных учреждений, но и в порядке индивидуального и группового обучения, без затраты государственных средств. Созданная широкая сеть подготовки специалистов не могла в полной мере удовлетворить потребность в кадрах массовых железнодорожных профессий. Поэтому за годы войны численность кадров работников железнодорожного транспорта региона не увеличилась, но существенно изменился его состав – вместо ушедших на фронт мужчин на их место пришли женщины и подростки. Ввиду своей неопытности по вине молодых кадров нередко случались аварии и браки в работе, нарушения трудовой дисциплины. Несмотря на это железнодорожникам-дальневосточникам благодаря трудовому героизму, патриотическим настроениям удалось преодолеть трудности, вызванные войной, внести достойный вклад в общее дело Победы.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Амурская правда. – 1943. – № 114.

2. Амурский железнодорожник. – 1945. – № 29.

3. *Барский, М.М.* Железнодорожники Забайкалья и Дальнего Востока в годы войны / М.М. Барский // Научный вестник Байкальского государственного университета экономики и государственного права. – 2005. – № 6. – С. 46–62.

4. *Вознесенский, Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны / Н.А. Вознесенский. – М.: Госполитиздат, 1948. – 190 с.

5. Государственный архив Приморского края (ГАПК). – Ф. П-68. – Оп. 4. – Д. 69. – Л. 37.

6. ГАПК. – Ф. П-68. – Оп. 4. – Д. 115. – Л. 17.

7. ГАПК. – Ф. П-68. – Оп. 5. – Д. 351. – Л. 5.

8. ГАПК. – Ф. П-68. – Оп. 5. – Д. 160. – Л. 61.

9. ГАПК. – Ф. П-68. – Оп. 4. – Д. 115. – Лл. 88–89.

10. ГАПК. – Ф. П-68. – Оп. 5. – Д. 223. – Л. 26.

11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5446с. – Оп. 88а. – Д. 188. – Л. 223.

12. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. П-35. – Оп. 1. – Д. 1531. – Л. 116.

13. ГАХК. – Ф. П-35. – Оп. 1. – Д. 1026. – Л. 33.

14. ГАХК. – Ф. 730. – Оп. 6. – Д. 1565. – Л. 210.

15. ГАХК. – Ф. 730. – Оп. 6. – Д. 587. – Лл. 67–69.

16. ГАХК. – Ф. 730. – Оп. 3. – Д. 294. – Л. 57.

17. ГАХК. – Ф. П-35. – Оп. 1. – Д. 1535. – Л. 12.

18. ГАХК. – Ф. 730. – Оп. 3. – Д. 296. – Л. 52; Ф. П-35. – Оп. 1. – Д. 1592. – Л. 10.

19. ГАХК. – Ф. 1178. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 9.

20. ГАПК. – Ф. 1178. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 72.

21. ГАХК. – Ф. П-35. – Оп. 1. – Д. 1032. – Л. 48.

22. Дальневосточная магистраль России / сост. В.Ф. Буркова, В.Ф. Зуев. – Хабаровск: Частная коллекция, 1997. – 352 с.

23. Дорога сквозь века. Дальневосточной железной дороге-110 лет / сост. Т.И. Гладких. Хабаровск: Группа компаний «Платина», 2007. – 320 с.

24. История советского рабочего класса. Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. В 6 т. Т. 3 / отв. ред. А.В. Митрофанова. – М. : Наука, 1984. – 592 с.

25. *Колбин, П.* Наше дело в надежных руках / П. Колбин // На стальных магистралях. Хабаровскому локомотивному депо – 40 лет. (Очерки, документы, статьи). – Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1976. – С. 29–39.

26. *Ковальчук, М.А.* История транспорта Дальнего Востока России (вторая половина XIX в. – июнь 1941 г.). Кн. 2. Исторические аспекты транспортного освоения региона / М.А. Ковальчук. – Хабаровск: [Б.и.], 1997. – 155 с.

27. *Куманев, Г.А.* Война и железнодорожный транспорт СССР (1941–1945 гг.) / Г.А. Куманев. – М.: Наука, 1988. – 368 с.

28. *Паперно, А.* Самая широкая и неизвестная дорога ленд-лиза в Россию // Тихоокеанская звезда. – 1994. – 9 июня.

29. Пограничный транспортник. – 1944 г. – 1 июня.

30. Пограничный транспортник. – 1944. – 30 июля.

31. Пограничный транспортник. – 1944. – 30 декабря.

32. *Приходько, В.А.* Социалистическое соревнование на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны (на примере промышленности и транспорта) / В.А. Приходько: автореф. дис. … канд. наук, Владивосток, 1977. – 28 с.

33. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 124. – Д. 6. – Л. 175.

34. РГАСПИ. – Ф.17. – Оп. 124. – Д. 6. – Л. 176.

35. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 124. – Д. 6. – Л. 194–195.

36. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1884. – Оп. 46. – Д. 1622. – Л. 97 об.

37. РГАЭ. – Ф. 1884. – Оп. 46. – Д. 699. – Л. 104.

38. *Савченко, З.* Свою профессию не променяю / З. Савченко // На стальных магистралях. Хабаровскому локомотивному депо – 40 лет (Очерки, документы, статьи). – Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1976. – С. 147–148.

39. *Силко, А.* Ритм магистрали был четким / А. Силко // Всё для фронта: сборник документов и материалов. – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1985. – С. 219–221.

40. *Ткачева, Г.А.* Подготовка кадров для промышленности и транспорта (1941–1945 гг.) / Г.А. Ткачева // Россия и АТР. – 2006. – № 4. – С. 44–56.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ПЕРИОДОВ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ КАМЧАТКИ (ПРОБЛЕМЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ, ОСВОЕНИЯ КАМЧАТКИ И ИСТОРИИ ЕЕ НАРОДОВ)

Н.В. Толкачева

Толкачева Наталия Владленовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и философии Камчатского государственного технического университета (г. Петропавловск-Камчатский).

Контактный адрес: kamchatgtu@ kamchatgtu.ru

В статье автор охарактеризовала основные периоды изучения истории Камчатки российскими историками.

Первый период – с 30-х гг. и до конца XVIII в. характеризуется оформлением нескольких направлений – официального (дворянского) (Г.Ф. Миллер, И.Э. Фишер, И.К. Кирилов), представители которого трактовали историю присоединения Камчатки как завоевание, просветительского (С.П. Крашенинников), выдвинувшего тезис о взаимовлиянии культур русского и аборигенных народов и демократического (М.В. Ломоносов и А.Н. Радищев), исследователи подчеркивали роль народа в присоединении и освоении Сибири и преимущественно мирный характер этого процесса.

Второй период (XIX – начало XX вв.) в историографии Камчатки характеризуется тем, что, наряду с существующими направлениями, формируются новые – либеральное (буржуазное) (Г.И. Спасский, С.М. Соловьев, А.С. Сгибнев, Н.В. Слюнин, В.П. Маргаритов), критическое (П.И. Небольсин, С.С. Шашков), областническое (Н.М. Ядринцев, П.М. Головачев), народническое (В.И. Иохельсон, В.Н. Тюшов), марксистское (Г.В. Плеханов, В.И. Ленин). Расширяется источниковая база и тематика исследований.

В этот период историки П.А. Словцов, А.П. Щаповым и областники подвергли критике схему Г.Ф. Миллера о завоевании Сибири (Камчатки).

Третий этап – 1917 – 1991 гг. характеризуется переходом историков на позиции марксистской методологии. Первые историки-марксисты (Л.С. Урсынович, П. Васенко, С.Б. Окунь) продолжали придерживаться схемы Г.Ф. Миллера о завоевании Камчатки и видели только ее пагубные последствия. С.В. Бахрушин пересмотрел схему Г.Ф. Миллера и в качестве основного потока колонизации указал на промышленное освоение Сибири торговым капиталом. Тезис В.И. Шункова о трудовой колонизации Сибири, мирном характере процесса присоединения стал общепризнанным, но по отношению к истории Камчатки он является дискуссионным.

Четвертый этап, начавшийся с 90-х гг. XX в., характеризуется ростом источниковой базы, поисками в сфере методологии, новой тематикой.

Ключевые слова: российская историография, история Камчатки, открытие и присоединение Камчатки к России, освоение Камчатки, коренные народы, теоретико-методологические подходы.

Начало российской историографии присоединения, освоения Камчатки и ее народов положили ученые XVIII в. – участники II Камчатской экспедиции 1733–1743 гг.: Г.Ф. Миллер, Г.В. Стеллер, И.Э. Фишер, С.П. Крашенинников, А.П. Горланов.

Г.Ф. Миллер сыграл громадную роль в выявлении, сборе, публикации источников по истории Сибири и Камчатки. Им же была начата публикация статей о Камчатке в календарях и месяцесловах. В монографии «История Сибири» Г.Ф. Миллер изложил свое понимание процесса присоединения Сибири как ее завоевания, придавая исключительное значение правительственной колонизации, деятельности отрядов служилых людей, строительству острогов как опорных пунктов продвижения русских людей на восток [43; 44]. Концепция Г.Ф. Миллера, отразившая официальное направление историографии, основывалась на понимании государственной пользы присоединения к России новых территорий и народов.

В XVIII в. в отечественной историографии Сибири, помимо официального, дворянского, возникли просветительское и демократическое направления. Представителем просветительского направления был С.П. Крашенинников, который по возвращении из II Камчатской экспедиции в Петербург, написал работу «Описание земли Камчатки» [36]. С.П. Крашенинников отмечал противоречивость процесса присоединения Камчатки к России, подчеркнув факты добровольного принятия аборигенами русского подданства и жестокость, проявленную обеими сторонами, во время военных столкновений. Как и Г.Ф. Миллер, оценивая присоединение Камчатки с точки зрения государственной пользы, С.П. Крашенинников рассматривал волнения коренного населения как действия «бунтовщиков» или «изменников». Одновременно он критиковал злоупотребления местной администрации, приводившие к бунтам, и считал, что главным средством, которое поможет наладить мирные от-

ношения на Камчатке, является обучение аборигенов и их приобщение к цивилизации и культуре.

Представителями демократического направления в историографии XVIII в. были М.В. Ломоносов и А.Н. Радищев. Не занимаясь специально историей Камчатки, они выразили мысль о мирном характере присоединения Сибири и роли народа в этом процессе.

Ученые России XVIII в. – Г.В. Стеллер, С.П. Крашенинников, Г.Ф. Миллер, А.П. Горланов – изучали коренные народы Камчатки [13; 45; 83]. Наибольшую ценность представляет работа С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», в которой впервые дана характеристика коренного населения региона: ительменов, коряков, айнов, их общественного строя, хозяйственных занятий, быта, верований, традиций. Г.В. Стеллером и С.П. Крашенинниковым впервые был поставлен вопрос об этногенезе коренных народов Камчатки. Для работ исследователей XVIII в. характерно отсутствие идей расового и национального превосходства, идеализации пережитков первобытнообщинных отношений. Историческая мысль России XVIII в. о народах Сибири и Камчатки вплотную подошла к важному научно-методологическому рубежу – пониманию истории России как истории многонационального государства.

Исследование деятельности русских людей на Камчатке началось с работ Г.Ф. Миллера, Г.В. Стеллера, С.П. Крашенинникова. Г.Ф. Миллер изучал деятельность морских экспедиций [46; 81], Г.В. Стеллер рассмотрел значение внешней и внутренней торговли для Камчатки как неотъемлемую часть ее экономики. Используя несохранившиеся до настоящего времени архивные материалы приказных изб и рассказы очевидцев, С.П. Крашенинников представил более подробное, чем Г.Ф. Миллер и Г.В. Стеллер, исследование о русском населении Камчатки, начиная с ее освоения землепроходцами и до 40-х гг. XVIII в. Главное внимание он уделил экономическому и административному освоению русскими Камчатки. Труды Г.Ф. Миллера, Г.В. Стеллера, С.П. Крашенинникова положили начало дискуссии о первых русских людях, пришедших на Камчатку. Итоги хозяйственного освоения края русским населением к 70 гг. XVIII в. подвел в статье Т.И. Шмалев – первый краевед Камчатки [91].

Второй период развития историографии Камчатки – XIX – начало XX вв. На этом этапе значительно расширяется документальная база, эпизодическая публикаторская деятельность заменяется систематической работой по изданию исторических материалов, осуществляемой Г.И. Спасским, Н.Н. Оглоблиным, А.П. Сильницким и др. Большое значение для научных исследований имела публикация путевых заметок и дневников путешественников, побывавших на Камчатке. Эти сочинения содержат наблюдения и выводы авторов о взаимовлиянии русской и аборигенных культур, о специфике хозяйственной деятельности коренного населения, бремени налогов и повинностей, о попытках развития на Камчатке земледелия и животноводства. Этот вид источников лег в основу ряда исторических сочинений XIX и XX вв. Успехи источниковедения содействовали повышению уровня исследовательских работ, углублению и расширению камчатской тематики.

В указанный период формируются новые направления – буржуазное, критическое, областническое, народническое, марксистское.

Мысль о вольно-народной колонизации была развита в трудах областников – Н.М. Ядринцева, П.Н. Головачева и их предшественников – П.А. Словцова и А.П. Щапова. П.А. Словцов критиковал трактовку Г.Ф. Миллером присоединения как завоевания, подчеркнув, что присоединение Камчатки было «завершающим этапом присоединения Сибири». Он же отметил мысль об общности судеб русского и сибирских народов [78]. Как и П.А. Словцов, А.П. Щапов отдавал приоритет народной колонизации Сибири, изучению русского и аборигенного населения, вопросам взаимовлияния культур [95].

Областники, выражая интересы сибирской буржуазии и обосновывая ее притязания на безраздельную эксплуатацию Зауралья, бездоказательно рассматривали присоединение Сибири и Камчатки как историческое несчастье для местных народов. Н.М. Ядринцев отказался от предложенной Г.Ф. Миллером концепции завоевания Сибири и обосновал вольно-народный характер колонизации [98].

Подходы Г.Ф. Миллера к вопросам присоединения Сибири в XIX – начале XX вв. разделяли некоторые ученые, например, С.М. Соловьев. Рассматривая присоединение Сибири как завоевание, он оценивал народные выступления в Сибири и на Камчатке как проявление разрушительного антигосударственного начала [82]. Идею завоевания Сибири в 60–70-х гг. XIX в. продолжал отстаивать С.С. Шашков, представитель критического, демократического направления [89; 90]. Он высказал мысль о том, что демографические процессы в Сибири могут привести к полному исчезновению малочисленных народов или их ассимиляции с русским народом.

В конце XIX – начале XX вв. формируется марксистское направление в историографии Сибири. Г.В. Плеханов, В.И. Ленин сформулировали общие подходы к решению проблемы колонизации новых территорий [62; 40].

История аборигенных народов Камчатки в работах отечественных исследователей XIX – начала XX вв. рассмотрена через анализ изучения положения аборигенного населения и вопросов взаимовлияния культур русского и коренных народов Камчатки.

Декабристы в лице П.И. Пестеля, А.А. Марлинского, Д.А. Завалишина подчеркивали униженное положение нерусских народов, причину которого они видели в неэквивалентном обмене [26; 42; 61]. В работе «О тяжелом положении населения Камчатки» Д.А. Завалишин сделал попытку выяснить причины вымирания коренных народов полуострова. Главными из них он назвал притеснения аборигенов местной администрацией и соприкосновение коренных народов с европейской культурой.

Большое внимание изучению жизни коренных народов Камчатки уделили путешественники и исследователи – В.М. Головнин, К. Дитмар, И.Д. Булычев, А.А. Ресин, В.Н. Тюшов, В.Л. Комаров. Наиболее ценным в их работах является информация о приобщении аборигенов к новым видам хозяйственной деятельности. Некоторые из путешественников, занимая официальные должности, разделяли правительственные взгляды и обвиняли самих «инородцев» в их тяжелом положении, другие, находясь на критической позиции, видели причину жизненных бед аборигенов в равнодушии и злоупотреблениях администрации. Для этих трудов традиционным остается уважение и сочувственное отношение к коренным народам Камчатки.

Представитель народнического направления в историографии Камчатки XIX – начала XX вв. – В.И. Иохельсон, автор монографии о коряках [31]. Будучи этнографом, он дал всестороннее описание духовной и материальной культуры коряков, историю их взаимоотношений с русскими, американцами и другими соседними народами, наметил перспективы развития корякского населения. Антиправительственные взгляды В.И. Иохельсона как народника не могли не сказаться на его негативной оценке процесса присоединения Камчатки, акцентировании внимания на фактах сопротивления коряков ясачной политике и их участия в волнениях. Вопрос о вымирании коренных народов Камчатки К. Дитмаром, И.Д. Булычевым и В.И. Иохельсоном рассматривался дифференцированно [23].

Освещение вопросов истории присоединения и освоения Камчатки русским населением в отечественной историографии XIX – начала XX вв. традиционно начинается с анализа дискуссии о первых русских людях, пришедших на Камчатку. Деятельность русского населения рассматривалась историками данного периода по темам: о земледельческом и промысловом освоении края – Ю.А. Гагемейстер, Г. Голенищев, И.Д. Булычев, научные экспедиции – В.Н. Берх, А.П. Соколов, А.С. Сгибнев, христианизация и просвещение аборигенов – П. Громов, К. Каневский [60; 17; 10; 9; 80; 74; 35; 18; 73]. Особую значимость для историографии Камчатки имели труды непрофессионалов, придерживавшихся либеральных позиций – А.С. Сгибнева, В.П. Маргаритова, Н.В. Слюнина [72; 79; 41]. А.С. Сгибнев, опираясь на материалы погибшего Иркутского архива, написал историю Камчатки с середины XVII до середины XIX вв. и предложил ее периодизацию. Главную заслугу в освоении края он отдавал не простому русскому народу, а администрации. Как и А.С. Сгибнев, В.П. Маргаритов подчеркивал роль центральных и местных властей в деле экономического развития Камчатки, но, в отличие от А.С. Сгибнева, уделил внимание не только экономическим, но и социальным, а также демографическим вопросам. Н.В. Слюнин в своем сочинении продолжил изучение истории Камчатки до 1895 г. Он рассмотрел некоторые направления хозяйственной деятельности русских людей, широко используя статистические сведения.

В советской историографии присоединения, освоения Камчатки и истории ее народов 20–30-е гг. XX в. идея Г.Ф. Миллера о завоевании Сибири еще разделялась исследователями. Первым из историков-марксистов дал критику преимущественно правительственной колонизации Сибири С.В. Бахрушин, выдвинувший тезис о приоритете промысловой колонизации [7]. В послевоенные годы В.Н. Шунков доказал тезис о трудовой аграрной колонизации как главной силе в освоении края, что дало основание говорить о преимущественно мирном присоединении Сибири и Камчатки и положительно оценивать этот процесс [93; 94]. Вывод В.Н. Шункова получил поддержку сибиреведов, хотя и вызвал в 70–90-х гг. XX в. дискуссии.

За годы советской власти были достигнуты значительные успехи в изучении истории народов Камчатки. Они стали возможны в результате введения в научный оборот широкого комплекса не только архивных, но и археологических и этнографических источников, применения новых методов исследования.

В 20–30-е гг. XX в. тезис о завоевании Камчатки и вымирании ее коренных народов раскрывали в своих трудах П. Васенко, С.Л. Урсынович, С.Б. Окунь [11; 60; 87]. В 60–70 гг. XX в. работы этнографов – В.В. Антроповой, Б.О. Долгих и историков – Л.М. Горюшкина, В.В. Воробьева, И.И. Огрызко опровергли тезис об истреблении и вымирании народов Сибири и Камчатки [3; 14; 24; 68]. В качестве одной из главных причин убыли аборигенного населения эти авторы видели христианизацию и ассимиляцию. Начиная с конца 50-х гг. XX в., в центре внимания исследователей коренных наро-

дов Камчатки были вопросы их общественного строя, материальной и духовной культуры, влияния русской материальной и духовной культуры на аборигенов [33; 52; 53; 56]. Деятельность православной церкви в отношении аборигенов в советской историографии рассматривалась с критических позиций [25]. Расширение тематики о коренных народах Камчатки шло по линии изучения их этногенеза и древнейшей истории [20; 21; 68].

В центре внимания советских исследователей оставался вопрос о первых русских людях, пришедших на полуостров. Учеными были открыты новые имена землепроходцев [63; 67]. Советские исследователи изучали специфические особенности истории Камчатки с учетом общих закономерностей истории России. Вклад русских людей в развитие региона, как правило, рассматривался в статьях, посвященных развитию в XVIII – XIX вв. – земледелия, торговли и пушного промысла, а в XIX – XX вв. – рыболовства [1; 2; 5; 57; 59; 69; 70; 101]. Некоторое внимание было уделено изучению распространения просвещения на Камчатке в XVIII в. [4]. Общим для работ по истории русского населения на Камчатке является фрагментарный характер и хронологическая ограниченность работ. Многие вопросы остались неизученными. Советским историкам не удалось создать целостной истории Камчатки.

Современная отечественная историография присоединения, освоения Камчатки и истории ее народов – историография Камчатки постперестроечного периода, для которой характерен отход от марксистской интерпретации истории, плюрализм методологических подходов, рост источниковой базы. В 90-е гг. XX в. имели место дискуссии по вопросам о характере присоединения и о первых русских людях на Камчатке. Сибирский историк А.С. Зуев в книге о присоединении Северо-Востока дал анализ этнической ситуации в регионе, методов приведения аборигенов в подданство, мотивов действий землепроходцев, факторов «отторжения» русских и аборигенов. В целом работу А.С. Зуева, как и В.Н. Иванова, характеризует традиционность тематики [27; 29]. В последние годы учеными уделено определенное внимание изучению проблемы управления Восточной Сибирью. На современном этапе на Камчатке развивается краеведение, продолжаются этнографические исследования [51].

Таким образом, историографию присоединения, освоения Камчатки и ее народов можно разделить на четыре периода.

Первый период – с 30-х гг. и до конца XVIII в., характеризуется оформлением официального (дворянского) направления. Исследователи, выступавшие с официальных позиций (Г.Ф. Миллер, И.Э. Фишер, И.К. Кирилов) трактовали историю присоединения Сибири и ее северо-восточной части – Камчатки как завоевание, в связи с чем подчеркивали ведущую роль государства в этом процессе. Их трактовка теории завоевания Сибири напрямую определялась методологией, мировоззренческой позицией и, вместе с тем, той источниковой базой, которой они пользовались. Первые исследователи Камчатки – Г.Ф. Миллер, Г.В. Стеллер, И.Э. Фишер, С.П. Крашенинников – затронули факт христианизации коренных народов и впервые упомянули о волнениях на полуострове, в частности, о выступлении 1731 г., с которым связывали убыль аборигенного населения Камчатки. Сокращение численности местного населения они связывали с волнениями и злоупотреблениями местной администрации.

Наряду с официальным, в сибирской историографии зародилось просветительское направление. Его выразителем в историографии Камчатки можно считать С.П. Крашенинникова, который осветил первые шаги русских на полуострове, впервые выдвинул тезис о взаимовлиянии культур русского и аборигенных народов, доказательство чего через тридцать лет после С.П. Крашенинникова привел Т.И. Шмалев – первый камчатский краевед. Одновременно с этим С.П. Крашенинников считал, что злоупотребления на местах исходили не от правительства, а от местных властей. Он же высказал мысль о необходимости приобщения нерусского населения Камчатки к цивилизации в целом, и к просвещению в частности.

Для сибирской историографии второй половины XVIII в. следует отметить появление демократического направления. Его выразителями стали М.В. Ломоносов и А.Н. Радищев, которые подчеркивали роль народа в присоединении и освоении Сибири и преимущественно мирный характер этого процесса.

Второй период, связанный с XIX – началом XX вв., характеризуется расширением источниковой базы и камчатской тематики, что нашло отражение в исследованиях по истории России (С.М. Соловьев), в работах общесибирского плана (П.И. Небольсин, П.А. Словцов, В.К. Андриевич), и в трудах, специально посвященных Камчатке (Г.И. Спасский, А.С. Сгибнев, В.П. Маргаритов, Н.В. Слюнин).

В XIX – начале XX вв. в историографии Сибири и Камчатки, наряду с существующими дворянским (Н.М. Карамзин), просветительским (П.А. Словцов) и демократическим (А.П. Щапов) направлениями, появляются либеральное (буржуазное) (Г.И. Спасский, С.М. Соловьев, А.С. Сгибнев, Н.В. Слюнин, В.П. Маргаритов), критическое (П.И. Небольсин, С.С. Шашков), областническое (Н.М. Ядринцев, П.М. Головачев), народническое (В.И. Иохельсон, В.Н. Тюшов), марксистское (Г.В. Плеханов, В.И. Ленин) направления.

В XIX в. схема Г.Ф. Миллера о завоевании Сибири и Камчатки оставалась господствующей, ее придерживались историки разных направлений: буржуазного – Г.И. Спасский, С.М. Соловьев, А.С. Сгибнев, критического – П.И. Небольсин, С.С. Шашков, народнического – В.И. Иохельсон, В.Н. Тюшов. Однако схема Г.Ф. Миллера о правительственной колонизации пространств Зауралья перестает удовлетворять некоторых исследователей. С позиций ее критики выступил сибирский историк П.А. Словцов. Его мысль о народной колонизации поддержал и развил А.П. Щапов. Более широко, чем у А.Н. Радищева и П.А. Словцова, мысль о вольно-народной колонизации была развита в трудах представителей областнического направления (Н.М. Ядринцев, П.М. Головачев). Акцент интересов историков демократического и критического направления постепенно смещается от освещения вопросов правительственной колонизации – в сторону изучения вклада русских людей в хозяйственное, научное и культурное освоение края.

Представители народнического направления (В.И. Иохельсон, В.Н. Тюшев) критически оценивали влияние на коренные народы Камчатки русской колонизации. Вследствие своего негативного отношения к правительству В.И. Иохельсон в ряде случаев необоснованно преувеличивал жестокость администрации в отношении коряков, ассоциировал некоторые беспорядки, носившие уголовный характер, с классовыми выступлениями. Положительной стороной работ В.И. Иохельсона является то, что он наметил перспективы развития коряков, отметил положительное влияние культур и дифференцированно подошел к вопросу о вымирании коренного населения.

В ряде исторических и этнографических работ этого периода отмечалось положительное влияние русской культуры на аборигенное население (И.Д. Булычев, П.В. Громов, А.А. Ресин), либо иногда утверждалась мысль о вымирании местного населения (А.С. Сгибнев, А.А. Ресин), либо использовался дифференцированный подход к причинам убыли аборигенов Камчатки (И.Д. Булычев, В.И. Иохельсон).

Третий этап историографии истории присоединения, освоения Камчатки и ее народов – 1917–1991 гг. Он характеризуется постепенным переходом историков с начала 20-х гг. XX в. на позиции марксистской методологии. Первые историки-марксисты (Л.С. Урсынович, П. Васенко, С.Б. Окунь) продолжали придерживаться схемы Г.Ф. Миллера о завоевании Сибири и Камчатки, оценивая этот акт как колониальную экспансию, и видели только ее пагубные последствия. Теория завоевания достигла своего апогея в 30-е гг. XX в. Действуя с конъюнктурных позиций, некоторые советские историки на первое место выдвигали примеры этой борьбы. Уголовные преступления 1697–1699, 1711 гг., происходившие на Камчатке, трактовались С.Б. Окунем как народные волнения.

С.В. Бахрушин первым из марксистских историков пересмотрел схему Г.Ф. Миллера и в качестве основного потока колонизации указал на промышленное освоение Сибири торговым капиталом.

В 1946–1956 гг. В.И. Шунков выдвинул тезис об аграрной, трудовой колонизации Сибири, что доказывало преимущественно мирный характер процесса присоединения Сибири и Камчатки и его прогрессивное влияние на аборигенные народы. Поддержанный большинством советских историков вывод В.И. Шункова стал общепризнанным, хотя по отношению к первоначальной истории ряда регионов, в том числе Камчатки, он является дискуссионным.

Источниковая база по истории Камчатки выросла за счет выявления и публикации архивных документов, привлечения археологических, этнографических, статистических данных и способствовала углубленному изучению истории, материальной, духовной культуры, быта коренных народов Камчатки, влияния на все стороны их жизнедеятельности русского трудового населения. В послевоенные годы особое внимание в камчатской тематике было обращено изучению аборигенного населения Камчатки. В трудах историков (К.Г. Кузаков, И.И. Огрызко), этнографов (Б.О. Долгих, В.В. Антропова, И.С. Гурвич, Н.К. Старкова, Е.П. Орлова, И.С. Вдовин), археологов (Н.Н. Диков, А.К. Пономаренко) рассматривался этногенез, хозяйственные занятия, общественный строй, культура и быт коренных народов. Была доказана ошибочность тезиса об истреблении аборигенных народов Сибири и Камчатки и объективно оценены демографические процессы, происходившие на Камчатке (В.В. Воробьев, Б.О. Долгих В.В. Антропова, И.И. Огрызко, В.М. Кабузан).

Во второй половине XX в. в отечественной историографии проходили дискуссии о первых русских людях на Камчатке, о характере присоединения края.

Четвертый этап развития отечественной историографии присоединения, освоения Камчатки и истории ее народов начался с 1992 г. Он характеризуется ростом источниковой базы, поисками в сфере методологии. Новая тематика в историографии Камчатки связана с изучением управления регионом (XIX в.), миссионерской деятельности (XVIII – XIX вв.), биографий личностей, чья деятельность вошла в историю полуострова.

В настоящее время расширяется число исторических, этнографических, географических и

краеведческих работ. В центре внимания авторов – традиционные вопросы о характере присоединения (В.Н. Иванов, А.С. Зуев), история и культура коренных народов, русско-аборигенные контакты, вопросы взаимовлияния культур (серия коллективных монографий «Народы Дальнего Востока»).

Таким образом, наиболее изученной и проходящей через все периоды является тематика, связанная с присоединением Камчатки и ролью в этом процессе землепроходцев. Дискуссионными вопросами, привлекающими постоянное внимание исследователей, являются темы о характере присоединения Камчатки, так же как и Сибири, о положении аборигенного населения, проблема его вымирания или ассимиляции, о первых русских людях, пришедших на Камчатку.

Анализ исторической литературы о Камчатке показывает, что к слабо изученным вопросам можно отнести процесс комплектования сельского и городского русского населения, его хозяйственной деятельности, культуры и быта в XVIII–XIX вв., участие русских и аборигенных народов в освоении края, строительстве городов, портов, развитии торговли, промышленности, его научном изучении. До настоящего времени является мало изученным вопрос о социально-экономической и политической сущности ясака, трансформации системы управления аборигенными народами в XIX в. Недостаточная изученность камчатской тематики проявляется в ее фрагментарности, хронологической и тематической разбросанности.

Новая тематика в историографии Камчатки связана с исследованием вопросов об управлении регионом (XIX в.), о деятельности православной церкви на полуострове (XVIII – XIX вв.), о биографиях личностей, чья жизнь была связана с историей Камчатки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев, А.И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки (до конца XIX века) / А.И.Алексеев. – М., 1982.

2. *Алексеев, А.И.* Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. – 1917 г.) / А.И. Алексеев, Б.Н. Морозов. – М., 1989.

3. *Антропова, В.В.* Расселение ительменов в первой половине XVIII в. / В.В. Антропова // ИВГО. − Т. 81. − Вып. 4. – 1949.

4. *Базанов, А.Г.* Школы на Камчатке в середине XVIII века / А.Г. Базанов // Советский Север. – 1939. – № 2.

5. *Балалаева, Н.М.* О попытке переселения земледельческого населения Амурской области на Камчатку в 1911-1912 гг. / Н.М. Балалаева // Вопросы истории Дальнего Востока. − Вып. 3. – Хабаровск, 1973.

6. *Бахрушин, С.В.* Главные течения в Сибирской историографии XVIII века / С.В. Бахрушин // Научные труды. − Т. III. − Ч. I. – М., 1955.

7. *Бахрушин, С.В.* Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. / С.В. Бахрушин // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. – Вып. II. − Пг., 1922.

8. *Белковец, Л.П.* Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг / Л.П. Белковец. – Томск, 1988.

9. *Берх, В.Н.* Хронологическая история всех путешествий в Северные полярные страны с присовокуплением обозрения физических свойств того края. Ч. 1–2 / В.Н. Берх. – СПб., 1821–1823.

10. *Булычев, И.* Об опытах земледелия в Камчатке / И. Булычёв // Вестник РГО. – Кн. III. – Т. 8. – Отд. 2. – 1853.

11. *Васенко, П.* Из истории русского господства на Камчатке / П. Васенко // Русское прошлое. − 1923. − № 3.

12. *Вдовин, И.С.* Забытый исследователь Камчатки / И.С. Вдовин // Краеведческие записки. Вып. 4. – Петропавловск-Камчатский, 1973.

13. *Вдовин, И.С.* Ительмены и коряки в первые десятилетия XVIII в. (по неопубликованным материалам участника Камчатской экспедиции А.П. Горланова) / И.С. Вдовин // Страны и народы Востока. Вып. XVII – М., 1975.

14. *Воробьев, В.В.* Формирование населения Восточной Сибири / В.В. Воробьёв. − Новосибирск, 1975.

15. *Высоков, М.С.* Историк Дальнего Востока России. К 75-летию Б.П. Полевого / М.С. Высоков // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск, 1995.

16. *Гагемейстер, Ю.А.* Хозяйственно-статистический обзор Камчатки / Ю.А. Гагемейстер // Журнал Министерства внутренних дел. − Ч. 42. − № 5. – СПб., 1853.

17. *Голенищев, Г.* Меры к распространению земледелия на Камчатке / Г. Голенищев // Журнал Министерства внутренних дел − Ч. VI. − Кн. 1. – СПб., 1832.

18. *Громов, П.В.* Слова и речи, произнесенные в Камчатской и Иркутской епархиях протоиереем Прокопием Громовым / П.В. Громов. – СПб., 1857.

19. *Джаксон, Т.Н.* Миллер Герард Фридрих (1705–1783) / Т.Н. Джаксон // Историки России. Биографии. – М., 2001.

20. *Диков, Н.Н.* Азия на стыке с Америкой в древности / Н.Н. Диков. – М., 1993.

21. *Диков, Н.Н.* Древние костры Камчатки и Чукотки / Н.Н. Диков. – Магадан, 1969.

22. *Диков, Н.Н.* О задачах исторических исследований на севере Дальнего Востока СССР / Н.Н. Диков // История и культура народов севера Дальнего Востока. – М., 1967.

23. *Дитмар, К.М.* О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах / К.М. Дитмар // Вестник Императорского Российского геогр. об-ва, 1855. − Т. 6. − Кн. 1.

24. *Долгих, Б.О.* Родовой и племенной состав Сибири в XVII в. / Б.О. Долгих. − М., 1960.

25. *Жданова, Е.* Камчатское православное братство / Е. Жданова // Наука и религия. – 1973. – № 4.

26. *Завалишин, Д.А.* О тяжелом положении населения Камчатки / Д.А. Завалишин // Иванов В.Н. Историческая мысль в России XVIII − середины XIX в. о народностях Северо-Востока Азии. – М., 1989.

27. *Зуев, А.С.* Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. / А.С. Зуев. – Новосибирск, 2002.

28. *Иванов, В.Н.* Русские ученые о народах Северо-Востока Азии (XVII – начало XX в.) / В.Н. Иванов. – Якутск, 1978.

29. *Иванов, В.Н.* Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства / В.Н. Иванов. − Новосибирск, 1999.

30. *Иванов, В.Н.* Историческая мысль в России XVIII – середины XIX в. о народностях Северо-Востока Азии / В.Н. Иванов. – М., 1989.

31. *Иохельсон, В.И.* Коряки. Материальная культура и социальная организация / В.И. Иохельсон. − СПб., 1997.

32. Историография истории России до 1917 г.: В 2 т. / Под ред. *М.Ю. Лачаевой*. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003.

33. История и культура ительменов. Историко-этнографические очерки / под ред. А.И. Крушанова. – Л., 1990.

34. История Сибири. Т. I, II. – Л.: Наука, 1968.

35. *Каневский, К.* Первые успехи просвещения между камчадалами в царствование Елизаветы Петровны / К. Каневский // Северная пчела. – 1845. – № 18.

36. *Крашенинников, С.П.* Описание земли Камчатки / С.П. Крашенинников. – М.-Л., 1949.

37. *Крушанов, А.И.* Историческая наука на Дальнем Востоке СССР / А.И. Крушанов // Методология исследований и историография Дальнего Востока. – Южно-Сахалинск, 1970.

38. *Кузаков, К.Г.* М.А. Сергеев / К.Г. Кузаков // Краеведческие записки. – Вып. 2. – Петропавловск-Камчатский, 1970.

39. *Кусков, В.П.* Краевед Прокопий Громов / В.П. Кусков // Краеведческие записки. Вып. 2. – Петропавловск-Камчатский, 1970.

40. *Ленин, В.И.* Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Ленин, В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. – Т. 1. – М. : Политиздат, 1979.

41. *Маргаритов, В.П.* Камчатка и ее обитатели / В.П. Маргаритов // Записки Приамурского отд. Российского географ. общ. – Т. 5. – Вып. 1. – Хабаровск, 1899.

42. *Марлинский, А.* Собр. соч. / А. Марлинский. − Т. 1. – М., 1958.

43. *Миллер, Г.Ф.* История Сибири. Т. I / Г.Ф. Миллер. – М.−Л., 1937.

44. *Миллер, Г.Ф.* История Сибири. Т. II / Г.Ф. Миллер. – М.−Л., 1941.

45. *Миллер, Г.Ф.* О китовой ловле около Камчатки / Г.Ф. Миллер // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих, 1757, май. – Ч. III. – СПб., 1757.

46. *Миллер, Г.Ф.* Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с Российской стороны учиненных / Г.Ф. Миллер // Сочинения к пользе и увеселению служащих. – СПб., 1758.

47. *Миллер, Г.Ф.* Предисловие / Г.Ф. Миллер // *Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки. – СПб., 1755.

48. *Мирзоев, В.Г.* Историография Сибири (домарксистский период) / В.Г. Мирзоев. – М., 1970.

49. *Мирзоев, В.Г.* Историография Сибири (XVIII в.) / В.Г. Мирзоев. – Кемерово, 1963.

50. *Муравьев, В.А.* Историография истории СССР. XIX в. / В.А. Муравьёв. – М., 1990.

51. *Мурашко, О.А.* Ительмены и камчадалы: метаморфозы этнической идентичности / О.А. Мурашко // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. История. Археология. Культурная антропология и этнография. – М., 1996.

52. Народы Дальнего Востока СССР в XVII – XX веках. Историко-этнографические очерки. – М., 1985.

53. Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII – начало XX вв. − М., 1970.

54. *Огородников, В.И.* Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. – Ч. 1. Введение. История дорусской Сибири / В.И. Огородников. – Иркутск, 1920.

55. *Огородников, В.И.* Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. – Ч. 2. Завоевание русскими Сибири / В.И. Огородников. – Владивосток, 1924.

56. *Огрызко, И.И.* Очерки сближения коренного и русского населения Камчатки (конец XVII – начало XX века) / И.И. Огрызко. − Л., 1973.

57. *Огрызко, И.И.* Пушной промысел на Камчатке в конце XVII – начале XX вв. / И.И. Огрызко // Ленинград. педагогич. ин-т. Уч. записки. − Т. 298. Вопросы истории СССР XIX – XX вв. – Л., 1971.

58. *Огрызко, И.И.* Расселение и численность ительменов и камчатских коряков в конце XVII века / И.И. Огрызко // Вопросы истории Сибири. Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. − Л., 1961.

59. *Огрызко, И.И.* Торговля на Камчатке в XVIII – начале XIX в. / И.И. Огрызко // Страны и народы Востока. Вып. XVII. – М., 1975.

60. *Окунь, С.Б.* Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае / С.Б. Окунь. − Л., 1935.

61. *Пестель, П.И.* Русская Правда / П.И. Пестель // Восстание декабристов: Документы. – М., 1957. − Т. VII.

62. *Плеханов, Г.В.* Соч. Т. III / Г.В. Плеханов. − Пг., 1923.

63. *Полевой, Б.П.* В поисках истины. О происхождении названия «Камчатка» и о походах И.М. Рубца «верх реки Камчатки» / Б.П. Полевой // Камчатка : сб. – Петропавловск-Камчатский, 1988.

64. *Полевой, Б.П.* Камчатка в первых трудах Академии наук / Б.П. Полевой // Наука и техника (вопросы истории и теории). Вып. VIII. – Л., 1973.

65. *Полевой, Б.П.* Научная конференция, посвященная 250-летию со дня смерти Георга Вильгельма Стеллера / Б.П. Полевой // Краеведческие записки. Вып. 10. – Петропавловск-Камчатский, 1997.

66. *Полевой, Б.П.* Отечественная историография открытия и первоосвоения дальневосточных земель русскими людьми в XVII в. / Б.П. Полевой // История, археология и этнография народов Дальнего Востока: Научн. докл. VII Дальневост. конф. по проблемам исторической науки. – Владивосток, 1973.

67. *Полевой, Б.П.* Поход Ивана Ермолина 1669–1671 гг.: К истории открытия Камчатки / Б.П. Полевой // Известия АН ССР. Сер. географическая. − 1976. − № 5.

68. *Пономаренко, А.К.* Древняя культура ительменов Камчатки / А.К. Пономаренко. – Петропавловск-Камчатский, 2000.

69. *Сафронов, Ф.Г.* Попытки земледельческого освоения Камчатки в первой половине XIX в. / Ф.Г. Сафронов // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма) / [Сб. ст. памяти чл.-корр. АН СССР В.И. Шункова]. – М., 1973.

70. *Сафронов, Ф.Г.* Русские на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX в. Управление, служилые люди, крестьяне, городское население / Ф.Г. Сафронов. – М., 1978.

71. *Сафронов, Ф.Г.* Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. / Ф.Г. Сафронов. – М., 1980.

72. *Сгибнев, А.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 гг. / А. Сгибнев // Морской сборник. –1869. – № 4–8.

73. *Сгибнев, А.* Навигационные школы в Сибири / А. Сгибнев // Морской сборник. – 1866. – № 11.

74. *Сгибнев, А.С.* Большой Камчатский наряд / А. Сгибнев // Морской сборник. – 1868. − № 12.

75. *Себекин, А.М.* Проблемы истории Камчатки в отечественной историографии XVIII – XX вв. / А.М. Себекин. – М., 2001.

76. *Сем, Ю.А.* Историография малых народов Дальнего Востока // Культура народов Дальнего Востока СССР (XIX − XX вв.) / Ю.А. Сем. – Владивосток, 1978.

77. *Сем, Ю.А.* Историография русского Дальнего Востока (XVIII век) / Ю.А. Сем // Материалы по истории Дальнего Востока. Т. 9. – Владивосток, 1974.

78. *Словцов, П.А.* Историческое обозрение Сибири. Кн. 1 / П.А. Словцов. − СПб., 1886.

79. *Слюнин, Н.В.* Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание / Н.В. Слюнин. – СПб., 1900.

80. *Соколов, А.П.* Северная экспедиция 1733–1743 гг. / А.П. Соколов // Записки Гидрографического Департамента морского министерства. – Ч. IX. – Отд. II. − «История». – СПб., 1851.

81. Сокращение исторического известия о Камчатке, которое касается до перьвого путешествия капитана коммандора Беринга // Календарь, или Месяцеслов исторический… на лето 1736. – СПб., б. д.

82. *Соловьев, С.М.* История России с древнейших времен / С.М. Соловьёв. – М., 1963. − Кн. 10. – Т. 20.

83. *Стеллер, Г.В.* Описание земли Камчатки / Г.В. Стеллер. – Петропавловск-Камчатский, 1999.

84. *Степанов, Н.Н.* Классик русской и мировой этнографии С.П. Крашенинников / Н.Н. Степанов // Советская этнография. – 1962. – № 2.

85. *Степанов, Н.Н.* С.П. Крашенинников как историк Камчатки / Н.Н. Степанов // Советский Север. – 1939. – № 2.

86. *Томашевский, В.В.* Материалы к библиографии Сибири и Дальнего Востока. XV – первая половина XIX вв. / В.В. Томашевский. – Владивосток, 1957.

87. *Урсынович, С.Л.* Русификация и христианизация камчадалов / С.Л. Урсынович // Северная Азия. − 1925. − № 3.

88. *Шапиро, А.Л.* Историография с древнейших времен до 1917 года / А.Л. Шапиро. – Тверь, 1993.

89. *Шашков, С.С.* Восточные окраины / С.С. Шашков // Дело. − 1870. − Кн. 3.

90. *Шашков, С.С.* Очерки Сибири в историческом и экономическом отношении / С.С. Шашков // Библиотека для чтения. − 1862. − Т. 173.

91. *Шмалев, Т.И.* Краткое описание о Камчатке, учиненное в июне месяце 1773 года камчатским командиром капитаном Тимофеем Шмалевым / Т.И. Шмалев // Опыт трудов Вольного российского собрания при императорском Московском университете. – М., 1774. – Ч. I.

92. *Шульгина, Т.С.* Антон Петрович Сильницкий – краевед, исследователь Дальнего Востока / Т.С. Шульгина // Вторые чтения им. Г.И. Невельского: Тезисы. – Вып. 1.: Некоторые вопросы истории Приамурья. – Хабаровск, 1990.

93. *Шунков, В.И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков / В.И. Шунков. − М.−Л., 1946.

94. *Шунков, В.И.* Очерки истории земледелия Сибири. XVII в. / В.И. Шунков – М., 1956.

95. *Щапов, А.П.* Собр. соч. / А.П. Щапов. − СПб., 1908.

96. *Щебеньков, В.Г.* Вопросы историографии дореволюционной истории Дальнего Востока / В.Г. Щебеньков // Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории. Труды ДВО АН СССР. Сер. «История». Т. VI. – Владивосток, 1968.

97. *Элерт, А.Х.* Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера / А.Х. Элерт. – Новосибирск, 1999.

98. *Ядринцев, Н.* Сибирь как колония / Н. Ядринцев. − СПб., 1892.

99. *Якименко, Н.А.* Массовое заселение Сибири и Дальнего Востока в освещении дворянско-буржуазной историографии (1861−1917) / Н.А. Якименко // История и историки. 1981. – М., 1985.

100. *Якименко, Н.А.* Советская историография переселениях крестьян в Сибирь и на Дальний Восток (1861–1917) / Н.А. Якименко // История СССР. – 1980. – № 5.

101. *Ясман, З.Д.* Начало русского земледелия на Камчатке / З.Д. Ясман // Вопросы истории. – 1975. – № 10.

ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ КУЛЬТУРЫ У СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОР ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ АГРАРНОГО ВУЗА (НА МАТЕРИАЛЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АГРАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА)

С.Г. Демченко

Демченко Светлана Геннадьевна – доцент, зав. кафедрой иностранных языков Дальневосточного государственного аграрного университета (г. Благовещенск).

Статья посвящена актуальной проблеме, обусловленной принципиальными положениями политики государства о гуманизации профессионального образования. Представлены перспективы гуманизации образовательной среды вуза посредством такого относительно частного приема, как формирование гендерной культуры у студентов. Изложены основные результаты эмпирического и теоретического исследования создания организационно-педагогических условий формирования гендерной культуры у студентов как фактора гуманизации образовательной среды аграрного вуза. Определено, что сущность этого процесса состоит в совершенствовании гуманистической «Я-концепции» личности в ее гендерной определенности: чем выше у студентов уровень гендерной культуры, тем выше гуманистический потенциал образовательной среды. Организационно-педагогическими условиями, обеспечивающими эффективность изучаемого процесса, являются направленность формирования гендерной культуры на развитие у студентов гуманистической «Я-концепции» личности в ее гендерной определенности, формирование гендерной культуры у студентов в специально организованном учебном процессе и становление гендерной культуры у студентов в специально организованной педагогической деятельности во внеучебной работе. Исследование ограничено локальными рамками аграрного вуза, расположенного в Дальневосточном регионе, осуществлено на базе Дальневосточного государственного аграрного университета (г. Благовещенск).

Ключевые слова: гуманизация профессионального образования, формирование гендерной культуры у студентов.

Роль высшего профессионального образования не может быть сведена к обслуживанию текущих потребностей социума. Наряду с частными, сиюминутными задачами, система образования решает и те задачи, которые выходят за горизонт ближайшего будущего. Если взглянуть на роль системы образования с этой точки зрения, то мы увидим, что в настоящее время нет ничего более важного, чем утверждение в обществе идеалов гуманистического мировоззрения. Мы убеждены, что распространенный в современном российском обществе прагматический подход к человеку как к средству извлечения прибыли в исторической перспективе губителен для нашей страны. Прагматическая жизненная ориентация позволяет приспособиться к реалиям современного мира в качестве сырьевого придатка стран «золотого миллиарда», но она блокирует возможность цивилизационного прорыва, возможность подняться на новый уровень развития. Альтернативой прагматизму является гуманизм, который требует относиться к человеку не как к средству, но как к цели. Глобализация – объективный процесс, и было бы крайне наивно надеяться избежать ее воздействия на человека и общество. Глобализация несет в себе массу опасностей и угроз, но она же и создает новые гигантские возможности расширения ресурса человеческой свободы. Вопрос состоит в не том, чтобы избежать глобализации, а в том, чтобы придать ей гуманистическое содержание. Но это не может произойти само собой, ради реализации сценария «гуманистического глобализма» необходимо немало потрудиться. В том числе и в сфере профессионального образования, ибо оно создает благоприятные условия для воздействия на мировоззрение входящих в жизнь поколений. При этом никакой возможностью нельзя пренебрегать, ни один шанс не должен быть упущен. В настоящей статье мы хотели бы обратить внимание на перспективы гуманизации образовательной среды вуза посредством такого относительно частного приема, как формирование гендерной культуры у студентов. Наше исследование ограничено локальными рамками аграрного вуза, расположенного в Дальневосточном регионе, но мы хотели бы надеяться на то, что они имеет более широкое значение.

Но сначала несколько слов о том, что такое гендерная культура и как она связана с идеалами гуманизма. Деление людей по признаку пола – природно обусловленный факт. Но, как и любое другое природное явление, оно, попадая в поле тяготения общества, приобретает социальный смысл, становится фактом общественной жизни. Именно это обстоятельство определяет необходимость введения в социальную науку понятия гендер. Гендер – это не просто пол, а пол, взятый в его социальном бытии. Отношения между полами в обществе детерминируются не только и даже не столько природными факторами, сколько существующими социальными отношениями. Вместе с тем гендерные отношения представляют собой относительно самостоятельную сферу общественной жизни, регу-

лируемую специфическими социальными нормами. Педагогическое воздействие на эту сферу способно оказать влияние на социум как целое, на существующие в нем общественные отношения.

Конкретно речь идет о следующем. Слабый пол – это, безусловно, женщины. Данный тезис нелья трактовать только в непосредственно физиологическом смысле. Конечно, женщины в смысле физической силы уступают мужчинам, но проблема заключается не в этом. В более широком смысле женщины являются слабым полом по той причине, что они более зависимы от социальной стихии и в большей степени подвергаются социальному гнету, чем мужчины. И потому формирование уважительного, бережного отношения к женщине есть не что иное, как фактор противодействия и социальной стихии, и социальному гнету. Иначе говоря, это фактор гуманизации общественной жизни. Поэтому не будет большим преувеличением сказать, что степень эмансипации женщины есть мерило эмансипации общества в целом.

Проблемы гендерной культуры в отечественной педагогической литературе получили свое освещение в трудах О.О. Антоновой [1], А.А. Гершенович [5], И.С. Клециной [7]. Не вдаваясь в их анализ и обсуждение, сформулируем нашу собственную позицию. Он состоит в том, что гендерная культура (1) представляет собой эволюционирующую систему, совокупность проявлений жизнедеятельности разумного начала в человеке, отражающих степень его (разумного начала) развитости; (2) функционирует и развивается, согласно законам эволюции системных объектов особой небиологической, социально обусловленной природы; (3) воссоздает целостность человека и одновременно оказывает влияние на преобразование окружающей его среды. Гендер и пол – понятия не тождественные, взаимосвязанные и взаимопоясняющие, раскрывающие сущность человека как носителя социального образа мужчины / женщины. Гендер – это, коротко говоря, социальная проекция пола, выстраиваемая через призму небиологических, формируемых, социально обусловленных атрибутов человека.

Отсюда вытекает, что формировать гендерную культуру – это то же самое, что способствовать общей гуманизации социальных отношений, и педагогика призвана здесь сказать свое слово. Средствами педагогического воздействия можно формировать гендерную культуру во всех звеньях системы образования¸ но наибольшую возможность для этого предоставляет все-таки высшее образование, так как студенческий возраст приходится на период молодости, когда вопрос о взаимоотношениях полов наиболее актуален.

Идея гендерного образования студентов вуза не нова. Экспериментальный опыт на этот счет имеют Московский и Ивановский государственные университеты, Волгоградский и Мурманский педагогические университеты и ряд других высших учебных заведений центральной России. Этот опыт во многом может послужить хорошим примером того, каким образом следует конструировать процесс формирования гендерной культуры у студентов как фактора гуманизации образовательной среды вузов других типов, в том числе и аграрного.

Практику нельзя отделить от теории, поэтому в основе любой практической деятельности должны лежать определенные теоретические предпосылки. Если говорить о гендерной культуре, то в мировой философской традиции ее наиболее глубокое осмысление мы находим у русских философов, таких как В.С. Соловьев [10], В.Г. Белинский [2], А.И. Герцен [4]. Интересные идеи высказаны современным исследователем И.А. Колесниковой [8]. Изучение трудов, посвященных гендерной проблематике, привело нас к выводу, что гендерная культура – сложная эволюционирующая система, репрезентирующая собой развивающуюся целостность взаимосвязанных подсистем гуманистической «Я-концепции» личности в ее гендерной определенности. Понятийный инструментарий, которым располагает педагогика, позволяет выделить такие компоненты «Я-концепции», как когнитивный, мотивационный, операциональный, личностный, аксиологический. Это дает возможность разделить проблему на составляющие ее части и подойти к формированию гендерной культуры как к практической задаче.

При планировании и проведении педагогического эксперимента мы опирались на труды таких педагогов и психологов, как И.Ф. Бережной, Н.И. Вьюнова [3], Д.В. Иванова [6], Э.Р. Мамонтова [9], П.С. Федорова [11], А.В. Ясвина [12] и др. Образовательная среда – «…это в первую очередь продукт активности ее субъектов … Мы можем наблюдать своеобразную цикличность процесса развития: личностные свойства индивидов влияют на уровень развития образовательной среды, уровень развития среды обусловливает паттерны развития ее субъектов» [6: с. 168]. Отсюда один из главных выводов: чем выше у студентов уровень сформированности гендерной культуры, тем выше гуманистический потенциал среды, создаваемой ими.

Экспериментальной базой исследования являлся ФГОУ ВПО «Дальневосточный государственный аграрный университет» (ДальГАУ). В обследовании приняли участие студенты 1–2-го курсов очного отделения ДальГАУ, всего 265 человек. Из них в ходе проведения эксперимента были сформированы экспериментальная (ЭГ) и контрольная (КГ) группы. В состав ЭГ (всего 73 человека), так же как и КГ (всего 73 человека), вошли

студенты института ветеринарной медицины и зоотехнии по специальностям 310800 «Ветеринария» и 310700 «Зоотехния». На констатирующем этапе проведения эксперимента все студенты (265 человек), в том числе студенты ЭГ (73 человека) и КГ (73 человека) выявили наличие гендерной культуры на уровне ниже среднего. Диаграмма сформированности компонентов гуманистической «Я-концепции» личности в ее гендерной определенности, выделенных нами в качестве критериев эффективности изучаемого процесса, у студентов в процентах (когнитивного (К-1), мотивационного (К-2), операционального (К-3), личностного (К-4) и аксиологического (К-5) компонентов), представлена на рис. 1.

Сущность реализации первого вводимого организационно-педагогического условия состояла в постановке цели и задач, определяющих направленность формирования гендерной культуры на развитие у студентов гуманистической «Я-концепции» личности в ее гендерной определенности, в определении и применении средств, необходимых для их достижения, в изучении и анализе результатов реализации рассматриваемого условия с точки зрения достижения эффективности изучаемого процесса. Цель и задачи определялись в соответствии с положениями о гуманистической «Я-концепции» личности в ее гендерной определенности, педагогической сущности изучаемого процесса, его закономерностях и принципах, по разработанной нами схеме (рис. 2).

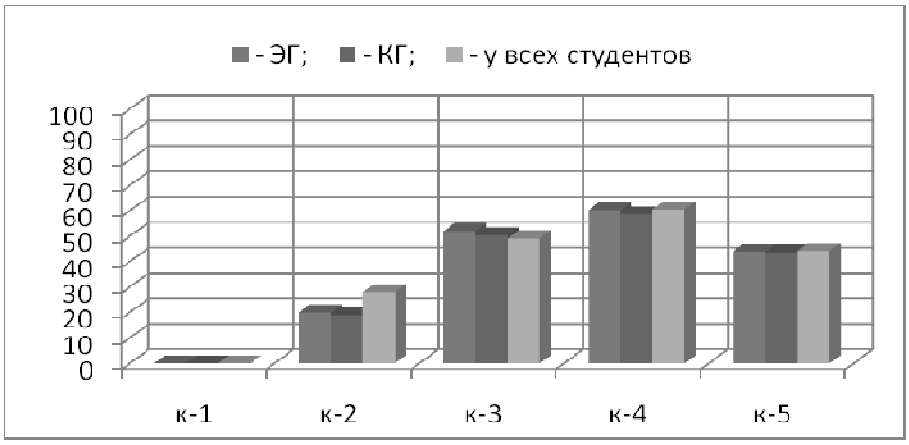

Рис. 1. Сформированность компонентов гуманистической «Я-концепции» личности в ее гендерной определенности у студентов, %

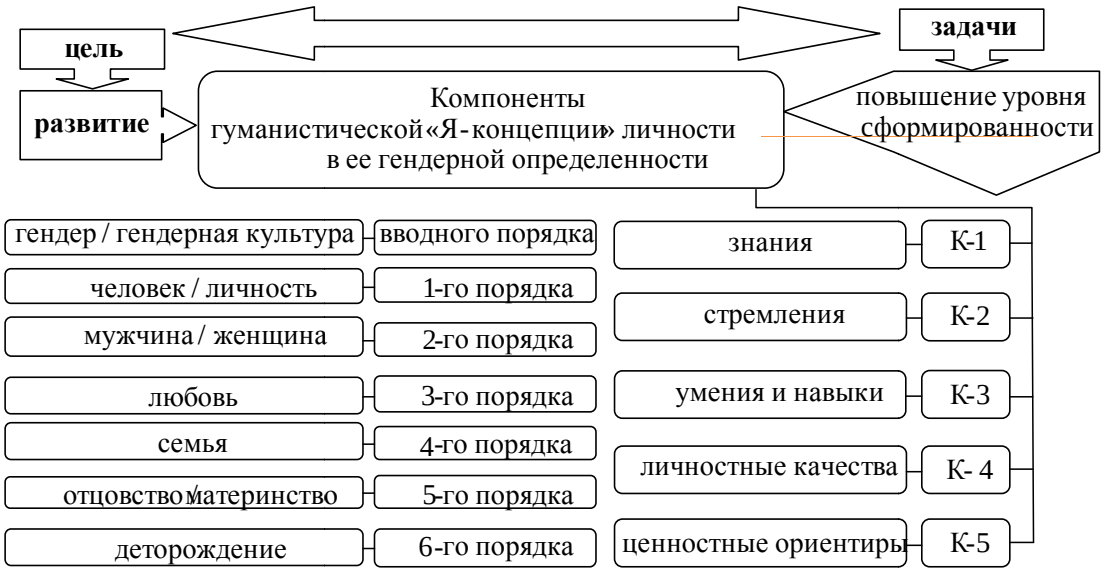

Рис. 2. Схема работы по осмыслению направленности формирования гендерной культуры у студентов

Согласно представленной схеме, цель формирования гендерной культуры у студентов как фактора гуманизации образовательной среды аграрного вуза – развитие у студентов гуманистической «Я-концепции» личности в ее гендерной определенности по компонентам в их единстве: когнитивного (К-1), мотивационного (К-2), операционального (К-3), личностного (К-4), аксиологического (К-5). В качестве задач, определяющих достижение поставленной цели, выделено: повышение у студентов уровней сформированности К-1(знаний), К-2 (умений и навыков), К-3 (стремлений), К- 4 (личностных качеств), К-5 (ценностных ориентиров) относительно основных блоков, представленных нами на уровне индивидуального гуманистической «Я-концепции» личности в ее гендерной определенности: человек / личность; мужчина / женщина; любовь; семья; отцовство / материнство; деторождение.

Достижение поставленных целей и задач осуществлялось посредством разнообразных видов деятельности и общения, форм и методов обучения и воспитания, через содержательный аспект учебной, самостоятельной и внеучебной работы со студентами, методическое и материально-техническое обеспечение этой работы на основе субъект-субъектного, гуманистически и личностно-ориентированного взаимодействия между преподавателем и студентами, развития естественных потребностей последних в любви и принадлежности, в познании и знании, полной самореализации.

Работа по рассматриваемому условию в аспекте изучения и анализа результатов его реализации с точки зрения достижения эффективности изучаемого процесса на этапе текущего контроля осуществлялась посредством наблюдения, бесед, анкетирования, тестирования, методики незаконченных предложений, изучения продуктов познавательной и творческой деятельности студентов, устных, письменных опросов и т. д. Контрольное измерение гендерной культуры у студентов проводилось посредством диагностических методик, которые применялись на этапе констатирующего эксперимента. По окончании эксперимента у студентов ЭГ выявлено повышение гендерной культуры в отношении всех компонентов: когнитивного (К-1) от низкого до выше среднего (на 69,86 %); мотивационного (К-2) от низкого до среднего (на 30 %); операционального (К-3) от среднего до вышесреднего (на 30,25 %); личностного (К-4) от среднего до высокого (на 28,85 %); аксиологического (К-5) от ниже среднего до выше среднего (на 30,04 %). У студентов КГ, в отношении которых работа по условиям не проводилась, особой положительной динамики изменений гендерной культуры не выявлено (рис. 3). Статистическая обработка данных эксперимента по критерию φ*-угловое преобразование Фишера показало, что достоверность различий состояний ЭГ и КГ после окончания составляет 95 %. Следовательно, эффект изменений в ЭГ обусловлен именно экспериментально проверяемыми условиями.

Система работы по экспериментальному обоснованию организационно-педагогических условий изложена согласно разработанным программам учебной и внеучебной деятельности со студентами по формированию у них гендерной культуры как фактора гуманизации образовательной среды аграрного вуза.

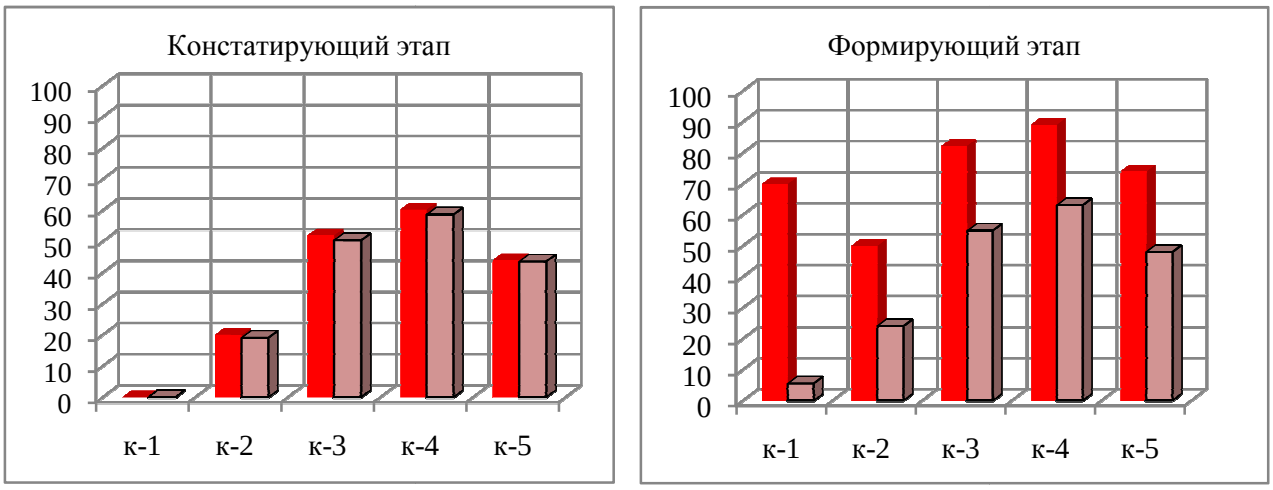

Рис. 3. Динамика изменений гендерной культуры у студентов ЭГ и КГ в сравнении на констатирующем и формирующем этапах: – ЭГ; – КГ

Структура программы дисциплины «Основы гендерной культуры» для студентов 1–2-го курсов по специальностям 310800 «Ветеринария» и 310700 «Зоотехния» включала цель и задачи дисциплины, требования к уровню освоения содержания дисциплины по коду формируемых компонентов, общую трудоемкость и виды учебной работы, содержание, учебно-методическое, информационное, материально-техническое обеспечение дисциплины, методические рекомендации. Содержание дисциплины представлено по разделам (всего 7) и видам учебной работы: практические занятия (ПЗ) и самостоятельная работа студентов (СРС), а также по темам и их основному содержанию (всего 21 на ПЗ и 21 на СРС) и часам (всего 66 часов на ПЗ и 66 часов на СРС).

Программа внеучебной деятельности со студентами «Формирование гендерной культуры у студентов как фактор гуманизации образовательной среды аграрного вуза» по организации студенческого клуба «Молодая семья» представлена пояснительной запиской, общими положениями, изложением цели, задач, организационной структуры, основных видов деятельности, прав и обязанностей университета, прав и обязанностей членов клуба, схемами планирования и проведения мероприятий клуба, в том числе по принципам их организации, классификации в аспекте последовательности и др.

Таким образом, по итогам проведенного исследования мы пришли к следующему заключению. Формирование гендерной культуры у студентов – важнейший фактор гуманизации образовательной среды аграрного вуза. Сущность этого процесса состоит в совершенствовании гуманистической «Я-концепции» личности в ее гендерной определенности: чем выше у студентов уровень гендерной культуры, тем выше гуманистический потенциал образовательной среды. Организационно-педагогическими условиями, обеспечивающими эффективность изучаемого процесса являются: 1) направленность формирования гендерной культуры на развитие у студентов гуманистической «Я-концепции» личности в ее гендерной определенности; 2) формирование гендерной культуры у студентов в специально организованном учебном процессе; 3) становление гендерной культуры у студентов в специально организованной педагогической деятельности во внеучебной работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антонова, О.О.* Проблема философско-методологических оснований гендерных исследований: автореф. дис. ... канд. филос. наук (09.00.08) / Антонова Ольга Олеговна; [Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова]. – Москва, 2004. – 24 с.

2. *Белинский, В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1847 года / В.Г. Белинский. – М. : Современик, 1981. – 591 с.

3. *Бережная, И.Ф.* Воспитательный потенциал университетской образовательной среды / И.Ф. Бережная, Н.И. Вьюнова // Вестник Воронежского государственного университета. – 2008. – № 1. – С. 90–97. (Серия «Проблемы высшего образования»).

4. *Герцен, А.И.* По поводу одной драмы // Эстетика. Критика. Проблемы культуры / сост., вступ. ст. и коммент. В.К. Кантора. – М.: Искусство, 1987. – С. 131–136.

5. *Гершенович, А.А.* Андрогинизм и бисексуальность человека в социокультурном измерении: автореф. дис. … канд. филос. наук (09.00.13) / Гершенович Анна Александровна; [Рост. гос. ун-т]. – Ростов-н/Д, 2004. – 27 с.

6. *Иванов, Д.В.* Психолого-педагогические подходы к исследованию образовательной среды / Д.В. Иванов // Мир психологии. – 2006. – № 4 (48). – С. 167–173.

7. *Клецина, И.С.* Психология гендерных отношений: автореф. дис. … д-ра психол. наук (19.00.05) / Клецина Ирина Сергеевна; [Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. – СПб., 2004. – 39 с.

8. *Колесникова, И.А.* Педагогическая реальность: опыт межпарадигмальной рефлексии. Курс лекций по философии педагогики / И.А. Колесникова. – СПб. : «ДЕТСТВО-ПРЕСС», 2001. – 288 с.

9. *Мамонтова, Э.Р.* Дидактические особенности развития образовательной среды в процессе подготовки специалиста: автореф. дис. …канд. пед. наук (13.00.01) / Мамонтова Эльза Руслановна; [Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова]. – Владикавказ, 2007. – 20 с.

10. *Соловьев, В.С.* Смысл любви: Избранные произведения / сост., вступ. ст., коммент. Н.И. Цимбаева. – М. : Современник, 1991. – 525 с.

11. *Федорова, П.С.* Социально-психологические характеристики образовательной среды высшего учреждения профессионального образования / П.С. Федорова // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 2. – С. 162–165.

12. *Ясвин, А.В.* Образовательная среда: от моделирования к проектированию / А.В. Ясвин. – М. : Смысл, 2001. – 365 с.

ПОЛЕМИКА

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ЮРИСПРУДЕНЦИИ В РОССИИ

А.П. Герасименко

Герасименко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Амурского государственного университета (г. Благовещенск).

Предпринята попытка осмысления юриспруденции как европейского концепта и как явления русской общественной жизни XV–XXI веков. Латинская «юриспруденция» истолкована как правосудие, правотворчество, правоприменение, правосознание в совокупности. Привлечены тексты Ульпиана, Цицерона, Секста Эмпирика, А. Смита, С.А. Андреевского, Ф.М. Достоевского. С опорой на теорию культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского утверждается, что европейская юриспруденция «покоится» на всесилии денег, чем отличается от индусской (со всесилием социальной принадлежности), мусульманской (со всесилием идеи), китайской (со всесилием иерархической публичности). Четыре названных способа общественной саморегуляции представлены как узлы в сети социальности, выпутаться из которой ни один нормальный человек не способен, поскольку эта паутина и составляет его жизнь. Намечены пути исследования особенностей русской юриспруденции, которая превращается из православной через коммунистическую в европейскую. Анализ этих путей будет плодотворным, если при рассмотрении государственно-правовых процессов удастся удержаться на юридических позициях, не подменяя их экономическими, социальными, политическими или духовными. В прямом смысле слова юридическое коренится в правосудии, которое ничем не заменимо, самодостаточно и обнаруживается в любое время повсеместно. Юридичность правовой системы, в отличие от ее идеологичности, которая и исторически, и актуально распространена гораздо шире, может обосновываться отсылками к римскому праву. Древнеримская политико-правовая терминология, за которой стоит авторитет не какого-либо национального государства или мировой религии, но самой незапамятной многовековой стабильности, лучше всего соответствует требованиям идеального критерия юридичности.

Ключевые слова: юриспруденция, римское право, Ульпиан, Цицерон, правосудие, русская юриспруденция, А.С. Андреевский, Ф.М. Достоевский.

Сама по себе юриспруденция – это порождение Древнего Рима, исчезнувшее вместе с ним. Возродили юриспруденцию, как часть античного наследия, европейские (христианские) народы, начавшие примерно в XV веке создавать собственные государства и распространять свое влияние на других континентах. Сегодня европейским является Северное полушарие целиком, а Южное – лишь местами (Латинская Америка, Южная Африка, Австралия и Новая Зеландия). В Южном полушарии сохранились независимые от европейцев азиатские народы, из которых конфуцианцы и индусы создали свои государства одновременно с римлянами и в отдалении от них, а мусульмане – раньше христиан, пытаясь на римский манер подчинить своему влиянию соседей. В этих странах знают юриспруденцию как грань античности раньше европейцев, но управление строят на столь самобытных основаниях, что они с трудом поддаются интерпретации на европейский лад. Так что, говоря о глобализации, европейцы выдают желаемое за действительное, а пытаясь действовать по нормам самодельного международного права, встречают на юге ожесточенное легитимное сопротивление. Европейское государство в нашей стране прошло этап зарождения в форме Московского царства в XV–XVII веках; этап становления и зрелости в форме Российской империи, включая советский период в XVIII– XX в. и в XXI веке, разделяя общеевропейские судьбы, вступило в этап преобразования в форме Российской Федерации. Если на каждый из первых двух этапов пришлось по триста лет, то хочется надеяться, что последний продлится не меньше, а наше государство не станет конфуцианским, индусским или мусульманским.

Сказанное выше служит для нас контекстом понимания юриспруденции в ее образовательной ипостаси[1]. Считается, что европейская система образования ведет свое начало с 1158 г., когда в северно-апеннинской Болонье на базе католической юридической школы появился первый университет. К началу XV в. в разных европейских городах насчитывалось уже около 60 университетов. До XVII–XVIII вв. изучалось в них на юридических факультетах исключительно римское и католическое право, по причине церковно-языковых различий на Руси не воспринимавшиеся. Но как часть отечественного высшего образования, русская юриспруденция сразу была построена на европей-

[1] Читающему публикуемый материал следует иметь в виду, что автор шестнадцать лет возглавлял юридический факультет АмГУ с момента его основания (1993 г.), стал здесь профессором по кафедре теории и истории государства и права (1997 г.), вел и ведет занятия со студентами по теории государства и права, истории политических и правовых учений, философии права, юриспруденции (вводный курс). Излагаемые соображения неоднократно докладывались на конференциях и обосновывались в многочисленных публикациях, ссылки на которые только перегрузили бы текст.

ский манер и если долгое время была отсталой, то уже на исходе XIX в. мало чем отличалась от немецкой, французской или американской. Правда, уважения к дипломированному специалисту, традиционного для европейцев, у нас не разделяли. По причине непреодолимого разрыва между юридической теорией и юридической практикой в России юридическая деятельность всегда осуществлялась вопреки юридической науке. В нашей стране до сих пор считают, что учит тот, кто сам делать не умеет. Впрочем, не нами сказано, что высшее образование – это все то, что останется, когда забудется выученное в университете. Случившаяся затем коммунистическая попытка обновить Европу оказалась не менее отвратительной, чем фашистская, но ее наследие в отечественном юридическом образовании преодолевается медленнее, чем этого требуют общеевропейские перемены. Так, хотя в вузах полтора десятка последних лет подготовка ведется по направлению «Юриспруденция», структурно и содержательно она мало чем отличается от подготовки по специальности «Правоведение» советской поры[2]. С особой наглядностью явствует это из перечня и содержания теоретико-исторических наук, отнесенных к профессиональному циклу.

Скажем сразу, понимая под юриспруденцией не только правоведение (правосознание), но и правотворчество, правоприменение, правосудие в их совокупности, мы считаем, что существо самой юриспруденции (как одного из способов человеческого существования) коренится именно в правосудии. В последнем и вполне достаточном, далее неразложимом основании, юриспруденция заключается в правосудии. Все юридическое так или иначе либо сводится к правосудию, либо выводится из правосудия. В правосудии люди всегда воплощают то мерило, от которого ведут отсчет допустимого или недопустимого в своих действиях, даже если признают только суд собственной совести. На самом деле, правотворчество – лишь стадия в правообразовании, а само право – не более чем разновидность норм. Правоприменение – лишь совокупность специальных средств в обширном арсенале орудий, используемых людьми для самосохранения. Правосознание – лишь малый поток в океане человеческого духа. Как таковые и правотворчество, и правоприменение, и правосознание в принципе ограничены в использовании и вполне заменимы другими, гораздо шире востребованными среди людей неюридическими нормами, средствами, сознанием. Только правосудие ничем не заменимо и самодостаточно. Может быть поэтому, надеясь в глубине души на снисходительность самооценки, люди стремятся избавиться от него, обезличив в мантиях и театрализованных процедурах. Впрочем, процедурность, процессуальность, декоративность не менее присущи правотворчеству и правоприменению. Даже правосознание, неизменно стремящееся в своем научном выражении к ниспровержению авторитетов и обновлению представлений, никогда не сможет избавиться от духа избраннической посвященности в некое таинство.

Однозначно связывая юриспруденцию с правосудием, сами древнеримские юристы, от которых и ведет свое начало термин, утверждали, как Ульпиан, что оно есть «неизменная и постоянная воля предоставлять каждому его право», «познание божественных и человеческих дел, наука о справедливом и несправедливом». Эти весьма пафосные рассуждения о юриспруденции адресовались Ульпианом учащимся: «Изучающему право надо прежде всего узнать, откуда произошло слово «право» (jus). Право получило свое название от «правосудия» (justitia), ибо, согласно превосходному определению Цельса, право есть наука о добром и справедливом». О себе и своих коллегах юристах Ульпиан говорил: «Мы заботимся о правосудии, возвещаем понятия доброго и справедливого, отделяя справедливое от несправедливого, отличая дозволенное от недозволенного, желая, чтобы добрые совершенствовались не только путем страха наказания, но и путем поощрения наградами, стремясь к истинной, если я не заблуждаюсь, философии, а не к мнимой» [5: с. 157–159]

На другие черты юридической деятельности, причем почти за двести лет до Ульпиана, обращал внимание еще один римлянин – Цицерон, который, помимо адвокатской практики, известен как государственный деятель и философ. Выступая в суде защитником Лициния Мурены – военачальника, избранного консулом и обвинявшегося юристом Сульпицием Руфом в подкупе избирателей, – Цицерон охарактеризовал юриспруденцию как хитроумное ремесло, всецело основанное на вымыслах и крючкотворстве. Если во времена предков юриспруденция вызывала восхищение, то современники перестают считать юристов учеными. Они видят в юристе дотошного и хитрого крючкотвора, цепляющегося за отдельные буквы и разделения слов, начетчика и буквоеда. «Хотя законы и установили много прекрасных правил, большинство из них было извращено и искажено выдумками зако-

[2] Действующие федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования подготовки бакалавров и магистров по направлению 030900 «Юриспруденция», утвержденные Министерством образования и науки в 2010 г. в русле «болонского процесса», устанавливают семь видов деятельности, к которым на студенческой скамье якобы могут быть подготовлены выпускники: правотворческая, правоприменительная, правоохранительная, экспертно-консультационная, педагогическая, организационно-управленческая, научно-исследовательская.

новедов». Юристы отказались от справедливости и стали хвататься за точное значение слов, но именно поэтому выражение «высшая законность – высшее беззаконие» превратилось в избитую поговорку. Сухая наука, заключающаяся в мелочах, не может быть признана наукой, ученым не может быть признан тот, кто занимается такой наукой [13: с. 338–341].

Имя Цицерона осталось в истории синонимом красноречия и по его речам преподают риторику до сих пор. Нам не известно, читал ли адвокатские тексты Цицерона современник юриста Ульпиана философ Секст Эмпирик, но в своем трактате «Против риторов» он высказался об адвокатах так: «Именно, то они призывают иметь в виду буквальные выражения и слова законодателя как ясные и не требующие никакого толкования, то, наоборот, убеждают не следовать ни буквальным его выражениям, ни словам, но его намерению; ведь тот, кто считает нужным наказать человека, направившего на кого-нибудь железо, не считает нужным принимать во внимание то, как он его направил (например, в виде кольца для ношения на пальце) или каково оно (например, игла), но, если мы вникнем в его намерение, он хотел покарать того, кто посягнул на жизнь человека. Иной же раз они велят читать законы с выдержками и из оставшейся части составлять какое-нибудь новое положение. Часто они, толкуя двусмысленные выражения, подтасовывают такое значение слов, которое бы им подходило. И они делают тысячи вещей для ниспровержения законов. На этом основании один византийский оратор, когда его спросили, в каком состоянии находятся византийские законы, ответил: «В каком я хочу». Именно, как шарлатаны обманывают зрителей ловкостью рук, так и риторы при помощи крючкотворства морочат голову, отнимая тем самым голоса у законного решения. Секст Эмпирик был большим эрудитом и знал не только римскую юриспруденцию, но и древнегреческую. «Вот, например, Демосфен с большим криком и мистификацией ликвидировал постановление против Ктесифона, вследствие чего Эсхин и говорил: «На суде появился дурной обычай: обвинитель защищается, а обвиняет обвиняемый. Судьи же вынуждаются голосовать за то, в чем они не могут разобраться» [9: с. 129].

Домиций Ульпиан, как римлянин-язычник, предпочитал философии права прагматичную юриспруденцию, но, как видно, не чурался, подобно Цицерону, красот древнегреческой аргументации, когда это было нужно. Пятнадцать веков спустя, один из основателей теперешнего либерализма, Адам Смит, христианин англиканской церкви, т. е. протестант-скопидом, стремящийся общаться с Богом напрямую, проясняя европейское понимание юриспруденции тоже недвусмысленно ставит в ее центр правосудие. Правда, делает он это уже политико-экономически, с чисто европейской меркантильностью даже не считая нужным кивать в сторону философии. «Первоначально и государь, и младшие вожди, – писал Смит, – производили судопроизводство лично. Позднее всюду нашли более удобным посылать вместо себя заместителей – чиновников или судей». В любом случае, сначала судебная власть «не только не была причиной расходов, но долгое время была источником дохода» государя. «Такая система отправления правосудия, служившая целям добывания доходов, вызывала много различных грубых злоупотреблений». Судьям, когда их стало много, решили назначать жалованье, но адвокаты и стряпчие всегда оплачивались сторонами судебного процесса по соглашению сторон. «…Отделение власти судебной от исполнительной, вначале произошло, по-видимому, от увеличения дел общества в результате его развития. Отправление правосудия стало делом настолько трудным и сложным, что требовало уже безраздельного внимания лица, которому оно было поручено. Так как лицо, которому вручалась исполнительная власть, не имело досуга заниматься рассмотрением частных дел, то вместо него назначался его заместитель, чтобы разрешать их. Когда судебная и исполнительная власть соединены, представляется мало возможным, чтобы правосудие не приносилось часто в жертву тому, что обычно называют политикой. Лицо, обладающее исполнительной властью, может ради великих государственных интересов, даже не имея корыстных целей, иногда думать, что необходимо ради этих великих интересов пожертвовать правами частного лица». Вместе с тем «должность судьи так почетна сама по себе, что люди склонны добиваться ее, хотя бы она доставляла очень малые доходы» [11: с. 253–255].

Как видим, Смиту понятно, что органы исполнительной власти – это в точном смысле органы лишь применяющее право, но отнюдь не творящие или защищающие его. Поэтому и мы называем такие органы не правоохранительными, а правоприменительными, что, кроме всего прочего, отличает их не только от органов правосудия, но и от правотворческих органов. В определенном смысле и при большом желании даже органы правосознания, не говоря уже об органах правотворчества, правосудия, правоприменения, не трудно посчитать правоохранительными органами. Скажем, научно-исследовательские и образовательные юридические учреждения можно считать правоохранительными в том смысле, что они пестуют правовую проблематику, оберегая ее от профанации. Правотворческие органы фиксируют право официально, пытаясь на века сохранить его постулаты в декларациях, конституциях, кодексах и пр. Граждане обращаются в органы внутренних дел, к адвокатам или в прокуратуру, точно так же, как они обращаются в органы правосудия, когда сталкиваются с посяга-

тельствами на жизнь, имущество, порядок, требуя именно их защиты, а не чего-то иного. Но если суды трудно спутать с милицией (полицией), то и не нужно относить их вместе с последней к правоохранительным органам. Пусть объединяющим их названием будет юриспруденция, а не право «– охрана» или право «– защита».

Заострять в юриспруденции внимание на том, что многие тысячелетия люди жили в безгосударственном обществе и не знали закона имеет смысл, если мы хотим доказать, что государственное состояние носит преходящий характер, что закон и право не совпадают, что человечество неизбежно прийдет к чему-то похожему на первобытное на очередном витке своего развития. Обостренное внимание к безгосударственной организации (в бездонном прошлом и бесконечном будущем) может служить обоснованию глубокой укорененности неправовых регуляторов, как негосударственных, а значит – в принципе непреходящих в сопоставлении с временными по пределам установлениям государственной власти. Но когда специалисты изучают первобытное общество (или то, что они так называют) как этнографы, антропологи, археологи и т. п., они обнаруживают такую многосложность первобытного, что склоняются наделять его самоценностью. В любом случае, если данные конкретных наук, нацеленных на изучение древнейших состояний человека и способны показать неатрибутивность государства, то они не способны показать неатрибутивность политики. Политика настолько разнообразна, насколько неотделима от человека. Экономическое, социальное, духовное, политическое – извечные сферы человеческого, человеческие пределы со своими правилами.

Юриспруденция всегда считалась одним из основных признаков европейской культуры и цивилизованности. Нужно сказать, что все наиболее компетентные специалисты по истории государства и права Древнего Рима и по римскому праву собственно, являются по своим убеждениям людьми европейской правовой культуры. По крайней мере, созданные ими за многие годы труды убедительно демонстрируют это. Их усилиями конкретно-историческая, одна из многих обнаруженных в прошлом правовая система – правовая система Древнего Рима незаметно была превращена в некий нетленный эталон юридичности. Древнеримское государство с момента его основания трактуется ими как правовое государство с юридической правовой системой, т. е. понимается как распространенный наряду с другими разнообразными идеалами европейский идеал государства и права. Не удивительно, что «отцы-основатели» североамериканских Соединенных Штатов, получив для государственного строительства свободное от каких-либо политико-правовых традиций пространство, в своих установлениях широко использовали древнеримскую политико-правовую терминологию. Эта терминология не совпадала с известной им тогдашней европейской, более того – она была как бы освящена авторитетом легендарной древности и лишена непосредственной связи с какой-либо актуальной религиозностью. Ее никто не решался и не решается оспаривать, потому что за ней стоял и стоит авторитет не какого-либо из европейских государств, а самой незапамятной многовековой стабильности, лучше всего соответствующий требованиям идеального критерия. Скажем прямо – все европейски-культурные специалисты обращаются с доступным по древнеримской истории фактическим материалом как заботливые родители с долгожданным ребенком и поэтому трепетно лелеют из него то, что хотят получить – образ весьма совершенной системы, в которой с наибольшей из всех известных в истории государства и права правовых систем полнотой воплощены идеалы юридичности.

Уже давно никого не интересует, что в действительности латиноязычная юриспруденция была атрибутом тысячелетнего Рима. Сегодня латинский язык существует только как язык католической церкви, да разве что – медицинских рецептов, ведь те же юристы предпочитают пользоваться лишь латинскими поговорками, присловьями юридического характера и то для красного словца. Наверняка сейчас мало кому из итальянцев придет в голову считать латинский язык собственным языком, что уж говорить об англичанах, французах или немцах. На латыни остатки римской юриспруденции стали изучать в первых университетах, но это знание в отличие от медицинского и богословского не имело тогда практического приложения. Только с появлением собственно европейских государств стало формироваться и изучаться национальное право. Но при этом сохранилось для него в собирательном значении латинское название «юриспруденция». Корневая алфавитная близость латыни и западноевропейских языков подкрепляет иллюзию прямой преемственности между собственно юридическими регуляторами периода древнеримской классики и угасания античности (римское право) с экономическими регуляторами (товарно-денежные отношения), создавшими и сохраняющими Европу как таковую. Ведь в том обществе, которое сложилось на этой территории и назвалось европейским, действительным регулятором стали товарно-денежные отношения, а еще точнее – деньги, чья ключевая роль только маскировалась приверженностью праву и закону, т. е. юридическим мировоззрением. Разве не об этом писал Смит? Юриспруденция в ее европейском обличье юридического мировоззрения – не что иное, как своеобразный камуфляж всесилия денег. Только в Древнем Риме, в римском пра-

ве юриспруденция была самою собой. Это вовсе не значит, что римская античность не знает товарно-денежных отношений. Попросту деньги не считались здесь сердцевиной общественной саморегуляции. Недаром на исходе своей истории почти все античные мыслители горько сетовали на разлагающее влияние корысти в современном им обществе и вытеснение гражданских идеалов христианским космополитизмом.

В свое время мы стали разделять убеждение, что власть общества над людьми в нем живущими выражается в конечном счете во всесилии либо денег, либо социальной принадлежности, либо идеи, либо публичной иерархии. При этом каждая из названных разновидностей власти присутствует в любом обществе в любое время, пусть в разной степени развитости. По нашему утверждению названными разновидностями исчерпываются самодостаточные рычаги человеческого самоуправления, которое в сущности сводится к нескольким способам самосохранения, хотя и называются эти способы разновидностями управления обществом. Все остальное, характеризуемое как формы, способы, средства управления и самоуправления только маскирует названные силы. Сами эти силы – ни что иное, как узлы в сети социальности, выпутаться из которой ни один нормальный человек не способен, поскольку в определенном смысле эта паутина и есть его жизнь. Если называть вслед за Н.Я. Данилевским европейские порядки особым культурно-историческим типом, то конституирующей особенностью этого типа как раз является культ денег. Этим в конечном счете европейское общество отличается от общества индусского культурно-исторического типа, поскольку в нем конституирующая сила – власть социальной принадлежности; от общества мусульманского культурно-исторического типа, в котором такую роль играет идея; от конфуцианского – с его приматом иерархической публичности. Культ денег – типично европейское явление. Идейно облачившись в протестантство и подорвав духовную монополию католицизма, этот культ и создал то, что мы привыкли считать Европой. Из европейского географического ареала он распространился на другие континенты, отстоял себя как в междуусобной борьбе с католичеством, так и в борьбе с мусульманством, буддизмом, индуизмом и пр. Ну а из тех мест, где победить не удалось, европейцы ушли или перестали претендовать на главенство в управлении в ожидании лучших времен.

В европейском контексте собственно юриспруденция является не более чем концептом – аналитическим подходом к рассмотрению политико-правовой жизни. Эта жизнь извечна, многослойна и конкретно-исторична. С позиций юриспруденции ее следует изучать, различая в ней правотворчество, правоприменение, правосудие, правосознание. Сами участники политико-правовой жизни скорее всего обычно и не представляют себе таких различий. На самом деле, и правотворчество, и правоприменение, и правосудие, и правосознание долгое время на памяти любого народа сосредоточены в одной и той же инстанции. В России, например, со времен Московского царства – в руках главы государства (царь, император, вождь партии, президент) и только по его поручению – у приближенных к нему деятелей, называющих себя государственными. Словосочетание «русская юриспруденция» не менее условно, чем словосочетание «немецкая юриспруденция» или любая другая. Здесь юриспруденция только общий знаменатель, т. е. собственно древнеримское основание. Стоит ли удивляться, что без специальных разъяснений мало кто способен осознать свои права? Во «Всеобщей Декларации прав человека» записано: «Каждый человек, для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения, имеет право, на основе полного равенства, на то, что бы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом» (ст. 10). Похоже, без суда никогда и нигде не определить и не установить человеческих прав и обязанностей.

Вернемся к древнеримским авторитетам. Секст Эмпирик писал: «Тем, кто философствует догматически, кажется, что рассуждение о богах самое важное. Поэтому они говорят, что философия есть стремление к мудрости, а мудрость есть знание божественных и человеческих дел». Излагая взгляды древнегреческих мыслителей, он обратился к Эвгемеру Мессенскому, жившему в IV в. до новой эры: «Эвгемер, прозванный безбожником, говорит: «Когда жизнь людей была неустроенна, то те, кто превосходил других силою и разумом, так что они принуждали всех повиноваться их приказаниям, стараясь достигнуть в отношении себя большего поклонения и почитания, сочинили, будто они владеют некоторой изобильной божественной силою, почему многими и были сочтены за богов». Кажется, современная история юриспруденции, не говоря об антропологии права, в своих заключениях продвинулась не намного дальше Эвгемера, а тот – Гомера или Гесиода. «Итак, некоторые утверждали, что вожди среди людей, обдумывавшие то, что полезно для жизни, будучи к тому же весьма разумными, впервые сочинили предположение о богах и мнение о том, что рассказывается о преисподней. Именно, поскольку жизнь в древности была звероподобна и беспорядочна (здесь у автора следует ссылка на Гесиода), упомянутые вожди, намереваясь сдержать неправедно живущих, сначала установили законы для наказания явно неправедных, а затем они сочинили и бо-

гов, надзирающих за всем человеческими прегрешениями и за хорошими поступками, чтобы никто не дерзал и тайно поступать не праведно (здесь у него ссылка на Гомера)» [5].

Никто не знает ни теоретического, ни эмпирического материала, который свидетельствовал бы о нерелигиозных источниках юриспруденции. Юриспруденция, как и религия, появилась вместе с первыми людьми примерно 40 тысяч лет назад. Рассуждать о юридической первоначальности символов (солома, рука, голова и пр.) или слов (поговорки, стихи, песни, тексты и пр.) и только после них обращаться к особому роду человеческих занятий, все равно, значит, признавать, как верующий Секст Эмпирик, многие верующие до и после него, что «…люди получают понятие о боге не от одной величины человекообразного существа, но от того, что оно блаженно, нетленно и имеет весьма большую силу, проявляемую в мире» [5]. Древнейшие фетишизм, тотемизм, магия, анимизм, как и последующий не менее древний политеизм, вплоть до монотеизма таких ныне влиятельных религий, как иудаизм или ислам, свидетельствуют о неизбежной божественности правосудия. Только богомизбранный либо сам компетентен, независим и беспристрастен, либо вправе делегировать эти полномочия кому-нибудь. В «Европейской Хартии о статусе судей» говорится: «Статус судей означает обеспечение компетентности, независимости и беспристрастности, которых любой человек законно ожидает от судебных органов и от каждого судьи, которому доверена защита его прав. Он исключает любое положение и любую процедуру, способные поколебать доверие к этой компетентности, независимости и беспристрастности». Не этим ли объясняется удивительная живучесть монархических устройств в большинстве европейских государств?

Сто лет назад известный в России адвокат и литератор С.А. Андреевский говорил в суде присяжных в защиту мировых судей, обвинявшихся в превышении власти: «В настоящем деле, касающемся преступлений по должности, я чувствую себя гораздо более в роли переводчика, чем в роли защитника, так как служебный мир имеет свое наречие и свои понятия, не всегда доступные для публики. На службе, кроме жизни и дела, существуют еще бесчисленные статьи нашего законодательства, которые на языке официальном заменяют не только отдельные слова и понятия, но иногда и целый ряд причин и доводов. Поэтому, когда в ответ на какое-нибудь наше ходатайство мы получаем бумагу, в которой говорится, что на основании таких-то статей состоялось известное определение, то самые цифры статей, подобно вставке на турецком языке, проглатывают для нас самую интересную часть текста; нам всегда бывает чрезвычайно любопытно знать, что именно в тех статьях написано, и всегда кажется, будто они не совсем приходятся к нашему случаю. Поэтому следует признать, что правда статейная, бумажная, юридическая есть одна правда, а правда живая, правда человеческая – другая. И, следовательно, когда на суд граждан передается обвинение исключительно формальное и доступное только для юристов, тогда нужно попробовать вдохнуть в него жизнь с точки зрения общечеловеческой справедливости, и если за всем тем оно останется мертвым, то следует отбросить его как праздное измышление канцелярской философии» [6].

С точки зрения общечеловеческой справедливости, должен подходить к своему делу и современный судья. Люди ждут от него именно этого, верят именно в это, а не в «праздные измышления канцелярской философии». У отечественной юриспруденции давние и широкие основания – в началах и концах европейские по своей сути. Подлинно русский судья может черпать вдохновение и находить оправдание своего ремесла не в буддизме или шариате, даже не в христианстве, а в римском праве. В отличие от любой идеологической правовой системы, римская, как юридическая по типу, покоилась на признании права обыкновенного человека, со всеми присущими такому человеку пороками, в ней воплощалось уважение к данности, смирение перед тем, что есть здесь и сейчас и что будет всегда. В Древнем Риме (вспомним еще раз Цицерона) была в ходу поговорка «summum jus, summa injuria», что по-русски значит – «высшая законность – высшее беззаконие» [7]. Собственные ценности и неповторимые черты русской юриспруденции удивительным образом совпадают с приведенным изречением. Согласно В.И. Далю, слова «юрист», «юриспруденция», «юстиция» в русский язык пришли из латинского и означают соответственно – правовед, законник, законовед; правоведение, правословие, право, правда; правосудие, правда. У нас говорят: «Чинить суд и правду», «Министр юстиции». Слово «юсъ» означало человека, служившего в приказе, т. е. подъячего, законника, знатока всех судейских проделок и тяжб. «Строить юсы» значило «лукавые судейские крючки и ловушки». Говорили: «Он старый юсъ, его не проведешь». В русском языке «правый» как истинный противопоставляется «ложному». Производным от этого слова является слово «право» – «данная кем либо, или признаваемая обычаем власть, сила, свобода действия; власть и воля в установленных пределах». В этом же смысле «правом» называют «науку законоведения» юриспруденцию или одну из ветвей этой науки. Это соответствует латинскому «jus», немецкому «das recht», французскому «les droits». Можно добавить – английскому «the law». По В.И. Далю, суд – это «разбирательство и приговор по спорному делу, или по проступку и престу-

плению, рассмотрение и решение дела, где есть истец и ответчик». Судить – «делать разбирательство над обвиненным, дознавать расспросами степень вины его, оправдывая или обвиняя, и приговаривая его к наказанию.» Судья – «кто судит по праву, по долгу, обязанности, кому дан суд, кто сидит в суде, творит суд и правду, дает расправу» [8]. Сравнивая прозрачные формулировки Даля с современными материалами по теории правосудия, невольно заключаешь, что скоро его словарь из обыкновенного справочника превратится в подлинный кладезь мудрости, способный дать юристу-теоретику гораздо больше, чем любое из многочисленных пособий по теории государства и права (отечественных или зарубежных), изданных у нас в последние годы.

Когда в России «сидеть в суде» стали присяжные, Ф.М. Достоевский, ошеломленный первыми опытами столь нетрадиционного для нашей страны правосудия, заметил: «Есть идеи невысказанные, бессознательные и только лишь сильно чувствуемые; таких идей много как бы слитых с душой человека. Есть они и в целом народе, есть и в человечестве, взятом как целое. К числу таких сокрытых в русском народе идей – идей русского народа – и принадлежит название преступления несчастием, преступников – несчастными. Идея эта чисто русская. Ни в одном европейском народе ее не замечалось.» В Англии, где суд присяжных «…сами себе выдумали, ни у кого не занимали, веками утвердили, из жизни вынесли, не в виде дара получили», присяжный заседатель «понимает прежде всего, что в руках его знамя всей Англии, что он уже перестает быть частным лицом, а обязан изображать собою мнение страны. Способность быть гражданином – это и есть способность возносить себя до целого мнения страны». В России совсем не так. «Испугала нас эта страшная власть над судьбой человеческою, над судьбой родных братьев, и, пока дорастем до вашего гражданства, мы милуем. Из страха милуем. Мы сидим присяжными и, может быть, думаем: «Сами-то мы лучше ли подсудимого?» «Общество скверно, потому и мы скверны; но мы богаты, мы обеспечены, нас миновало только случайно то, с чем вы столкнулись. Столкнись мы – сделали бы то же самое, что и вы. Кто виноват? Среда виновата. Нет, народ не отрицает преступления и знает, что преступник виновен. Народ знает только, что и сам он виновен вместе с каждым преступником».

Достоевский потому и считался уже в начале XX века оригинальным выразителем русской философии права, что не остановился на просветительской «философии среды», согласно которой «…есть только подлое устройство среды, а преступлений нет вовсе». «…В самом деле, ведь если уж мы считаем, что сами иной раз еще хуже преступника, то тем самым признаемся и в том, что напоминаю и виноваты в его преступлении. Если он преступил закон, который земля ему написала, то сами мы виноваты в том, что он стоит теперь перед нами. Ведь если бы мы все были лучше, то и он бы был лучше и не стоял бы теперь перед нами… Так вот тут-то и оправдать? Нет, напротив: именно тут-то и надо сказать правду и зло назвать злом; но зато половину тяготы приговора взять на себя. Войдем в залу суда с мыслью, что и мы виноваты. Эта боль сердечная, которой все теперь так боятся и с которою мы выйдем из залы суда, и будет для нас наказанием. Если истинна и сильна эта боль, то она нас очистит и сделает лучшими. Ведь сделавшись сами лучшими, мы и среду исправим и сделаем лучшею. Ведь только этим одним и можно ее исправлять» [9].

Евангельский источник Достоевского ясен: «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» [10]. Созданный писателем «старец Зосима» по библейски наставляет каждого из нас: «Помни особенно, что не можешь ничьим судиею быти. Ибо не может быть на земле судья преступника, прежде чем сам сей судья не познает, что и он такой же точно преступник, как и стоящий перед ним, и что он-то за преступление стоящего пред ним, может, прежде всех и виноват. Когда же постигнет сие, то возможет стать и судиею. Как ни безумно на вид, но правда сие. Ибо был бы я сам праведен, может, и преступника, стоящего предо мною, не было бы. Если возможешь принять на себя преступление стоящего пред тобою и судимого сердцем твоим преступника, то немедленно прими и пострадай за него сам, его же без укора отпусти. И даже если б самый закон поставил тебя его судиею, то сколь лишь возможно будет тебе сотвори и тогда в духе сем, ибо уйдет и осудит себя сам еще горше суда твоего. Если же отойдет с целованием твоим бесчувственный и смеясь над тобою же, то не соблазняйся и сим: значит, срок его еще не пришел, но придет в свое время; а не придет, все равно: не он, так другой за него познает, и пострадает, и осудит, и обвинит себя сам, и правда будет восполнена. Верь сему, несомненно верь, ибо в сем самом и лежит все упование и вся вера святых» [11].

Юридическому познанию религия служит не больше чем искусство или философия. Связывать его исключительно с наукой – слишком наивно. Только ходячей можно назвать распространившуюся с советских времен классификацию наук, согласно которой они делятся на естественные, общественные, технические. Отнесение юриспруденции к общественным наукам всегда вызывало массу вопросов. Полезнее для изучения, да и правильнее по существу делить науки на фундаментальные и прикладные. В этом случае место юриспруденции в прикладных науках, а, к примеру, математики – в фундаментальных. Проблема ослож-

няется тем, что невозможно провести четкие границы между сферами фундаментальных и прикладных исследований. Давно замечено, что самой практичной оказывается наиболее чистая теория. У самого фундаментального математического знания рано или поздно обнаруживается прикладное значение, точно так же как со временем влияют на криминалистику, казалось бы, далекие от повседневных нужд криминологические обобщения.

Значительный интерес и практическую важность имеют науковедческие исследования одного из крупнейших юристов первой половины XX в. и до сих пор по достоинству у нас в стране не оцененного С.И. Гессена, скончавшегося в эмиграции в 1950 г. В 1923 г. им было опубликовано исследование «Основы педагогики», переизданное в нашей стране только в 1995 г., в котором доказывалось, что место юриспруденции, как и богословия, находится в группе наук «гетерономных». И действительно, как и богословие, юриспруденция имеет дело главным образом со специально созданными людьми текстами – будь то судебные решения, писаные конституции, кодексы, декларации или законы, указы, положения и т. п. Как и богословы, юристы трепетно относятся к своим текстам, считают их священными и яростно изобличают аналогичные, но чужие, как еретические. При таком понимании места юриспруденции среди наук достаточно легко снимаются проблемы, возникающие при ее размежевании, как, скажем, с политологией (прикладная наука), так и с математикой (фундаментальная наука).

Думая о злоключениях юриспруденции в России, невольно замечаешь, что юриспруденция по своему предназначению и по своей принадлежности – это не столько философия, и не только правовое благоразумие, а, скорее всего, если не богословие (как шариат или марксизм-ленинизм), то попросту разновидность техники. При этом мы имеем в виду не проблематику теории права, где «юридическая техника» рассматривается, наряду с «правовым отношением», «юридическим фактом», «системой права», «правомерным поведением», «правонарушением» и т. п. Точно так же, как любое техническое действие, юридическое действие воплощается в собственных артефактах – нормах права, правовых актах, правоотношениях и т. п. Точно так же, как любое техническое знание, юридическое знание представляет собой предписание по созданию правовых артефактов и описание этих артефактов. Точно так же, как любое техническое сознание, юридическое сознание заключается в выявлении места и роли собственных артефактов, деятельности, знания в истории и современности. Бесконечные рассуждения о фундаментальности (чуть ли не математичности[3]) или гуманитарности (чуть ли не философичности) юриспруденции до сих пор не смогли опровергнуть сказанное. Стоит ли удивляться, что на уровне обыденного претерпевания наш соотечественник воспринимает юриспруденцию как бездушную машину? Не менее показательно, что юриспруденция всегда воплощена в персональном мастерстве. О русской юриспруденции как правотворчестве мы судили и будем судить по законодательной деятельности глав государства, их помощников, депутатов, партий; как правоприменении – по деятельности государственных лидеров, должностных лиц, милиционеров или полицейских, нотариусов; как правосудии – по деятельности судей, прокуроров, адвокатов; как правосознании – по деятельности ученых, идеологов, философов. Юрист по профессии, по роду занятий – это практик, а не теоретик. Вся его ученость – практическое мастерство. Примечательно, что сначала юристами были священники. Это особенно заметно в нашей стране, потому что юриспруденция в московском царстве появилась в форме христианского православия, а дьяком здесь называют священника. Затем дьяком стали называть приказного человека, служилого юриста, т. е. представителя юридического сословия. Наконец, в Российской империи – дьяк снова становится священником, никак не связанным с юридическим поприщем.

Некоторые специалисты по истории государства и права России утверждают, что до судебной реформы 1864 г. наша страна не знала независимого судопроизводства. Юстиция в течение многих веков была ответвлением административной системы и поэтому основной ее заботой было проведение в жизнь воли государства и охрана его интересов. В подзаголовке одной из работ по истории государственной службы России читаем – «нравственные ценности и профессиональный этикет» [12]. Судя по содержанию книги, подзаголовок нужно поменять, потому что показаны в ней изначальная и поголовная безнравственность госслужащих, а их профессиональный этикет заключается в мастерстве приспособления к конкретно-историческим состояниям этой безнравственности. Если считать, что по русской юриспруденции основная функция законов страны заключается не столько в нацеленности на отправление правосудия, сколько на поддержание порядка, то понятен русский анархизм.

[3] В 1996 г. В.С. Нерсесянц (1938–2005) опубликовал работу под названием «Право – математика свободы», что, как ни забавно, не помешало ему пропагандировать собственный рецепт спасения человечества под лозунгами «либертарно-юридической теории» на пути «постсоциалистического цивилизма и цивилитарного права».

«Консервативным христианским анархистом» считал себя П.А. Сорокин [13]. В нашей стране и в правотворчестве, и в правоприменении, и в правосудии, и в правосознании, т. е. юриспруденции в целом, изначальна и значима лишь ключевая роль главы государства. Глава государства до сих пор – и закон, и суд, и правление, и мысль. Юристы и есть те люди, которые сначала только помогают главе государства, и как бы скрыты его тенью, затем – они все больше на виду и действуют по своему разумению, только прикрываясь его именем. Смириться с этим трудно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреевский, С.А.* Избранные труды и речи / С.А. Андреевский. – Тула, 2000.

2. *Бабичев, Н.Т.* Словарь латинских крылатых слов / Н.Т. Бабичев, Я.М. Боровский. – М., 1982.

3. Библия. Евангелие от Матфея. 7:2.

4. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. / В.И. Даль. – СПб., 1996.

5. Дигесты Юстиниана // Памятники римского права. – М.,1997.

6. *Достоевский, Ф.М.* Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. – Полн. собр. соч. В 30 т. – Т. 14. – Л.,1976.

7. *Достоевский, Ф.М.* Дневник писателя. 1873 // Достоевский Ф.М. – Полн. собр. соч. В 30 т. – Т. 21. – Л.,1980.

8. *Левченко, В.М.* История государственной службы России / В.М. Левченко и др. – Иркутск, 2000.

9. *Секст Эмпирик*. Против риторов // Секст Эмпирик. Соч. в 2 т. – Т.2. – М.,1976.

10. *Секст Эмпирик*. Против ученых // Секст Эмпирик. Соч. в 2 т. – Т.I. – М., 1976.

11. *Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Том II / А. Смит. – М.-Л.,1935.

12. *Сорокин, П.А.* Долгий путь / П.А. Сорокин. – Сыктывкар, 1991.

13. *Цицерон*. В защиту Луция Лициния Мурены // Цицерон. – Речи. В 2 т. Т. 1. – М., 1993.

ОТВЕТ ПЕССИМИСТУ

М.А. Ковальчук

Ковальчук Михаил Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Теория и история государства и права» ДВГУПС (г. Хабаровск).

Анализ истории отечественной юриспруденции не дает нам оснований ни для ее идеализации, ни для пессимизма. Такой анализ просто необходим, так как история права – неисчерпаемый кладезь опыта, актуализировать который задача отечественных ученых. В этой работе могли бы принять активное участие не только ученые историки и теоретики права, а также юристы, специализирующиеся в отдельных отраслях права (криминалисты, цивилисты и т. д.), но и философы права. При этом следует избегать поверхностных, небрежных и безответственных высказываний и суждений.

Первое впечатление от статьи А.П. Герасименко – крайнее недоумение. В самом деле, как можно истолковать следующее предложение. Цитирую: «…В Южном полушарии сохранились независимые от европейцев азиатские народы, из которых конфуцианцы и индусы создали свои государства одновременно с римлянами и в отдалении от них, мусульмане – раньше христиан, пытаясь на римский манер подчинить своему влиянию соседей». Удивительно, но азиатские народы живут в Азии, а азиатский континент не может быть в Южном полушарии. Полагаю, что автор допустил небрежность. С кем не бывает! Но почему конфуцианцы и мусульмане это народы? Ведь это – религии. Причем последняя – мировая религия. Вероятно, под мусульманами автор имеет в виду арабов, а под конфуцианцами – китайцев. Но тогда так и надо писать. У меня большое сомнение, что христианские государства возникли позже Арабского халифата. Разве император Восточной Римской империи Константин не принял христианство и не оказывал покровительство христианам, а возникшее на обломках Римской империи Византия, империя «ромеев», не была христианским государством? Ведь и то, и другое события произошли раньше, чем появилось мусульманство.

И цитируемое предложение не единственная «жемчужина» в тексте статьи А.П. Герасименко. В одних случаях, налицо элементарная небрежность (доктор философских наук посчитал ниже своего достоинства лишний раз заглянуть в словарь, освежить свои знания и эрудицию), в других – просматривается определенная позиция автора, с которой порой трудно согласиться. Но оба обстоятельства побудили меня взяться за перо (точнее сесть за клавиатуру компьютера) и дать свой ответ. Иначе, опубликовав эту статью, я как член редколлегии журнала, отвечающего за выпуск данного номера, фактически выражу «молчаливое согласие» и с отношением автора к научным публикациям, и с его позицией.

Вот еще один фрагмент из статьи А.П. Герасименко, который не может не вызвать удивления. «Европейское государство в нашей стране прошло этап зарождения в виде Московского царства XV–XVII вв., этап становления и зрелости в форме Российской империи, включая советский период в XVIII–XX вв., и в XXI в., разделяя общеевропейские судьбы, вступило в этап преобразований в форме Российской Федерации». Со времен перестройки наш доморощенный либеральный «истеблишмент» внушает неразумным соотечественникам, что мы жили в империи. Их не смущало и не смущает то обстоятельство, что уровень жизни у «покоренных народов» был выше, чем у «покорителей». Особенно большая разница в благосостоянии чувствовалась между жителями Нечерноземья и Прибалтики, россиянами и украинцами. А благодатный Кавказ? А залитая солнцем Средняя Азия? Ах, как они страдали! Все «страдали», и до сих пор страдают, приезжая на заработки к нам в Россию. Прежде мы такое число выходцев из Кавказа и Средней Азии и в глаза не видели. СССР, как известно, было союзным государством, и уровень самостоятельности республик был не ниже, а выше, чем сейчас у субъектов Российской Федерации. В советской истории были периоды, когда республики формировали свои национальные воинские части, а Украина и Белоруссия имели свои Министерства иностранных дел и своих дипломатических представителей в ООН. Теперь нам говорят, что мы пошли по общеевропейскому пути, создав Российскую Федерацию. Но ведь РФ осталась многонациональным государством, а значит, по «общеевропейской» логике остается империей. Ведь именно в Европе восторжествовал принцип «одна нация – одно государство». Для нас, россиян – это равносильно катастрофе. Может быть, татары приобретут независимость, но русские, живущие в Татарстане вот уже более 500 лет, останутся свободными от той земли, на которой они жили веками. Но и те и другие приобретут разруху и нищету в своем доме, как это случилось после развала СССР. Печально, но ведь торжество идеи превыше всего.

Ладно, о печальном. Есть в тексте статьи более странные вещи. Почему вдруг история российского государства начинается с Московской Руси? Может быть, я зря начинаю со студентами изучение курса «Истории отечественного государства и права» со штудирования «Русской правды» и возникновения Киевской Руси? Печатая эти строки, еще раз подошел к книжной полке, взял современные учебники по истории государства и права и убедился: я на правильном пути. Почему, вопреки общепринятой точке зрения, Герасименко думает подругому, я не понимаю? Он не пожелал объяснить. Как в той песне: «…догадайся, мол, сама».

А вот еще более «темный» и не понятный непосвященному фрагмент. «…Юриспруденция, как и религия, появилась вместе с первыми людьми 40 тыс. лет назад». Позвольте, скажет «непосвященный», что означает «первый человек»? Ведь всем известно, что нижняя хронологическая граница появления человечества – это 800 тыс. – 1 млн. лет. Есть сторонники уйти еще дальше – до 2 млн. лет. Что имеет в виду автор, когда говорит о «первом человеке»? Да и время появления первых религиозных представлений тоже требует уточнения. Но если этот факт можно подтвердить как-то объективно, через сохранившиеся остатки древних жертвоприношений, следы погребальных обрядов и т. п., то о появлении юриспруденции в древности нет и не может быть никаких свидетельств, кроме догадок или предположений. В частности, предположим, что человек не может существовать без общественных норм поведения, а они тождественны праву. Но тогда размываются границы между моралью и правом, что допустить, строго говоря, ни в коем случае нельзя.

Вообще автор склонен к эпатажу. «Только ходячей можно назвать распространившуюся с советских времен классификацию наук, согласно которой они делятся на естественные, общественные, технические. Отнесение юриспруденции к общественным наукам вызывало массу вопросов». О том, что автор стремится, так или иначе, «лягнуть» советское прошлое следует остановиться особо. Но, прежде всего, интересно: у кого это вызывало вопросы? Ну не хочет об этом Герасименко писать, ну хоть сослался бы на кого-нибудь. Ссылок нет. Сам он предлагает разделить науки на прикладные и теоретические, отнеся юриспруденцию к прикладным наукам. И тут же сам себя опровергает, совершенно справедливо, на наш взгляд, заметив, что «…самой практичной оказывается наиболее чистая теория». А дальше автор ведет читателя в «глухие дебри», так как оказывается, что юриспруденция является «попросту разновидностью техники». А все почему? Да потому, что «юридическое действие» воплощается в собственных артефактах, т. е. в нормах права, правовых актах, правоотношениях. Интересно, если кто-нибудь из моих коллег, преподавателей юридических дисциплин, скажет «технарям» о том, что он тоже преподает техническую дисциплину, как они отреагируют? Поймут ли? Думаю, что нет. Хорошо если не засмеют.

Антипатия к советскому прошлому сквозит у автора статьи во всем. Один пример уже процитирован нами. Есть и другой пример, когда автор приравнивает марксизм-ленинизм и шариат к богословию. Но на этом даже не хочется останавливаться, так как совершенно очевидно, что марксизм-ленинизм – это учение, а не богословие, а шариат – судебная система, выработанная в мусульманских странах. И то и другое – и марксизм-ленинизм, и шариат – не тождественны богословию. Они явления разного порядка.

Однако одно место в статье Герасименко вызвало у меня возмущение. Еще раз цитирую: «…Случившаяся затем коммунистическая попытка обновить Европу оказалась не менее отвратительной, чем фашистская, но ее наследие в отечественном юридическом образовании преодолевается медленнее, чем этого требуют общеевропейские перемены». Здесь трудно обойтись без эмоций. Хочется задать автору сразу несколько вопросов. Может быть не *мы* освободили Европу от фашизма, когда вся она должна была работать на счастливый «фатерлянд»? Может быть, после пребывания наших войск в Восточной Европе там остались десятки концлагерей? Может быть напоминанием *о нашем* пребывании там являются газовые камеры? Может быть по улицам Берлина, Праги и Будапешта курсировали *наши* машины-душегубки, в закрытых кузовах которых от выхлопных газов задохнулись сотни тысяч невинных людей? Может быть, 1990-х годах поспешно уходя из Восточной Германии, *наши* войска вместо военных городков с прекрасной инфраструктурой оставили после себя руины разрушенных домов, как оставили нам немцы, вышвырнутые из России, Украины и Беларусии? Да, *мы* вводили танки в Прагу и Будапешт, да, *мы* держали там войска. Но вот *мы* вышли оттуда, и там сразу оказались войска НАТО. Вероятно (они думают, что мы им верим), для того, чтобы противостоять угрозе нападения со стороны Ирана.

Напрасно Герасименко полагает, что в преподавании юриспруденции не происходит никаких перемен или, точнее, они идут медленнее, чем этого хотелось бы. В 1989 г. был издан курс международного права, в котором отечественные юристы-международники обстоятельно и толково обосновывали фундаментальный принцип – право мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Иначе говоря, право строить свое общество сообразно историческим и национальным

традициям, верованиям, менталитету и т. п. Это, в конце концов, право народов на собственный выбор пути развития [2]. Однако уже в учебнике 1995 г. по международному праву об этом принципе не сказано ни слова [3]. Понадобилось всего 6 лет. Не правда ли, быстро? Подстроились. Но если серьезно, то сейчас кому-то не понравится положение с правами человека, где-нибудь в Ливии, завтра – в Сирии, послезавтра – в Иране и так по всей планете.

Есть и другая сторона дела. РФ – правопреемница СССР. На Западе хорошо запомнили и не могут нам простить, что Сталин заставил европейцев сначала воевать между собой, а уж мы после втянулись в войну с Гитлером. Так и «подмывает» представить нас не освободителями от «коричневой чумы», а ответственными за развязывание Второй мировой войны. Раз ответственны, то и расплачивайтесь. Кто-то спросит, за что? Оказывается, есть за что. Советую почитать книгу немецкого автора Г. Беддекера. Очень полезная книга. Сразу после войны в конце 1940-х – начале 1950-х в Западной Германии работала специальная комиссия, которая с присущей немцам педантичностью записала показания немцев о фактах насилия и мародерства советских солдат над мирными немецкими гражданами. При этом автор восхищается поведением мирных граждан, которые до конца помогали германской армии в ее борьбе с советскими войсками [1]. Так какого же отношения они могли требовать к себе, ведь поражение войск вермахта и СС было очевидно всем, в том числе и им – мирным гражданам? Немцы хорошо помнят тот факт, что из 90 тыс. немецких солдат, попавших в плен под Сталинградом, домой в Германию вернулось всего 5 тыс. человек. Но сквозь зубы признают, что сами они уничтожили более 2 миллионов только советских военнопленных [7: с. 131]. Средства массовой информации нам все время повторяют, что немцы покаялись, что они признают факт злодеяний на оккупированных территориях. Покаялись, но для чего они создавали вышеупомянутую комиссию? Для чего они не просто хранят ее материалы, но и публикуют их в печати? Почему именно эти факты насилия, а не помощь тех же советских войск, брошенным на произвол судьбы мирным немцам, муссируются в СМИ? Может быть, нам тоже надо покаяться в том, что мы жили в «империи зла»? Тогда уж нам точно припомнят все, что было и не было, а память у них хорошая. И не просто припомнят, но и заставят платить по долгам и по полной.

В целом статья настраивает на пессимистический лад. Об этом говорит и ее название. Есть приключения, которые, как правило, заканчиваются счастливо, а есть злоключения, которые, вероятно, не имеют счастливого конца. На печальной ноте заканчивается и статья Герасименко. «Глава государства (у нас в России – М.А.) до сих пор – и закон, и суд, и правление, и мысль. Юристы и есть те люди, сначала только помогают главе государства и как бы скрыты его тенью, затем – они все больше на виду и действуют как бы по своему разумению, только прикрываясь его именем. Смириться с этим трудно». Надо полагать это плохо, что глава государства подменяет юристов и законодателей, и что юристы – подменяют его. Но трудно представить, что последнее было когда-либо в истории России. Обычно юристов держали у нас «на коротком поводке».

Автор высказывает, на наш взгляд, правильную мысль о том, что «юриспруденция «…не только правоведение (правосознание), но и правотворчество, правоприменение, правосудие в их совокупности». Он подчеркивает, что «…все юридическое, так или иначе, либо сводится к правосудию, либо выводится из правосудия». В то же время неясно, почему тогда автор, в статье которого более половины объема занимают цитаты из работ иностранных мыслителей, не анализирует англосаксонскую правовую семью, в которой нормы права формируются через судебный прецедент. При рассмотрении «злоключений» отечественной юриспруденции никак не обойтись без цитирования Ф.М. Достоевского, что и делает автор. При этом он лишь вскользь отмечает тот факт, что к началу XX в. наша юриспруденция преодолела отсталость и «мало чем отличалась от немецкой, французской или американской». Действительно уровень развития российской юриспруденции тогда был не ниже европейского, что само по себе может быть только результатом длительного развития, ибо основа любого успеха таится в прошлом. С другой стороны, говоря о русской юриспруденции, следует помнить, что мы имеем дело с национальным правом. Несомненно, в чем-то оно «мало отличалось» от общемирового, в чем-то было специфичным, непохожим.

Того, кто изучает историю русского права не может оставить равнодушным уже первый самый значительный памятник древнерусского права «Русская правда». В рамках этой статьи нет возможности дать развернутый анализ ее норм. Отметим только гуманистическую направленность «Русской правды». Так, сотая статья гласит: «А двор без дела отень всяк меньшому сынови»[1] Принцип «чтоб никто не обижен был» прочно утвердился в русском наследственном праве и попытка Петра I ввести майорат, как известно, не увенчалась успехом. Удивительно, но в XII в. в За-

[1] «Но двор отцовский, оставшийся без хозяина, всегда поступает младшему сыну» [5].

падной Европе в наследственном праве утверждался майорат, т. е. феод наследовал только старший сын, а младшие братья наследника попадали в разряд безземельных. Как «странствующие рыцари», они бродили по просторам Европы, представляя серьезную опасность не только европейцам, но и народам других континентов. Это они были «героями» крестовых походов на Ближний Восток и на славян, включая Древнюю Русь («Drang nach Osten»), конкистадорских завоеваний, уничтоживших уникальные цивилизации Нового Света. Об этих «заслугах» европейской цивилизации тоже не следовало бы забывать.

При анализе истории развития русского права нельзя не отметить Соборное уложение 1649 г. Комиссия по его составлению во главе с Одоевским работала менее года, но это обстоятельство не повлияло на качество правового акта. По объему и самое главное по универсальности правового регулирования – это наиболее значительный правовой акт, которому нет равного во всей феодальной Европе.

В 1830 г. выходит в свет первое Полное собрание законов Российской империи, которое начинается с текста Соборного уложения. Законодатели Московской Руси не только смогли отразить в тексте закона все достижения отечественного права того времени, но и уловили тенденции развития русского общества в сторону перехода к абсолютизму, консолидации сословий и укреплению помещичьего землевладения. Через два года после выхода в свет ПСЗРИ публикуется Свод законов Российской империи. Выработанная М.М. Сперанским юридическая техника сведения всех существующих законов воедино, разработка на их основании норм права и распределение этих норм по отраслям права заслуживает высокой похвалы и отдельного анализа, что и сделано моими коллегами. Но откройте Свод законов Российской империи и в его статьях вы найдете десятки ссылок на Соборное уложение.

Период после крестьянской реформы можно назвать «золотым веком» российской юриспруденции. Реформа вовлекла в гражданский оборот миллионы бывших крепостных крестьян, которые из объектов правоотношений (а их можно было продавать), становятся полноправными их субъектами. Законодатель тогда сознательно признал обычаи, сложившиеся в крестьянской среде в качестве правовых норм, защищаемых государством. Все мелкие повседневные споры между крестьянами стали разрешаться в волостных судах на основе обычного права. С другой стороны, Сенат, который не только истолковывал по-новому нормы того же Свода законов, но и будучи высшей кассационной инстанцией выступил творцом новых норм. Большую роль в защите личных и имущественных прав российских подданных сыграла система коронных судов, в том числе суды присяжных.

После 1864 г., согласно квалификационным требованиям, целый ряд судейских должностей могли занимать только лица, имеющие специальное юридическое образование. В конце XIX в. каждый четвертый студент вуза был юристом. Престиж профессора был столь велик, что первый в России учебник по гражданскому праву Д. Мейера вышел после его смерти и был напечатан со стенограмм лекций, записанных его студентами. В советской историографии К. Победоносцев один из самых реакционнейших государственных деятелей. Однако он же был одним из творцов судебной реформы 1864 г., автором трехтомного курса гражданского права. Исследователи отмечают, что правовые воззрения К. Победоносцева оказали огромнейшее влияние на сенаторов, которые принуждены были законом принимать судебное решения по спорным вопросам, не урегулированным действующим законодательством. В начале XX в. среди русских юристов выделяется Г.Ф. Шершеневич, чьи работы по юриспруденции оказывали большое воздействие на юридическое сообщество. Были звезды и меньшей величины. Их влияние на отечественное право не иссякло и до сих пор.

После революции 1917 г. одни из юристов остались в Советской России, другие – выехали за границу. Так, на юридическом факультете Харбина преподавал Г.К Гинс. Характерен тот факт, что Г. Гинс активно сотрудничал с китайскими юристами, помогая им разрабатывать новое буржуазное китайское законодательство. На мой взгляд, в эмиграции в Харбине сформировалась самостоятельная юридическая школа, творческое наследие которой требует отдельного капитального исследования.

С другой стороны, оставшийся в Советской России приват-доцент А.Г. Гойхбарг был одним из главных разработчиков Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. [4]. Комиссия по разработке первого советского гражданского кодекса, вольно или невольно, опиралась на имевшееся в их распоряжении отечественное научное юридическое наследие.

Советский период развития отечественной юриспруденции не менее поучителен, чем досоветский. Одно время в мировых СМИ активно обсуждался вопрос об эвтаназии. Подключились к обсуждению и отечественные юристы. Но не один из них даже не сказал о том, что Уголовный кодекс 1922 г. фактически вводил у нас эвтаназию[2]. Хо-

[2] «Убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания, не карается». См. примечание к ст. 143 УК РСФСР 1922 г. [6].

рошо было бы проанализировать отечественную практику рассмотрения дел об эвтаназии в советских судах 20-х годов XX в., чтобы делать какие-то выводы, а не рассуждать пространно, опираясь только на свои умозаключения.

Отрадно то, что научные наработки отечественной юриспруденции пользуются спросом и в наше время. Так, книги, публикуемые издательством «Статут» из серии «Классики российской цивилистики», включают работы как досоветских, так и советских ученых-юристов.

В целом, анализ истории отечественной юриспруденции не дает нам оснований ни для ее идеализации, не для пессимизма. Но такой анализ просто необходим, так как в истории права – не исчерпаемый кладезь опыта, актуализировать который задача отечественных ученых. В этой работе могли бы принять активное участие не только ученые историки права, но и юристы, специализирующиеся в отдельных отраслях права (криминалисты, цивилисты и т. д.), философы права.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бедекер, К.* Трагедия Германии, Горе побежденным! Беженцы III Рейха. 1944–1945 гг. / Гюнтер Беддикер; пер. с нем. С.Липатова. – М. : Эксмо, 2009.

2. Курс международного права. В 7 т. Т. 2: Принципы международного права. – М. : Международные отношения, 1989.

3. Международное право: учебник / отв. ред. Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов. – М. : Международные отношения,1995.

4. *Новицкая, Т. Е.* Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. / Т. Е. Новицкая. – М. : ИКД «Зерцало-М», 2002.

5. Русская Правда // История отечественного государства и права. Сб. документов. – Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 2003. – С. 22–73.

6. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Хрестоматия по истории Отечественного государства и права: учеб. пособие. – М. : Изд-во МГУ, 1994.

7. *Харт, С.* Рядовые Вермахта и СС. Немецкие солдаты Второй мировой войны / С. Харт, Р. Харт, М. Хьюз. – М. : Эксмо, 2006. – С.131.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Б.И. ТКАЧЕНКО «ВОСТОЧНАЯ ГРАНИЦА МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ В ДОКУМЕНТАХ И ФАКТАХ»[1]

Л.В. Забровская

Забровская Лариса Вячеславовна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела востоковедения Института истории, археологии и этнографии народов дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).

Вышедшая в свет в мае 2011 г. монография кандидата экономических наук Б.И. Ткаченко, ведущего научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, профессора-консультанта Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского, специалиста в области международных отношений и территориально-пограничных проблем России на Дальнем Востоке с Китаем, Японией и США, – «Восточная граница между Россией и Китаем в документах и фактах» – посвящена исследованию современных российско-китайских межгосударственных отношений по актуальной проблеме территориально-пограничного размежевания двух стран на восточной части границы между ними.

Эта книга Б.И. Ткаченко продолжает цикл авторских аналитических монографий, посвященных исследованию территориально-пограничных проблем России на Дальнем Востоке с сопредельными странами: Китаем, Японией и США. В числе этих монографий: «Проблемы эффективности внешней политики России на Дальнем Востоке» (1996 г.), «Восточная граница между Россией и Китаем в договорах и соглашениях XVII–XX веков» (1998 г.), «Россия – Китай: восточная граница в документах и фактах» (1999 г.), «Проблемы морской экономической границы между Россией и США» (2008 г.), «Курильская проблема: история, право, политика и экономика» (2009 г.) «Россия – Китай: восточная граница в документах и фактах» (на корейском языке) (2010 г.).

Книга в структурном отношении состоит из трех глав, введения, заключения и приложения, содержащего необходимые документы.

В данной работе рассмотрено формирование восточной части государственной границы между Россией и Китаем в историко-правовых документах XVII–XX вв. и проанализированы основные события российско-китайских взаимоотношений по территориально-пограничной проблеме в новейшее время. Особое внимание в ней уделено изучению исторических, международно-правовых, экономических и политических аспектов Соглашения между СССР и КНР о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части 1991 г., а также Дополнительного соглашения между РФ и КНР о российско-китайской границе на ее Восточной части 2004 г. Охарактеризованы действия администрации Приморского края в процессе отстаивания российских земель на Дальнем Востоке.

Данное исследование представляет собой существенно переработанный и дополненный вариант авторской монографии «Россия – Китай: восточная граница в документах и фактах», опубликованной Дальневосточным отделением РАН в 1999 г. На эту работу обратили внимание специалисты в Японии, Китае, США и Республике Корея, использующие ее в своих исследованиях по территориально-пограничным проблемам на Дальнем Востоке. Следует, в частности, отметить специальное дополненное издание этой книги в 2010 г. на корейском языке в одном из научных издательств Республики Корея – Фонде истории Северо-Восточной Азии («Northeast Asian History Foundation»).

За прошедшие 11 лет на российско-китайской государственной границе произошли важные изменения, связанные с заключением в 2004 г. Дополнительного соглашения между РФ и КНР о российско-китайской границе на ее Восточной части и последующей передачей в 2008 г. Китаю территории российских островов в районе Хабаровска. В этой связи изданная в 1999 г. монография Б.И. Ткаченко дополнена обновленной главой «Изменение государственной границы между Россией и Китаем в районе Хабаровска», в которой сделан комплексный анализ проблем, возникших в связи с заключением указанного Дополнительного соглашения 2004 г. Переработке подверглись и некоторые другие разделы монографии.

[1] Ткаченко Б.И. Восточная граница между Россией и Китаем в документах и фактах / Б.И. Ткаченко. – Владивосток: Изд-во Морского гос. ун-та, 2010. – 364 с.

Проведенный автором историко-правовой и физико-географический анализ территориальной «проблемы» между Россией и Китаем в районе города Хабаровска доказал необоснованность территориальных претензий Китая и передачи Китаю российских островов в районе Хабаровска.

В ходе проведенного исследования Б. И. Ткаченко доказал, что договоры и соглашения между Россией и Китаем XIX–XX веков (Айгуньский договор и Тяньцзиньский трактат 1858 г., Пекинский дополнительный договор 1860 г., Ханкайский протокол 1861 г., Санкт-Петербургский договор 1881 г., Новокиевские протоколы и Хабаровский протокол 1886 г., Цицикарский договорный акт 1911 г.), которые регулировали в этот период взаимоотношения России с Китаем по территориально-пограничным проблемам на восточной части границы, достаточно полно описали восточный участок российско-китайской границы и являются юридически полноценными договорными документами, которые исчерпывающе для своего времени обозначали государственную границу между Россией и Китаем на ее Восточной части, не допуская ее неоднозначной трактовки, обеспечив тем самым в правовом отношении формирование восточной части государственной границы между Россией и Китаем (с. 24–46).

Автор показал, что проблема «уточнения границы» между СССР и КНР своими истоками во многом восходит к волюнтаристскому решению лично Н.С. Хрущева (с. 50–52) и последующему ошибочному решению политического руководства СССР периода М.С. Горбачева о передаче Китаю части островов на пограничных реках в соответствии с «принципом главного фарватера» (с. 53–55).

В период «перестройки» в СССР, а также в 1990-е гг. в России, ставшей самостоятельным субъектом международных отношений, проводился новый курс во внешней политике. Автор считает, что это был курс направленный на решение двухсторонних международных проблем преимущественно за счет необоснованных уступок в сфере экономических, военных и геополитических национальных интересов СССР и России. На дальневосточном направлении внешней политики это относится к взаимной увязке вопроса о нормализации двусторонних советско/российско-китайских отношений с решением вопроса о принадлежности ряда островов на пограничных реках и отдельных сухопутных участков на границе в Приморском крае, чтобы таким образом достичь полной нормализации двусторонних отношений.

Б.И. Ткаченко дал исчерпывающий анализ основных положений Соглашения между СССР и КНР о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части 1991 г. и Дополнительное соглашение между РФ и КНР о российско-китайской границе на ее Восточной части 2004 г. на всем протяжении границы с Запада на Восток: в Читинской области по реке Аргунь, в Амурской области и Еврейской автономной области по реке Амур, в районе Хабаровска по реке Амур (протоке Казакевичева), в Хабаровском и Приморском краях на реках Уссури и Сунгача, в Ханкайском, Уссурийском и Хасанском районах Приморского края и в низовьях реки Туманган, детально показав изменения на восточной части государственной границы между Россией и Китаем и доказав, что при подписании Соглашений 1991 и 2004 годов под видом демаркации границы фактически была проведена ее корректировка и новая делимитация с последующей предстоящей передачей части российской территории сопредельному государству – Китаю (с. 61–214).

Проведенное исследование доказывает, что китайская дипломатия в ходе переговоров по пограничным вопросам 1964–2004 гг. с СССР и Российской Федерацией навязала советской и российской дипломатии свою линию на переговорах и достигла дипломатического успеха, выразившегося в существенном приращении своей территории за счет территории Российской Федерации, в том числе в стратегически важном районе вблизи Хабаровска (с. 86–122). Автор считает, что в результате активной наступательной политики по надуманному и несуществующему территориальному вопросу, дипломатической дискуссии, навязанной китайской стороной Советскому Союзу в 1960-х гг. и в период «перестройки», а также современной России и последующего подписания Соглашений 1991 и 2004 гг. Китай ничего не потерял и не уступил, но добился передачи (уступки) ему вполне реальных более тысячи квадратных километров территории, не принадлежавшей ему по русско-китайским договорам второй половины XIX – начала XX в., а находившихся под юрисдикцией России (с. 226–228).

Все вышесказанное свидетельствует о том, что сорокалетние переговоры между СССР/Россией и КНР (1964–2004 гг.) по достижению соглашения об уточнении советско/российско-китайской границы путем передачи Китаю части территории СССР/России на Дальнем Востоке были неблагоприятны для советской/российской стороны. Для Китая целью переговоров с СССР/Россией явилось не окончательное решение пограничных вопросов, а частичное удовлетворение его территориальных претензий.

В монографии доказано, что частичная ревизия территориально-пограничных договоров XIX–XX вв. между Россией и Китаем, в результате которой в соответствии с Соглашениями 1991 и 2004 гг. Китаю были переданы территории России

на островах по пограничным рекам Аргуни, Амуру и Уссури и на сухопутных участках в Приморском крае, несостоятельна либо сомнительна в международно-правовом отношении и в части его ратификации со стороны конституционных норм российского внутреннего законодательства.

Б.И. Ткаченко доказал, что в процессе ратификации Соглашения 1991 г. были нарушены нормы внутреннего законодательства особо важного значения – Конституции РСФСР 1978 г. с последующими изменениями и дополнениями, поскольку рассмотрение вопросов об изменении государственной границы СССР в случаях, влекущих изменение территории РСФСР, было отнесено к исключительной компетенции Съезда народных депутатов РСФСР, а не Верховного Совета РСФСР. Кроме того, в процессе ратификации Соглашений 1991 и 2004 гг. предварительно не было получено согласия граждан Российской Федерации на референдуме на изменение (уменьшение) ее территории. Следовательно, эти ратификации являются юридически ничтожными, что с международно-правовой точки зрения (ст. 46 Венской конвенции о праве международных договоров) является основанием признания этих ратификаций недействительными для Российской Федерации (с. 232–242).

Кроме того, автор указывает на тот факт, что Соглашения 1991 и 2004 гг. не вполне отвечают национальным интересам России, характеризуя внутреннюю слабость отечественной дипломатии при подготовке их текстов к подписанию и при практической реализации этих Соглашений. При подготовке Соглашений 1991 и 2004 годов о советско-китайской и российско-китайской границе необходимо было учитывать важные проблемы прямого экономического ущерба и упущенной выгоды, возникающие в результате уступки российской территории Китаю, правовую основу изменения государственной границы России, интересы жителей Приморского и Хабаровского краев, Еврейской автономной области, Амурской и Читинской областей (с. 242–245). На документальной основе в работе показано, что отказ Российской Федерации от сотен островов на пограничных реках, закамуфлированный работниками МИД РФ под раздел якобы «ничейных территорий», породил в приграничных с КНР краях и областях России внутренние проблемы, связанные с ухудшением морально-психологической обстановки в российском обществе, национальным унижением россиян-дальневосточников.

Наряду с этим, в монографии раскрыто содержание политической борьбы на региональном уровне при реализации Соглашения между СССР и КНР о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части 1991 г., указывается роль Администрации Приморского края в отстаивании территориальной целостности Российской Федерации в процессе демаркации российско-китайской границы в Приморском крае (с. 258–309).

В ходе исследования было доказано, что по пограничным вопросам с Китаем в СССР была допущена концептуальная ошибка в части территориальных уступок Китаю, связанная с волюнтаризмом и субъективизмом в проведении внешней политики советским руководством в период Н.С. Хрущева. В период «перестройки» М.С. Горбачева в основу механизма принятия важных государственных решений в сфере внешней политики была положена ориентация не на эффективное решение проблем международных отношений в интересах народа и государства, а на обеспечение реализации провозглашенной М.С. Горбачевым в качестве государственной идеологической доктрины «нового политического мышления», т. е. целенаправленное подчинение интересов СССР как государства интересам политической идеологии, реализовывавшейся во внешней политике группой М.С. Горбачева.

Характерно, что китайская сторона на переговорах отстаивала государственные интересы Китая, что логично и естественно вытекает из деидеологизированной внешней политики этого государства, т. е. китайцы на переговорах по пограничным вопросам вели себя как нормальные партнеры. Следовательно, советские (и российские) участники переговорного процесса во взаимоотношениях с китайской стороной должны были отстаивать интересы собственного государства, используя в процессе переговоров юридические слабости в позиции партнеров. Отсутствие политической воли, способности гибко и творчески решать возникающие вопросы в государственных интересах, стремление достичь соглашения ценой уступок воспринимается зарубежными партнерами на международных переговорах как слабость и непрофессионализм.

Заключение Соглашений 1991 и 2004 г. между СССР/Россией и Китаем путем территориальных уступок в связи с решением так называемой проблемы «уточнения границы» не отвечало долгосрочным национальным интересам России. Оно содержит очевидные территориальные, экономические и геополитические ущербы для интересов России как в настоящее время, так и в будущем. Согласие политического руководства СССР, а затем и Российской Федерации на передачу Китаю части островов на пограничных реках Аргунь, Амур, Уссури и Сунгача противоречило интересам национальной безопасности России как в 1964 г., так и в последующие годы. Отказ Российской Федерации от части островов на пограничных реках обозначил ослабление экономического, военного и

политического потенциала России в современном мире и может обострить международные проблемы, связанные с надеждами определенных политических сил в некоторых сопредельных странах на пересмотр и «справедливое уточнение границ».

Как показано в монографии, реальное разрешение проблемы островов в районе Хабаровска и в верховьях реки Аргунь в 2004 г., которые были отданы Китаю, наносит геополитический ущерб интересам России. Потенциальные опасности заключаются в невысказываемых пока явно, но сохраняющихся претензиях Китая на обширные российские регионы Дальнего Востока.

Б.И. Ткаченко указывает, что угрозы национальной безопасности и интересам Российской Федерации в связи с территориально-пограничной проблемой с Китаем обусловлены следующими обстоятельствами. В первую очередь, речь идет о реально существующей в настоящее время экономической экспансии Китая в приграничной сфере. Во вторую очередь, предупреждает автор, речь идет о претензиях Китая в отдаленной перспективе на территориальную экспансию в направлении приграничных с ним краев и областей Дальнего Востока Российской Федерации и его претензиях на богатейшие ресурсы суши этого региона путем осуществления Китаем политики государственно-дипломатического нажима.

Автор рекомендует для формирования отношений Российского государства по «территориально-пограничной проблеме» между Россией и Китаем исходить из того, что территориальный вопрос был решен на законной основе по итогам предшествующего исторического развития во второй половине XIX – начале XX вв. и закреплен соответствующими международными договорами и соглашениями, которые соответствуют нормам международного права.

В интересах обеспечения национальной безопасности и территориальной целостности России автор предлагает дополнить Конституцию Российской Федерации положением о неотторжимости территории Российской Федерации, недопустимости изъятия территории субъекта Федерации без согласия этого субъекта. Ст. 4 Конституции РФ в этом отношении носит в известной мере декларативный, а не нормативный характер («Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории»). В ранее действовавшей Конституции Российской Федерации 1978 г. это положение было зафиксировано четко и однозначно: «Территория Российской Федерации целостна и неотчуждаема» (ст. 70), «Территории края, области не могут быть изменены без их согласия» (ст. 84).

Автор считает разумным и отвечающим интересам Российской Федерации предусмотреть необходимые правовые и организационные меры в сфере обеспечения государственной целостности по недопущению в Российской Федерации пропаганды и практических действий, направленных на нарушение территориальной целостности России любыми должностными лицами, государственными органами, политическими партиями, общественными и религиозными организациями, отдельными гражданами.

В приложении монографии публикуются тексты анализируемых соглашений и других документов по территориально-пограничному размежеванию между Россией и Китаем (с. 333–360).

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что материалы, полученные в рамках его выполнения, могут быть использованы специалистами для более обоснованной аналитической проработки региональных проблем Дальнего Востока и стран Северо-Восточной Азии в сфере международных отношений при принятии решений в области внешнеполитической деятельности и в дипломатической практике применительно к решению территориально-пограничных проблем между странами этого региона.

Монография Б.И. Ткаченко представляет собой исследование, основанное исключительно на документах и авторитетных документальных источниках. Оно представляет интерес для историков, правоведов, политологов-международников, научных и практических работников, интересующихся проблемами российско-китайских отношений, истории и политики стран Северо-Восточной Азии в части изучения стратегии и тактики этих стран в отношении территориально-пограничных проблем.

Книга адресована специалистам и практикам в области внешней политики и международных отношений на Дальнем Востоке. Она заинтересует также преподавателей, аспирантов и студентов, интересующихся этими проблемами, и найдет своего читателя.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.

2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.

3. Рассмотрение работ аспирантов и соискателей кандидатской степени осуществляется только при наличии отзыва научного руководителя и рекомендации кафедры по месту их обучения.

4. Для аспирантов и соискателей публикация статей бесплатно

5.Статьи должны быть в объёме от 0,5 до 1 п. л. (20 000 – 40 000 знаков). В них может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем.

6. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.

6.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. Принимаются дискеты размером 3,5» и два экземпляра распечатки текстового оригинала (файлов), имеющегося на дискете. Если дискет две и более, необходимо указать их номера и размещение файла на дискетах (папки). На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.

6.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в следующем порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются.

6.3. Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку. Библиографическое описание источника в списке литературы (фамилии и инициалы авторов печатаются курсивом) составляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ 7.1–2003. Шрифт и межстрочный интервал те же, что и в статье.

6.4. Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое 1 см; размер бумаги – А4 (210×297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.

6.5. Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

7. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.

8. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.

9. К статье прилагается расширенная аннотация (1500–2000 знаков), ключевые слова (не более 15), а также профессиональный перевод аннотации, ключевых слов и названия статьи на английский язык.

10. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 262. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 300 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

Извещение **Кассир**	Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) **БИК** 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП) подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2013 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.
Квитанция **Кассир**	Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) **БИК** 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП) подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2013 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.

MODERN PROBLEMS OF THE THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW (in commemoration of the 180th anniversary of the Code of Laws of the Russian Empire)

This paper by G.C. Guins, devoted to the 100th anniversary of the Code of Laws of the Russian Empire, was published in "*Dni Russkoi Kultury*" ("Days of Russian Culture") of the 1935 annual journal of the Russian immigration to China. The paper presents the author's text without any alternations but in the present-day orthography according to the 1918 reform of Russian orthography conducted in the Soviet Russia. This published work characterizes the attitude of the Russian emigrants towards the Code of Laws of the Russian Empire personified by one of its most prominent representatives.

This published work and commentaries were prepared by
Doctor of Science (History) M.A. Koval'chuk

THE CODE OF LAWS

G.C. Guins

This paper is devoted to the centenary of the enactment of the Code of Laws of the Russian Empire. It was published in Harbin (China). The author provides analysis of the role of this monument of law in the development of Russian legislation. The author is sure the Code of Laws will be needed for a new Russia free of the Bolsheviks.

STATUS OF THE EMPEROR DURING THE EPOCH OF THE "PALACE RESHUFFLE" (MIDDLE 18TH CENTURY)

T.E. Novitzkaya

Novitzkaya, Tatiana Evgenievna – Doctor of Science (Law), Professor of the Department of History of State and Law of the Law Faculty of the M.V. Lomonosov Moscow State University; Laureate of the State Prize of the Russian Federation in the sphere of Science and Technology.

E-mail: tnov2001@mail.ru

This paper considers the issues of succession to the throne; attempts to restrict the power of the monarch; the rights of the sovereign in the sphere of legislation, governance and court; and the significance of coronation. Accession to the throne in accordance with the tradition which had been established in the middle of the 16th century was accompanied by crowning to reign. Crowning to reign as a ceremony aimed at showing the divinity of the Tsar's power was substituted by the coronation in the 18th century. This was initiated by Peter I (the Great), when the titles of Father of the Fatherland, Emperor, and the Great were conferred upon him in accordance with the petition of the Senate and Synod. The procedure of coronation, though it took place in the Trinity Cathedral, was of a purely secular character and was not accompanied by consecration to office. However this was not necessary as the Tsar had already been consecrated to office when he accessed to the throne. Nevertheless, later on, the procedures of the coronation of subsequent monarchs retained the Church ceremonies, anointing in particular. The author agrees with the opinion that the introduction of the title of Emperor made changes in both the state symbols and the subsequent procedure of coronation of Peter's I wife, Catherine. The most important changes occurred on the level of ideology. Peter's acceptance of the Emperor's title and the subsequent coronation of Catherine resulted in the situation that Russia agreed with the European view of the former Tsar-Cesar's title as equal to the title of King, which was in Russia considered to be of lower rank. This infringed the national interests of the Russian side and devalued the idea of the Byzantine succession which was of no significance in the West. In addition to that, the acceptance of the Senate and Synod's proposal to change the title code of the monarch agreed with the social contract theory that had spread in Western Europe. This, to a certain degree, belittled the idea of the divine origin of the Russian autocracy rooted in the Eastern Rome Empire.

Key words: Russia, the 18th century, legislation, succession to the throne, heritage, coronation.

PROBLEMS OF RELATIONSHIPS BETWEEN THE RUSSIAN STATE AND THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH: HISTORICAL-LEGAL ASPECT (1917–1941)

A.S. Smykalin

Smykalin, Aleksandr Sergeevich – Doctor of Science (Law), Professor, Head of the Department "History of State and Law" at the Ural State Law Academy (Yekaterinburg).

E-mail: sea003@usla.ru

The paper is devoted to the topical problems of the relationships between the Russian Orthodox Church (ROC) and the Russian state in chronological development from the Decree of January 23, 1918 "On Separation of the Church from the State and the nationalization (confiscation) of the Church property", to the beginning of the Great Patriotic war. The author sequentially considers the stages of ideological confrontation between the Church and the Communist State. The author notes that the attitude of the church towards the new Soviet power transformed from loyal to hostile and during the Civil war they acted on the side of the White Guard. The attitude of the Bolsheviks towards the Church was initially hostile. After the Civil war, during the New Economic Policy the relationships of the state and the church in the main did not change. The Church was not given the status of legal entity. It was the security authorities who inspired the renovationist movement that actually resulted in the split of the ROC within the country. At the turn of the 1920s – 1930s the USSR closed churches in large numbers. The Constitution of the USSR of 1936 formally provided for church people with nonbelievers but, in fact, the Constitution restricted the freedom of religious propaganda and activities to the minimum. The Commission for the cult issues under the Presidium of TzIK (Central Electoral Committee) was abolished which meant liquidating the very possibility for contacts between the church and the government. The Supreme Council of the USSR, a new higher organ of power that was being formed at that time had no room for the Commission for the Cult issues. The mentioned circumstances were the major reason for the situation that there was scarcely any church life before the Great Patriotic war. It was only the union of the Western Ukraine, Western Belorussia and Baltic republics that led to the reappearance of monasteries in the territory of the country, which had been closed in the USSR by administrative means.

Key words: Church, state, legal entity, stages of development, problems of previous periods and present.

JEWISH LAW

I.Y. Kozlikhin

Kozlikhin, Igor' Yurievich – Doctor of Science (Law), Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation.

The paper shows the specific features of the Jewish law as the law that had formed in Jewish communities as a result of judicial interpretation of the Torah and provides analysis of the principles of legal proceedings and the scope of judicial judgment. Jewish law is interpreted as the most significant element of Jewish national culture. On the one hand, Jewish law (Mosaic Law) belongs to an Eastern type of culture, and on the other hand it belongs to a European type. Religiousness is characteristic of the eastern type of culture therefore moral requirements become obligatory for all as well as the legal norm because they have the same source – God. The major difference of Mosaic Law from the oriental systems is that Mosaic Law in its essence is an expression of free union between God and people. People found defense of their interests in their communities. Communities provided their members with their rights and freedoms, had no class differences and supported economic equality. The court of law created by Moses is a standard model for all times. European civilization formed these values independently although not without the influence of Judaism. Owing to Jesus Christ major achievements of Judaism became a universal heritage, first and foremost, being the idea of self-value of each separate individual personality. It was that personality that later became perceived as the subject of law. Thus, Jewish Law is the product of centuries-old creative work of the Jewish people in the persons of Torah sages. If we take into consideration the preservation of fundamental cultural principles, the present day should certainly feed from this source. Jewish law and Jewish legal culture have gradually or immediately impacted the common legal values of all humankind.

Key words: law, Jewish law, Torah, Talmud, halacha/halakah, mammon, court of law, legal proceedings.

THE CODE OF LAWS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE STATE-LEGAL DEVELOPMENT OF RUSSIA (1820–1850)

S.V. Kodan

Kodan, Sergey Vladimirovich – Doctor of Science (Law), Professor, Lawyer Emeritus of the Russian Federation, Professor of the Department of the Theory of State and Law at the Ural State Law Academy (Yekaterinburg).

The paper provides analysis of the place and the role of formation of the Code of Laws of the Russian Empire in the policy and practices of the Russian state. The author shows the place and the role of M.M. Speransky in the process of preparing the concept of complex systematization of the Russian legislation, determination of the place of the Code in it, and establishment of the rules for compiling and organizing works for promoting the orderliness of statutes. He also describes the course of the systematization works, the structure of the Code, the order of its promulgation, and its enactment and reissue. The Code of Laws as an act of systematization is characterized by the following features: it was an official publication of the ordered current national (imperial) legislation with heightened official status (it was authorized by the Emperor) and acted as the main source of positive law; it was formed on the basis of preliminary multilevel processing of the legislation – a combination of two types of systematization - consolidation and incorporation; it officially established the system of legislation, and served as a legal classification which allowed prompt search for the normative-legal material currently in force. The paper states that publication of the Code of Laws was a significant breakthrough in the legal development of Russia. It created conditions for further improvement of the legal regulation of relations and an opportunity for its further adjustment in the Russian Empire. The Code of Laws improved the level of legality in the activities of governmental bodies and legislative practices and underlay the study of Russian law in the legal educational institutions. The Code also significantly impacted the development and formation of Russian legal science and education. Systematization activities resulted in the area of legal technique dealing with promoting orderliness of the legislation. Domestic experience of the development of legislative technique can also be employed in the formation of the Code of Laws of the Russian Federation.

Key words: history of state and law, legislative policy, legislative activities, system of law, systematization of law, code of laws, legal technique.

LEGAL STATUS OF THE RAILWAYS OF THE RUSSIAN EMPIRE (19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURY)

M.A. Koval'chuk

Koval'chuk, Mikhail Aleksandrovich – Doctor of Science (History), Professor of the Department "Theory and History of State and Law" at the Far East State Transportation University (Khabarovsk).

Physical persons and legal entities are considered subjects of legal relationships concerning ownership in present day law. In Russia, before 1917, legal entities of two kinds were the major subjects of legal relationships within the railway industry: government railways and private railway companies. Present day legal science understands the objects of civil legal relationships by what they are directed to or as the purpose of their existence. The law recognized the special character of property belonging to both public railways and private railway companies. The Code of Laws of the Russian Empire referred to railways as real and common estate (without mentioning the ownership). Joint-stock companies which owned railways on the basis of long-term usage (78-85 years), acted as the major organizational forms of private legal entities. They owned the railways as special objects of legal property relationships which had the status of indivisible and immovable things. Railway enterprise implies the whole range of property belonging to the railway, aimed at transportation of freight and passengers. Any other property which is not intended for the purposes of the railway as a transport enterprise is not included in the railway enterprise. Under bankruptcy proceedings, a railway enterprise was singled out as a special property complex. Only after that could it be sold up. The concept "enterprise" when applied to railways was used then in the meaning "property complex, used for entrepreneurial activities" as the present day civil law interprets it. Modern reform of the railway industry in Russia has led to the rupture of the domestic organizational-legal tradition that had been previously established.

Key words: legal entities, treasury, joint-stock company, objects of legal relationships, real estate, property, ownership.

EDUCATIONAL-SCIENTIFIC SPHERE OF THE RUSSIAN EMPIRE: IDEOLOGY, ADMINISTRATION, LEGAL REGULATION

N.N. Zipunnikova

Zipunnikova, Natalia Nikolaevna – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of State and Law at the Urals State Law Academy (Yekaterinburg).

E-mail: Zipunnikowa@yandex.ru

The paper presents a historical-legal analysis of ideology, administration and legislation in education and science. The author emphasizes the special (”strengthening”) role of the state in education and science. General ideological concepts of interaction between authority and public structures (“the common good”, “collaboration”) were introduced into the sphere of education and science. The triad “autocracy – orthodoxy – national spirit”, the idea of “true enlightenment” and others matured in the depths of the Ministry of National Education (MNE), were translated to the society in general. The author considers the thesis of the statehood of the national ideology to be fair: it is the state which formulates the propositions of ideology through the realization of them in concrete governmental programs in practice. The history of the administration of education and science is divided into two stages: before the establishment of MNE (pre-ministerial) (18th century) and after its establishment (ministerial) (19th – beginning of the 20th centuries). During the first period legislative enactments of an educational and scientific character were initiated by the supreme bodies of power; during the second period a significant role was played by the acts issued by the MNE and scientific-educational committees of other agencies (military, legal, internal affairs, etc.). When school districts were established in Russia, the educational legislation was supplemented by trustee acts. These aspects of the profound theme “education and science in the Russian Empire” are far from being completely understood by researchers. Study of these aspects has prospects both from positions of “pure science” and of practice. Foreign guidelines in education and science and limits of borrowings are not the themes of recent years. Rich Russian traditions were formed in the process of long-term cross-cultural communication and as the result of active research and the spiritual reflection of contemporary scholars.

Key word: Russian Empire, education, science, ideology, models of management, legislation.

SPECIFIC FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF FOREIGNERS IN RUSSIA IN THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

S.A. Morozov

Morozov, Sergey Aleksandrovich – Post Graduate Student of the Department “Theory and History of State and Law”, Far East State Transportation University (Khabarovsk).

The paper shows the specific features of the legal status of foreigners living in the territory of the Russian Empire in the 19th – beginning of the 20th centuries. The choice of the chronological framework of the research was determined by the fact that reforms of the 1860s led to the expansion of international legal cooperation between the Russian Empire and other countries. It was during this period that the legal status of foreigners in Russia was upgraded. The paper reveals the common features of the legal state of all foreigners in the territory of Russia and emphasizes the basic principles of the control statues for foreigners. The author brings to light sources of law that regulated the position of foreigners in Russia. Foreigners who took civil service in the positions allowed for foreign citizens enjoyed all the advantages of their positions but were not promoted in the ranks. To be promoted in the ranks, the foreigners had to take out Russian citizenship. Foreigners who took governmental service were accepted if they obtained the right to the class rank when graduating from universities or other educational institutions. The author pays special attention to the special status of foreigners in different spheres of entrepreneurial activities and considers the order of hiring foreign workers in mining and other enterprises of the Far East. The list of restrictions for foreigners in the Far East was extended by comparison with other regions of Russia. The author comes to the conclusion that the state of foreigners in the Russian Empire did not differ much from the position of Russian subjects although there existed certain restrictions on being involved in certain types of jobs. The list of restrictions for foreigners in the Russian Far East was extended on the grounds of security.

THE ROLE OF THE GOVERNING SENATE OF THE RUSSIAN EMPIRE AS THE SUPREME JUDICIAL BODY IN THE DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS IN LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY

O.V. Sazankova

Sazankova, Oksana Valerievna – Associate Professor of the Department "Theory and History of Law and State" at the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Justice.

E-mail: oksanasazankova@gmail.com

The paper shows the evolution of the governing Senate of the Russian Empire as the supreme body of the state. As a result of its development the Senate transformed from a body of combined authority into a body with primary judicial functions. The author conducts comparative analysis of the specific features of judicial practices before the reform and the practices that took shape after the judicial reform of the mid 19th century. The paper also considers the foundations for the legislative authorities of the Governing Senate.

The work substantiates the need for supplementation of the laws in force that emerged in the mid 19th – early 20th centuries. This resulted in the situation that the Governing Senate began to play a significant role in the development of legal regulation of public relations of the Russian state. Through its cassation decisions, the Senate served as an interpreter and developer of legislative norms.

The author has studied the influence of the Senate on the institutions of Russian law in the sphere of substantive civil law, civil procedural law and criminal law and analyzed the content of the norms formulated by the Governing Senate of the Russian Empire.

Key words: Senate, judicial reform, interpretation of law, legislative activity.

THE ORGANIZATIONAL-LEGAL FOUNDATIONS FOR MARTIAL LAW IN THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

N.A. Khridina

Khridina, Natalia Aleksandrovna – Candidate of Science (Sociology), Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law at the Far Eastern Academy of State Service (Khabarovsk).

E-mail: tufelka_80@mail.ru

The paper considers the organizational-legal foundations for introducing martial law in the USSR during the Great Patriotic War. The author provides analysis of normative acts that regulated the order of introducing martial law and the specific features of organization of governing bodies under martial law. The author points to the fact that preliminary legislative work for martial law began in the prewar period from the late 1920s. The institution of martial law was fixed in the Constitution in 1936 and came into force on the first day of the war. Extraordinary governmental authority was established and modified to meet the requirements of time and not considered in the pre-war plan.

Along with martial law the author analyses the institution of the state of siege. Its specific feature was that it was introduced in the most important regions of the front line-zone under immediate threat of being captured by the enemy. A state of siege imposed a more rigid legal regime compared to martial law.

During the period of strategic defense, "scorched-earth policy", the most severe of all the extraordinary regimes of martial law, was introduced in regions of fighting. According to the "scorched-earth policy", the Soviet population had to destroy all settlements so that the enemy could not use them.

The author comes to the conclusion that the experience of the Great Patriotic War allows us to consider martial law as the most important and consistent means of governance during wartime. The introduction of martial law led to a qualitatively new level of military-organizational work. This, in its turn, contributed to the victorious execution of the major tasks of defense of the country and defeat of the German-fascist troops by the Armed Forces.

Key words: state of emergency, martial law, state of siege, scorched-earth policy, military legislation, bodies of state administration.

ACTIVITIES OF THE GOVERNOR-GENERAL OF HIS IMPERIAL MAJESTY IN THE FAR EAST DURING THE RUSSO-JAPANESE WAR (1904–1905)

I.V. Chesnokov

Chesnokov, Ivan Vladimirovich – Post-Graduate Student of the Department "Theory and History of State and Law" at the Far East State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: ivan8707@inbox.ru

The paper gives a brief overview of the reasons for the establishment of a Governor-general administration as a special institution of government in the Far Eastern region of the Russian Empire. The paper contains the text of the Decree of the Emperor Nicholas II dated July 30, 1903 which defined the authority of the Governor-General. The telegram of V.K. Pleve, the Minister of Internal Affairs, explained that the Governor-general in the Far East possessed the same rights as the Governor-general in the Caucasus. Study of the authority of the Governor-general in different spheres leads to the conclusion that he personified the supreme power in administering all civil and border affairs in the territory of his jurisdiction. The Governor-general reported directly to the Emperor, and was assigned to the post and dismissed by the Emperor. Documents testify to the fact that the Governor-general made a considerable effort to work out the Regulations of Administration of the territories of the Far East. To elaborate these Regulations he appointed a special commission that consisted of military and civil departments.

Special attention is paid to the activities of the Governor-general during the Russo-Japanese War; the author cites response acts, and analyses the efficiency of the decisions adopted and their impact on the course of events in the theatre of war operations. The author comes to the conclusion that despite the Governor-general's timely response to the situation, he was not all-powerful, as the correlation of the military-economic potentials of Russia and Japan in the Far East was in favor of Japan. Underdevelopment of transportation communications prevented the redeployment of the required number of troops to the Far East at the proper time. The technical backwardness of the Russian Fleet was the major reason for the shattering defeat of Russia in the Tsushima naval battle.

***Key words*:** governor-general, legal status, authorities, Russo-Japanese war, Far Eastern region ruled by governor-general, executive power.

THE PROBLEMS OF THE FAR EAST

THE TAOIST CONCEPT OF LIFE

S.V. Filonov

Filonov, Sergey Vladimirovich – Candidate of Science (Philosophy), Doctor of Science (History), Professor of the Department of Chinese Studies at the Amur State University (Blagoveshchensk).

E-mail: sfilonov10@rambler.ru

The present study focuses on the description and analysis of the Taoist concept of life. The study utilizes data extracted from the early Taoist scriptures – *Tai dan yin shu* 太丹隱書 (CT 1330), *Jiu dan shan hua* 九丹上化 (CT 1382), *Ci yi jing* 雌一經 (CT 1313), *Zi-yang zhen-ren nei zhuan* 紫陽真人內傳 (CT 303), and some others. These sources represent a tradition which probably flourished in the South-Western regions of China in the Han period (B.C.III – A.D.III). From the author's point of view it was an organized but extra-institutional Taoist movement primarily concerned with visionary contemplation. In A.D. II the marginal variant of that movement took its institutional form as the Celestial Masters Taoism in Sichuan but in the second half of A.D. IV the central subtradition of the same movement passed through institutionalization development in the nearby prefectural town of Jurong, and this was the starting point of the public history of the Highest Clarity Taoism. The framework of the Taoist concept of life included three main parts: embryonic teaching, concept of transcendence and theory of the anthropological universe. "My destiny is my own and does not lie with heaven" was the leitmotif of Taoist longevity techniques. The visual contemplation was considered to be a mainstream of these techniques in the 3th– 6th centuries.

Key words: China, religion, Taoism/Daoism, Taoist Canon, early Taoist scriptures, Taoist concept of transcendence, Nine Heavens, Taoist medicine, embryonic knots, anthropological universe, visual contemplation.

道教, 道藏, 早期道教經典, 道教仙學, 九天說, 人類宇宙, 道教醫學, 胞結, 存思法

PROBLEMS OF COUNTERACTION AGAINST CRIMINAL EXTREMISM IN THE RUSSIAN FAR EAST

E.V. Alyokhin

Alyokhin, Egor Vladimirovich – Post-Graduate Student**,** Far East Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Khabarovsk).

E-mail: alechinev87@gmail.com

The annual growth of extremist crime is one of the specific features characteristic of present day Russia. Counteraction against extremism is one of the means that contribute to the reduction in the number of registered incidents of such crime and that calls forth the topicality of the problem under consideration. The recent situation requires monitoring the population and the staff of the law enforcement agencies of the Russian Far East (the courts, public prosecutor's offices, and internal affairs agencies). The monitoring conducted by the author accompanied by the analysis of criminal cases allowed the author to reveal the shortcomings in the mechanism of activities of the law enforcement agencies in the sphere of counteraction against extremism. It also allowed the author to work out priority measures aimed at improvement of the shortcomings revealed; to reveal the specificity of extremism in the Far Eastern region; and to formulate suggestions for the improvement of the current legislation. Research of public opinion in the Far East allowed us to corroborate the original hypothesis of the latency of extremist criminal acts. We were able to assess the activities of the staff of the law enforcement agencies in the sphere of counteraction against extremism in the Far Eastern region of the Russian Federation. We were also able to assess the degree of willingness among the population of the Far East to render assistance to the law enforcement agencies in the process of investigation of criminal acts of an extremist type and in the detection of such criminal acts. On the basis of the research conducted the author draws the conclusion that counteraction against extremism in the Far Eastern region of the Russian Federation should be accomplished in two directions: organizational and legislative. In the former case the counteraction measures must be directed to the proper organization of regular cooperation of the parties involved; in the latter case these measures must be directed towards the improvement of the legislation in force.

Key words: extremism, monitoring, extremist community, counteraction, law enforcement agencies.

SPECIFIC FEATURES OF THE ETHNO-CULTURAL IDENTIFICATION OF SAKHA STUDENTS

U.S. Borisova

Borisova, Uliana Semenovna – Doctor of Science (Sociology), Associate Professor of the M.K. Amosov North-Eastern Federal University (Yakutsk).

E-mail: ulsem@rambler.ru

The problem of ethnic identity of youth has remained a real problem as long as ethnic sociology has existed. In this article some results of sociological research carried out by the author in June 2010 are presented. The author researched 546 Sakha students of M.K. Amosov Yakutsk State University.

The research tools are divided into 3 units aimed at the following issues: detection of ethno cultural identification of respondents, determination of the features of cognitive and affective components of ethnic identity, and the state of international relations in Yakut society.

The author gave special attention to the analysis of the two main theoretical approaches which were formed in ethnic research in the early 1990s - primordialism and constructivism.

Sociological research has revealed that Sakha students possess all indications of developed ethnic consciousness: awareness of their ethnic community, and adherence to their native language, territory and national culture. The most important indicators of ethnic identification are: native language, proximity to traditional culture, appearance and family. In our opinion, the most important factor is the very close structure of ranks of the selected components. This fact allows us to say that ethnic identification occurs in accordance with a certain uniform scheme and that factors that "dilute" this scheme are absent. The overwhelming majority of young people are proud of their national identity. Young Sakha people want to have some possibilities for national self-expression and are predisposed to learn more about their culture, traditions and customs, and other peoples as well. Nevertheless, the inclusiveness of Sakha students in ethnic culture is not high.

In this article the author substantiates the demand for formation of the culture of international dialogue in higher school. These issues demand resolution of the problems of world outlook and behavioral level. The social institute of education possesses huge possibilities that help modern youth to designate their civil identity as citizens of Russia, thus preserving their identification with one or several cultures depending on their origin and place of residence.

Key words: ethno-cultural identification, students' youth, ethnic identity, sociological research.

THE POLITICAL OPINIONS OF ANTI-BOLSHEVIK OFFICERS IN THE ARMED FORCES IN SIBERIA AND THE FAR EAST DURING THE CIVIL WAR IN RUSSIA*

N.P. Buchko

Buchko, Nikolay Petrovich – Candidate of Science (History), Associate Professor, Head of Educational-Scientific Department at the Khabarovsk Military Institute, the Border Service of the Federal Security Service of the Russian Federation.

E-mail: buchko65@mail.ru

This article points to the character of policy reference of anti-Bolshevik officers of in Siberia and in the Far East, as viewed during the Civil War in Russia.

The underground military organizations and army groups occupied a special place in this process with the beginning of the formation of white forces in the East of Russia.

Socialist revolutionary ideas were introduced in the officer environment of the Siberian armies by their colleagues from the National army generated by Komuch (Committee of Members of the Constituent Assembly). Pro-socialist revolutionary political position was determined by the party officers based on democratic reforms in the country, the constituent Assembly, the dominance of the land office, and the rejection of dictatorship.

The official Omsk proclaimed the slogan "the army outside of policy" after Admiral A.V. Kolchak came to power. However, these measures did not resolve the existence of different political affiliations of the officers of the army of the Supreme ruler.

In the pro-monarchic environment were supporters of the establishment of a military dictatorship in the Civil war conditions which was considered as an initial stage on the way to restoration of the monarchy in Russia.

The liberal ideas proclaimed by the February revolution, had some influence on the White officers in the region. According to the ideas of Russian liberals a future political system, which would be a symbiosis of a constitutional monarchy and a presidential-parliamentary democracy could be drawn up for the country.

Of particular interest is the question of the availability of among the officers quarters of anti-Bolshevik forces in Eastern Russia, those who later adopted the Communist ideas. Of course, it is unlikely that the officers of the white forces in the region were open proponents of Bolshevism. However, it is known that the Communist views were not alien to part of the officer corps of anti-Bolshevik forces in Siberia and the Far East.

Thus, the political views of anti-Bolshevik officers in the armed forces during the Civil War in Eastern Russia were multisectoral. This reflects the state of Russian society, which went into political rivalry between irreconcilable opponents in a military confrontation, which weakened the country and caused it irreparable harm. All of this, as well as the restoration is essentially a policy of Kolchak, and contributed to the collapse of the anti-Bolshevik political front.

Key words: officer corps, the armed forms, army, anti-Bolshevik forces and political parties.

* Author's translation.

COMMUNITY LAND MANAGEMENT IN THE AMUR VILLAGE AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

O.B. Vakulenko

Vakulenko, Ol'ga Borisovna – Associate Professor of Humanities, Institute of Education Development of the Amur region (Blagoveshchensk).

E-mail: Vakulenko_Olga@mail.ru

The article is devoted to communal land tenure in the Amur region at the beginning of the twentieth century. Due to the absence of landlordism in the region communal land had a number of characteristics that were not typical for the European part of Russia: the absence of the peasants' right to quit the community; "mutual responsibility", unalienated plots; and the high taxation of peasant land.

The article deals with aspects of the Amur community as a unit of ground, which is sometimes associated with the emergence of egalitarian redistribution of land. The absence of redistribution under the rule of capture does not deny the right of the known role of the community in the land relations of the peasants. At the repartition, and concomitant relations and events, agrarian community functions had most striking and full expression. During the formation of the community its ground-regulatory activities were revealed in other forms such as the prescribed manner of sharing some of the land, and dealing with land disputes between farmers. The village community dealt with all the land affairs, the community orders expressed themselves in the existence of common pastures for cattle, the annual redistribution of mowing land shares, a communal using fields (pastures) and woods. The influence of the community could not help affecting the acts of alienation and lease of the land.

This article analyzes the nature of the land estates in the Amur region, which is proved by the different rates of allotment for the old-timers, newcomers and the Cossacks. There were no vestiges of feudalism in the Amur region which would impede the development of agriculture as in the European part of Russia. The absence of large landed estates and private land ownership helped to preserve the squatting system of appropriation of land, which caused the rapid growth of capitalism in the Amur country. All these factors explain the peculiarity of agrarian relations in the Amur region.

Key words: the Amur, old-timers, new settlers, a farming community, land redistribution, land capture.

DYNAMICS OF CHANGE OF THE ATTITUDE OF THE POPULATION TOWARDS THE HEALTH-CARE SYSTEM (BASED ON THE EXAMPLE OF THE KHABAROVSK KRAY)

I.A. Gareeva

Gareeva, Irina Anatolievna – Candidate of Science (Sociology), Associate Professor of the Department of Social Work and Psychology at the Pacific State University (Khabarovsk).

E-mail: gar_ia@mail.ru

The paper provides analysis of sociological research aimed at revelation of the changes in the attitude of the population towards the health-care system and the factors determining these changes.

The Russian health-care system and its reformation and modernization are based on the readiness of the population to accept the changes taking place, i.e. to internalize. It is important to know the attitude of different population groups towards the existing and changing health-care system.

The model of Aday L.A., Andersen R. was chosen as an approach. This model was employed as an analytical system and allowed us to assess the condition of the health-care system in accordance with two groups of parameters: characteristics of the health-care system and characteristics of consumers of health-care services.

Parameters of the health-care system were evaluated on the basis of repeated analysis of report documents provided by the health-care institutions and expert evaluation.

Characteristic of the health-care services consumers included as follows: consumer predisposition factors which determine their willingness and readiness to interact with the health-care system (demographic, socio-structural, system of conceptions and being informed about health and the capabilities of the health-care system); conditions that make possible resort to health-care services for a consumer. These capabilities are presented by individual and public resources that ensure access to the health-care system. Individual capabilities of access to the health-care system are determined by availability of insurance policies and capability of paying for medical services from one's own resources. Public resources were assessed through the provision of a residential area with medical infrastructure. The group of factors connected with the use of health-care services is measured by variables that characterize the consumer's perception and awareness of the need for medical assistance. Parameters that reflect perception of a man usually include the state of health being realized by a man, attitude towards health and the level of concern for health.

Key words: health-care system, modernization, processes of transforming, health of society, factors determining the change in attitude.

THE ROLE OF THE ARCHIVAL MARGINALITY IN THE TEXTUAL PRACTICE OF LITERARY STUDY OF THE FAR EAST ABROAD

A.A. Zabiyako

Zabiyako, Anna Anatolievna – Doctor of Science (Philology), Professor, Head of the Department of Literature and World Artistic Culture at the Amur State University.

E-mail: sciencia@yandex.ru

The author touches upon the problem of source study and textual analyses of marginal archival materials in the literary study of Russian Harbin. In particular, the article deals with the specificity of the materials from the archive of the Bureau for Russian Emigrant Affairs in Manchuria (BREM) stored in the State archive of the Khabarovsk Kray. Included are biographical materials of poets and writers, manuscripts of their journalistic articles, and denunciations written by secret agents of the Japanese police office.

BREM was established under the guidance of the pro-Japanese administration of the Manchukuo. Its purpose was, in particular, to track the moods and to control the activities of the Russian population of Manchuria. Rare source-study materials can be found in the so-called "forms". One can obtain information about the writers' lives before their emigration, get precise information about their dates of birth, and learn about their political beliefs.

In the file of Marianne Kolosova, who was a politically active ardent opponent of the Russian fascist party (RFP), all her manuscripts, newspaper articles against K. Rodzaevsky, and denunciations of her activities were gathered. These materials, in their turn, reveal the poetess's religious consciousness and make her image more complete through self-descriptions.

Masonic activities in Harbin under the auspices of the YMCA are also registered in the archive under research. In particular, in one of the denunciations one can read that Aleksey Achair the Masonic meetings, and leads from another denunciation, we learn that it is Achair's disciple Leo Grosse, who denounces him.

BREM forms also contain textual material especially concerning pen-names. For example, from Aleksey Achair's form we have explored, that "Innokenty Buranov", who appears in the Harbin press and addresses messages to Aleksey Achair – is Achair himself.

Thus, in spite of the repressive aims/objectives of BREM, its archive is nowadays one of the most valuable sources for the reconstruction of the realities of the literary process in Russian Harbin.

Key words: literature of the Far East abroad, archival marginalities, Bureau for Russian Emigrant Affairs in Manchuria, source study, textual analysis.

TYPES OF GREETINGS IN THE MODERN CHINESE LANGUAGE*

K.A. Ivanova

Ivanova, Ksenia Aleksandrovna – Post-graduate student of the Department of Chinese Studies of the School of Regional and International Research, Far East Federal University (Vladivostok)

E-mail: bai_ling@mail.ru

The article is devoted to the analysis of Chinese linguists' published works, which present greetings peculiarities of the modern Chinese language and type classifications of this etiquette device. Based on published works, the author of the article classifies Chinese greetings according to their lexical and semantical variety and the situation they applied in. The author offers a generalized and more detailed classification of Chinese greetings.

Greetings play the function of attracting attention and serve to start communication. Types of Chinese greetings are: commonly used; used for the first meeting; used for an informal visit; phone and public greetings.

Greetings may contain wishes, congratulations, compliments, apologies, and condolences. The main particularity of Chinese greetings is that addressings perform function of greetings. The content of greetings depends on the circumstances of communication (place of meeting, occupation of companion at the moment).

Key words: speech etiquette, greetings types, published works by the Chinese linguists.

ACTIVITY OF THE RUSSIAN SOCIETY OF THE RED CROSS IN THE PREPARATION OF JUNIOR AND INTERMEDIATE MEDICAL STAFF IN THE FAR EAST OF THE RSFSR IN THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

I.V. Krjukov

Krjukov, Ivan Vladimirovich – Applicant of the Department of National History at the Far Eastern State University of Humanities, Head of the Exhibition Department of Modern History at the Khabarovsk Territorial Museum of Regional Studies after N.I. Grodekov.

E-mail: ivan22-86@mail.ru

The article highlights one of the lesser-known aspects of the history of the Great Patriotic War - the work of the Russian Red Cross Society in the Far East in 1941-1945. The author reveals the main tasks of the organization, which included the training of medical personnel from the civilian population for the army, navy, and rear medical facilities, storage of blood, care of the wounded, etc. The different forms of activity of local people were shown obtaining medical skills through nursing courses, and sanitation squads, and a civilian training program "Ready for sanitary defense" and "Be prepared to sanitary defense", carried out in mass by red - cross societies. The dynamics of the numbers of the Red Cross Society can be traced throughout the period of the Great Patriotic War in certain territories of the Far East. Based on new data from the funds of the regional archives, the author draws conclusions on the extent of the medical – sanitary training of the Far Eastern population through the Russian Red Cross Society, and the role of local party and soviet authorities in the organization of sanitary-defense work. The author analyzes the qualitative indicators of the regional organizations of Russian Red Cross Society and the nature of the problems faced by them during the war, such as the state of logistics, lack of teachers, etc. The author pays special attention to the work of the Far Eastern Russian Red Cross Society during the war against Japan; and he covers the activities of members of sanitary squads to make preventive measures among the civilian population in the immediate rear, as well as in the situation of the front.

Key words: medico-sanitary training, Great Patriotic War, Far East, the Russian Society of the Red Cross, medical reserves, sanitary teams.

* Author's translation.

THE MODEL OF POLITICAL ORGANIZATION OF THE WHITE PRIMORIE (MAY 1921 – JUNE 1922)

D.A. Lyakhov

Lyakhov, Denis Alekseevich – Senior Research Officer of the Sector "History of the 17th – beginning of the 20th centuries" of the Khabarovsk Territorial Museum of Regional Studies after N.I. Grodekov.

E-mail: vispacem@list.ru

The paper examines the model of political organization of White Primorie in May 1921 – June 1922. In May 1921 the Administration of the Far East Republic in Primorie was liquidated as the result of a coup. Power was seized by a government headed by the brothers S.D. and N.D. Merkulovs. Based on the analysis of the program documents and legislative acts the paper shows the specific features of the political organization of the state that was being established in the region. The author thinks that under the pressure of the circumstances, the anti-Bolshevik forces had to make certain democratic concessions. This was expressed in the establishment of the Primorie People's Assembly in Vladivostok. The Assembly was allotted considerable powers and was elected through a sufficiently democratic law. This was considerably progressive according to the measures of that time and constituted the major difference of the Primorie governmental establishment from all other ant-Bolshevik. regimes that existed in the territory of Russia during the Civil war. At the same time it turned out that the Merkulovs' government had to take into consideration not only the position of the inner opposition but also the position of the interventionists, who had a substantial military contingent in the territory. Thus, the Japanese Command compelled the beginning of the so-called Khabarovsk march that led to the defeat of the White rebel. Democratic achievements of the regime were smoothed over by the military defeats and considerable economic hardship. Under the conditions of the continuing Civil war the existence of the opposition parliament became unacceptable to the authorities. In May-June 1922, the situation developed in an internal political crisis, which led to the resignation of the Merkulovs government. The defeat of the regime was in many respects determined by the discrepancy between the program guidelines and the real policy of the Primorie power authorities.

Key words: Civil war in the Far East, political organization, Merkulov regime.

THE CHINESE EAST RAILWAY AND KWANTUNG AREA AS OBJECTS OF RUSSIAN-CHINESE BORDER RELATIONS IN THE FAR EAST IN THE END OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

N.A. Makuha

Makuha, Nina Aleksandrovna – Candidate of Science (History), Senior Lecturer of the Department of Economy, Political Science, Sociology and Law at the Far East State University of Humanities (Khabarovsk).

E-mail: z21nina@yandex.ru

The article analyzes the impact of the construction of the Chinese Eastern Railway and the formation of the Kwantung region on Russian-Chinese border relations in the late 19th – early 20th centuries. This article shows the views of the Russian border administration, relating to political and economic processes taking place in the Amur region in the late 19th - early 20th centuries. It identifies the historical roots of the construction of the Chinese Eastern Railway, passing through the territory of Manchuria, and addresses the issue of acquisition for the Russian navy of an ice-free port, as well as problems associated with these processes. Throughout the article is the idea that poor transport infrastructure, low population and low mobility of the Russian armed forces led to the vulnerability of the military and economic point of view of the Russian Far East. In the event of war in the Far Eastern front there is a risk of loss by Russia of its territories. A major measure to strengthen its position in the Far East was the planned construction of the Trans-Siberian Railway. Due to the great technical difficulties associated with a harsh climate and the terrain of the Amur in 1895, Witte introduced a draft of the State Council, "The Manchurian option," which dealt with the acquisition of the concession to build a railroad across Manchuria to Vladivostok, and also to lease an ice-sea port in Korea or China, which caused a mixed assessment in the Amur region, and in St. Petersburg. Later requirements were developed in China, in the center of which was the question about renting territory in the south of Liaodong together with the ports, which became the end point of the Chinese Eastern Railway. In these circumstances, the Russian authorities needed to have constant control over the actions of the central government of China to promptly fix or paralyze activities that could threaten Russia's security in the Far East.

Key words: Kwantung area, Chinese Eastern Railway, Russian-Chinese border relations, Far East, Manchuria, ice-free port.

SOME PROJECTS FOR THE SOCIAL DEVELOPMENT OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE FAR EAST AND CONTEMPORARY PRACTICE IN THEIR REALIZATION

N.G. Mendelev

Mendelev, Natan Grigorievich – Candidate of Science (Sociology), Associate Professor, Professor of the Department of Legal Disciplines at the Khabarovsk Military Institute, the Border Service of the Federal Security Service of the Russian Federation.

The article is devoted to the problem of the organization of local self-government of the indigenous peoples living in the North of the Russian Far East. The institute of self-government is considered to be necessary for solving their socio-cultural problems under the conditions of market relations. Weakening of the state regulation has had a negative influence on the social situation in the regions of the compact residence of indigenous people. As is seen in practice, they have suffered from market reforms most of all. National roots and ethnic culture have been lost, traditional forms of labor have almost disappeared. Personal degradation has been progressive. It is underlined that federal and regional programs of economic and social development of indigenous peoples of the North are declarative and do not have a realization mechanism. A new version of existing laws that regulate the issues concerning the indigenous peoples has even made their situation worse. Analysis of the Russian experience of contractual relations between indigenous people and the state allows the author to emphasize that these relationships should be based on the subsidiary principle. There is an urgent need to reform and adapt the state support mechanism in accordance with the new conditions, to find new priorities and approaches to solving these problems. The perspective of this trend is that the contractual process as an alternative mechanism to budget financing will make it possible to gradually transfer the economy of indigenous people to self-development and self-sufficiency. That would mean transference from a paternalistic policy to a policy of partnership and realization of the subsidiary principle which is the source of preservation and self-development of smaller indigenous peoples of the North of the Far East.

Key words: smaller peoples, the North of the Far East, indigenous smaller peoples of the North of the Far East, socio-cultural problems of indigenous smaller peoples of the North of the Far East, social stratification of national settlements, communal self-government, subsidiary state.

CHARITABLE ACTIVITY OF RUSSIAN BUSINESSMEN IN HARBIN (THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY)

V.V. Romanova
T.G. Mamaeva

Romanova, Viktoria Viktorovna – Doctor of Science (History), Professor of the Department of Political History at the Far Eastern State University of Humanities (Khabarovsk).

Manaeva, Tatiana Gennagievna – Post Graduate Student of the Department of Political History at the Far Eastern State University of Humanities.

The article describes the charitable activity of Russian businessmen, its features and the contribution to public life of the Russian colony in Manchuria in the first half of XX century.

Favorable economic possibilities and an atmosphere of ethnic and religious tolerance created by Russian authorities and the administration of the road attracted enterprising people of the Russian empire. It promoted the fast formation and self-organizing of the Russian ethnic colonies in Harbin. In colonies the traditional communal organizations were created including charitable. Businessmen traditionally played an important role there. They also took an active part in all the city's arrangements. Throughout the first half of the 20th century political conditions and the authorities were changing in Manchuria. Nevertheless, irrespective of conditions the Russian businessmen aspired to conduct an active public life during the history of the Russian diaspora in Harbin.

Key words: Manchuria, Harbin, Russian entrepreneurship, ethnic colony, charity, Harbin Committee for Assistance to Russian Refugees, the Office of the Russian emigrants in Manchuria, Manchukuo.

THE FINANCIAL AND MILITARY AID OF THE ALLIES TO THE FAR EASTERN ATAMANS IN THE SPRING-SUMMER OF 1918

S.N. Savchenko

Savchenko, Sergey Nikolaevich – Candidate of Science (History), consultant of the Department for interaction with the Cossacks of the Administration for special programs under the Governor of the Khabarovsk Kray.

E-mail: swcos@mail.ru

This paper is devoted to research of the aid provided by Great Britain, France, the USA and Japan (the Allies of Russia in World War I) in the establishment, formation, armament and activities of anti-Bolshevik organizations and military detachments during the initial period of the Civil war in the Far East – in the spring-summer of 1918. The author gives his major consideration to the allies' organization of aid to the anti-Bolshevik detachments of the Far Eastern atamans – Special Manchurian detachment of the Cossack captain of the trans-Baikal Cossack army G.M. Semenov and Special Ussury Cossack detachment army ataman of the Ussury Cossack army captain I.P. Kalmykov during that period. During the formation of these detachments this aid became one of the most important factors that contributed to their organization, formation and armament. The author emphasizes that military and financial aid from the Allies determined the scale of the armed struggle against the Soviet Power in the region. At the same time the author notes that the Allies were far from being disinterested in their aid to anti-Bolshevik organizations including the Far Eastern atamans.

The author makes a conclusion about the importance of financial and military aid of the allies to the Far Eastern atamans that went a long way towards the formation and activities of the Cossack detachments and the overthrow of the Soviet Power in the Far East in the autumn of 1918.

Key words: Far Eastern atamans (Cossack chieftains), allies of Russia in the World War I, financial and military aid.

DYNAMICS OF PERSONAL HEALTH IN THE PROCESS OF A PROFESSIONAL'S FORMATION (for Professionals of the Far Eastern Region)

M.V. Sokol'skaya

Sokol'skaya, Marina Vyacheslavovna – Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department "Psycholody" at the Far East State Transportation University.

The article represents the results of an empirical study of personal health of professionals, in which operators – railroad workers of the Far Eastern branch of "Russian Railways" public corporation, and teachers of the Khabarovsk Territory took part.

In the process of becoming a professional, a person's health, as his integrative dynamic characteristic, undergoes regular changes, which has an effect on: the level of subjective well-being (at the stage of professional training the level of subjective well-being is higher than at the stage of professional development); in the areas of determination (external determination is dominant for freshmen and internal determination – for graduates and professionals); in personal characteristics (the professionals' level of anxiety is lower compared to students, but their level of discretion is higher, professionals pay less attention to non-professional activities and they tend to self-actualization to a lesser extent); in relation to the profession and the health (homogeneity of the semantic sphere of freshmen and professionals and the heterogeneity of semantic sphere of graduates which characterize their attitude to the profession and health); in the respondents' qualitative differentiation (the share of subjectively unfavorable respondents is getting lower, but the portion of those subjectively unstable is increasing significantly compared to students).

The personal health of professionals is provided: for first-year students – by the balance of desire for self-regulation and the need of family and friends' support; for graduates – by the balance of internal needs and external requirements; for professionals – by the balance of demand for personal fulfillment and the desire for professional achievements.

***Key words*:** personal health of a professional, a professional's personality, professional's formation, subjective well-being.

THE RAILWAY CADRE IN THE FAR EAST DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

I.P. Tesel'skaya

Tesel'skaya, Irina Pavlovna – Assistant of the Vice-Rector for Educational and Social Work of the Far Eastern State University of Humanities (Khabarovsk).

E-mail: tesirina@yandex.ru

On the basis of archival and published data the author considers the structural changes which happened among railway staff of the Far East during the Second World War, and the sources and forms of manpower training for trunk lines of the region. The author makes clear the role of patriotic initiatives that contributed to the mobilization of the railway domestic sources and the front line.

The successful fulfillment of military strategic and economic tasks by railmen depended on the condition of manpower and their engineering literacy level. Due to the military draft which sent brigades of qualified workers to the west there were significant changes in staffs of railmen. The number of women and youngsters, including teenagers increased on the railroads as well as in other enterprises of the country. The article cites the dynamics of changes in sex- and age-related railway staff of the region. This fact caused an increase in the accident and error rate. Throughout the war new replenishment could not make good the deficit of manpower dealing with train services (carmen, conductors, coal heavers, assistant station masters, etc.), highly qualified engineering manpower.

The manning of railroads was carried out by the following ways: centrally managed training (trade, railway, factorial schools) and individual training.

By the beginning of the Second World War the Far East appeared a remote home front but there was still a real military danger from the Japan. That is why trunk lines of the region were used to rail troops for learning during the standoff of the Far Eastern front line and the Kwantung army. Far Eastern railmen were also carrying out an important task processing and passing commodities to the USSR through the Pacific Ocean from the lend-lease arrangement.

The author emphasizes that despite difficult life and working conditions, and the lack of qualified specialists trunk lines workers of the Far East fulfilled assigned tasks of defensive and economic importance, and carried out new working initiatives.

Key words: the Great Patriotic war, Far East, railway system, mobilization, railway cadre.

CHARACTERISTICS OF THE MAIN PERIODS OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF KAMCHATKAN HISTORY (PROBLEMS OF INCORPORATION INTO RUSSIA, COLONIZATION AND HISTORY OF ITS PEOPLES)

N.V. Tolkacheva

Tolkacheva, Natalia Vladlenovna – Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy at the Kamchatka State Technical University.

E-mail: kamchatgtu@ kamchatgtu.ru

The paper characterizes the main periods of study of Kamchatka history by Russian historians.

The first period, from the 1730s to the end of the 18th century, is characterized by the formation of three major trends in historiography: official – (noble) (G.F. Miller, I.E. Fisher, I.K. Kirilov) who treated the history of joining of Kamchatka as conquest, educational (S.P. Krasheninnikov) who put forward the thesis of interference of cultures of the Russian and the native people and democratic (M.V. Lomonosov and A.N. Radishchev) who emphasized the role of people in the union and development of Siberia and admitted the generally peaceful character of this process.

In the second period (19th – beginning of 20th century) new trends formed along with the existing trends – liberal (bourgeois) (G.I. Spassky, S.M. Soloviev, A.S. Sgibnev, N.V. Sljunin, V.P. Margaritov), critical (P.I. Nebol'sin, S.S. Shashkov), regional (N.M. Yadrintsev, P.M. Golovachyov), populist (V.I. Iohelson, V.N. Tjushov) and Marxist (G.V. Plekhanov, V.I. Lenin). The base of sources and subjects of researches extended.

During this period historians P.A. Slovtsov and A.P. Shchapov together with regional trend representatives criticized the G.F. Miller scheme of colonization of Siberia (Kamchatka).

The third period – 1917–1991 is characterized by transition of historians to the positions of Marxist methodology. The first historians-Marxists (L.S. Ursynovich, P. Vasenko, and S.B. Okun') continued to adhere to G.F. Miller's scheme about the colonization of Kamchatka and saw only its fatal consequences. S.V. Bahrushin reconsidered G.F. Miller's scheme and specified the industrial development of Siberia by trading capital as the basic streamline of colonization. The thesis of V.I. Shunkov on labor colonization of Siberia, peaceful character of the process of joining became conventional, but with regards to the history of Kamchatka it is debatable.

The fourth period that started in the 1990s and is characterized by the growth of source base and search for the methodology and new subjects.

Key words: Russian historiography of the history of Kamchatka, discovering and joining Kamchatka to Russia, exploration/development of Kamchatka, indigenous peoples, theoretical-methodological approaches.

FORMATION OF STUDENTS' GENDER CULTURE AS A FACTOR OF HUMANIZATION OF EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN AGRARIAN UNIVERSITY (ON THE EXAMPLE OF THE FAR EASTERN STATE AGRARIAN UNIVERSITY)

S.G. Demchenko

Demchenko, Svetlana Gennadievna – Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages at the Far Eastern State Agrarian University (Blagoveshchensk)

The article deals with the actual problem of the state trends in the policy of humanizing professional education. It presents the prospects of humanizing the educational environment in the university by means of forming students' gender culture. The article aims to present the basic results of research in organizational-pedagogical conditions of formation of students' gender culture as a factor of humanization of the educational environment in the agrarian university. By definition the essence of this process is to improve the humanistic "self-concept" of the person in gender definiteness: the higher the students' level of gender culture, the greater the humanistic potential of the educational environment. The organizational-pedagogical conditions that ensure the effectiveness of the process under study are focused on the formation of students' gender culture, on the development of students' humanistic "self-concept" in its gender definiteness, the formation of students' gender culture in a specially organized training process and pedagogical extracurricular activities. The research is limited by local frameworks of the Agrarian University located in the Far East, based on the Far Eastern State Agrarian University (Blagoveshchensk).

Key words: humanization of professional education, formation of students' gender culture.

AUTHORS GUIDELINES

The journal publishes materials which have not been published before.

The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

Manuscripts of articles and other materials are to be recommended by the faculties of higher schools, laboratories and other structural divisions of scientific research institutions, research-methodological or academic conferences and seminars. Works by postgraduate students are accepted for publishing with references from their academic adviser.

The volume of the article should not exceed 1 publication base (40 000 printable characters). No more than three illustrations, diagrams or schemes can be placed within the article.

5. The following are the requirements for manuscripts submitted to the editorial board:

5.1. The materials submitted to the editorial board must be presented in electronic and in print format. The names of files must be specified in the printed copy. The text-based editor is Word. The materials should be signed by the author on the title page near the name of the author.

5.2. The title page of the article must contain the complex of the elements located on the page in the following order. At the top of the page the title of the article is printed in capital letters bold font. Surnames of the authors follow the heading and are printed by lower case letters. No other data is to be specified.

5.3. References should follow the body of the text in alphabetical order, first the sources in Russian language, then the sources in foreign languages. References to the cited sources, and notes should be incorporated in the text of the article, after the quotation in square brackets, with the number from the list of references. Bibliographical description of the source in the list of references is implemented in accordance with the rules of GOST 7.1-2003. Font and line spacing, is the same as in the article.

5.4. Margins: top – 2 cm; bottom – 2 cm; left – 3 cm; right 1 cm; the size of a paper – A4 (210×297 mm); font «Times New Roman» № 14; line spacing – 1.5.

5.5. Notes and quotations incorporated in the body of the text should be numbered consecutively.

6. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered. Manuscripts will not be returned.

7. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, scientific degree, academic status, place of work, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

8. An abstract of the article of 6-10 lines in Russian and English, the title of the article in English and the list of key words (no more than 15) are to be attached.

9. Please address the materials to the following address: 47, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021, Far Eastern State Transportation University (FESTU) Editorial board of the journal «The Humanities and Social Studies in the Far East».

E-mail: journal@festu.khv.ru

<mailto:journal@festu.khv.ru>.

Научное издание

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Научно-теоретический журнал № 1 (33) 2012

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

Редактор *А.А. Иванова*
Технический редактор *О.В. Сенчихина*

Подписано в печать 16.03.2012 г. Поз. 12.1. Формат 60×84$^{1}/_{8}$.
Уч.-изд. л. 29,4. Усл. печ. л. 27,3. Зак. 114. Тираж 500 экз.

Издательство ДВГУПС
680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.